МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024 **№ 87**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul);
Krasilnikov Sergey A., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University;
Luzyanin Sergey G., Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Андриянова Д.В., Пырх В.О. Тюремные инспекторы Западной Сибири и организация пенитенциарного ведомства в конце XIX – начале XX в. 5
Блейх Н.О. Дворянский кодекс чести народов Северного Кавказа: историческое наследие 14
Гулин К.А. Трансформация отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг.: предпосылки, содержание, последствия 22
Дамешек Л.М., Кружалина А.А. «В Сибири до последних пределов назрела нужда в неотложном введении земских учреждений»: Сибирская парламентская группа и земская реформа в Сибири 37
Костерев А.Г., Ким М.Ю. Идейные и организационные предпосылки открытия Томского института радиоэлектроники и электронной техники (1945–1962 гг.) 44
Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири в 1929 г. 52
Макаров И.В. Метрическая реформа в Барнаульском округе 59
Попов Г.Г., Раздина Н.В. Продразверстка и геоэкономика Советской России 66
Румянцева Е.Н. Социально-профессиональный портрет томского нотариуса в 1923–1944 гг. 77
Старков А.В. Органы советской юстиции в борьбе с антисоветской агитацией в тылу в начальный период Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области) 86
Федосов Е.А. Кубинская тема в визуальной пропаганде СССР и письмах советских граждан 96
Хайретдинова О.А. Корчма, кабак, кружечный двор как прародители ресторана: историографический обзор материалов Уфимского уезда XVII в. 104

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Адамкулова Ч.У., Айтбаев Ж.К., Данков А.Г., Джоробекова А.Э., Доскожаева А.К. Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016–2023 гг.) 114
Борисова А.А., Бабаева А.В. Судето-немецкая партия в Чехословакии: на пути к объединению с нацистской Германией (1933–1938 гг.) 121
Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. История международного наблюдения за выборами 129
Попов Ю.П. Реакция США на советско-западногерманские переговоры в рамках подготовки и подписания Московского договора 1970 г. 136
Yiyuan Xiang, Timoshenko A.G. Overseas Chinese as one of the main tools of Chinese soft power 144

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пашин С.С. К затянувшейся дискуссии об отмене кровной мести князьями Ярославичами 152
Воронин Д.В. «Славян должно прижать к стене» 159

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Романова Е.Н., Данилова Н.К., Алексеева Е.К. Антропология холода: культура питания коренных народов Республики Саха (Якутия) 165

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Andriyanova D.V., Pyrkh V.O. Prison inspectors of Western Siberia and organization of penitentiary department in the end of XIX – beginning of the XX century 5
Blejjkh N.O. Noble Code of Honor of the Peoples of the North Caucasus: Historical Heritage 14
Gulin K.A. Transformation of property relations in Russia at the turn of the 1980s–1990s: prerequisites, content, consequences 22
Dameshek L.M., Kruzhalina A.A. "In Siberia, the urgent need for the introduction of zemstvo institutions has matured to the last limits": Siberian Parliamentary Group and Zemstvo reform in Siberia 37
Kosterev A.G., Kim M.Yu. Ideological and organizational prerequisites for the opening of the Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology (1945–1962) 44
Kromer L.V. Participation of Komsomol in elections of village councils in Siberia 1929 52
Makarov I.V. Metric reform in the Barnaul district 59
Popov G.G., Razdina N.V. Prodrazverstka and geo-economics of the Soviet Russia 66
Rumyantseva E.N. Social and professional portrait of the Tomsk notary in 1923–1944 77
Starkov A.V. Soviet justice authorities in the struggle against anti-Soviet agitation in the rear during the initial period of the Great Patriotic War (on the material of Chelyabinsk region) 86
Fedosov E.A. The Cuban case as depicted in the USSR's visual propaganda and the Soviet citizens' letters 96
Khairetdinova O.A. Tavern, alehouse and pub as the source of the restaurant: historiographic review of materials from Ufa district of the 17th century 104

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Adamkulova Tch.U., Aitbaev Zh.K., Dankov A.G., Djorobekova A.E., Doskozhaeva A.K. A new stage in solving the problems of transboundary rivers in Central Asia (2016–2023) 114
Borisova A.A., Babaeva A.V. The Sudeten-German party in Czechoslovakia: on the way to unification with Nazi Germany (1933–1938) 121
Grishin N.V., Leenders A.M.R. History of international election observation 129
Popov Yu.P. The US reaction to the Soviet-West German negotiations of the preparation and signing of the Moscow Treaty of 1970 136
Yiyuan Xiang, Timoshenko A.G. Overseas Chinese as one of the main tools of Chinese soft power 144

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Pashin S.S. To the protracted discussion about the abrogation of the bloody revenge by the princes Yaroslavichi 152
Voronin D.V. "Slavs should be pressed against the wall" 159

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Romanova E.N., Danilova N.K., Alekseeva E.K. Anthropology of cold: food culture of indigenous peoples of Republic of Sakha (Yakutia) 165

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ ТЕХНИКИ

Фандо Р.А. Зарубежные стажировки российских зоологов. По материалам эго-документов А.Д. Некрасова 176

РЕЦЕНЗИИ

Белгородская Л.В., Грязнухин А.Г. История Гражданской войны в России через призму public history. Сухановский А.Ф. Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник. Архангельск: СК-Россия: СК-Столица. 2020. 485 с. 184
Калиновский В.В., Смирнов Н.Н. Трагедия православного духовенства на Тихом Дону. Рец. на кн.: Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии: сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой, свящ. Е.А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с. 188
Красильникова Е.И. Рецензия: Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности / под ред. О.А. Харусь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. 272 с. 193
Мауль В.Я. Невыученные уроки истории сквозь призму биографии Валериана Осинского – человека и революционера 197
Нечипорук Д.М., Горелко А.В. Рецензия: Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p. 203

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Fando R.A. Foreign internships of Russian zoologists. Based on the materials of A.D. Nekrasov's ego-documents 176

BOOK REVIEW

Belgorodskaya L.V., Gryaznukhin A.G. The history of the Civil War in Russia through the prism of public history. Sukhanovsky A.F. Bayonet decides. War Diary. Frontline diary. Arkhangelsk: SK-Russia: SK-Capital. 2020. 485 p. 184
Kalinovsky V.V., Smirnov N.N. The tragedy of the Orthodox clergy on the Quiet Don. Review on the book: Church on the Don during the Civil War 1918–1919. Investigations of the Special Commission: Collection of documents / ed. Yu.A. Biryukova, priest. E.A. Ageev. Volgograd: PrintTerra-Design, 2022. 392 p. 188
Krasilnikova Ye.I. Review: Integrational and disintegrational potential of identity in history and contemporary world / ed. by O. Kharus. Tomsk: Tomsk State University Press, 2023. 272 p. 193
Maul V.Ya. The unlearned lessons of history through the prism of biography Valerian Osinsky – a man and a revolutionary 197
Nechiporuk D.M., Gorelko A.V. Review. Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p. 203

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 343.82 (571.1) "18/19"
doi: 10.17223/19988613/87/1

Тюремные инспекторы Западной Сибири и организация пенитенциарного ведомства в конце XIX – начале XX в.

Дина Владимировна Андриянова[1], Виктория Олеговна Пырх[2]

[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[2] Тюменский государственный медицинский университет Минздрава России, Тюмень, Россия
[1] andrijanowa@gmail.com
[2] viktoriya.pyrkh@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка исследовать профессиональную деятельность тюремных инспекторов Западной Сибири конца XIX – начала XX столетия в связи с изменениями в региональном управленческом аппарате. Анализируются основные направления службы данных чиновников, большое внимание уделяется положению тюремных сотрудников в период трансформации пенитенциарных институтов. Исследован круг обязанностей инспекторов, показано, что он был широким – от тюремных ревизий до комплектации арестантских библиотек.
Ключевые слова: тюремная инспекция, губернское управление, Сибирь

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», https://rscf.ru/project/23-18-00268/, реализуемый на базе Тюменского государственного университета (руководитель проекта – Е.А. Крестьянников).

Для цитирования: Андриянова Д.В., Пырх В.О. Тюремные инспекторы Западной Сибири и организация пенитенциарного ведомства в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/87/1

Original article

Prison inspectors of Western Siberia and organization of penitentiary department in the end of XIX – beginning of the XX century

Dina V. Andriyanova[1], Viktoriya O. Pyrkh[2]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[2] Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation
[1] andrijanowa@gmail.com
[2] viktoriya.pyrkh@mail.ru

Abstract. The purpose of the article consists in studying of a position of provincial prison inspector in the regional administrative apparatus and in researching of local prison inspection's activity. Using microhistorical approach, structural-functional method and methods of retrospective and discourse analysis, the authors made an attempt to analyze the stages of the creation of the prison institution in Western Siberia and the scenarios of its transformation. The historical sources involved in the research including periodicals, sources of personal origin, documents of governmental agencies, archive materials and works of historians and publicists allow us to provide an overall pattern of provincial prison inspections' functioning. A logical consequence of the creation of a central prison institute was the gradual formation of provincial prison departments. Due to a number of favorable factors, the prison inspection bodies (as part of the provincial governments) were formed in 1892 in the Tomsk Governorate. In other regions of Siberia, including the Tobolsk Governorate, these regulations became effective only in 1895. The prison departments were headed by provincial prison inspectors, who held a much higher position than another heads of departments. In this regard, they were almost on the same level as the vice-governor. The authors conclude that the inspection of prisons was sufficiently extensive, ranging from inspection of penitentiaries, detention houses and transit points, control of their sanitary conditions and technical equipment, to the staffing of prison schools, churches and libraries. The West Siberian prison inspections played an important role in the production and organization of convict labor, which served as an integral part of the penitentiary process of criminal forces. The philanthropic feelings were also not alien to prison officials – a lot of work was invested by the inspectors in the development of trusteeship and charitable institutions, maintaining corporate identity within the prison department, expanding official relations at the all-Russian and international level. These prison officers played a significant role in the systematization of penitentiary regulations. Despite the fact that the thesis of the need for the

© Д.В. Андриянова, В.О. Пырх, 2024

existence of the prison inspections was questioned in official circles, it still survived the onslaught of criticism, proving the expediency and effectiveness of its activities, developed its own scenarios for functioning during the period of revolutionary unrest and social transformations.
Keywords: prison inspection, provincial government, Siberia

Acknowledgements: The research is executed at expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00268; the project "Justice in the system of security maintenance and in the integration processes of the periphery regions of the Russian empire (the 18 – beginning of the 20 centuries)", https://rscf.ru/project/23-18-00268/, is realised on the base of Tyumen State University (head of the project – E.A. Krestiannikov).

For citation: Andriyanova, D.V., Pyrkh, V.O. (2024) Prison inspectors of Western Siberia and organization of penitentiary department in the end of XIX – beginning of the XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/87/1

Один из механизмов управления монархическим государством – уголовно-исполнительная система. Важнейшим условием эффективного функционирования пенитенциарных учреждений выступала удовлетворительная организация тюремного персонала, которая делилась на центральное управление и местное. При выстраивании траекторий центрального управления тюрьмами большое внимание обращалось на единство тюремных установлений. Все тюрьмы государства суть места исполнения наказаний, назначаемых по общему правилу закона, поэтому было необходимо, чтобы во всех пунктах государства закон исполнялся по возможности одинаково. Российский юрист профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий в 1889 г., описывая положение тюремного ведомства, отмечал необходимость единообразного устройства и общей государственной инспекции мест заключения: «В России до 1879 г. во главе тюремного управления стояли Министерство внутренних дел и Высочайше учрежденное попечительное о тюрьмах общество, создавшееся в 1819 г. под влиянием филантропических идей Гауарда. В 1879 г. в составе Министерства внутренних дел образовалось Главное тюремное управление, состоящее из Совета и управляющего тюрьмами. Совет имеет значение частью законодательного, частью совещательного учреждения; в компетенцию Совета входят также все меры административного свойства по вопросам текущего управления; управляющему принадлежат непосредственно управление и надзор за всеми местами заключения через тюремных инспекторов; задача последних состоит в том, чтобы объезжать все места заключения империи и представлять о них отчеты, на основании которых и принимаются соответствующие мероприятия» [1. С. 426–428].

Тюремные надзорные органы Западной Сибири еще не подвергались полноценному исследованию. Так, в работах О.В. Воронина [2] и В.И. Алексеева [3] тюремная инспекция изучается лишь как один из элементов исполнительной системы, при этом авторы не дают полного анализа сибирского надзорного органа и упускают региональную специфику. В работах В.В. Гермизеевой [4] и А.В. Палина [5] тюремные отделения рассматривались в контексте преобразований губернского бюрократического аппарата, поэтому основной упор исследователи сделали на кратком обзоре формирования тюремных отделений и характеристике их деятельности в пореформенное время (1895–1917). Д.Р. Тимербулатов обзорно затрагивает деятельность тобольской губернской тюремной инспекции до революции 1917 г., делая акцент исследования преимущественно на периоде Гражданской войны [6]. Исследование социально-культурных характеристик, материального положения служащих пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX – начале XX в. являлось целью работы Д.В. Волошина и Е.Г. Михеенкова [7]. Общая характеристика профессиональных качеств и функционала чиновников тюремной инспекции в контексте управленческой иерархии содержится в исследовании О.Н. Бортниковой [8. С. 115–118].

С самого начала своей работы Главное тюремное управление (ГТУ) вело работу по упорядочиванию делопроизводства о тюрьмах на местах. Поэтому для увеличения власти губернских тюремных инспекторов и их значения в качестве главных начальников пенитенциарных учреждений в губерниях [9. С. 481–482] законом от 21 марта 1890 г. [10] в губернских управлениях должно было создаваться особое тюремное отделение во главе с тюремным инспектором, в обязанности которого входил надзор за состоянием тюремного дела в регионе. В отделении сосредоточивались все дела по частям тюремно-арестантской и пересыльной, по исполнению судебных приговоров в пределах установленной действующими законами подведомственности этих дел губернаторов и губернских правлений. Данные установления предполагалось распространить со временем на всю территорию империи, однако в 1891 г. они должны были начать действовать только в пяти губерниях (Екатеринославской, Казанской, Лифляндской, Орловской, Херсонской), имеющих важное значение в тюремном отношении как по количеству мест заключения, так и по числу арестантов. Однако вскоре от начальников большинства губерний стали поступать доклады о необходимости введения во вверенных им регионах подобных установлений.

Так, например, томский губернатор Г.А. Тобизен отмечал, что «…без инспекции он не имеет средств к требуемой и ожидаемой от него правильной постановке тюремного дела в губернии, крайне обширного и совершенно исключительного по направлению и первоначальному сосредоточению всей сибирской ссылки, так как не может рассчитывать на содействие чинов губернского правления, не обеспеченных даже в материальном отношении» [11. С. 128–136]. Вняв ходатайствам губернатора, Томскую губернию также включили в список регионов, где появились новые тюремные установления [12]. Таким образом, в новое тюремное отделение, которое непосредственно исполняло функции тюремной инспекции, были переданы дела Экспе-

диции о ссыльных, тюремного комитета и Попечительского о тюрьмах комитета, также сюда передавалась из распорядительных отделений вся переписка, касающаяся пенитенциарного дела в губернии. Важно отметить, что новое тюремное отделение находилось на особом положении, поскольку не входило в частное губернское правление, а подчинялось напрямую губернскому совету и губернатору, что исключало дополнительное делопроизводство; рассмотрение дел, подведомственных губернскому совету, сразу разбиралось в нем при участии начальника губернии, исключая другие инстанции, как это было положено для других отделений, кроме новообразованного строительного, по образцу которого и было подчинено тюремное.

Тобольская губерния также относилась к числу территорий, где количество ссыльных и ссыльнопоселенцев было существенным по сравнению с коренным населением (в городском обществе около 60 %, в сельской местности 13%), но тем не менее не получила в это же время возможности упорядочить по примеру Томской губернии свои тюремные учреждения вплоть до 1895 г., вероятно, по ряду причин, к которым относились в первую очередь «затруднения финансового свойства», безынициативность местных властей, а также постепенное изменение ссыльного тракта (сооружение железнодорожной ветки до Томска), влияющее на уменьшение населения Тобольской губернии. Ранее ссыльных доставляли по железной дороге только до Тюмени, а отсюда необходимо было этапировать их другими средствами, что существенно продлевало их нахождение в Тобольской губернии. Необходимость отписываться по большому количеству жалоб, устраивать дополнительные проверки, заниматься жизнеобеспечением ссыльных до их дальнейшей отправки и пр. – все это существенно затрудняло деятельность тобольских тюремных учреждений до строительства новых железнодорожных путей [13. С. 7–8].

Введение тюремных инспекций на всей территории Сибири произошло только в силу преобразований всего бюрократического аппарата согласно реформе 1895 г. [14], основной целью которой было упорядочивание штата и делопроизводства губернского управления, что касалось и тюремных учреждений. Согласно штатному расписанию [15], наравне с другими в состав губернского управления вошло тюремное отделение, где под председательством губернского тюремного инспектора служили его помощник, секретарь отделения и два делопроизводителя.

Также по установлениям 1895 г. тюремные отделения сохраняли общий функционал, однако более точно он был прописан в инструкциях каждого губернатора, которые последовали чуть позже для разъяснений законодательства. Как правило, общее для всех губернских тюремных отделений делопроизводство можно было разделить на три группы: во-первых, это дела, касавшиеся административных вопросов, таких как определение и перемещение тюремных чиновников, представление их к наградам и орденам, пенсиям и пособиям, рассмотрение дел о проступках и предание их суду и пр.; во-вторых, ведение бухгалтерских и сметных исчислений – составление сметы по тюремной части и движение кредитов, ведение бухгалтерских книг по государственным кредитам и специальным средствам ГТУ, выдача пособий из ссыльно-поселенческого капитала и пр., в-третьих, непосредственно дела, касавшиеся содержания исправительных учреждений и заключенных, а именно ревизия тюрем и арестных домов, переписка по жалобам арестантов на действия администрации и стражи, составление отчетов по арестантским работам, наблюдение за выбором книг для арестантских библиотек, постройка вышек, проволочных заграждений и сигнализации в местах заключения, определение арестантских детей в приюты, заготовление арестантской одежды и обуви для местных ссыльных и пересыльных арестантов, содержание зданий ссыльно-политических богаделен и продовольствие подозреваемых, отправка в Восточную Сибирь лиц, ссылаемых по приговорам крестьянских обществ, дела о разрешении браков арестантам, применении к ним манифестов и освобождении от ссылки, исполнение требований судебных мест и должностных лиц. В инструкциях упоминалось и о делопроизводстве, которое велось непосредственно в губернии. Так, например, в Томской губернии на отделение также возлагались ведение переписки по обществу «Патронат», по содержанию Новониколаевского отделения томского тюремного замка, организация перевозки арестантов и конвоя между Томском и Бийском и пр. [16. Л. 17–22; 17. Л. 7–189 об.].

Губернский тюремный инспектор, исполняя управленческие и надзорные функции, входил в состав Общего присутствия губернского управления (коллегиальный орган при губернаторе, который состоял из глав отделений канцелярии и вице-губернатора, на региональном уровне имел совещательные и законодательные функции). Должность губернского тюремного инспектора относилась к пятому разряду по должности и третьему разряду по пенсии, что ставило его в один ряд с вице-губернатором. Окладное содержание и столовые деньги, согласно штатному расписанию, составляли 2 500 руб. в год, что было выше оклада других начальников отделений – врачебного инспектора (1 800 руб.), губернского инженера (1 500 руб.), советников (2 000 руб.) и чиновников по особым поручениям (1 500 руб.), и свидетельствует об особом положении тюремных инспекторов [15].

Помощник тюремного инспектора мог также по необходимым вопросам участвовать (с правом совещательного голоса) в заседаниях Общего присутствия и исполнять обязанности инспектора в случае его болезни или отсутствия, а также представлять его в поездках по губернии. Секретарь следил за входящей и исходящей документацией. Как правило, тюремное отделение делилось на три стола (делопроизводства), в которых под руководством делопроизводителей трудились переписчики (писцы), машинистки, курьеры и другой вспомогательный персонал. Распределение канцелярских служителей было возложено на начальника губернии, в связи с чем количество персонала могло год от года разниться по разным причинам. Так, например, в 1895 г. в Тобольске служили 5 писцов, в 1898 г., согласно отчетам, в отделении числилось 11 канцеляр-

ских чиновников и служащих, причем один выполнял функции бухгалтера, в Томске в 1897 г. – всего 6, а в 1905 – уже 14 [17. Л. 21 об., 57; 18. Л. 98–99].

За хозяйственным обеспечением деятельности тюремного отделения следил один из канцелярских служащих, на которого были возложены обязанности бухгалтера по тюремному ведомству, что также выгодно отличало это отделение от остальных в канцелярии губернского управления, поскольку все хозяйственные дела в других отделениях были переданы в специальное – хозяйственное (общее) – отделение. Финансовая обеспеченность отделения складывалась из двух сметных расписаний – по общей смете губернского управления и по смете ГТУ. Их этих сумм оплачивались покупка канцелярии, бланков, отопление, освещение. Так, в тюремном отделении Тобольского губернского управления (в одном из первых) появилась первая пишущая машина с гектографом «Космополит». Однако, несмотря на сравнительно неплохое финансирование, губернский тюремный инспектор в отчете отмечал, что «обстановка канцелярии и кабинетов (здания бывшей Экспедиции о ссыльных)… оставляет желать лучшего… Недостаток средств губернского управления не позволяет обновить мебель, еще хорошо помнящую начало прошлого столетия» [13. С. 6–7].

Поскольку тюремное отделение входило в состав губернского управления и находилось в прямом подчинении губернатора (согласно Положению от 1 июня 1895 г.), то губернский тюремный инспектор также подчинялся непосредственно Министерству внутренних дел. Однако уже в декабре 1895 г. ГТУ было передано в ведомство Министерства юстиции. При этом в законе указывалось, что тюремная деятельность «на местах и установленный порядок отношений различных органов к местам заключения и управлению ими оставались без всякой перемены за исключением лишь обращения… вместо министра внутренних дел к министру юстиции, по Главному тюремному управлению» [19]. Также было подтверждено, что тюремные отделения на местах сохраняют установившийся порядок управления и взаимодействия с другими административными учреждениями, а также формы и принципы практической работы, несмотря на то что с этого дня они подчинялись Министерству юстиции по ГТУ [20. Л. 4–8].

Однако, анализируя законодательство, можно говорить о том, что этот закон привнес существенные изменения для тюремных инспекторов, поставив их в двойное подчинение – по закону от 13 декабря 1895 г. Министерству юстиции, а по положению от 1 июня 1895 г. Министерству внутренних дел (поскольку тюремное отделение по-прежнему входило в состав канцелярии губернских управлений). Это привело к тому, что вице-губернатор как глава всей канцелярии губернатора потерял права ознакомления и контроля всего делопроизводства и теперь узнать о ходе ведения дел мог только на заседании Общего присутствия губернского управления или по специальному запросу относительно конкретного дела, не имея представления об общем содержании.

В 1910 г. в ходе проверки деятельности Томского губернского управления член Совета министров внутренних дел, бывший иркутский губернатор И.П. Моллериус отметил, что двойное подчинение значительно усложняет переписку между отделениями канцелярии губернского управления, поскольку она «выполняется по инерции, как раньше», до реформы 1895 г., когда они еще не являлись единой структурой. Он предлагал пересмотреть правовое положение тюремного отделения, что позволило бы устранить существенный объем делопроизводства [21. Л. 4]. Однако этот вопрос так и не был решен вплоть до коренных преобразований 1917 г.

Целесообразность существования тюремной инспекции нередко становилась камнем преткновения в дискуссиях тюремных экспертов. Идея упразднения данного института с возложением ее функций на плечи прокуратуры прозвучала в январе 1905 г. на Киевском съезде русской группы Международного союза криминалистов. В своем докладе А.В. Витте – человек, в одинаковой степени достигший карьерных высот как в тюремной, так и в прокурорской службе и состоявший на тот момент в должности председателя Томского окружного суда, – объяснял свой замысел необходимостью сближения пенитенциарного и судебного ведомств, а также бóльшего вовлечения судебных деятелей в процесс тюремного управления. А.В. Витте сделал упор на зарубежный опыт, отмечая, что «если ни одно государство в мире до сих пор не могло позволить себе роскоши иметь в каждой провинции особого тюремного инспектора, то у бедной России и подавно вряд ли когда-нибудь найдутся на это лишние деньги». Осуществление данного преобразования, по его подсчетам, не повлекло бы за собой колоссальных финансовых затрат: с упразднением тюремных инспекций и арестантских столов губернских и областных правлений освободилась бы крупная сумма, достаточная для расширения личного состава прокуратуры и ее канцелярских нужд [22. С. 7–22]. Концепция А.В. Витте, которая впоследствии оказалась нереализованной, разбилась об аргументы авторитетного криминалиста Н. Лучинского. Передачу полномочий тюремной инспекции в руки прокуроров исследователь счел неосуществимым предприятием: «“Новое дело, полное захватывающего и высокого интереса”, для судебного ведомства, и без того заваленного своим собственным, кровным делом, оказалось бы явно непосильным бременем или по необходимости превратилось бы в ненужный и бездеятельный придаток, заранее осужденный на полную атрофию». Правовед сделал сравнительный анализ финансовой части в тюремном хозяйстве инспекционных и неинспекционных губерний, указав, что в первых значительно экономились денежные средства и усовершенствовалась постановка арестантского труда, а сами заключенные получали заработок в шесть раз больше тех, кто отбывал наказание в тюрьмах, неподконтрольных инспекторам [23]. Позиция Лучинского нашла свое отражение и на страницах отчета о деятельности ГТУ за 1910 г., где составители отметили стремительное и успешное распространение института тюремной инспекции, «блестящим образом доказавшего безусловную свою необходимость для улучшения постановки тюремного дела во всех его

отраслях и в особенности по хозяйственной части и по развитию арестантских работ» [24. С. 9].

В Западной Сибири губернская тюремная инспекция также сыграла важную роль в развитии арестантского труда. Благодаря ходатайству тобольской тюремной инспекции уже в самом начале ее существования ГТУ отпустило местным тюрьмам сумму в 5 000 руб., распределив 2 000 руб. на приобретение машин и инструментов и 3 000 руб. на открытие собственного склада материалов, необходимых для функционирования тюремных мастерских [25. С. 177–178, 180–181]. Большой вклад в постановку арестантских работ тогда внес А.Э. фон Гофланд – чиновник, сумевший в разное время возглавить тюремную инспекцию в трех сибирских губерниях – Тобольской, Томской и Енисейской [26. Л. 10 об.–11, 26 об.–27]. Серьезных успехов в организации труда заключенных он добился уже в начале своего карьерного пути в роли тобольского тюремного начальника. В марте 1895 г. он ходатайствовал об открытии на городском базаре специальной лавки, где изделия, выполненные руками арестантов, должны были найти своего покупателя. Лавка открылась осенью этого же года и за первый месяц позволила выручить 413,11 руб., приняв вдобавок заказов еще на 162,1 руб. Расходы по устройству лавки окупились в первую же неделю после ее открытия, поэтому задумка чиновника оказалась не только оригинальной, но и выгодной [25. С. 177–178; 27]. Свои управленческие навыки А.Э. фон Гофланд снова продемонстрировал в 1896 г., когда ему удалось добиться открытия и обустройства ручной суконной фабрики, располагавшейся при Тобольской тюрьме № 1 [28. Л. 16]. Сукно, признанное высококачественным в ГТУ, использовалось для изготовления арестантской одежды по всей губернии, обеспечивая этим экономию для пенитенциарного ведомства. Первое время из-за недостатка материалов заказчикам из других точек империи приходилось встречать отказы со стороны фабрики. Однако это затруднение не смутило А.Э. фон Гофланда, увидевшего в скором времени большие возможности своего предприятия. «Начатое мной с Божией помощью дело дало прекрасные результаты, более ста человек круглый год заняты ежедневно внутренними работами только на фабрике, не считая других мастерских, и мне остается только пожелать развития на более широких началах этого полезного во всех отношениях производства», – восторженно писал тюремщик в общероссийском издании «Тюремный вестник» [29. С. 456–457].

Фабрика стала не последним успешным шагом чиновника в улучшении арестантского быта. Ассигнования губернской администрации и старания тюремщика позволили не раз представить общественности продукты труда сибирских каторжан. «За очень хорошие столярные работы и за сукно» возглавляемая А.Э. фон Гофландом тюрьма была награждена серебряной медалью на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Санкт-Петербурге, а тюремщик удостоился «всемилостивейшей признательности» от самой императрицы. Ко времени своего вступления в ряды тобольской тюремной инспекции А.Э. фон Гофланд уже изучил все тонкости арестантского труда и обладал нужными знаниями для качественной постановки дела. Для ревизии тюрем он отправлялся в разные части Западной Сибири, где параллельно повышал эффективность арестантских работ [26. Л. 5 об.–8, 12 об.–13]. Прожившие в Тобольске более 16 лет чиновник и его супруга, на счету которых числилось также членство в тобольских сиропитательном приюте для арестантских детей и дамском тюремном комитете [30], переехали в Томск и затем на восток Сибири, где с тем же энтузиазмом продолжили приносить пользу тюремному делу. Так, за увенчавшиеся успехом хлопоты по организации тюремного отдела на Первой Западно-Сибирской выставке в Омске, состоявшейся летом 1911 г. (на места заключения Томской губернии пришлись одна золотая и три большие серебряные медали) инспектору А.Э. фон Гофланду выразил искреннюю благодарность томский губернатор, ходатайствовавший спустя два года в ГТУ о награждении инспектора медалью «за усердное и энергичное отношение к служебным обязанностям» [26. Л. 17 об.–18, 155]. Семья А.Э. фон Гофланд принимала живейшее участие и в работе местных попечительных тюремных комитетов, покровительствовавшего вышедшим на свободу лицам томского общества «Патронат», попечительствовала в приюте для арестантских детей в Красноярске, и это далеко не полное описание их вклада в общественную жизнь сибирской окраины [31. С. 100–101, 129; 32. С. 97; 33. С. 52].

Как показывает профессиональная деятельность томских инспекторов, филантропия являлась неотъемлемой частью их служебного быта. Так, среди заслуг инспектора П.К. Вихмана, занимавшего должность в конце 1890-х гг., следует назвать участие в работе местного общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [34], введение в тюрьмах губернии обучения грамоте арестантов и чтения для них книг духовно-нравственного и исторического содержания, а также усиленное создание благоприятных условий для арестантского труда [35. Л. 37 об.]. Один из его преемников, П.В. Тихомиров, годами позже активно организовывал и возглавлял собрания тюремного «Патроната» [36]. В 1904 г. благодаря стараниям инспектора А.А. Захарова при Томском загородном исправительном арестантском отделении свои двери открыло частное начальное училище, предназначенное для детей тюремных надзирателей. Чиновника всерьез беспокоило, что из 40 чад более половины, многие в силу отдаленности надзирательских квартир от городских школ, теряли возможность получить образование [37. Л. 4–4 об.; 38]. Этот же инспектор оказывал посильную помощь проживающим в городе ссыльным с Сахалина, вынужденным покинуть штрафную колонию на фоне конфликта России с Японией. Присутствовавший в ноябре 1905 г. на собрании комитета Красного Креста Захаров поднял вопрос о финансовой поддержке сахалинцев и их детей [39].

Когда мундир тюремного ведомства попадал под усиленный град революционных пуль, сибирская инспекция прилагала все силы, чтобы сплотить сослуживцев в трудный для них час. Траурные процессии, где отдавали дань памяти погибшим тюремщикам,

нередко сопровождались сильной надгробной речью тюремного инспектора, призывавшего коллег не падать духом и не терять мужества. Глубокий след наверняка оставила в сердцах тюремщиков речь главы томской инспекции, произнесенная в 1913 г. на похоронах мариинских надзирателей. Это был не просто пафосный монархический лозунг, а напутствие о сохранении в душе нравственной чистоты. «Не мстите арестантам за смерть товарищей, злодеи будут разысканы, преданы суду и, таким образом, закон воздаст им за содеянное. Относитесь и впредь к арестантам, согласно закону и инструкции, справедливо… Желаю вам здравия, нести с Божией помощью тяжелую нашу тюремную службу, а нашим спящим в могиле сослуживцам “вечная память”» – увещевал чиновник [40].

Не только печальные события становились объединяющим началом для тюремных инспекторов и их коллег, а также поводом продемонстрировать свои подчас блестящие ораторские способности. Юбилеи и дни рождения, проводы сослуживцев, светские и церковные праздники собирали многих чиновников тюремного, судебного ведомств и губернской администрации. В 1910 г. редакторы «Тюремного вестника» не обошли вниманием празднование 25-летия службы двух томских надзирателей, описав его так: «Губернский тюремный инспектор А.Э. фон Гофланд, поздравив команду с праздником, сказал прочувствованную речь, отмечая, как приятно видеть людей, прослуживших на тюремной службе, не боясь трудов и лишений, по двадцать пять лет; поставив остальным в пример службу обоих надзирателей, инспектор выразил пожелание и надежду, что и другие его сотрудники не побоятся тягостей тюремной службы и будут верой и правдой служить царю и Отечеству. На провозглашенную инспектором здравицу за государя императора и весь царствующий дом надзиратели и все присутствовавшие на торжестве лица ответили троекратным “ура”. Вслед за инспектором несколько слов сказал юбилярам начальник Томского № 1 исправительного арестантского отделения Леонович, вручивший обоим надзирателям подарки в память об этом дне: массивные серебряные часы с такой же цепочкой и брелоком с соответствующей гравировкой на крышке часов, купленные на собранные между чинами администрации губернии, а также начальниками мест заключения и их помощниками, деньги» [41]. Столь же сердечный характер носили проводы томского инспектора Н.П. Билим в тюремное ведомство Херсонской губернии. В помещении Общественного собрания в августе 1909 г. сослуживцами был устроен прощальный обед, и спустя несколько дней утренним поездом чиновник отбыл осваивать новое место и должность. В память о совместной службе покидавшему Сибирь чиновнику торжественно преподнесли выполненную на вокзале фотографическую карточку, где его запечатлели с томскими коллегами [42].

Временами корпоративность губернских тюремных инспекторов расширяла свои границы и выходила на всероссийский уровень, позволив и сибирским чиновникам совершать обмен знаниями, мыслями и взглядами с сослуживцами. В марте 1902 г. торжественно открылся Первый съезд тюремных деятелей, собрав в Санкт-Петербурге пенитенциарных служащих с разных концов страны. Центральными вопросами съезда стали обсуждение настоящего положения арестантских работ в российских местах заключения и разработка мероприятий, способных помочь развитию данной отрасли тюремного дела [43. С. 331–332]. Как отметил в своей приветственной речи министр юстиции Н.В. Муравьев, съезд являлся первым мероприятием, которое позволило объединить столь большое число тюремных деятелей и обеспечить им «дружное, товарищеское единение, поддержу бодрости и энергии, залог заслуженного успеха на трудном пути к усовершенствованию части, им вверенной» [44. С. 38–39]. Вместе с чиновниками из 16 губерний тюремную инспекцию в столице представил томский инспектор Т.М. Лопато [45]. На этот съезд сибиряка привели его служебное усердие и трудолюбие, колоссальный опыт и пытливый ум, которые до этого времени нашли свое применение в кропотливой систематизации пенитенциарных нормативно-правовых актов. Лопато издал особый сборник узаконений и распоряжений по тюремной части, который впоследствии стал настольной книгой для всех тюремных служащих, не исключая инспекторов. «Цель настоящего издания – устранить по возможности означенные затруднения и притом с таким расчетом, чтобы лица, непосредственно управляющие местами заключения, как, например, начальники тюрем и другие, имея лишь уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных, которые во всяком случае должны быть в каждом тюремном учреждении, и настоящую справочную книгу, могли бы всегда скоро получать всестороннее разрешение вопросов, которые встречаются ими при исполнении своих служебных обязанностей, а лица, стоящие во главе губернских и уездных управлений, при невозможности получить разрешение интересующего их вопроса по означенным источникам, могли бы знать, где следует искать более подробных разъяснений его» – пояснял Т.М. Лопато [46. С. III–IV].

В целом за период с 1895 по 1917 г. в Тобольской и Томской губернии служили 14 тюремных инспекторов. В среднем срок службы составлял около 2,8–3 лет, что было характерно для высшего губернского состава. Среди инспекторов были такие, кто изначально зарекомендовал себя на управленческом поприще. Так, П.Ф. Почтарев и В.А. Толстой перешли на службу в тюремную инспекцию из медицинской сферы. Подавляющее число чиновников начали свой карьерный путь в военном ведомстве, как П.К. Вихман и Г.Н. Гриневский. Этот опыт оказался весьма ценным для службы в тюремной системе, где требовались дисциплина, стрессоустойчивость и инициативность. Т.М. Лопато и А.Э. фон Гофланд, вступая в должность тюремного инспектора, уже имели за плечами необходимый опыт пенитенциарной службы, что давало им своего рода преимущество. Несмотря на разный уровень профессиональной подготовки, тюремные инспекторы практически в равной степени способствовали становлению и развитию инспекции. Они прилагали усилия для сохранения тюремного режима, заботились об арестантах – по возможности разрешался вопрос о переполнении и ветхости тюрем, активно налаживался труд заключен-

ных, расширялась сеть тюремно-благотворительных организаций. Не забывали инспекторы и о своих подчиненных. В период революционных волнений они по мере сил поддерживали тюремщиков в тяжелый период их службы. Желание повысить свою профессиональную компетентность подталкивало их к освоению новых граней профессии и совершенствованию управленческих навыков.

Список источников

1. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1889.
2. Воронин О.В. Организация тюремного контроля после реформ Александра II // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 122–125.
3. Алексеев В.И. Организационно-правовые основы образования и деятельности губернской тюремной инспекции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2. С. 28–32.
4. Гермизеева В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015.
5. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004.
6. Тимербулатов Д.Р. Тобольская губернская тюремная инспекция в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган : Изд-во КурГУ, 2015. С. 92–93.
7. Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Становление и развитие кадрового состава пенитенциарных учреждений Сибири в конце XIX – начале XX веков : историко-правовое исследование. Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2017.
8. Бортникова О.Н. Возникновение и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири (1801–1917 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 1999.
9. Стремоухов А.М. Краткий очерк мероприятий в области тюремного дела в России за период с 1900 по 1905 год // Тюремный вестник. 1905. № 7. С. 473–498.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1893. Т. 10, отд. 1. № 6653.
11. Отчет по Главному тюремному управлению за 1891 год. СПб.: Тип. С-Петерб. одиночной тюрьмы, 1893.
12. ПСЗРИ. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1894. Т. 11. № 7844.
13. Отчет Тобольской губернской тюремной инспекции за 1898 год. Тобольск: Тип. епарх. братства. 1899.
14. ПСЗРИ. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1899. Т. 15. № 11757.
15. ПСЗРИ. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1899. Т. 15. Приложение к № 11757.
16. Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 34. Д. 400.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 383.
18. ГАТ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 34.
19. ПСЗРИ. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1899. Т. 15. № 12272.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 102.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 12.
22. Витте А.В. Об улучшении тюремной администрации // Труды для Киевского съезда Русской группы / Междунар. союз криминалистов. СПб. : Сенатская тип., 1904. С. 7–22.
23. Лучинский Н. Реформа тюремного управления (по поводу проекта А.В. Витте) // Тюремный вестник. 1905. № 2. С. 137–146.
24. Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. СПб. : Тип. С.-Петерб. одиночной тюрьмы, 1912. Ч. 1 (объяснения).
25. Почтарев П. Обзор деятельности тобольской губернской тюремной инспекции за первый год (с 1 ноября 1895 года) // Тюремный вестник. 1897. № 4. С. 174–184.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 26. Д. 2322.
27. Луговский Л. Открытие в Тобольске на базаре лавки для продажи арестантских изделий, изготовляемых в мастерских мест заключения г. Тобольска // Тюремный вестник. 1896. № 2. С. 137–138.
28. ГАТ. Ф. 330. Оп. 3. Д. 2.
29. Фон Гофланд А.Э. Суконная фабрика при Тобольской каторжной № 1 тюрьме // Тюремный вестник. 1902. № 7. С. 454–457.
30. Проводы бывшего тобольского, ныне томского губернского тюремного инспектора, надворного советника фон Гофланда и его супруги в Тобольск // Тюремный вестник. 1909. № 10. С. 947.
31. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск : Тип. губернского управления, 1910.
32. Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск : Тип. губернского управления, 1911.
33. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейская губернская эл.-тип., 1915.
34. Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1898. № 2. С. 80.
35. ГАТО. Ф. 3. Оп. 26. Д. 1565.
36. Томский вестник. 1915. 21 апр.
37. ГАТО. Ф. 3. Оп. 26. Д. 1926.
38. Сибирский вестник. 1904. 14 апр.
39. Сибирская жизнь. 1905. 25 нояб.
40. Похороны надзирателей Мариинского тюремного замка Томской губернии Н. Михайлова, А. Михайлова и Е. Федосеева, павших жертвами служебного долга // Тюремный вестник. 1913. № 11. С. 1585–1586.
41. Двадцатипятилетний юбилей тюремной службы двух старших надзирателей Томского № 1 исправительного арестантского отделения // Тюремный вестник. 1910. № 10. С. 1190.
42. Сибирская жизнь. 1909. 19 авг.; 3 сент.
43. Съезд тюремных деятелей // Журнал министерства юстиции. 1902. № 4. С. 331–357.
44. Муравьев Н.В. Тюремный труд // Последние речи (1900–1902 гг.). СПб. : Сенатская тип., 1903. С. 38–49.
45. Члены Первого съезда тюремных деятелей // Тюремный вестник. 1902. № 4. С. 228–230.
46. Законы и правительственные распоряжения по тюремной части : справочная книга для тюремных инспекторов, тюремных комитетов и их отделений, начальников тюрем, земских управ, попечителей земских арестных домов и других должностных лиц губернских, уездных и непосредственных управлений местами заключения / сост. по офиц. данным Т.М. Лопато. Полтава : Типолит. губернского правления, 1898.

References

1. Foynitskiy, I.Ya. (1889) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg: Tip. M-va putey soobshcheniya.
2. Voronin, O.V. (2010) Organizatsiya tyuremnogo kontrolya posle reform Aleksandra II [The organization of prison control after the reforms of Alexander II]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 340. pp. 122–125.
3. Alekseev, V.I. (2004) Organizatsionno-pravovye osnovy obrazovaniya i deyatel'nosti gubernskoy tyuremnoy inspektsii [Organizational and legal basis for the formation and activities of the provincial prison inspection]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2. pp. 28–32.

4. Germizeeva, V.V. (2015) *Gubernskaya administratsiya Zapadnoy Sibiri (1895 – fevral' 1917)* [Provincial Administration of Western Siberia (1895 – February 1917)]. Omsk: OmSTU.
5. Palin, A.V. (2004) *Tomskoe gubernskoe upravlenie (1895–1917 gg.): struktura, kompetentsiya, administratsiya* [The Tomsk provincial administration (1895–1917): Structure, competence, administration]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
6. Timerbulatov, D.R. (2015) Tobol'skaya gubernskaya tyuremnaya inspektsiya v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.) [The Tobolsk provincial prison inspection during the Civil War (1918–1919)]. *Zyryanovskie chteniya* [The Zyryanov Readings]. Proc. of the Conference. Kurgan: KurSU. pp. 92–93.
7. Voloshin, D.V. & Mikheenkov, E.G. (2017) *Stanovlenie i razvitie kadrovogo sostava penitentsiarnykh uchrezhdeniy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vekov: istoriko-pravovoe issledovanie* [The formation and development of personnel in penitentiary institutions of Siberia in the late 19th – early 20th century: A historical and legal research]. Tomsk: Tomsk IPKR FSIN of Russia.
8. Bortnikova, O.N. (1999) *Vozniknovenie i razvitie penitentsiarnoy sistemy v Zapadnoy Sibiri (1801–1917 gg.)* [The emergence and development of the penitentiary system in Western Siberia (1801–1917)]. History Dr. Diss. Tyumen.
9. Stremoukhov, A.M. (1905) Kratkiy ocherk meropriyatiy v oblasti tyuremnogo dela v Rossii za period s 1900 po 1905 god [A brief outline of events in the field of prison affairs in Russia for the period from 1900 to 1905]. *Tyuremnyy vestnik*. 7. pp. 473–498.
10. Russia. (1893a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Book 3. Vol. 10 (1). № 6653. St. Petersburg: Gos. tip.
11. Russia. (1893b) *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1891 god* [Report on the Main Prison Administration for 1891]. St. Petersburg: Tip. S-Peterb. odinochnoy tyur'my.
12. Russia. (1894) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Book 3. Vol. 11. № 7844. St. Petersburg: Gos. tip.
13. Russia. (1899) *Otchet Tobol'skoy gubernskoy tyuremnoy inspektsii za 1898 god* [Report of the Tobolsk provincial prison inspection for 1898]. Tobolsk: Tip. eparkh. bratstva.
14. Russia. (1899a). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Book 3. Vol. 15. № 11757. St. Petersburg: Gos. tip.
15. Russia. (1899b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Book 3. Vol. 15. Appendix to No. 11757. St. Petersburg: Gos. tip.
16. The State Archives in Tobolsk (GAT). Fund 152. List 34. File 400.
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 1. File 383.
18. The State Archives in Tobolsk (GAT). Fund 479. List 1. File 34.
19. Russia. (1899c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Book 3. Vol. 15. № 12272. St. Petersburg: Gos. tip.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1282. List 3. File 102.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 185. File 12.
22. Vitte, A.V. (1904) Ob uluchshenii tyuremnoy administratsii [On improving prison administration]. In: *Trudy dlya Kievskogo s"ezda Russkoy gruppy / Mezhdunar. soyuz kriminalistov* [Proceedings for the Kyiv Congress of the Russian Group / International Union of Criminologists]. St. Petersburg: Senatskaya tip. pp. 7–22.
23. Luchinskiy, N. (1905) Reforma tyuremnogo upravleniya (po povodu proekta A.V. Vitte) [A reform of prison management (regarding the project of A.V. Witte)]. *Tyuremnyy vestnik*. 2. pp. 137–146.
24. Russia. (1912) *Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1910 god* [Report on the Main Prison Administration for 1910]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. St.-Peterb. odinochnoy tyur'my.
25. Pochtarev, P. (1897) Obzor deyatel'nosti tobol'skoy gubernskoy tyuremnoy inspektsii za pervyy god (s 1 noyabrya 1895 goda) [Review of the activities of the Tobolsk provincial prison inspection for the first year (from November 1, 1895)]. *Tyuremnyy vestnik*. 4. pp. 174–184.
26. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 26. File 2322.
27. Lugovskiy, L. (1896) Otkrytie v Tobol'ske na bazare lavki dlya prodazhi arestantskikh izdeliy, izgotovlyaemykh v masterskikh mest zaklyucheniya g. Tobol'ska [Opening a shop in Tobolsk at the bazaar for the sale of prison products manufactured in workshops of places of detention in Tobolsk]. *Tyuremnyy vestnik*. 2. pp. 137–138.
28. The State Archives in Tobolsk (GAT). Fund 330. List 3. File 2.
29. von Hofland, A.E. (1902) Sukonnaya fabrika pri Tobol'skoy katorzhnoy № 1 tyur'me [A cloth factory at Tobolsk convict prison No. 1]. *Tyuremnyy vestnik*. 7. pp. 454–457.
30. Anon. (1909) Provody byvshego tobol'skogo, nyne tomskogo gubernskogo tyuremnogo inspektora, nadvornogo sovetnika fon Goflanda i ego suprugi v Tobol'sk [Farewell to the former Tobolsk, now Tomsk provincial prison inspector, court councilor von Hofland and his wife to Tobolsk]. *Tyuremnyy vestnik*. 10. p. 947.
31. The Tomsk Provincial Statistical Committee. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god* [The Pamyatnaya knizhka of the Tomsk province for 1910]. Tomsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
32. The Tomsk Provincial Statistical Committee. (1911) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1911 god* [The Pamyatnaya knizhka of the Tomsk province for 1911]. Tomsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
33. The Yenisei Provincial Statistical Committee. (1911) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1915 god* [The Pamyatnaya knizhka of the Yenisei province for 1915]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gubernskaya el.-tip.
34. Anon. (1898) Ispravitel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh [Correctional institutions for minors]. *Tyuremnyy vestnik*. 2. pp. 80.
35. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 26. File 1565.
36. *Tomskiy vestnik*. (1915) 21st April.
37. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 26. File 1926.
38. *Sibirskiy vestnik*. (1904) 14th April.
39. *Sibirskaya zhizn'*. (1905) 25th November.
40. Anon. (1913) Pokhorony nadzirateley Mariinskogo tyuremnogo zamka Tomskoy gubernii N. Mikhaylova, A. Mikhaylova i E. Fedoseeva, pavshikh zhertvami sluzhebnogo dolga [Funeral of the guards of the Mariinsky prison castle of the Tomsk province N. Mikhailov, A. Mikhailov and E. Fedoseev, who fell victims of duty]. *Tyuremnyy vestnik*. 11. pp. 1585–1586.
41. Anon. (1910) Dvadtsatipyatiletniy yubiley tyuremnoy sluzhby dvukh starshikh nadzirateley Tomskogo № 1 ispravitel'nogo arestantskogo otdeleniya [Twenty-fifth anniversary of the prison service of two senior guards of the Tomsk correctional prison department No. 1]. *Tyuremnyy vestnik*. 10. pp. 1190.
42. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) 19th august; 3rd September.
43. Anon. (1902) S"ezd tyuremnykh deyateley [The Congress of Prison Leaders]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 4. pp. 331–357.
44. Muraviev, N.V. (1903) *Poslednie rechi (1900–1902 gg.)* [Last speeches (1900–1902)]. St. Petersburg: Senatskaya tip. pp. 38–49.
45. Anon. (1902) Chleny Pervogo s"ezda tyuremnykh deyateley [Members of the First Congress of Prison Leaders]. *Tyuremnyy vestnik*. 4. pp. 228–230.
46. Lopato, T.M. (ed.) (1898) *Zakony i pravitel'stvennye rasporyazheniya po tyuremnoy chasti: spravochnaya kniga dlya tyuremnykh inspektorov, tyuremnykh komitetov i ikh otdeleniy, nachal'nikov tyurem, zemskikh uprav, popechiteley zemskikh arestnykh domov i drugikh dolzhnostnykh lits gu-*

bernskikh, uezdnykh i neposredstvennykh upravleniy mestami zaklyucheniya [Laws and government regulations on the prison sector: A reference book for prison inspectors, prison committees and their departments, heads of prisons, zemstvo administrations, trustees of zemstvo arrest houses and other officials of provincial, district and direct prison administrations]. Poltava: Tipolit. gubernskogo pravleniya.

***Сведения об авторах*:**
Андриянова Дина Владимировна – младший научный сотрудник Лаборатории исторической и экологической антропологии; ассистент кафедры истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: andrijanowa@gmail.com
Пырх Виктория Олеговна – лаборант-исследователь Лаборатории исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета; ассистент кафедры философии и истории Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России (Тюмень, Россия). E-mail: viktoriya.pyrkh@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Andrianova Dina V. – Junior Researcher at the Laboratory of Historical and Environmental Anthropology; Assistant at the Department of History at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: andrijanowa@gmail.com
Pyrkh Victoria O. – Research Assistant at the Laboratory of Historical and Environmental Anthropology at University of Tyumen; Assistant at the Department of Philosophy and History at Tyumen State Medical University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: viktoriya.pyrkh@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 30.05.2023; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94/94(930.85)
doi: 10.17223/19988613/87/2

Дворянский кодекс чести народов Северного Кавказа: историческое наследие

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка решения одной из проблем кавказоведения – рыцарства горских народов, оформленного в дворянском кодексе чести; раскрываются специфика и сущность северокавказского неписаного свода законов и анализируется его роль в формировании идеального горца; выявляются позитивные и негативные стороны северокавказского дворянского рыцарства; вводятся в научный обиход новые этнологические материалы.
Ключевые слова: Северный Кавказ, рыцарский кодекс, горские народы, свод законов, моральные нормы

Для цитирования: Блейх Н.О. Дворянский кодекс чести народов Северного Кавказа: историческое наследие // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 14–21. doi: 10.17223/19988613/87/2

Original article

Noble Code of Honor of the Peoples of the North Caucasus: Historical Heritage

Nadezhda O. Blejjkh

North Ossetian State University named after Costa Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the history of the formation and development of the noble (knightly) code of the North Caucasian peoples. The goal is to identify general and specific trends, as well as factors in the formation of knightly virtues in the North Caucasus. The author examines the geographical, socio-cultural determinants that contribute to the emergence of the knightly code, analyzes its conceptual provisions, proves that the knightly (noble) code is a vivid confirmation of the historical development of the common Caucasian moral and ethical code of laws. Emphasizing that the concept of moral etiquette of nobles included not only moral and ethical attitudes, but also the norms of unwritten customary law that governed the life of a highlander; The code was consistent with several key moral positions, including such eternal imperatives as loyalty, politeness, courage, simplicity in everyday life, truthfulness, humanity, hospitality, eloquence.

The novelty of the stated topic is seen in the fact that the author for the first time made an attempt to solve one of the problems of Caucasian studies - the history of the knighthood of the mountain peoples, formulated in the noble code of honor, which has not been specially studied by any scholar until now.

The practical significance lies in the fact that the reconstruction of the spiritual heritage of the peoples of the North Caucasus, embodied in the noble (knightly) code of honor, will help overcome the prevailing stereotypes regarding the spiritual values of ethnic groups in Russia and provide modern politicians with interesting material that contributes to a thoughtful and balanced consideration of topical modern issues related to interethnic tolerance.

The author's special contribution consists in disclosing the specifics and essence of the unwritten legal code of the North Caucasus and analyzing its role in the formation of the ideal highlander, as well as in identifying the positive and negative aspects of the knightly virtues of the peoples of the North Caucasus and introducing ethnological and documentary materials into scientific circulation, many of which are published for the first time.

The methodological basis of the study were general philosophical theories about the role of the people in the creation of spiritual and material culture and the idea of the influence of the environment on the specifics and originality of the development of moral attitudes of the North Caucasian nobility.

It is concluded that the collection of principles and rules that make up the noble etiquette imperative refers to eternal moral categories, therefore the knightly code of the mountain peoples is a cultural paradigm, a kind of prototype of a militarized life that took place in the region for a rather long period and left as a legacy and edification to posterity.
Keywords: North Caucasus, chivalric code, mountain peoples, code of laws, moral norms

© Н.О. Блейх, 2024

For citation: Blejjkh, N.O. (2024) Noble Code of Honor of the Peoples of the North Caucasus: Historical Heritage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 14–21. doi: 10.17223/19988613/87/2

Введение

Общеизвестно, что жизненный путь всякого этноса во всех областях его существования находится в тесном диалектическом единстве со сферой бытования, природно-климатическими условиями, которые не всегда являются неизменными. Более всего они подвергались трансформации в те исторические эпохи, когда наблюдался процесс постоянного передела территорий и велись ожесточенные войны «за место под солнцем». Именно в такие беспокойные времена народы вынуждены были адаптироваться и подчиняться тем реалиям, которые им навязывали внешние факторы. И здесь горцы Северного Кавказа не были исключением. Они пережили все тяготы военного испытания, затянувшегося на многие тысячелетия, так как часто становились объектом агрессии завоевателей, вмешивавшихся в дела Северного Кавказа.

Регулярная необходимость в защите своих земель заставила горцев овладевать в совершенстве военным ремеслом. Они не мыслились без войны и набегов, что сказалось на темпераменте кавказских народов, проявилось в их образе мышления, в их культуре поведения, которые в среде крупных феодалов со временем превратились в рыцарские добродетели.

Всю свою историю северокавказское рыцарство сохранялось как социальное явление со всеми свойственными ему морально-этическими традициями, в то время как в Европе оно давно стало анахронизмом и сохранялось лишь в литературных романах и преданиях. Это объясняется тем, что у горцев жизнь регламентировалась не государственными законами и институтами, а обычаями и традициями, вылившимися в единый Северокавказский рыцарский (дворянский) кодекс.

Между собой всех рыцарей народов Северного Кавказа объединял не только подобный образ жизни, но и общие морально-этические ценности и личные идеалы, положенные в основу характерной рыцарской культуры, не знавшей аналогов на Западе и в последующие века. Эта система одновременно напоминала этикеты самураев и европейских рыцарей. Она предписывала пренебрежение к смерти, внешне терпеливое перенесение страданий, беспрекословное подчинение старшим, исключительную вежливость и скромность, уважение к женщине.

На это обращали свое внимание все без исключения бытописатели древнего Северного Кавказа – Геродот, Аристотель, Марцелин, Прокопий, Рубрук, Иордан, Багратиони и др. Удивлялись воинственности, мужественности, смелости и стойкости горцев российские исследователи XVII–XIX вв. А. Берже. С. Гмелин, В. Миллер, Л. Модзалевский, П. Паллас, П. Услар и др. Говорили о рыцарских добродетелях и российские военные, волею случая оказавшиеся на Кавказе: П. Бутков, В. Тизенгаузен, Л. Лавров, В. Бартольд, А. Гольдштейн, Л. Штедер и др. Даже враги горцев Н. Дубровин, П. Надеждин, Ф. Леонтович, описывая их погрязшими «в насилиях, войнах», в то же время отдавали должное их мужеству и воинственной храбрости, которые, по их мнению, «коренились в феномене рыцарского духа кавказских народов». Между тем этот феномен до сей поры не стал предметом отдельного изучения, хотя различные стороны рыцарства горцев затрагивались в работах Б. Бгажнокова, З. Бузоевой, А. Гутова, З. Джелиевой, А. Магометова. С. Мафедзева, А. Мусукаева, А. Слановой, Е. Хатаева и др. Но, несмотря на это, заявленная проблема до сих пор не подвергнута научному обобщению, что и подвигло автора к ее осмыслению.

Обсуждение

Рыцарство «в кавказском воплощении» являло собой довольно любопытный образец формирования достаточно пластичной и живучей поведенческой парадигмы, существующей в смутные эпохи регулярных непрекращающихся боевых действий, стычек и сопутствующих им эпидемических заболеваний. К тому же северокавказская модель бытования, идеалы рыцарства воздействовали на горский социум вертикально – сверху донизу, трансформируя его законы не менее сильно, чем это совершали заповеди и уставы западного католицизма. Такие установления получили общее наименование Морального кодекса горцев, который у разных национальностей именовался по-разному: «Ирон агъдау» (осет.), Адыгэ хабзе» (адыг.), «Намуфс» (балк.), «Намыс» (каб.), «Хэбзэрэ зауэрэ» (черк.), «Эздел» (инг.), «Намус» (даг.), «Къонахалла» (чеч.) Несмотря на различия в терминологии, все эти локальные кодексы содержали общие моменты и являлись чрезвычайно насыщенными и всеохватывающими по содержанию. Они включали в себя нормы обычного права, горские традиции, обряды, различные общественные институты, духовные ценности.

Из основного (общего) горского морального кодекса к IX столетию и сформировался Дворянский моральный кодекс, названный Рыцарским. В нем нашли отражение три доминантные установки того времени – мужество и бесстрашие в бою, сдержанность в еде и почтение к старшим и женщинам. У осетин он получил название «уасиат» (от скиф. уас – рыцарь + уат – уложение), у черкесов – уэркъ хабзе (уэркъ – рыцарь, хабзэ – собрание этикетных норм), у ингушей – «Къонахал», у балкар и карачаевцев – «Езден адет» и т.д. Однако оба этих кодекса отнюдь не исключали, а существенно дополняли друг друга. Рыцарский (дворянский) этикет появился из общекавказского этикета, уходящего своими корнями во времена родового строя, что засвидетельствовано Нартским эпосом, который наравне с фольклором показывает нам много эпизодов рыцарского быта, проникнутого неустанным духом рыцарских турниров, поединков, соперничества. В эпосе демонстрируется типизированный образ профессионального воителя, который мыслится «без

страха и упрека». Герои-нарты Батраз, Ашамез и другие являют эталон рыцарских качеств и поведения во всех сферах дворянской субкультуры – от мастерства боя до искусства музыки и танца, этикета обхождения со стариками и женщинами.

При этом основные постулаты и заповеди рыцарского (дворянского) этикета продолжают складываться вплоть до развитого феодализма, в условиях окончательного оформления дворянского класса со своей политической, экономической, социальной и культурной самобытностью. Поэтому мы назвали Дворянский этикет продуктом господствующего класса. И данная культура отвечала социальному статусу кавказских владетелей, которых известный академик П.С. Паллас характеризовал такими словами: «Это род рыцарей, поддерживающих между собой и во взаимоотношениях с подданными конкретную феодальную систему, аналогичную той, какую немецкое рыцарство учредило раньше в Пруссии и Лифляндии» [1. С. 112].

Одним из главных принципов рыцарских добродетелей стала рыцарская мораль. Вообще благородство и воинственность в этикете занимали доминантное положение. Склонность кавказцев к славе посредством проявленной смелости и отваги в бою являлась основным импульсом к жизни. Неспроста ими более всего презирались малодушие и трусость. Имеются многочисленные сведения европейских авторов, которые отмечали их вольный дух, чувство собственного достоинства, стремление к славе. Ради них обитатели Кавказа могли спокойно лишиться жизни, однако это никого не сдерживало, ибо все эти качества составляли рыцарскую честь, которая была дороже жизни. Даже горские пословицы гласили: «Псэр щэи, напэр къэщэ-ху» – «Жизнь свою лучше продай, но купи честь» (черк.); «Лæгæн цæсгон ку нæ уа, уæд си неци агортæ й» – «Никогда не надейся на человека, у которого нет чести и совести» (осет.); «Яхь йолча эздел а хургда, эздел долча яхь а хургъя» – «Где гордость, там и благородство; где благородство, там и гордость»; «ГущыIэ пытэ зимыIэм шъыпкъагьэ иIэп» – «У кого нет твердого слова, тот не имеет правды» (адыг.) и т.д. [2. С. 56–78].

При этом в концепт морального этикета дворян входили не только моральные установки, но и нормы неписаного обычного права, которые регулировали всю жизнь горца – от рождения до смерти. Причем дворянином мог стать любой крестьянин, прославившийся в боях личным мужеством. Напротив, нарушившего этикетные нормы могли лишить дворянства. Стало быть, дворянское звание возлагало на его носителя обязанности и не давало ему каких-либо привилегий.

Несмотря на то, что Рыцарский кодекс был очень строг к своим адептам и следование ему было связано с некоторым дискомфортом, он являлся гарантом защиты чести и достоинства человека, уважения окружающих и высокого статусного положения. Не зря горцы считали, что «рыцарство – это неприступная скала» [3. С. 76]. Дворянин не столько был должностным лицом, сколько олицетворял собой довольно привлекательный образ жизни, поэтому остальные члены горского сообщества видели в нем идеал для подражания.

Князья, являвшиеся главенствующими в кавказском обществе и возглавлявшие дворянство, числились блюстителями законов и гарантами исполнения народных обычаев, вот почему при их воспитании во главу угла ставились военно-физическая подготовка и изучение этикетных установлений. Они имели исключительное право взыскания штрафов за бесчестье или проявление неуважения к этикету. Кстати, то же самое могла делать и княжна. Штрафы, как правило, состояли в определенном количестве домашнего скота (быков, овец, коз), который немедленно изымался у провинившегося в пользу князя.

Кавказский этикет, как уже было сказано, находился в основании и составлял ядро дворянского этикета, причем последний отличался более жесткой организацией, взыскательностью к своим носителям. К тому же в нем отразились стандарты отношений внутри самого феодального класса, к примеру правила, регулирующие сюзерено-вассальные связи.

Здесь необходимо заметить, что к XIX столетию у всех горских народов произошла дифференциация на два разряда: «аристократов» и «демократов». К первым относились осетины, кабардинцы, темиргоевцы, бесленеевцы, карачаевцы, бжедуги, у которых феодальную иерархию возглавляли князья. У абадзехов и шапсугов князей никогда не было, а имелись только дворяне, которые после так называемой «демократической революции» потеряли свои политические льготы. Дагестанцы и ингуши долгое время оставались на этапе военного народовластия, у них имелись только выборные руководители (старейшины). Однако в плане следования северокавказскому этикету абадзехи, шапсуги, ингуши и дагестанцы являлись такими же «аристократами», как чеченцы, кабардинцы, осетины и др. [4. С. 181]. Причем у последних просветитель М. Владыкин отмечал следующее: «…во Владикавказе поражают более всего приезжего из России типы настоящих горцев. Иной и одет бедно, и лошадь-то у него не Бог весть чего стоит, а вся фигура всадника с его оригинальной посадкой, закутанного в башлык, в бурке, надетой набок, с винтовкой за плечами, шашкой и кинжалом, – так и просится на картину» [5. С. 98].

В тщательном соблюдении и постоянном совершенствовании дворянского (рыцарского) этикета добился значительных успехов и черкесский народ, который путешественники и исследователи называли «французами Кавказа». Так, генерал от кавалерии В.А. Потто подмечал «аристократичность черкес, элегантность их манер, навыки ношения оружия, своеобразное мастерство этикета» [6. С. 256].

То же самое писал и военный историк К.Ф. Сталь о кабардинцах: «Большая Кабарда имела огромное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев. Князья и дворянство кабардинское славились своим наездничеством, храбростью, щегольством в наряде, вежливостью в обхождении и были для прочих черкесских народов образцом для подражания и соревнования» [7. С. 100].

В целом дворянский (рыцарский) кодекс можно разложить по нескольким ключевым установкам, включающим следующие положения: верность, вежливость,

мужество, простоту в быту, правдивость, человечность, хлебосольство, «сладкий язык» (красноречие). Рассмотрим их подробнее.

Верность подразумевала добросовестное служение своему государю, а замена сюзерена считалась позором. Дворяне обязаны были всегда сопровождать князя и всячески помогать ему. Если в ходе боя князь погибал, то дворяне почитали своей обязанностью не оставлять его тело на поле брани. Также под понятием «верность» горские народы подразумевали преданность своей родине и семье. Согласно кодексу, рыцарь обязывался всячески защищать фамильную репутацию и доброе имя своих родных.

Вежливость включала в себя несколько установлений. Прежде всего это касалось почтения к вышестоящим на социальной лестнице. Более низкие классы феодалов являлись оруженосцами и телохранителями князя, прислуживая ему в домашнем быту. Вместе с этим, по словам исследователя Н. Дубровина, «обе стороны всегда соблюдали утонченную вежливость и взаимное уважение» [8. С. 146]. Сюда же входило уважение к предкам, которое досталось горцам еще от скифских племен. В известном ответе скифов царю Дарию говорилось: «Если вы пожелаете сразиться с нами, то попробуйте разрушить наши отеческие могилы, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за них или нет» [9. С. 280].

Отсюда вытекали правила уважения к старшим по возрасту: вставать при появлении старших, не садиться без их разрешения, выполнять все указания, прислуживать во время обеда и т.д., – причем эти знаки внимания обязаны были выполнять все окружающие, невзирая на их статус. Офицер русской армии В. Гаврилин писал: «Лета у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кратко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако ж мне случалось нередко видеть, как они сажали с собою за стол пришедшего в кунацкую седобородого невольника» [10. Л. 1].

Также повсеместно практиковалось уважение к женщине. Каждый рыцарь считал почетным выполнить просьбу женщины или девушки. Бесчестьем считалось обнажить оружие при женщине или поднять на нее руку. Покушение на жизнь женщины кавказцам вообще были неизвестно. «У черкесов, – сообщает Хан-Гирей, – обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыплет бранными словами жену, то он делается предметом посмеяния...» [11. С. 195]. «У осетин, – отмечает З. Сосиев, – оскорбить женщину считается величайшим преступлением. Если бы женщине вне дома понадобилась какая-либо услуга, мужчина ей будет рыцарски покровительствовать» [12].

Самым серьезным оскорблением, какое можно было нанести мужчине, считалось посягательство на честь женщины, и потому оно сурово каралось. «Между прочим, хорошими качествами туземного характера можно указать еще на одну своеобразную черту туземного великодушия. Во время кровной вражды туземцы никогда не убивают женщин враждебной стороны. Если же кто-нибудь и сделает подобное преступление, то он этим навлекает на себя величайшее презрение своих и чужих людей. Сколько ни расспрашивали мы, туземная хроника не представляла еще случаев подобного нарушения рыцарских правил», – рассказывал очевидец Д.Я. Лавров [13].

Вообще горцы независимо от статуса обязаны были уважать жизнь и достоинство любого человека. Так, по сведениям Хан-Гирея, «…соблюдение вежливости в обращении есть непременная обязанность каждого человека. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою следует этому прекрасному правилу, облагораживающему человека» [11. С. 89]. То же самое отмечал и Н. Данилевский в середине XIX столетия: «Кавказцы любят вежливость, скромность, чинопочитание; всякое ругательное слово (особенно название вором) имеет последствие: строгость замечания, угрозу и самый поединок, для которого не назначается ни места, ни времени; там, где впервые встречаются соперники после ссоры, бывает и место поединка, часто кончающегося убийством» [14. С. 165].

В термин «вежливость» входили также запреты на ругань, сквернословие, рукоприкладство. Это нашло выражение в народном фольклоре: «Гончая не лает, дворянин не ругается» (каб.); «Человек симпатичен в доблестных поступках» (даг.); «Подле гостя не ударь и собаку свою» (осет.) и т.д. [2. С. 34, 56, 112].

Исследователь С. Броневский по этому поводу отмечал: «Черкесы грубых и ругательных слов не терпят; в противном случае князья и уздени равного себе вызывают на поединок, а незнатного человека нижней степени или простолюдина убивают на месте. Кабардинцы всегда наблюдают в обращении между собою вежливость, чинопочитанием соразмеряемую; – и сколь ни пылки в страстях своих, стараются умерять оныя в разговоре...» [15. С. 132].

Но не только сквернословие считалось неприличным. Безобразным поступком было восхваление себя и своих подвигов. По этому поводу Н. Дубровин говорил: «Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью, черкесы в высшей степени пренебрегали самохвальством. О военных подвигах своих черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить место и замолчать в споре; зато на действительное оскорбление отвечали оружием с быстротою молнии, но без угрозы, без крика и брани» [8. С. 85].

Также считались невежливыми надменность и скупость, поэтому горские феодалы предпочитали одеваться скромнее и жить в небольших жилищах. На этот факт обращал внимание Ш. Ногмов: «Владельцы

обращаются с уорками (дворянами) и народом просто, без надменности и гордости. Случается так, что сильнейший и богатейший феодал проживает в такой же хижине, как и самый беднейший уорк. Если последний увидит на владельце хорошее платье, шапку или что-то другое и пожелает заиметь эту вещь, то дворянин не вправе ему в этом отказывать» [16. С. 277]. На это же указывал и П.С. Потемкин, сравнивая образ жизни кабардинцев со спартанским бытом: «Рыцарство есть предмет славы каждого, – писал он, – и роскошь еще не вкралась в сердца этого народа. Злато и серебро ставят они ни во что или за весьма мало, напротив того, всякие доспехи и оружие ставят за драгоценное» [17. С. 361].

Что касается скромности, то из записей ингушского этнографа Зарамука Кардангушева мы узнаем следующее: «В старину ингуши считали позором, когда о свершенном человек говорил: “со мной случилось”, “я сделал”. Это было непозволительно. “Я ударил”, “я убил” и т.д. – настоящий мужчина о себе никогда не скажет. В крайнем случае, если ему придется рассказывать о каком-нибудь случае, он скажет: “В руке находящееся ружье выстрелило – мужчина упал”. Вот так он будет рассказывать, как будто его дела в том нет и все произошло само собой» [18. С. 76].

Следующим составным компонентом Рыцарского этикета являлось мужество, которое включало в себя храбрость, твердость, хладнокровие, терпеливость и выносливость. Трусость всеми горцами порицалась как большой грех. За трусость феодал мог лишиться дворянского звания. Он становился всеобщим изгоем, с ним переставали общаться окружающие. Примером тому может служить стихотворение А.С. Пушкина «Тазит». Воин, проявивший нерешительность, мог загладить свою вину только совершением подвига или же своей смертью.

В ряду наиглавнейших достоинств молодого человека стояли терпеливость и выдержка в перенесении мучений. «Равнодушие, с которым они переносили боль, доходило до такой степени, – писал Н. Дубровин, – что в этом случае легко было узнать между ними европейца, который мог быть столько же бесстрашен, как и черкес, но никогда не мог сравниться с ним в терпеливости» [8. С. 88]. На это же указывал и А. Фонвиль: «…страдания от ран ингуши и чеченцы переносили с необыкновенною твердостью; даже тяжело раненые не выражали громко своих страданий, стараясь показать вид, что они ничего не чувствуют; они без малейших предосторожностей предавались своим обычным работам, и на предложение наше не утруждать себя и отдохнуть они всегда отвечали, что это ни к чему не может послужить и что они гораздо лучше сделают, так как им уже суждено от бога умереть, если они не будут идти против его предопределения» [19. С. 21].

Особенно строги были рыцари к спиртному, так как они могли в любой момент сесть на коня и отправиться в дорогу. Итальянский монах Д. Лука отмечал следующее: «…на пирах не предлагают молодым пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или убийства. Речь в данном случае идет о молодых дворянах и князьях, у которых именно набеги и воровство являются основным родом их занятий. Поэтому черкесы не сильно предаются пьянству» [20. С. 491]. Об этом же факте упоминается в газете «Кавказ»: «…у осетин бражничество встречается редко, и влияние его на характер осетин во много раз умереннее, чем у чеченцев или черкесов» [21].

Также в понятие Рыцарского этикета входила правдивость, подразумевавшая верность данному слову. Дворянин не мог не сдержать обещаний, это считалось поступком, порочащим его честь, и дабы ее не уронить, рыцарь должен давать слово с осторожностью в полной уверенности, что сдержит его. Просветитель Хан-Гирей комментирует: «По их (дворян) мнению, хвалить человека в глазах его есть гнусное лицемерство. Постоянство в поведении и твердость в данном слове почитают величайшими достоинствами человека. Напротив того, двуличие – гнуснейшей низостью» [11. С. 278]. У кавказских жителей имеется на этот счет много пословиц. Например: «Дворянин верен данному слову» (каб.); «Умри, но слово сдержи» (адыг.); «Дворянин верен назначенному сроку» (карач.); «Слово – не для насмешек, издевательств» (чеч.); «Сдержанному в слове – золотой червонец, болтуну – медный пятак» (осет.) [2. С. 15, 34, 116, 126] и т.д.

Наравне с описанными качествами для рыцаря считалось обязательным быть гуманным. К тем, кто пренебрегал принципами человечности, горцы относились с пренебрежением. Дворянство, по рассказам А.-Г. Кешева, «не довольствовалось… репутацией воина бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метило гораздо дальше, добивалось вместе с тем славы благородного, великодушного рыцаря» [22. С. 223]. Данное стремление к человечности накладывало на дворян обязательства помощи страждущим.

Следующим качеством, заложенным в дворянском этикете, было хлебосольство, проявлявшееся в гостеприимстве – священном обычае, умении встретить и проводить гостя. Тому есть множество подтверждений: «Гость есть святыня в Черкесии, и гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность горцев», – отмечал Хан-Гирей [11. С. 113]; «Гостя осетин защищает как самого себя и погибает скорее сам, чем уступит врагу его тело, – свидетельствовал В. Б. Пфаф, – он берет на себя кровную месть за него. Гостя он принимает со словами: “Мой дом – твой дом; я и все мое – твое”. С тем, кто находится под его защитой, он обращается как с родственником и не отдает беглецов» [23. С. 142]; «Закон гостеприимства так свят, что если бы, например, ингуш принял в своем доме неизвестного гостя и потом узнал бы в нем своего кровного врага, которому он обязан мстить, то и в таком случае радушно будет угощать его», – отмечал декабрист Н. Муравьев [24. С. 45].

О высоком статусе гостя говорили следующие пословицы: «Потчуй гостя хоть водой, если хлеба не имеешь» (лакс.); «Не спрашивай у гостя, когда он уйдет, спрашивай, когда он еще раз навестит» (абаз.); «Гость не рассказывает о цели своего визита, покуда

хозяин не поинтересуется» (чеч.); «Хозяин дома является слугой гостя» (даг.); «Странник – Божий дар» (осет.) и т.д. [2. С. 34, 35, 46].

Каждый горец, а тем более дворянин, считал огромной радостью, если к нему на порог ступал гость, и делал все от него возможное, чтобы ему было нескучно в чужом доме. К ритуалу гостеприимства подключались и дети, которые сызмальства усваивали уроки нравственности.

Не менее важным компонентом дворянского кодекса было ораторское искусство («сладкий язык»). По Хан-Гирею, выходило, что «…нередко виновный, обладающий даром ораторского мастерства, может обвинить правого противника, от природы лишенного этого качества, и выиграть тяжбу...» [11. С. 175]. Научение красноречию входило в систему воспитания юных феодалов. Одновременно с этим им прививалось, что говорить можно, только подумав, и ни в коем случае не разглашать никакой тайны. Это приравнивалось к измене, поэтому у народов Кавказа существовал довольно суровый закон: прожигать шапку тому, кто его нарушил. Потому и вошло в привычку говорить: «У него шапка продувная», – когда хотели укорить кого-либо в чрезмерной болтливости.

Существенной частью рыцарского жизненного уклада были поединки, зачастую возникавшие из-за соперничества в среде знати. При этом дворянская вражда предполагала взаимное уважение соперников со следованием всем этикетным постулатам. В этом контексте примечательно предание такого характера: «Два влиятельных князя А. Коноков и В. Атажукин были непримиримыми соперниками, и только поединок мог определить правого и сильнейшего. Как-то в одном из походов В. Атажукин оказался во владениях А. Конокова, о чем он и уведомил хозяина. Последний вместе со своим отрядом и двумя сыновьями тотчас отправился ему навстречу. В разразившейся схватке погибли сыновья А. Конокова и сам князь В. Атажукин. Зайдя в кунацкую (гостевой дом) и увидев убитых, княгиня Л. Конокова, обращаясь к своим детям, без слез промолвила: “Вы с доблестью погибли, дети мои, не напрасно принесли в жертву свои молодые жизни”. Посмотрев на труп В. Атажукина, княгиня с достоинством дополнила: “А князя перенесите на почетное место. Ведь он же гость”» [25. С. 67].

На этот же факт указывал и Хан-Гирей, который писал: «Достойно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда братья или князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явными врагами, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают обнажать оружие, и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услуги, что называется дворянская (т.е. благородная) неприязненность или вражда; но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие, и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение. Да и в самом деле, человек, чуждый вежливости и понятия о приличиях, может ли сродниться с долгом общежития» [11. С. 277].

Людское признание рыцарю доставляла не столько сама победа, сколько поведение в бою, которое должно было быть гуманным, уважительным к сопернику, что предусматривало предоставление противникам равных возможностей. К примеру, если во время сражения один феодал терял коня, то и его сопернику надлежало спешиться.

Однако страсть к подвигам, неуемная жажда доминирования и верховодства нередко провоцировали зависть к славе и подвигам у других феодалов-рыцарей. Едва лишь «на сцене» зажигалась яркая личность, у нее сразу же находилось много недругов, пытающихся оспорить признание. Не зря осетины полагали, что у достойного мужчины может быть много соперников, у них бытовала пословица: «Расскажи мне, кто твой недруг, и я отвечу тебе, кто ты есть». По понятиям старожилов края, подобная неприязнь имела элитарное, сословное свойство, вследствие чего дуэли проводились только между равными по статусу, если же положение было различным, то стороны имели право использовать третейский суд.

Рыцарское противоборство проходило без свидетелей где-нибудь в поле. Старожилам края были известны конные и пешие поединки. В первом случае сражались верхом до тех пор, пока могли держаться в седле: соперники на полном скаку делали по выстрелу из ружей, и если промахивались, то принимались рубиться на шашках. Другой способ проведения дуэли был пешим, он проходил с помощью кинжалов и заключался в том, что можно было только рубить. Если один из сражающихся сходил с разосланной на земле бурки, то его разрешалось заколоть и взять его вооружение как трофей. Но так как к оружию у горцев всегда было трепетное отношение, и лишиться его означало навлечь на себя бесчестье, то обычно такие поединки оказывались со смертельным исходом одного (или обоих) участников. В том случае, когда кто-то уклонялся от принятия вызова на бой, он автоматически признавался побеждённым и с ним поступали как с убитым, т.е. отбирали лошадь и оружие [26. С. 17].

Все вышеизложенное ярко свидетельствует о следующем:

1) северокавказские дворяне-феодалы, воззванием которых было «Честь и война», со временем сформировали свою культуру поведения, называемую Рыцарский моральный кодекс; вся жизнь горского владетеля проходила под эгидой этого неписаного правового установления;

2) Рыцарский (дворянский) кодекс являлся наглядным подтверждением дальнейшего развития общекавказского нравственно-этического свода законов. Собрание принципов и правил, хранящихся в нём, обращается к вечным нравственным категориям: уважению к людям, чувству личного достоинства, правдивости, чести, мужеству и т.д., поэтому рыцарский кодекс горских народов мы рассматриваем как культурную пара-

дигму, своеобразный прототип военизированного быта, имевшего место в крае на протяжении довольно длительного периода;

3) к классу северокавказского рыцарства относились только знатные феодалы, разделявшие нравственно-этические установки и правила, похожие и напоминающие кодексы западноевропейского рыцаря. Однако в отличие от этих кодексов рыцарские ценности входили в неотчуждаемую часть горских адатов – неписаных законов, и потому неукоснительно и строго ими выполнялись.

Заключение

Как видим, в силу специфики своего исторического развития, консервативности и застойного характера общественных отношений горцы в IX–XIX вв., пока еще не имевшие своей письменности, литературы, архитектуры, градостроительства, смогли создать прекрасный образец духовного искусства, потому Рыцарский кодекс этносов Северного Кавказа с его нравственными постулатами можно считать существенным культурным достижением, сокровищницей мудрости для потомков:

Свод древних правил и основ,
Завет от дедов и отцов,
Что лучше смерть, чем жить в бесчестье,
Что страшно «потерять лицо»,
Что уважение людей –
Основа самоуважения.
Растили в строгости детей
И чтили стариков и женщин.
Ценили сдержанность в речах,
И нежность прятали от глаза.
И далеко, в чужих краях,
Их звали «рыцари Кавказа».
Прошли века, наш дом – Земля,
Нас разделяет пропасть – время.
Теперь зависит от тебя,
Жить или нет им во Вселенной.

Рыцарство на Кавказе до сих пор считается своеобразным эталоном жизни, определенным состоянием души человека, парадигмой его нравственности, обобщенной характеристикой благородных людей, сохраняющих рыцарскую этику своих прадедов, но при этом стремящихся внести в мировую культуру великолепное видение высокой нравственности наших предков. Если мы растеряем эту богатейшую кладезь наших отцов, созданную духовным трудом многих поколений, наши потомки вряд ли простят нам столь тяжкий грех.

Список источников

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства : в 6 т. СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1875. Т. 3. 476 с.
2. Пословицы и поговорки кавказских народов. М. : Наука, 2000. 576 с.
3. Дзугаева М., Блейх Н. Военно-рыцарское воспитание северокавказских народов. Владикавказ : Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2007. 121 с.
4. Блейх Н.О. Причины возникновения и трансформации военной демократии у народов Северного Кавказа // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 181–189.
5. История Владикавказа (1781–1990 гг.) / сост. М. Бетоева, Л. Бирюкова. Владикавказ : Республ. тип. им. А. Гассиева, 1991. 654 с.
6. Потто А.В. Кавказская война : в 5 т. СПб. : Нева, 1899. Т. 3. 387 с.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII–XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик : Эльбрус, 1974. 635 с.
8. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). Нальчик : Эль-фа, 1991. 321 с.
9. Геродот. История : в 9 т. Л. : Наука, 1972. Т. 3. 321 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 48.
11. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик : Эльбрус, 1992. 284 с.
12. Сосиев З. О горской женщине // Терские ведомости. 1900. № 26. С. 3.
13. Лавров Д.Я. Обычаи горцев // Терские ведомости. 1875. № 2. С. 167.
14. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М. : Логос, 1846. 243 с.
15. Броневский М. Кабардинский народ. М., 1967. 143 с.
16. Ногмов Ш. История адыхейского народа. Нальчик : Эль-фа, 1958. 365 с.
17. Потемкин П.С. Война на Северном Кавказе. М., 1802. 587 с.
18. Кардануншев З. Средневековая Ингушетия. Грозный, 1996. 421 с.
19. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. : из записок участника-иностранца. 2-е изд. Нальчик : Адыги, 1991. 287 с.
20. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 / пер. П. Юрченко // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1879. Т. II. С. 473–493.
21. Кавказ. 1873. № 36.
22. Кешев А. На холме // Кешев А. Собрание сочинений. Нальчик : Эльбрус, 1993. 342 с.
23. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Осетии // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Т. 1. 376 с.
24. Муравьев Н. Воспоминания декабриста. М. : Наука, 2020. 342 с.
25. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп : Адыгея, 1993. 153 с.
26. Блейх Н.О., Дзугаева М. Содержание и система военно-физической подготовки юношества у северокавказских народов // Вопросы педагогики и психологии : сб. науч. тр. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова, 2006. С. 17–23.

References

1. Pallas, P.S. (1875) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva: v 6 t.* [Travel through different provinces of the Russian state: in 6 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Rublev, V.V. (2000) *Poslovitsy i pogovorki kavkazskikh narodov* [Proverbs and sayings of the Caucasian peoples]. Moscow: Nauka.
3. Dzugaeva, M. & Blejkh, N. (2007) *Voenno-rytsarskoe vospitanie severokavkazskikh narodov* [Military knightly education of the North Caucasian peoples]. Vladikavkaz: NOSU.
4. Blejkh, N.O. (2016) Prichiny vozniknoveniya i transformatsii voennoy demokratii u narodov Severnogo Kavkaza [Reasons for the emergence and transformation of military democracy among the peoples of North Caucasus]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 5. pp. 181–189.

5. Betoeva, M. & Biryukova, L. (1991) *Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.)* [History of Vladikavkaz (1781–1990)]. Vladikavkaz: Respubl. tip. im. A. Gassieva.
6. Potto, A.V. (1899) *Kavkazskaya voyna: v 5 t.* [The Caucasian War: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Neva.
7. Gardanov, V.K. (1974) *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XVIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 18th–19th centuries]. Nalchik: El'brus.
8. Dubrovin, N.F. (1991) *Cherkesy (Adyge)* [Circassians (Adyge)]. Nalchik: El'fa.
9. Herodotus. (1972) *Istoriya: v 9 t.* [History: in 9 vols]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
10. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. File 48.
11. Khan-Girey. (1992) *Zapiski o Cherkesii* [Notes about Circassia]. Nalchik: El'brus.
12. Sosiev, Z. (1900) O gorskoy zhenshchine [About the mountain woman]. *Terskie vedomosti*. 26. p. 3.
13. Lavrov, D.Ya. (1875) Obychai gortsev [Customs of the Highlanders]. *Terskie vedomosti*. 2. p. 167.
14. Danilevskiy, N. (1846) *Kavkaz i ego gorskie zhiteli* [The Caucasus and its mountain residents]. Moscow: Logos.
15. Bronevskiy, M. (1967) *Kabardinskiy narod* [Kabardian people]. Moscow: [s.n.].
16. Nogmov, Sh. (1958) *Istoriya adykheyskogo Naroda* [History of the Adyghe people]. Nalchik: El'fa.
17. Potemkin, P.S. (1802) *Voyna na Severnom Kavkaze* [War in the North Caucasus]. Moscow: [s.n.].
18. Kardaunshev, Z. (1996) *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. Groznyy: [s.n.].
19. Fonville, A. (1991) *Posledniy god voyny Cherkesii za nezavisimost'. 1863–1864 gg.: iz zapisok uchastnika-inostrantsa* [The last year of the Circassian war for independence. 1863–1864: From the notes of a foreign participant]. 2nd ed. Nalchik: Adygi.
20. de Luc, J. (1879) Opisanie perekopskikh i nogayskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625 [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican Order. 1625]. Translated by P. Yurchenko. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 2. pp. 473–493.
21. *Kavkaz*. (1873) 36.
22. Keshev, A. (1993) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Nalchik: El'brus.
23. Pfaf, V.B. (1871) Puteshestvie po ushchel'yam Osetii [Travel through the gorges of Ossetia]. In: *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh* [Collected information about the Caucasian highlanders]. Vol. 1. Tiflis: [s.n.].
24. Muraviev, N. (2020) *Vospominaniya dekabrista* [Memoirs of the Decembrist]. Moscow: Nauka.
25. Spencer, E. (1993) *Puteshestviya v Cherkesiyu* [Travel to Circassia]. Translated from English. Maykop: Adygeya.
26. Blejkh, N.O. & Dzugaeva, M. (2006) Soderzhanie i sistema voenno-fizicheskoy podgotovki yunoshestva u severokavkazskikh narodov [The content and system of military-physical training of youth among the North Caucasian peoples]. In: *Voprosy pedagogiki i psikhologii* [Questions of Pedagogy and Psychology]. Vladikavkaz: NOSU. pp. 17–23.

***Сведения об авторе*:**
Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия). E: mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Blejkh Nadezhda O. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Psychology, Faculty of Psychology and Education North Ossetian state University named after Costa Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.07.2019; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 07.07.2019; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/87/3

Трансформация отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг.: предпосылки, содержание, последствия

Константин Анатольевич Гулин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, gulin_k@mail.ru

Аннотация. Исследуется проблема трансформации отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг. в контексте проблематики «социалистической собственности» и ее эволюции в позднесоветский период. Изучен этап номенклатурной борьбы за собственность и развертывания стихийной приватизации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Переход к форсированной массовой приватизации в РФ первой половины 1990-х гг. оценен не как «спонтанное» событие, а как закономерный итог постепенной трансформации отношений собственности в предшествующие десятилетия.
Ключевые слова: советский период, 1990-е годы, отношения собственности, разгосударствление, история приватизации

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства»).

Для цитирования: Гулин К.А. Трансформация отношений собственности в России на рубеже 1980–1990-х гг.: предпосылки, содержание, последствия // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 22–36. doi: 10.17223/19988613/87/3

Original article

Transformation of property relations in Russia at the turn of the 1980s–1990s: prerequisites, content, consequences

Konstantin A. Gulin

Vologda State University, Vologda, Russian Federation, gulin_k@mail.ru

Abstract. The transformation of property relations became one of the most significant components of radical changes in Russia at the end of the twentieth century. Its main form was the privatization of state property, which has no analogues in terms of historical scale and content. In this article, the transformation of property relations in Russia at the turn of the 1980s–1990s is reviewed within the problem of "socialist public property" and its evolution in the late Soviet period. Necessity to update the historical approach to the study of the transformation of property relations in Russia is associated with the need for acquiring a deeper understanding of this process' historical background. The article also provides the solution for the problem of characterizing the content of denationalization and privatization processes at the turn of the 1980s–1990s and its consequences in terms of an individual's changing place in the system of property relations. We draw the conclusion that problems of the Soviet society, such as: a) contradiction between "government" and "public" property categories; b) inequality in terms of the disposal and usage of property objects between members of the party-economic nomenclature and most population, as well as between different groups of the nomenclature; c) exclusion of the majority of citizens from, formally, "national" but, in practice, state property, subsequently had a significant impact on processes of changing property relations. It predetermined an active struggle between different administration levels and so-called "spontaneous" privatization already in the late 1980s. Mass privatization of the 1990s itself was, in general, a natural result of the process of public property "governmentalization", and it was aimed at consolidating the party-economic elite's de facto control over production and subsequent redistribution of power in society. Large groups of working people, who lost their formal status of "quasi-owners" in relation to former objects of socialist property, continued to remain only hired workers. This, in particular, caused the absence of serious social cataclysms during rapid privatization processes of the early 1990s. As the information basis, a wide range of regulatory and legal acts of authorities and administrations of various levels, state statistics data, archival documents, periodical materials, results of public opinion polls, and data from literary sources were used.
Keywords: soviet period, 1990s, property relations, denationalization, privatization history

© К.А. Гулин, 2024

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00269 “Transformation of Russian society in the 1950s-1990s: class genesis and evolution of the economic structure”).

For citation: Gulin, K.A. (2024) Transformation of property relations in Russia at the turn of the 1980s–1990s: prerequisites, content, consequences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 22–36. doi: 10.17223/19988613/87/3

Введение

Одна из наиболее значимых составляющих радикальных социально-экономических и общественно-политических преобразований в России в последнее десятилетие XX в. – трансформация отношений собственности. Основной ее формой стала беспрецедентная по историческим масштабам и содержанию приватизация государственного имущества. Она не только привела к смене правового режима собственности, но и выступила основой для установления капиталистических рыночных отношений, пришедших на смену централизованно управляемой плановой экономике советского типа.

Ходу приватизации, ее проблемам и последствиям посвящено большое количество отечественной [1, 2] и зарубежной литературы [3]. Подробно изучены нормативно-правовые, финансово-экономические и прочие аспекты приватизации, параметры изменения структуры собственности в России в 1990-е и последующие годы. При этом в основной массе работ приватизация рассматривается как процесс, нижние временные рамки которого ограничиваются первым годом новой российской государственности.

В значительно меньшей степени освещены вопросы трансформации отношений собственности в предшествующий период, охватывающий несколько последних лет существования СССР, получившей в литературе определения «стихийной» [4, 5], «спонтанной» [6–10], «номенклатурной» приватизации [11]. Редки исследования, в которых приватизационные мероприятия в России после 1991 г. рассматривались бы в контексте совокупности их исторических предпосылок [5, 11]. Трактовка приватизации как некоего «внезапного» события явно ограничивает возможности понимания внутренней логики этого сложного и неоднозначного процесса.

Необходимость более глубокого подхода к оценке трансформации отношений собственности в России обусловливает потребность в актуализации исторического подхода к исследованию данной проблемы. Требуется анализ социально-экономических и политико-правовых предпосылок приватизации, складывавшихся в советском обществе еще задолго до ее начала. Попытке решения этой задачи и посвящена настоящая статья. Это позволит приблизиться к ответу на вопрос, почему грандиозный переворот в отношениях собственности произошел без серьезных социальных потрясений, при отсутствии сколько-нибудь заметного сопротивления приватизации со стороны населения, и прежде всего «авангардной силы» советского общества – рабочего класса. Также мы ставим перед собой задачу охарактеризовать содержание процессов разгосударствления и приватизации на рубеже 1980–1990-х гг., а также их последствия с точки зрения изменения места человека в системе отношений собственности.

Необходимо оговориться, что трансформация отношений собственности в России в конце XX в. была многоаспектным процессом, включившим изменение правового статуса различных объектов бывшей общенародной собственности (в том числе земли, жилья и т.д.). Здесь мы сосредоточимся на исторических процессах эволюции отношений собственности на основные средства производства, борьба за которые занимала центральное место в приватизационных процессах.

Противоречия отношений собственности в советском обществе: историко-правовой аспект

Конституционными нормами в СССР декларировалось, что основу советской экономической системы составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Определялось, что государственная собственность является «общим достоянием всего советского народа и основной формой социалистической собственности». Юридически государству принадлежали основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления государственных задач [12].

Согласно официальной линии, социалистическое государство являлось собственником всенародного достояния ввиду совпадения «государственной собственности» и «общего достояния всего советского народа» (т.е. «общенародной собственности»). Государство считалось «органом советского народа», концентрирующим в своих руках правомочия собственника общенародных средств, эксплуатируемых «от имени и в интересах народа». При этом право собственности «социалистического общенародного государства» трактовалось как исключительное и неделимое [13. С. 17, 29], т.е., по сути, «общенародная» собственность отождествлялась с государственной.

Такой подход соответствовал основам так называемых «марксистко-ленинских» теории и идеологии, однако реальная практика общественных отношений была иной, что, в частности, находило отражение в различных точках зрения на предмет «общенародной собственности». Согласно одним трактовкам, собственником (природных ресурсов, основных средств и иного имущества) являлся только советский народ, а социалистическое государство выступало лишь в качестве

субъекта права государственной собственности, но не собственника [14. С. 42], либо в роли субъекта оперативного управления объектами общенародной собственности [15. С. 34–35]. В рамках других подходов собственниками государственного имущества наряду с социалистическим государством в целом признавались также конкретные государственные органы [16. С. 110] или государственные предприятия, в ведении которых находилось определенное государственное имущество [17. С. 103–112]. Многообразие подходов свидетельствует о сложном внутреннем характере отношений по поводу собственности в советском обществе.

В советской литературе незыблемым был постулат о единстве общенародных, коллективных и личных интересов граждан по отношению к общественной социалистической собственности на средства производства [18. С. 202]. Даже в тех случаях, когда наличие определенных противоречий между общими, групповыми и индивидуальными интересами признавалось, характер этих противоречий определялся как неантагонистический [19, 20], причем такой подход во многом сохранялся вплоть до конца 1980-х гг. [21, 22]. Тем не менее отдельные авторы еще задолго до радикальных преобразований конца 1980-х гг. стали отмечать нарастание в обществе противоречий между формальным равенством граждан в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения-распоряжения средствами производства и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения-использования средств производства различными общественными группами трудящихся, между декларируемыми равными правами всех членов общества на общественные орудия и средства производства, на производимый в обществе продукт и неравной степенью удовлетворения личных потребностей [23. С. 306; 24. С. 203].

С точки зрения понимания сущности трансформации отношений собственности важно рассмотрение исторических аспектов двух основных групп противоречий: между партийно-хозяйственной номенклатурой, выполнявшей функции управления государственной собственностью, и основной частью граждан, с одной стороны, и между различными группами номенклатуры – с другой.

В теории социализм означал превращение основных средств производства в объект общенародной собственности, их всенародное присвоение. Такой тип присвоения как непрерывно воспроизводимый процесс был возможен только в том случае, когда собственники являлись одновременно и работниками, а их труд был объединен в масштабе всего общества, что предполагало существование так называемого «совокупного работника» [25. С. 64–65]. Все это определяло двусмысленный характер положения непосредственных производителей. Юридически они как граждане государства и члены общества выступали в статусе «сособственников» общественных средств производства. Однако в действительности главенствующим был факт найма работника на государственное предприятие, а не его юридическое положение как собственника [26. С. 24]. Собственность стала не «общенародной», а казенной, управляемой государственным аппаратом административно-бюрократическими методами, т.е. произошло ее огосударствление [27. С. 130].

Общенародная собственность, фактически превратившись в собственность государственную, при производительном функционировании перевоплотилась в факторы производства (средства производства и наемную рабочую силу), стала выполнять функцию соединения этих факторов и, таким образом, по сути, стала капиталом. Она обусловливала экономические отношения не между непосредственными производителями по горизонтали, а между государством (его органами и аппаратом) и работником. Отсюда неизбежным было противопоставление интересов работников и государства, резкое снижение экономической активности и заинтересованности работников и трудовых коллективов [28. С. 48]. Такое положение органически обусловливало возникновение и развитие антагонизма между представителями наемного труда и представителями той группы общества, которая осуществляло управление экономикой и хозяйственными структурами на всех уровнях. Провозглашение абсолюта общественной собственности уничтожило правовую обусловленность антагонистических отношений, но в действительности лишь завуалировало их. Новой социальной базой антагонизма стало разделение общества на управляющих и управляемых [29. С. 23].

Господство государственной собственности предопределяло особое положение бюрократии, представители которой фактически стали обладателями важнейших правомочий по использованию ресурсов производства [30]. Основными субъектами собственности выступали два коллективных собственника: партийная номенклатура и подчиненная ей номенклатура хозяйственная. При этом в партийной иерархии сосредоточивались преимущественно правомочия контроля, а в хозяйственной – правомочия пользования, распоряжения и оперативного управления [31. С. 118–119]. Различие правомочий обусловливало противоречия интересов различных групп номенклатуры, связанных с получением эффектов от их позиций в системе управления собственностью. Увеличение масштабов государственной собственности в СССР во второй половине XX в., с одной стороны, приводило к раздуванию бюрократического аппарата, а с другой – все более затрудняло контроль эффективности управления объектами собственности и предотвращение их использования в частных или групповых интересах. Столкновение интересов партийного руководства, высшей ведомственной, республиканской, региональной и местной бюрократии, руководителей предприятий долгое время сдерживалось рамками системы централизованного планового управления, но по мере нарастания ее кризиса все в большей степени выходило наружу и становилось основой центробежных процессов, в конечном итоге приведших к разрушению эфемерной конструкции «социалистической» собственности.

Масштабы государственной собственности в стране в советский период были такими, что возможности реального участия граждан в управлении ею были чрезвычайно ограничены. Основная масса населения

не имела возможности влиять на процессы управления собственностью. Решения о содержании социально-экономической политики и механизмах ее реализации (и, соответственно, целесообразном использовании собственности) принимались группой лиц без широкого общественного обсуждения. Практически не работали механизмы, снижающие риски неэффективного управления государственной собственностью и препятствующие ее использованию в интересах бюрократии (демократические процедуры, система общественного контроля). На низовом уровне (оперативного управления) возможности влияния трудящихся также были сильно ограничены.

Отстранение от управления общественной собственностью – это, независимо от внешней юридической формы, отстранение от отношения к ней как к своей собственности, основа восприятия собственности как ничьей или чужой, что и является решающим фактором отчуждения [29. С. 23]. Отчуждение возникало вследствие того, что человек объективно был поставлен в такие обстоятельства, при которых у него не было личного отношения к «общенародной» собственности как к своей. Понятие «собственности» подменялось социалистическим «чувством хозяина», которое долгие годы государство пыталось воспитывать у трудящихся [32. С. 166]. Между тем социологические исследования конца 1980-х гг. показывали, что в восприятии большинства трудящихся «быть хозяином производства» означало, прежде всего, «честно и добросовестно трудиться» (76%), «соблюдать дисциплину труда» (48%), «не проходить мимо недостатков» (40%). И только 9% полагали, что это означает участие в принятии решений относительно того, что производить и в каком количестве [33. С. 24]. Эти данные наглядно показывают, что работники идентифицировали себя в первую очередь не с собственниками, а с наемными работниками, работавшими по найму на работодателя в лице государства.

Одним из ярких проявлений отчуждения стала проблема «хищений социалистической собственности», которой было посвящено большое количество литературы (хотя о проблемах в советском обществе говорить было не особенно принято). Само наличие этой проблемы говорит о том, что принцип «общая социалистическая собственность как собственность каждого» существовал лишь «на бумаге». Невозможно представить хищение собственности у себя самого, похищать можно только чужую собственность, от которой похититель отчужден, т.е. не является ее непосредственным собственником. Это явление отражало то, что социалистическая собственность воспринималась как собственность государства, а не как общее достояние каждого.

Таким образом, в отношениях собственности в советский период существовало по меньшей мере три фундаментальных проблемы. Одна из них заключалась в неразрешенном противоречии между категориями «государственной» и «общественной» собственности, вторая – в неравенстве в отношении распоряжения и использования объектов собственности между представителями партийно-хозяйственной номенклатуры и основной массы населения, с одной стороны, и между различными группами номенклатуры – с другой, а третья состояла в отчуждении большинства граждан от формально «общенародной», а на практике – государственной собственности, которая носила монопольный характер. Эти проблемы, войдя в наиболее острую фазу с середины 1980-х гг., впоследствии оказали существенное влияние на процессы изменения отношений собственности в конце советского периода и в постсоветское время.

Формирование предпосылок изменений отношений собственности в последние десятилетия советского периода

Как мы отметили, в советское время функции управления общенародной собственностью осуществляло партийное и государственное руководство. Однако формы управления с течением времени изменялись. Развитие производительных сил, усложнение социально-экономической жизни, необходимость ухода от экономики мобилизационного типа 1930–1950-х гг. требовали иного подхода к осуществлению управления объектами собственности. Государство, сохраняя за собой монопольное право на владение собственностью, делегировало все больший объем полномочий, связанных с распоряжением и использованием объектов государственной собственности, с целью повышения уровня хозяйственной самостоятельности предприятий.

В 1961 г. с принятием Основ гражданского законодательства СССР государственные организации получили право оперативного управления государственным имуществом, находящимся в их ведении на правах владения, пользования и распоряжения [34]. Аналогичная норма была введена и в гражданское законодательство союзных республик, в том числе в Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. [35].

Права хозяйствующих субъектов в сфере управления собственностью расширились в ходе хозяйственной реформы второй половины 1960-х гг. В соответствии «Положением о социалистическом государственном производственном предприятии» [36] в основу экономического стимулирования было положено право предприятий распоряжаться частью получаемой прибыли: чем выше была рентабельность предприятия, тем большую прибыль оно получало и тем большие отчисления могло тратить на собственные нужды. С введением хозрасчета в коллективах усиливалась личная материальная заинтересованность каждого рабочего и служащего в результатах работы коллектива в целом. В то же время была установлена плата предприятий за имеющиеся основные фонды и оборотные средства в процентном отношении к их стоимости.

Расширение самостоятельности хозяйствующих субъектов в управлении собственностью способствовало совершенствованию организационно-хозяйственной деятельности предприятий, однако вступало в противоречие с основами социалистической идеологии советского типа. Из особенностей социалистической собственности как собственности всех членов общества вытекает ее неделимый характер с точки зрения субъекта отношений собственности. Отдельные лица, исходя из их

положения в системе общественного труда, выполняют определенные функции по отношению к распоряжению общей собственностью, права же на владение и пользование собственностью равны. Предоставление отдельным предприятиям расширенных прав на получение эффектов от использования их «участка» собственности есть не что иное как неравенство в правах собственности, а следовательно, и неравенство в возможностях присвоения прибавочного продукта. Неслучайно В.И. Ленин называл искажением основных начал социализма «всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельных фабрик или отдельной профессии на их особое производство» [37. С. 481].

Кроме того, тенденция к ограниченной автономизации руководства предприятий вступала во все большее противоречие с интересами вышестоящей хозяйственной номенклатуры. Получив возможность распоряжения увеличивающимися объемами ресурсов от использования общенародной собственности (например, доля прибыли, оставленной в распоряжении предприятий и хозяйственных организаций, подчиненных Совету Министров РСФСР, возросла с 39% в 1970 г. до 48% в 1985 г. [38. С. 192]) и формально больше полномочий в сфере планирования, руководители хозяйствующих субъектов оставались фактически бесправными во взаимоотношениях с руководством министерств и ведомств [39, 40]. Даже в период перестройки, несмотря на декларировавшееся стремление к снижению зависимости предприятий от административного контроля, ситуация существенным образом не менялась. Более того, при сокращении вдвое объема государственной отчетности возрос объем так называемой «дикой» отчетности вплоть до ежесуточных сводок, вынуждавшей предприятия отчитываться за множество показателей помимо непосредственно утвержденного плана [41]. Формальный и неформальный контроль являлся формой защиты групповых интересов высшей номенклатуры по отношению к объектам общенародной собственности, и прежде всего – к решающим средствам производства, обеспечивавшим экономическую и политическую монополию правившей элиты.

Новый этап постепенной плюрализации отношений собственности начался в период перестройки, во второй половине 1980-х гг. Он характеризовался преобладанием организационно-экономических методов разгосударствления, в основе которых лежало стремление придать новый импульс функционированию плановой системы управления экономикой. Этого планировалось достичь двумя путями. Первый был связан с расчетом на повышение эффективности деятельности государственных предприятий за счет экономически более целесообразной эксплуатации собственности (более рационального использования материально-производственных ресурсов). Второй путь заключался в создании условий для возникновения негосударственных субъектов экономических отношений и наделения их обособленными правами, связанными с управлением государственным или собственным имуществом.

Процессы расширения самостоятельности государственных предприятий начали активно развиваться после принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 июня 1987 г. № 665 «О переводе объединений, предприятий и организаций отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» и Закона СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» [42]. В качестве целевой установки реформы было заявлено «открытие новых возможностей для социалистической предприимчивости, полного использования человеческого фактора в повышении эффективности производства и качества продукции».

В соответствии с законом трудовым коллективам предприятий предоставлялись значительные полномочия по распоряжению доходами и прибылью. Часть прибыли (дохода), остающаяся у предприятия после выполнения обязательств перед бюджетом, банками и вышестоящими органами управления, поступала в его полное распоряжение и вместе со средствами на оплату труда образовывала хозрасчетный доход коллектива, являвшийся источником жизнедеятельности предприятия. В нем предусматривалась замена плановых заданий контрольными показателями и экономическими нормативами. Также вводился государственный заказ на производимую продукцию. Ряд положений закона был направлен на развитие коллективных форм собственности, прежде всего собственности трудовых коллективов (аренда с правом выкупа).

Помимо этого, декларировалось расширение участия работников предприятий в принятии экономических решений путем создания на предприятиях советов трудовых коллективов и выборности их руководителей. Однако на практике этого не произошло. Так, по данным научного центра ВЦСПС, в разработке и обсуждении планов социально-экономического развития принимали участие 10,8% рабочих и 22,4% инженерно-технических работников и служащих обследованных предприятий. В принятии решений по таким важнейшим вопросам, как использование фондов материального поощрения и социально-культурных мероприятий, участвовало лишь 6,4% рабочих и 5,4% инженерно-технических работников и служащих [43. С. 64].

В течение 1988–1989 г. произошел поэтапный перевод всех хозяйствующих субъектов, подведомственных союзным и республиканским министерствам, на полный хозрасчет и самофинансирование. В 1988 г. на новые условия хозяйствования в РСФСР перешло 12 тыс. промышленных предприятий, на которых работали около 12 млн человек (63% всех занятых в промышленности); ими формировалось 70,5% всей прибыли промышленных предприятий. Хозрасчетными строительными организациями было выполнено 82,5% общего объема подрядных работ в республике (рассчитано по: [44. С. 278–280]).

Однако сохранялись основные элементы советской экономической системы – общенародная собственность, государственный план, система государственного ценообразования и распределения ресурсов. Предприятия могли продавать произведенную сверх государственного заказа продукцию только по централизованно устанавливаемым ценам, а в исключительных случаях – по договорным ценам. При нарушении

дисциплины цен и получении «необоснованной прибыли» она подлежала изъятию в государственный бюджет, а на предприятие накладывался штраф. Тем не менее, несмотря на эти жесткие ограничения, расширение прав и самостоятельности предприятий, с нашей точки зрения, сыграло существенную роль в размывании государственной монополии и привело к усилению центробежных тенденций в хозяйственной жизни общества.

Конец 1980-х гг. ознаменовался появлением новых субъектов отношений собственности. Первым из них стали кооперативы, которые могли осуществлять свою деятельность на базе не только арендованного или предоставленного в бесплатное пользование имущества, но и имущества, принадлежащего им на праве собственности [45]. При этом имущество кооператива могло формироваться за счет денежных и материальных взносов его членов, произведенной им продукции, доходов, получаемых от различной деятельности, поступлений от продажи акций, ценных бумаг кооператива и банковских кредитов. В формировании имущества кооператива могли принимать участие государственные, кооперативные и иные общественные предприятия (организации), а также граждане, работающие в нем по трудовому договору. Кооперативы могли также создавать собственные предприятия и организации. Отдельная норма закона обязывала государственные органы в случаях прекращения деятельности мелких и средних подведомственных предприятий и организаций содействовать созданию на их базе кооперативов по производству продукции (работ, услуг). При этом госорганы наделялись правом не только передавать и сдавать в аренду кооперативам имущество ликвидируемых предприятий (организаций), но и продавать его.

Появление еще одного нового субъекта отношений собственности было связано с развитием арендных отношений [46, 47]. В 1989 г. совхозы, колхозы и другие государственные, кооперативные и иные общественные предприятия (организации), в том числе организации арендаторов, коллективы их подразделений, а также граждане или группы граждан получили право на «срочное и возмездное хозяйственное пользование» землей и другими природными объектами, имуществом государственных, кооперативных или иных общественных предприятий (организаций) и их структурных единиц, зданиями, хозяйственными постройками, сооружениями, техникой и оборудованием, транспортными средствами, скотом, а также другими материальными ценностями.

Собственностью арендатора признавалась произведенная им продукция, а передаваемое в аренду имущество оставалось собственностью государства или арендодателя. Отдельные категории арендаторов (кооперативные, общественные организации, граждане) получили право собственности на возводимые ими на арендованных участках здания и сооружения, а также выкупа арендованного имущества (за исключением объектов исключительной собственности государства) при условии покрытия его стоимости выплаченной арендной платой. Чуть позднее с принятием «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде» всем арендаторам было предоставлено право полного или частичного выкупа арендованного имущества с возможностью создания на этой основе предприятия, действующего на основе коллективной собственности [48].

Закрепление переворота в отношениях собственности и развертывание стихийной приватизации на рубеже 1980–1990-х гг.

К концу советского периода стала признаваться связь экономической стагнации, обозначившейся во второй половине 1970-х гг., с господством государственной собственности и сложившейся на ее основе системы эшелонированного централизованного хозяйствования [29. С. 61]. В советское время деятельность государства конституировалась рамками социалистической парадигмы, которая была организующей основой действовавшего строя. Вследствие этого государственная политика осуществлялась, насколько это было возможным, с учетом интересов различных социальных групп, что позволяло до определенного момента гарантировать определенный (пусть и не самый высокий) уровень жизни каждому гражданину и всеобщность социальной защиты.

Однако в условиях нараставших социально-экономических проблем все в большей степени подвергалась девальвации модель социализма в том ее варианте, который был характерен для позднего СССР. Окружающая действительность, наиболее остро затрагивавшая простых граждан в виде тотального дефицита потребительских товаров, к концу советского периода вступала во все большее противоречие с социалистической идеологией. Отсюда объективно возникало стремление к разгосударствлению, устранению государственной монополии на общенародную собственность как одному из важнейших условий обновления и переустройства общества [28. С. 48].

К концу 1980-х гг. сформировалось три альтернативы дальнейших преобразований социально-экономического устройства и соответствующего изменения отношений собственности:

– сохранение в целом ортодоксальной советской экономической модели, в основе которой лежала система централизованного планирования, при определенной ее модернизации. Эта альтернатива предполагала сохранение доминирования государственного сектора и, соответственно, государственной собственности на средства производства;

– переход к смешанной экономике, в рамках которой создавались равные возможности для функционирования как государственного, так и негосударственного сектора. Это предполагало плюрализм прав собственности на средства производства;

– переход к рыночной экономике классического типа («свободному рынку»), функционирующей в соответствии с доктриной laissez-faire, характеризующейся полным разгосударствлением и развитием негосударственного коммерческого сектора. Это предполагало доминирование частной собственности на средства производства.

В первом союзном законе о собственности, принятом в марте 1990 г. [49], понятие общенародной собственности было фактически денонсировано, что противоречило действовавшей Конституции. Законом устанавливались такие формы собственности, как собственность советских граждан, коллективная, государственная, а также иностранная и смешанная. Кроме того, изменился статус самой государственной собственности. Если ранее она носила исключительный характер, то новым законом она была разделена на собственность общесоюзную, союзных республик, автономных республик, областей и округов, административно-территориальных образований (коммунальная собственность). Правом распоряжения и управления государственным имуществом были наделены соответствующие советы народных депутатов и уполномоченные ими государственные органы.

Помимо прочего, отдельная норма закона предусматривала право республик в составе СССР устанавливать практически любые формы собственности. Эта норма была реализована, в частности, в российском республиканском законе о собственности, принятом в декабре 1990 г. [50], которым было легализовано понятие частной собственности и предусмотрена возможность приватизации государственного и муниципального имущества. Согласно закону, предприятия, имущественные комплексы, здания, сооружения и иное имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, могли быть отчуждены в частную собственность граждан и юридических лиц в порядке и на условиях, установленных законодательными актами РСФСР и входящих в ее состав республик, актами местных советов народных депутатов.

Еще одним процессом, внесшим существенный вклад в трансформацию отношений собственности, стал так называемый «парад суверенитетов», в котором приняли активное участие не только союзные, но и автономные республики в составе РСФСР. В период с июля по октябрь 1990 г. декларации о государственном суверенитете приняли все АССР. Тексты этих документов содержали достаточно типовые формулировки о том, что «земля и ее недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные ресурсы» являются собственностью республик или народов, проживающих на их территориях. Часть республик пошла еще дальше, объявив своей собственностью свой «экономический и научно-технический потенциал» (например, Башкирская, Бурятская и Калмыцкая ССР) [51].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в 1990 г. произошла де-юре узурпация государством прав владения и распоряжения общественной («общенародной») собственностью (как мы отметили ранее, де-факто такое положение существовало и в советское время). Именно тогда был законодательно закреплен фактический переворот в отношениях собственности. Государственные органы закрепили за собой право распоряжаться бывшей общественной собственностью на средства производства по своему усмотрению (только формально действуя от имени населения). В последующие годы этот переворот получил лишь содержательное оформление в виде конкретных приватизационных сделок по передаче экспроприированных государством у общества объектов имущественного комплекса в частные руки.

К концу 1980-х гг. сложилась совокупность сил, заинтересованных, с одной стороны, в легализации своих фактических правомочий по распоряжению и пользованию объектами государственной собственности, а с другой – в получении возможности доступа к приватизации предприятий и иного имущества. В эту коалицию входили следующие основные группы интересов: часть партийно-государственной номенклатуры на уровне министерств и ведомств; часть партийной и управленческой элиты регионального и местного уровней; руководители предприятий производственного сектора, сферы торговли и услуг; управляющие среднего звена предприятий (руководители крупных подразделений и цехов, служб снабжения и сбыта); представители теневого сектора. Однако скорейшей реализации данных интересов на практике препятствовало отсутствие внятных правил игры, регулировавших порядок приватизации и регламент проведения приватизационных мероприятий.

В условиях демонтажа однопартийной системы и ослабления роли КПСС как гаранта абсолютных прав собственности, выполнявшего функцию контроля хозяйственной деятельности [31. С. 121] именно номенклатурные группы стремились занять доминирующее место в регулировании отношений собственности. По сути, шел раздел государственной собственности между разными уровнями номенклатуры [52. С. 404]. Объектом этой борьбы стал контроль над распределением объектов имущественного комплекса, поскольку именно это могло стать ключевым административным ресурсом в условиях формирующегося рынка.

Начало активной фазы этого процесса было положено «номенклатурно-бюрократической приватизацией», связанной с сохранением власти министерских чиновников [53. С. 542]. Уже в 1989–1990 гг. был принят ряд постановлений Совета Министров СССР о создании отраслевых концернов как самостоятельных производственно-хозяйственных комплексов, осуществляющих свою деятельность на принципах полного хозяйственного расчета, самоуправления и самоокупаемости. Ряд министерств был преобразован в ассоциации с правом управления собственностью государства. Во главе многих из вновь созданных структур встали руководящие работники соответствующих союзных и российских министерств. Так, например председателем правления газового концерна «Газпром» стал министр газовой промышленности СССР В.С. Черномырдин, президентом ассоциации «Рослегпром» – министр легкой промышленности РСФСР А.А. Бирюков и т.д.

Постановлением Верховного Совета СССР от 6 марта 1990 г. № 1306-I «О введении в действие Закона СССР “О собственности в СССР”» Совету Министров СССР до 1 июля 1991 г. предписывалось обеспечить совместно с правительствами союзных республик и с участием автономных республик разграничение имущества между общесоюзной собственностью и собственностью союзных республик. При этом исходить

из того, что в собственность союзных республик, помимо имущества предприятий, учреждений и организаций республиканского подчинения, должно входить также имущество предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения, передаваемых в собственность союзной республики.

Со второй половины 1990 г. напряженная борьба за контроль над собственностью развернулась между союзным и российским республиканским руководством. Законом РСФСР от 31 октября 1990 г. [54] собственностью РСФСР объявлялись расположенные на территории республики объекты государственной собственности, включая имущество государственных предприятий, учреждений, организаций союзного подчинения, их основные производственные и непроизводственные фонды или иные общесоюзные фонды, имущество, находящееся в управлении общесоюзных органов, а их перевод в любые формы собственности мог осуществляться исключительно на условиях и в порядке, предусмотренном законодательством РСФСР. Полномочиями по распоряжению и управлению государственным (республиканским) имуществом наделялся Совет Министров РСФСР.

С целью сохранения контроля над объектами общесоюзной собственности был создан Фонд Государственного имущества Союза ССР (Союзгосфонд), который получил функции распорядителя союзного имущества и мог временно делегировать право управления этим имуществом другим государственным органам управления. Так, распоряжением Совета Министров СССР от 8 декабря 1990 г. за № 2062р права по управлению находящимся в общесоюзной собственности имуществом подведомственных предприятий и организаций были делегированы ряду союзных министерств и ведомств военно-промышленного комплекса (в том числе Министерству общего машиностроения, Министерству авиационной промышленности, Министерству оборонной промышленности и др.) [55. С. 426–427]. Работа по разгосударствлению предприятий была также начата и в других союзных ведомствах, например, в Министерстве атомной энергетики и промышленности, Министерстве химической и нефтеперерабатывающей промышленности и т.д. [56].

В своем письме в Кабинет Министров СССР от 17 июня 1991 г. Председатель Совета Министров РСФСР И. Силаев отмечал, что, несмотря на принятое Советом Министров РСФСР решение о принципах перехода предприятий и организаций союзного подчинения, расположенных на территории РСФСР, в юрисдикцию органов государственного управления РСФСР, «реализация этого процесса… сдерживается рядом союзных министерств и ведомств, что препятствует решению указанных задач в РФ», и просил «обязать союзные министерства и ведомства передать подведомственные им предприятия, объединения и организации в юрисдикцию РСФСР» [57].

В письме Президиума Верховного Совета Татарской ССР Премьер-министру СССР В.С. Павлову от 8 апреля 1991 г. отмечалось, что союзные министерства, не дожидаясь разграничения собственности, начали стихийный процесс разгосударствления и приватизации государственных предприятий и организаций без учета интересов республики, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос о передаче в юрисдикцию Татарской СССР предприятий и организаций с целью отработки процесса их дальнейшего разгосударствления или передачи союзным органам управления для осуществления ими полномочий в соответствии с Союзным договором [58].

Как отмечали в своем обращении к Председателю Союзгосфонда С.В. Ассекритову представители трудовых коллективов предприятий г. Ленинграда в июне 1991 г., принятые на союзном уровне решения послужили основой для приватизации и акционирования предприятий союзного подчинения, присвоения государственной (общенародной) собственности министерствами. Это являлось серьезным препятствием для экономически эффективного хозяйствования, создавало нестабильность, не позволяло трудовым коллективам использовать законные права на часть собственности своих предприятий и исключало для них экономические стимулы эффективной трудовой деятельности, а ориентация руководителей предприятий на министерства как собственников имущества предприятий приводила к незаинтересованности в защите интересов трудовых коллективов, конфликтам между ними и администрацией [59].

Другой полюс борьбы за собственность в России включал в себя борьбу между центральным руководством Российской республики, с одной стороны, и региональными и местными органами управления – с другой. По закону, принятому в конце ноября 1990 г. [60], местные Советы народных депутатов были наделены правом организовывать при своих исполнительных органах структуры по управлению муниципальной собственностью, разгосударствлению и приватизации. При этом часть доходов от приватизации имущества могла направляться на финансирование этих структур. Региональные и местные советы народных депутатов определяли собственный порядок разгосударствления и приватизации принадлежащего им имущества. Разгосударствлению и приватизации в первую очередь подлежали предприятия и организации сферы торговли, бытового обслуживания и общественного питания, предприятия местной промышленности. В соответствии с постановлением, принятым в начале декабря 1990 г., Верховному Совету и Совету Министров РСФСР предписывалось до 1 февраля 1991 г. принять нормативно-правовые акты, обеспечивающие социально приемлемую и экономически эффективную приватизацию предприятий и другого государственного имущества [61].

Но даже при отсутствии необходимой нормативно-правовой базы уже в конце 1990 г. все более явно стала проявляться тенденция к разделу контроля над бывшей общенародной собственностью. А уже в первой половине 1991 г. этот процесс принял довольно существенный масштаб. В постановлении, принятом в апреле 1991 г., Верховный Совет РСФСР отмечал, что процессы приватизации государственного и муниципального имущества в регионах приобрели стихийный характер, чем ущемлялись интересы широких

слоев трудящихся: работников непроизводственной сферы, правоохранительных органов, военнослужащих, социально незащищенных слоев населения [62]. Этим же документом Совету Министров РСФСР, советам министров республик, входящих в РСФСР, исполнительным комитетам советов народных депутатов автономных областей, округов, краев и областей в соответствии с полномочиями предписывалось представить до 1 июня предложения по формированию Государственной программы приватизации на 1991 г. и подготовить перечень всех государственных предприятий с целью выбора первоочередных объектов приватизации.

Однако отсутствие четких «правил игры» и правовой хаос создавали благоприятные условия для трудно контролируемых процессов «дележа» государственной собственности. Так, в правительственной телеграмме премьер-министра Татарской ССР М.Г. Сабирова от 26 июля 1991 г., направленной в Кабинет Министров СССР и Совет Министров РСФСР (рассекречено), было в ультимативной форме указано о принятом республикой решении о переводе всех предприятий и организаций, расположенных на ее территории, независимо от их ведомственной подчиненности, под собственную юрисдикцию. В связи с этим отмечалось, что «КМ Татарстана категорически возражает против принятия решений по передаче кому-либо предприятий и организаций, расположенных на нашей территории, без нашего участия и согласия. В случае принятия таких решений без нашего участия эти решения на территории Татарстана не будут иметь юридической силы» [63].

Руководство Республики Коми обратилось в Кабинет Министров СССР с предложением о преобразовании всех государственных предприятий в акционерные общества с передачей контрольного пакета акций Совету Министров Республики Коми (20%) и учрежденному с его участием акционерному обществу холдингового типа (30%). Из оставшихся 50% акций 20% предлагалось передавать в распоряжение собственников, а остальные 30% реализовывать через свободную продажу советским и иностранным юридическим и физическим лицам [64].

Делегирование полномочий по разгосударствлению на региональный и местный уровни обусловило то, что приватизационные процессы охватили в первую очередь сектор торговли и сервиса. По данным статистики, уже к 1 июля 1991 г. на территории РСФСР было приватизировано 40 тыс. предприятий розничной торговли, общественного питания, службы быта [65. С. 70]. Контроль над ними получили преимущественно руководители [66] либо инсайдеры, имевшие доступ к необходимым финансовым ресурсам [67]. В то же время сфера торговли и услуг стала единственной, в которой право собственности смогли получить отдельные рядовые граждане [68].

В итоге в наиболее существенной степени разгосударствление затронуло сектор малых предприятий (с численностью до 200 работников). По состоянию на конец 1991 г. в государственной и муниципальной собственности в РСФСР находилось только 26,1% малых предприятий [69. С. 72]. Данный сегмент экономики, впоследствии в значительной мере трансформировавшийся в сектор малого предпринимательства в новой России, к концу советского периода уже являлся преимущественно негосударственным.

В целом на конец 1991 г. в РСФСР действовало порядка 270 тыс. новых субъектов хозяйствования (кооперативов, арендных предприятий и т.д., в которых работали около 12,7 млн человек, 17% всех занятых) [70. С. 172]. В то же время в частную собственность перешло только 1 369 промышленных предприятий, что составляло менее 5% всех промышленных предприятий в стране [69. С. 68], из них подавляющее большинство – в собственность юридических лиц и лишь 3 предприятия – в собственность граждан. В качестве одного из примеров можно привести случай выкупа в частную собственность Уссурийского станкостроительного завода и внешнеторговой фирмы «Родина» Дальневосточного производственного объединения «Родина» директором этого объединения в ноябре 1990 г. При этом сделка была совершена при одобрении местного горисполкома и при согласии ответственных работников Министерства судостроительной промышленности СССР [71].

Низкие темпы приватизации промышленных предприятий обусловили то, что государство к концу советского периода продолжало сохранять ключевые позиции в сфере прав собственности. Государству и муниципалитетам на территории РСФСР к концу 1991 г. принадлежало 91,2% основных производственных фондов, а вместе с колхозной собственностью эта доля составляла 97,9%. Доля производственных фондов в собственности кооперативов по производству товаров и услуг, а также в коллективной собственности граждан оставалась мизерной (чуть выше 1%) [69. С. 59–60].

Переход к форсированной массовой приватизации в России в начале 1990-х гг. и ее основные итоги

Конечный расклад сил в стремительно меняющихся отношениях собственности зависел, с одной стороны, от действий различных социальных групп, заинтересованных в получении контроля над объектами государственного имущества, их приобретении или присвоении, а с другой – от установления конкретных порядков и процедур приватизации, которые еще предстояло разработать.

Российским законом от 3 июля 1991 г. [72] предусматривалось несколько способов приватизации государственных и муниципальных предприятий: их продажа по конкурсу или на аукционе, продажа долей в капитале предприятий, выкуп арендованного имущества, преобразование предприятия в акционерное общество. Одновременно с этим был принят закон [73], которым предусматривалось открытие для каждого гражданина именных приватизационных счетов, на которые должны были зачисляться средства, поступающие от государства, для их дальнейшего использования только для оплаты выкупаемого у государства приватизируемого имущества.

В то же время сложность задач, связанных с коренным изменением сложившихся в советский период

отношений собственности, обусловливала низкие темпы разработки регламентирующих и программных документов по приватизации государственного имущества. В связи с этим на практике в нарушение действовавшего законодательства приватизация началась на основании программ, утверждаемых указами Президента РФ. В конце 1991 – начале 1992 г. двумя президентскими указами [74, 75] были утверждены Основные положения Государственной программы приватизации на 1992 г. и пакет документов, создававших механизм массовой приватизации и регулирующих процедурные аспекты проведения приватизационных мероприятий.

Массовая приватизация охватывала две категории объектов государственной собственности, по отношению к которым предусматривался различный порядок перехода смены собственника:

– малые предприятия, к которым относились предприятия со стоимостью активов не более 1 млн рублей по состоянию на 1 января 1992 г. Они подлежали непосредственной распродаже на торгах путем проведения аукционов или конкурсов, а также могли быть напрямую проданы работникам предприятий;

– основная масса крупных и средних предприятий, которые до начала приватизации должны были пройти обязательную процедуру акционирования путем превращения в акционерные общества открытого типа. После этого на первом этапе собственность предприятий распространялась среди работников, а на втором этапе проводился ваучерный аукцион.

В результате приватизационных мероприятий в частную собственность (полностью или частично) в 1992 г. перешло свыше 46 тыс. предприятий государственной и муниципальной собственности, в 1993 г. – 42,9 тыс., в 1994 г. – 21,9 тыс. предприятий [76. С. 66; 77. С. 232] различных отраслей экономики. Параллельно активно развивался сектор малого предпринимательства: к концу 1994 г. в РФ было более 860 тыс. частных малых предприятий [77. С. 237]. Всего в частной собственности в этот период находилось 1 216 тыс. предприятий и организаций, что составляло 62,5% от общего количества предприятий и организаций в России [78. С. 686]. Удельный вес основных фондов негосударственной формы собственности стал преобладающим – 58% [79. С. 269] и в последующий период существенно не изменялся.

Приватизация государственной собственности начиналась под лозунгами «народной приватизации», было обещано сделать граждан подлинными хозяевами [80. С. 12]. В первоначальном варианте приватизации (закон от 3 июля 1991 г.) гражданам не предоставлялось права передачи средств с именных приватизационных вкладов другим лицам, допускался лишь переход права на использование именных приватизационных вкладов в порядке наследования и завещания. Последний момент имел принципиальное значение, так как именно такой вариант обеспечивал наиболее справедливый переход в частные руки именно общественной по своему характеру собственности, поскольку предусматривал получение стоимостного эквивалента приватизируемого имущества всем гражданам страны и гарантировал право владения и распоряжения им [81. С. 32].

В дальнейшем акцент на справедливость временно сохранился, но он использовался уже только для того, чтобы предотвратить выкуп собственности руководителями государственных предприятий [82. С. 49]. Именные приватизационные счета были заменены на обезличенные приватизационные чеки, подлежавшие свободному обороту. В условиях глубокого социально-экономического кризиса начала 1990-х гг. и низкого уровня жизни значительная часть населения предпочла продать полученные от государства «ваучеры», чтобы получить хоть и небольшой, но осязаемый дополнительный доход.

В результате ваучерной приватизации на начало июля 1994 г. капитал приватизированных предприятий распределился в следующих пропорциях: трудовым коллективам принадлежало 52,0% акций, администрации предприятий – 14,2%, государству – 14,1%, крупным внешним инвесторам – 11,5%, мелким акционерам – 8,2% [83. С. 19]. Дивиденды на большинство акций, как правило, не выплачивались или выплачивались в чисто символических размерах. Продать их по ликвидной цене также было невозможно вследствие их низкой ликвидности. Это означало, что даже те работники, которые получили акции, являлись собственниками номинальными, а не реальными, т.е. произошло не соединение, а еще большее отчуждение работников от капитала [79. С. 12]

В результате уже в ходе денежной приватизации (1994–1997) итоги ее ваучерного этапа претерпели существенные изменения. Доля трудовых коллективов в акционерном капитале снизилась с 52 до 15–20% [83. С. 21]. Результаты общероссийского исследования, проведенного десять лет спустя, в 2006 г., также показали, что акции предприятий и иных коммерческих структур имели лишь 20% населения [84. С. 51].

Члены трудовых коллективов, получив свою долю акций, не стали собственниками в истинном смысле этого слова, а остались преимущественно наемными работниками. По результатам одного из исследований, проведенных в 1995 г. на ряде предприятиях легкой промышленности, прошедших акционирование, ощущали себя собственниками только 6% работников. Члены трудовых коллективов в своем большинстве получили акции без возможности участия в управлении предприятием, т.е. возможности распоряжаться имуществом (собственностью) [85. С. 46, 49].

В российской программе также предусматривалась возможность приватизации отдельных подразделений предприятий. В то же время ни один из вариантов приватизации для трудовых коллективов, предусмотренных законодательством, не содержал подлинных стимулов к приобретению прав собственника. При этом ряд проблем (не решенный до конца вопрос о собственности на землю, проблема разделения обязательств предприятий в зависимости от величины капитала каждого выделяющегося из его состава подразделения, сохраняющиеся у государственных предприятий благодаря их монопольному положению возможности устанавливать плату за помещения и

земельные участки и т.д.) препятствовал стремлению людей стать собственниками [82. С. 52–53].

Массовая приватизация не решила проблему превращения широких слоев населения из номинальных собственников в реальных, а вынудила большинство граждан отказаться от своего права на собственность в пользу тех, кто смог либо юридически закрепить за собой прежние неофициальные правомочия собственности, либо в короткие сроки аккумулировать большие финансовые состояния и направить их на выкуп объектов государственного имущественного комплекса [86]. Приватизация была преимущественно закреплением сложившегося положения, т.е. передачей собственности тем, кто и ранее ею распоряжался [87. С. 26]. Большинство же населения сохранило статус наемного работника с той лишь разницей, что если раньше в роли работодателя выступало практически исключительно государство в лице администрации предприятий, то после завершения массовой приватизации – преимущественно частный собственник (во многих случаях – в лице той же самой администрации).

Заключение

Довольно распространенной в литературе является точка зрения о том, что в 1991–1992 гг. «либерально-демократическая» власть, узурпировав реальное право населения России на пользование «социалистической собственностью», стала не только управлять и распоряжаться ею, но и владеть ею как собственной [88. С. 91]. На наш взгляд, это не вполне соответствует действительности по двум причинам. Во-первых, «общенародной» собственность в советское время была только формально, на самом же деле по своему содержанию она была сугубо государственной. Во-вторых, как мы показали, еще до начала радикальных преобразований в постсоветской России она не только по сути, но и чисто юридически утратила статус «общенародной» собственности.

Несмотря на официальную риторику об общенародном характере собственности, фактически она была именно государственной собственностью и именно в таком качестве воспринималась большинством населения. Кроме того, со временем нарастало, особенно обострившись в 1970–1980-е гг., отчуждение от собственности, связанное с фактическим неравенством реальных прав по отношению к решающим средствам производства различных общественных групп. Именно это обусловило инертность и пассивность широких народных масс в процессе раздела и передела объектов номинально общественной собственности (он прошел без каких-либо заметных социальных волнений). Острота восприятия итогов приватизация обусловлена, как нам представляется, в большей степени не обстоятельством утраты бывшими советскими гражданами «своей» части собственности (которая де-факто им никогда не принадлежала), а негативным отношением к быстрому и несправедливому обогащению одних граждан за счет других, обусловившему колоссальное экономическое неравенство.

В ходе произошедшей формальной приватизации массовый слой мелких собственников не успел, да и объективно не мог возникнуть в силу неравнозначности стартовых позиций представителей различных социальных групп по отношению к формально государственной собственности на начальном этапе разгосударствления. Командные высоты были заняты преимущественно либо теми, кто оказался «в нужное время в нужном месте», т.е. в высшем руководстве предприятий, в момент краха советской системы, либо сумел (нелегально или полулегально) создать стартовый капитал в условиях еще плановой экономики (точнее, в теневом ее секторе).

В результате трансформация отношений собственности свелась к борьбе между отдельными элитными группами. Криминал и насильственные действия, сопровождавшие процессы раздела и передела собственности в конце 1980-х – начале 1990-х гг., касались преимущественно узкого круга бенефициаров, не затрагивая основную массу населения. Приватизация была направлена на перемены в области контроля над производством и последующее перераспределение власти в обществе. Широкие слои трудящихся, утратив статус «квазисобственников» по отношению к бывшим объектам социалистической собственности, сохранили статус наемных работников, а работодателя в лице государства сменил работодатель в лице преимущественно представителей частного капитала.

Список источников

1. Берсенев В.Л. Процессы разгосударствления и приватизации в России в 90-е гг. Часть 1 // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 342–354.
2. Берсенев В.Л. Процессы разгосударствления и приватизации в России в 90-е гг. Часть 2 // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 708–715.
3. Якупова Д. В. Зарубежная историография приватизации в России // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 563–569.
4. Приватизация по-российски / под ред. А.Б. Чубайса. М. : ВАГРИУС, 1999. 365 с.
5. Устюжанина Е.В. Другая частная собственность: приватизация по-русски // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 74–95.
6. Johnson S. Spontaneous Privatization in the Soviet Union. How, Why and for Whom? // WIDER Working Papers. 1991. Sep. 31 p.
7. Johnson S., Kroll H. Managerial Strategies for Spontaneous Privatization // Soviet Economy. 1991. Vol. 7, is. 4. P. 281–316.
8. Sachs J. Spontaneous Privatization: A Comment // Soviet Economy. 1991. Vol. 7, is. 4. P. 317–327.
9. Shatalov S. Privatization in the Soviet Union. The Beginnings of a Transition // The World Bank. Country Economic Departament. WPS805. 1991. Nov. 28 p.
10. Радыгин А.Д. Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М. : Республика, 1994. 158 с.
11. Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 5–23.
12. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М. : Политиздат, 1977. 62 с.
13. Государственное управление социалистической общенародной собственностью / под ред. Ю.М. Козлова. М. : Изд-во МГУ, 1983. 271 с.
14. Загайнов Л.И. Социалистическое государство и законы экономики. М. : Юрид. лит., 1975. 319 с.
15. Шохин А.А. Хозяйственно-правовая охрана имущества производственных объединений в промышленности СССР. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1977. 112 с.

16. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
17. Шкредов В.П. Экономика и право. О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения. М. : Экономика, 1967. 189 с.
18. Развитие социалистической общественной собственности / под ред. Д. Владова, В.Г. Черковца. София : Партиздат ; М. : Экономика, 1980. 271 с.
19. Эхин П.Э. Собственность и экономические интересы при социализме. М. : Мысль, 1972. 260 с.
20. Харахашьян Г. Социалистическая собственность на средства производства и экономические интересы // Экономические науки. 1984. № 11. С. 22–28.
21. Социалистическая собственность: формы реализации / под ред. А.Д. Смирнова, К. Сабо. М. : Экономика, 1989. 267 с.
22. Социалистическая собственность: экономические и социальные формы реализации / под ред. Н.Д. Колесова, Н.В. Пахомовой. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 239 с.
23. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма : очерки методологии и теории. М. : Мысль, 1966. 581 с.
24. Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. М. : Юрид. лит., 1971. 255 с.
25. Общественная собственность развитого социалистического общества / отв. ред. А.М. Еремин. М. : Наука, 1979. 142 с.
26. Меньшиков С.М. Советская экономика: катастрофа или катарсис. М. : Междунар. отношения, 1990. 397 с.
27. Бачурин А.В. Рынок в СССР: становление, регулирование. М. : Экономика, 1991. 318 с.
28. Ахмедуев А. Разгосударствление и развитие форм собственности // Вопросы экономики. 1991. № 4. С. 48–57.
29. Любинин А.Б. Централизм и самостоятельность в отношениях социалистической собственности. М. : Наука, 1990. 144 с.
30. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. London : Overseas Publications, 1990. 670 с.
31. Права собственности, приватизация и национализация в России / под общ. ред. В.Л. Тамбовцева. М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Новое Литературное Обозрение, 2009. 495 с.
32. Орлова Е.В. Власть, собственность и предпринимательство в России // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 163–169.
33. Гимпельсон В.Е., Назимова А.К. «Хозяин производства»: догма и реальность // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 22–31.
34. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М. : Известия, 1962. 96 с.
35. Гражданский кодекс РСФСР. М. : Юрид. лит., 1968. 272 с.
36. Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 04.10.1965 №731 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 19-20. Ст. 153.
37. Ленин В.И. О демократизме и социалистическом характере Советской власти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1974. Т. 36. С. 481.
38. Безнин М.А., Димони Т.М. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 186–201. doi: 10.15838/esc.2020.4.70.11
39. Муринас В. Границы инициативы // Правда. 1985. 27 мая. С. 2.
40. Попов Г., Щербаков В. Подряд для завода // Правда. 1985. 8 июня. С. 2.
41. Статистика – инструмент управления и гласности // Правда. 1987. 11 авг. С. 2.
42. О государственном предприятии (объединении) : закон СССР от 30.06.1987 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.
43. Шкурко С.И. Права есть! Как их реализовать? // ЭКО. 1987. № 2. С. 60–67.
44. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1989. 687 с.
45. О кооперации в СССР : закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
46. Об аренде и арендных отношениях в СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.04.1989 № 10277-XI // Кооперация и аренда : сб. документов и материалов : в 2 кн. М. : Политиздат, 1989. Кн. 1. С. 236–244.
47. Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР : постановление Совета министров СССР от 07.04.1989 № 294 // Кооперация и аренда : сб. документов и материалов : в 2 кн. М. : Политиздат, 1989. Кн. 1. С. 364–377.
48. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 25. Ст. 481.
49. О собственности в СССР : закон СССР от 06.03.1990 №1305-1. URL: http://base.garant.ru/5171153/ (дата обращения: 01.09.2020).
50. О собственности в РСФСР : закон РСФСР от 24.12.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.
51. К Союзу суверенных народов : сб. документов КПСС, законодат. актов, деклараций, обращений и президент. указов, посвящ. проблемам нац.-гос. суверенитета / Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС. М. : ИТИС, 1991. 541 с.
52. Шубин А.В. Парадоксы перестройки: упущенный шанс СССР. М. : Вече, 2005. 477 с.
53. Полтерович В.М. Экономическая реформа 1992 г.: битва правительства с трудовыми коллективами // Экономика и математические методы. 1993. Т. 29, вып. 4. С. 533–547.
54. Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР : закон РСФСР от 31.10.1990 № 293-1. URL: http://base.garant.ru/10200085/#ixzz6XSrIlMkz (дата обращения: 01.09.2020)
55. Рассадин В.Н. Финансовые и общеэкономические проблемы оборонно-промышленного комплекса // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2010. № 8. С. 413–431.
56. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1256. Л. 99, 128, 158.
57. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 8. Л. 173.
58. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1256. Л. 1–2.
59. РГАЭ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 5. Л. 43–44.
60. О дополнительных полномочиях местных советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям : закон РСФСР от 21.11.1990 № 343-I // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 322.
61. О мерах по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям в РСФСР : постановление Совета народных депутатов от 07.12.1990. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17711.htm (дата обращения: 01.09.2020).
62. О мерах по подготовке процессов приватизации государственного и муниципального имущества на территории РСФСР : постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 25.04.1991 №1104-1. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18646.htm (дата обращения: 02.09.2020).
63. РГАЭ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 9. Л. 121.
64. РГАЭ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
65. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. : стат. ежегодник. М. : Росинформцентр, 1991. 691 с.
66. Легко ли выкупить магазин? // Экономика и жизнь. 1991. № 12. С. 10.
67. В Ленинграде состоялся первый телеаукцион. Продали магазин за 470 тысяч // Коммерсантъ. 1991. 18–25 февр. № 8. С. 9.
68. Учительница купила магазин // Известия. 1990. 30 нояб. № 332. С. 2.
69. Народное хозяйство Российской Федерации. 1992 : стат. ежегодник. М. : Республ. инф.-изд. центр, 1992. 607 с.

70. Гулин К.А. Развитие негосударственных форм хозяйствования в российской экономике в позднесоветский период // История социальных процессов в России (XX век) : сб. науч. ст. Вологда : ВоГУ, 2019. С. 164–175.
71. РГАЭ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7.
72. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР: закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531-I«Р». URL: https://zakonbase.ru/content/base/4704 (дата обращения: 02.09.2020).
73. Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР : закон от 03.07.1991 № 1529-I. URL: https://www.lawmix.ru/zkrf/58301 (дата обращения: 02.09.2020).
74. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий : Указ Президента РФ от 29.12.1991 № 341. URL: http://base.garant.ru/1568960 (дата обращения: 02.09.2020).
75. Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий : Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 66. URL: http://base.garant.ru/10104220 (дата обращения: 02.09.2020).
76. Российская Федерация в 1992 году : стат. ежегодник. М. : Республ. инф.-изд. центр, 1993. 654 с.
77. Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. : Госкомстат России, 1995. 976 с.
78. Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. : Логос, 1996. 1201 с.
79. Российский статистический ежегодник : стат. сб. М. : Госкомстат России, 2000. 642 с.
80. Куликов В. Российская приватизация в шестилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. 1998. № 1. С. 10–19.
81. Кузенков А.Л., Максимов И.А. Ваучерная приватизация и ее последствия // Проблемы прогнозирования. 1994. № 2. С. 31–44.
82. Малле С. Приватизация в России: особенности, цели, действующие лица (критический взгляд на основе анализа траксакционных издержек) // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 49–55.
83. Красникова Е.В. Трансформация отношений собственности в постсоциалистической экономике – основное направление институциональных преобразований // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2004. № 6. С. 3–27.
84. Иванов В.Н. Приватизация: итоги и перспективы (по результатам одного исследования) // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 48–60.
85. Вьюжанина Н.Е. Приватизация: мифы и реальность // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 45–49.
86. Гельвановский М. Иллюзии и реальность ваучерной приватизации в России // Проблемы теории и практики управления. 1993. № 3. С. 9–13.
87. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М. : Междунар. отношения, 2008. 464 с.
88. Мухачев В.В. Приватизация России, или Игра без правил : к дискуссии о прошлом в преддверии будущего. М. : Красанд, 2014. 272 с.

References

1. Bersenev, V.L. (2017a) Protsessy razgosudarstvleniya i privatizatsii v Rossii v 90-e gg. Chast' 1 [Processes of denationalization and privatization in Russia in the 1990s. Part 1]. *Ekonomika regiona*. 13(2). pp. 342–354.
2. Bersenev, V.L. (2017b) Protsessy razgosudarstvleniya i privatizatsii v Rossii v 90-e gg. Chast' 2 [Processes of denationalization and privatization in Russia in the 1990s. Part 2]. *Ekonomika regiona*. 13(3). pp. 708–715.
3. Yakupova, D.V. (2016) Zarubezhnaya istoriografiya privatizatsii v Rossii [Foreign historiography of privatization in Russia]. *Molodoy uchenyy*. 5. pp. 563–569.
4. Chubays, A.B. (ed.) (1999) *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization the Russian way]. Moscow: VAGRIUS.
5. Ustyuzhanina, E.V. (2001) Drugaya chastnaya sobstvennost': privatizatsiya po-russki [Other private property: privatization in Russian]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 2. pp. 74–95.
6. Johnson, S. (1991) Spontaneous Privatization in the Soviet Union. How, Why and for Whom? In: *WIDER Working Papers (1986–2000).* 1991/091. Helsinki: UNU-WIDER.
7. Johnson, S. & Kroll, H. (1991) Managerial Strategies for Spontaneous Privatization. *Soviet Economy.* 7(4). pp. 281–316.
8. Sachs, J. (1991) Spontaneous Privatization: A Comment. *Soviet Economy.* 7(4). pp. 317–327.
9. Shatalov, S. (1991) *Privatization in the Soviet Union. The Beginnings of a Transition*. The World Bank. Country Economic Departament. WPS805. Nov.
10. Radygin, A.D. (1994) *Reforma sobstvennosti v Rossii: na puti iz proshlogo v budushchee* [The property reform in Russia: on the way from the past to the future]. Moscow: Respublika.
11. Nureev, R.M. & Runov, A.B. (2002) Nazad k chastnoy sobstvennosti ili vpered k chastnoy sobstvennosti? [Back to private property or forward to private property?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5. pp. 5–23.
12. USSR. (1977) *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow: Politizdat.
13. Kozlov, Yu.M. (1983) *Gosudarstvennoe upravlenie sotsialisticheskoy obshchenarodnoy sobstvennost'yu* [The state management of socialist national property]. Moscow: MSU.
14. Zagaynov, L.I. (1975) *Sotsialisticheskoe gosudarstvo i zakony ekonomiki* [The socialist state and the laws of economics]. Moscow: Yurid. lit.
15. Shokhin, A.A. (1977) *Khozyaystvenno-pravovaya okhrana imushchestva proizvodstvennykh ob"edineniy v promyshlennosti SSSR* [Economic and legal protection of the property of production associations in the industry of the USSR]. Gorkiy: Main Military School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
16. Kechekyan, S.F. (1958) *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Legal relations in a socialist society]. Moscow: USSR AS.
17. Shkredov, V.P. (1967) *Ekonomika i pravo. O printsipakh issledovaniya proizvodstvennykh otnosheniy v svyazi s yuridicheskoy formoy ikh vyrazheniya* [Economics and law. On the principles of studying industrial relations in connection with the legal form of their expression]. Moscow: Ekonomika.
18. Vladov, D. & Cherkovets, V.G. (eds) (1980) *Razvitie sotsialisticheskoy obshchestvennoy sobstvennosti* [The development of socialist public property]. Sofia: Partizdat; Moscow: Ekonomika.
19. Ekhin, P.E. (1972) *Sobstvennost' i ekonomicheskie interesy pri sotsializme* [Property and economic interests under socialism]. Moscow: Mysl'.
20. Kharakhashyan, G. (1984) Sotsialisticheskaya sobstvennost' na sredstva proizvodstva i ekonomicheskie interesy [Socialist ownership of the means of production and economic interests]. *Ekonomicheskie nauki*. 11. pp. 22–28.
21. Smirnov, A.D. & Sabo, K. (eds) (1989) *Sotsialisticheskaya sobstvennost': formy realizatsii* [Socialist property: forms of implementation]. Moscow: Ekonomika.
22. Kolesov, N.D. & Pakhomova, N.V. (eds) (1990) *Sotsialisticheskaya sobstvennost': ekonomicheskie i sotsial'nye formy realizatsii* [Socialist property: economic and social forms of implementation]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Kronrod, Ya.A. (1966) *Zakony politicheskoy ekonomii sotsializma: ocherki metodologii i teorii* [Laws of political economy of socialism: Essays on methodology and theory]. Moscow: Mysl'.
24. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1971) *Bor'ba s khishcheniyami gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva* [Combating theft of state and public property]. Moscow: Yurid. lit.
25. Eremin, A.M. (ed.) (1979) *Obshchestvennaya sobstvennost' razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Public property of a developed socialist society]. Moscow: Nauka.
26. Menshikov, S.M. (1990) *Sovetskaya ekonomika: katastrofa ili katarsis* [Soviet economy: A catastrophe or catharsis]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

27. Bachurin, A.V. (1991) *Rynok v SSSR: stanovlenie, regulirovanie* [Market in the USSR: formation, regulation]. Moscow: Ekonomika.
28. Akhmeduev, A. (1991) Razgosudarstvlenie i razvitie form sobstvennosti [Denationalization and development of forms of ownership]. *Voprosy ekonomiki*. 4. pp. 48–57.
29. Lyubinin, A.B. (1990) *Tsentralizm i samostoyatel'nost' v otnosheniyakh sotsialisticheskoy sobstvennosti* [Centralism and independence in socialist property relations]. Moscow: Nauka.
30. Voslenskiy, M.S. (1990) *Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenklatura: The ruling class of the Soviet Union]. London: Overseas Publications.
31. Tambovtsev, V.L. (ed) (2009) *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Property rights, privatization and nationalization in Russia]. Moscow: Liberal Mission Foundation; NLO.
32. Orlova, E.V. (2003) Vlast', sobstvennost' i predprinimatel'stvo v Rossii [Power, property and entrepreneurship in Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 1. pp. 163–169.
33. Gimpelson, V.E. & Nazimova, A.K. (1991) “Khozyain proizvodstva”: dogma i real'nost' [“The owner of production”: A dogma and reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 22–31.
34. USSR. (1962) *Osnovy grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik. Osnovy grazhdanskogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik* [Fundamentals of civil legislation of the USSR and Union republics. Fundamentals of civil proceedings of the USSR and Union republics]. Moscow: Izvestiya.
35. RSFSR. (1968) *Grazhdanskiy kodeks RSFSR* [The Civil Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
36. USSR. (1965) Ob otverzhdenii Polozheniya o sotsialisticheskom gosudarstvennom proizvodstvennom predpriyatii: postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 04.10.1965 №731 [On the approval of the Regulations on the Socialist State Production Enterprise: Resolution No. 731 of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated October 4, 1965]. *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva SSSR*. 19-20. Art. 153.
37. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete Works: In 55 vols]. Vol. 36. Moscow: Politizdat.
38. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2020) Kollektivnaya kapitalisticheskaya sobstvennost' v institutsional'nom ustroystve Rossii [Collective capitalist property in the institutional structure of Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 13(4). pp. 186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11
39. Murinas, V. (1985) Granitsy initsiativy [Boundaries of initiative]. *Pravda*. 27th May. pp. 2.
40. Popov, G. & Shcherbakov, V. (1985) Podryad dlya zavoda [Contract for the plant]. *Pravda*. 8th June. pp. 2.
41. *Pravda*. (1987) Statistika – instrument upravleniya i glasnosti [Statistics – a tool of management and transparency]. 11th August. pp. 2.
42. The Supreme Soviet of the USSR. (1987) O gosudarstvennom predpriyatii (ob"edinenii): zakon SSSR ot 30.06.1987 [On a state enterprise (association): USSR law of June 30, 1987]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 26. Art. 385.
43. Shkurko, S.I. (1987) Prava est'! Kak ikh realizovat'? [There are rights! How to implement them?]. *EKO*. 2. pp. 60–67.
44. The Central Statistical Office under the Council of Ministers of the RSFSR. (1989) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1988 g.* [National economy of the RSFSR in 1988]. Moscow: Finansy i statistika.
45. The Supreme Soviet of the USSR. (1988) O kooperatsii v SSSR: zakon SSSR ot 26.05.1988 № 8998-XI [On cooperation in the USSR: USSR Law No. 8998-XI of May 26, 1988]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 22. Art. 355.
46. The Supreme Soviet of the USSR. (1989) Ob arende i arendnykh otnosheniyakh v SSSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 07.04.1989 № 10277-XI [On rent and lease relations in the USSR: Decree No. 10277-XI of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 04/07/1989]. In: *Kooperatsiya i arenda* [Cooperation and Rent]. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 236–244.
47. The Council of Ministers of the USSR. (1989) Ob ekonomicheskikh i organizatsionnykh osnovakh arendnykh otnosheniy v SSSR: postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 07.04.1989 № 294 [On the economic and organizational foundations of rental relations in the USSR: Resolution No. 294 of the Council of Ministers of the USSR dated 04/07/1989]. In: *Kooperatsiya i arenda* [Cooperation and Rent]. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 364–377.
48. USSR. (1989) Osnovy zakonodatel'stva Soyuza SSSR i soyuznykh respublik ob arende ot 23 noyabrya 1989 g. [Fundamentals of the legislation of the USSR and union republics on rent dated November 23, 1989]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 25. Art. 481.
49. USSR. (1990a) *O sobstvennosti v SSSR: zakon SSSR ot 06.03.1990 №1305-1* [On property in the USSR: USSR Law of 03/06/1990 No. 1305-1]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/5171153/ (Accessed: 1st September 2020).
50. USSR. (1990b) O sobstvennosti v RSFSR: zakon RSFSR ot 24.12.1990 [On property in the RSFSR: law of the RSFSR of December 24, 1990]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 30. Art. 416.
51. Bagramov, E.A. (ed.) (1991) *K Soyuzu suverennykh narodov* [To the Union of Sovereign Peoples]. Moscow: ITIS.
52. Shubin, A.V. (2005) *Paradoksy perestroyki: upushchennyy shans SSSR* [Paradoxes of the Perestroika: A missed chance of the USSR]. Moscow: Veche.
53. Polterovich, V.M. (1993) Ekonomicheskaya reforma 1992 g.: bitva pravitel'stva s trudovymi kollektivami [Economic reform of 1992: The battle between the government and labor collectives]. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 29(4). pp. 533–547.
54. RSFSR. (1990) *Ob obespechenii ekonomicheskoy osnovy suvereniteta RSFSR: zakon RSFSR ot 31.10.1990 № 293-1* [On ensuring the economic basis of the sovereignty of the RSFSR: Law No. 293-1 of the RSFSR dated October 31, 1990]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/10200085/ #ixzz6XSrIlMkz (Accessed: 1st September 2020).
55. Rassadin, V.N. (2010) Finansovye i obshcheekonomicheskie problemy oboronno-promyshlennogo kompleksa [Financial and general economic problems of the military-industrial complex]. *Nauchnye trudy Instituta narodno-khozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 8. pp. 413–431.
56. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 163. File 1256.
57. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 694. List 1. File 8.
58. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R5446. List 163. File 1256.
59. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 694. List 1. File 5. pp. 43–44.
60. The Supreme Council of the RSFSR. (1990) O dopolnitel'nykh polnomochiyakh mestnykh sovetov narodnykh deputatov v usloviyakh perekhoda k rynochnym otnosheniyam: zakon RSFSR ot 21.11.1990 № 343-I [On additional powers of local councils of people’s deputies in the context of the transition to market relations: Law No. 343-I of the RSFSR dated November 21, 1990]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR.* 26. Art. 322.
61. The Council of People's Deputies of the USSR. (1990) *O merakh po stabilizatsii ekonomiki i perekhodu k rynochnym otnosheniyam v RSFSR: postanovlenie Soveta narodnykh deputatov ot 07.12.1990* [On measures to stabilize the economy and the transition to market relations in the RSFSR: resolution of the Council of People's Deputies dated December 7, 1990]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17711.htm (Accessed: 1st September 2020).
62. The Supreme Council of the RSFSR. (1992) *O merakh po podgotovke protsessov privatizatsii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo imushchestva na territorii RSFSR: postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 25.04.1991 №1104-1* [On measures to prepare the processes of privatization of state and municipal property on the territory of the RSFSR: Resolution No. 1104-1 of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR dated April 25, 1991]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18646.htm (Accessed: 2nd September 2020).
63. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 694. List 1. File 9.
64. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 694. List 1. File 7.
65. The State Committee of the USSR on Statistics. (1991) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1990 g.* [National economy of the RSFSR in 1990]. Moscow: Rosinformtsentr.

66. Anon. (1991) Legko li vykupit' magazin? [Is it easy to buy out a store?]. *Ekonomika i zhizn'*. 12. pp. 10.
67. *Kommersant"*. (1991) V Leningrade sostoyalsya pervyy teleauktsion. Prodali magazin za 470 tysyach [The first television auction took place in Leningrad. The store was sold for 470 thousand]. 18th –25th February. pp. 9.
68. *Izvestiya*. (1990) Uchitel'nitsa kupila magazine [The teacher bought a store]. 30th November. pp. 2.
69. Goskomstat of Russia. (1992) *Narodnoe khozyaystvo Rossiyskoy Federatsii. 1992* [National economy of the Russian Federation. 1992]. Moscow: Respubl. inf.-izd. tsentr.
70. Gulin, K.A. (2019) Razvitie negosudarstvennykh form khozyaystvovaniya v rossiyskoy ekonomike v pozdnesovetskiy period [Development of non-state forms of management in the Russian economy in the late Soviet period]. In: Dimoni, T.M. (ed.) *Istoriya sotsial'nykh protsessov v Rossii (XX vek)* [History of social processes in Russia (the 20th century)]. Vologda: VoSU. pp. 164–175.
71. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 694. List 1. File 5. pp. 1–7.
72. RSFSR. (1991a) *O privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatiy v RSFSR: zakon RSFSR ot 03.07.1991 № 1531-I "R"* [On the privatization of state and municipal enterprises in the RSFSR: Law No. 1531-I "R" of the RSFSR dated July 3, 1991]. [Online] Available from: https://zakonbase.ru/content/base/4704 (Accessed: 2nd September 2020).
73. RSFSR. (1991b) *Ob imennykh privatizatsionnykh schetakh i vkladakh v RSFSR: zakon ot 03.07.1991 № 1529-I* [On registered privatization accounts and deposits in the RSFSR: Law No. 1529-I of July 3, 1991]. [Online] Available from: https://www.lawmix.ru/zkrf/58301 (Accessed: 2nd September 2020).
74. RSFSR. (1991c) *Ob uskorenii privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatiy: Ukaz Prezidenta RF ot 29.12.1991 № 341* [On accelerating the privatization of state and municipal enterprises: Decree No. 341 of the President of the Russian Federation of December 29, 1991]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/1568960 (Accessed: 2nd September 2020).
75. Russian Federation. (1992) *Ob uskorenii privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatiy: Ukaz Prezidenta RF ot 29.01.1992 № 66* [On accelerating the privatization of state and municipal enterprises: Decree No. 66 of the President of the Russian Federation of January 29, 1992]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/10104220 (Accessed: 2nd September 2020).
76. Russian Federation. (1993) *Rossiyskaya Federatsiya v 1992 godu* [The Russian Federation in 1992]. Moscow: Respubl. inf.-izd. tsentr.
77. Russian Federation. (1995) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Goskomstat Rossii.
78. Russian Federation. (1996) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Logos.
79. Goskomstat of Russia. (2000) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Goskomstat Rossii.
80. Kulikov, V. (1998) Rossiyskaya privatizatsiya v shestiletney retrospektive [Russian privatization in a six-year retrospective]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. 1. pp. 10–19.
81. Kuzenkov, A.L. & Maksimov, I.A. (1994) Vauchernaya privatizatsiya i ee posledstviya [Voucher privatization and its consequences]. *Problemy prognozirovaniya*. 2. pp. 31–44.
82. Malle, S. (1994) Privatizatsiya v Rossii: osobennosti, tseli, deystvuyushchie litsa (kriticheskiy vzglyad na osnove analiza traksaktsionnykh izderzhek) [Privatization in Russia: Features, goals, actors (a critical view based on the analysis of transaction costs)]. *Voprosy ekonomiki*. 3. pp. 49–55.
83. Krasnikova, E.V. (2004) Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti v postsotsialisticheskoy ekonomike – osnovnoe napravlenie institutsional'nykh preobrazovaniy [Transformation of property relations in the post-socialist economy – the main direction of institutional transformations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. 6. pp. 3–27.
84. Ivanov, V.N. (2007) Privatizatsiya: itogi i perspektivy (po rezul'tatam odnogo issledovaniya) [Privatization: results and prospects (based on the results of one study)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 48–60.
85. Vyuzhanina, N.E. (1998) Privatizatsiya: mify i real'nost' [Privatization: myths and reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 45–49.
86. Gelvanovskiy, M. (1993) Illyuzii i real'nost' vauchernoy privatizatsii v Rossii [Illusions and reality of voucher privatization in Russia]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 3. pp. 9–13.
87. Menshikov, S.M. (2008) *Anatomiya rossiyskogo kapitalizma* [Anatomy of Russian capitalism]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
88. Mukhachev, V.V. (2014) *Privatizatsiya Rossii, ili Igra bez pravil: k diskussii o proshlom v preddverii budushchego* [Privatization of Russia, or a game without rules: To a discussion about the past in anticipation of the future]. Moscow: Krasand.

***Сведения об авторе*:**
Гулин Константин Анатольевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: gulin_k@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Gulin Konstantin A. – Ph.D. in Economics, Ph.D. in History, Professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: gulin_k@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.09.2020; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 17.09.2020; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 352.075(571.1/.5)(091)
doi: 10.17223/19988613/87/4

«В Сибири до последних пределов назрела нужда в неотложном введении земских учреждений»: Сибирская парламентская группа и земская реформа в Сибири

Лев Михайлович Дамешек[1], Анастасия Алексеевна Кружалина[2]

[1, 2] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
[1] levdameshek@gmail.com
[2] kliokrua@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена аспектам деятельности Сибирской парламентской группы, связанным с распространением на Сибирь земской реформы и проектом сибирских депутатов по ее реализации. Охарактеризованы состав и концептуальные особенности деятельности Сибирской парламентской группы. Выявлены ключевые факторы формирования потребности в земстве в регионе. Дается оценка политической конъюнктуры, в условиях которой исследуемый проект был внесен на рассмотрение в Государственную Думу. В результате проведенного исследования сформулированы ключевые выводы о влиянии деятельности сибирских депутатов на перспективы создания земства в Сибири.
Ключевые слова: земство, Сибирь, Государственная Дума, депутаты

Для цитирования: Дамешек Л.М., Кружалина А.А. «В Сибири до последних пределов назрела нужда в неотложном введении земских учреждений»: Сибирская парламентская группа и земская реформа в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 37–43. doi: 10.17223/19988613/87/4

Original article

“In Siberia, the urgent need for the introduction of zemstvo institutions has matured to the last limits”: Siberian Parliamentary Group and Zemstvo reform in Siberia

Lev M. Dameshek[1], Anastasiia A. Kruzhalina[2]

[1, 2] Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
[1] levdameshek@gmail.com
[2] kliokrua@yandex.ru

Abstract. In the second half of the XIX century, among the few representatives of the Siberian intellectuals called “intelligentsia”, discussions about the prospects for independent political regional development were actively spread, justified by the climatic, ethno-confessional and economic features of the historical development of Siberia. The evolution of the idea of Siberian separatism can be traced in the intellectual heritage of N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin and A.P. Shchapov. In the future, the topic would be reflected in the works of the XX–XXI century historians, in particular M.V. Shilovsky, A.V. Remnev, S.V. Seliverstov and others.

It is not surprising, that the events of the revolutionary of 1905 and the authoritative decisions of Nicholas II, which were made public to appease the revolution, "breathed new life" into the idea of Siberian autonomy.Within the framework of this article, an attempt has been made to analyze the structure and conceptual features of the "Siberian Parliamentary Group", as well as the assessment of participants’ contribution of the latter to the project development for the introduction of “*zemstvos”* in Siberia.

The basis of the research source foundation consists of periodical press materials, in particular, the issues of the journal "Siberian Problems" for the specified period, as well as the articles from the newspapers "Siberia", etc. In addition, verbatim reports of State Duma meetings, memoirs of contemporaries and other sources were studied, which allow to characterize the composition and activities of the "Siberian Parliamentary Group" participants.

The authors of the article characterized the composition and conceptual features of the Siberian Parliamentary Group activities. The key factors of the formation of the need for «*zemstvo*» in the region were identified. Based on the analysis of the draft zemstvo reform in Siberia, prepared by the Siberian Parliamentary Group members, an objective assessment of the political environment in which the investigated project was submitted to the State Duma is given.

As a result of the conducted research, the key findings about the influence of the activities of Siberian deputies on the prospects of creating “*zemstvo”* in Siberia are formulated. The members of the Siberian parliamentary group as a whole acted energetically and in a timely manner, updating the most important issues requiring urgent solution to society and parliamentarians, on which the viability of the monarchy in Russia directly depended. Despite the fact that, unfortunately,

© Л.М. Дамешек, А.А. Кружалина, 2024

none of the draft laws developed by the Siberian Parliamentary Group could be implemented for the region, the experience of Siberian deputies in the effective organization of joint activities of representatives of various political parties was valuable and even unique at the dawn of Russian parliamentarism.
Keywords: zemstvo, Siberia, State Duma, deputies

For citation: Dameshek, L.M., Kruzhalina, A.A. (2024) “In Siberia, the urgent need for the introduction of zemstvo institutions has matured to the last limits”: Siberian Parliamentary Group and Zemstvo reform in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 37–43. doi: 10.17223/19988613/87/4

Во второй половине XIX в. среди немногочисленных представителей сибирской интеллигенции активно распространялись дискуссии о перспективах самостоятельного политического развития региона, обосновываемые природно-климатическими, этно-конфессиональными и экономическими особенностями исторического развития Сибири. Эволюцию идеи сибирского сепаратизма можно проследить в интеллектуальном наследии Н.М. Ядринцева [1], Г.Н. Потанина [2] и А.П. Щапова [3]. В дальнейшем тема нашла отражение в трудах историков XX–XXI столетий, в частности М.В. Шиловского [4–7], А.В. Ремнёва [8], С.В. Селиверстова [9] и др.

Опираясь изначально на традиции сибирского патриотизма и любви к малой родине, а также аргументируя свои взгляды негативным влиянием политики империи Романовых в предшествующие столетия, последователи идеи сибирского областничества концептуально оказались очень близки к европейскому либерализму. В частности, они нацеливались на развитие в регионе самоуправления, формирование выборной системы органов государственной власти и т.п. Неудивительно, что события революционного 1905 года и властные решения Николая II, обнародованные с целью усмирить революцию, «вдохнули новую жизнь» в идею сибирского автономизма. На волне выстраивания парламентских принципов коммуникации власти и общества по инициативе иркутского предпринимателя-мецената В.П. Сукачёва и историка П.М. Головачёва в Санкт-Петербурге был основан журнал «Сибирские вопросы», своим названием подчеркивающий фактическую самостоятельность региона и особость интересов ее жителей.

С I созыва Государственной Думы редакция активно сотрудничала с сибирскими депутатами, парламентариями из других административно-территориальных единиц империи. В журнале печатались материалы, характеризующие ход избирательного процесса в регионе, знакомящие читателей с программами кандидатов, а после и наказами жителей избранным парламентариям, их биографии и т.п.

В сложившейся в начале XX в. революционной ситуации либерально настроенная часть общества возлагала большие надежды на мирное разрешение конфликтных ситуаций парламентским путем. Сибирь, оказавшаяся «за бортом» многих прогрессивных реформаторских инициатив 60-х– начала 80-х гг. XIX столетия, как никакой другой регион нуждалась в преобразованиях. Решение вопроса о каторге и ссылке, распространение на регион земской реформы, инородческий вопрос и т.п. – вот лишь несколько проблем, требовавших безотлагательного решения. Вследствие этого видится закономерным появление в Государственной Думе Сибирской парламентской группы – единственного в истории дореволюционного парламентаризма внепартийного объединения региональных депутатов.

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать структуру и концептуальные особенности Сибирской парламентской группы, а также оценить вклад участников последней в разработку проекта введения земств в Сибири. Внимание исследователей сосредоточено на Третьем созыве Государственной Думы, поскольку только эта Дума просуществовала полный срок, отмеренный на ее работу законодательством империи. Кроме того, именно в этот период (1907–1911) в деятельности группы и руководстве ею приняли активное участие восточносибирские депутаты, что также представляет особый интерес для авторов, поскольку их парламентская активность до сих пор изучена слабо, в отличие от деятельности народных избранников из Западной Сибири.

Основу источниковой базы исследования составляют материалы периодической печати, в частности выпуски журнала «Сибирские вопросы» за указанный период, а также статьи из газет «Сибирь» и др. Кроме того, были изучены стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, мемуары современников и другие источники, позволяющие охарактеризовать состав и деятельность участников Сибирской парламентской группы.

Среди сибирских депутатов, съехавшихся в столицу для представления интересов региона в новообразованном парламенте, возникла идея об организации сибирской группы депутатов с целью объединения своих усилий по проведению реформ в Сибири и на Дальнем Востоке, которые уравняли бы край в социально-экономическом положении с центральными губерниями, ведь «ни одна сторона местной жизни (читай Сибири) не упорядочена, как следует, ни одна важная давно назревшая реформа не проведена в жизнь» [10. С. 2]. Оперативно была создана инициативная группа в составе известного журналиста и редактора газеты «Восточное обозрение» И.И. Попова, не обладавшего депутатским мандатом, но активно вовлеченного в парламентский процесс представителя кадетов, а также депутатов от Томской и Енисейской губерний А.И. Макушина и Н.Ф. Николаевского. Однако претворить идею в жизнь помешал разгон Думы императором.

Государственная Дума II созыва оказалась более представительной с точки зрения выражения интересов Сибири, так как пополнилась к тому же и депута-

тами от Иркутской губернии и Забайкальской области, жители которых не успели завершить избрание до разгона парламента I созыва. Уже 24 марта 1907 г. сибирскими депутатами, ранее других прибывшими в столицу, было принято решение о создании Сибирской парламентской группы, в подтверждение чего в № 7 «Сибирских вопросов» за 1907 г. был опубликован «Проект временного устава сибирской группы прогрессивных депутатов» [11], как озаглавили ее создатели.

11 апреля 1907 г. на первом собрании группы был избран руководящий комитет в составе И.П. Лаптева, Н.Я. Коншина и Б.Б. Каратаева, определены размер членских взносов (10 руб.) и целевые установки деятельности группы.

Группа создавалась для «разрешения вопроса о широком местном самоуправлении и о применении его к Сибири и к степным волостям» [12. С. 4], а также в интересах содействия парламентскому решению переселенческого вопроса, введению порто-франко на Дальнем Востоке и в Сибири в устьях рек Обь и Енисей. Объединение включало депутатов различной политической ориентации в общем количестве 23 человек. При этом представители социал-демократов и эсеров – А.К. Виноградов, депутат от Акмолинской области; И.К. Юдин, представитель от Енисейской губернии; В.Е. Мандельберг, депутат от г. Иркутска, и А.И. Бриллиантов, депутат от Енисейской губернии – отказались от участия в работе группы, аргументируя этот шаг тем, что обнаруживают возможности «сблизить задачи партийных программ с более узкими задачами областной группы…» [13].

Факт существования сибирской группы был признан другими депутатами, о чем свидетельствует право присутствия одного представителя группы на совещании президиума Государственной Думы. Кроме того, группа формально воспринималась как «оппозиционная», несмотря на то что была укомплектована далеко не исключительно представителями левых партий. Председатель комитета И.П. Лаптев даже вел переговоры о включении представителя группы и в оппозиционное бюро оппозиционных фракций думы [14. С. 43].

Непосредственно накануне роспуска Думы II созыва планировалось создать постоянный секретариат группы, а также была окончательно выработана программа требований и ключевых положений, требующих незамедлительного решения, однако события 3 июня 1907 г. этому воспрепятствовали.

По новому избирательному закону представительство Сибири в парламенте было урезано с 26 до 14 мест, однако Сибирская парламентская группа продолжила существовать, активно привлекая для своей работы не только действующих депутатов, но и многих общественно-политических и военных деятелей, неравнодушных к судьбе Сибири ученых, таких как Ц. Жамцарано, А.В. Колчак и др.

24 ноября 1907 г. состоялось первое организационное собрание Сибирской парламентской группы депутатов III созыва. В состав комитета были избраны: председателем – Николай Константинович Волков (депутат от Забайкальской области), заместителем – Пётр Иоакимович Пальчинский (внепарламентский член группы, горный инженер из Иркутска), членами – Василий Андреевич Караулов (депутат Енисейской губернии) и Владимир Иванович Дзюбинский (депутат от Тобольской губернии), секретарем – Николай Лукич Скалозубов (депутат от Тобольской губернии) [15. С. 28]. Таким образом, в составе комитета на этот раз доминировали представители территорий, входящих в состав Иркутского генерал-губернаторства (рис. 1).

Рис. 1. Сибирская группа членов III Государственной Думы. Стоят: А.Г. Мягкий (Томская губ.), К.И. Молодцов (Тобольская губ.), Н.К. Волков (Забайкальская обл.), А.А. Войлошников (Забайкальская обл.), А.И. Шило (Приморская обл.); сидят: Н.Л. Скалозубов (Тобольская губ.), Н.В. Некрасов (Томская губ.), В.И. Дзюбинский (Тобольская губ.), В.А. Караулов (Енисейская губ.), В.К. Штильке (Томская губ.), Н.А. Маньков (Амурское и Уссурийское казачьи войска), Ф.Н. Чиликин (Амурская обл.).

Волков (председатель), Караулов, как и многие другие члены группы, представляли партию кадетов, что не могло не поспособствовать лояльному отношению думцев к сибирской группе и внушало самим ее членам надежды на поддержку их инициатив коллегами по фракции.

Многие члены группы не понаслышке были знакомы с проблемами и нуждами региона и страны в целом, требовавшими безотлагательных решений.

Немаловажным было и то, что за плечами у них были годы активной борьбы с режимом. Так Н.К. Волков был членом союза военнослужащих Читинского гарнизона, принимал активное участие в Первой русской революции, за что подвергался аресту. П.И. Пальчинский был секретарем Комитета служащих и рабочих управления депо и станции Иркутск, координировал пропуск поездов на японский фронт, а также принимал активное участие в революционных событиях в Павловске и Иркутской губернии, за что в январе 1906 г. был арестован, три месяца пробыл в тюрьме и оставлен под надзором полиции.

Караулов, в прошлом легендарный народник, прошедший четыре года каторги в Шлисельбурге, практически накануне смерти (1910) парировал на возглас в Думской зале «Каторга!»: «Да... я каторга, и с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимирку за то, что смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны в этом собрании» [16. С. 411]. Таким образом, во главе группы встали представители либеральных партий, на первый взгляд разочаровавшиеся в радикальных проектах левых сил. Однако их политическое прошлое было неразрывно связано с традицией революционной борьбы с режимом, что в дальнейшем проявилось в разработке революционного по своей сути земского проекта для Сибири.

Уже с 4 декабря 1907 г. активно заработали тематические комиссии в составе группы: «1) аграрная с подразделением на подкомиссии переселенческую, землеустроительную и инородческую; 2) о путях сообщения и о порто-франко Сибири; 3) о местном управлении, самоуправлении и финансах Сибири» [17. С. 42].

Особенно активно группа содействовала введению земств в Сибири. «Сибирские вопросы» также не оставались безучастны в этом вопросе, о чем свидетельствует цикл публикаций за 1907 г. под заглавием «Какое земство ожидается Сибирью». На первый взгляд, продолжая традицию сибирских областников, в деятельности которых, по свидетельству М.В. Шиловского, земская реформа стала «первым пробным камнем» в деле распространения Великих реформ на Сибирь [5. С. 9], члены парламентской группы уже на первых заседаниях несколько дистанцировались от идеи автономии Сибири в связи с потребностью сохранить Государственную Думу и не усугублять антагонизм между «строго консервативным правительством» и обществом. Поэтому изначально было решено углубиться именно в разработку проекта о введении земств в Сибири, причем планировалось, что это должен быть законопроект, не подлежащий внесению в Государственную Думу, а лишь призванный послужить «резервом, из которого будут браться поправки к соответствующему правительственному законопроекту» [17. С. 44]. За основу был взят конституционно-демократический проект земства, из которого были изъяты некоторые статьи, а также внесены новые. Некоторые статьи, по мнению членов группы, нуждались в переработке – «по требованию своеобразно уклада сибирской жизни» [18. С. 40].

Для сибирских депутатов было важно не только содействовать распространению земства на Сибирь с парламентской трибуны, но и донести до местного населения важность и значимость появления в Сибири модели самоуправления по образу европейской России. В связи с этим членами группы было выкуплено 600 экземпляров брошюры депутата от Иркутской губернии Т.О. Белоусова «Что такое земство?», премированной Иркутским отделом Географического общества, с целью распространения ее в регионе [19. С. 36].

В № 16 «Сибирских вопросов» за 1908 г. был помещен «Земский законопроект сибирской парламентской группы» [20], внесенный в Государственную Думу за подписью 101 депутата [21. С. 13], при этом во вступительной статье к нему отмечалось, что «в Сибири до последних пределов назрела нужда в неотложном введении земских учреждений» [22. С. 1], описывалась предыстория обсуждения земских инициатив и указывалось на важность неотложного «практического осуществления хотя бы части заветных стремлений» [22. С. 2].

Сам земский законопроект предполагал распространить «Положение о губернских и уездных учреждениях», действовавшее в 34 губерниях Российской империи, с 1909 г. и на Сибирские губернии и области, за некоторым исключением отдельных уездов и округов с перспективой введения земства и в последних на основе рекомендаций, подготовленных в трехлетний срок с момента создания губернских и областных земских собраний в Сибири [20. С. 32–33].

Ввиду отсутствия в Сибири частного землевладения предполагалось расширить пассивное избирательное право за счет дозволения избирать в гласные и уполномоченные «также и всех вообще лиц, проживающих не менее года в данном уезде и получивших образование не ниже курса двухклассных сельских и городских училищ, хотя бы они и не владели никаким имущественным цензом» [20. С. 33].

Кроме того, предполагалось, что списки членов избирательных собраний и съездов до образования первых земских учреждений будут составляться уездными съездами крестьянских начальников при обязательном участии податных инспекторов, местного городского головы и двух гласных городской думы, а также, по возможности, всех живущих в уезде выборщиков в члены Государственной Думы» [20. С. 33], стремясь тем самым укрепить в земских органах позиции сторонников оппозиционных партий в противовес и без того менее популярным правым.

Опубликование законопроекта возбудило активные дискуссии вокруг него в прессе. Критическая статья была помещена в № 39-40 «Якутской жизни»; кроме того, в № 23-24 и № 26 «Сибирских вопросов» были опубликованы статьи «Возможно ли земство в При-

амурье?» (К.) [21] и «Земство в Якутской области» (Н. Виташевский) [23, 24], в которых авторы обосновывали возможность и своевременность введения земств в противовес возникающим у многих сомнениям «в возможности существования и продуктивной нормальной деятельности там земских собраний, управ и других органов самоуправления» [21. С. 13]. При этом автор статьи, посвященной Приамурью, заключает, что «на Амуре есть прекрасные силы для земской работы, вышедшие из среды самого крестьянства» [21. С. 18]. А Виташевский в подробной статье, посвященной Якутской области, приходит к выводу о том, что перспектива появления земских учреждений в ней напрямую связана с работой парламентских структур на общегосударственном уровне, ибо «только центральный орган является выразителем государственной идеи данного народа, и потому только он в состоянии безошибочно определить, в чем заключаются основы земской деятельности страны» [23. С. 45].

Выше мы уже отмечали, насколько депутаты Государственной Думы III созыва, наученные опытом скоропостижного разгона Дум двух первых созывов, были нацелены во что бы то ни стало сохранить жизнеспособность Российского парламента нового созыва и добиться от него максимально выгодных для Сибири реформ. Такая позиция основывалась на идее компромисса между консервативно-охранительными взглядами членов правительства и самого Государя императора, с одной стороны, и нуждами региона – с другой. Кроме того, было важно не поколебать народного доверия к Думе, ведь «совершенно разочароваться [в ней] и в конституционном строе – значит вступить на такой опасный путь при современном состоянии страны, который прямо и быстро ведет к пропасти анархии и всеобщего распада» [25. С. 3], одинаково не выгодной ни крайне правым, ни либеральной и умеренной оппозиции.

Депутат от Иркутской губернии член социал-демократической фракции Думы, позднее «громко» покинувший ее, Т.О. Белоусов в своем интервью «Сибирским вопросам» по итогам визита в Иркутскую губернию летом 1908 г. отмечал, что если на этапе революционных событий 1905–1906 гг. «понятие свобод, представительного правления не отложилось еще в правосознании иркутян; оно сливалось в их представлении с распущенностью, с анархичным развалом», то именно «третья Государственная Дума своей длительной сессией успела сообщить населению деревни идею свобод и представительного правления» [26. С. 53–54]. В связи с этим на сибирских избранников возлагаются большие надежды по разрешению насущных проблем региона и содействию распространения на него земской реформы. Тем более что Белоусов отмечает и крепость оформившегося политического сознания крестьян-старожилов, их вовлеченность в происходящее в Думе «вплоть до ярких инцидентов в кулуарах» [26. С. 55]. Все это позволяет депутату и его коллегам по парламентской группе заключать, что население Сибири более чем созрело для земства.

В октябре 1908 г., приветствуя открытие новой сессии Государственной Думы, «Сибирские вопросы» поспешили напомнить, что «самый насущный вопрос в Сибири – введение земского самоуправления» [27. С. 2]. Что немаловажно, было замечено, что данный вопрос в равной степени выгоден и интересен представителям политических партий различной ориентации – «от социал-демократов, включая октябристов и кончая умеренно правыми», в связи с чем редакция выражала большую надежду на скорейшее осуществление земской реформы «даже при современной политической конъюнктуре» [27. С. 3].

На поприще лоббирования идеи сибирского земства в парламенте группа в конечном итоге имела определенные успехи. В частности, проект, разработанный группой, был передан на доработку в созданную Государственной Думой подкомиссию в составе комиссии по земскому самоуправлению, возглавляемую князем А.Д. Голицыным. Об этом «Сибирские вопросы» уведомили читателей в декабре 1908 г. Заметим, что в состав подкомиссии вошли 13 человек, двое из которых представляли правых, четверо – левых (в том числе и сибирские депутаты Дзюбинский, Караулов и Войлошников), и семь представителей центра [28].

В дальнейшем рассмотренный подкомиссией проект был одобрен Думой только 30 января 1912 г. с некоторыми дополнениями. Они касались преимущественно логики избирательного процесса в Сибири в условиях отсутствия в регионе поместного дворянства. Было предложено разделить избирателей на крестьянскую и частновладельческую курии; при этом предполагалось, что в уездном земском собрании крестьянская курия будет иметь представительство в виде одного гласного от волости. Однако 5 мая 1912 г. на заседании Государственного Совета проект был отклонен, так и не получив права на реализацию. Вероятнее всего, решение по данному вопросу было подготовлено заранее, так как обсуждение законопроекта продлилось лишь несколько минут.

Подводя итоги деятельности Сибирской парламентской группы, стоит отметить, что ее члены в целом действовали энергично и своевременно, актуализируя перед обществом и парламентариями наиболее важные, требующие безотлагательного решения вопросы, от которых напрямую зависела и жизнеспособность монархии в России вообще. К достижениям парламента III созыва и Сибирской парламентской группы в частности стоит отнести и некоторые позитивные изменения, произошедшие в правительстве. Если еще в начале XX столетия правящие круги крайне враждебно смотрели на перспективу распространения земской реформы на Сибирь, то, например, в 1912 г. министром внутренних дел Российской империи А.А. Макаровым была озвучена идея возможного создания земства в Томской и Тобольской губерниях.

Несмотря на то, что ни один законопроект, разработанный Сибирской парламентской группой для региона, к сожалению, реализовать не удалось, опыт сибирских депутатов по эффективной организации совместной деятельности представителей различных политических партий является ценным и даже уникальным на заре российского парламентаризма.

Список источников

1. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири; ее нужды и потребности; ее прошлое и будущее. СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
2. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск : паров. тип.-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1907. 64 с.
3. Щапов А.П. Сочинения : в 3 т. СПб. : М. В. Пирожков, 1906–1908.
4. Шиловский М.В. Подвижник Сибири Г.Н. Потанин // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 5–8.
5. Шиловский М.В. Оценка сибирскими областниками реформ 1860–1870-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 7–10.
6. Шиловский М.В. Самопрезентация либеральных идей в представлениях сибирских интеллектуалов второй половины XIX– начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 9–15.
7. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
8. Ремнёв А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Сибирская заимка : история Сибири в научных публикациях. URL: https://zaimka.ru/remnev-colony/
9. Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 107–115.
10. П.Г. Сибирь и Государственная Дума // Сибирские вопросы. 1907. № 5. С. 1–4.
11. Проект временного устава сибирской группы прогрессивных депутатов // Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 29–30.
12. В первую очередь // Сибирская жизнь. 1907. № 2. С. 3–6.
13. Родионов И.В. Сибирская группа депутатов в Государственной думе (краткий очерк) // Сибирские отголоски. 1908. 13 янв. С. 3.
14. Протоколы заседания думской группы сибирских прогрессивных депутатов // Сибирские вопросы. 1907. № 8. С. 42–44.
15. С. Первое заседание сибирской парламентской группы // Сибирские вопросы. 1907. № 36. С. 27–28.
16. Кара-Мурза А.А. Василий Андреевич Караулов: «То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь…» // Российский либерализм : идеи и люди. 2-е изд. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М. : Новое изд-во, 2007. С. 401–415.
17. В сибирской парламентской группе // Сибирские вопросы. 1908. № 1. С. 42–45.
18. В сибирской парламентской группе // Сибирские вопросы. 1908. № 2. С. 40–43.
19. В сибирской парламентской группе // Сибирские вопросы. 1908. № 10. С. 35–36.
20. Земский законопроект сибирской парламентской группы // Сибирские вопросы. 1908. № 16. С. 32–34.
21. К. Возможно ли земство в Приамурье? // Сибирские вопросы. 1908. № 23-24. С. 13–18.
22. А. Решительный шаг к введению земства в Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 16. С. 1–4.
23. Виташевский Н. Земство в Якутской области // Сибирские вопросы. 1908. № 23-24. С. 43–57.
24. Виташевский Н. Земство в Якутской области // Сибирские вопросы. 1908. № 26. С. 5–22.
25. L. Будет ли лучше? // Сибирские вопросы. 1908. № 27-28. С. 1–3.
26. У Т.О. Белоусова, члена Государственной Думы от Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 27-28. С. 52–55.
27. К предстоящей работе сибирских депутатов // Сибирские вопросы. 1908. № 31-32. С. 1–6.
28. Из портфелей сибирских депутатов // Сибирские вопросы. 1908. № 49-52. С. 160.

References

1. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhsotletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri; ee nuzhdy i potrebnosti; ee proshloe i budushchee* [Siberia as a colony: to the tercentenary anniversary: the current situation of Siberia; her needs and wants; her past and future]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
2. Potanin, G.N. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [Oblastnichestvo in Siberia]. Tomsk: Sib. t-vo pech. dela.
3. Shchapov, A.P. (1906–1908) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov.
4. Shilovskiy, M.V. (2011) Podvizhnik Sibiri G.N. Potanin [Siberian ascetic Grigory Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(14). pp. 5–8.
5. Shilovskiy, M.V. (2011) Otsenka sibirskimi oblastnikami reform 1860–1870-kh gg. [Assessment by Siberian regionalists of the reforms of the 1860s–1870s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 7–10.
6. Shilovskiy, M.V. (2014) Samoprezentatsiya liberal'nykh idey v predstavleniyakh sibirskikh intellektualov vtoroy poloviny XIX– nachala XX v. [Self-presentation of liberal ideas in the views of Siberian intellectuals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 9. pp. 9–15.
7. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX vv.* [Siberian Oblastnichestvo in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
8. Remnev, A.V. (2013) *Koloniya ili okraina? Sibir' v imperskom diskurse XIX veka* [Colony or outskirts? Siberia in the imperial discourse of the 19th century]. [Online] Available from: https://zaimka.ru/remnev-colony/
9. Seliverstov, S.V. (2007) G.N. Potanin: sibirskoe oblastnichestvo mezhdu zapadnichestvom i evraziystvom (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [G.N. Potanin: Siberian regionalism between Westernism and Eurasianism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 300-1. pp. 107–115.
10. P.G. (1907) Sibir' i Gosudarstvennaya Duma [Siberia and the State Duma]. *Sibirskie voprosy*. 5. pp. 1–4.
11. Anon. (1907) Proekt vremennogo ustava sibirskoy gruppy progressivnykh deputatov [Draft temporary charter of the Siberian group of progressive deputies]. *Sibirskie voprosy*. 7. pp. 29–30.
12. Anon. (1907) V pervuyu ochered' [First of all]. *Sibirskaya zhizn'*. 2. pp. 3–6.
13. Rodionov, I.V. (1908) Sibirskaya gruppa deputatov v Gosudarstvennoy dume (kratkiy ocherk) [Siberian group of deputies in the State Duma (a short essay)]. *Sibirskie otgoloski*. 13th January. p. 3.
14. Anon. (1907) Protokoly zasedaniya dumskoy gruppy sibirskikh progressivnykh deputatov [Minutes of the meeting of the Duma group of Siberian progressive deputies]. *Sibirskie voprosy*. 8. pp. 42–44.
15. S. (1907) Pervoe zasedanie sibirskoy parlamentskoy gruppy [The first meeting of the Siberian parliamentary group]. *Sibirskie voprosy*. 36. pp. 27–28.
16. Kara-Murza, A.A. (2007) Vasiliy Andreevich Karaulov: "To, chto ya byl katorzhnym, sostavlyaet moyu gordost' na vsyu moyu zhizn'…" [Vasily Andreevich Karaulov: "The fact that I was a convict is my pride for my whole life..."]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and People]. 2nd ed. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 401–415.
17. Anon. (1908a) V sibirskoy parlamentskoy gruppe [In the Siberian parliamentary group]. *Sibirskie voprosy*. 1. pp. 42–45.
18. Anon. (1908b) V sibirskoy parlamentskoy gruppe [In the Siberian parliamentary group]. *Sibirskie voprosy*. 2. pp. 40–43.
19. Anon. (1908c) V sibirskoy parlamentskoy gruppe [In the Siberian parliamentary group]. *Sibirskie voprosy*. 10. pp. 35–36.
20. Anon. (1908d) Zemskiy zakonoproekt sibirskoy parlamentskoy gruppy [Zemsky bill of the Siberian parliamentary group]. *Sibirskie voprosy*. 16. pp. 32–34.

21. K. (1908) Vozmozhno li zemstvo v Priamur'e? [Is zemstvo possible in the Amur region?]. *Sibirskie voprosy*. 23-24. pp. 13–18.
22. A. (1908) Reshitel'nyy shag k vvedeniyu zemstva v Sibiri [A decisive step towards the introduction of zemstvo in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 16. pp. 1–4.
23. Vitashevskiy, N. (1908a) Zemstvo v Yakutskoy oblasti [Zemstvo in Yakutia]. *Sibirskie voprosy*. 23-24. pp. 43–57.
24. Vitashevskiy, N. (1908b) Zemstvo v Yakutskoy oblasti [Zemstvo in Yakutia]. *Sibirskie voprosy*. 26. pp. 5–22.
25. L. (1908) Budet li luchshe? [Will it be better?]. *Sibirskie voprosy*. 27-28. pp. 1–3.
26. Anon. (1908e) U T.O. Belousova, chlena Gosudarstvennoy Dumy ot Irkutskoy gubernii [T.O. Belousov, member of the State Duma from the Irkutsk province]. *Sibirskie voprosy*. 27-28. pp. 52–55.
27. Anon. (1908f) K predstoyashchey rabote sibirskikh deputatov [Towards the upcoming work of Siberian deputies]. *Sibirskie voprosy*. 31-32. pp. 1–6.
28. Anon. (1908g) Iz portfeley sibirskikh deputatov [From the portfolios of Siberian deputies]. *Sibirskie voprosy*. 49-52. p. 160.

***Сведения об авторах*:**
Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshek@gmail.com
Кружалина Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: kliokrua@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Dameshek Lev M. – Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of Russia of Historical Faculty, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com
Kruzhalina Anastasiya A. – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kliokrua@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 21.09.2023; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 93:378(571.16)"19"
doi: 10.17223/19988613/87/5

Идейные и организационные предпосылки открытия Томского института радиоэлектроники и электронной техники (1945–1962 гг.)

Антон Геннадьевич Костерев[1], Максим Юрьевич Ким[2]

[1, 2] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[1] antonkosterev@rambler.ru
[2] maksim.i.kim@tusur.ru

Аннотация. Рассматривается проблема резкого роста числа научно-образовательных институций СССР в 1950–1960-е гг. Вскрываются основные движущие силы этого процесса. Анализируются идейные истоки и организационные особенности советского способа управления социально-экономическим и научно-техническим развитием в послевоенный период. Очерчиваются границы институционального субстрата томской радиотехники к началу 1960-х гг. Траектория развития томской радиотехники иллюстрируется рядом научно-биографических примеров. Формулируются основные факторы выделения нового вуза из состава Томского политехнического института.
Ключевые слова: история науки и высшего образования, радиотехника, Сибирь, Томский политехнический институт, ТИРиЭТ

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0018.

Для цитирования: Костерев А.Г., Ким М.Ю. Идейные и организационные предпосылки открытия Томского института радиоэлектроники и электронной техники (1945-1962 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 44–51. doi: 10.17223/19988613/87/5

Original article

Ideological and organizational prerequisites for the opening of the Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology (1945–1962)

Anton G. Kosterev[1], Maksim Yu. Kim[2]

[1, 2] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
[1] antonkosterev@rambler.ru
[2] maksim.i.kim@tusur.ru

Abstract. The article examines a wide range of problems of Soviet scientific and educational construction in the middle of the 20th century in order to identify the main prerequisites for the separation of a new university TIRiET from the Tomsk Polytechnic Institute. The corpus of sources used for this purpose is represented mainly by materials from periodicals and memoirs of contemporaries. The main attention is focused on the ways and forms of development of higher education in Siberia. The connection between current technological challenges and the priorities of science and higher education in the east of the country is emphasized. The specifics of Tomsk as the leading scientific and educational center of the country are analyzed. Based on the structural-functional approach, its organizational core is identified. As part of this, the focus is on the ideological and personnel potential of local radiophysics and radio engineering. The boundaries of Tomsk radio engineering by the early 1960s are outlined. A special emphasis is placed on the consideration and analysis of the scientific and educational environment of the Tomsk Polytechnic Institute (TPI), which became the basis for the identification of TIRiET. The influence exerted by radiophysicists of Tomsk University on radio engineers of TPI illustrated by the most striking personal examples of teachers and scientists is revealed. This allows us to conclude that the key feature of Tomsk radio engineering is the initial presence of a deep fundamental component. Based on this, other conclusions regarding the direction and nature of the further institutional development of radio engineering education in Tomsk are drawn. Ways to overcome personnel problems and material and technical shortages, the adoption of an organizational and structural format of the educational process and scientific research were determined by the wide-profile specialization of the first students of the Department of Radio Engineering and the Faculty of Radio Engineering. This trait directly manifested itself at the turn of the 1950s and 60s, when young teams of radio engineers at the Polytechnic Institute began implementing large-scale projects of national importance. The considered range of issues allows us to make a theoretically significant conclusion that the decisive factors for the opening of the first specialized radio-

© А.Г. Костерев, М.Ю. Ким, 2024

electronic university in Siberia were the hybrid nature of the Tomsk radio engineering school, which contained certain elements of fundamental university science as well as high administration abilities demonstrated by the radio engineers themselves.

Keywords: history of science and higher education, radio engineering, Siberia, Tomsk Polytechnic Institute, TIRiET

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2023-0018.

For citation: Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. (2024) Ideological and organizational prerequisites for the opening of the Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Technology (1945–1962). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 44–51. doi: 10.17223/19988613/87/5

Томский институт радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ) был открыт в 1962 г. Впоследствии он несколько раз менял свое название: в 1971 г. – Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР), в 1993 г. – Томская государственная академия систем управления и радиоэлектроники (ТАСУР). В 1997 г. он получил свое современное название – Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Истоки возникновения Томского института радиоэлектроники и электронной техники, самого узкоспециализированного из всех томских вузов, уводят нас к специфике той ситуации, что складывалась на путях организации высшего образования и науки в сибирском макрорегионе в первое послевоенное двадцатилетие. Не в последнюю очередь характер основополагающих тенденций в этом направлении был обусловлен принципиальной новизной социально-экономических условий, требовавших теперь уже иных, соответствующих нуждам времени форм сочетания программ высшего профессионального образования с практиками и результатами проведения прикладных научных исследований. Фактически речь шла о поисках новых моделей организации научно-образовательной среды вузов.

Поиски эти с самого начала и в течение достаточно продолжительного времени сдерживались серьезным системным ограничением в виде весьма жесткого и носившего хронический характер финансового, материально-технического и, самое главное, кадрового дефицита. Это вынуждало жертвовать перспективами, маневрируя скудными ресурсами для решения наиболее острых текущих задач.

К моменту окончания войны вузовский сектор сибирской науки все также отличался высокой степенью концентрации, корнями уходящей еще в имперскую эпоху и неизжитой в раннесоветский период, хоть и уступавшей уровню концентрации сектора академического. При относительно слабой горизонтальной интеграции территориально-отраслевая структура вузовской сети Сибири в целом отражала региональную хозяйственную специализацию. Потенциал сибирской вузовской науки, опираясь на уже сложившиеся в местных университетских городах традиции сочетания учебной и исследовательской составляющих образовательного процесса, по сравнению с другими регионами был достаточно внушителен. Тем не менее перспективы вузовской науки здесь особой широтой не отличались в свете того, что уже к началу 1950-х гг. доминирующим сегментом в региональной подсистеме высшей школы становятся технические вузы, заточенные на поточное производство специалистов в нескольких ключевых отраслях промышленности, а не на осуществление научной деятельности.

В то же время вхождение страны в новый технологический уклад (чуть позднее получившее в СССР теоретическое обрамление в виде концепта «научно-технической революции»), наметившееся уже с начала 1950-х гг., объективно ставило на повестку дня очередной качественный скачок в сфере наукоемких отраслей промышленности, столь же неизбежно требовавших соответствующего высококвалифицированного кадрового обеспечения, что могло быть достигнуто только опережающим характером развития высшего профессионального образования. Одновременно накапливались ранее нерешенные проблемы экстенсивно-индустриального способа организации вузовской сети, откуда постепенно нарастали негативные тенденции. Стал очевидным тот факт, что сложившаяся в 1930-е гг. (и в целом, надо признать, выполнившая свою историческую задачу содействия индустриальной модернизации) система высшей школы, ориентированная на «вал по плану», серьезно отставала от запросов времени, нуждаясь в принципиальном обновлении.

Усугублялось такое положение и еще одним фактором системного характера – фактическим отсутствием внятной государственной научно-технической политики как связанной совокупности целеполагания и последовательных мер по его практической реализации. Это не могло не сказаться на темпах производственного и научного роста на периферии [1]. Возможное системное решение данной проблемы выходило далеко за рамки рутины уже привычных административных организационно-технологических мер. В свете всего этого критические проблемы, касающиеся сфер науки и высшего образования, коллективное сознание управляющих структур к тому времени уже воспринимало делом государственной безопасности и престижа, а значит, и вопросом выживания самой советской системы. Это позволяет с относительно высокой долей вероятности предположить, что определенное осознание сути и всей масштабности данной проблемной ситуации, скорее, все-таки имело свое место.

Постепенно становилась очевидной и назревавшая необходимость реформирования радиотехнического образования, обусловленная тем, что взрывное развитие этого направления в середине столетия (радиоло-

кация, радионавигация, техника СВЧ) уже переросло те рамки, что были заданы ей принятыми прежде образовательными программами. Отыскать пути выхода из этих неблагоприятным образом складывающихся обстоятельств, в частности, и была призвана реформа образования, взявшая старт с середины 1950-х гг. Ее составной частью стала реформа радиотехнического образования, инициированная и в значительной части осуществленная основателем и деканом радиотехнического факультета Московского энергетического института В.А. Котельниковым, разработавшим и внедрившим в учебный процесс новые радиотехнические курсы [2].

В целом, принимая во внимание все проблемы объективного и субъективного характера, послевоенное двадцатилетие стало «золотым веком» не только для советской науки, но и для высшего образования (по крайней мере сибирского). Помимо открытия новых вузов, уже имевшиеся учреждения обзаводились новыми факультетами, старые факультеты пополнялись новыми кафедрами. Делались и вполне конкретные шаги, направленные на активизацию и задействование научного потенциала вузов: с середины 1950-х гг. начинается целевое финансирование научно-технических разработок, ведущихся на базе вновь открытых при флагманских университетах и политехнических институтах проблемных и отраслевых научных лабораторий. Это, в свою очередь, стало подспорьем для уже сложившихся там научных школ и стимулом для зарождения новых.

Более подробный взгляд на сибирское научно-образовательное пространство той поры и его томский сегмент, ставший вскоре субстратом для научно-образовательной среды ТИРиЭТа, делает очевидным итог военного четырёхлетья, закрепившего за вузовским сектором Сибири ведущую роль в формировании регионального научного потенциала. В конце 1940-х – начале 1950-х гг., несмотря на процессы реэвакуации, это позволяло центральному руководству и местному научному истеблишменту продолжать оптимистично возлагать на него большие надежды в плане решения актуальных социально-экономических задач макрорегионального масштаба. В принципе, ведущие вузы региональных центров давали определенные на то основания даже на фоне того, что вузовская наука (в Томске, например, концентрировавшая абсолютное большинство местных научных работников) традиционно финансировалась советским государством крайне слабо в отличие от академической и отраслевой.

К концу 1950-х гг. высшее техническое образование в Сибири базировалось на уже достаточно широко развернутой сети из 19 вузов, расположенных в крупных городах, и открывавшихся на внутренней периферии их филиалов [3]. Основы для развития инженерного образования в макрорегионе продолжал закладывать Томский политехнический институт (ТПИ), остававшийся крупнейшим в своем качестве вузом за Уралом. Это позволяло ему выступать кадровым и организационно-структурным донором для новых высших учебных заведений практически по полному спектру технико-технологических отраслей, востребованных временем. Сибирский фронт высшей инженерной школы ширился в том числе и за счет все большего распространения радиотехнических специальностей, чему, помимо прочего, в немалой степени способствовало и появление научных институций радиофизического профиля.

Ядром томского научного центра, несмотря на все возраставший удельный вес политехнического института, продолжал оставаться деливший сначала с ТПИ, а потом с ТИРиЭТом нишу подготовки радиофизиков и радиотехников Томский университет, долгое время окормлявший огромные территории Западной и Восточной Сибири, а в 1950–1960-е гг. поставлявший высококвалифицированных специалистов для создания целого ряда институтов и университетов от Урала до Дальнего Востока. В 1953 г. в Томске был учрежден специализированный инженерный вуз – созданный на основе профессорско-преподавательских кадров университета и политеха Томский инженерно-строительный институт. Для Томска это время также отмечено созданием новых факультетов практически во всех составляющих его вузовского комплекса. Процесс стремительной реорганизации томской вузовской структуры продолжался длительное время, сформировав в окончательном виде ее современный облик.

Прочные позиции успела занять томская радиофизика, распределявшая профильное сообщество между университетом, где сначала была открыта кафедра радиофизики, а затем и радиофизический факультет, и политехническим институтом (выделившим в своем составе радиотехнический факультет), в стенах которого также велась научная работа, постепенно приближавшая его к статусу исследовательского технического университета. Дополнительный вес этой конфигурации придавал резко возросший за годы войны авторитет входившего в систему Томского университета Сибирского физико-технического института (СФТИ), в котором, собственно, и базировалась университетская радиофизика. При этом институт, как и все томское радиофизическое сообщество в целом, понес известные кадровые потери, что наряду с недостаточным финансированием и традиционными для Томска инфраструктурными проблемами делало дальнейшее развитие крайне проблематичным.

Открытие первого к востоку от Урала радиоэлектронного вуза именно в Томске было отнюдь не случайным – к началу 1960-х гг. здесь уже сложились для этого весьма осязаемые институциональные предпосылки: с 1950 г. политехнический институт уже имел в своем составе радиотехнический факультет, в 1953 г. университет обзавелся собственным радиофизическим факультетом, на котором в 1960 г. появилась кафедра радиоэлектроники, кроме того, не чужды радиоэлектронике были и изыскания коллективов СФТИ.

При этом решающая роль была за радиотехниками ТПИ, ибо научно-образовательная среда их факультета станет в скором времени основой и образцом для формирования целого вуза. Это диктует надобность подробной остановки на относительно короткой к тому моменту истории радиотехнического факультета.

Началась история политехнической радиотехники с появлением соответствующей специальности и отдель-

ной одноименной кафедры на открывшемся в 1945 г., еще до окончания войны, электрофизическом факультете. Инициатором и организатором нового подразделения выступил сам ректор вуза А.А. Воробьев, воспитанник «отца сибирской физики» академика В.Д. Кузнецова и главный поборник томской вузовской науки в послевоенный период. Открытие факультета было вызвано острой потребностью эвакуированных в Томск в годы войны и оставшихся здесь предприятий электропромышленности в инженерных кадрах ввиду реэвакуации квалифицированных специалистов. Яркой особенностью электрофизического факультета стали высочайшие учебная дисциплина и уровень требований к студентам даже по меркам всегда отличавшегося этим ТПИ. В дальнейшем электрофизический станет одним из самых престижных факультетов института и в какой-то мере одним из его символов, будучи лидером по наукоемкости учебного процесса и технической отдаче его результатов [4].

Через пять лет, в 1950 г., произошла реорганизация, в результате которой радиотехники обзавелись собственным факультетом. Его молодость отнюдь не была помехой достаточно динамичному развитию: за первое десятилетие существования сотрудниками было защищено 10 кандидатских и 2 докторских диссертации, вобравшая в себя радиолюбителей-изобретателей лаборатория телевидения под руководством доцента В.С. Мелихова к 1962 г. разработала, изготовила и сдала в эксплуатацию 11 телевизионных передающих центров в различных городах СССР, по совокупному объему научно-исследовательских работ в конце 1950-х гг. факультет вышел на ведущее место в ТПИ, зарегистрировав 12 авторских свидетельств [5].

Сами же студенты-радиотехники, пройдя высокий абитуриентский конкурс, внутри политехнического института считались элитой и в каком-то смысле наиболее привилегированной его частью. Надо признать, что эти представления были вполне оправданы их успехами, наиболее яркий пример которым – участие студентов старших курсов в разработке и изготовлении опытного образца радиолокационной станции наблюдения за метеорными следами в рамках участия в проведении Международного геофизического года 1957–1958 гг. [5]. Ознаменование же этого мероприятия запуском первого спутника, в свою очередь, произвело неизгладимое впечатление на радиотехническую молодежь, закрепив в их собственных глазах свой особый статус, ставший стержнем социально-профессиональной самоидентификации.

Наряду с этим имелись и проблемы, осложнявшие процессы складывания в ТПИ полноценной научно-образовательной системы для радиотехников. В массе своей это были проблемы роста, во многом возникавшие в результате местами форсированного развития в политехническом институте сразу нескольких относительно новых и критически значимых специальностей. Корни же большинства из этих проблем упирались в кадровый дефицит. Профессорско-преподавательский состав был откровенно перегружен, и от этого не спасал его численный рост, так как это был рост его преподавательской, но не профессорской составляющей. Соответственно, низкой регулярно признавалась эффективность аспирантуры. Несмотря на ежегодный рост объемов НИР, ощущалась острая нехватка времени для научно-исследовательской работы. В совокупности все это, порожденное недостатком квалифицированных специалистов ввиду постоянного роста студенческого контингента, приводило к еще большей нехватке кадров, приобретавшей хронический характер [6].

Определенная «рыхлость» еще только формируемой научно-образовательной среды радиотехнического факультета обусловливалась и еще одной проблемой – крайне скудной материально-технической и учебно-лабораторной базой, медленное наращивание которой не поспевало за быстрорастущими потребностями нового факультета. Производственная практика у первых студентов проходила на Новосибирском радиотехническом заводе, а выполнение дипломных проектов осуществлялось в научно-исследовательских институтах все того же Новосибирска, уже тогда постепенно перехватывавшего пальму первенства у Томска.

В условиях отсутствия в политехническом институте собственных преподавательских кадров в области радиотехники на первых порах учебный процесс там обеспечивался силами привлеченных сотрудников университета – В.Н. Кессениха, А.Б. Сапожникова, Б.П. Кашкина и др. Данное обстоятельство имело, без преувеличения, определяющее влияние на характер развития этого направления сначала в ТПИ, а в дальнейшем в обособившемся от него новом институте. Здесь мы имеем дело с одной из наиболее ярких отличительных особенностей томского научного микросоциума – тесной сплоченностью местного научно-педагогического сообщества, откуда, в свою очередь, вытекал междисциплинарный характер множества проводимых в рамках него исследований. Во многом это объясняется как раз тем, что зачастую при открытии новых вузов большую часть преподавателей в них составляли совместители, продолжавшие научную и педагогическую деятельность в более старых учреждениях. Так было и в нашем случае: еще задолго до открытия радиотехнического факультета упомянутые преподаватели университета, будучи крупными учеными в области радиофизики, в качестве совместителей обучали политехников, пропитывая их при этом мощной университетской научной традицией, что впоследствии частично передалось и дочернему институту. Учитывая важность этого фактора как предпосылки для складывания ценностно-смысловых параметров научно-образовательной среды будущего ТИРиЭТа, надлежит хотя бы вкратце остановиться на указанных персоналиях.

В.Н. Кессених (1903–1970) стал основоположником радиофизических исследований в Томске и основателем томской научной школы радиофизики, являясь одним из крупнейших радиофизиков СССР и лидером сибирской радиофизики в 1930–1950-х гг. [7]. В Томске он стал организатором работ одновременно по нескольким направлениям: распространению радиоволн, изучению атмосферы, телевидению, кибернетике. В частности, он руководил строительством первой в СССР (и пятой в мире) регулярно действующей ионосферной

станции. В разные годы В.Н. Кессених был проректором Томского университета, директором Сибирского физико-технического института, а также деканом физического факультета Московского университета. Им были проведены фундаментальные исследования по электродинамике излучающих систем. Его работы по теории распространения радиоволн не теряли своей актуальности до конца XX столетия. В 1953 г. В.Н. Кессених стал организатором и деканом первого и единственного в Северной Азии радиофизического факультета Томского университета.

А.Б. Сапожников (1899–1980) благодаря результатам своей многолетней научно-организационной деятельности в университете, СФТИ и политехническом институте может считаться полноправным основателем томской научной школы радиоэлектроники [8. С. 66]. Его способности и квалификация позволяли ему, еще будучи студентом университета, три года читать младшим курсам все без исключения предметы радиотехнического профиля. В дальнейшем молодой ученый отлично вписался в коллектив только что открытого СФТИ, где вскоре оформилась и приоритетная сфера его научных интересов – электромагнитная дефектоскопия металлов, надолго ставшая основной точкой приложения его личных усилий и первых самостоятельных поисков его многочисленных учеников. А.Б. Сапожников, как и В.Н. Кессених, выступил в роли организатора цикла работ по смежным направлениям, так или иначе относящимся к радиоэлектронике: под его непосредственном руководством были проведены исследования синхронизации автогенераторов электромагнитных колебаний, а также изучалась физика магнитных явлений в ферритах с целью создания и использования в технике ферритовых СВЧ-элементов. В течение долгих лет ученый обращался к решению ряда нелинейных задач в радиотехнике, связанных с проблематикой нелинейных колебаний, по возможности привлекая к этому своих учеников.

Изначально свойственный А.Б. Сапожникову мощный заряд организаторского энтузиазма, способствовавший в период неопределенности структурированию радиоконструкторских практик и их реализации в виде конкретных учебно-исследовательских форм, до конца жизни поддерживал его административно-педагогическую активность. Вместе со своим соратником Б.П. Кашкиным он нес основную нагрузку по перестройке учебного процесса в послевоенный период, разрабатывая новые курсы и обеспечивая переход на новые образовательные программы. В 1952 г. по его личной инициативе и непосредственном участии произошло открытие первой за Уралом университетской кафедры радиофизики, а в 1960 г. уже на новом радиофизическом факультете – кафедры радиоэлектроники. Обширное научно-педагогическое наследие ученого включает в себя его причастность к основанию, наряду с В.Н. Кессенихом, школы «Радиоволновое зондирование сред и объектов», сложившейся на базе университетских кафедр радиофизики и радиоэлектроники, отделов радиофизики и радиофизических методов контроля СФТИ [9].

Б.П. Кашкин (1911–1961) был в числе первых учеников В.Н. Кессениха. Один из основателей радиофизического факультета Томского университета и первый заведующий кафедрой радиофизики, он также стоял у истоков томской радиоэлектроники. В отличие от теоретика радиотехники А.Б. Сапожникова, его характеризовал более практикоориентированный уклон – это был заядлый экспериментатор и изобретатель радиоэлектронной аппаратуры. Проводя аналитические исследования воздействия внешних постоянных и переменных полей на магнитные тела, Б.П. Кашкин совместно с А.Б. Сапожниковым заложил теоретические основы электромагнитной дефектоскопии металлических тел.

Не меньшее значение, чем научно-техническое творчество ученого, имела его организационно-педагогическая деятельность. Именно он выступил инициатором подготовки специалистов по физике и технике сверхвысоких частот (СВЧ), возглавив эту специализацию, а затем взял на себя труд выполнения основного объема организационной работы по открытию кафедры радиофизики и радиофизического факультета [10. С. 3].

Из этого видно значение уже сформировавшейся к началу 1950-х гг. научной школы Кессениха–Сапожникова, ставшей если не в полной мере кадровой основой, то уж точно наглядным образцом для молодых (в прямом и переносном смыслах) радиотехников ТПИ. Широкая и местами взаимоперекрывающаяся специализация ее основателей и лидеров позволяла им организовывать и успешно осуществлять поиски одновременно по нескольким направлениям, результаты которых обладали как чисто научной значимостью, так и актуальным практическим потенциалом. Огромную роль в воспитании не узкоспециализированных техников, но широкопрофильных инженеров-творцов сыграла совместная научная и организационно-педагогическая деятельность А.Б. Сапожникова и Б.П. Кашкина, органично дополнявших друг друга в глазах учеников как теоретик и практик [11. С. 89–90].

Со временем (ближе к концу 1950-х гг.) лидерство в прикладной радиофизике Томска постепенно переходит к радиотехникам политехнического института, получившим для организации обучения на новом радиотехническом факультете мощное подкрепление напрямую из центра в лице команды молодых преподавателей из Москвы и Ленинграда. Такое вливание «свежей крови» позволило не только достичь обеспеченности факультета научно-педагогическим составом, но и ставить перед обновленным коллективом принципиально новые перспективные задачи, решая их уже на совершенно ином теоретическом уровне. Это произвело кумулятивный эффект: первое поколение преподавателей радиотехнического факультета, активно вовлекая в науку студентов, успело воспитать первое поколение преподавателей уже целого радиотехнического вуза – ТИРиЭТа. Это прекрасно иллюстрируется примером плодотворного сотрудничества прибывшего из Московского авиационного института новоиспеченного кандидата наук Е.И. Фиалко с аспирантом, а в дальнейшем ректором ТИАСУРа Ф.И. Перегудовым [12].

Вскоре смешанные коллективы радиотехников ТПИ, состоявшие из преподавателей, аспирантов и выпускников, приступили к выполнению гособоронзаказа, успехи в котором лишний раз убеждали в целесообразности их структурного обособления. В 1957 г. Е.И. Фиалко по договору с Главным артиллерийским управлением Министерства обороны взялся за реализацию амбициозного проекта – разработку измерителя координат работающей радиолокационной станции с помощью аппаратуры, расположенной в одном пункте местности – «Пункт». Ответственным исполнителем был назначен Ф.И. Перегудов, ставший с 1960 г. руководителем работ. Их промежуточные результаты требовали продолжения и расширения начатого, что было уже невыполнимо в рамках скромных возможностей радиотехнического факультета. Родившаяся в связи с этим идея Ф.И. Перегудова об открытии при ТПИ радиотехнического НИИ не встретила понимания, что вынудило его увести коллектив проекта в конструкторское бюро томского завода измерительной аппаратуры, на основе которого впоследствии был образован НИИ «Проект». Это положило начало развитию радиотехнической промышленности в Томске и стало прекрасной базой для подготовки специалистов данной отрасли [13. С. 192].

Вообще фигура Ф.И. Перегудова стала во всех смыслах знаковой для нескольких поколений томской радиотехники. Еще только начиная свою инженерно-исследовательскую деятельность под руководством Е.И. Фиалко, он уже сделал ощутимый вклад в науку, заметно выделяясь внутри коллектива, занимавшегося проблематикой радиолокации метеоров в период Международного геофизического года. Одно это уже делает его одним из символов факультета и института [14]. Свои лидерские качества организатора он проявляет, выступая инициатором создания первых студенческих конструкторских бюро, вовлекавших учащуюся молодежь в науку и одновременно прививавших ей реальные практические навыки самостоятельной инженерной работы [15]. Эти бюро стали важнейшим элементом научно-образовательной среды радиотехников, соединяя работу над курсовыми и дипломными проектами с экспериментом и изобретательством, а также педагогической активностью старшекурсников по отношению к их младшим товарищам [11. С. 211–212].

Наконец, неудавшаяся, на первый взгляд, попытка Ф.И. Перегудова создать НИИ радиотехнического профиля в ТПИ обратилась в конечном итоге открытием целого вуза, сосредоточившего главные силы Томска в сфере его научных поисков. В дальнейшем большая часть сотрудников, работавших под его руководством над проектом «Пункт», продолжила работу в ТИРиЭТе. Разрабатывавшаяся им тематика, в частности проблема влияния среды распространения радиоволн на работу радиотехнических систем и их рациональное проектирование, на многие десятилетия определила работу многих научных коллективов ТУСУРа [11. С. 83]. Сам же образ Ф.И. Перегудова, воплощавший черты научной и организационной смелости, стал важнейшим элементом знаково-символической структуры научно-образовательной среды этого вуза.

Выделение ТИРиЭТа из состава ТПИ свидетельствовало о явно наметившемся крене в сторону деконцентрации регионального потенциала высшей школы: быстро набиравший обороты вуз, постепенно становясь крупнейшим сегментом томского научно-образовательного комплекса, постепенно приобретал реальный статус исследовательского технического университета, способного прививать на своей базе передовые научные направления, которые, в дальнейшем отпочковываясь, давали жизнь уже самостоятельным институциям.

Это же говорило и о другой основополагающей тенденции – становившейся все более узконаправленной специализации высшего инженерного образования, что в принципе было адекватным нуждам тогдашней экономики. В этом отношении ТИРиЭТ как новая структурная единица томской кузницы инженерных кадров с самого начала был поставлен перед необходимостью изыскать кратчайшие и максимально эффективные пути подготовки «специалистов завтрашнего дня», ибо в условиях фазового перехода от одного технологического уклада к другому учебные планы специальностей могли заметно отставать от актуальных научно-технических проблем.

Отсюда неудивительно и то, что подобный вуз был открыт на базе не университета, а именно политехнического института: радиофизики хронически недофинансировавшегося госуниверситета, по-прежнему тяготевшего к классической модели образования и традиционно позволявшего себе фрондировать, все чаще концентрировались на менее затратной фундаментальной науке (при том, что уже имели на радиофизическом факультете специальность «радиофизика и электроника» и обладали собственной площадкой в СФТИ, на базе которой ими велись исследования в этой области) в отличие от радиотехников более политически благонадежного и практически эффективного политеха, актуальные исследования которых, получавшие относительно щедрую подпитку из центра (точечное финансирование прикладных оборонно-значимых либо двойного назначения разработок), позволили в короткие сроки создать столь мощную кадровую основу, что ей уже совсем скоро стало слишком тесно в родных пенатах.

Сложившиеся в среде научных коллективов Томска школы в области радиофизики и радиотехники были по меркам Сибири весомым аргументом, достаточным для принятия решения о закреплении части из них в стенах уже отдельного института. Появление специализированного радиоэлектронного вуза, значительно расширявшее внутреннюю образовательную периферию СССР в восточном направлении, одновременно продолжая уже обозначившуюся тенденцию полицентрирования пространства сибирской вузовской науки, было вполне в русле общемировых научно-организационных веяний, характерных для начала второй половины XX в., – соединения принципов высшей политехнической школы с пионерными научными исследованиями и инновационным сектором экономики. Присутствовали в этом сочетании и уникальные черты собственного опыта научного строительства – жесткая увязка программ подготовки специалистов и тематики исследо-

ваний с текущими потребностями индустрии. Это, впрочем, соответствовало общему контексту параллельно складывавшейся «экономики согласований», позволяя в данный период решать выдвигаемые системой задачи.

Список источников

1. Водичев Е.Г. Наука на востоке России в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск : ГЕО, 2012. 348 с.
2. Быховский М.А. Жизнь, наполненная умопостижением и действием : к 95-летию Владимира Александровича Котельникова // Электросвязь. 2003. № 9. С. 43–48.
3. Петрик В.В. Развитие сети высшей технической школы в Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX в. // Известия Томского политехнического университета. 2002. Т. 305, № 7. С. 136–143.
4. Галанова Р.А. История электрофизического факультета ТПУ как отражение традиций и инноваций Томского политехнического в музее истории университета // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 3. С. 239–243.
5. Для развития радиотехники // За кадры. 1959. 6 мая.
6. О подготовке научных кадров // За кадры. 1952. 27 мая.
7. Костерев А.Г., Ким М.Ю., Расколец В.В. Владимир Николаевич Кессених: советский физик между центром и периферией // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 2. С. 307–340.
8. Детинко В.Н. Исследования по радиоэлектронике в Томском университете // Развитие физических наук в Томском университете : сб. ст. / ред. В.И. Гаман, М.А. Кривов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 52–70.
9. Демин В.В., Завьялов А.С., Малянов С.В. Первый и единственный за Уралом // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 278. С. 6–16.
10. Воробейчиков Э.С. Как это было. Субъективные заметки очевидца того, как рождалась и была реализована идея создания радиофизического факультета в Томском университете // Архив радиофизического факультета ТГУ. 26 с.
11. Из прошлого – в будущее: воспоминания и размышления выпускников и ветеранов университета / Том. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники; ред. А.В. Кобзев и др. Томск : Изд-во ТУСУРа, 2002. 237 с.
12. Фиалко Е.И., Перегудов Ф.И., Немирова Э.К. и др. Некоторые результаты радиолокационных наблюдений метеоров в Томске в период 1957–1959 гг. // Известия Томского политехнического института. 1962. Т. 100. С. 16–19.
13. Профессора Томского политехнического университета : биографический справочник : в 2 ч. / авт.-сост.: А.В. Гагарин, Г.П. Сергеевых; под ред. В.Я. Ушакова. Томск : Изд-во ТПУ, 2006. Т. 3, ч. 2. 265 с.
14. Путь в большую науку // За кадры. 1960. 5 нояб.
15. О тех, кто дружен с наукой // За кадры. 1959. 22 апр.

References

1. Vodichev, E.G. (2012) *Nauka na vostoke Rossii v usloviyakh industrializatsionnoy paradigm* [Science in the East of Russia in the context of the industrialization paradigm]. Novosibirsk: GEO.
2. Bykhovskiy, M.A. (2003) Zhizn', napolnennaya umopostizheniem i deystviem: k 95-letiyu Vladimira Aleksandrovicha Kotel'nikova [A life filled with intellect and action: on the 95th anniversary of Vladimir Aleksandrovich Kotelnikov]. *Elektrosvyaz'*. 9. pp. 43–48.
3. Petrik, V.V. (2002) Razvitie seti vysshey tekhnicheskoy shkoly v Sibiri v kontse 50-kh – nachale 90-kh gg. XX v. [Development of a network of higher technical schools in Siberia in the late 1950s – early 1990s]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 305(7). pp. 136–143.
4. Galanova, R.A. (2005) Istoriya elektrofizicheskogo fakul'teta TPU kak otrazhenie traditsiy i innovatsiy Tomskogo politekhnicheskogo v muzee istorii universiteta [History of the Electrical Physics Faculty of TPU as a reflection of the traditions and innovations of Tomsk Polytechnic in the University History Museum]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 308(3). pp. 239–243.
5. Anon. (1959) Dlya razvitiya radiotekhniki [For the development of radio engineering]. *Za kadry*. 6th May.
6. Anon. (1952) O podgotovke nauchnykh kadrov [On the training of scientific personnel]. *Za kadry*. 27th May.
7. Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. & Raskolets, V.V. (2023) Vladimir Nikolaevich Kessenikh: sovetskiy fizik mezhdu tsentrom i periferiey [Vladimir Nikolaevich Kessenich: Soviet physicist between the center and the periphery]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44(2). pp. 307–340.
8. Detinko, V.N. (1981) Issledovaniya po radioelektronike v Tomskom universitete [Research on radio electronics at Tomsk University]. In: Gaman, V.I. & Krivov, M.A. (eds) *Razvitie fizicheskikh nauk v Tomskom universitete* [Development of physical sciences at Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 52–70.
9. Demin, V.V., Zavyalov, A.S. & Malyanov, S.V. (2003) Pervyy i edinstvennyy za Uralom [The first and only one beyond the Urals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 278. pp. 6–16.
10. Vorobeychikov, E.S. (n.d.) *Kak eto bylo. Sub"ektivnye zametki ochevidtsa togo, kak rozhdalas' i byla realizovana ideya sozdaniya radiofizicheskogo fakul'teta v Tomskom universitete* [How it was. Subjective notes from an eyewitness of how the idea of creating a radiophysics department at Tomsk University was born and implemented]. The Archive of the Radiophysics Department of TSU.
11. Kobzev, A.V. et al. (ed.) (2002) *Iz proshlogo – v budushchee: vospominaniya i razmyshleniya vypusknikov i veteranov universiteta* [From the past to the future: memories and reflections of graduates and veterans of the university]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
12. Fialko, E.I., Peregudov, F.I., Nemirova, E.K. et al. (1962) Nekotorye rezul'taty radiolokatsionnykh nablyudeniy meteorov v Tomske v period 1957–1959 gg. [Some results of radar observations of meteors in Tomsk in the period 1957–1959]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta*. 100. pp. 16–19.
13. Gagarin, A.V. & Sergeevykh, G.P. (2006) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: A biographical reference book]. Vol. 3. Tomsk: TPU.
14. *Za kadry*. (1960) Put' v bol'shuyu nauku [The path to big science]. 5th November.
15. *Za kadry*. (1959) O tekh, kto druzhen s naukoy [About those who are friendly with science]. 22nd April.

***Сведения об авторах*:**

Костерев Антон Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Ким Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Kosterev Anton G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru
Kim Maksim Yu. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 18.12.2023; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(47).084.6
doi: 10.17223/19988613/87/6

Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири в 1929 г.

Лев Викторович Кромер

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, levkromer@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль комсомола в выборах в сельсоветы Сибирского края 1929 г. В рамках подготовки и проведения выборов аппарат ВЛКСМ организовал массовую командировку комсомольцев в сельскую местность, освоил новые методы агитации населения, провел чистку собственных рядов. Вышеуказанные меры, а также «помощь» со стороны государственно-партийных органов в навязывании населению комсомольских кандидатур позволили Сибирской организации заметно увеличить численность своих представителей в сельсоветах.
Ключевые слова: комсомол, избирательные кампании, сельсоветы, крестьяне, Сибирь

Для цитирования: Кромер Л.В. Участие комсомола в выборах в сельсоветы Сибири в 1929 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 52–58. doi: 10.17223/19988613/87/6

Original article

Participation of Komsomol in elections of village councils in Siberia 1929

Lev V. Kromer

Novosibirsk State University, Novosibirsk. Russian Federation, levkromer@mail.ru

Abstract. The article considers participation of the Komsomol in election of village councils on the territory of Siberian Krai in 1929. In his study, the author has tried to reveal, which tasks were assigned to the Komsomol by the top Party leadership, how the Communist League of Youth interacted with population during elections and which results this interaction had.

As the source base of study, the following were used: reporting materials from State Archive of Novisibirsk Oblast (GANO) and State Archive of Altai Krai (GAAK), party and Komsomol press, statistical books and collections of documents.

The election campaign of 1928–1929 took place on the background of escalated social-political and economic situation: food supply difficulties in some regions and using of extraordinary methods to peasants, who did not want to supply bread to the state. Party-state leadership explained bread deficit as a result of malicious actions of capitalist elements, therefore in the new election campaign a course to increase the class struggle was declared. The major press organ of the Communist party – a newspaper “Pravda” (“The truth”) has announced one of the tasks for the elections as “"to expel from the councils of the individuals, who are Kulak’s (village bourgeoisie) agents”.

The results of the elections had a special significance in the eyes of the leaders of the USSR, so they expected Komsomol to exert its forces to organize and conduct this campaign. The Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League (VLKSM) has forbidden local organizations conducting the other campaigns at the same time. Along with city workers, thousands of Komsomol officials were sent to the country to convince public opinion to support the Soviet authorities. Theatrical methods of agitation were actively used. In addition, the Komsomol members had responsibility for preparing elections and organizing pre-election meetings of youth, where their coevals could nominate candidates from among themselves and shape elector’s mandate.

De facto, during the elections, Komsomol acted alone, without the leadership of the Communist Party. Party functionaries often harmed directly the work of Komsomol cells, taking away Komsomol functionaries for own purposes. Nevertheless, according to the results of elections, Komsomol increased its representation in village councils, due to active work with public opinion and imposing candidates to population. The increase in the number of Komsomol members was actually the main goal of Sibkraikom (Siberian Regional Committee) VLKSM - they did not hope that the elected people would be able to continue their careers as members of the council and assumed that soon they would give up their seats to the new Komsomol members, who have not yet shown themselves to be bad in the eyes of voters.
Keywords: Komsomol, election campaigns, village councils, peasants, Siberia

For citation: Kromer, L.V. (2024) Participation of Komsomol in elections of village councils in Siberia 1929. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 52–58. doi: 10.17223/19988613/87/6

© Л.В. Кромер, 2023

В советской политической системе Коммунистическому союзу молодежи отводилась роль одного из наиболее значимых элементов. Комсомол был не только «помощником» коммунистической партии, резервом для пополнения ее рядов, но и активным участником государственного строительства. Особый статус комсомола в советской политической системе выражался, в частности, и в том, что он был единственной политической организацией, помимо коммунистической партии, имевшей право выставлять своих кандидатов на выборы в советы или привлекать их для работы в органах власти на невыборной основе.

Формирование и деятельность советов, выборы в советские органы власти принадлежали к числу тем, наиболее актуальных для исследователей в СССР. Юридические основы функционирования советов, их деятельность, предвыборная борьба и партийное руководство советами в первые десятилетия их существования были подробно рассмотрены в работах А.А. Аскерова, Б.П. Кравцова, А.И. Лепешкина, Ю.С. Кукушкина, Н.Н. Олейник [1–6]. Отдельные избирательные кампании также находили свое отражение в историографии. Так, ход и результаты выборов в 1928–1929 гг. были специально изучены М.О. Чечиком. Автор пришел к выводам, вполне типичным для советской исторической науки. По его словам, итоги избирательной кампании показали огромный рост сознательности, бдительности и активности рабочего класса и трудового крестьянства. Классовые враги потерпели поражение, а кулачество оказалось политически изолированным [7].

Распад СССР не привел к исчезновению в отечественной исторической науке интереса к проблематике раннего советского строительства. Практика лишения граждан избирательных прав, электоральное поведение населения, а также сам ход выборов в советы 1920-х гг. были рассмотрены в исследованиях Л.Н. Мазур, Ю.А. Русиной, А.А. Киреева, М.С. Саламатовой, П.А Дуксина., Н.В. Офицеровой, Ю.О. Куренковой [8–17]. Н.М. Ергиной было изучено поведение кулачества как социальной группы в ходе избирательной кампании 1928–1929 гг. в Мордовском округе. Автор пришла к выводу, что массовое лишение кулаков избирательных прав вынуждало их проявлять повышенную политическую активность, любыми средствами стремясь провести в советы своих представителей. Нередко при этом, замечает автор, им удавалось достичь успеха [18]. К похожим выводам в своем исследовании на материалах Центрального Черноземья пришел А.Ю. Саран. По его мнению, выборы стали одним из центральных событий общественно-политической жизни. Они не были формальными, напротив, сопровождались реальной политической борьбой между различными группами населения и партийно-государственных элит. Коммунистическому режиму приходилось прилагать определенные усилия для навязывания населению собственной политики [19].

Роль комсомола в функционировании советских органов власти 1920-х гг. ранее мало изучалась исследователями. Единственная специальная публикация в историографии СССР за авторством В.В. Долгова была посвящена так называемому практикантству (приему комсомольцев на работу в советы без участия в выборах). Автором был сделан вывод, что начиная с середины восстановительного периода оно начало утрачивать свой сугубо комсомольской и приобретать общемолодежный характер. Сам принцип практикантства, по мнению В.В. Долгова, нашел свое дальнейшее развитие в деятельности постоянных отраслевых секций советов, комиссий исполкомов и выдвиженчестве [20].

Более подробно участие комсомола в советском строительстве изучено российскими учеными. Тамбовским историком А.А. Слезиным был сделан вывод, что участие комсомола в выборах на правах отдельного от партии участника являлось лишь имитацией демократии, маскировавшей властный монополизм власти [21, 22]. Л.С. Цветлюк в докторской диссертации было высказано суждение, что комсомол являлся выразителем молодежных интересов в советах, несмотря на отсутствие юридических оснований участвовать в их работе [23. С. 176–178]. Участие комсомола в избирательных кампаниях Псковской губернии 1920-х гг. было рассмотрено О.Г. Вишневой. Автор пришла к выводу, что в указанные годы не только происходило превращение РЛКСМ–ВЛКСМ в самостоятельного субъекта общественно-политической жизни, но и возрастали темпы его вовлечения в систему советских органов власти [24].

Избирательная кампания 1928–1929 гг. ранее не рассматривалась специально исследователями с точки зрения участия в ней комсомола. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел. На примере Сибирского края мы рассмотрим, какие задачи возлагались на комсомол высшим партийным руководством, как Коммунистический союз молодежи взаимодействовал с населением во время выборов и каковы были результаты этого взаимодействия.

С самых первых лет своего существования комсомол был связан с партией рядом обязательств, распространявшихся также и на сферу советского строительства. Совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «О взаимоотношениях Российского коммунистического союза молодежи и Российской коммунистической партии (большевиков)», изданное в августе 1919 г., требовало от комсомольцев оказывать коммунистам всяческую поддержку при проведении любых мероприятий, включая и выборы в Советы [25. С. 10]. Первая Всероссийская конференция РКСМ, состоявшаяся 1–6 июня 1921 г., не только подтвердила это указание, но и предложила организациям РКСМ самим выставлять кандидатуры комсомольцев на выборы, если эти кандидатуры будут предварительно согласованы с коммунистами [26. С. 50].

В качестве первоочередной задачи комсомола на выборах рассматривалось привлечение к ним беспартийной молодежи: агитация за поддерживаемых советской властью кандидатов, обеспечение высокой явки на выборах. Комсомольский ЦК требовал от подчиненных организаций в ноябре 1928 г. «… обсудить на специальных собраниях беспартийной молодежи и на открытых собраниях ячеек доклады избранных в советы комсомольцев… приступить к выдвижению

кандидатур из комсомольцев и беспартийной молодежи в новый состав советов». Для того чтобы предлагаемые комсомолом кандидатуры пользовались популярностью, предлагалось «… провести батрацкие и бедняцкие собрания молодежи в селах и деревнях и конференции в районах и уездах, также открытые собрания ячеек, на которых ставить отчеты комсомольцев-советчиков и выработать наказы новым депутатам» [27].

Рассматриваемая нами избирательная кампания проходила на территории РСФСР с 1 декабря 1928 до 1 апреля 1929 г. [5. С. 187]. На территории Сибири сроки кампании были определены краевой избирательной комиссией на заседании 31 октября: с 1 по 31 января должны были состояться отчеты сельских советов о своей деятельности перед населением, а в феврале – сами выборы [28].

Спецификой рассматриваемой нами избирательной кампании стало то, что она проходила в условиях обострившейся экономической и социально-политической обстановки. Несколько ранее в ходе хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг. высшим партийным руководством были санкционированы чрезвычайные меры по отношению к крестьянам, не сдавшим государству хлеб, – привлечение таковых к уголовной ответственности, проведение обысков и конфискации зерна, принудительных «займов» и т.д. В начале 1929 г. чрезвычайные меры вновь начали применяться по отношению к крестьянству [29. С. 25, 27–28]. Очевидно, это было связано с тем, что 1928 г. на Украине, Северном Кавказе, в северо-западных регионах РСФСР оказался неурожайным – цены на хлеб резко подскочили. В потребляющих районах страны возник дефицит, из-за чего местным властям с октября 1928 г. пришлось вводить нормированный отпуск муки или низших сортов хлеба для городского населения. К минимуму был сведен хлебный экспорт. В создавшихся условиях от Сибири требовали безусловного выполнения задания по вывозу хлеба из региона [30. С. 196, 201].

Недостаток хлеба в стране руководство ВКП(б) объясняло злонамеренными действиями сельской буржуазии. Если верить заключению июльского пленума ЦК ВКП(б), причиной применения чрезвычайных мер к крестьянству в 1927–1928 гг. стали действия капиталистических элементов, направленные на подрыв хлебозаготовок [30. С. 184]. Поэтому в новой избирательной кампании была дана установка на обострение классовой борьбы. ЦК ВКП(б) в своем обращении к региональным партийным организациям, опубликованном в «Правде» 1 января 1929 г. прямо указал, что «одной из важнейших задач партии на предстоящих перевыборах является… изгнание из советов элементов, являющихся кулацкой агентурой» [31].

Чтобы «помочь» крестьянам правильно провести выборы, из города в деревню по СССР выехали, по приблизительным подсчетам, около 50 тыс. рабочих. Комсомол как активный помощник партии также не мог остаться в стороне от происходящих событий. Для организации «помощи» деревне ЦК ВЛКСМ направил из города более 10 тыс. комсомольских работников [5. С. 187–188]. Циркуляром от 17 октября 1928 г. «Об участии ВЛКСМ в перевыборах советов» комсомольским ячейкам категорически запрещалось проведение каких-либо других кампаний во время выборов [21. С. 95].

По оценке Сибкрайкома ВЛКСМ, избирательная кампания 1928–1929 гг. стала первой, в которой практиковались массовые поездки горожан в деревню. Непосредственно сам Сибкрайком разослал на места 35 своих сотрудников. [32. Л. 20, 26]. Нижестоящие комитеты ВЛКСМ также широко пользовались этим методом склонить общественное мнение на сторону коммунистической партии. Например, Новосибирский окружком отправил в деревню 20 комсомольцев – рабочих «от станка», чтобы «помочь» бедноте и середнякам подготовиться к выборам [33. Л. 113]. Практически все районные комитеты Новосибирского округа выслали в ячейки для подготовки к выборам от 10 до 25 человек «околокомитетского актива» [34. Л. 1 об.]. Примечателен, кстати, тот факт, что поездки работников низовых комитетов из города в деревню обеспечивались за счет дополнительных поборов с рядовой массы. Так, комсомольцами Томска специально для шести «командировочных» было собрано 377 руб. [35]. Более чем значительная сумма для тех лет: почти половина (48,5%) сибирских рабочих по данным за 1928 г. довольствовалась заработком в 30–60 руб. в месяц [36. С. 288]. Когда коллектив безработных кожевенников на своем митинге отказался «спонсировать» посылку бригады в деревню, их решение привлекло внимание Томского окружкома. В газете «Красное знамя» была опубликована гневная заметка о недостойном поведении комсомольцев, голосовавших против выдвинутого предложения [37].

От присланных в деревню комсомольцев ожидали эффективных мер, которые позволят переломить общественное мнение крестьянства в пользу коммунистической партии и ее сторонников, привить им убеждение, будто советская власть действительно печется об интересах трудового крестьянства. Вот как выглядела, например, экспедиция рабочих-комсомольцев в с. Ново-Александровка Рубцовского округа: «десант» из города провел здесь собрание для женщин, расширенный пленум сельсовета с активом бедняцко-батрацкой и середняцкой молодежи, организовал собрания граждан на предвыборных 13 участках, провел вечер вопросов и ответов, длившийся с 18 до 23 часов. Кроме этого, в село была привезена передвижка, организовавшая крестьянам три киносеанса, работал стол справок. Наконец, после всего проделанного за день было созвано совещание коммунистов и бедняцкого актива, а также создана ячейка ВЛКСМ из пяти батраков и одного бедняка [38].

Еще одной практикой, не применявшейся ранее массово в избирательных кампаниях, стали театрализованные формы агитации. Вот, например, как проходил «перевыборный» карнавал, устроенный ячейкой с. Баево Каменского округа: «По улицам шествовали кулак, поп и бывший жандарм. Следом за ними лошадь везла будку, оклеенную предвыборными лозунгами. Комсомолец Ковалев в медную трубу выкрикивал: “Слушайте, кого не надо выбирать в советы! Вот они идут впереди. Это паразиты на советском теле. Ни кулаков, ни попов, ни их подпевал в совет не избирай-

те! Избирайте представителей бедняков, батраков, лучших активных середняков, женщин, молодежь!”». Карнавальное шествие вызвало заметный интерес у населения. По словам наблюдателя, несмотря на сильный мороз, за карнавалом шли более двухсот человек.

Не менее изобретательны оказались комсомольцы Бердского района Новосибирского округа. Ночью местные ячейки были подняты по тревоге, после чего разбились на группы, изображавшие «комсомольцев» и «кулаков». «Комсомольцы» выставили посты у сельсовета, в то время как «кулаки» пытались в сельсовет проникнуть. После окончания тревоги участники в организованном порядке прошли с песнями по селу и провели митинг, на котором инструктор райкома ВКП(б) разъяснил присутствующим, что батраки, бедняки и середняки должны сплотиться для того, чтобы дать решительный отпор кулаку [39. Л. 61–62].

Кроме агитации населения комсомол также нес и технические обязанности в подготовке избирательной кампании. Так, например, ячейка с. Крутихинского Каменского округа добровольно организовала группу из 11 человек, в задачи которой входили хождение по крестьянским избам, разъяснение крестьянам вопросов, связанных с выборами, а также сбор предложений новому составу сельсовета [40].

Выше мы уже упоминали, что в задачи комсомола входила организация предвыборных собраний для молодежи. Справляться с этим поручением у Коммунистического союза молодежи получалось не слишком успешно. Согласно сведениям, приводимым советским исследователем И.М. Чвикаловым, в сельских поселениях Сибирского края было проведено 7,5 тыс. предвыборных собраний, в которых приняли участие 280 тыс. молодых избирателей [41. С. 135]. Даже если признать приводимые советским исследователем данные верными, то получится, что все же бóльшая часть сельской молодежи не приняла в собраниях участия, – по данным переписи населения 1926 г. численность селян в возрасте от 20 до 24 лет в Сибири составляла 631,9 тыс. человек [42. С. 27].

Сибкрайком ВЛКСМ был недоволен степенью охвата молодежи комсомольскими предвыборными собраниями, видя в этом проявление слабости работы на местах. В постановлении, опубликованном 26 января 1929 г., им было указано, что местные организации недостаточно серьезно отнеслись к грядущим выборам, восприняв их лишь как очередную обычную кампанию. Многие ячейки ограничились сугубо технической деятельностью вместо того, чтобы организовывать бедняцко-батрацкую молодежь против кулака. Руководство окружкомов ВЛКСМ местными организациями было расценено как слабое и недостаточное, причем особо были выделены Томский, Омский, Каменский, Барнаульский окружкомы, а также комитет Бурят-Монгольской АССР.

Чтобы изменить сложившееся положение, Сибкрайкомом были предложены следующие меры: на «основе добровольчества» наделить каждого комсомольца конкретными обязанностями по подготовке выборов; усилить меры по организации бедняцко-батрацкой молодежи, чтобы повысить ее явку на выборы; «прикрепить» комсомольские ячейки к тем сельсоветам, где организации ВКП(б) и ВЛКСМ отсутствуют, обязав их вести работу и там; поставить перед каждым комсомольцем задачу привести на выборы не менее пяти избирателей.

Проведение каких-либо мероприятий непосредственно в день выборов было запрещено. Кроме того, Сибкрайком ВЛКСМ обязал низовые комсомольские организации добиться, чтобы день выборов был объявлен в деревнях выходным и батраки имели возможность посетить избирательные собрания [43].

Одновременно с политической мобилизацией беспартийных масс молодежи проводилась проверка самих комсомольских рядов. Одной из форм проверки на преданность коммунистической идее стало участие в составлении списков лиц, лишенных избирательных прав. Однако даже не попавшие в состав избиркомов комсомольцы должны были продемонстрировать свою готовность выступить против лиц, обвиненных в принадлежности к кулачеству. Попытки оспорить мнение членов избирательной комиссии или членов ВКП(б) однозначно трактовались как проявление политической слепоты или сознательная «вражеская вылазка». Так, в искажении «классовой линии» была обвинена целая ячейка Шабановского участка Усть-Осинского (исправлена опечатка: в источнике – «Усть-Усинского». – *Л.К.*) сельсовета Иркутского округа за то, что на своем заседании заверила биографию крестьянину Болдаеву Василию в том, что он не кулак [44. С. 1]. Как потеря «классового лица» было расценено заявление члена сельизбиркома поселка Ясная Поляна Каменского округа комсомольца Никушкина в ответ на предложение лишить двух крестьян избирательных прав: «Не надо лишать. Они такие же крестьяне, как и мы» [32. Л. 13].

Наряду с недостаточно лояльными комсомольцами выявлялись также и «неподходящие» по своему социальному происхождению или положению. Не спасало даже занятие руководящих постов. По пяти округам Сибирского края за время подготовки к выборам из ВЛКСМ были исключены 128 человек, включая пятерых секретарей районных комитетов, один из которых был даже членом окружкома. Поводом для их изгнания из организации стало то, что все они были определены как дети кулаков-лишенцев [45. Л. 162].

Примечательно, что в ходе избирательной кампании сибирский комсомол фактически функционировал самостоятельно, без руководства со стороны коммунистической партии. По оценке самого Сибкрайкома ВЛКСМ, «…партийная организация меньше всего занималась вопросом мобилизации комсомольцев на предвыборную и отчетную кампанию советов, за исключением Новосибирского окружкома ВКП(б) нигде не ставился вопрос о ходе кампании перевыборов и участии в ней комсомола. В ряде округов ограничились только тем, что записывали общий пункт в резолюцию: “Предложить ОК ВЛКСМ написать директиву, как ячейки должны участвовать в перевыборах”…» Отношение партийных работников на местах к комсомольцам и вовсе носило пренебрежительный характер. Так, например в Рыбинском районе Тарского округа

уполномоченный райисполкома и член бюро райкома ВКП(б) заявил, что на комсомол больших надежд возлагать нельзя, так как «нет актива», в то время когда в его распоряжении находилась ячейка ВЛКСМ численностью 32 человека. Некоторые секретари райкомов ВЛКСМ были отправлены на продолжительные сроки в командировки, из-за чего комсомольские ячейки в период подготовки и проведения выборов были оставлены без руководства [32. Л. 27–27 об.].

По итогам выборов 1929 г. комсомольцы получили в сельских советах 4 600 мест, что составило 5,8% от общего числа членов сельсоветов Сибирского края. По сравнению с избирательной кампанией 1927 г. ВЛКСМ улучшил свой результат примерно на треть: тогда в сельсоветы был избран 3 391 комсомолец (4,4%). Еще более заметно доля комсомольцев выросла в составе председателей сельсоветов – 410 (7,2%) против 267 (4,5%) соответственно [46. С. 61, 73]. Результаты участия комсомольцев в избирательной кампании были в целом положительно оценены Сибкрайкомом ВЛКСМ: «Успехи партии в отчетно-перевыборной кампании советов в 1929 году есть одновременно и успехи Ленинского комсомола. Краевая организация комсомола сумела обеспечить своим активным участием прошедшую отчетно-перевыборную кампанию советов, выполнила задачи, возложенные на нее партией по мобилизации масс молодежи и взрослого населения на успешное проведение столь важной политической кампании… Везде комсомольцы получили больше депутатских мандатов, чем в прошлых выборах…» [47. Л. 4].

Высший орган сибирского комсомола «деликатно» умалчивал, что увеличение достигалось не только благодаря росту авторитета комсомола, но и за счет прямого давления на местные избиркомы и избирателей. Так, Ачинский окризбирком комментировал промежуточные итоги выборов в сельсоветы в заметке от 9 февраля следующим образом: «В выборах в советы допускаются грубые политические ошибки… Недостаточно вовлечены в советы женщины и комсомольцы… Окризбирком категорически потребовал не допускать этих ошибок по другим сельсоветам» [48].

Сибкрайком ВЛКСМ тоже ожидал от подотчетных ему организаций, что те будут активно навязывать избирателям своих кандидатов. Отсутствие «твердой установки, сколько нужно провести в сельсовет комсомольцев», рассматривалось им как упущение в работе райкома. При этом эффективной работы на благо избирателей Сибкрайком не ждал. В сводке-обзоре о ходе выборов в 1929 г. он отмечал, что попытки вторично выдвинуть в сельсовет кандидатуру комсомольца, не зарекомендовавшего себя положительным образом перед крестьянами, обречены на провал – приходится выдвигать новые кандидатуры. Такое отношение избирателей, делал вывод Сибкрайком, не позволяет выращивать «советский актив из комсомольцев более крупного масштаба» [32. Л. 18].

Избирательная кампания 1928–1929 гг. занимает особое положение в истории советского строительства и участия в нем комсомола. Состав сельских органов власти в условиях усиления «классовой борьбы», а точнее, ужесточения политического курса государства против части своих граждан имел повышенную значимость в глазах государственно-партийного руководства, поэтому для ВЛКСМ выборы рассматривались как один из важнейших участков работы, требовавший полной отдачи сил.

В ходе выборов комсомолу приходилось решать целый ряд задач: осваивать новые методы агитационно-пропагандистской деятельности, участвовать в технической подготовке выборов, чистить собственные ряды, подбирать кандидатов в сельсоветы. В условиях Сибири, заметим, эти задачи решались комсомольскими работниками при отсутствии руководства со стороны ВКП(б); партийные функционеры на местах не только не помогали, но нередко создавали дополнительные трудности комсомольскому аппарату.

Главным мерилом успеха в избирательной кампании было повышение удельного веса представителей комсомола в органах власти. Благодаря усилиям комсомола по агитации населения, применению новых методов по его убеждению, а также оказанию прямого давления на избиркомы и крестьян со стороны органов государственно-партийного руководства, Сибирской организации ВЛКСМ удалось достичь поставленной цели. То обстоятельство, что выбранные в сельсоветы комсомольцы в большинстве своем не были способны эффективно работать в органах госвласти, руководство ВЛКСМ не волновало. Количество в их глазах было важнее качества.

Список источников

1. Аскеров А.А. Очерки советского строительства. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 367 с.
2. Кравцов Б.П. Советская избирательная система. М. : Госюриздат, 1957. 80 с.
3. Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1921–1936 гг.). М. : Госюриздат, 1959. 411 с.
4. Лепешкин А.И. Советы – власть трудящихся, 1917–1936. М. : Юрид. лит., 1966. 575 с.
5. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 291 с.
6. Олейник Н.Н. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советов (1921–1925 гг.). Харьков : Выща школа, 1989. 166 с.
7. Чечик М.О. Выборы Советов 1929 года и борьба Коммунистической партии за их дальнейшее укрепление // Труды Ленинградского кораблестроительного института. 1959. Вып. XXIV. С. 39–55.
8. Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», 10–12 нояб. 1997 г. Н. Тагил, 1997. С. 105–119.
9. Русина Ю.А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы) : сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», 10–12 нояб. 1997 г. Н. Тагил, 1997. С. 119–129.
10. Киреев А.А. Электоральное поведение приморского крестьянства (1923–1933 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 112–120.
11. Дуксин П.А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20–30-х годов XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 20–23.

12. Саламатова М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 12–17.
13. Офицерова Н.В. Апатия как жизненная стратегия городского населения на выборах во второй половине 1920-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 145–148.
14. Куренкова Ю.О. Выборы второй половины 1920-х гг. в Оренбужье: местная власть и крестьянство // Региональная история: методология, источники, историография : сб. науч. трудов Третьих международных Усмановских чтений. Уфа, 2016. С. 57–59.
15. Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск : НГУЭУ, 2016. 338 с.
16. Саламатова М.С. Институт избирательных собраний в РСФСР (1918–1936 гг.) // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства : материалы науч.-техн. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2017. С. 97–99.
17. Саламатова М.С. Институт лишения избирательных прав в Советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 года // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 125–144.
18. Ергина Н.М. Классовая борьба в условиях проведения кампании перевыборов Советов Мордовского округа (1928–1929 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1. С. 86–90.
19. Саран А.Ю. Выборы 1929 г. в Советы Центрально-Черноземной области // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 179–185.
20. Долгов В.В. «…признать принцип практикантства желательным» // Позывные истории. М. : Мол. гвардия, 1982. Вып. 7. С. 198–212.
21. Слезин А.А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2002. 220 с.
22. Слезин А.А. Роль комсомола в избирательном процессе и функционировании местных Советов (1921–1929 гг.) // Клио. 2003. № 4. С. 160–168.
23. Цветлюк Л.С. Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества: 1917–1941 годы : дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 591 с.
24. Вишнева О.Г. Участие Псковской губернской комсомольской организации в кампаниях по перевыборам Советов в 1920-е гг. // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 40. С. 112–116.
25. Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М. : Мол. гвардия, 1987. 384 с.
26. Товарищ комсомол. М. : Мол. гвардия, 1969. Т. 1: 1918–1941. 605 с.
27. Участие ВЛКСМ в перевыборах Советов // Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). 1928. № 33. С. 13.
28. Утверждены твердые сроки перевыборов // Советская Сибирь. 1928. 2 нояб. С. 3.
29. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М. : Собрание, 2009. 288 с.
30. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта : (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М. : РОССПЭН, 2010. 343 с.
31. О перевыборах Советов // Правда. 1929. 1 янв. С. 1.
32. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-58. Оп. 1. Д. 173.
33. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 630.
34. ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 753.
35. Отправляется комсомольская бригада в деревню // Красное знамя. 1929. 30 янв. С. 2.
36. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. Н. В. Блинов. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 425 с.
37. Комсомольцы смазали посылку бригады // Красное знамя. 1929. 19 янв. С. 2.
38. Что делают рабочие бригады на селе? // Молодой рабочий. 1929. 16 янв. С. 3.
39. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3497.
40. Комсомольцы помогают перевыборам // Молодая деревня. 1929. 19 янв. С. 5.
41. Чвикалов И.М. Советская деревня: партийная организация, советы, комсомол. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 173 с.
42. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. Вып. 7: Возраст и грамотность населения СССР. 111 с.
43. Участие комсомола в перевыборах Советов все еще недостаточно // Молодой рабочий. 1929. 26 янв. С. 2.
44. Бороться за четкую классовую линию // Власть труда. 1929. 30 янв. С. 1.
45. ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 752.
46. Сибирский край : (стат. справочник). Новосибирск : Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.
47. ГАНО. Ф. П-188. Оп. 1. Д. 748.
48. В ряде сельсоветов мало избрано батраков, бедняков и середняков // Ачинский крестьянин. 1929. 9 февр. С. 2.

References

1. Askerov, A.A. (1953) *Ocherki sovetskogo stroitel'stva* [Essays on Soviet construction]. Moscow: Moscow State University.
2. Kravtsov, B.P. (1957) *Sovetskaya izbiratel'naya sistema* [Soviet electoral system]. Moscow: Gosyurizdat.
3. Lepeshkin, A.I. (1959) *Mestnye organy vlasti Sovetskogo gosudarstva (1921–1936 gg.)* [Local authorities of the Soviet state (1921–1936)]. Moscow: Gosyurizdat.
4. Lepeshkin, A.I. (1966) *Sovety – vlast' trudyashchikhsya, 1917–1936* [Soviets – the power of the working people, 1917–1936]. Moscow: Yurid. lit.
5. Kukushkin, Yu.S. (1968) *Sel'skie Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.)* [Rural Soviets and class struggle in the countryside (1921–1932)]. Moscow: Moscow State University.
6. Oleynik, N.N. (1989) *Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po ukrepleniyu Sovetov (1921–1925 gg.)* [Activities of the Communist Party to strengthen the Soviets (1921–1925)]. Kharkov: Vyshcha shkola.
7. Chechik, M.O. (1959) Vybory Sovetov 1929 goda i bor'ba Kommunisticheskoy partii za ikh dal'neyshee ukreplenie [Elections of the Soviets of 1929 and the struggle of the Communist Party for their further strengthening]. *Trudy Leningradskogo korablestroitel'nogo instituta*. XXIV. pp. 39–55.
8. Mazur, L.N. (1997) Lishenie izbiratel'nykh prav krest'yan v 20-e – pervoy polovine 30-kh godov (po materialam lichnykh del) [Deprivation of voting rights of peasants in the 1920s – the first half of the 1930s (based on personal files)]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repression in the Urals: Ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 105–119.
9. Rusina, Yu.A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'nykh prav za svyaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–30-e gody (po materialam lichnykh del) [Characteristics of those deprived of voting rights for connections with a religious cult in the Urals in the 1920s–30s (based on personal files)]. In: Kirillov, V.M. (ed.) *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gody)* [History of repression in the Urals: Ideology, politics, practice (1917–1980s)]. Nizhny Tagil: [s.n.]. pp. 119–129.
10. Kireev, A.A. (2007) Elektoral'noe povedenie primorskogo krest'yanstva (1923–1933 gg.) [Electoral behavior of the coastal peasantry (1923–1933)]. *Rossiya i ATR*. 4. pp. 112–120.
11. Duksin, P.A. (2009) Lishenie izbiratel'nykh prav grazhdan po sovetskomu zakonodatel'stvu 20–30-kh godov XX veka [Deprivation of voting rights of citizens under Soviet legislation of the 1920–30s]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 5. pp. 20–23.
12. Salamatova, M.S. (2013) Elektoral'noe povedenie krest'yanstva v 1920-e gg. [Electoral behavior of the peasantry in the 1920s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4. pp. 12–17.
13. Ofitserova, N.V. (2014) Apatiya kak zhiznennaya strategiya gorodskogo naseleniya na vyborakh vo vtoroy polovine 1920-kh gg. [Apathy as a life strategy of the urban population in elections in the second half of the 1920s]. *Vlast'*. 5. pp. 145–148.

14. Kurenkova, Yu.O. (2016) Vybory vtoroy poloviny 1920-kh gg. v Orenbuzh'e: mestnaya vlast' i krest'yanstvo [Elections of the second half of the 1920s in Orenbuzhye: Local authorities and the peasantry]. In: *Regional'naya istoriya: metodologiya, istochniki, istoriografiya* [Regional history: methodology, sources, historiography]. Ufa: [s.n.]. pp. 57–59.
15. Salamatova, M.S. (2016) *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: legislation and implementation practice (1918–1936)]. Novosibirsk: NGUEU.
16. Salamatova, M.S. (2017) Institut izbiratel'nykh sobraniy v RSFSR (1918–1936 gg.) [Institute of electoral assemblies in the RSFSR (1918–1936)]. *Novatsii yuridicheskoy nauki i praktiki kak faktor gar-monizatsii vzaimootnosheniy lichnosti, obshchestva i gosudarstva* [Innovations of legal science and practice as a factor in the harmonization of relationships between the individual, society and the state]. Proc. of the Conference. Novosibirsk: NSU. pp. 97–99.
17. Salamatova, M.S. (2018) Institut lisheniya izbiratel'nykh prav v Sovetskoy Rossii: ot Konstitutsii 1918 goda k Konstitutsii 1936 goda [The institution of deprivation of voting rights in Soviet Russia: From the Constitution of 1918 to the Constitution of 1936]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 3. pp. 125–144.
18. Ergina, N.M. (2010) Klassovaya bor'ba v usloviyakh provedeniya kampanii perevyborov Sovetov Mordovskogo okruga (1928–1929 gg.) [Class struggle in the conditions of the re-election campaign of the Soviets of the Mordovian district (1928–1929)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-1. pp. 86–90.
19. Saran, A.Yu. (2016) Vybory 1929 g. v Sovety Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti [Elections of 1929 to the Councils of the Central Black Earth Region]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 11. pp. 179–185.
20. Dolgov, V.V. (1982) "…priznat' printsip praktikantstva zhelatel'nym" ["...recognize the principle of internship as desirable"]. In: *Pozyvnye istorii* [Call Sign Stories]. Vol. 7. Moscow: Mol. Gvardiya. pp. 198–212.
21. Slezin, A.A. (2002) *Molodezh' i vlast': iz istorii molodezhnogo dvizheniya v Tsentral'nom Chernozem'e 1921–1929 gg.* [Youth and power: from the history of the youth movement in the Central Black Earth Region 1921–1929]. Tambov: TSTU.
22. Slezin, A.A. (2003) Rol' komsomola v izbiratel'nom protsesse i funktsionirovanii mestnykh Sovetov (1921–1929 gg.) [The role of the Komsomol in the electoral process and the functioning of local Soviets (1921–1929)]. *Klio*. 4. pp. 160–168.
23. Tsvetlyuk, L.S. (2006) *Politika kompartii i gosudarstva po privlecheniyu molodezhi k stroitel'stvu sotsialisticheskogo obshchestva: 1917–1941 gody* [Policy of the Communist Party and the state to attract youth to the construction of a socialist society: 1917–1941]. History Dr. Diss. Moscow.
24. Vishneva, O.G. (2014) Uchastie Pskovskoy gubernskoy komsomol'skoy organizatsii v kampaniyakh po perevyboram Sovetov v 1920-e gg. [Participation of the Pskov provincial Komsomol organization in the campaigns for re-election of the Soviets in the 1920s]. *Pskov: nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal*. 40. pp. 112–116.
25. Anon. (1987) *Dokumenty KPSS o Leninskom komsomole i pionerii* [Documents of the CPSU about the Lenin Komsomol and the Pioneers]. Moscow: Molodaya gvardiya.
26. Anon. (1969) *Tovarishch komsomol* [Comrade Komsomol]. Vol. 1. Moscow: Mol. gvardiya.
27. Anon. (1928) Uchastie VLKSM v perevyborakh Sovetov [Participation of the Komsomol in the re-election of the Soviets]. *Izvestiya Tsentral'nogo komiteta Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b)*. 33. p. 13.
28. *Sovetskaya Sibir'*. (1928) Utverzhdeny tverdye sroki perevyborov [Firm deadlines for re-elections have been approved]. 2nd November. p. 3.
29. Ivnitskiy, N.A. (2009) *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [The famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Black Earth Region, Western Siberia, the Urals]. Moscow: Sobranie.
30. Ilinykh, V.A. (2010) *Khroniki khlebnogo fronta: (zagotovitel'nye kampanii kontsa 1920-kh gg. v Sibiri)* [Chronicles of the grain front: (procurement campaigns of the late 1920s in Siberia)]. Moscow: ROSSPEN.
31. *Pravda*. (1929) O perevyborakh Sovetov [About the re-election of the Soviets]. 1st January. p. 1.
32. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund P-58. List 1. File 173.
33. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 630.
34. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 753.
35. *Krasnoe znamya*. (1929) Otpravlyaetsya komsomol'skaya brigada v derevnyu [The Komsomol brigade is sent to the village]. 30th January. p. 2.
36. Blinov, N.V. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [Siberian working class during the construction of socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.
37. *Krasnoe znamya*. (1929) Komsomol'tsy smazali posylku brigady [Komsomol members greased the brigade's parcel]. 19th January. p. 2.
38. *Molodoy rabochiy*. (1929) Chto delayut rabochie brigady na sele? [What do work teams do in the village?]. 16th January. p. 3.
39. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-2. List 1. File 3497.
40. *Molodaya derevnya*. (1929) Komsomol'tsy pomogayut perevyboram [Komsomol members help re-elections]. 19th January. pp. 5.
41. Chvikalov, I.M. (1985) *Sovetskaya derevnya: partiynaya organizatsiya, sovety, Komsomol* [Soviet village: party organization, councils, Komsomol]. Voronezh: VSU.
42. USSR. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki* [All-Union Population Census of December 17, 1926: brief summaries]. Vol. 7. Moscow: TsSU Soyuza SSSR.
43. *Molodoy rabochiy*. (1929) Uchastie komsomola v perevyborakh Sovetov vse eshche nedostatochno [The participation of the Komsomol in the re-election of the Soviets is still not enough]. 26th January. p. 2.
44. *Vlast' truda*. (1929) Borot'sya za chetkuyu klassovuyu liniyu [Fight for a clear class line]. 30th January. p. 1.
45. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 752.
46. Anon. (1930) *Sibirskiy kray: (stat. spravochnik)* [Siberia (statistics)]. Novosibirsk: Statsektor Krayplana.
47. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-188. List 1. File 748.
48. *Achinskiy krest'yanin*. (1929) V ryade sel'sovetov malo izbrano batrakov, bednyakov i serednyakov [In a number of village councils, few farm laborers, poor and middle peasants were elected]. 9th February. p. 2.

***Сведения об авторе*:**
Кромер Лев Викторович – преподаватель кафедры гуманитарных наук Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: levkromer@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kromer Lev V. – Lecturer of the Department of Humanities of Specialized Educational Scientifical Center of Novosibirsk State University (Novosibirsk. Russian Federation). E-mail: levkromer@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 02.09.2020; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(571.1)
doi: 10.17223/19988613/87/7

Метрическая реформа в Барнаульском округе

Илья Вадимович Макаров

Томский государственный университет, Томск, Россия, makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс проведения метрической реформы на территории Барнаульского округа в 1920-е гг. Освещен ход реформы в комитете внутренней торговли, земельном управлении, отделе народного образования и отделе местного хозяйства; отмечены проблемы, возникавшие в ходе метризации государственных учреждений и подведомственных им предприятий. Отражена деятельность Барнаульской окружной междуведомственной метрической комиссии, являвшейся органом, ответственным за организацию и проведение метрической реформы в округе.
Ключевые слова: раннесоветский период, метрическая реформа, метризация, Алтайская губерния, Барнаульский округ

Для цитирования: Макаров И.В. Метрическая реформа в Барнаульском округе // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 59–65. doi: 10.17223/19988613/87/7

Original article

Metric reform in the Barnaul district

Ilya V. Makarov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted the process metric reform of the 1920s, which is one of the most important parts of the history of Russian and Siberian metrology and an integral part of the socio-economic modernization of the USSR, in the Barnaul district.

The purpose of the article was to establish the circumstances, timing and results of the metric reform in the Barnaul district, as well as to identify problems and difficulties that arose during the transition from the russian measurement system to the metric system.

The main sources for writing the article were the files of the funds of the State Archive of the Altai Territory, which present the records of the Altai provincial and Barnaul district executive committees, the Altai provincial and Barnaul district interdepartmental metric commissions, administrative bodies and departments of executive committees, institutions and enterprises on the progress of metric reform and the introduction of the metric system; the files of the State Archive of the Novosibirsk Region were also used.

The article describes the process of transition to the metric system in the Barnaul district in such sectors as trade, land use planning, forestry, public education and municipal economy, the main problems and difficulties that arose during the introduction of reform in various sectors of the national economy, and also reflects the activities of the Barnaul district interdepartmental metric commission in 1924-1928.

Based on the results of the study, conclusions were drawn about the progress of the metric reform in the Barnaul district. Confirmed that the main problems and difficulties in carrying out the reform in Altai generally coincided with the problems in other regions south Western Siberia (absence of qualified metrologists, lack of factories and workshops for the production of new metric measuring instruments, lack of funding). Noted that the main part of the activities within the framework of the metric reform in the Barnaul district was carried out in 1925-1927.
Keywords: Early Soviet Period, metric reform, metrication, Altai province, Barnaul district

For citation: Makarov, I.V. (2024) Metric reform in the Barnaul district. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 59–65. doi: 10.17223/19988613/87/7

© И.В. Макаров, 2024

Переход с русской на метрическую систему измерений, прошедший на территории СССР в основном в 1920-е гг. и носящий в законодательных актах наименование метрической реформы, представляет собой малоизученный в отечественной историографии сюжет. В значительной степени это можно объяснить тем, что в комплексе тех мероприятий, что предпринимались в советской экономике в данный исторический период с целью социально-экономической модернизации страны, метрическая реформа занимала не самое значимое место. Внимание к реформе со стороны как центральных, так и местных органов власти уделялось по остаточному принципу, прямым следствием чего являлись, например, частые срывы сроков введения метрических мер в тех или иных отраслях торговли и промышленности.

В то же время стоит отметить, что данная реформа коснулась каждого гражданина советского государства и повлияла на все сферы общественной жизни, что и обусловливает необходимость изучения данной темы. Особую роль метрическая реформа сыграла в экономической сфере, а именно в развитии советской промышленности. В частности, результатами реформы стали стандартизация сортаментов и унификация систем измерений, использовавшихся на производственном оборудовании, что имело существенное значение для последующей индустриализации.

Необходимо упомянуть, что метрическая система мер внедрялась на территории СССР неравномерно, при достаточно разных условиях и обстоятельствах. К 1918 г., когда советским правительством было объявлено о начале перехода на метрическую систему [1. С. 902–903.], на территории Азиатской России отсутствовали кадры и материально-техническая база, аналогичные сформировавшимся на территории Европейской России в начале XX в. в ходе метрологической реформы Д.И. Менделеева. Несмотря на то, что в ходе метрической реформы Главная палата мер и весов активно занималась вопросом создания поверочных учреждений за Уралом, даже к концу 1920-х – началу 1930-х гг., когда реформа вступила в свой заключительный этап [2. С. 1101], число поверителей оставалось крайне незначительным относительно площади азиатской части СССР. На территории Алтайской губернии и сформированных в ходе районирования на ее площади административно-территориальных единиц создание поверочного учреждения произошло лишь ближе к завершению основного этапа реформы, в 1927 г., когда в Барнауле было учреждено постоянное отделение Новосибирской поверочной палаты.

В связи с этим представляется интересным рассмотреть, каким образом происходил переход на метрическую систему на Алтае в условиях отсутствия специалистов-метрологов и постоянно действующих научно-технических учреждений, ответственных за поверку измерительных приборов. Также важно иметь в виду, что Барнаул в 1920-е гг. не располагал серьезными научно-образовательными ресурсами, которые были крайне желательны в условиях такого масштабного мероприятия, как метрическая реформа, – как для обеспечения быстрого и безболезненного перехода на новую систему мер в разных отраслях народного хозяйства, так и для ведения разъяснительной и агитационной работы среди городского и сельского населения.

Оптовая и розничная торговля

Переход на метрическую систему в сфере торговли на территории Барнаульского округа формально был произведен еще в начале 1925 г. на основании календарного плана Алтайского губернского комитета внутренней торговли (губкомвнуторга) по метризации торговли губернии [3. Л. 59]. Однако на практике сложилась несколько иная ситуация, в силу которой возможно утверждать, что введение метрических мер в торговле округа продолжалось и в 1926–1927 гг.

Основной проблемой явилось приравнивание старых русских мер к метрическим, получившее распространение как в торговле, так и в промышленности; наиболее ярким и показательным примером здесь служит приравнивание мер веса – пуда к 16 кг, фунта к 400 г, килограмма к 2,5 фунтам. Взаимосвязана с ней была и другая проблема, заключавшаяся в том, что в торговле, вопреки постановлению Центральной междуведомственной метрической комиссии (ЦММК) при Совете труда и обороны СССР № 60, вместо таких расценочных единиц, как 1 кг, 500 и 100 г, зачастую использовалось 400 г.

Стоит отметить, что данная ситуация была свойственна не только для Алтая, но и для Западной Сибири в целом, равно как и для других регионов СССР. Подобные практики, ставшие для многих повседневными, фактически делали метрическую реформу фикцией, поскольку торговля (в первую очередь розничная) продолжала вестись не на килограммы, а на все те же округленные для метрической системы мер фунты, что не способствовало внедрению метрических мер в быту. Сказывалось и крайне осторожное отношение населения к метрической системе, что, как отмечалось ОкрММК, способствовало продолжению использования русских мер [4. Л. 8].

Из отчетов Барнаульского окрадмотдела за октябрь–декабрь 1925 г. и январь–март 1926 г. также усматривается, что русские меры могли продолжать использоваться при приеме сельскохозяйственных продуктов и сырья, сделки с крестьянами могли совершаться в двух системах мер, в ряде районов из-за недостатка метрических измерителей продолжали использоваться русские меры. Кроме того, русские меры активно использовались при заготовке лесоматериалов (по причине их продажи за границу и необходимости измерения в дюймах и футах), производстве напитков и торговле ими (из-за отсутствия метрической посуды), закупке и продаже зерна (в силу неприятия крестьянством метрической системы) и т.д.

Ситуация осложнялась еще и тем, что местное население освоилось только с метрическими мерами длины, меры же веса и объема усваивались на селе плохо. Одной из причин данного положения являлась ситуация с пропагандой метрической системы среди крестьянского населения, которая, согласно отчетам, оставляла желать лучшего. Окрадмотдел указывал, что

пропаганда метрических мер в районах округа производилась в лучшем случае партийными и профессиональными организациями, в худшем – не производилась вообще, в силу чего знакомство крестьян с метрической системой происходило только при совершении каких-либо операций [4. Л. 38–39 об., 41].

Чтобы повлиять на ситуацию, Барнаульский окрисполком 2 февраля 1927 г. принял обязательное постановление № 65-15/Г, которым зафиксировал на территории округа в качестве обязательных расценочные единицы в 1, 10, 100, 500 г, 1, 10 и 100 кг, установив административную (при первом нарушении) и судебную (при повторном нарушении) ответственность в случае использования иных единиц [5. Л. 149]. В дополнение к нему 19 марта 1927 г. окрисполкомом было принято обязательное постановление № 2, устанавливавшее с 1 июля 1927 г. использование в оптовой и розничной торговле только метрических мер [5. Л. 198]. В октябре 1927 г. также было опубликовано и предписано к обязательному исполнению постановление Наркомторга СССР «Об исключительном применении метрических мер», преследовавшее те же цели, что и постановление окрисполкома № 65-15/Г, но на союзно-республиканском уровне [6. Л. 133].

Стоит упомянуть, что одновременное использование русских и метрических мер, равно как и попытки упорядочить их использование посредством многочисленных постановлений, не лучшим образом отражалось на работе статистических и финансовых учреждений. Возникавшие разночтения вносили, как можно предположить, беспорядок в их деятельность, поскольку им приходилось брать в учет одновременно как союзно-республиканские и ведомственные постановления, так и постановления Сибкрайисполкома и местных окрисполкомов, которые могли противоречить друг другу (вполне возможно, что центральные власти и наркоматы были просто не в состоянии отслеживать все возникавшие нестыковки). В частности, таким выбивающимся из общего ряда документом был циркуляр статистического отдела Сибкрайисполкома от 9 декабря 1927 г., который предписывал статистическим отделам окрисполкомов при расчете и определении сельских цен считать фунт за 400 г, пуд за 16 кг, центнер за 6,25 пудов. В то же время статистические и финансовые отделы на основании рекомендаций Наркомфина СССР обязаны были исходить из соотношения 1 кг = = 2,44 фунта, или 0,061 пуда [6. Л. 181, 216а об].

Землеустройство и лесное хозяйство

Основная деятельность по введению метрической системы в окружном земельном управлении пришлась на 1926–1927 гг. Из плана работ по метризации на январь–сентябрь 1926 г. видно, что к январю 1926 г. в большинстве своих документов и при проведении работ сотрудники отделов управления либо использовали двойные обозначения, либо производили измерения в русской системе мер с последующим переводом в метрическую. Такой порядок имел место в отделе землеустройства при составлении геодезических журналов, таблиц площадей и проектных планов, в лесном отделе – при работах по устройству лесов местного значения, составлении планов насаждений и т.д. Предполагалось, что к осени 1926 г. во всех отделах будет произведен переход на метрическую систему при произведении всех работ и ведении документации [4. Л. 18–19 об.].

Позднее в отчете за июль–сентябрь 1926 г. управление указывает, что в результате к работе по метризации была привлечена значительная часть личного состава – участковые землеустроители и землемеры-исполнители в отделе землеустройства, участковые агрономы в сельскохозяйственном отделе и лесничие в лесном отделе; по управлению, как и по каждому отделу, были назначены ответственные за проведение метризации. Представители управления также стали одними из важных проводников метрической реформы в сельской местности. По мере возможности ими велась пропаганда метрической системы среди населения путем выступлений с докладами, рассылки и ознакомления с метрической системой мер через плакаты, переводные таблицы мер и брошюры.

Несмотря на то, что к осени 1926 г., как следует из отчета, значительная часть расчетов и работ управления производилась в метрических мерах, землеустроительные работы продолжали почти полностью производиться саженными лентами – по причине продолжающейся нехватки метрических измерителей. К февралю 1926 г. в Барнауле уже действовали весовая и слесарно-механическая мастерские, занимавшиеся в том числе переделкой мер и весов на метрическую систему [4. Л. 130 об.], однако их деятельности было явно недостаточно для обеспечения округа новыми измерителями.

В целом нехватка измерителей наблюдалась в трех из пяти отделов управления. О масштабе проблемы дает представление предъявленная в отчете номенклатура – отделу землеустройства требовалось суммарно 244 измерителя (в наличии имелось 63), отделу мелиорации – 33 (в наличии – 11), лесному отделу – 75 (в наличии – 22); отдел сельского хозяйства и ветеринарный отдел в измерителях не нуждались [4. Л. 2–4 об.].

Переход на метрическую систему продолжался в управлении и в 1927 г. К осени 1927 г. переход завершили все отделы, кроме отдела землеустройства, в котором еще продолжалось активное использование русских мер из-за нехватки измерителей и в силу масштаба той работы, которую отделу необходимо было провести для составления новых регистрационных и районных карт в пределах округа; данные проблемы не были решены и к весне 1928 г., когда в отделе на метрические меры было переведено всего 32% работ [4. Л. 175–176, 203].

Народное образование

Введение метрической системы мер в учреждениях народного образования Барнаульского округа началось еще в 1923 г., однако не было полностью закончено и к 1928 г., в первую очередь в силу масштабности задач, поставленных перед отделом народного образования (ОНО), при очень скудном финансировании и обеспечении справочными материалами. На отдел фактиче-

ски была возложена основная нагрузка по обучению населения метрической системе мер, а также ведению агитации и пропаганды в рамках реформы. Сотрудники отдела старались выполнять эти задачи через находившиеся в его ведении школы, избы-читальни, клубы и детские дома. Школьные учителя также вели активную работу в форме бесед, докладов и т.д., направленных на разъяснение причин проводимой реформы, но такая агитационная работа не носила систематического характера и велась от случая к случаю, из-за чего можно предположить, что ее результаты на практике были довольно скромными.

Обязательное изучение метрических мер в школах было введено с 1923/1924 учебного года [7. Л. 13–13 об.], и в конце 1925 г. окрОНО отчитывался, что обучение метрическим мерам введено во всех подведомственных отделу учреждениях, однако полностью введены в народном образовании они на тот момент не были. Причинами этому были как острая нехватка новых измерителей, что приводило к ведению отчетности и делопроизводства в старой системе мер с последующим переводом на метрические меры, так и нехватка учебников, плакатов, таблиц, иных наглядных пособий, которые опирались бы на метрическую систему. В своем отчете окрОНО отмечал, что значительная часть учебников в школах использует русские меры, вследствие чего преподавание приходится вести параллельно в двух системах мер. [4. Л. 21–22].

Из отчетов Барнаульского окрадмотдела можно увидеть и две другие проблемы, связанные с внедрением метрических мер: во-первых, находившиеся в ведении окрОНО политпросветительские учреждения из-за недостатка средств слабо снабжались плакатами, таблицами и литературой, что несколько затормаживало процесс усвоения системы населением, во-вторых, среди самих школьных работников были лица, слабо знающие метрическую систему, что, в свою очередь, давало повод усомниться в том, насколько качественно усваиваются метрические меры в школах округа [4. Л. 41–42]. На заседании Барнаульской ОкрММК 6 марта 1926 г. представитель окрОНО выступил с докладом о ходе реформы, где подтвердил данные замечания [4. Л. 134].

Описанные проблемы не были решены и к весне 1928 г. Старые учебники еще не были полностью выведены из употребления (поскольку новых не хватало), бухгалтерия и хозяйственные учреждения занимались переводами из русских мер в метрические и обратно (из-за отсутствия новых измерителей), систематической работы по агитации и пропаганде метрической системы организовано не было. Закономерно, что в этих условиях новые метрические меры на практике в сельской местности практически не применялись [4. Л. 203–204].

Отметим, что проблема нехватки метрических измерителей неоднократно фиксировалась в планах и отчетах многих других учреждений. Например, в плане работы на апрель–сентябрь 1926 г. по метризации лечебно-санитарных заведений, находящихся в ведении Барнаульского окрздрава, в качестве наиболее значимой проблемы называлось именно отсутствие метрических измерителей в учреждениях, а также недостаток настольных таблиц перевода с русских мер в метрические [7. Л. 11–12]. Писали об отсутствии метрических мер в отчетах и другие окружные управления, отделы и предприятия. [4. Л. 2–4 об., 21, 38–39 об.].

Вызвано это было сложной ситуацией с измерителями, сложившейся на территории СССР в целом. Измерительное хозяйство к началу 1920-х гг. находилось в упадке. Большинство заводов, выпускавших измерительные приборы до Первой мировой войны, располагалось в Польше или же было переключено на военные заказы, поэтому постепенно сокращало производство мер и измерительных приборов и полностью прекратило его во время Гражданской войны [8. С. 63].

Коммунальное хозяйство

Основной сферой, находившейся в ведении отдела местного хозяйства, перевод которой на метрические меры он должен был проконтролировать, являлась сфера жилищно-коммунального хозяйства. В связи с этим отдел отслеживал, как происходит переход на метрические меры при следующих работах и операциях:

– исчисление площадей и объемов помещений;

– заключение договоров на аренду, составление смет на строительные работы, исчисление квартплаты;

– учет, тарификация и отпуск воды и газа;

– строительные и ремонтные работы;

– складские операции учреждений и предприятий, находящихся в ведении отдела;

– учет имущества, материалов, фуража и другого довольствия в пожарном деле;

– работа электростанций и др. [9. Л. 2–3 об.].

1 октября 1924 г. отдел разослал всем подведомственным предприятиям и сотрудникам циркуляр, в котором предписал в течение последующих двух лет все русские меры длины, объема и веса использовать параллельно с метрическими и дальнейшие операции вести в двойной записи с тем, чтобы с 1 октября 1926 г. отдел местного хозяйства (ОМХ) и его предприятия перешли на метрическую систему. Использование метрической системы предписывалось, в частности, при взвешивании сырья и полуфабрикатов во внутренних и внешних операциях производств, торговле этими товарами, измерении длины и объема продукции, которая учитывалась не на вес, а в погонных единицах длины или объемных единицах, а также в накладных и товарных книгах.

Предполагалось, что вся подготовительная работа по введению метрической системы мер в отделе и подведомственных ему предприятиях и отделах будет проведена к 1 января 1925 г. Однако стоит отметить, что был допущен ряд вынужденных послаблений и оговорок, вызванных внешними условиями. Из наиболее существенных послаблений можно отметить два. Во-первых, предприятиям было разрешено в случае необходимости использовать неметрические меры в течение года, до 1 октября 1925 г. Вероятно, данный шаг был вызван хронической нехваткой метрических измерителей на территории Сибири и невозможностью в кратчайшие сроки обеспечить ими народное хозяйство, а также затруднениями, возникавшими при переделке старых измерителей (в первую очередь весов и

гирь) на метрическую систему мер. Во-вторых, в случае невозможности ведения записей во внутренней бухгалтерии в метрической системе или в двух системах мер предприятиям было разрешено в срок до 1 октября 1925 г. в этой части финансовой документации использовать только русские меры [10. Л. 16].

В плане введения метрической системы на 1926 г. на промышленных предприятиях, находящихся в ведении Барнаульского окрместхоза, отмечаются:

– коммунтрест (электростанция, водопроводная и телефонная станции);

– мехтрест (овчинно-шубный и пимокатные заводы с шерсточесальной мастерской);

– пищетрест (дрожже-винокуренный, пивоваренный и фруктовых вод заводы);

– лестрест;

– механический завод «Молот и Серп»;

– типография [7. Л. 44–44 об.].

За январь–март 1926 г. на метрическую систему были в целом успешно переведены коммунтрест, мехтрест, пищетрест (с оговоркой – из-за отсутствия метрической посуды продолжалось использование изготовленной в русской системе мер) и типография. Сложности в переводе лестреста и завода «Молот и Серп» заключались, во-первых, в спросе на лесоматериалы в старых мерах, во-вторых, в недостатке метрических измерителей [4. Л. 60].

Деятельность метрической комиссии

Метрические комиссии являлись основными органами, ответственными за проведение метрореформы в жизнь, – как на союзно-республиканском уровне, так и на уровне отдельных административных единиц, губерний, областей и округов, в том числе и на территории Сибири. Однако из-за отсутствия специалистов, несогласованности между органами на местах и их с центральными властями, а также из-за нехватки финансирования деятельность многих комиссий имела скромные масштабы, а сами комиссии зачастую существовали только на бумаге.

Барнаульская ОкрММК, как и ее предшественница – Алтайская губернская ММК, не являлась исключением. Сохранилось четыре протокола заседаний Алтайской ГубММК – за 19 ноября 1924 г., 14, 19 и 29 января 1925 г., позволяющих сформировать общее представление о работе губернской метрической комиссии [7. Л. 51, 109, 111, 123]. Комиссия состояла из 5 человек – представителей губисполкома, губкомвнуторга, губернского земельного управления, губадмотдела и губОМХ; в отдельных случаях на заседаниях присутствовали приглашенные лица. Работа комиссии фактически сводилась к заслушиванию докладов и сообщений, а также рассмотрению и утверждению планов; какая-либо практическая деятельность в комиссии отсутствовала. В докладе заведующего Томской поверочной палатой Г.И. Пузанкова, подготовленном им для Сибревкома и отражающем в том числе ход метризации Сибири, о комиссии сказано лишь, что ее деятельность находится «в стадии развития», без какой-либо конкретики [11. Л. 11 об.–12 об.].

На заседании 29 января 1925 г. в первый раз был поднят вопрос об отсутствии в Барнауле поверочного учреждения. Комиссия обратилась к президиуму губисполкома с просьбой о ходатайстве к Томской поверочной палате мер и весов об учреждении в Барнауле отделения палаты или ее постоянного представителя [7. Л. 123]. Обращение комиссии было обусловлено ситуацией, сложившейся с поверкой измерителей в Алтайской губернии в начале 1925 г. С одной стороны, в этот период ещё существовала практика ремонта и переделки неметрических измерителей на метрическую систему в мастерских, с другой стороны, начало развертываться производство гирь на местных заводах.

23 марта 1925 г. губисполком направил в Томск предложение об открытии отделения на период проведения метрической реформы. Губисполком апеллировал к тому, что губерния крайне скудно снабжена метрическими измерителями, а приступившие к их изготовлению заводы сразу же встретят препятствия в их клеймении, что сильно затянет срок введения метрических приборов в эксплуатацию [11. Л. 165]. Однако поскольку содержание отделения поверочной палаты предполагало существенные расходы из местного бюджета, в 1925 г. оно в итоге открыто не было.

16 декабря 1925 г. президиум Сибкрайисполкома рассмотрел и утвердил Положение о Сибирских окружных междуведомственных метрических комиссиях, предложив окрисполкомам организовать комиссии в каждом округе Сибирского края [12. Л. 29–30]. За окружными комиссиями закреплялись следующие обязанности:

– руководство и инструктирование перехода на метрические меры;

– согласование деятельности учреждений и предприятий по введению метрических мер, а также существующих или вновь организованных при них органов и уполномоченных по метризации;

– контроль за точным и своевременным проведением мероприятий по метризации, указанных обязательными постановлениями Центральной ММК (Цекометр) и Сибирской краевой ММК (СибКММК);

– сбор сведений в связи с переходом на метрические меры по учреждениям и предприятиям и обработка полученного материала;

– разрешение вопросов, касающихся введения и применения метрических мер;

– привлечение учреждений, предприятий и организаций к ознакомлению населения с сущностью проводимых в жизнь метрических измерений и вычислений путем проведения собраний, чтения лекций, издания соответствующей литературы;

– выявление спроса и потребности на метрические измерители;

– представление докладов о ходе метрической реформы.

Барнаульская окружная ММК была организована в Барнауле 13 февраля 1926 г. (с упразднением Алтайской губернии 1 октября 1925 г. губернская ММК прекратила свою работу) [4. Л. 38 об., 39 об.]. К 1 апреля 1926 г. ОкрММК, функционировавшая при окрисполкоме, состояла из 7 человек, являвшихся представителями окрисполкома (он же председатель комиссии),

окрОНО, окрвнуторга, окрздрава, окрвоенкомата, окружного земельного управления и окрадмотдела, уполномоченный от которого был избран секретарем. Комиссия не имела ни штатного состава, ни денежных средств в своем распоряжении [4. Л. 8].

Как видно из протоколов заседаний, окружная комиссия занималась тем же, чем и губернская ранее – преимущественно заслушиванием докладов от представителей отдельных ведомств и рассмотрением планов метризации, реакция на которые сводилась к четырем основным вариантам:

– принять доклад к сведению / утвердить план;

– принять меры к ускорению перехода на метрические меры;

– принять меры по усилению агитации и пропаганды метрической системы;

– возбудить ходатайство перед вышестоящим учреждением об отпуске средств.

Всего за февраль–апрель 1926 г. комиссия провела пять заседаний (12 и 20 февраля, 6 марта, 3 и 17 апреля), а с 17 апреля прекратила их [4. Л. 113, 130–137]. На первом после 10-месячного перерыва заседании, состоявшемся 14 февраля 1927 г., было констатировано, что работа комиссии не имела никакой плановости и свелась сугубо к канцелярской, а попытки провести решения комиссии в жизнь ничем не кончились из-за отсутствия контроля и желающих заниматься данной деятельностью. В протоколе также отражено следующее мнение представителя от окрисполкома, заведующего орготделом Шутемова: «Комиссия существует с 1924 года, а какие реальные результаты? Никаких! Работа идет самотеком, анализа нет. Никто не проверяет сметы отдельных ведомств в этой части. Где контроль по проведению работы? Есть только протоколы и канцелярские переписки. Почему? Нет определенного выделенного лица, не занятого другой работой. Заседание комиссии прошло, и все члены ее занялись прямой своей работой, для работы по проведению в жизнь метрореформы уделить время не могут...» [4. Л. 113–114 об.].

Следующие достоверно установленные на данный момент заседания комиссии состоялись 21 и 27 апреля 1928 г. В протоколе заседания от 21 апреля 1928 г. говорится о том, что «за последнее время комиссия не собиралась», однако из текста протокола не представляется возможным установить, какое время прошло с момента последнего заседания [4. Л. 187]. Как и во всех предшествующих протоколах, в двух протоколах 1928 г. деятельность комиссии отражается как сугубо бюрократическая.

Выводы

Как итог можно отметить, что проведение метрической реформы на территории Барнаульского округа проходило примерно так, как и в других округах Сибирского края, расположенных на юге Западной Сибири. Как и в Омске, Новониколаевске (Новосибирске) и Томске, в Барнауле и Барнаульском округе наблюдались нехватка метрических измерителей, что затрудняло использование метрической системы мер, и отсутствие финансирования на проведение метризации, что являлось проблемой и в других округах.

На основании изученных документов также можно утверждать, что основные меры по введению метрической системы в Барнаульском округе, в частности в торговле, землеустройстве, лесном хозяйстве, образовании, коммунальном хозяйстве, а также в статистических и финансовых органах, органах милиции и местах заключения, были предприняты в 1925–1928 гг., в ходе второго этапа метрической реформы на территории Западной Сибири. Однако нужно отметить, что за рамками исследования в силу отсутствия источниковой базы остался вопрос о том, как и когда завершилась метрическая реформа в сельской местности Алтая. Учитывая, что в 1920-е гг. процент городского населения в СССР был относительно невелик и большинство населения проживало именно в сельской местности, данный вопрос требует тщательного изучения.

В отношении же деятельности Барнаульской окрММК (как и ее предшественницы, Алтайской губММК) можно утверждать, что она не отличалась особой активностью, а ее вклад в проведение метрической реформы на Алтае ограничивался согласованием деятельности и сбором сведений о метризации для вышестоящих органов. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, комиссия не имела ни штатных единиц, ни постоянного финансирования; ее члены совмещали деятельность в комиссии со своими прямыми должностными обязанностями. Логично предположить, что данное положение дел не шло на пользу делу реформы, поскольку из него следовало, что метризация округа и связанные с ней проблемы, вероятно, решались «в свободное время», по остаточному принципу, что отражено в приведенной выше выдержке из речи Шутемова. Во-вторых, отсутствовали как контроль работы комиссии, так и постоянная коммуникация между СибКММК, являвшейся органом, ответственным за проведение реформы на территории Сибирского края, и подчиненной ей Барнаульской окрММК. На данный момент в архивах Новосибирской области и Алтайского края переписки между ними не выявлено. В-третьих, в Барнауле, как и в целом на территории Алтая, отсутствовали специалисты-метрологи, которые к 1925 г. уже имелись в других городах Западной Сибири, а также наблюдалась нехватка научно-образовательных ресурсов. Как следствие, в Барнауле не было инициативы и работы по созданию, например, плакатов и брошюр, которые имели место в Томске благодаря усилиям местной метрической комиссии.

Список источников

1. О введении Международной Метрической системы мер и весов : декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 11.09.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. № 66 от 16.09.1918. М. : Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. Ст. 725.
2. О пересмотре плана завершения метрической реформы : постановление Совета Народных Комиссаров // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. М. : Упр. делами СНК СССР и СТО, 1930. № 56. Ст. 595.

3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 21.
4. ГААК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 534.
5. ГААК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 164.
6. ГААК. Ф. Р-328. Оп.1. Д. 24.
7. ГААК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 1034.
8. Сто лет государственной службы мер и весов в СССР / сост. Б.М. Леонов, С.Ф. Маликов, В.А. Баринов. М.–Л. : Гос. изд-во техн.-теорет. лит-ры, 1945. 376 с.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1943. Оп. 1. Д. 43.
10. ГААК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 217.
11. ГАНО. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 1003.
12. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1383.

References

1. The Council of People's Commissars of the RSFSR. (1942) O vvedenii Mezhdunarodnoy Metricheskoy sistemy mer i vesov: dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR ot 11.09.1918 [On the introduction of the International Metric System of Weights and Measures: decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated September 11, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collected laws and government orders for 1917–1918]. Vol. 66. Art. 725. Moscow: Upr. delami Sovnarkoma SSSR.
2. USSR. (1930) O peresmotre plana zaversheniya metricheskoy reformy: postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov [On the revision of the plan for completing the metric reform: resolution of the Council of People's Commissars]. In: *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1930 g.* [Collected laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1930]. Vol. 56. Art. 595. Moscow: Upr. delami SNK SSSR i STO.
3. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-11. List 1. File 21.
4. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-100. List 1. File 534.
5. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-102. List 1. File 164.
6. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-328. List1. File 24.
7. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-10. List 1. File 1034.
8. Leonov, B.M., Malikov, S.F. & Barinov, V.A. (1945) *Sto let gosudarstvennoy sluzhby mer i vesov v SSSR* [One hundred years of public service of weights and measures in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo tekhn.-teoret. lit-ry.
9. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1943. List 1. File 43.
10. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-14. List 1. File 217.
11. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1981. List 1. File 1003.
12. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1. List 1. File 1383.

***Сведения об авторе*:**
Макаров Илья Вадимович – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: makarov.ilyamakarov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Makarov Ilya V. – Postgraduate Student at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: makarov.ilyamakarov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 24.01.2024; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(470.341)
doi: 10.17223/19988613/87/8

Продразверстка и геоэкономика Советской России

Григорий Германович Попов[1], Наталия Владимировна Раздина[2]

[1, 2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
[1] GGPopov2009@mail.ru
[2] razdina.n@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу причин выхода Советской России из кризиса, вызванного Первой мировой и Гражданской войнами. Отталкиваясь от общепринятого в российской историографии тезиса о НЭПе как факторе преодоления кризиса, показана связь побед Красной армии в Гражданской войне как фактора восстановления геоэкономического пространства России с подготовкой народного хозяйства РСФСР к переходу к восстановительному росту на базе улучшения снабжения городов продовольствием.
Ключевые слова: военная экономика, геоэкономика, продразверстка, военный коммунизм, аграрная история, большевизм

Для цитирования: Попов Г.Г., Раздина Н.В. Продразверстка и геоэкономика Советской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 66–76. doi: 10.17223/19988613/87/8

Original article

Prodrazverstka and geo-economics of the Soviet Russia

Gregory G. Popov[1], Nataliya V. Razdina[2]

[1, 2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
[1] GGPopov2009@mail.ru
[2] razdina.n@mail.ru

Abstract. This article is a research which touches a number of subjects covering examination of “Prodrazverstka” and the early stage of the NEP impacts on the RSFSR agricultural sector recovery. It is proposed to conduct this examination from the point of view of geo-economics.

The aim of this article is to put forward arguments that prove our hypothesis that the fractional restoration of the geo-economic space of the former Russian Empire at the end of 1919-1920 contributed to the beginning of the post-war restoration of the RSFSR national economy, when such an institutional factor as the start of the NEP in 1921 was secondary in the process of the Russian recovery from the crisis. We prove that the re-integration of the country had led to the accession of product-surplus regions in order that to ground our point, which mentioned above. In connection with the purpose of the study we carry out the following most important tasks: regarding the published in the USSR materials containing the dynamics of volumes of the state provision from 1916 to 1921; updates data on the state of the Russian economy before and after the February and October revolutions of 1917 in order to decide the degree of influence of the Imperial heritage on the survival of Russians under the conditions of severe economic crisis of 1918 – 1920; the discovery of the connection between “Prodrazverstka” and the plowing’s size in Russian agriculture.

Our work is based on a number of theoretical and statistical works, including statistical and analytical studies completed by contemporaries of the Russian Civil war. In particular, the materials of Oganovsky's book Essays on the economic geography of the USSR are insufficiently analyzed in post-Soviet Russian historiography, as well as a number of other works by Soviet economic historians, in particular, the voluminous work Of arutinyan A. A. and Markus B. L. “The development of the Soviet economy”, published in 1940, is mainly devoted to the 1920s – 1930s, but contains a lot of interesting materials on the Russian economy during the First world war and the Civil war. Despite the fact that the work Arutinian A. A. and Marcus B. L. written during the era of Stalinism, it is fairly objective regarding the evaluation of achievements of the Russian Empire to the beginning of the First world war and the February revolution. We also appeal to several collections of documents.

Our article definitely contains a discussion with the mainstream of historical science both in Russia and abroad. In particular, our main conclusion, which follows our research hypothesis, states that the effectiveness of the NEP in bringing the country out of the crisis was exaggerated, the ground for getting out of the economic crisis was created at the end of 1919 during the Red army’s offensive along The Civil war fronts, when a number of bread-rich regions were recaptured from the Whites and the interventionists, this process was then repeated in 1920.

© Г.Г. Попов, Н.В. Раздина, 2024

Keywords: military economy, geoeconomics, food supply in time of war, systemic crisis, War communism, Russian economy in the First World War, Russian agrarian history

For citation: Popov, G.G., Razdina, N.V. (2024) Prodrazverstka and geo-economics of the Soviet Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 66–76. doi: 10.17223/19988613/87/8

Введение

Интерес к геоэкономике в целом, как и к геоэкономике в контексте экономической истории, появился в российской науке недавно, что во многом связано с тем, что это – западное научное направление [1. С. 11]. Ученых интересует вопрос, насколько пространство и природа предопределяют социально-экономическое развитие того или иного государства, и эти вопросы приобрели сегодня новую актуальность [2–9]. Достаточно интересно показал связь российско-китайских отношений и геоэкономики постсоветского пространства В. Иноземцев в своей недавней работе; также стоит упомянуть работу Б. Карлсона по той же тематике [10] и публикации П. Стронского и Н. Нэг [11], в работах которых уделяется внимание адаптации государственной политики к геоэкономическим реалиям, но также просматривается общая идея, что постсоветское пространство имеет исторически сложившиеся геоэкономические детерминанты и, судя по примерам Средней Азии и Дальнего Востока, эти детерминанты сформировались до 1917 г.

В этой связи выдвинутая нами на первый план проблема геоэкономического пространства позволяет взглянуть на причины процесса выхода российской экономики из кризиса Гражданской войны несколько в ином ракурсе. Известный историк Марк Харрисон помещает в центр этого процесса политику советского государства, ориентированную, по его мнению, на потребности простого человека и повышение его производственной эффективности, что, по М. Харрисону, справедливо для всего советского периода [12]. В недавно вышедшей монографии Дэвида Бранденберга и Михаила Зеленова сделаны примерно те же оценки политики большевистского режима, что и у М. Харрисона [13]. Мы выдвигаем иную точку зрения, помещая на первый план политику Кремля, направленную на восстановление геоэкономического пространства и товарообмена между регионами, который был далеко не всегда сбалансированным. Вопреки М. Харрисону, мы считаем, что экономика Российской империи не столь значительно отстала перед Первой мировой войной от Запада, что и стало одной из весомых причин выживания российского общества в период Гражданской войны.

Ближе к нам с методологической точки зрения рассуждения профессора Н.С. Розова, мы согласны с его идеей многофакторности возникновения революционной волны в обществе, когда универсальные факторы находятся в сочетании с региональными и даже местными, и последние могут кардинально менять характер развития событий, как это Н.С. Розов и В.В. Цыганков показали на примере «весны народов» 1848–1849 гг. [14]. В случае Гражданской войны в России мы имеем дело со столкновением трех революционных альтернатив: большевиков, социал-демократов (эсеры) и либералов. Успех каждой из противоборствовавших группировок в Гражданской войне зависел от эффективной политики по преодолению экономического кризиса, включая успешную адаптацию этой политики к геоэкономическому пространству.

В связи с общепринятой версией событий 1918–1922 гг. в экономике РСФСР возникает ряд вопросов: почему режим большевиков спланировал обязательные заготовки продовольствия так, что они вызвали восстания, и были ли объемы этих заготовок действительно столь тяжелыми для крестьянства? Эти вопросы возникли у нас не только в связи с анализом событий Гражданской войны, но и с тем, что продразверстка в более мягком варианте стала осуществляться государством еще в 1916 г. До Первой мировой войны российское крестьянство страдало от сильного налогового бремени, которое давило в основном на экономику мелких и средних хозяйств. Тем не менее мы не видим крупных вооруженных выступлений крестьян, кроме восстаний периода революции 1905–1907 гг., но тогда революция была импортирована деревней из города. Возможно, истинной причиной многих крестьянских выступлений конца Гражданской войны стало то, что российский крестьянин на окраинах государства привык после событий Февраля 1917 года к некоторой свободе. И крестьянин надеялся, что «налоговый рай» будет длиться и дальше [15].

Другой вопрос: были ли заготовки продовольствия в период «военного коммунизма» такими тяжелыми, что привести к катастрофическому сокращению запашки? Ниже мы отвечаем на этот вопрос отрицательно на основе данных статистики.

При изучении Великой Отечественной войны историки экономики обращают внимание на потери крупных территориальных комплексов как причину кризиса народного хозяйства СССР в 1941–1942 гг. Но почему-то при анализе экономического положения РСФСР периода «военного коммунизма» упускается из вида эта же причина.

В 1918 г. Советская Россия потеряла Донбасс, как и многие другие экономически важные территории. Оценка этих потерь в 1918–1919 гг. в российской историографии не проводилась, как не было обращено достаточного внимания именно в российской историографии на схожесть некоторых практик управления народным хозяйством, какие применялись в Российской империи, России режима А.Ф. Керенского и РСФСР. В период Первой мировой войны произошел некоторый рывок России в развитии промышленности: фактически были созданы основы для развития автомобильной и авиационной отраслей [16], ускорилась модернизация угледобычи и т.д. Частичное восстановление единого геоэкономического пространства Рос-

сии к лету 1920 г. дало режиму большевиков возможность воспользоваться плодами промышленного рывка военного времени.

Кризис 1941–1942 гг. не привел к столь радикальной либерализации советского государства, как это случилось после Гражданской войны, не случилось этого и после голодных 1946–1947 гг. Не стал ли НЭП плодом политических процессов в рамках российского общества и самой ВКП(б) и изменений во взглядах В.И. Ленина? Данный вопрос лежит за пределами настоящего исследования, но оно позволяет приблизиться к ответу на него.

Цель настоящей статьи – доказательство нашей гипотезы, гласящей, что частичное восстановление геоэкономического пространства бывшей Российской империи в конце 1919–1920 гг. способствовало началу послевоенного восстановления народного хозяйства РСФСР, при этом такой институциональный фактор, как объявление НЭПа в 1921 г., оказался вторичным в процессе выхода российской экономики из кризиса. Для этого мы доказываем, что ре-интеграция страны привела к присоединению продукто-избыточных регионов. В связи с целью исследования мы видим следующие наиболее важные задачи: прослеживание динамики изменения объемов государственных заготовок продовольствия с 1916 по 1921 г.; уточнение данных о состоянии российской экономики накануне и после Февральской и Октябрьской революций 1917 г.; выявление связи продразверстки с изменениями в запашке в российском сельском хозяйстве.

Военная победа и хлебные заготовки

В конце 1918 г. Лев Троцкий определил стратегию наступательной войны, которая должна была разорвать враждебное кольцо вокруг РСФСР. Планировалось нанесение практически одновременного удара по всем направлениям, но с упором на Украину, т.е. Юг бывшей Российской империи. Лев Троцкий считал, что скорейшее отвоевание Донбасса, богатого залежами угля, обеспечит выживание Советской России. Но Рабоче-крестьянская красная армия (РККА) упорно стремилась быстрее освободить Крым, Херсон и Одессу, несмотря на угрозу прямого военного столкновения с французскими и английскими контингентами. Кремлю требовался хлеб, так как в городах развивался голод. Первая мировая и Гражданская войны вскрыли важную истину: средняя полоса России не могла обеспечить себя продовольствием, она была обречена в этом вопросе опираться на периферийные регионы.

Тем не менее РККА не так быстро, как хотелось Л.Д. Троцкому, достигла намеченных успехов. 9 декабря 1919 г. в ходе работы Седьмого съезда советов руководителями страны был поднят вопрос о продовольственном снабжении городов, которое признавалось удручающим, но не столько из-за нежелания крестьян сдавать хлеб, сколько из-за потерь при хранении и транспортировке, а также, надо понимать, элементарного физического дефицита хлеба в подконтрольных РСФСР регионах, из-за которого Съезд возлагал особые надежды на освобожденные от белых регионы [17. С. 24]. Помимо этого, продразверстку предлагалось распространить на картофель, а также некоторые другие продукты сельского хозяйства [17. С. 23].

Сама продразверстка, начатая фактически на уровнях уездов и губерний еще летом 1918 г., противоречила интересам крестьянства, особенно зажиточного и середняков. Изначально предполагалось, что местные органы советской власти будут компенсировать крестьянам изъятия хлеба промышленными товарами, но в 1919 г. промышленность могла только на 50% возместить потерянную крестьянством стоимость сданных государству продуктов питания [18. С. 135]. Другой особенностью продразверстки был ее временный характер, что и нашло отражение в тексте соответствующего декрета, где есть упоминание, что одной из целей продразверстки является обеспечение бесхлебных районов, т.е. новая продовольственная политика стала ответом на расстройство внутреннего товарообмена в стране, которое наступило еще при Временном правительстве.

Как показывает пример Вятской губернии, операции белых армий в 1918–1919 гг. резко сократили количество лошадей в селах, что снизило эффективность продразверстки [19. с. 65], сократив таким образом территориальную базу поставок хлеба в центральные (малохлебные) губернии. Призыв в РККА, выполнение сельскими жителями трудовых повинностей (трудовая мобилизация), дефицит лошадей и прочих средств вели к недосевам. Например, недосев озимых в Глазовском уезде Вятской губернии составил в 1919 г. 20% по сравнению с кризисным 1918 г. [19. С. 65]. Однако, несмотря на жесткие меры государства по отношению к тем, кто утаивал хлеб, в РСФСР расцвел «черный рынок», к весне 1920 г. «мешочничество» приобрело крупный размах, когда неофициально пуд хлеба в Волго-Вятском регионе стал стоить 6 000 руб. при закупочной (государственной) цене 40 руб. [19. С. 65]. Соответственно, у крестьян был серьезный мотив припрятывать хлеб, а иногда даже наращивать его производство, так как продразверстка забирала не все излишки. Надо сказать, что от ошибок местных властей в продразверстке часто страдали бедняки и середняки [19. С. 65].

Несмотря на все сложности, к маю 1920 г. по Вятской губернии продразверстка была выполнена на 97% [19. С. 68]. При этом в Нижегородской губернии результаты продразверстки оказались намного более скромными, принимая во внимание, что губернии была оказана центральной властью хлебная помощь летом 1919 г. в приблизительно 14–15% от заготовленного на ее территории к февралю 1920 г. зерна [20. С. 56]; по мясу и картофелю показатели были еще худшими [20. С. 56]. В 1918 г. результаты заготовок по ржи составили 66% от плана [20. С. 54], что поставило Нижегородскую губернию на грань голода. Но, как показал опыт продразверстки в этой губернии в 1919 г., сами плановые объемы заготовок с большим трудом могли удовлетворить потребности региона в зерне.

Пример Нижегородской губернии показателен. Несмотря на силовой нажим на крестьянство, результаты в 1919 г. оказались ниже ожидаемых. Увеличение объ-

ема заготовок зерна произошло за счет усиления политики «выколачивания» хлеба, но не повышения производительности сельского хозяйства. Незначительный объем заготовок картофеля (треть от плана) по Нижегородской губернии указывает на важную особенность развития крестьянской экономики в условиях продразверстки: крестьянские хозяйства сокращали производство менее востребованных государством культур, а также продукции животноводства (по заготовкам мяса был тоже провал), чтобы повысить сбор наиболее востребованного властью продукта – ржи. То есть в сумме производство продовольствия, получалось, сокращалось, что и привело к тому, что калорийность потребления рабочего в центральных губерниях РСФСР в 1919 г. даже немного сократилась. Зона Нечерноземья имела изначально низкую продуктивность зерновых хозяйств, что усугублялось мобилизацией крестьян в армию и общей разрухой в экономике, а также сокращением количества лошадей в крестьянских хозяйствах.

Перешедшие под власть красных бывшие белые территории в основном и обеспечили рост заготовок зерна и, соответственно, выживание городов РСФСР. В 1917/1918 хозяйственном году было заготовлено 73,4 млн пудов хлеба, в 1918/1919 хозяйственном году – 107,9 млн пудов, в 1919/1920 г. – 212,5 млн пудов, в 1920/1921 г. – 367 млн пудов [21. С. 153]. Скажем для сравнения: к январю 1917 г. в Российской империи было запланировано разверстать только губернскими земствами 772 млн пудов (фактически было заготовлено 643 млн пудов, что председатель Временного комитета Государственной думы правительства М.В. Родзянко счел провалом заготовительной кампании). Надо отметить, что уездные земства заготовили 229 млн пудов, волостные – 4 млн пудов [22. С. 19], принимая во внимание, что общий объем урожая 1916 г. составил 3 336 млн пудов при годовой потребности всего населения в хлебе 2 643 млн пудов [22. С. 22]. В этой связи уже в январе 1917 г. центральная власть задумалась о насильственных реквизициях зерна в центральных губерниях, против чего выступало достаточно влиятельное в конце Первой мировой войны в России либеральное крыло [22. С. 19]. Соответственно, проблема заключалась не в физическом дефиците зерна в деревнях, а в нежелании многих крестьян его сдавать, а также в самой технике организации заготовок и переработки зерна (например, нехватка топлива у мельниц, так как перед Первой мировой войной многие мельницы в России были переведены на жидкое топливо [22. С. 19]). В 1916 г. посевная площадь в России на 20–25% превышала потребности населения страны в продовольствии, урожай 1916 г. не был таким плохим, чтобы говорить о неурожае как причине начавшегося дефицита [22. С. 22]. Таким образом, возникает вопрос: за счет каких ресурсов выживало население российских городов, если заготовки хлеба государством упали в 1918–1921 гг. более чем в два раза? Очевидно, городское население мигрировало в сельскую местность. Оставшиеся горожане получали норму калорий, которая не позволяла полноценно работать, что особенно видно по топливным регионам России. Доведение заготовок до уровня 367 млн пудов в 1921 г. позволило оживить базовые производства, включая шахты Донбасса.

Только Украина дала в 1916/1917 г. 181,6 млн пудов хлеба. Потеря Дона, Кавказа, Украины и Сибири в ходе наступлений белых армий и привело среднюю полосу России к голоду и полной дезорганизации хозяйственной жизни. Украина и ряд других освобожденных от белых территорий стали давать полноценные заготовки только с лета 1920 г.: Украина в 1920/1921 г. – 72,2 млн пудов, Дон – 71,4 млн пудов в том же хозяйственном году, Северный Кавказ – 60,9 млн пудов, Сибирь и Киргизия – 69,9 млн пудов [21. С. 153]. Нетрудно заметить, что отбитые у белых регионы дали в 1920/1921 г. около 70% всех хлебозаготовок. Данный факт показывает не победу «военного коммунизма» как системы хозяйствования, но результат победы Красной Армии, восстановившей часть старого единого геоэкономического пространства России. Очевидно, в конце 1919 г. начался спад хлебозаготовок в стабильно контролируемых Красной Армией регионах, и этот спад компенсировался заготовками в отбитых у белых регионах. Практика реквизиций хлеба в 1920–1921 гг. показала, что накопление зерна государством за счет этой меры не дало и 50% того, чего достигла Российская империя в ходе своей продразверстки 1916 г. В 1916 г. и в 1920–1921 гг. основная территория страны была подконтрольна одной власти, поэтому сравнительно низкие объемы заготовок в конце Гражданской войны нельзя относить за счет территориальных потерь.

Отметим особо, что идея заготовок государством хлеба по твердым ценам принадлежала Временному правительству: еще весной 1917 г. оно ввело хлебную монополию для контроля спекуляций продовольствием [23. С. 41], но крестьяне и помещики отказались сдавать хлеб [23. С. 41].

Поскольку РСФСР летом 1918 г. фактически не имела армии, нагрузка по заготовке хлеба была возложена на комитеты бедноты, которые поддерживали вооруженные, наскоро сколоченные в городах отряды, получившие название «продотрядов». У большевиков имелся другой путь: просто закупать по сниженным ценам зерно, в случае отказа сдачи его зажиточным крестьянством в пункты сбора советская власть могла оказывать вооруженное давление (схожую схему заготовок зерна предложили правительству в конце 1916 г. и земства). Но советское государство избрало иной путь – передать инициативу на места, что привело к росту произвола, когда вместе с хлебом реквизировались инвентарь и земельная собственность «кулаков», что Ленин обозначил как «социалистическую революцию в деревне» [23. С. 45]. Комитеты бедноты юридически имели статус общественных организаций, но в 1918 г. они часто проводили независимую даже от Чрезвычайной комиссии (ЧК) политику, что вело к произволу и «красному террору» на селе, это и разрушало экономику российского села изнутри. Отсюда получается, что объявленная в начале 1919 г. продразверстка стала проводиться на базе уже дезорганизованного хозяйства села. Сама продразверстка стала отчасти следствием инфляции, когда крестьяне отка-

зывались принимать от армейских структур стремительно обесценивавшиеся бумажные деньги [23. С. 58].

Тяжесть продразверстки. Сибирский case-study

Как мы сказали выше, зачастую в российской экономической мысли утверждается, что именно большевистская продразверстка спровоцировала как сокращение запашки, так и массовые крестьянские восстания. Надо сказать, что ощутимое сокращение запашки началось в России в 1916 г. Причины такого явления вполне очевидны – сокращение рабочих рук на селе из-за мобилизации в армию, рост цен на семена и средства производства. Чтобы понять, насколько продразверстка была тяжелой для российского крестьянства, надо обратиться к фактам. Мы должны уяснить, что между планами заготовок продовольствия и произволом продотрядов лежала определенная грань. Именно произвол местных органов власти в конце Гражданской войны провоцировал массовые выступления населения, но это уже было следствием дисфункции исполнительной власти в стране и вызванного ею политического брожения в левом лагере. Посмотрим на ситуацию с хлебозаготовками в Сибири, которую современные историки ассоциируют с «Вандеей времен Великой Французской революции».

В 1919 г. Сибирь заготовила 120 млн пудов хлеба [24. С. 33], тогда как в 1916 г. по Европейской России (49 губерний) было собрано 3 142 846 тыс. пудов [21. С. 37]. Расчет производства хлеба на душу населения в Европейской России (1916) и Сибири (1919) дает следующие показатели: 25,76 и 12,2 пуда в год соответственно [25. С. 73–74]. Если по европейским губерниям сбор зерновых укладывается в норму поддержания стабильного питания индивида – 25 пудов хлеба [26. С. 90], то для Сибири показатель сбора урожая в 1919 г. соответствует менее 50% нормы выживания. Очевидно, сибирское крестьянство компенсировало дефицит хлеба производством других видов аграрной продукции.

По данным, приводимым в статье председателя Сибпродкома П.К. Когановича от начала июля 1920 г., запасы продовольствия в Сибири оценивались следующим образом: хлеба – 71 753 000 пудов, мяса – 6 672 627 пудов, масла – 3 038 739 пудов [24. С. 21]. Принимая во внимание, что 1 кг мяса эквивалентен приблизительно 8 кг хлеба [27. P. 165], речь идет только о запасах мяса, которые государство считало возможным изъять – в 53,4 млн пудов в зерновом эквиваленте. Вместе с урожаем зерна 1919 г. получается, что аграрный сектор Сибири произвел чуть более 173,4 млн пудов, или около 17,5 пудов на жителя региона, продовольствия в зерновом эквиваленте без учета масла, картофеля и ряда других культур, а также тех запасов мяса и масла, которые должны были остаться в крестьянских хозяйствах. Но 17,5 пудов все равно меньше нормы стабильного питания. В продразверстку в Сибири не были включены многие культуры, в том числе картофель, который являлся важным источником калорий для крестьянских семей перед Первой мировой войной. Хранение картофеля в тех условиях было усложнено, как и транспортировка его на большие расстояния, что особо актуально для Сибири. Эти обстоятельства (сложности с хранением и транспортировкой) и стали причиной исключения картофеля из продразверстки по данному региону.

У нас нет точных цифр сбора картофеля в России в Первую мировую и Гражданскую войны, но по имеющимся данным нетрудно их подсчитать. Посевная площадь под все культуры в России составляла в 1913 г. 104,53 млн га [21. С. 302], из них 3,063 млн га было выделено под картофель [21. С. 399]. Средний урожай картофеля с десятины составлял 600 пудов (по данным периода НЭПа). Одна десятина почти равна гектару. В итоге мы получаем 1,8 млрд пудов картофеля с площади посева 1913 г., когда зерновых было собрано 3,15 млрд пудов, т.е. картофель составлял примерно 57% по отношению к сбору зерновых, отсюда при сборе урожая в Сибири в 1919 г. в 120 млн пудов сбор картофеля должен был составить 68,4 млн пудов. Но по калориям картофель в 2,5 раза уступает даже ржаному хлебу, что превращает наши 68,4 млн пудов картофеля в 27,36 млн пудов продовольствия в хлебном эквиваленте, если судить только по калориям (расчет по калориям более справедлив, когда мы сравниваем продукты растительного происхождения, но не растительного и животного). Наша приблизительная оценка продуктового пайка сибиряка в период Гражданской войны – около 25 пудов продуктов питания в хлебном эквиваленте в год, что столько же, как и в период Первой мировой войны на территории Европейской России. Но в период Гражданской войны потребление продуктов питания в средней полосе России значительно снизилось.

Советская власть потребовала от сибиряков сделать продовольственную жертву уже осенью 1917 г., когда формально функционировало правительство А.Ф. Керенского. Нам известно, что в Енисейской губернии осенью 1917 г. был собран рекордный урожай хлеба – 46 млн пудов, из них около 6,8 млн пудов было заготовлено в форме запасов (в основном овес на зиму), 1,05 млн пудов зерна губернские власти отправили правительству, 234 тыс. пудов пшеницы было выделено на экспорт. То есть «жертва» этой губернии составила менее 3% от ее урожая. Напряжение в отношениях между советской властью и крестьянством возникло в этой губернии уже к декабрю 1917 г., несмотря на то что реквизиции, в которых, очевидно, участвовали и старые земства, не выглядят столь крупными. Понимая ситуацию, большевики отправили из Петрограда в Енисейскую губернию в декабре 1917 г. вагон с мануфактурой [28. С. 20]. В 1920 г. урожай зерновых в Енисейской губернии упал до 22,5 млн пудов, т.е. более чем в два раза по сравнению с 1917 г. Но вызвано это было не сокращением посевных площадей, они, напротив, выросли на 4,8% к 1920 г. по сравнению с 1917 г., а со снижением продуктивности крестьянских хозяйств [28. С. 268], доступ которых к инвентарю и удобрениям оказался ограниченным из-за сокращения товарообмена в рамках Сибирского региона и страны в целом. Производительность крестьянского хозяйства по Енисейской губернии упала

с 273 до 116 пудов к 1920 г. [28. С. 271] Транссибирская железная дорога работала на нужды военных. Водный транспорт пришел в упадок, поскольку бывшие купцы в большинстве своем покинули Россию и просто некому было заниматься организацией речных перевозок. В 1920 г. в устье Енисея зашли только 10 торговых судов [28. С. 267] (сама торговля из-за войны стала опасной, суда и грузы легко реквизировались противоборствовавшими сторонами).

Несмотря на бедственное положение аграрной экономики Енисейской губернии, в этом регионе Сибпродком реквизировал за первые два квартала 1920 г. 20 млн пудов хлеба [28. С. 271], которые были изъяты из старых запасов. Крестьяне могли очень ограниченно из-за расстройства транспортной сети в 1918–1919 гг. сбывать хлеб, что и стало основной причиной образования крупных запасов зерновых в енисейских селах. Данная политика Сибпродкома поставила Енисейский край к 1921 г. на грань восстания. При этом из 20 млн реквизированных в первой половине 1920 г. пудов зерна только чуть более 5 млн пудов большевикам удалось отправить в Европейскую Россию, ради чего и проводились изъятия [28. С. 271].

Надо сказать, что запасы продовольствия не для личного потребления делали и казаки Юга, несмотря на то что интенсивность боевых действий на Дону и Кубани была выше, чем в Енисейском крае [29. С. 105–106]. В этой связи А.И. Деникин планировал использовать аграрные ресурсы Юга для морально-политической победы над красными путем распределения продуктов питания в занятых белыми войсками центральных губерниях России [29. С. 106].

На фоне роста недовольства в крестьянской среде численность повстанцев с середины августа 1920 г. по всей Сибири неуклонно снижалась, что говорит не в пользу высокой эффективности Красной Армии, которая страдала за Уралом от дефицита практически всего необходимого и вынуждена была еще бороться с группировкой атамана Г.М. Семенова и японскими войсками, но указывает на улучшение экономических условий для населения; правда, происходило это не одновременно по всем уездам и губерниям региона. Если по состоянию на 1 августа 1920 г. в повстанческих формированиях в Сибири насчитывалось 23 273 человек, то 1 ноября того же года их было 8 830 [15. С. 118]. Для населения Сибири более 9 млн человек даже численность повстанцев в 23,2 тыс. человек выглядит достаточно небольшой, принимая во внимание, что многие повстанцы являлись бывшими солдатами и офицерами армии А.В. Колчака либо представителями левой оппозиции большевикам, которая возникла в регионе вскоре после Октябрьской революции.

Вопрос сокращения посевных площадей

Советская власть прекрасно понимала проблему сокращения посевных площадей по стране, поэтому 20 марта 1919 г. вышел декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О запашке и засеве полей в хозяйствах призванных в армию красноармейцев» [30. С. 162–163]. Суть этой нормы сводилась к тому, что местные власти должны были обязывать крестьян обрабатывать земли убывших в армию товарищей. Сам факт появления данного законодательного акта указывает на одну из причин сокращения посевных площадей в РСФСР – мобилизацию крестьян, которая со второго полугодия 1918 г. стала массовой, хотя ранее Революционный военный совет (Реввоенсовет) планировал обойтись в основном добровольцами преимущественно из числа пролетариев и интернационалистов.

11 мая 1920 г. Совет Народных Комиссаров выпускает более интересный для нашего исследования документ – Декрет об отпусках рабочих предприятий на летние полевые работы в села [30. С. 286–287]. Тот факт, что данная норма появляется в середине 1920 г., свидетельствует, что на селе возник дефицит рабочих рук и что многие рабочие оставались связанными со своими крестьянскими общинами. Но в то же время СНК был обеспокоен и нехваткой рабочих на предприятиях, поэтому их отлучки на полевые работы стали строго регламентироваться.

Если в 1916 г. посевная площадь всех типов хозяйств в Российской империи (за исключением Царства Польского и Княжества Финляндского) составила 97 586,3 тыс. га, то в 1923 г. – только 71 752,9 тыс. га, несмотря на то что уже почти два года проводился НЭП. Даже в 1927 г. посевная площадь в СССР составила 95 100,5 тыс. га [31. С. 14]. Таким образом, после двух лет НЭПа посевные площади в СССР были почти на 26,5% меньше, чем в Российской империи, что нельзя объяснить только мотивацией крестьянства на фоне того факта, что с 1917 по 1920 г. посевные площади по Европейской России сократились чуть более чем на 22% [32. С. 123], темп примерно по 7% в год, что соответствует среднегодовому сокращению запашки в 1915–1916 гг.

Если верить данным, приводимым М.В. Родзянко, что в 1916 г. в России имелся некий излишек урожая размером в 20–25% от общего числа, который сложно было бы сбыть внутри страны (очевидно, в условиях мира этот излишек должен был пойти в основном на экспорт), так как на него не могло возникнуть спроса, то вполне понятно, почему, по Н.П. Огановскому, спад в сельском хозяйстве достиг приблизительно 22% в 1917–1920 гг.: хлеб при расстройстве рыночного механизма и транспортной системы просто невозможно было сбывать, как не было смысла делать и коммерческие запасы, но на окраинах страны они, судя по примеру Енисейской губернии, все-таки делались.

Есть несколько причин сохранения запашки в РСФСР в период Гражданской войны на уровне выживания российского общества: введение большевиками госхозов и совхозов, контроль за селом со стороны местных органов власти и сохранение денежного налогообложения в сельской местности на фоне функционирования в сильно искаженной форме рыночного обмена.

Национальный доход РСФСР в 1918–1920 гг. составил приблизительно 4,5–5 млрд руб. 1913 г., причем около 4 млрд руб. 1913 г. дало сельское хозяйство [33. С. 137]. То есть Советская Россия держалась преимущественно на крестьянской экономике, которая и давала основную часть пополнений государственного

бюджета в условиях практически полной убыточности промышленности.

Немалое значение для сельского хозяйства РСФСР в годы Гражданской войны имели совхозные хозяйства, земельная площадь которых к 1922 г. достигла 3 391 тыс. десятин [17. С. 24], или 7,13% от всех посевных площадей Европейской России в 1920 г. Только ограниченные возможности советского государства по оснащению совхозов техникой, в основном из-за последствий торговой блокады РСФСР со стороны Запада, не позволили большевистскому режиму увеличить экономическую мощь и количество совхозов в стране в начале 1920-х гг.

Выход из макроэкономического кризиса и имперское наследие

Если мы посмотрим на статистику спада в промышленности России в 1917–1920 гг., то увидим, что стоимость выпускаемой цензовой продукции сокращалась примерно двукратно каждый год, но уже в 1920 г. произошло замедление снижения по этому показателю (табл. 1).

Таблица 1

Валовая продукция цензовой промышленности в довоенных ценах (млн руб.) [21. С. 134; 34]

1913	1917	1918	1919	1920	1923–1924
6 391	3 929	1 860	962	835	5 401

В дореволюционной России цензовая промышленность работала в основном на заказы военных и транспортных организаций. Только расходы на строительство боевых кораблей в 1913–1914 гг. составили в России примерно 243 млн золотых рублей [35. С. 101], но дорогостоящие морские программы реализовывались и ранее, как и гигантские программы строительства железных дорог. Отсюда возникает вполне закономерный вопрос: была ли «смычка» города и деревни в Российской империи решающим фактором роста промышленности? Очевидно, что нет, принимая во внимание большую экспортную составляющую российской промышленности и крупный объем инвестиций в российской экономике в процентах от национального дохода перед Первой мировой войной (табл. 2). Если принимать во внимание объем российского национального дохода по Полу Грегори, то в конце правления Николая II Россия значительно превзошла Англию по сумме инвестиций, что объяснимо относительно высокими прибылями после 1907 г. в России.

Таблица 2

Национальный доход и доля инвестиций в нем по странам (в руб. 1914 г.); для России – накопленные на 1914 г. инвестиции в промышленности [36. P. 337; 37. С. 93]

Страны	Национальный доход, млрд руб.	% инвестиций
США	63,2	37,3
Россия	15,4	25,3
Британия	21,2	12,37

На то, что экономика Российской империи была более мощной, чем принято считать, указывает один факт из экономической истории уже Гражданской войны. Когда интервенты и остатки Северной армии эвакуировались из Архангельска и Мурманска, они оставили там большие объемы леса для продажи на сумму приблизительно 4,5 млн фунтов стерлингов [38. С. 24–25], что составляло в рублях 1913 г. почти 45 млн, в долларах 1913 г. – примерно 22,5 млн, а в долларах 1990 г. – уже 281,25 млн. И такие крупные заготовки были сделаны, очевидно, в 1919 г. на территории, где шла Гражданская война и имел место упадок экономики.

Какие потери понесла Россия от занятия интервентами некоторых ее территорий, можно предварительно судить по отдельным данным. В 1900 г. оборот отделения Русско-Китайского банка во Владивостоке составил 721 млн руб. [39. С. 80], тогда как на начало правления Николая II бюджет Российской империи выражался в сумме 3 382,9 млн руб. [40. С. 153]. Если принять во внимание среднедушевой ВВП в Российской империи 1913 г., равный около 1 500 международных долларов 1990 г. [41], то потери только одного года японской оккупации Дальнего Востока и Забайкалья составили примерно 6,75 млрд международных долларов (примерно 2,5% ВВП империи 1913 г., если исходить из численности населения этих регионов, равной примерно 4,5 млн чел.). Таким образом, падение ВВП России в период Гражданской войны в значительной степени произошло из-за потери РСФСР части национальной территории.

Многие российские исследователи сходятся во мнении, что НЭП не был эффективной политикой, но до конца не решен вопрос, насколько и почему он оказался эффективнее «военного коммунизма». По отношению к частному товаропроизводителю действовало много ограничений, что сковывало частную инициативу. Введение в начале 1921 г. НЭПа вполне могло иметь нейтральный либо незначительный эффект для экономики, так как гораздо важнее на тот момент было восстановление транспортной сети и энергетики страны. Ю.А. Яхутль интересно объясняет одну из причин отставания темпов роста производства на селе от потребностей города: «Перераспределение земли после революции привело к тому, что количество бедняцких хозяйств по сравнению с 1913 г. уменьшилось с 12 до 3% в 1926 г. Количество наделов в деревне возросло с 16 млн в 1914 г. до 24 млн в 1924 г. Такая раздробленность негативно сказалась на структуре сельского хозяйства и его товарности. Крестьяне стали тратить до 85% произведенной продукции для собственного потребления» [42. С. 65]. Таким образом, НЭП не позволил преодолеть негативные структурные последствия «социальной революции на селе» лета 1918 г., напротив, он «законсервировал» состояние крестьянской экономики, достигнутое к осени 1918 г.

Если НЭП был неэффективен с точки зрения преобразований в аграрном секторе, то возникает вопрос, почему Ленин пошел на такую меру, как отказ от политики «военного коммунизма»? Дело в дискуссии в руководстве ВКП(б) периода 1921–1922 гг. В 1922 г. М.П. Томский признал, что государство не в состоянии обеспечить снабжение государственных предприятий в необходимом объеме [43. С. 132]. Правда, ис-

тинная причина здесь крылась в том, что государство не имело к 1921 г. средств для финансирования развития госхозов, на которые в Гражданскую войну возлагались немалые надежды в вопросе снабжения городов.

НЭП подразумевал переход к принципу самоокупаемости в социалистической экономике [44. С. 140]. У государства не было средств на развитие сельского хозяйства, так как в период Гражданской войны резко упали налоговые поступления на фоне общего значительного сокращения национального дохода (более чем в 4 раза). Надежды сторонников НЭПа на то, что рост выпуска мануфактурной продукции для сбыта в села приведет в ответ к кардинальному расширению производства сельскохозяйственной продукции для продажи в города, не оправдались. Для полной реализации данной концепции требовалось восстановление свободных рынков труда и капитала, что было невозможно, так как в таком случае происходил отказ от завоеваний Октябрьской революции.

Для поддержания промышленного развития на уровне 1909–1914 гг. требовались крупный государственный заказ и масштабные государственные инвестиции, что, в свою очередь, подразумевало доходы государственного бюджета уровня того времени.

Заключение

«Военный коммунизм» содержит в себе завершенность собственной исторической миссии в форме победы РСФСР в Гражданской войне, но некоторые завершенные вместе с ним иные процессы имели негативные экономические и социальные последствия в дальнейшем. Социальная революция в деревне, совершенная летом 1918 г. и продолжавшаяся практически до 1919 г., а в некоторых регионах страны и позднее, привела к снижению эффективности сельского хозяйства РСФСР, а затем СССР. Созданная этой революцией структура экономики села так и существовала до конца НЭПа, что и предопределило отчасти судьбу последнего.

В ходе реализации продразверстки, которая была запущена фактически еще при Российской империи, советская власть допустила произвол в регионах и ошибки в планировании (достаточно вспомнить хотя бы историю с заготовками зерна в Сибири). Однако не стоит переоценивать негативные последствия этих ошибок, принимая во внимание, что российские города были спасены от продовольственного коллапса. Но продразверстка сама по себе не была эффективным средством решения продовольственного вопроса без учета побед Красной Армии, позволивших к лету 1920 г. восстановить большую часть геоэкономического пространства бывшей Российской империи. В этой связи стоит сказать, что отменить продразверстку правительство большевиков могло уже летом 1920 г., когда хлебные регионы страны были освобождены от белых армий и интервентов. Запоздалую отмену продразверстки следует считать ошибкой в политике Ленина.

Переход к НЭПу стал очередной попыткой передачи инициативы на места после неудач политики «военного коммунизма» в 1920 г. Руководство ВКП(б) «металось» в условиях тяжелого кризиса между разными альтернативами: от перераспределения полномочий на местах в пользу структур типа комитетов бедноты до попыток договориться о хозяйственном сотрудничестве с политически умеренным крылом российской буржуазии и зажиточного крестьянства. Последнее обстоятельство и вылилось в итоге в НЭП.

Пример М.В. Родзянко и его единомышленников из числа российских либералов с отказом от насильственных реквизиций продовольствия показателен тем, что поведение власти предопределено во многом морально-этическими нормами, выработанными в рамках тех или иных политических и социальных кругов.

Очевидно, что геоэкономический фактор детерминировал положение России как великой евразийской державы. Проекты создания «независимой Сибири», «казачьих республик» и тому подобного наталкивались на дефицит обеспеченности этих государственных образований мятежных окраин бывшей Российской империи промышленными мощностями, а также собственным подвижным составом. Новые покровители этих политических режимов не желали приносить жертвы в их пользу, стремясь при этом извлечь только временную выгоду, наглядным примером чему служит история с британо-французской интервенцией на Русском Севере в 1918–1919 гг. В этой связи четче вырисовывается историческая миссия России и в особенности ее европейского ядра, состоящего в основном из плохо обеспеченных сельскохозяйственными ресурсами регионов Нечерноземья.

История Гражданской войны демонстрирует нам еще один важный сюжет – институциональные реформы имели геоэкономическое ограничение. Врангель в Крыму в 1920 г. провел вполне разумные реформы, но на том клочке территории, который контролировали тогда белые, это не давало эффекта и не имело смысла. Другая аналогия – Китай 1920-х гг.: гоминдан проводил политику, очень похожую на советский НЭП, но из-за «раздробленности» Китая она давала очень противоречивые результаты. Как мы думаем, большой ошибкой Ленина была запоздалая отмена продразверстки, переход к НЭПу вполне можно было осуществить уже после марта 1920 г., когда белые армии были практически разбиты и страну необходимо было возвращать к мирной жизни. Стоит отметить, что «Белый Юг» до осени 1919 г. следовал политике «хлебной монополии», установленной Временным правительством в марте 1917 г., и проект отмены этой монополии напоминает отказ большевиков от продразверстки [29. С. 104].

Выход РСФСР из тяжелого экономического кризиса, как показывает пример аграрного сектора Советской России интересующего нас периода, произошел безотносительно НЭПу и начался раньше примерно на год, чем был введен сам НЭП. Тем не менее, если вспомнить голод в Поволжье в начале 1920-х гг., выход из кризиса протекал болезненно, что было во многом связано с опозданием с политикой перевода народного хозяйства РСФСР на мирные рельсы.

Список источников

1. Белоусов В.М., Лубский А.В. Геоэкономическая парадигма научных исследований // Terra Economicus. 2013. № 11 (4). С. 10–17.
2. Scott A.J. The Constitution of the City: Economy, Society and Urbanization in the Capitalist Era. New York : Palgrave Macmillan, 2017. 251 p.
3. Vihma A. Geoeconomic Analysis and the Limits of Critical Geopolitics: A New Engagement with Edward Luttwak // Geopolitics. 2018. Vol. 23, № 1. P. 1–21.
4. International Policy Rules and Inequality: Implications for Global Economic Governance / J. Ocampo (ed.). New York ; Chichester : Columbia University Press, 2019. 304 p.
5. Scholvin S., Wigell M. Geo-economics as Concept and Practice in International Relations: Surveying the State of the Art // FIIA Working Paper. 2018. P. 4–12.
6. Kvinikadze G. Challenges of the 21st Century: The Position of the Small State in geo-economic. View from Georgia // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2017. Vol. 5, is. 2. P. 495–500.
7. Kvinikadze G. Some opinion on the notion of geo-economic security // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2017. Vol. 5, is. 2. P. 492–494.
8. Moisio S. Towards geopolitical analysis of geoeconomic processes // Geopolitics. 2018. Vol. 23, is. 1. P. 22–29.
9. Mohapatra N.K. Regional Processes and Geopolitics of India, Afghanistan, Tajikistan, and Uzbekistan (IATU) // Jadavpur Journal of International Relations. 2018. Vol. 22 (1). P. 80–106.
10. Inozemtsev V. China's impact on Russian economy // Ulbrief. 2018. № 8. P. 1–12.
11. Stronski P., NG N. Cooperation and Competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2018. URL: https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673 (accessed: 30.08.2020).
12. Harrison M. The Soviet Economy, 1917–1991: Its Life and Afterlife // The Independent Review. 2017. Vol. 22, № 2. P. 199–206.
13. Brandenberger D., Zelenov M. Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Short Course. Yale University Press, 2019. 760 p.
14. Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи // Сравнительная политика. 2019. Т. 10, № 1. С. 81–97.
15. Прищепа А.И. Партизанские отряды на юге Западной Сибири в 1920-е гг.: драма политического выбора // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2018. № 1. С. 113–119.
16. Попов Г.Г. Индустриализация и развитие ОПК СССР в Первую пятилетку в «координатах» эпохи мировых войн // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 25–31.
17. Антонов-Саратовский В.П. Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921) : сб. документов М. : Изд-во Ком. акад., 1929. Ч. 2. 455 с. (Материалы по истории советского строительства).
18. Давыдов М.И. Борьба за хлеб: продовольственная политика Коммунистической партии и Советского правительства. М. : Мысль, 1971. 219 с.
19. Китаев Д.Н. Реализация продовольственной разверстки на хлеб 1919–1920 гг. в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1. С. 65–69.
20. Медведев А.В. Продовольственное положение и продовольственная политика Советского государства в 1918–1920 гг. (на материалах Нижегородской губернии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 49–59.
21. Арутинян А.А., Маркус Б.Л. Развитие советской экономики. М. : Госсоцэкониздат, 1940. 666 с.
22. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции : документы и материалы / сост. А.Л. Сидоров. М.–Л. : Изд-во Акад. наук, 1957. 692 с.
23. Карпенко С.В. Гражданская война в России, 1917–1922 : очерки экономической и политической истории. М. : Изд-во Ипполитова, 2011. 358 с.
24. Сибирская Вандея. 1919–1920 : документы : в 2 т. / сост. Н.Я. Яковлев. М. : Междунар. фонд «Демократия», 2001. Т. 1. 776 с.
25. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913) : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1956. 352 с.
26. Попов Г.Г., Чибисова Е.Н. Внешняя торговля и хлебные цены в Российской империи. За или против неоклассических теорем внешней торговли? // Terra Economicus. 2016. № 3 (14). С. 87–100.
27. Collingham L. The taste of war. World war two and the battle for food. London : Penguin books, 2011. 634 p.
28. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 416 с.
29. Карпенко С.В. Кризис товарно-денежного обращения и продовольственное снабжение армии и городского населения на белом Юге России // Экономический журнал. 2015. № 2 (38). С. 101–122.
30. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М. : Упр. делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с.
31. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916, 1923–1927 гг. Итоги с.-х. переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-ных обследований по единоличным крестьянским хозяйствам за 1923–1927 гг. М. : Статгосиздат ЦСУ СССР, 1930. 171 с.
32. Огановский Н.П. Очерки экономической географии СССР. М. : Новая деревня, 1924. 320 с.
33. Хазиев Р.А. Мобилизация на Урале в 1917–1921 гг.: хозяйственная эффективность государственного администрирования экономики // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 28–29.
34. Кафенгауз Л.Б. Государственная промышленность СССР за 10 лет // Торгово-промышленная газета. 1927. № 255/56 (1690/91). С. 5.
35. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Journal of Economics Regulation. 2010. № 3 (1). С. 92–105.
36. Pollard S., Feinstein C.H. Studies in capital formation in the United Kingdom, 1750–1920. Oxford : Clarendon Press, 1988. 665 p.
37. Попов Г.Г., Давыдов С.Г. Точки бифуркации и проблема общественного выбора: на примерах политики С.Ю. Витте, судьбы СССР в период НЭПа и первых шагов индустриализации // Вестник истории, литературы, искусства. 2017. Т. 12. С. 89–112.
38. Россия и США: экономические отношения, 1917–1933 : сб. документов / ред. Г.Н. Севостьянов. М. : Наука, 1997. 439 с.
39. Троицкая Н.А. Кредитные учреждения на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2006. № 4. С. 76–86.
40. Россия. 1913 год : стат.-док. Справочник / отв. ред. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. СПб.: Ин-т российской истории РАН ; Рус.-балт. информационный центр «Блиц», 1995. 413 с.
41. Harrison M., Markevich A. Russia's national income in war and revolution, 1913–1928 // VOX : CEPR Policy Portal URL: https://voxeu.org/print/7972 (accessed: 30.08.2020).
42. Яхутль Ю.А. Кризисы НЭПа: второй кризис новой экономической политики 1925 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 64–68.
43. Юдина Т.И. Привлечение иностранного капитала в советскую экономику в период НЭПа // Власть. 2009. № 7. С. 132–134.
44. Романенко В.Я. Государственные сельские хозяйства в условиях НЭПа и сталинской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). С. 140–142.

References

1. Belousov, V.M. & Lubskiy, A.V. (2013) Geoekonomicheskaya paradigma nauchnykh issledovaniy [Geo-economic paradigm of scientific research]. *Terra Economicus*. 11(4). pp. 10–17.
2. Scott, A.J. (2017) *The Constitution of the City: Economy, Society and Urbanization in the Capitalist Era*. New York: Palgrave Macmillan.
3. Vihma, A. (2018) Geoeconomic Analysis and the Limits of Critical Geopolitics: A New Engagement with Edward Luttwak. *Geopolitics.* 23(1). pp. 1–21.
4. Ocampo, J. (ed.) (2019) *International Policy Rules and Inequality: Implications for Global Economic Governance*. New York; Chichester: Columbia University Press.
5. Scholvin, S. & Wigell, M. (2018) *Geo-economics as Concept and Practice in International Relations: Surveying the State of the Art*. FIIA Working Paper. pp. 4-12.
6. Kvinikadze, G. (2017) Challenges of the 21st Century: The Position of the Small State in geo-economic. *International Journal of Social Science and Humanities Research. View from Georgia*. 5(2). pp. 495–500.
7. Kvinikadze G. (2017) Some opinion on the notion of geo-economic security. *International Journal of Social Science and Humanities Research*. 5(2). pp. 492–494.
8. Moisio, S. (2018) Towards geopolitical analysis of geoeconomic processes. *Geopolitics.* 23(1). pp. 22–29.
9. Mohapatra, N.K. (2018) Regional Processes and Geopolitics of India, Afghanistan, Tajikistan, and Uzbekistan (IATU). *Jadavpur Journal of International Relations*. 22(1). pp. 80–106.
10. Inozemtsev, V. (2018) China's impact on Russian economy. *Ulbrief*. 8. pp. 1–12.
11. Stronski, P. & NG, N. (2018) *Cooperation and Competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. [Online] Available from: https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673 (Accessed: 30th August 2020).
12. Harrison, M. (2017) The Soviet Economy, 1917–1991: Its Life and Afterlife. *The Independent Review*. 22(2). pp. 199–206.
13. Brandenberger**,** D. & Zelenov**,** M. (2019) *Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Short Course*. Yale University Press.
14. Rozov, N.S. & Tsygankov, V.V. (2019) Zakonomernosti v smute: sravnitel'no-politicheskiy analiz revolyutsionnoy volny 1848–1849 gg. v Avstriyskoy imperii [Patterns in the turmoil: A comparative political analysis of the revolutionary wave of 1848-1849 in the Austrian Empire]. *Sravnitel'naya politika*. 10(1). pp. 81–97.
15. Prishchepa, A.I. (2018) Partizanskie otryady na yuge Zapadnoy Sibiri v 1920-e gg.: drama politicheskogo vybora [Guerrilla detachments in the South of Western Siberia in the 1920s: The drama of political choice]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 1. pp. 113–119.
16. Popov, G.G. (2018) Industrializatsiya i razvitie OPK SSSR v Pervuyu pyatiletku v "koordinatakh" epokhi mirovykh voyn [Industrialization and development of the USSR defense industry in the first five-year plan in the "coordinates" of the world war epoch]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 25–31.
17. Antonov-Saratovskiy, V.P. (ed.) (1929) *Sovety v epokhu voennogo kommunizma (1918–1921)* [Soviets in the era of war communism (1918–1921)]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Kom. akad.
18. Davydov, M.I. (1971) *Bor'ba za khleb: prodovol'stvennaya politika Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo pravitel'stva* [The struggle for bread: food policy of the Communist party and the Soviet government]. Moscow: Mysl'.
19. Kitaev, D.N. (2012) Realizatsiya prodovol'stvennoy razverstki na khleb 1919–1920 gg. v Vyatskoy gubernii [Implementation of food distribution for bread 1919–1920 in Vyatka province]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 65–69.
20. Medvedev, A.V. (2016) Prodovol'stvennoe polozhenie i prodovol'stvennaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1918–1920 gg. (na materialakh Nizhegorodskoy gubernii) [Food situation and food policy of the Soviet state in 1918–1920 (based on materials of the Nizhny Novgorod province)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 5. pp. 49–59.
21. Arutinyan, A.A. & Markus, B.L. (1940) *Razvitie sovetskoy ekonomiki* [Development of the Soviet economy]. Moscow: Gossotsekonizdat.
22. Sidorov, A.L. (ed.) (1957) *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii : dokumenty i materialy* [The economic situation in Russia on the eve of the Great October socialist revolution. Documents and materials]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
23. Karpenko, S.V. (2011) *Grazhdanskaya voyna v Rossii, 1917–1922: ocherki ekonomicheskoy i politicheskoy istorii* [The Russian Civil War, 1917–1922: Essays on economic and political history]. Moscow: Izd-vo Ippolitova.
24. Yakovlev, N.Ya. (ed.) (2001) *Sibirskaya Vandeya. 1919–1920: dokumenty: v 2 t.* [The Siberian Vendee. 1919–1920. Documents in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunar. fond "Demokratiya".
25. Rashin, A.G. (1995) *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913)* [Population of Russia for 100 years (1813–1913)]. Moscow: Gosstatizdat.
26. Popov, G.G. & Chibisova, E.N. (2016) Vneshnyaya torgovlya i khlebnye tseny v Rossiyskoy imperii. Za ili protiv neoklassicheskikh teorem vneshney torgovli? [Foreign trade and grain prices in the Russian Empire. For or against neoclassical foreign trade theorems?]. *Terra Economicus*. 3(14). pp. 87–100.
27. Collingham, L. (2011) *The Taste of War. World War Two and the Battle for Food*. London: Penguin books.
28. Marmyshev, A.V. & Eliseenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya voyna v Eniseyskoy gubernii* [Civil war in the Yenisei province]. Krasnoyarsk: Verso.
29. Karpenko, S.V. (2015) Krizis tovarno-denezhnogo obrashcheniya i prodovol'stvennoe snabzhenie armii i gorodskogo naseleniya na belom Yuge Rossii [The crisis of commodity and money circulation and food supply of the army and urban population in the White South of Russia]. *Ekonomicheskiy zhurnal*. 2(38). pp. 101–122.
30. USSR. (1943) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1919 g.* [Collected laws and orders of the Government for 1919]. Moscow: Upr. delami Sovnarkoma SSSR.
31. USSR. (1930) *Osnovnye elementy sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva SSSR 1916, 1923–1927 gg. Itogi s.-kh. perepisi 1916 g. i vesennikh vyborochnykh 10%-nykh obsledovaniy po edinolichnym krest'yanskim khozyaystvam za 1923–1927 gg.* [The main elements of agricultural production in the USSR 1916, 1923–1927. Results of the 1916 agricultural census and the spring 10% sample surveys of individual farms for 1923–1927.] Moscow: Statgosizdat TsSU SSSR.
32. Oganovskiy, N.P. (1924) *Ocherki ekonomicheskoy geografii SSSR* [Essays on the economic geography of the USSR]. Moscow: Novaya derevnya.
33. Khaziev, R.A. (2009) Mobilizatsiya na Urale v 1917–1921 gg.: khozyaystvennaya effektivnost' gosudarstvennogo administrirovaniya ekonomiki [Mobilization in the Urals in 1917–1921: Economic efficiency of state administration for the economic affairs]. *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia in the twentieth century]. Proc. of the Conference. Chelyabinsk: Entsiklopediya. pp. 28–29.
34. Kafengauz, L.B. (1927) Gosudarstvennaya promyshlennost' SSSR za 10 let [State industry of the USSR for 10 years]. *Torgovo-promyshlennaya gazeta*. 255/56 (1690/91). p. 5.
35. Popov, G.G. (2010) Pochemu Rossiya ne mogla ne proigrat' Pervuyu mirovuyu voynu (sotsial'no-ekonomicheskie aspekty) [Why Russia could not fail to lose the First world war (socio-economic aspects)]. *Journal of Economics Regulation*. 3(1). pp. 92–105.
36. Pollard, S. & Feinstein, C.H. (1988) *Studies in capital formation in the United Kingdom, 1750–1920*. UK, Oxford: Clarendon Press.
37. Popov, G.G. & Davydov, S.G. (2017) Tochki bifurkatsii i problema obshchestvennogo vybora: na primerakh politiki S.Yu. Vitte, sud'by SSSR v period NEPa i pervykh shagov industrializatsii [Bifurcation points and the problem of public choice: examples of S.Yu. Witte's policy, the fate of the USSR during the NEP and the first steps of industrialization]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*. 12. pp. 89–112.

38. Sevostyanov, G.N. (ed.) (1997) *Rossiya i SShA: ekonomicheskie otnosheniya, 1917–1933* [Russia and the United States: economic relations, 1917–1933]. Moscow: Nauka.
39. Troitskaya, N.A. (2006) Kreditnye uchrezhdeniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Credit institutions in the Russian far East in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 4. pp. 76–86.
40. Anfimov, A.M. & Korelin, A.P. (eds) (1995) *Rossiya. 1913 god* [Russia. 1913]. St. Petersburg: RAS.
41. Harrison, M. & Markevich, A. (2017) *Russia's national income in war and revolution, 1913–1928.* [Online] Available from: https://voxeu.org/print/7972
42. Yakhutl, Yu.A. (2012) Krizisy NEPa: vtoroy krizis novoy ekonomicheskoy politiki 1925 g. [NEP crises: the second crisis of the New Economic Policy of 1925]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 3(13). pp. 64–68.
43. Yudina, T.I. (2007) Privlechenie inostrannogo kapitala v sovetskuyu ekonomiku v period NEPa [Engaging foreign capital in the Soviet economy during the NEP]. *Vlast'*. 7. p. 132–134.
44. Romanenko, V.Ya. (2016) Gosudarstvennye sel'skie khozyaystva v usloviyakh NEPa i stalinskoy modernizatsii [State agricultural farms under NEP and Stalinist modernization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7(69). pp. 140–142.

***Сведения об авторах*:**
Попов Григорий Германович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: GGPopov2009@mail.ru
Раздина Наталия Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: razdina.n@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Popov Grigory G. – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: GGPopov2009@mail.ru

Razdina Natalia V. – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: razdina.n@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2020; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 22.09.2020; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 93/94+347.961(571.16)
doi: 10.17223/19988613/87/9

Социально-профессиональный портрет томского нотариуса в 1923–1944 гг.

Екатерина Николаевна Румянцева

Томский государственный университет, Томск, Россия, katerum3007@mail.ru

Аннотация. Представлен социально-профессиональный портрет государственного нотариуса в 1923–1944 гг. на примере г. Томска и прилегающих к нему территорий Основное внимание уделено социальному происхождению, гендерному, возрастному составу, партийности, образовательному и профессиональному уровням государственных нотариусов в контексте нормативно-правовых и практико-применимых изменений в требованиях к должности. С учетом новых данных составлен социально-профессиональный портрет томского государственного нотариуса и сделаны выводы об изменениях его качественных характеристик, выявлена специфика кадрового состава томского государственного нотариата.
Ключевые слова: государственный нотариус, социально-профессиональный портрет нотариуса, региональный нотариат, город Томск

Для цитирования: Румянцева Е.Н. Социально-профессиональный портрет томского нотариуса в 1923–1944 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 77–85. doi: 10.17223/19988613/87/9

Original article

Social and professional portrait of the Tomsk notary in 1923–1944

Ekaterina N. Rumyantseva

Tomsk State University, Tomsk, Russia Federation, katerum3007@mail.ru

Abstract. The article examines the state notary, the key figure of the notary corps, using the example of Tomsk and adjacent territories. The purpose of the article is to identify the features of the social and professional portrait of the Tomsk state notary in 1923-1944 in the context of changes in the requirements for the position of a state notary. To achieve this purpose, the following tasks are set: to consider the composition of state notaries, analyze the main regulatory and practical requirements for candidates for the position of a state notary, study the dynamics of changes, draw up a social and professional portrait of the Tomsk state notary in 1923-1944 and identify its specifics. The relevance of the research is due to public interest in the problems of regional social history and the development of human resources.

The main sources for the study were unpublished documents from the State Archives of the Tomsk, Novosibirsk and Kemerovo regions, legislative, regulatory, directive and administrative acts of state authorities.

In the course of the research, the author made the following conclusions. During the period under review, persons aged 25 to 42 years old were appointed to the position of Tomsk state notary, by origin – workers or peasants, by place of birth – natives of Siberia, by gender: before 1930 – 90% men, since 1931 – 100% women, by party affiliation – mostly members (candidates) of the Communist Party of the Soviet Union Bolsheviks, according to the level of education – with primary and secondary education, with higher education, there were no notaries in Tomsk. Since the mid-1930s, there has been a tightening of the qualification requirements for candidates for the position of state notary: the presence of secondary professional education or compulsory training in special legal courses. The situation with professional experience in law has also changed: if in the 1930s, candidates mostly had work experience only in the secretariat of justice, then in the early 1940s they previously worked as court officers and people's judges. Among all the criteria for selection for the position of state notary, the candidate's party affiliation and political loyalty were of decisive importance. In the 1930s, which were crucial for the state notary, the feminization of the Tomsk state notary corps took place.
Keywords: state notary, social and professional portrait of a notary, regional notary, Tomsk city

For citation: Rumyantseva, E.N. (2024) Social and professional portrait of the Tomsk notary in 1923–1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 77–85. doi: 10.17223/19988613/87/9

© Е.Н. Румянцева, 2024

Одной из актуальных задач современной отечественной истории является изучение корпуса государственных, правоохранительных, судебных органов и отраслевых ведомств, юстиции и т.д., в связи с чем исследование истории кадровой политики регионального нотариата обосновано не только объективными потребностями исторической науки, но и возрастающим в последнее время общественным интересом к региональной социальной истории.

В современной научно-исследовательской среде значительное количество работ посвящено истории отечественного нотариата, особенностям его становления и развития в советский и современный периоды. В контексте региональной истории можно отметить работы исследователей по изучению становления и развития государственного нотариата, в том числе кадровые вопросы, Алтая [1], республик Хакасия [2] и Тыва [3], Красноярского края [4, 5], Дальнего Востока [6–9]. Значительный вклад в исследование истории российского нотариата вносит проект Федеральной нотариальной палаты по изданию серии книг «Золотые страницы Российского нотариата», посвященный рассмотрению особенностей развития нотариальных органов на территориях субъектов Российской Федерации. Например, коллективная монография «История нотариата на Томской земле» [10] содержит отдельные биографии томских государственных нотариусов, а также общее описание их профессиональных характеристик в рамках изучения истории томского государственного нотариата. Вместе с тем штатная численность работников государственных нотариальных органов, квалификационные требования, предъявляемые к государственным нотариусам, особенности их трудоустройства, уровень образования и профессиональный опыт, динамика изменений данных характеристик в разное историческое время, а также другие кадровые и социальные аспекты затрагиваются исследователями только в рамках общего историко-научного изучения. Немногие авторы в своих трудах в качестве отдельного предмета научного исследования рассматривают региональный социально-профессиональный портрет нотариусов, среди них можно отметить А.С. Жулаеву [11], Н.Г. Тараканову и Ф.Ш. Ямбушева [12], Д.В. Чарыкова [13] и др.

В Томской области в настоящее время работают 68 частнопрактикующих нотариусов в 20 нотариальных округах, объединенных Томской областной нотариальной палатой. Действующее законодательство фиксирует определенный перечень требований, предъявляемых к лицам, претендующим на должность нотариуса: уровень и направленность образования, стаж работы по юридической специальности, возрастной ценз, квалификационный ценз, ограничительные нормы и т.д. [14. Ст. 2]. Вместе с тем век назад в Томской губернии функционировало всего лишь пять государственных нотариальных контор, в каждой из которой был предусмотрен один государственный нотариус. В период становления политического режима советов, в 1920-е гг., был намечен курс на ликвидацию дореволюционной нотариальной системы и выстраивание нотариата нового типа исключительно на государственных началах, определение его места в структуре государственных органов. Данные преобразования затронули и требования к социально-правовому статусу нотариуса, включая требования к уровню его образования, профессиональному опыту и партийной принадлежности.

Цель данной статьи – выявить особенности социально-профессионального портрета томского государственного нотариуса в 1923–1944 гг. в контексте нормативно-правовых и практико-применимых изменений в требованиях к должности государственного нотариуса. Социально-профессиональный портрет государственного нотариуса предполагает изучение таких качественных характеристик, как социальное происхождение, гендерный состав, образовательный и профессиональный уровни, партийность. Количественный показатель предмета исследования представляется весьма сложным и гибким, что связано с постоянными изменениями в отношении г. Томска как административного центра и границ прилегающих к нему территорий в результате проводимых на территории Сибири административно-территориальных реформ: в 1923–1925 гг. Томск являлся центром Томской губернии, с 25 мая 1925 г. – Томского округа в составе Сибирского края, с 23 июля 1930 г. – Томского района Западно-Сибирского края, с 10 апреля 1933 г. – самостоятельная административно-территориальная единица Западно-Сибирского края с подчинением г. Новосибирску, с 17 января 1935 г. Томск стал административным центром Томского района в составе Западно-Сибирского края, с 28 сентября 1937 г. – в составе Новосибирской области с подчинением г. Новосибирску, с 13 августа 1944 г. город получил статус областного центра во вновь образованной Томской области [15. С. 16, 117, 135, 165, 166, 175, 177].

Источниковой базой выступают многочисленные ранее неопубликованные материалы государственных архивов Томской, Новосибирской и Кемеровских областей (доклады и отчеты о деятельности государственных нотариальных контор (статистические, квартальные, полугодовые и годовые), кадровая документация (личные дела, листки учета, справки, удостоверения), переписка государственных нотариальных контор с органами юстиции и судами о вопросах деятельности, штатах и личном составе и законодательные, нормативные, директивные и распорядительные акты центральных и региональных органов государственной власти.

Хронологические рамки статьи – с 14 февраля 1923 г. (официальное открытие Первой Томской государственной нотариальной конторы) до 13 августа 1944 г. (образование Томской области и открытие Томской областной государственной нотариальной конторы).

Ключевая фигура всего нотариального корпуса в изучаемый период – государственный нотариус, который в первое время работал только в Томской государственной нотариальной конторе, а затем с расширением сети государственных нотариальных органов – и в других административно-территориальных единицах Томской земли. В Первой государственной нотариальной конторе, расположенной в административном центре – г. Томске – и имеющей статус руководящей по отношению к другим государственным нотариаль-

ным конторам, работал старший государственный нотариус, в остальных – государственные нотариусы.

Принятый 4 октября 1922 г. первый советский законодательный акт о нотариате – Положение о государственном нотариате [16] – включал основные требования к назначению на должность государственного нотариуса: лицо должно было обладать правом избирать и быть избираемым в советы рабочих и крестьянских депутатов, выдержать соответствующее испытание в комиссии, назначенной Президиумом совета народных судей по выработанной Народным комиссариатом юстиции РСФСР программе, назначаться Президиумом губернского совета народных судей [17]. В свою очередь, пользоваться избирательным правом могли совершеннолетние (18 лет) граждане РСФСР мужского и женского пола и иностранцы, проживающие на ее территории, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.д. [18. Ст. 64]. Ограничены в избирательном праве были следующие категории: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церкви и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [18. Ст. 65]. Для государственного нотариуса устанавливался запрет совмещать свои обязанности с другой работой в частных и государственных организациях, учреждениях, на предприятиях [19. С. 182; 20. С. 39].

Принятые в 1926 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об основных принципах организации государственного нотариата» [21], Положение о государственном нотариате РСФСР [22], Положение о судоустройстве РСФСР [23] уточняли критерии отбора для назначения на должность государственного нотариуса: государственные нотариусы назначались, перемещались и увольнялись в зависимости от категории местности губернскими и уездными комитетами по представлению губернских и им соответствующих судов из числа лиц, имеющих право быть избранными в народные судьи и выдержавших специальное испытание. Избираться в народные судьи мог гражданин, пользующийся на основании Конституции РСФСР избирательными правами, если он имел двухлетний стаж ответственной политической работы в государственных учреждениях или в рабоче-крестьянских, общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях либо трехлетний стаж практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя. Лица, осужденные за корыстные или порочащие преступления или исключенные из общественных организаций за порочащие проступки (поведение), не могли быть избираемы на должность народного судьи впредь до их реабилитации [23. Ст. 15]. Указанные правовые акты устанавливали также ряд запретов: государственный нотариус не мог занимать иную должность, за исключением выборной, преподавательской и должности судебного переводчика; не имел права служить по найму в кооперативных, общественных организациях и у частных лиц, а равно участвовать в торговых и промышленных предприятиях и состоять членом коллегии защитников; обязан был соблюдать государственную нотариальную тайну [23. Ст. 100]. Вознаграждение за труд государственный нотариус получал только от государства.

14 февраля 1923 г. в соответствии с требованием Положения о государственном нотариате РСФСР официально была открыта Томская государственная нотариальная контора, которая позднее получила название «Первая». В Томской губернии с 1923 по 1925 г. действовало пять государственных нотариальных контор с одним государственным нотариусом в каждой: в г. Томске – М.П. Шеремет (1923–1927), п. Ленино – Н. Кологривова, г. – Щегловске – А.Ф. Фролов, г. Кузнецке – Г.В. Тузиков (до 1925 г.) и Н.С. Заплатин (с 1925 г.), г. Мариинске – В.П. Карпов [24. Л. 14; 25. С. 234; 26. С. 289].

В 1925 г. в результате окружного административно-территориального деления и изменения территориальных границ во вновь образованном Томском округе работало две государственные нотариальные конторы: Первая Томская государственная нотариальная контора под руководством Михаила Прокопьевича Шеремета и Мариинская районная государственная нотариальная контора во главе с государственным нотариусом Виктором Петровичем Карповым [17. С. 57]. В 1927 г. государственная нотариальная контора в г. Томске была переименована в Томскую окружную государственную нотариальную контору, которую возглавил Глеб Гаврилович Синицын. В апреле 1928 г. открылась Анжеро-Судженская государственная нотариальная контора под руководством государственного нотариуса Ивана Юрьевича Дзениса [27. Л. 20], с конца 1928 г. – Матвея Васильевича Скворцова [28. Л. 25].

По социальному происхождению государственные нотариусы были выходцами из семьи мещан (М.П. Шеремет), рабочих (И.Ю. Дзенис) и крестьян (А.Ф. Фролов). По месту рождения, согласно сведениям архивных документов, государственные нотариусы не были кореннными уроженцами Томска: М.П. Шеремет был родом из Черниговской губернии, А.Ф. Фролов из Области Войска Донского Российской империи. Возраст государственных нотариусов томского региона был разным: самым молодым государственным нотариусом на момент вступления в должность был А.Ф. Фролов (24 года), а самым возрастным М.П. Шеремет (55 лет). Уровень образования у государственных нотариусов также различался: домашнее образование (М.П. Шеремет), начальное («низшее») образование (Г.Г. Синицын, М.В. Скворцов), среднее (В.П. Карпов, А.Ф. Фролов), рабфак (И.Ю. Дзенис). По социальному статусу все нотариусы являлись служащими (М.П. Шеремет, Г.Г. Синицын, Н. Кологривова, А.Ф. Фролов, Г.В. Тузиков, Н.С. Заплатин, В.П. Карпов, И.Ю. Дзенис, М.В. Скворцов). По партийной принадлежности из

квартальных и годовых отчетов 1920-х гг. известно, что М.П. Шеремет в партии ВКП(б) не состоял, а в 1924 г. был лишен избирательных прав как бывший служащий полиции в дореволюционное время, В.П. Карпов и М.В. Скворцов были беспартийными, И.Ю. Дзенис, Г.Г. Синицын и А.Ф. Фролов являлись членами ВКП(б) [27. Л. 21; 28. Л. 25; 29. Л. 10 об.].

Интересен профессиональный опыт (стаж) работы ключевых томских государственных нотариусов. Михаил Прокопьевич Шеремет, несмотря на полученное домашнее образование, в дореволюционное время прошел долгий профессиональный путь в системе правоохранительных органов: в 14 лет начал службу писцом в уездном полицейском управлении, в 25 лет – в полиции Томской губернии, в 36 лет – полицмейстером г. Колывань, в 44 года стал томским полицмейстером. За эти годы Михаил Прокопьевич дослужился до коллежского асессора и за ответственное служение делу, а также «выдающееся отличие по службе» был награжден многими благодарностями и наградами дореволюционного периода, последними из которых стали ордена Святой Анны III степени, Святого Станислава II степени и Святого Владимира IV степени. В первые годы становления советской власти М.П. Шеремет, самостоятельно подготовившись, сдал экзамен на должность государственного нотариуса и в 1917–1919 гг. работал нотариусом в Мариинске [30. С. 103–109]. В связи с тем что повсеместно на территории Сибири чувствовалась острая нехватка специалистов, М.П. Шеремет уже в феврале 1920 г. из Мариинска переехал в Томск, где продолжил работать инспектором следственной комиссии народного суда, затем делопроизводителем следователя и сотрудником статистического отдела, заведующим Нотариальным столом Томского губернского бюро юстиции, а в 1923 г. назначен на должность государственного нотариуса Томской государственной нотариальной конторы. Несмотря на утвержденные указанными выше правовыми актами критерии отбора и ограничения к должности государственного нотариуса, слабое состояние здоровья Михаила Прокопьевича и лишение его избирательных прав как бывшего служащего имперской полиции, он до 15 апреля 1927 г. продолжил трудиться государственным нотариусом г. Томска и пользовался доверием советской власти. Однако обновление требований нормативно-правовых актов, ужесточение критериев отбора государственных нотариусов и проведенные ревизии в Томске потребовали срочного увольнения М.П. Шеремета с занимаемой должности в связи с ранее «лишенным избирательным правом» [31. Л. 18].

Доступная для исследователя информация в отчетных документах говорит о высоких личностных и профессиональных качествах Михаила Прокопьевича Шеремета:

– «Человек безукоризненно честный, безупречного поведения и нравственности, весьма усерден и честный труженик, безусловно, опытный в полицейском деле» (из служебной характеристики, 1893) [32. Л. 26];

– «По отзыву местных обывателей Шеремет живет только на жалованье и никаких побочных доходов не имеет. Среди населения пользуется полным доверием и уважением и слывет за человека, безусловно честного... Вследствие долговременного пребывания в глуши имеет несколько “запушенный” вид и производит впечатление человека мало энергичного, но, судя по отзывам обывателей и местного следственного судьи, он держит дело управления обширным уездом в твердых руках и умело управляет действиями подчиненных ему органов исполнительной полиции» (из характеристики начальника Томского жандармского управления в секретном рапорте губернатору) [32. Л. 166–167];

– «За время своей службы в Томске Шеремет снискал себе доверие, благожелательное отношение жителей, которое не подорвал и в дни революции» (из представления Томского губернского комиссариата к назначению М.П. Шеремета на пенсию, 1917) [32. Л. 225–226 об.].

О другом государственном нотариусе Томского округа – Викторе Петровиче Карпове – известно, что до работы государственный нотариусом он служил рядовым по мобилизации в Колчаковской армии, а позже командиром Красной Армии. Сохранилась и профессиональная характеристика Виктора Петровича: «С работой вполне справляется, аккуратный, нотариальную работу любит и знает. Жалоб на бюрократическое отношение с посетителями не было <…> очень исполнительный, нотариальную работу знает хорошо, ведет общественную работу» [27. Л. 21; 28. Л. 28].

Иван Юрьевич Дзенис до назначения на должность государственного нотариуса работал 4 года народным судьей [27. Л. 21]. В свою очередь, Александр Феофанович Фролов тоже служил в Красной Армии, но юридического стажа до работы в органах юстиции не имел [33. Л. 15].

Таким образом, практическое применение правовых требований в 1920-е гг. показало, что приоритетными критериями назначения на должность государственного нотариуса в регионе в большей степени были не уровень образования и стаж по юридической специальности, а наличие избирательного права, партийная принадлежность и политическая лояльность, прохождение специального вступительного испытания по профессиональной принадлежности. Исключением из правил стала фигура М.П. Шеремета в силу его многолетнего профессионального опыта в юридической сфере, уважения со стороны томского населения и острого дефицита в компетентных кадрах.

20 июля 1930 г. было принято в новой редакции Положение о государственном нотариате РСФСР [34], которое продолжило традицию становления государственного нотариата, но не содержало требований к назначению на должность государственного нотариуса, кроме фактического ограничения: «Государственный нотариус не может выполнять нотариальных действий от имени или на имя супруга, своих и его родственников по прямой линии, своих братьев и сестер, а равно на имя и от имени сотрудников того же нотариального органа» [34. Ст. 9]. В Положении был уточнен термин «нотариус», под которым понимались, кроме собственно государственного нотариуса, также должностные лица, совершающие нотариальные действия в районных исполкомах, городских и сельских

советах [34]. В то же время продолжали действовать нормы Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г., которые содержали квалификационные требования к назначению на должность государственного нотариуса и применялись до 1959 г.

В связи с очередным административно-территориальным – районным – делением и проведением государственной политики по сокращению числа государственных нотариальных контор в Томске 5 ноября 1931 г. была закрыта Томская окружная государственная нотариальная контора, а полномочия государственного нотариуса переданы специалистам Нотариальной части и Отдела коммунального хозяйства Городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Томска (далее – Горсовет). В условиях бурной индустриализации страны и в режиме жесткой экономии советское руководство воспринимало нотариальные органы как убыточное, стремилось к сокращению государственных нотариальных контор, а содержание, материально-техническое обеспечение сохранившихся, в том числе и заработная плата нотариусов, обеспечивались по остаточному принципу. Характеристику социально-профессионального портрета томского государственного нотариуса в 1931–1936 гг. рассмотрим на примере заведующих нотариальным делопроизводством с правами ответственного исполнителя Томского горсовета Евгении Денисовны Шиманской (1931–1933) и Марии Гавриловны Приимчук (1933–1936). По месту рождения оба «нотариуса» были из Томска. По социальному происхождению «нотариусы» были выходцами из семей мещан-рабочих (Е.Д. Шиманская) и крестьян (М.Г. Приимчук). Возраст на момент начала ведения нотариальной работы: 32 года (Е.Д. Шиманская) и 29 лет (М.Г. Приимчук). Образовательный уровень Е.Д. Шиманской – высшее начальное училище, М.Г. Приимчук – 5 классов торговой школы. По национальности – русские. По социальному статусу – служащие. По партийной принадлежности Е.Д. Шиманская – член ВКП(б), М.Г. Приимчук – беспартийная (с 1939 г. была кандидатом в члены ВКПб, в 1941 г. исключена из кандидатов в партию). Семейное положение на момент работы в государственной нотариальной сфере: Е.Д. Шиманская была вдовой, воспитывала сына, М.Г. Приимчук имела семью «2 человека» [35. Л. 3; 36. Л. 4]. Профессиональный опыт в юридической сфере Евгении Денисовны Шиманской до работы «нотариусом» включал работу машинисткой Томской губернской прокуратуры (1923–1930), секретарем Томской государственной нотариальной конторы (1930–1931). В 1933 г. в связи с переездом из Томска в г. Колпашево Нарымского округа Западно-Сибирского края была уволена с должности заведующего нотариальным делопроизводством Томского горсовета [36. Л. 2]. Мария Гавриловна Приимчук, в свою очередь, с 17 лет работала машинисткой Особой сессии народного суда 1-го участка г. Кузнецка Кузнецкого уезда Томской губернии, во второй половине 1920-х гг. – делопроизводителем Сибирского краевого суда [35. Л. 2–5].

Со второй половины 1930-х гг. произошла очередная смена вектора советской политики в отношении деятельности нотариальных органов. В связи с принятием Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 г. «О реорганизации нотариальных действий» были восстановлены государственные нотариальные конторы во главе с государственными нотариусами, а в местностях, где по объему работы организация нотариальных контор являлась нецелесообразной, нотариальные действия совершались народными судьями в нотариальных столах при народных судах [37].

В 1937 г. Западно-Сибирский край подвергся очередному реформированию: произошло разделение края на Новосибирскую область и Алтайский край. Город Томск с прилегавшими к нему территориями перешел в состав Новосибирской области. С 15 февраля 1937 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР вновь была открыта Томская государственная нотариальная контора. При назначении на должность государственного нотариуса стало уделяться более пристальное внимание к *уровню образования* (обязательное наличие среднего юридического образования или прохождение юридических курсов) и *опыту работы* кандидатов. Однако система комплектования кадрами органов юстиции сформировалась таким образом, что в приоритетном порядке назначению на должность подлежали кандидаты в суд, прокуратуру, а уже после – в нотариат. В 1937 г. из-за отсутствия других кандидатов на должность государственного нотариуса Томской государственной нотариальной конторы была назначена уже имеющая опыт нотариальной работы Мария Гавриловна Приимчук. Марии Гавриловне не только пришлось заново выстраивать системную работу томского нотариального дела, но и при существующей рабочей нагрузке, остаточном принципе финансирования государственной нотариальной конторы и низкой заработной плате удалось обустроить достойный быт госнотконторы. Так, в 1938 г. «Томская нотариальная контора занимала две комнаты. <…> Оборудована контора достаточно хорошо, имеется: два письменных стола, два простых стола, 7 стульев с полумягкими сиденьями, три венских стула, простой деревянный диван, два шкафа, один денежный ящик и пишущая машинка <…> инвентарь приобретен в 1937–1938 гг., а поэтому вид его новый и приличный» [10. С. 126].

1930-е годы для государственного нотариата характеризовались периодами кризиса и возрождения, размытием его функционала между собственно государственными нотариальными конторами, государственными органами исполнительной власти (районными исполкомами, сельскими советами поселений) и низовыми судебными учреждениями – народными судами. Все это привело к снижению квалификационных и профессиональных требований к кандидатам для назначения на должность государственных нотариусов. На местах нотариальную работу выполняли лица, которые не имели специального юридического образования и в силу загруженности основной работой относились к выполнению нотариальных обязанностей лишь как к чисто технической процедуре, а допускаемые ими многочисленные нарушения в осуществлении нотариальных действий способствовали росту жалоб со стороны населения.

Данные изменения повлияли и на гендерный аспект в нотариальной сфере, и в Томске данную нишу повсеместно стали занимать женщины, что определило в дальнейшем характер работы томского государственного нотариата.

В 1940–1942 гг. в Томской государственной нотариальной конторе работал один городской государственный нотариус – Елизавета Кондратьевна Татаринцева. Она была родом из Алтайского края, происходила из семьи крестьян, на момент начала работы государственным нотариусом в возрасте 26 лет имела начальное («низшее») образование и окончила шестимесячные курсы судебно-прокурорских работников, являлась членом ВЛКСМ и ВКП(б), была замужем и воспитывала дочь. Опыт работы Елизаветы Кондратьевны в юриспруденции соответствовал установленному квалификационному требованию: с 1937 г. работала секретарем и судебным исполнителем народного суда Горной Шории [38. Л. 1–3]. В 1942 г. на должность государственного нотариуса в Томскую государственную нотариальную контору получила назначение Василиса Ивановна Хотько.

В 1944 г. была проведена очередная административно-территориальная – областная – реформа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. [39] была образована Томская область, в состав которой были включены города Томск, Колпашево и районы – Александровский, Асиновский, Бакчарский, Васюганский, Верхнекетский, Зырянский, Каргасокский, Кожевниковский, Молчановский, Парбигский, Пудинский, Пышкино-Троицкий, Тегульдетский, Томский, Туганский, Тымский, Чаинский и Шегарский [40]. В это же время Томская государственная нотариальная контора получила статус Томской областной государственной нотариальной конторы, а действующий государственный нотариус В.И. Хотько была назначена старшим государственным нотариусом**.** В 1944 г. в области работала еще одна государственная (городская) нотариальная контора в г. Колпашево во главе с государственным нотариусом Анастасией Ильиничной Капелькиной.

Василиса Ивановна Хотько была родом из семьи рыбака-остяка (место рождения не установлено), Анастасия Ильинична Капелькина родилась в с. Колпашево Томской области в семье крестьян. Возраст на момент начала ведения нотариальной работы – 39 лет (В.И. Хотько) и 33 года (А.И. Капелькина). Оба государственных нотариуса имели начальное («низшее») образование и подготовку на специальных юридических курсах. По национальности – русские. По социальному статусу – служащие. В.И. Хотько – член ВЛКСМ и ВКП(б), позже из ВКП(б) исключена, партийная принадлежность А.И. Капелькиной по архивным документам не установлена. Профессиональный опыт в системе юстиции Василисы Ивановны включал работу народным судьей Тогучинского народного суда с 1932 г., народным судьей Томского городского суда в 1935–1936 гг. В свою очередь, Анастасия Ильинична имела опыт работы только секретарем Нарымского окружного суда, но с 1944 г. она посвятила себя служению государственному нотариату, проработав 24 года, вплоть до ухода на пенсию [41. Л. 1–25].

Проанализировав состав томского государственного нотариального корпуса, необходимо отметить, в рассматриваемый период на должность государственного нотариуса назначались лица в возрасте от 25 до 42 лет, по происхождению – рабочие или крестьяне, по месту рождения – уроженцы Сибири, по полу: до 1930 г. – 90% мужчин, с 1931 г. – в абсолютном большинстве женщины, члены (кандидаты) ВКП(б), допускались и беспартийные, по социальному статусу – служащие, по уровню образования – как с начальным («низшим»), так и со средним образованием. Несмотря на то, что отсутствовало нормативное закрепление требования к уровню образования для назначения на должность государственного нотариуса, на практике с середины 1930-х гг. произошло ужесточение предъявляемых квалификационных требований к кандидатам: наличие среднего профессионального образования либо обязательное прохождение подготовки на специальных юридических курсах. В свою очередь, наличие высшего образования не являлось обязательным условием для утверждения в должности государственного нотариуса: существовавший дефицит квалифицированных специалистов и остаточный принцип комплектования кадрами нотариальных органов в системе юстиции привели к тому, что томские государственные нотариусы с высшим образованием отсутствовали. Также изменилась ситуация с профессиональным стажем в юриспруденции: если в 1930-е гг. кандидаты в основном имели опыт работы только в секретариате органов юстиции, то в начале 1940-х гг. работали ранее судебными исполнителями и народными судьями. Однако определяющее значение при всех существующих критериях отбора на должность государственного нотариуса имели партийная принадлежность кандидата и политическая лояльность. В переломные для государственного нотариата 1930-е гг. произошла феминизация томского государственного нотариального корпуса: несмотря на то, что две трети государственных нотариусов в РСФСР были мужчинами [42. С. 36], в Томске нотариат становился на 100% женским.

Список источников

1. Васильев А.А. История нотариата на Алтае / Федеральная нотариальная палата, Алтайская краевая нотариальная палата. Барнаул : Колибри, 2017. 187 с.
2. Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д., Жулаева А.С., Задорин А.В. Нотариат Республики Хакасия: история и современность / Федеральная нотариальная палата, Нотариальная палата Республики Хакасия. Абакан : Добромир, 2020. 247 с.
3. Карчаева Т.Г., Доржу З.Ю., Северьянов М.Д., Седен А.В. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.) // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 1. С. 51–62.
4. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Немтушкина М.А., Северьянов М.Д. Нотариат Красноярского края: история и современность. Красноярск : Класс Плюс, 2018. 287 с.
5. ЖулаеваА.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 261 с.

6. Друзяка А.В. История нотариата на Дальнем Востоке России : в 2 т. Владивосток : Федеральная нотариальная палата, Фонд развития правовой культуры, 2014. Т. 2: Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1992 гг. 209 с.
7. Друзяка А.В. Трудности становления государственного нотариата в Дальневосточном крае в 1930-е годы // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 59–71.
8. Друзяка А.В. Государственный нотариат на Дальнем Востоке СССР в 1946–1950-е гг. // Современная научная мысль. 2017. № 1. С. 77–83.
9. Друзяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45). С. 76–83.
10. Румянцев П.П., Румянцева Е.Н., Сорокин А.Н. История нотариата на Томской земле. Томск : Томская нотариальная палата, 2021. 290 с.
11. Жулаева А.С. Женское лицо советского нотариата на территории Красноярского края // Проблемы социально-экономического развития Сибири : научный периодический журнал. 2018. № 2 (32). С. 137–142.
12. Тараканова Н.Г., Ямбушев Ф.Ш. Советский нотариат в 1950–1970-е годы (региональный аспект) // Нотариус. 2020. № 1. С. 44–48.
13. Чарыков Д.В. «Самоучки-практики»: социальный портрет челябинского дореволюционного нотариата // Традиционные общества: неизвестное прошлое : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 12 апреля 2018 г. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2018. С. 349–357.
14. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
15. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник / сост.: И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудоладов, М.И. Тимошенко. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 220 с.
16. Положение о государственном нотариате РСФСР от 04.10.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
17. Румянцева Е.Н. История томского нотариата в первое десятилетие советской власти (1917–1927 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 52–61.
18. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
19. Осауленко Ж.В. Нотариат и государство. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 572 с.
20. Денисова Ю.Н. Отечественный нотариат в изменяющейся государственной и правовой системе России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 4 (41). С. 37–42.
21. Об основных принципах организации государственного нотариата : постановление ЦИК и СНК СССР от 14.05.1926 // Собрание законов СССР. 1926. № 35. Ст. 252.
22. О введении в действие Положения о Государственном Нотариате РСФСР : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 04.10.1926. // СУ РСФСР. 1926. № 74. Ст. 576.
23. Об утверждении Положения о Судоустройстве РСФСР : постановление ВЦИК от 19.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
24. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 5.
25. Вся Сибирь : справочная и адресная книга на 1924 год : с приложением карты Азиатской части СССР и планов расположения рудников Кузнецкого бассейна и городов: Ново-Николаевска, Омска, Читы и Благовещенска. Л., 1925. 606 с.
26. Вся Сибирь со включением Уральской области : справочная и адресная книга на 1925/26 г. : с приложением карты Азиатской части СССР и планов городов: Новониколаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М., 1925. 607 с
27. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 116.
28. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 195.
29. ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 88.
30. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники : руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 180 с.
31. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 84.
32. ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 88.
33. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 8.
34. Положение о государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 38. Ст. 476.
35. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15201.
36. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 28827.
37. О реорганизации нотариальных действий : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.06.1936 // СУ РСФСР. 1936. № 15. Ст. 100.
38. ГАНО. Ф. Р-1208. Оп. 3. Д. 1719.
39. Об образовании Томской области в составе РСФСР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1944 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 43.
40. Румянцева Е.Н. Реорганизация томского нотариата в 1928–1944 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 135–142. doi: 10.17223/15617793/489/13
41. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 2888.
42. Кодинцев А.Я., Ралько В.В. Советское государство и нотариат. 1920–1950-е годы. М. : ФРПК, 2007. 112 с.

References

1. Vasiliev, A.A. (2017) *Istoriya notariata na Altae* [History of Notaries in Altai]. Barnaul: Kolibri.
2. Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Zhulaeva, A.S. & Zadorin, A.V. (2020) *Notariat Respubliki Khakasiya: istoriya i sovremennost'* [Notary of the Republic of Khakassia: History and Modernity]. Abakan: Dobromir.
3. Karchaeva, T.G., Dorzhu, Z.Yu., Severyanov, M.D. & Seden, A.V. (2022) Istoriya notarial'nogo dela na territorii Tuvy: ot noyonov i starshikh vybornykh do Pervoy Kyzylskoy notarial'noy kontory (1914–1940-e gg.) [History of notarial affairs on the territory of Tuva: From noyons and senior electors to the First Kyzyl notary office (1914–1940s)]. *Oriental Studies*. 15(1). pp. 51–62.
4. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G., Nemtushkina, M.A. & Severyanov, M.D. (2018) *Notariat Krasnoyarskogo kraya: istoriya i sovremennost'* [Notary of the Krasnoyarsk Territory: History and Modernity]. Krasnoyarsk: Klass Plyus.
5. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G. & Severyanov, M.D. (2019) *Istoriya notariata Prieniseyskoy Sibiri (XVIII–XX vv.)* [History of the notary of the Yenisei Siberia (the 18th – 20th centuries)]. Krasnoyarsk: SFU.
6. Druzyaka, A.V. (2014) *Istoriya notariata na Dal'nem Vostoke Rossii: v 2 t.* [History of Notaries in the Far East of Russia: in 2 vols]. Vol. 2. Vladivostok: Federal Notary Chamber, Foundation for the Development of Legal Culture.
7. Druzyaka, A.V. (2016) Trudnosti stanovleniya gosudarstvennogo notariata v Dal'nevostochnom krae v 1930-e gody [Difficulties in establishing a state notary in the Far Eastern Territory in the 1930s]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(48). pp. 59–71.

8. Druzyaka, A.V. (2017) Gosudarstvennyy notariat na Dal'nem Vostoke SSSR v 1946–1950-e gg. [State notary in the Far East of the USSR in the 1946–1950s]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 1. pp. 77–83.
9. Druzyaka, A.V. & Dudarenok, S.M. (2018) Institut notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1879–1930-e gg.) [Institute of notaries in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s)]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2(45). pp. 76–83.
10. Rumyantsev, P.P., Rumyantseva, E.N. & Sorokin, A.N. (2021) *Istoriya notariata na Tomskoy zemle* [History of Notaries on Tomsk]. Tomsk: Tomsk Notary Chamber.
11. Zhulaeva, A.S. (2018) Zhenskoe litso sovetskogo notariata na territorii Krasnoyarskogo kraya [The female face of the Soviet notary on the territory of the Krasnoyarsk Territory]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2(32). pp. 137–142.
12. Tarakanova, N.G. & Yambushev, F.Sh. (2020) Sovetskiy notariat v 1950–1970-e gody (regional'nyy aspekt) [The Soviet notary office in the 1950s–1970s (regional aspect)]. *Notarius*. 1. pp. 44–48.
13. Charykov, D.V. (2018) "Samouchki-praktiki": sotsial'nyy portret chelyabinskogo dorevolyutsionnogo notariata ["Self-taught practitioners": a social portrait of the Chelyabinsk pre-revolutionary notary]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe* [Traditional societies: An unknown past]. Proc. of the 14th Conference. Chelyabinsk, April 12, 2018. Chelyabinsk: South-Ural State Pedagogical University. pp. 349–357.
14. Russian Federation. (1993) *Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o notariate ot 11.02.1993 № 4462-1* [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries dated February 11, 1993, No. 4462-1]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
15. Astrakhantseva, I.F., Dudoladov, A.A. & Timoshenko, M.I. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.)* [The administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (from September 1937)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
16. Russia. (1922) Polozhenie o gosudarstvennom notariate RSFSR ot 04.10.1922 [Regulations on the state notary of the RSFSR dated October 4, 1922]. *SU RSFSR*. 63. Art. 807.
17. Rumyantseva, E.N. (2022) The history of the Tomsk notary in the first decade of Soviet power (1917–1927). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 52–61. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/8
18. RSFSR. (1918) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki: prinyata V Vserossiyskim s"ezdom Sovetov 10 iyulya 1918 g. [The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: adopted by the 5th All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918]. *SU RSFSR*. 51. Art. 582.
19. Osaulenko, Zh.V. (2018) *Notariat i gosudarstvo* [Notary and the State]. Moscow: Norma: INFRA-M.
20. Denisova, Yu.N. (2018) Otechestvennyy notariat v izmenyayushcheysya gosudarstvennoy i pravovoy sisteme Rossii [Russian notariat in the changing state and legal system of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 4(41). pp. 37–42.
21. USSR. (1926) Ob osnovnykh printsipakh organizatsii gosudarstvennogo notariata: postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 14.05.1926 [On the basic principles of organizing the state notary: resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR dated May 14, 1926]. *Sobranie zakonov SSSR*. 35. Art. 252.
22. RSFSR. (1926) O vvedenii v deystvie Polozheniya o Gosudarstvennom Notariate RSFSR: dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 04.10.1926 [On the entry into force of the Regulations on the State Notary of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated October 4, 1926]. *SU RSFSR*. 74. Art. 576.
23. RSFSR. (1926) Ob utverzhdenii Polozheniya o Sudoustroystve RSFSR: postanovlenie VTsIK ot 19.11.1926 [On approval of the Regulations on the Judicial System of the RSFSR: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 19, 1926]. *SU RSFSR*. 85. Art. 624.
24. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-117. List 3. File 5.
25. The Central Executive Committee of the USSR and All-Russian Central Executive Committee. (1925) *Vsya Sibir': spravochnaya i adresnaya kniga na 1924 god: s prilozheniem karty Aziatskoy chasti SSSR i planov raspolozheniya rudnikov Kuznetskogo basseyna i gorodov: Novo-Nikolaevska, Omska, Chity i Blagoveshchenska* [All Siberia: reference and address book for 1924: with the appendix of a map of the Asian part of the USSR and plans for the location of mines in the Kuznetsk basin and the cities of Novo-Nikolaevsk, Omsk, Chita and Blagoveshchensk]. Leningrad: The Central Executive Committee of the USSR and All-Russian Central Executive Committee.
26. The Central Executive Committee of the USSR and All-Russian Central Executive Committee. (1925) *Vsya Sibir' so vklyucheniem Ural'skoy oblasti: spravochnaya i adresnaya kniga na 1925/26 g.: s prilozheniem karty Aziatskoy chasti SSSR i planov gorodov: Novonikolaevska, Omska, Tomska, Barnaula, Krasnoyarska, Irkutska, Chity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovska* [All Siberia with the inclusion of the Ural region: reference and address book for 1925/26: with the application of a map of the Asian part of the USSR and plans of the cities: Novonikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok, and Sverdlovsk]. Moscow: The Central Executive Committee of the USSR and All-Russian Central Executive Committee.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-448. List 1. File 116.
28. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-448. List 1. File 195.
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-224. List 1. File 88.
30. Larkov, N.S. & Chernova, I.V. (1999) *Politsmeystery, komissary, nachal'niki: rukovoditeli pravookhranitel'nykh organov Tomskoy gubernii, okruga i oblasti v XIX–XX vv.* [Police chiefs, commissars, chiefs: heads of law enforcement agencies of the Tomsk province, district and region in the 19th–20th centuries]. Tomsk: TSU.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-448. List 1. File 84.
32. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 70. File 88.
33. The State Archives of Kuzbass (GAK). Fund R-5. List 1. File 8.
34. RSFSR. (1930) Polozhenie o gosudarstvennom notariate RSFSR ot 20 iyulya 1930 g. [Regulations on the state notary of the RSFSR dated July 20, 1930]. *SU RSFSR*. 38. Art. 476.
35. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 35. File 15201.
36. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 56. File 28827.
37. RSFSR. (1936) O reorganizatsii notarial'nykh deystviy : postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 10.06.1936 [On the reorganization of notarial actions: resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated June 10, 1936]. *SU RSFSR*. 15. Art. 100.
38. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-1208. List 3. File 1719.
39. The Supreme Soviet of the USSR. (1944) Ob obrazovanii Tomskoy oblasti v sostave RSFSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 13.08.1944 [On the formation of the Tomsk region as part of the RSFSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated August 13, 1944]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 43.
40. Rumyantseva, E.N. (2023) Reorganization of the Tomsk notary in 1928–1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 135–142. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/489/13
41. The State Archive of the Novosibirsk Region (GANO). Fund P-3. List 17. File 2888.
42. Kodintsev, A.Ya. & Ralko, V.V. (2007) *Sovetskoe gosudarstvo i notariat. 1920–1950-e gody* [The Soviet state and the notariat. The 1920–1950s]. Moscow: FRPK.

***Сведения об авторе*:**
Румянцева Екатерина Николаевна – аспирант кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: katerum3007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rumyantseva Ekaterina N. – Postgraduate Student of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: katerum3007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 22.01.2024; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(47).084.8
doi: 10.17223/19988613/87/10

Органы советской юстиции в борьбе с антисоветской агитацией в тылу в начальный период Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области)

Арсений Вадимович Старков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, astarkov@hse.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности карательной политики советских органов юстиции в отношении преступлений, связанных с антисоветской агитацией (ст. 58.10 УК РСФСР), на примере работы Челябинского областного суда в 1941–1942 гг. Документация органов юстиции и архивно-следственные дела позволяют не только рассмотреть общие направления развернутой кампании по пресечению политических преступлений, но и проанализировать социальный и возрастной состав обвиняемых, а также многоаспектную палитру общественных настроений в тылу в экстремальной обстановке начального периода войны.
Ключевые слова: советская юстиция, антисоветская агитация, Великая Отечественная война, сталинизм, советский тыл

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Старков А.В. Органы советской юстиции в борьбе с антисоветской агитацией в тылу в начальный период Великой Отечественной войны (на материале Челябинской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 86–95. doi: 10.17223/19988613/87/10

Original article

Soviet justice authorities in the struggle against anti-Soviet agitation in the rear during the initial period of the Great Patriotic War (on the material of Chelyabinsk region)

Arsenii V. Starkov

Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation, astarkov@hse.ru

Abstract. The article examines the features of the punitive policy of the Soviet justice authorities toward crime of anti-Soviet agitation (Article 58.10 of the Criminal Code of the RSFSR) on the material of Chelyabinsk region. The goal of the article is, on the one hand, to analyze the general directions of the judicial authorities against such political crimes, utilized punishments and fluctuations of this policy, and, on the other hand, to examine the direct content of statements which were perceived by the authorities as anti-Soviet. Moreover, social and age structure of the accused are considered. The research is based on the records of the Chelyabinsk Regional Court and the court management bodies (People's Commissariats of Justice of the USSR and RSFSR), as well as on materials of investigative cases on anti-Soviet activities. The Chelyabinsk region can be regarded as representative for studying the specificities of relations between the Soviet state and the society during the war. Particularly, this region (like the Urals as a whole) became one of the centers of large-scale evacuation in 1941-1942. Mass migration of evacuees to the east have led to a significant complication of the social landscape and socio-economic relations here. In the conditions of political uncertainty of the first war years, the growth of social and every-day problems and general socio-psychological fatigue in the rear provoked a significant increase in anti-Soviet sentiments, which included: criticism of the authorities, dissatisfaction with the current conditions of living, and defeatism. The Soviet state, realizing the significant danger of such moods, launched a large-scale campaign against ideological opponents. At the same time, repressions against counter-revolutionary crimes were interpreted in the traditions of the pre-war period of the "Great terror" as a struggle against the "fifth column". As a consequence, persons accused in anti-Soviet agitation were perceived as real accomplices of the Nazis. From the very beginning of this campaign, death sentences accounted a significant proportion amongst the elected punishments. Accused person could be sentenced to capital punishment only for oral statement against the Soviet state. Since the spring of 1942, the higher bodies of justice of the RSFSR and the USSR began to gradually decelerate this campaign. Consequently, the number of new cases under Article 58.10 slightly decreased, as well as percentage of death sentences, which were replaced with imprisonment. The latter, in many respects, was caused by a reduction in "human resources" and intention

© А.В. Старков, 2024

to keep them. To summarize, the overwhelming number of the accused persons expressed, mainly, every-day grievances related to the life deterioration in the wartime. A significant part of the accused were ordinary workers, employees, and collective farmers, who were not class alien elements. A significant decrease in the punitive policy on political charges by the beginning of 1943 was due to the stabilization of the situation at the front. When the threat to the existence of the Soviet state and its system passed, such statements no longer represented the same danger as in the initial period of the war. Furthermore, the level of open statements criticizing the Soviet government or containing defeatism among the citizens has also significantly decreased.
Keywords: Soviet justice, anti-Soviet agitation, Great Patriotic War, Stalinism, Soviet rear

Acknowledgements: This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Starkov, A.V. (2024) Soviet justice authorities in the struggle against anti-Soviet agitation in the rear during the initial period of the Great Patriotic War (on the material of Chelyabinsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 86–95. doi: 10.17223/19988613/87/10

В статье рассматриваются практики борьбы органов юстиции с антисоветскими настроениями в тылу. Актуальность темы определяется тем, что подобный анализ позволяет не только выявить особенности функционирования сталинизма, характерные для периода войны в целом, но и рассмотреть сложную палитру общественных настроений в период экстремальных испытаний. Особенности работы советской юстиции в 1941–1945 все активнее изучаются российскими исследователями [1–5]. В значительной степени их работы посвящены отдельным регионам или же конкретным категориям преступности. Англоязычная историография в большей степени обращается к общим вопросам взаимодействия власти и общества в тылу в годы войны [6], однако именно на английском языке вышел ряд работ, непосредственно посвященных формам антисоветской агитации и их восприятию властью [7–9]. Российские исследовали также обращаются к отдельным аспектам антисоветизма [10, 11]. Тем не менее эта тема требует дальнейшего углубленного изучения – выявления конкретных форм и характера антисоветского, с точки зрения власти, поведения, возрастной и социальной структуры обвиняемых, а также анализа общих направлений и флуктуаций государственной политики в этой сфере.

Источниковая база исследования – делопроизводственные документы (отчеты, материалы переписок, директивы и приказы) народных комиссариатов юстиции СССР и РСФСР, которые осуществляли управление судебными органами, а также документы Челябинского областного суда. Для непосредственного анализа правоприменительной практики рассматриваются материалы конкретных уголовных дел, возбужденных за антисоветскую агитацию.

Обращение к уральскому региону является особенно показательным, поскольку он стал одним из главных центров эвакуации, что привело к существенным социально-экономическим изменениям в регионе и сказалось на политической атмосфере. На Урале, по разным оценкам, разместилось около 40% общего числа эвакуированных по РСФСР [12. С. 113], а общая численность населения в 1941–1942 гг. возросла на 9,9%, достигнув 15,6 млн человек [12. С. 119], количество рабочих на территории Урала возросло на 27,1% [13. P. 11]. В Челябинской области на январь 1942 г. из более чем 1,6 млн эвакуированных на Урал находились 425 тыс. эвакуированных, даже больше, чем в Свердловской области, где в 1942 г. разместились 378 611 человек [14. С. 459]. Подобные миграции вызвали обострение комплекса социально-бытовых проблем: нехватка жилья для эвакуированных, трудности с транспортом, питанием и снабжением. При этом ситуация на фронте была предельно тяжелой, а существование советского государства находилось под угрозой. Колоссальный социальный стресс, вызванный этими обстоятельствами, на фоне усложнения социального ландшафта и встречи представителей разных культур в тылу приводил – наряду с патриотическим подъемом – и к росту социальной напряженности, антисоветских настроений, появлению пораженчества.

Советская власть однозначно оценивала любые формы контрреволюционных преступлений как наиболее тяжелые: «В условиях войны тягчайшие из всех преступлений, которые знает Особенная часть уголовного права – контрреволюционные – еще более повышают свою опасность… в условиях Отечественной войны каждое контрреволюционное преступление по существу играло на руку врагу и тем самым приобретало характер изменнического» [15. С. 61–62]. Формулировки Уголовного кодекса позволяли предельно широко трактовать понятие контрреволюционной деятельности. Особенно это касалось наиболее «популярной» статьи 58.10 УК РСФСР, которая под антисоветской агитацией понимала «…пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений» [16]. Именно по этой статье чаще всего квалифицировались высказывания населения, которые несли в себе ту или иную критику власти в годы войны.

Как отмечает О.В. Будницкий, второе полугодие 1941 г. вполне можно назвать «большим террором», поскольку тогда доля смертных приговоров оказалась сопоставимой с периодом Большого террора и составляла 40%. Конечно, по общим размерам репрессии конца 1930-х гг. были гораздо масштабнее, тем не менее такой высокий процент смертных приговоров говорит о том, что и в 1937–1938 гг., и во втором полугодии 1941 г. значительную роль играла установка на фактическое истребление, а не перевоспитание обви-

няемых [7. P. 479]. Советская власть с самого начала своего существования уделяла особенное внимание контрреволюционным преступлениям. Поэтому неудивительно, что после нападения Германии на СССР началась широкая кампания по борьбе с антисоветскими проявлениями. Отметим, что право в 1930–1950-е гг. в целом воспринималось советской властью исключительно как орудие для достижения политических целей, «как прикладное явление, инструмент, а не самодовлеющая ценность» [17. С. 10].

Всего за 1941–1945 гг. за антисоветскую агитацию были осуждены более 149 тыс. человек (необходимо принимать в расчет оккупацию значительных территорий СССР), более 95 тыс. были осуждены в 1941–1942 гг., на которые пришелся пик преследований по ст. 58.10 в годы войны [7. P. 448]. В 1941 г. по всем контрреволюционным делам большинство приговоров было вынесено общими и специальными судами (в том числе военными трибуналами): в отношении 48 877 человек против 26 531 человека, осужденного внесудебным Особым совещанием (ОСО) НКВД. В 1942 г. ситуация изменится на противоположную: из 124 406 осужденных за контрреволюционные преступления только около 37,6% будут осуждены общими судами и трибуналами, а около 62,4% – ОСО [18. С. 608]. Это было связано в первую очередь с постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) № ГКО-903сс от 17 ноября 1941 г., давшим право ОСО выносить постановления по преступлениям, связанным со ст. ст. 58 и 59 УК.

Как показывает статистика по РСФСР, если в первом квартале 1941 г. было открыто 5 248 дел, во втором – 4 846, то в третьем квартале таких дел было возбуждено уже 13 310, в последнем квартале первого военного года было возбуждено 8 895 дел. Если принять первый квартал за 100%, то третий квартал составит 253,6%, а четвертый – 169,5% [7. P. 452]. На местном уровне выявляется та же картина: если за первое полугодие 1941 г. в Челябинский областной суд поступило 249 дел по контрреволюционным преступлениям[1], то за второе полугодие – уже 1 145. Рост преследований по антисоветским статьям во многом был связан с попыткой нейтрализовать «пятую колонну», которая, с точки зрения власти, могла дестабилизировать обстановку в тылу в условиях чрезвычайной неопределенности. Работники органов юстиции объясняли такой рост дел совсем не тем, что началась очередная кампания по изъятию определенных лиц, высказывавших антигосударственные (с точки зрения власти) настроения. По мнению работников Челябинского областного суда, «поступление их (спецдел. – *А.С.*) во втором полугодии возросло в три с лишним раза[2]. Это показывает, что с момента начала войны с германских фашизмом деятельность контрреволюционных элементов значительно расширилась и активизировалась» [19. Л. 1]. Генетическое родство репрессивной политической кампании первых военных лет с периодом Большого террора, когда «призрак пятой колонны» был одной из главных движущих сил для развертывания репрессий в условиях угрозы войны [20. С. 288–301, 308], обнаруживается и в тенденциозной подборке примеров дел в отчете Челябинского суда: Шаншинов 1 августа 1941 г. был приговорен к расстрелу за то, что, будучи председателем колхоза, «сознательно вывел из строя конское поголовье фонда РККА, на требование колхозников беречь этот фонд заявлял: “Не нужно колхозное добро отдавать советской власти, так как она для колхозов ничего хорошего не дала”». При этом отдельно подчеркивалось, что осужденный «в 1921 г. принимал активное участие с оружием в руках против Советской власти»[3] [19. Л. 1 об.]. Такая риторика шла сверху, что достаточно красочно показывают приказы Наркомата юстиции РСФСР. В отношении ряда региональных судов в конце октября 1941 г. говорилось, что эти суды «не перестроили еще своей работы по делам о контрреволюционных преступлениях в соответствии с требованиями военной обстановки и в ряде случаев проявляют гнилой либерализм в отношении фашистских агентов, проводящих террористическую и пораженческую агитацию среди населения» [21. Л. 106]. Те, кто высказывал недовольство текущей обстановкой и государственными мерами, рассматривались фактически как пособники врага, которые осуществляют вредительскую деятельность.

Юридически идея ужесточения репрессий в отношении антисоветских элементов проявилась главным образом в применении даже в тыловых регионах СССР ч. 2 ст. 58.10 УК РСФСР вместо ч. 1. Часть 2 предполагала ответственность за антисоветскую агитацию «в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении». И если ч. 1 предполагала лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, то ч. 2 – наказание вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела. Суды в тылу, отдаленном от линии фронта, поначалу продолжали привлекать граждан к ответственности по ч. 1 ст. 58.10, видимо, полагая, что признак военной обстановки касался лишь прифронтовых территорий, которые были объявлены на военном положении. В одном из приказов Народного комиссариата юстиции осенью 1941 г. было прямо предписано: «Контрреволюционную пропаганду и агитацию, совершенную в военное время, квалифицировать по ч. 2 ст. 58.10 Уголовного кодекса РСФСР независимо от того, совершено ли преступление на территории, объявленной или не объявленной на военном положении» [21. Л. 108–109].

Очевидный уклон в сторону истребления потенциальных врагов в условиях войны выявляется в приказе Наркома юстиции РСФСР от 31 октября 1941 г.: «Применение лишения свободы по ч. 2 ст. 58.10 УК должно быть обязательно мотивировано и в приговоре приведены обстоятельства, послужившие основанием к смягчению наказания» [21. Л. 108]. Иными словами, было дано разъяснение, что в случае обвинения по указанной статье высшая мера наказания должна была выноситься по умолчанию, лишение свободы могло быть вынесено в случае смягчающих обстоятельств. Вероятно, с этим разъяснением связано такое существенное увеличение числа смертных приговоров. Правда, уже 26 января 1942 г. новым приказом Наркома юстиции РСФСР этот пункт был отменен [22. Л. 72] – с этого времени выявляется новая тенденция по опре-

деленному снижению направленности судебной репрессии на уничтожение антисоветских элементов, хотя в целом репрессивная кампания начального периода войны еще продолжалась.

Высказывания населения, которые трактовались властью как антисоветские и отложились в архивно-следственных делах, обнаруживают ряд устойчивых сюжетов, которые могли сочетаться или изменяться, но в том или ином виде воспроизводятся в различных делах:

1) пораженческие настроения – от сомнений в боеспособности армии и обороноспособности советского государства до позитивных ожиданий от возможной оккупации СССР немецкой армией. Сюда же можно отнести недоверие к информации, транслируемой властью (например, критика сводок Информбюро о положении на фронте);

2) недовольство политического характера: коммунистической властью, выборной системой, критика партийных и советских руководителей и т.п.;

3) недовольство социально-экономическим устройством – критика колхозного строя, возмущение низким уровнем зарплат и т.п.;

4) бытовые недовольства условиями жизни (питание, транспорт, нехватка продовольственных товаров, тяжелые условия труда и т.п.);

5) анекдоты и оскорбительные (в том числе нецензурные) высказывания в адрес СССР и его руководителей. За рамками настоящей статьи остаются антисемитские высказывания, которые носят особый характер, но также почти всегда были увязаны с антисоветскими настроениями [23].

Одним из факторов, влиявших на общественные настроения, были успехи и завоевания той или иной противоборствующей стороны (советской или немецкой) [24. P. 796–797]. Поэтому в начальный период войны в условиях глобальной неопределенности, когда под вопросом было существование советской системы в целом, произошел скачок пораженчества. После начала перелома в войне, с конца 1942 г. и до окончания войны, подобные настроения фактически сходят на нет. Для одних людей такие высказывания были своего рода способом эмоциональной разрядки, другие, видимо, вполне серьезно надеялись, что победа Германии в войне обеспечит более благополучную жизнь (социально-экономически и политически). Дело против Комалова Голея, 1913 г. рождения, рабочего Челябинской ГРЭС, показывает, что пораженчество и неверие в оборонную мощь СССР часто увязывались с бытовыми проблемами. 19 июля 1941 г. Комалов был задержан в одном из магазинов Челябинска за то, что в ходе перебранки с другими покупателями в очереди заявил: «Я в армию не пойду, лучше отсижу в тюрьме 10 лет. В армии кормят аржаным хлебом и то не досыта», – после чего нецензурно выругался в адрес Красной Армии [25. Л. 14]. Комалов был обвинен по ч. 2 ст. 58.10 УК. Челябинский областной суд 30 августа 1941 г. так описал высказывания Комалова: «Среди гр[ажда]н высказывал а/с измышления, дискредитировал Красную Армию, клеветал на материальное положение Красной Армии по обеспечению продуктами питания, высказывал ряд других измышлений, направленных на подрыв мощи советского государства». В результате пожелание подсудимого – провести 10 лет в тюрьме вместо службы в армии – почти сбылось: суд приговорил Комалова к восьми годам лишения свободы [25. Л. 35–35 об.]. Дела о пораженчестве иногда содержали достаточно курьезные фабулы, которые выявляют разнообразные настроения населения в тылу. Петр Любимов, кулак, уже будучи арестованным за антисоветскую агитацию среди крестьян после начала войны, находясь в курганской тюрьме, «рекомендовал заключенным сохранять вручаемые им на руки копии обвинительных заключений и приговоров для предъявления победителям-фашистам, последние по этим документам создадут хорошие условия жизни». Очевидно, что надежды на «перевоспитание» такого ярого противника советской власти не было: 23 сентября 1941 г. Любимов был приговорен к расстрелу [19. Л. 12].

В 1942 г. произошло существенное сокращение поступления спецдел в суды общей юрисдикции: если за второе полугодие 1941 г. в Челябинский облсуд поступило 1 115 дел, то за первое полугодие 1942 г. таких дел было лишь 362. То есть их количество сократилось более чем в три раза [19. Л. 19]. Это не было связано со свертыванием репрессий: теперь основная часть дел, которые поступали в работу органов НКВД, шла в ОСО, а не в суды общей подсудности. Можно согласиться с оценкой, что «в период войны сталинское руководство вновь предпочло опереться на привычные – закрытые, ускоренные и упрощенные – способы подавления “контрреволюции”, ограничив при этом роль гражданских судов» [26].

Ужесточение репрессий проявилось и в ужесточении мер наказания: в первом полугодии 1941 г. в Челябинской области за контрреволюционные преступления к расстрелу был приговорен всего 1,1% осужденных, во втором доля таких осужденных увеличилась до 23%. Из 563 здесь осужденных по ч. 2 ст. 58.10 196 человек получили расстрел, а подавляющее большинство, 291 человек, – длительные сроки наказания, до 10 лет лишения свободы. По всем контрреволюционным преступлениям в первом полугодии 1941 г. сроки от 9 до 10 лет получили 44,3% осужденных, во втором полугодии это число увеличилось до 55% [19. Л. 2 об.–3]. Но зачастую и без того суровые приговоры в виде 10 лет лишения свободы по ч. 2 ст. 58.10 отменялись по мягкости. Такие факты либерализма со стороны судей характеризовались как «мягкотелость» [19. Л. 3 об.].

Социальный состав осужденных был достаточно разнообразным и показывает, что значительная доля привлеченных к ответственности во втором полугодии 1941 г. состояла далеко не из классово чуждых. И хотя Челябинский областной суд тенденциозно сообщал, что «основная часть осужденных за контрреволюционные преступления относится к числу социально враждебной части населения», и тут же отмечал, что «только 33,8% относится за счет служащих, рабочих и колхозников». Такая откровенность о том, что больше трети контрреволюционеров фактически оказались представителями социальной основы советского об-

щества, видимо, все же смутила авторов отчета, в результате было уточнено, что эти 33,8% состоят из «лодырей, дезорганизаторов производства и других противообщественных элементов» [19. Л. 3 об.–4]. Статистика показывает, что больше всего среди осужденных по контрреволюционным преступлениям было единоличников (19,4%), следом шли белогвардейцы (14,6%) и кулаки (14,6%), служащие составляли 12,8%, а вот доля рабочих (11,2%) оказалась сопоставимой с числом деклассированных элементов (11,7%) [27. Л. 16]. В судебной практике обнаруживается значительное число дел, в которых обвиняемыми за антисоветскую агитацию оказывались крестьяне или рабочие, которые были далеки от образа врага советской власти. Иосиф Жак, 1921 г. рождения, происходил из крестьян-бедняков и на момент ареста работал слесарем Кирзавода № 2 Челябинска [28. Л. 20]. Дело было возбуждено 1 сентября 1941 г. после заявления одного из его соседей, который на допросе показал, что обвиняемый, проживая еще с тремя рабочими в комнате барака, «с тех пор как началась война, ежедневно приходя с работы домой, в комнате распространяет ложные слухи». Сами слова обвиняемого обнаруживают достаточно распространенный набор штампов, связанных с ожиданиями от победы нацистской Германии в войне: «[нецензурное слово] не стоит Советский Союз и Красная Армия, Гитлер придет, разобьет колхозы и совхозы, жить будет лучше, жить будем по-старому». Жак также высказывал антисемитские настроения, увязывая их с надеждой на победу немецкой армии: «Гитлер не любит жидов, придет – покажет, будет сечь» [28. Л. 4]. В обвинительном заключении действия Жака были охарактеризованы как «высказывания, направленные на дискредитацию Советского Союза, Красной Армии и восхваление одного из враждебных нам государств» [28. Л. 22]. Суд 30 сентября 1941 г. приговорил Жака – в духе чрезвычайно жесткой репрессивной политики первого военного полугодия – к высшей мере наказания, а Верховный суд РСФСР этот приговор оставил в силе [28. Л. 29 об., 33 об.]. Однако после ходатайства о помиловании Президиум Верховного совета СССР заменил Жаку расстрел десятью годами лишения свободы [28. Л. 35 об.].

Жертвами политических преследований в первые военные месяцы часто становились попросту озлобленные тяжелыми условиями жизни в тылу граждане. Дело против 66-летней Анны Гамовой, работницы одного из челябинских эвакогоспиталей, было возбуждено 17 марта 1942 г. после доноса ее соседа по комнате: «… гражданка Гамова за последние месяцы распустила свой язык, освирепела и стала ужасно похабной ругательницей. Несмотря на разумные ей советы и требования со стороны меня и мамы о том, чтобы осознала и перестала быть такой преступно-похабной, это она наперекор до невозможности становится еще хуже невыносимой… И.В. Сталина систематически называет бандит или Шмарин, В.И. Ленина иногда называет лысый черт. М.И. Калинину дала прозвище – “Старый козел”» [29. Л. 18.1–18.1 об.]. На допросах выяснилось, что Гамова высказывала сомнения в достоверности сообщаемой властями информации: «Да что слушать брехню, пишут, что хорошо, а на самом деле нет», – и, более того, выражала прямую критику советской власти: «Какая эта рабочая власть, насели и правят не так» [29. Л. 4 об.]. В мае 1942 г. Гамова была приговорена к 10 годам лишения свободы, что в ее возрасте, пожалуй, было равносильно смертному приговору.

Судебные работники объясняли значительное количество осужденных рабочих и служащих (которые, к удивлению, оказывались настроены антисоветски) тем, что, с их точки зрения, за личиной классово близких скрываются антисоветские элементы: «…как органы следствия, так и суд недостаточно исследуют социальное прошлое подсудимых и их связи с враждебными элементами в настоящее время». Судебные работники настаивали на необходимости «глубже исследовать социальные корни каждого привлеченного к уголовной ответственности», что объяснялось тем, что «важнейший вопрос о социальном прошлом обвиняемого – вопрос, решающий судьбу меры наказания» [19. Л. 14–14 об.]. Иногда чрезмерная ориентация на социальное происхождение и классовую принадлежность обвиняемого приводила к настоящим курьезам. По делу Санникова, обвинявшегося в антисоветской агитации в конце августа 1941 г. прокурор Шишокин заявил на суде: «Дело вернуть на доследование, передопросить всех свидетелей, так как обвиняемый происходит из рабочих и вряд ли он мог заниматься к/р деятельностью» [19. Л. 16].

В первом полугодии 1942 г. в Челябинской области среди привлеченных за контрреволюционные преступления окажется 27,5% рабочих, а классово враждебные (кулаки, торговцы и деклассированные) составят даже меньшую долю – 21,1%. Теперь такая высокая доля рабочих объяснялась тем, что «большинство таких лиц, которые, хотя и относятся к числу трудящихся, но преступления совершили по мотивам враждебного отношения к существующему строю, за репрессии родственников (родители, братья и т.п.)» [19. Л. 21].

Второе военное полугодие приведет и к изменению возрастной структуры привлеченных к уголовной ответственности по спецделам: если с июля по декабрь 1941 г. доля лиц до 30 лет составляла менее 30%, то в первом полугодии 1942 г. она возросла до 45,4%. Такой рост в Челябинской области объяснялся «нежеланием участвовать в обороне против фашистской агрессии. Нежелание это у привлеченных вызвано большей частью страхом за собственную жизнь. Преступления в этом случае выражаются в форме устного выражения недоверия правительству, распространении панических слухов» [19. Л. 21]. 30-летний кочегар Глазырин был обвинен в антисоветской агитации за то, что, получив повестку о явке к 9 часам утра 30 марта 1942 г. на призывной пункт, по словам одного из свидетелей, заявлял на трамвайной остановке: «“Я не буду воевать на сухарях, надо возмущаться, что евреи не воюют, так как их советская власть”… Глазырин же производил высказывания неоднократно, переходя от одной кучки граждан к другим [гражданам], а также, несмотря на предупреждения со стороны отдельных граждан, не унимался». В результате вместо военкома-

та Глазырин был доставлен в отдел НКВД. В июне 1942 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы [30. Л. 35–35 об.].

С весны 1942 г. в правоприменительной практике по контрреволюционным делам появляются новые тенденции: в отчете Челябинского суда за первое полугодие 1942 г. говорилось, что «качество работы Облсуда в части оставления приговоров в силе снизилось на 33%… Изменение приговоров преимущественно относится за счет замены расстрела лишением свободы». Далее судебные работники указали, что на 15 июня они получили «извещения из Верхсуда на осужденных к ВМН на 73 человека, из них оставлены приговоры в силе на 15 чел., остальным расстрел заменен – 58 чел., или 76%» [19. Л. 23 об.]. О.В. Будницкий отмечает, что снижение репрессий в целом по всему Советскому Союзу не только по контрреволюционным, но и по общеуголовным делам началось с февраля-марта 1942 г.: советские власти осознали определенную необходимость сохранения человеческих ресурсов: «…было разумнее отправлять осужденных в армию, чем их расстреливать», – поэтому начиная с указанного периода (особенно это касалось осужденных по общеуголовным делам) они направлялись в действующую армию или на флот с отсрочкой исполнения наказания [24. P. 777, 780].

Хотя Челябинский областной суд согласился с рядом отмененных расстрелов, тем не менее отметил, что «…в отношении подавляющего большинства мы с определениями Верховного суда не совсем согласны и считаем замену ВМН лишением свободы необоснованной и неправильной нас ориентацией». Приведенный далее в отчете суда пример как раз показывает не только флуктуации в карательной политике в отношении политических преступлений, но и определенную степень противоречивости двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны, ужесточения репрессии, с другой – ее смягчения. Речь идет о деле Невской-Беспалко, 1898 г. рождения, которая в 1919 г. выехала за границу, но уже в 1925 г. вернулась в Советский Союз, поселившись во Владивостоке: «При посредничестве сотрудника японского посольства познакомилась с агентом немецкой разведки Юрием Беспалко…», – за которого Невская вскоре вышла замуж. Отмечалось, что «Невская с начала войны повела активную пораженческую агитацию». Такая биография не могла не привести к суровой мере наказания: суд приговорил Невскую по стю 58.10 к 10 годам лишения свободы, однако Верховный суд СССР отменил приговор, так как счел его слишком мягким в отношении потенциального врага народа. Дело вновь было направлено в Челябинский суд, который во второй раз – очевидно, в связи с непосредственным указанием Верховного суда СССР – вынес Невской высшую меру наказания. Но к большому удивлению челябинских судей тот же Верховный суд СССР расстрел теперь уже заменил на 10 лет лишения свободы.

Очевидно, что флуктуации в карательной политике первого военного года вылились в совершенно нелогичные, на первый взгляд, действия высшей судебной инстанции – Верховного суда СССР, который сначала сам же отменил, а потом вынес осужденной 10 лет лишения свободы. В документах Челябинского суда обнаруживается некоторая растерянность такой либерализацией со стороны высшего судебного органа Союза. Используя риторику первого военного полугодия, суд позволил себе, хотя и достаточно мягко, высказать критику в отношении Верховного суда СССР: «Совершенно очевидно, что во всех этих и им подобных случаях необходимо применение высшей меры наказания как к ярым врагам народа, перевоспитание которых – дело безнадежное. Однако Верховный суд почему-то находит возможным замену ВМН лишением свободы. Мы против необоснованного применения ВМН…, но должен признать, практика Верховного суда СССР по делам, подобным приведенным мною выше, во многом непонятна» [19. Л. 23 об.–25].

Вряд ли какую-либо ясность привнесла и формулировка приказа № 04 Наркома юстиции РСФСР «О работе Челябинского областного суда» от июня 1942 г.: «Устранить из практики работы областного суда либерализм в применении мер наказания, особенно по делам о контрреволюционных преступлениях и другим важнейшим категориям дел. Наряду с этим не допускать ни одного случая неосновательного осуждения и применения ВМН без достаточных оснований» [22. Л. 8, 12].

При этом, несмотря на критику, связанную с заменой значительного процента смертных казней, Наркомат юстиции отмечал непозволительно высокий уровень оправдательных приговоров в целом по всем уголовным делам в Челябинской области – 13,6% всех лиц, преданных суду, были оправданы. Карательная политика Свердловского областного суда оказалась еще более жесткой: если во втором полугодии 1941 г. высшая мера наказания была заменена на лишение свободы в отношении 51% осужденных, то в первом полугодии 1942 г. расстрел заменили в отношении 73% осужденных. О значительном ужесточении репрессии против антисоветских высказываний в годы войны говорит приведенный в архивных документах пример из практики Свердловского суда: Минин и Андреянц 18 апреля 1942 г. по ч. 2 ст. 58.10 были приговорены к расстрелу за то, что «они, будучи вызваны в судебное заседание во время процесса, выражались нецензурными словами по адресу членов суда». Правда, Верховный суд РСФСР все же переквалифицировал их деяние на хулиганство [7. P. 474; 22. Л. 33].

Для того чтобы остановить определенную инерцию чрезмерно жестокой карательной политики по делам о контрреволюционных преступлениях, а также для «усреднения» правоприменительной практики 14 декабря 1942 г. было выпущено общесоюзное секретное директивное письмо № 130сс/18/79с Наркома юстиции РСФСР Рычкова и Прокурора СССР Бочкова всем судам (в том числе всем военным трибуналам). В нем отмечалось, что «многие суды и прокуроры не поняли, что усиление борьбы с преступлениями вовсе не означает огульное применение максимальной санкции, предусмотренной соответствующей статьей Уголовного кодекса… Вследствие такого формального, механического, а подчас безответственного подхода со сто-

роны судов 1-й инстанции по применению ВМН, верховные суды союзных республик и Верховный суд СССР изменяют значительное количество приговоров, заменяя расстрел лишением свободы». Прокурорам предлагалось проверять в порядке надзора в течение суток после вынесения приговора все дела с высшей мерой наказания и, что более важно, «при определении меры наказания учитывать обстоятельства конкретного дела, личность обвиняемого… характер и мотивы совершенного преступления». Подчеркивалось, что в отношении лиц, «социальная опасность которых не требует обязательного применения ВМН», применение расстрела является недопустимым [22. Л. 106–106 об.].

Во второй половине 1942 г. снова отмечается рост дел по контрреволюционным преступлениям более чем в 2,5 раза: если в первом полугодии 1942 г. в Челябинский суд по ст. 58.10 поступило 181 дело, то за второе полугодие – 469. Судьи объясняли этот рост как формальными, так и идеологическими причинами: вместо ОСО НКВД расследованные дела вновь стали направляться в областной суд, а также «в связи с некоторыми успехами весной и летом этого года на фронте германской армии антисоветские элементы оживили и наиболее активизировали свою контрреволюционную деятельность против советской власти в пользу германского фашизма, что, естественно, не могло не повлиять на увеличение дел» [19. Л. 35–35 об.]. В этот период действительно вновь произошел некоторый рост пораженческих взглядов и панических слухов, которые усилились в результате предельно тяжелой и в некотором смысле неопределенной обстановки на фронте летом и в первой половине осени 1942 г. В тылу ситуация также была достаточно тяжелой – в 1942 г. предельно ухудшилась ситуация с продовольствием, во многих регионах наблюдался голод, а уровень смертности от дистрофии и других болезней, вызванных дефицитом питания, колоссально возрос. Как отмечает Д. Фильцер, именно на 1942 г. приходится первый кризис смертности, который был обусловлен войной и начался в конце 1941 г. [31. С. 197]. В этих условиях росли упаднические настроения, которым оказались подвержены даже коммунисты. Директор одного из ремучилищ в Челябинской области член ВКП(б) Николай Цимбалист заявил, согласно уголовному делу, по поводу одного из местных заводов: «…мы вот здесь в Сатке живем и ни черта не знаем, что делается в стране, ведь с их завода ушло 3 000 рабочих, это-то только с одного завода, а сколько их у нас, где эти люди, чем они занимаются, а мы говорим о прочности нашего тыла, чепуха» [32. Л. 3–5].

Так или иначе во втором полугодии 1942 г. значительно снижается доля смертных приговоров, вынесенных по контрреволюционным преступлениям: если в первом полугодии 1942 г. Челябинским областным судом было вынесено 28,3% смертных приговоров по ст. 58 УК РСФСР, то во втором их число снизилось до 12,8%. Сами судебные работники объясняли такое снижение «не либерализмом со стороны суда, а тем, что облсуд стал наиболее осторожно применять эту чрезвычайную меру наказания, исходя из указания правительства и практики Верховного суда» [19. Л. 37, 38].

Об определенных «либеральных» настроениях в судебной практике к концу 1942 г. говорит и весьма необычная для более раннего времени судьба дела А.И. Кузьминой. Кузьмина заявляла среди граждан: «…немцы в захваченных ими советских районах истребляют и издеваются над коммунистами, а над заключенными не издеваются, немцы демонстрируют кинокартины против советской власти, высмеивают колхозы» [19. Л. 43 об.]. Высказывание первоначально было опознано следствием как антисоветское, но суд 23 ноября 1942 г. оправдал Кузьмину, охарактеризовав обвинение как неосновательное. Оправдание тем более удивительно, поскольку по другому аналогичному, но более раннему делу колхозница Ильина была обвинена по ст. 58.10 УК РСФСР как раз за пересказ слуха о том, «что в колхоз пришел какой-то боец и сказал, что был в плену в Германии, где над пленными не издеваются и кормят хорошо» [33. Л. 56]. За эти слова Ильина была осуждена к семи годам лишения свободы. Однако это дело слушалось в областном суде в апреле 1942 г., когда ни о каком «либерализме» не могло быть и речи. Однако во втором полугодии 1942 г. фактически сходные слова Кузьминой о том, что нацисты не издеваются над заключенными (скорее всего, речь шла о тех же самых военнопленных), уже не были оценены как антисоветская агитация.

В исследовательской литературе можно встретить мнение, что «произошедший в 1943 г. коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и дальнейшие победы Красной Армии способствовали нормализации общественно-политической ситуации в стране, усилению патриотических настроений и сплочению общества в чрезвычайных условиях войны» [34. С. 104]. К сожалению, нет никаких объективных исследовательских инструментов, позволяющих установить степень усиления патриотических настроений и изменений в уровне сплоченности советского общества в этот период. По крайней мере можно согласиться с мнением М. Эделе, что «степень того, насколько враждебные настроения (населения. – *А.С.*) могли трансформироваться в те или иные формы неповиновения, также варьировала в зависимости от того, в какой степени советский режим казался на данный момент слабым», – как только сталинский режим продемонстрировал устойчивость, а победа над Германией превратилась во вполне реалистичную перспективу, оппозиционные антисоветские настроения стали все меньше приводить к открытым действиям, а идея участия в борьбе с нацистами становилась все более популярной [35. P. 262]. Доля осуждений непосредственно по ст. 58.10 УК РСФСР в 1943–1945 гг. значительно снизилась в сравнении с более чем 95 тыс. осужденными в 1941–1942 гг.. В 1943 г. за антисоветскую агитацию были осуждены 24 089 человек, в 1944 –14 130, а в 1945 – 14 868 [18. С. 608]. После успехов в ходе коренного перелома в войне победа над Германией уже была вопросом времени. В этих условиях советская власть стала в меньшей степени опасаться высказываний социального недовольства. Если в начальный период войны даже самые невинные, на первый взгляд, высказывания бытовых недовольств могли привести к суро-

вой каре, то со временем эта репрессия снизилась. С нашей точки зрения, всплеск привлечений к уголовной ответственности в начальный период войны объяснялся в том числе попыткой исключить потенциально враждебную деятельность так называемой «пятой колонны», в том числе в тылу. В этом проявляется преемственность довоенного и военного опыта реализации массовых репрессий.

Несмотря на то, что подавляющая часть высказываний, опознанных властью как антисоветские, носила характер бытовых недовольств и может быть описана как своего рода «бытовая контрреволюция», нельзя не признать, что в предельно тяжелых условиях начального периода войны и массовой эвакуации эти высказывания действительно представляли существенную угрозу социально-политическому порядку в тылу. Несмотря на существенный рост патриотических настроений, в условиях военного времени упаднические и пораженческие настроения негативно отражались на общем моральном и психологическом состоянии населения, мотивации к труду. Органы юстиции были одним из центральных институтов реализации широкомасштабной и достаточно жесткой кампании по пресечению подобных настроений.

Примечания

[1] В отчетах и советской внутренней документации такие дела обозначаются словом «спецдела».
[2] Если быть точным – более чем в 4,5 раза.
[3] В оперативном приказе № 00447 НКВД СССР от 30 июля 1937 г., с которого началась кампания Большого террора, аналогичным образом объяснялось, что зачинщиками антигосударственных преступлений в том числе являются «бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений». Это еще раз выявляет сходство и даже единство риторики периода 1937–1938 и 1941–1942 гг. [18. С. 268–269.]

Список источников

1. Иванов В.А. Ленинградский городской суд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 48–69.
2. Мухамадиев И.С. Борьба органов Прокуратуры Таджикистана со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6/1. С. 258–261.
3. Печерский В.А., Степанов М.Г. Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : на материалах Хакасии. Абакан : Бригантина, 2015. 139 с.
4. Шкаревский Д.Н. О роли военных трибуналов железнодорожного транспорта в победе над нацизмом // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 2. С. 160–171.
5. Юристы военного времени. О деятельности Управления Народного комиссариата юстиции РСФСР по Кировской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / авт.-сост. Ю.П. Малых. Киров : Триада-С, 2000. 279 с.
6. Goldman W.Z., Filtzer D. Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II. New York : Oxford University Press, 2021. 528 p.
7. Budnitskii O. The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20, № 3. P. 447–480.
8. Davies S. The crime of «Anti-Soviet agitation» in the Soviet Union in the 1930s // Cahiers du monde Russe. 1998. Vol. 39, № 1/2. P. 149–167.
9. Grachova S. «Counter-revolutionary agitation» in the Soviet Union during the Great Patriotic War: the politics of legal prosecution // Cahiers du monde Russe. 2011. Vol. 52, № 2/3. P. 373–386.
10. Болотов С.В. Антисоветская агитация и пропаганда в зарубежной печати накануне Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 8. С. 22–25.
11. Мотревич В.П. Антисоветские листовки в г. Свердловске в годы Великой Отечественной войны // Военный комментатор : военно-исторический альманах. 2002. № 2 (4). С. 26–30.
12. Корнилов Г.Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112–121.
13. Depretto J.-P. Travail libre et travail forcé dans l'Oural pendant la Seconde Guerre mondiale // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2011. Vol. 58e, № 2. P. 7–48.
14. Потемкина М. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эваконаселение на Урале в 1941–1948 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2004. 466 с.
15. Исаев М.М., Карев Д.С., Утевский Б.С. Советское право в период Великой Отечественной войны. Уголовное право. Уголовный процесс / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. Ч. 2. 213 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 (ред. от 25.11.1935) // Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-техничсеских документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374
17. Соломон П. мл. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 2008. 462 с.
18. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. 726 с.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 17.
20. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010. 478 с.
21. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 16. Д. 37.
22. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 15.
23. Старков А.В. Борьба с антисемитизмом в советском тылу в начальный период Великой Отечественной войны, 1941–1942 // Soviet and Post Soviet Review. 2021. Vol. 48, № 1. P. 3–33.
24. Budnitskii O. The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15, № 4. P. 767–797.
25. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 3. Д. 119.
26. Папков С.А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Красноярское общество «Мемориал»[1]. URL: https://memorial.krsk.ru/Articles/2000/2000Papkov.htm (дата обращения: 01.10.2021).
27. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 14.
28. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 3. Д. 82.

[1] Международное историко-просветительское общество «Мемориал» (включено Минюстом в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента) ликвидировано решением ВС РФ 28 февраля 2022 г.

29. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 42.
30. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 7. Д. 47.
31. Фильцер Д. Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны // СССР во Второй мировой войне. Оккупация. Холокост. Сталинизм / под ред. О.В. Будницкого (отв. ред. и сост.) и Л.Г. Новиковой. М. : РОССПЭН, 2014. С. 196–220.
32. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 3. Д. 304.
33. ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 5. Д. 161.
34. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Борьба органов милиции с проявлениями антисоветской агитации, пропаганды и провокационных слухов в 1941–1942 гг. (по материалам Алтайского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (1). С. 98–106.
35. Edele M. “What Are We Fighting for?” Loyalty in the Soviet War Effort, 1941–1945 // International Labor and Working-Class History. 2013. № 84. P. 248–268.

References

1. Ivanov, V.A. (2013) Leningradskiy gorodskoy sud v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg. [The Leningrad City Court during the Great Patriotic War. 1941–1945]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2. pp. 48–69.
2. Mukhamadiev, I.S. (2015) Bor'ba organov Prokuratury Tadzhikistana so spekulyatsiey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [The fight of the Prosecutor's Office of Tajikistan against profiteering during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 6/1. pp. 258–261.
3. Pecherskiy, V.A. & Stepanov, M.G. (2015) *Sovetskaya yustitsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): na materialakh Khakasii* [Soviet justice during the Great Patriotic War (1941–1945): based on materials from Khakassia]. Abakan: Brigantina.
4. Shkarevskiy, D.N. (2015) O roli voennykh tribunalov zheleznodorozhnogo transporta v pobede nad natsizmom [On the role of military tribunals of railway transport in the victory over Nazism]. *Biblioteka zhurnala “Rusin.”* 2. pp. 160–171.
5. Malykh, Yu.P. (2000) *Yuristy voennogo vremeni. O deyatel'nosti Upravleniya Narodnogo komissariata yustitsii RSFSR po Kirovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Wartime lawyers. On the activities of the Office of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR in Kirov Region during the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and materials]. Kirov: Triada-S.
6. Goldman, W.Z. & Filtzer, D. (2021) *Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front during World War II*. New York: Oxford University Press.
7. Budnitskii, O. (2019) The Great Terror of 1941: Toward a History of Wartime Stalinist Criminal Justice. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 20(3). pp. 447–480.
8. Davies, S. (1998) The crime of “Anti-Soviet agitation” in the Soviet Union in the 1930s [The crime of “Anti-Soviet agitation” in the Soviet Union in the 1930s]. *Cahiers du monde Russe*. 39(1/2). pp. 149–167.
9. Grachova, S. (2011) “Counter-revolutionary agitation” in the Soviet Union during the Great Patriotic War: the politics of legal prosecution. *Cahiers du monde Russe*. 52(2/3). pp. 373–386.
10. Bolotov, S.V. (2010) Antisovetskaya agitatsiya i propaganda v zarubezhnoy pechati nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny [Anti-Soviet agitation and propaganda in the foreign press on the eve of the Great Patriotic War]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 8. pp. 22–25.
11. Motrevich, V.P. (2002) Antisovetskie listovki v g. Sverdlovske v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Anti-Soviet leaflets in Sverdlovsk during the Great Patriotic War]. *Voennyy kommentator: voenno-istoricheskiy al'manakh*. 2(4). pp. 26–30.
12. Kornilov, G.E. (2015) Evakuatsiya naseleniya na Ural v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4. pp. 112–121.
13. Depretto, J.-P. (2011) Travail libre et travail forcé dans l'Oural pendant la Seconde Guerre mondiale. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 58e(2). pp. 7–48.
14. Potemkina, M. (2004) *Evakuatsionno-reevakuatsionnye protsessy i evakonaselenie na Urale v 1941–1948 gg.* [Evacuation and re-evacuation processes and evacuated population in the Urals in 1941–1948]. History Dr. Diss. Ekaterinburg.
15. Isaev, M.M., Karev, D.S. & Utevskiy, B.S. (1948) *Sovetskoe pravo v period Velikoy Otechestvennoy voyny. Ugolovnoe pravo. Ugolovnyy protsess* [Soviet law during the Great Patriotic War. Criminal law. Criminal process]. Vol. 2. Moscow: USSR Ministry of Justice.
16. RSFSR. (1926) *Ugolovnyy kodeks RSFSR ot 22.11.1926 (red. ot 25.11.1935)* [The Criminal Code of the RSFSR of November 22, 1926 (as amended on November 25, 1935)]. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/901757374
17. Solomon, P. Jr. (2008) *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN.
18. Vert, N. & Mironenko, S.V. (eds) (2004) *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: Collected documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
19. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 22. File 17.
20. Khlevnyuk, O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoy diktatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-353. List 16. File 37.
22. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 22. File 15.
23. Starkov, A.V. (2021) Bor'ba s antisemitizmom v sovetskom tylu v nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1942 [The fight against anti-Semitism in the Soviet rear during the initial period of the Great Patriotic War, 1941–1942]. *Soviet and Post Soviet Review*. 48(1). pp. 3–33.
24. Budnitskii, O. (2014) The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–42. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 15(4). pp. 767–797.
25. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 3. File 119.
26. Papkov, S.A. (2000) *Karatel'noe pravosudie v SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny (1940–1945)* [Punitive justice in the USSR during the Second World War (1940–1945)]. [Online] Available from: https://memorial.krsk.ru/Articles/2000/2000Papkov.htm (Accessed: 1st October 2021).
27. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 22. File 14.
28. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 3. File 82.
29. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 7. File 42.
30. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 7. File 47.
31. Filtser, D. (2014) Smertnost' ot goloda v promyshlennykh rayonakh tyla v gody Vtoroy mirovoy voyny [Mortality from hunger in industrial areas of the rear during the Second World War]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne. Okkupatsiya. Kholokost. Stalinizm* [USSR in the Second World War. An Occupation. Holocaust. Stalinism]. Moscow: ROSSPEN. pp. 196–220.
32. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 3. File 304.
33. The United State Archives of Chelyabinsk Region (OGAChO). Fund R-916. List 5. File 161.
34. Shatilov, S.P. & Shatilova, O.A. (2020) Bor'ba organov militsii s proyavleniyami antisovetskoy agitatsii, propagandy i provokatsionnykh slukhov v 1941–1942 gg. (po materialam Altayskogo kraya) [The fight of the police against manifestations of anti-Soviet agitation, propaganda and provocative rumors in 1941–1942 (based on materials from the Altai Territory)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(1). pp. 98–106.
35. Edele, M. (2013) “What Are We Fighting for?” Loyalty in the Soviet War Effort, 1941–1945. *International Labor and Working-Class History*. 84. pp. 248–268.

***Сведения об авторе*:**
Старков Арсений Вадимович – преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: astarkov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Starkov Arseniy V. – Lecturer at the School of History, Faculty of Humanities (National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: astarkov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 09.11.2021; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(47+57)"1960"
doi: 10.17223/19988613/87/11

Кубинская тема в визуальной пропаганде СССР и письмах советских граждан

Егор Андреевич Федосов

Томский государственный университет, Томск, Россия, e.a.fedosov@yandex.ru

Аннотация. Выявляется специфика репрезентации кубинской темы в официальной пропаганде СССР и определяется характер ее отражения в советском массовом сознании в условиях холодной войны. Особое внимание уделяется содержанию плакатов и карикатур начала 1960-х гг. как наиболее яркой, устойчивой и доходчивой формы выражения ключевых политических метафор и образов и «письмам во власть» из фондов Государственного архива РФ, основное число которых относится к периоду Карибского кризиса. Делается вывод о месте и роли революционной Кубы в советском информационном поле.
Ключевые слова: СССР, Куба, холодная война, пропаганда, плакаты, карикатуры, советский человек, Карибский кризис

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00083, https://rscf.ru/project/22-78-00083/

Для цитирования: Федосов Е.А. Кубинская тема в визуальной пропаганде СССР и письмах советских граждан // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 96–103. doi: 10.17223/19988613/87/11

Original article

The Cuban case as depicted in the USSR's visual propaganda and the Soviet citizens' letters

Egor A. Fedosov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e.a.fedosov@yandex.ru

Abstract. The main aim of the article is to reveal the features of representation of Cuba, depicted in the Soviet visual propaganda and mass perception at the background of the Cold War. The author emphasizes the contest of posters and caricatures of early 1960s, as the most significant, stable and intelligible form of retranslation of the political metaphors. Their quantitative and qualitative analysis allows detecting the role of Cuba in total information flow and tracing connection with the other contexts. Unpublished "letters to the power" from the archival funds give opportunity for assessment of the Soviet peoples' discourse solidarity with official world view and for research the case of public moods about Cuba as a new ally.

Since 1959 the first visual feedbacks had appeared in the press. The enemies of revolutionary Cuba were visualized more intensively on the pages of newspapers. The Soviet cartoonists condemned the Cuban counter-revolution as well as its patrons from the US, whose images were also the part of more extensive anti-imperialist and anti-war propaganda. The heroic images of Cubans were depicted more deeply in posters, in 1960-1964 covering about 10% of all the available propaganda materials, devoted to international topics. The perception of Cuban issues by Soviet citizens was evident during the Caribbean crisis in 202 letters addressed to the USSR Council of Ministers. Most of them expressed approval, gratitude and support of the efforts of the governance for maintaining peace and security of mankind, also voiced the solidarity with Cuba at the background of aggressive actions of the US. Some of the messages ended in style of the posters' slogans. But some part of the letters gave more voluminous analytical judgments, including the contradictions to the official rhetoric. Either the need to get involved in a large scale confrontation against the US because of Cuba was denied, or the more rigid and consistent protection of the Cubans was claimed.

In general, the analysis of the Soviet visual propaganda shows, among the national liberation movements of 1950-1960s the revolutionary Cuba was initially positioned as one of the main allies of the USSR by the vividly represented and regularly replicated heroic image of the Cuban people with typical symbolism. Also, the Cuban matter became the relevant context for increasing anti-American propaganda. According to the letters to power many of the Soviet people shared the slogans of solidarity with Cuba.
Keywords: USSR, Cuba, the Cold War, propaganda, posters, caricatures, the Soviet person, Caribbean crisis

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project № 22-78-00083), https://rscf.ru/en/project/22-78-00083/

© Е.А. Федосов, 2024

For citation: Fedosov, E.A. (2024) The Cuban case as depicted in the USSR's visual propaganda and the Soviet citizens' letters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 96–103. doi: 10.17223/19988613/87/11

В современных условиях, когда геополитическое соперничество неразрывно связано с ведением информационных войн, российское государство сталкивается с необходимостью не только отстаивать свои глобальные интересы, но и убеждать в их значимости сограждан. В этой связи актуальна для изучения информационно-пропагандистская работа в СССР, в рамках которой внимание общества постоянно привлекалось к процессам, происходившим в том числе далеко за пределами страны. На основе каких идей, лозунгов и образов освещалось международное положение и насколько они соответствовали настроениям советских людей, будет рассмотрено в контексте событий на Кубе в начале 1960-х гг.

Кубинская тема получила уже достаточно широкое освещение, будучи частью общих исследований по внешнеполитической и социальной истории СССР [1, 2]. На стыке аналитики и мемуаристики выходили публикации современников событий, в том числе ветеранов операции «Анадырь» [3–5]. Среди исследователей особой популярностью пользуется освещение Карибского кризиса советской прессой [6–8]. Однако советско-кубинские отношения практически не изучались сквозь призму визуальных источников с параллельной оценкой их потенциального восприятия в массах. Главная цель данной статьи – выявление роли визуализации в формировании образа Кубы и определение характера его отражения массовом сознании. Центральное место в исследовании занимают малоизученные плакаты и карикатуры. Как наиболее яркие, устойчивые и доходчивые средства пропаганды они, благодаря зрительной составляющей, могли усиливать восприятие политической информации [9. С. 27]. Кроме того, интенсивность публикации материалов данного типа обычно обусловлена ключевыми направлениями советской внешней политики в меняющейся обстановке холодной войны. Тем самым появление отсылок к кубинским событиям по-своему фиксирует уровень идеологического значения темы. Не менее важную роль в предпринимаемом анализе играют сохранившиеся в Государственном архиве РФ телеграммы и письма граждан, поступившие в Совмин СССР в начале 1960-х гг. Изложенные в них суждения можно считать отражением картины мира советских людей в целом и своеобразным срезом общественного мнения о Кубе как о новоявленном союзнике, что позволяет оценить результативность пропагандистского воздействия.

Методологическую основу исследования составили методы контент- и интент-анализа, которые позволили провести количественный подсчет сюжетов визуальной пропаганды, систематизировать лозунги и образы и определить место кубинской темы среди них. В соответствии с методом дискурс-анализа пропагандистские материалы рассматривались, как система политических метафор, служивших специфической формой описания международной повестки, которая в разной мере воспроизводилась как официальной властью, так и обычными людьми. В отношении источников личного происхождения применялись универсальные методические действия, такие как интерпретация, обобщение, типологизация. В частности, авторы «писем во власть» были сгруппированы как сторонники или носители определенной идеи или оценки. Согласно методу экстраполяции отношение граждан СССР к ситуации вокруг Кубы рассматривалось в качестве вероятной реакции и на связанные с ней пропагандистские образы.

Уже в январе 1959 г., вскоре после революции на Кубе, флагман советской сатиры «Крокодил» высмеял падение режима Батисты [10. 1959. 20 янв.]. Наиболее часто журнал обращался к кубинским событиям в 1961 и 1962 гг., выпустив по четыре карикатуры соответственно (рис. 1). Еще более активно враги Острова Свободы разоблачались на страницах главных газет страны. Так, за 1960–1962 гг. «Правда» напечатала 21 рисунок по теме, что составляет около 5% от общего числа опубликованных в ней за период. Карикатуристы «Известий» только за осень 1962 г. обращались к ситуации вокруг Кубы 12 раз, сделав ее доминирующим информационным поводом для визуальной сатиры. Примечательно, что подобные сюжеты также встречались и в узкоспециальной, и в республиканской печати, подтверждением чему служат материалы изданий «Советская культура» или «Правда Украины», хотя для них публикация политических карикатур была куда более редким явлением. И в данном случае сам факт появления здесь столь наглядных отсылок к кубинской теме говорит о ее особом резонансе.

Сатирические рисунки закономерно носили антиамериканский характер. Начало этой тенденции было положено опубликованной в августе 1959 г. работой Б. Ефимова «Сорвалось…», которая высмеивала владельца сахарных монополий из США и его марионеток – диктаторов Трухильо и Батисту. Присутствовал в сюжете и необычный образ Кубы в виде дельфина [11. 1959. 21 авг.]. Почти повседневный характер подобная форма выражения солидарности с кубинцами приобрела в июле 1960 г., когда Вашингтон предпринял активные экономические и политические меры против революционной республики. В «Правде» первой появилась карикатура М. Абрамова «На чужой каравай рта не разевай» [12. 1960. 14 июля]. Народная поговорка здесь была адресована Дяде Сэму, под чей профиль художник стилизовал географические контуры США, как бы нависшие над Островом Свободы. В течение следующей недели появился рисунок-призыв «Пресечь разбойничьи замашки!», на котором типичный колонизатор в пробковом шлеме замахнулся топором на две пальмы – «Конго» и «Кубу», но его остановила могучая народная рука [12. 1960. 19 июля]. Наконец, еще четыре дня спустя опубликован новый сюжет «Когда народы рвут цепи… Этих спускают с цепи!..» [12. 1960. 23 июля], посвященный «порвавшим цепи» африканцу и кубинцу, которым угрожали спущенные Дядей Сэмом цепные собаки с кличками Агрессия,

Провокация и Клевета. Первые две одеты в военную форму, третья – в костюм гражданского журналиста. Весьма показательно, что буквально в те же дни схожие по своему антиколониальному мотиву произведения были созданы карикатуристами и для других газет [13. 1960. 19 июля, 23 июля; 14. 1960. 20 июля]. Как можно убедиться, кубинская тема соединилась с антизападным контекстом конголезского национально-освободительного движения. Что касается сопутствующих антагонистических образов, то в этой роли закрепился американский национальный символ, а также персонажи, олицетворявшие колониализм и милитаризм США.

Рис. 1. Худ. Ганф Ю.А. Крокодил. 1961. 10 мая

Второй заметный всплеск интереса советских карикатуристов к ситуации вокруг Острова Свободы относится к весне 1961 г., чему поспособствовала организованная и затем проваленная американцами операция в Заливе Свиней. Помимо абстрактных милитаристов и капиталистов в качестве главных виновников козней против Кубы персонально изображались директор ЦРУ Даллес, экс-президенты Трумэн и Эйзенхауэр и даже остававшийся пока не у дел Никсон [12. 1961. 20 апр., 25 апр., 30 апр.]. При этом действующий глава государства Кеннеди был разве что косвенно упомянут в текстах, пояснявших рисунки. Актуальным вариантом образа врага также послужила «кубинская контрреволюция», представленная в виде военизированных гангстеров, крыс, пальцев на костлявой руке американского империалиста или же щупалец долларового спрута. Любопытно, что подчас подобные карикатуры вопреки специфике сатирического жанра имели лозунговые названия, например: «Руки прочь от Кубы!» или «Янки – нет! Куба – да!» [10. 1961. 30 апр.; 12. 1961. 18 апр.; 14. 1961. 20 апр.]. Являлось нетипичным и размещение некоторых из них среди крупных заголовков газетных передовиц [11. 1961. 18 апр.; 12. 1961. 18 апр.; 13. 1961. 20 апр.], очевидно, в целях привлечения большего, чем обычно, внимания читателей к сообщениям о развитии событий. О бежавших в США «контрреволюционерах» сатира вспоминала и позднее. Так, на журнальном рисунке Б. Ефимова, опубликованном осенью 1964 г., они в компании наемников всех мастей слетаются в Конго, чтобы воевать за деньги прозападного ставленника Чомбе [10. 1964. 10 окт.].

Спецификой некоторых газетных рисунков было и одновременное изображение героических защитников Кубы в национальном (революционер-«барбудос»[1]) или, реже, классовом (пролетарий-интернационалист) варианте. Но более яркую визуализацию они закономерно обрели в плакатной агитации. Кубинское «присутствие» в форме почти портретных образов или каких-либо символических деталей обнаруживается на 31 плакате 1960–1964 гг., что охватывает около 10% от имеющейся подборки агитационных материалов на международные темы за этот период. Это довольно много, учитывая сюжетное разнообразие советской визуальной пропаганды. Основные черты новоявленного союзника во многом были закреплены работами художников О. Савостюка и Б. Успенского «Волю Кубы не сло-

мить!», В. Воликова «Народ Кубы не сломить!» (оба – 1960). Сюжет первого в свое время был признан источником ощущения торжественности и монументальности [15. С. 53–54] благодаря изображению кубинки, в руке которой видны винтовка и лента национальных цветов с надписью по-испански «Родина или смерть». Героями второго плаката стали вооруженные революционер-«барбудос» и чернокожий ополченец, а также гражданская девушка со стеблями сахарного тростника, очевидно, олицетворявшая трудящийся класс (рис. 2). Они превратились в повседневные символы сопротивления Кубы агрессии США, судя по сцене, которая была избрана для фотографии, относящейся к апрелю 1961 г.: обсуждение московскими рабочими недавнего нападения «сил контрреволюции» на Остров Свободы запечатлено именно на фоне работы В. Воликова [12. 1961. 20 апр.]. В сравнении с работами профессиональных художников интересен любительский рисунок «Viva Cuba!» московского школьника Саши Белова, позже опубликованный в печати [13. 1962. 19 мая]. Облик и сами типы трех его героев (мужчина-революционер, девушка и чернокожий юноша с флагом Кубы) явно стали таковыми под влиянием образно-символического ряда наглядной агитации на данную тему (рис. 3).

Рис. 2. Худ. Воликов В.П. (1960)

Рис. 3. Рисунок Саши Белова. Советская культура. 1962. 19 мая

Как пример прямого отклика пропаганды на политические события следует выделить плакат В. Иванова «Мы убеждены: – победит разум!» (1962), который в краткой лозунговой форме повторял тезис, озвученный Н.С. Хрущевым в последнем послании к Дж. Кеннеди в ходе Карибского кризиса (рис. 4)[2]. Главный герой этой агитки разрывал транспарант с надписями «Угроза вторжения. Блокада Кубы. Гонка вооружений» и тем самым открывал панораму на Остров Свободы.

Рис. 4. Худ. Иванов В.С. (1962)

В те напряженные дни интенсивный поток информации о развитии кризисной обстановки советские газеты усиливали и пропагандистскими рисунками в поддержку Кубы [11. 1962. 25 окт.; 13. 1962. 25 окт.]. В частности, на первой странице «Известий» была напечатана работа Б. Ефимова, в которой кубинец под национальным знаменем, немного напоминавший Ф. Кастро, был противопоставлен карикатурному американскому

агрессору, грозившему ядерной дубиной и петлей блокады. На этапе подготовки этот сюжет назывался патетически – «Куба на чеку», но опубликован он был уже с обличительной подписью – «Вашингтонские пираты: Караул! Куба нам угрожает» (рис. 5). С Кастро связана и одна из показательных тенденций плакатной агитации СССР. Среди имеющихся материалов за 1961–1963 гг. его образ обнаруживается в шести плакатах. Такая концентрация на личности команданте была по-своему уникальна, поскольку ранее изображение на агитках руководителей дружественных стран исчерпывалось лишь единичным появлением Мао Цзэдуна, и это притом, что еще в июне 1961 г. Н.С. Хрущев даже не считал лидера Острова Свободы коммунистом [16]. Как позднее писала пресса, многие произведения советских плакатистов стали непременным атрибутом приветственных демонстраций в ходе визита Ф. Кастро в СССР весной 1963 г. [13. 1964. 2 июня]

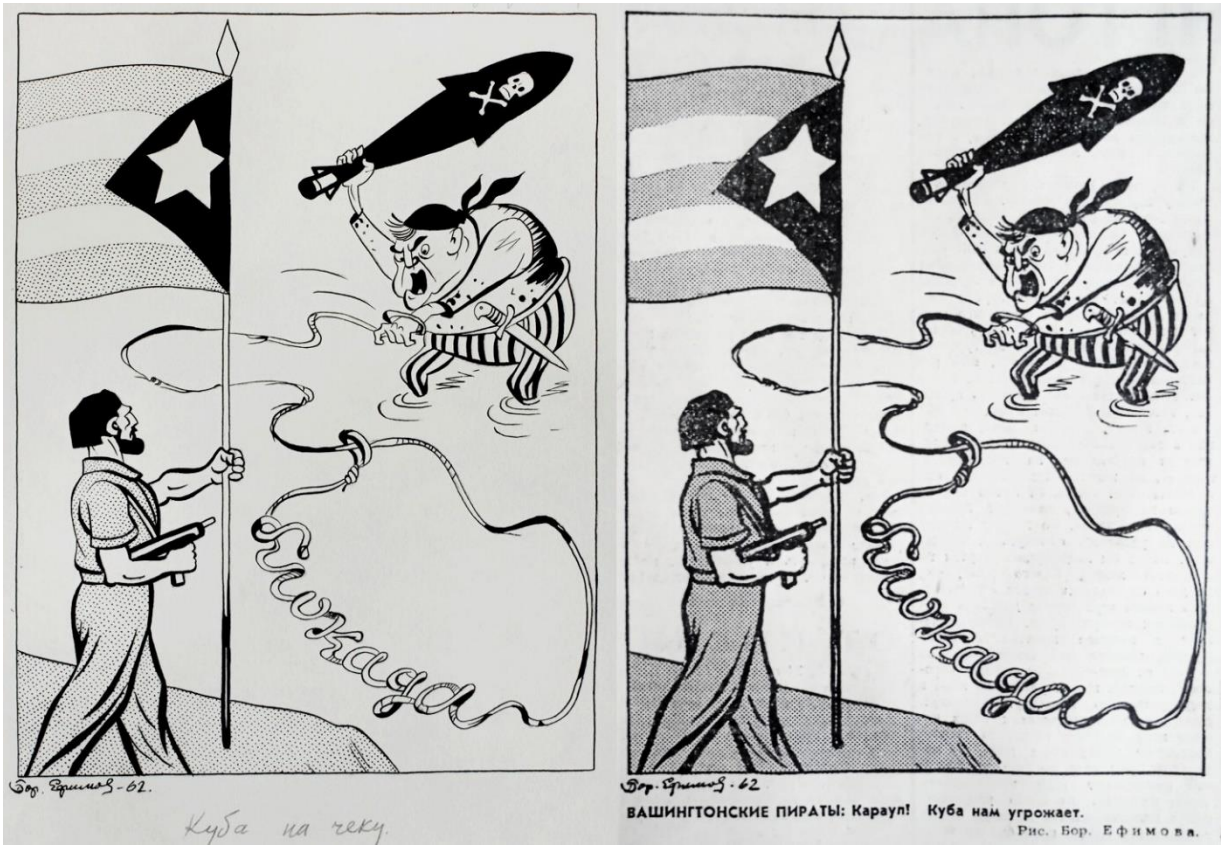

Рис. 5. Худ. Ефимов Б.Е. (1962). Оригинал (слева) и газетный вариант (справа) [11. 1962. 25 окт.]

В середине 1964 г. свыше 70 самых знаковых плакатов и карикатур на кубинскую тему было представлено на специальной выставке с лозунговым названием «Руки прочь от Кубы!». «Непримиримость и страстность, любовь и справедливость, презрение и насмешка», – такие качества официальная критика отмечала в представленных материалах и подчеркивала, что они – плод постоянной работы художников, «отражающей заинтересованность советского народа во всех проблемах, с которыми встречается братский кубинский народ» [13. 1964. 2 июня]. Вместе с тем в идейном плане эта заинтересованность носила, скорее всего, комплексный характер. Собственно, анализ содержания плакатной агитации на международные темы периода 1960–1964 гг. показал, что примерно в 42% агиток присутствовала такая ценностная категория, как мир; в 32% – интернациональная солидарность; в 16% – свобода. А кубинские образы тем самым становились одним из вариантов символизации данных категорий. Так произошло, например, в плакате В. Иванова «Мир на земле – отстоим! Солидарность – оружие победы!» (1964), где среди восьми посланцев разных континентов и народов, стоявших единой цепью и этим защищавших весь земной шар, безусловно узнаваем кубинец с бородой и в оливковой военной форме. Также органично кубинская тема вписывалась и в общий поток сатиры на представителей военных или политических кругов Запада, которые появлялись почти в каждом втором газетном и каждом третьем журнальном рисунке, освещавшем внешнеполитические сюжеты того времени: от шпионских инцидентов до ядерных испытаний. Не только десятки карикатур, но и лозунги некоторых плакатов призывали к решительному протесту и отпору действиям США, которые олицетворял пентагоновец с безумными глазами, гриб от атомного взрыва или подобная знаку доллара змея с бомбой в зубах[3]. Так или иначе, весь массив визуальной пропаганды вкупе с информационными сообщениями формировал единый устойчивый фон для восприятия событий вокруг Кубы.

Судя по всему, кубинская тема довольно скоро вошла в политическое сознание обычных граждан СССР.

Так, 11 июля 1960 г., когда готовились лишь первые материалы в поддержку Острова Свободы, И.А. Зорька, часовой мастер из Львова, написал Хрущеву: «Американский обгорелый дом хочет удушить молодую кубинскую республику, а народу Кубы навязать свою погорелую свободу» [17. Л. 116]. Однако более массовая и интенсивная рефлексия последовала в ходе Карибского кризиса. На разных этапах его развития только по линии Совмина СССР было прислано 202 письма, авторами которых стали совершенно разные по возрасту, профессии, социальному опыту и воззрениям люди. Из них 138 выражали в основном оценочные суждения, сводившиеся к одобрению, поддержке и благодарности за усилия советского руководства по поддержанию мира и безопасности народов на фоне агрессивных действий США против Кубы. Примечательно, что четыре отклика именно такого плана были затем опубликованы в печати [12. 1962. 31 окт., 1 нояб.]. Их авторами являлись пенсионерка В. Атякина, участник Великой Отечественной войны Н. Шлык, мать погибшего фронтовика А. Бырдина, ленинградские семьи Дроженниковых и Загерских [18. Л. 55, 65, 71–72, 80]. Данная выборка хорошо показывает, какие суждения оказались предпочтительными для публикации в официальной прессе и чье мнение считалось особенно значимым среди оценок внешнеполитических событий.

Делясь своими взглядами на Карибский кризис, в качестве источника информации граждане нередко упоминали радио или печать. Что касается наглядной агитации, косвенное ее влияние прослеживается в манере завершать некоторые личные отклики, не говоря уже о коллективных резолюциях, в плакатно-призывной форме: «Позор американским агрессорам. Да здравствует свободолюбивый кубинский народ!»; «Вива Куба!»; «Руки прочь от Кубы! Долой янки! Куба будет свободной!»; «Да победит социалистическая Куба! Куба – да, янки – нет! Коммунизм – да, капитализм – нет!» и т.п. [18. Л. 5, 11 об., 86 об.; 19. Л. 77 об., 132]. «По-отечески мудро» решившему острую проблему Хрущеву и не менее популярному Ф. Кастро наиболее эмоциональные граждане даже посвятили стихи [19. Л. 23–25, 129]. «…Борись за Мир, за Счастье, за Свободу, | Ты путь в бессмертие народу проложил! | Бессмертная Куба! И ее творенья, | Ни рабством, ни огнем не разорить!», – написала о команданте москвичка О.Г. Трушина [19. Л. 25]. В 10 письмах выражалась готовность выступить добровольцами на защиту интересов Острова Свободы и СССР, мотивированная порой как «интернациональный долг советского человека по защите революционной Кубы» [18. Л. 54]. Природа подобного энтузиазма крылась и в том, что в кубинских событиях разглядели не только отпор «хищному американскому империализму – спекулянту и паникеру», но и поддержку «революционно-социалистических принципов», как написал об этом ветеран Гражданской войны А.Ф. Демин [18. Л. 127–127 об.].

На общем фоне выделяется группа из 32 писем, в которых ви́дение сложившегося положения и восприятие кубинского союзника вплетено в более пространные аналитические рассуждения или предложения, в том числе расходившиеся с официальной трактовкой. Здесь порой звучали и критические ноты в адрес линии Хрущева по Карибскому кризису, причем основанные на прямо противоположных позициях. В начале развития событий некоторые авторы писем считали, что ради «чужой и ненужной» [18. Л. 9] Кубы вообще не следует вовлекаться в столь серьезное противостояние с США. Так, московский рабочий Никифоров, в частности, полагал, что слабым странам нужно помогать только в мирных сферах, и отметил, что нельзя требовать от Америки сдать Кубу, тогда как сам Советский Союз не ушел в свое время из восставшей Венгрии [18. Л. 47–47 об.]. И.Е. Соколов из Алма-Аты и П.А. Суханов из Томской области предлагали довольно оригинально решить вопрос об участии СССР в американо-кубинском конфликте – через референдум [18. Л. 68, 138–139]. Но после заключительного послания Хрущева к Кеннеди от 28 октября 1962 г., далеко не всеми принятого как политическая победа, проявились сторонники более жесткой и последовательной защиты Острова Свободы. «Родимая Родина, до чего же ты унизилась. <…> Патриоты отчизны угнетены и опечалены. Почему мы не можем, как кубинцы, крикнуть: “Честь и слава, Родина или смерть”, – сетовал Г.Ф. Орлов из Саратова. – Изъять с Кубы ракетное оружие, значит оставить ее на растерзание. Мы, советские люди, возмущены вашим письмом, и представляете, какая сейчас реакция на Кубе! Демонтировать ракетные установки на Кубе, в то время как сотни ракет нацелены на СССР и социалистические страны…» [18. Л. 119–119 об.]. Как можно убедиться, героический образ несгибаемого кубинца играл немалую роль в аргументации автора письма. Другие не без оснований негодовали: почему в ответ на «излишнюю любезность» Хрущева, Кеннеди с «барским высокомерием» обещает снять блокаду и только; почему «мы убираем оружие, <…> а некоторые воинственные генералы из Пентагона опять призывают к походу на Кубу»; почему У Тан (тогдашний генсек ООН) поехал в Гавану уговаривать о каких-то уступках кубинскую сторону, которая «никому ничего дурного не сделала, не занималась пиратством, не нарушала никаких международных норм. <…> Пусть бы лучше он уговаривал тех, кто вот уже более года нарушает эти нормы, бомбя кубинскую мирную территорию, организовывает против нее диверсию и интервенцию, душит блокадой эту маленькую героическую страну» [19. Л. 16 об., 79 об., 145]. Последнее суждение принадлежит пенсионерке В.А. Богуславской, которая сравнила текущую ситуацию с кризисом в Конго, отметив, что на ООН надеяться вовсе не приходится, поскольку на ее «совести и руках кровь одного из лучших людей современности, вождя конголезского народа Патриса Лумумбы»[4] и нечто подобное может грозить Кастро [19. Л. 79 об.]. Помимо попытки анализировать или критиковать позицию властей, данные письма объединяла убежденность, что событиями конца октября 1962 г. кубинский кризис далеко не исчерпан, с ликвидацией ракет у американцев развязаны руки, и не приходится ожидать соблюдения ими компромисса.

Различия в оценках итогов Карибского кризиса, очевидно, были обусловлены разницей в отношении

к заокеанскому оппоненту, во многом персонифицированному фигурой Кеннеди. Части граждан казалось, что лично он не хочет войны, и для Хрущева была бы продуктивна прямая встреча с ним; высказывалась надежда, что президент США проявит благоразумие и протянет «руку дружбы»; не исключалось присутствие в нем человечности и ответственности [18. Л. 73–74, 108–109 об.; 19. Л. 10, 74 об.]. Как уже упоминалось, официальная пропаганда не тиражировала сатирический образ Кеннеди, но, несмотря на это, в советском обществе присутствовало и резко негативное восприятие, представленное в довольно жестких оборотах: «жаждущий наживы империалист США»; «ничтожная марионетка в руках финансового капитала»; «беспринципный и бесхребетный»; «обезумевший агрессор» и т.п. [18. Л. 49, 96–97; 19. Л. 53, 57]. Особое внимание обращают на себя и отдельные метафоры, с помощью которых характеризовалась текущая политическая ситуация. «Куба не одна, и ничего у них не получится… поэтому пусть не вылазит змея из-под куста, как только голову высунет, так и отрубим» [18. Л. 19 об.], – был убежден 34-летний сержант милиции Н.С. Рогожников. «Замечательный кубинский народ во главе с Ф. Кастро… победит для того, чтобы впредь никогда “Дядя Сэм” не мог наложить свою мохнатую лапу на их чудесный Остров Свободы» [19. Л. 45], – писал 48-летний капитан дальнего плавания, коммунист П. Коган. «Может быть, ваше послание вразумит пиратов США и [они] перестанут вмешиваться в страну, которая хочет жить свободно, без угнетения капиталистического строя» [19. Л. 88], – надеялась колхозница, мать шестерых детей М.А. Мовчан. Как можно убедиться, образно-символический ряд этих высказываний напоминает сюжеты советской визуальной сатиры того периода.

Спустя некоторое время кубинская тема звучала уже в ином ракурсе. Так, осенью 1964 г. среди откликов на отставку Н.С. Хрущева тон задавали граждане, критиковавшие его внешнеполитическую линию, в том числе в отношениях с постколониальными странами. Впрочем, Куба хотя и фигурировала в контексте неоправданного расходования советских ресурсов [20. Л. 58 об., 92, 153], но в целом не вызывала каких-либо острых негативных коннотаций. А лично Кастро упоминался как положительный пример зарубежного лидера, который не стал играть на тщеславии бывшего главы СССР: «Один Фидель умно поступил, не “отблагодарив” Хрущева кубинским орденом. А ведь ему, как видно по всему, так хотелось быть героем Кубы» [21. Л. 37], – отметила жительница Севастополя А.В. Головина в своем длинном письме о многочисленных политико-идеологических ошибках хрущевского правления.

Итоги проведенного анализа позволяют сформулировать следующие выводы. Возникнув на политическом горизонте, кубинская тема быстро и прочно вошла в сюжеты советской визуальной пропаганды начала 1960-х гг. Связанный с ней образно-символический ряд соответствовал принципам визуализации ближайших союзников СССР. Наделенный яркими узнаваемыми чертами образ кубинца по характеру тиражирования сопоставим с героями пропагандистской кампании за дружбу с Китаем, широко развернутой в 1950-е гг., и превосходит представителей многих других дружественных стран. Спецификой являлось регулярное присутствие изображений Ф. Кастро. В сатирической части пропаганды события вокруг Кубы стали одним из постоянных контекстов для новых разоблачений правящих и военных кругов США. Соответствующие карикатуры охватили страницы центральной и республиканской, партийно-государственной и узкоспециальной печати, порой размещаясь среди передовых статей, что в целом являлось редкостью для газетной сатиры. Данные тенденции наглядно указывают на особое место, которое отводилось революционной Кубе в информационном пространстве СССР и выделяло ее на фоне множества прочих национально-освободительных движений рассматриваемого периода холодной войны.

Судя по письмам во власть, присланным в ходе Карибского кризиса, многие советские люди одобряли официальную линию в отношении Кубы и разделяли пропагандируемые идеи солидарности с ней. Некоторые граждане даже ставили компромисс с США в упрек Хрущеву, призывая к более решительной защите интересов кубинцев. При этом после его отставки среди общей критики внешней политики Остров Свободы почти не упоминался в негативном ключе. Применительно к пропагандистским материалам это означает, что тиражируемая в них кубинская тема, как представляется, получила положительный отклик или, во всяком случае, не вызвала принципиального отторжения. Кроме того, авторы ряда писем в поддержку Кубы завершали их плакатными лозунгами или, комментируя действия американцев, прибегали к сатирическим метафорам, которые закрепились в сознании людей, очевидно, не без влияния визуальной пропаганды. Вместе с тем выявление конкретных механизмов ее воздействия на более широкие массы советских людей остается весьма трудноразрешимой исследовательской задачей.

Примечания

[1] В пер. с исп. «бородачи» – прозвище кубинских революционеров, данное им за характерные бороды

[2] Полностью тезис звучал: «Мы убеждены, что победит разум, война не будет развязана и будет обеспечен мир и безопасность народов» [12. 1962. 29 окт.].

[3] См., напр., В. Иванов «Позор злодеям Пентагона!», В. Воликов «Позор американскому империализму!»; Е. Соловьев «Будь бдителен!» (все – 1962).

[4] Патрис Эмери Лумумба (1925–1961) – лидер национально-освободительного движения и первый премьер-министр Демократической Республики Конго. С советской точки зрения убийство Лумумбы было допущено вследствие прозападной позиции ООН и лично ее генерального секретаря Дага Хаммершельда.

Список источников

1. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 640 с.
2. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 622 с.

3. Микоян С.А. Прыжок за океан. Почему ракеты? // Латинская Америка. 2003. № 1. С. 94–103.
4. Дубивко А.Ф., Батаршев А.В. Карибский кризис глазами советских подводников // История в подробностях. 2012. № 10 (28). С. 54–65.
5. Голеусов О.Б. Воспоминания о Карибском кризисе // История в подробностях. 2012. № 10 (28). С. 66–69.
6. Славнитский Н.Р. Карибский кризис в ленинградской печати // История в подробностях. 2012. № 10 (28). С. 40–43.
7. Анпилова Е.С. Тема Карибского кризиса на страницах «Правды» 1962 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2 (81). С. 219–222.
8. Вихрова Н.Ю. Стратегии пропаганды после событий «черной субботы» в публикациях газет «Правда» и «The New York Times» от 28–29 октября 1962 года во время Карибского кризиса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-1 (65). С. 115–122.
9. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : УрГПУ, 2013. 194 с.
10. Крокодил : литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал.
11. Известия Советов депутатов трудящихся СССР : [газета].
12. Правда : орган Центрального комитета КПСС.
13. Советская культура : орган Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.
14. Правда Украины : орган Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.
15. Иванов В.С. Как создается плакат. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1963. 62 с.
16. Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. URL: https://litmir.club/bd/?b=123030 (дата обращения: 11.11.2023).
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 94. Д. 1278.
18. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1353.
19. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
20. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
21. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.

References

1. Egorova, N.I. & Chubaryan, A.O. (2003) *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [Cold War. 1945–1963. A historical retrospective]. Moscow: OLMA-PRESS.
2. Aksyutin, Yu.V. (2010) *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennye nastroeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [The Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow: ROSSPEN.
3. Mikoyan, S.A. (2003) Pryzhok za okean. Pochemu rakety? [Jump overseas. Why rockets?]. *Latinskaya Amerika*. 1. pp. 94–103.
4. Dubivko, A.F. & Batarshev, A.V. (2012) Karibskiy krizis glazami sovetskikh podvodnikov [The Caribbean crisis through the eyes of Soviet submariners]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10(28). pp. 54–65.
5. Goleusov, O.B. (2012) Vospominaniya o Karibskom krizise [Memories of the Cuban missile crisis]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10(28). pp. 66–69.
6. Slavnitskiy, N.R. (2012) Karibskiy krizis v leningradskoy pechati [The Cuban missile crisis in the Leningrad press]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10(28). pp. 40–43.
7. Anpilova, E.S. (2018) Tema Karibskogo krizisa na stranitsakh "Pravdy" 1962 goda [The theme of the Cuban missile crisis on the pages of "Pravda" in 1962]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3-2(81). pp. 219–222.
8. Vikhrova, N.Yu. (2022) Strategii propagandy posle sobytiy "chernoy subboty" v publikatsiyakh gazet "Pravda" i "The New York Times" ot 28–29 oktyabrya 1962 goda vo vremya Karibskogo krizisa [Propaganda strategies after the events of "Black Saturday" in the publications of the newspapers "Pravda" and "The New York Times" from 28–October 29, 1962 during the Cuban missile crisis]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2-1(65). pp. 115–122.
9. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to reading]. Ekaterinburg: UrSPU.
10. *Krokodil: literaturno-khudozhestvennyy illyustrirovannyy satiricheskiy zhurnal*.
11. *Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR*.
12. *Pravda: organ Tsentral'nogo komiteta KPSS*.
13. *Sovetskaya kul'tura*. Published by the USSR Ministry of Culture and the Central Committee of the Trade Union of Cultural Workers.
14. *Pravda Ukrainy*. Organ of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine.
15. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How a poster is created]. Moscow: USSR Academy of Arts.
16. Kornienko, G.M. (2001) *"Kholodnaya voyna". Svidetel'stvo ee uchastnika* ["The Cold War." Evidence of its participant]. Moscow: OLMA-PRESS. [Online] Available from: https://litmir.club/bd/?b=123030 (Accessed: 11th November 2023).
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 94. File 1278.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1353.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1631.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1614.

***Сведения об авторе*:**
Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fedosov Egor A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for Social and Anthropological Research of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 13.11.2023; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(470.57)“16”+330.112.2
doi: 10.17223/19988613/87/12

Корчма, кабак, кружечный двор как прародители ресторана: историографический обзор материалов Уфимского уезда XVII в.

Ольга Айбулатовна Хайретдинова

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, Khairetdinova.oa@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена проблема распространения принятого в России кабацкого досуга на территории Башкирии. Проанализированы и обобщены имеющиеся в историографии сведения об образе жизни башкир, специфике интеграции Башкирии в административную структуру Русского государства, условиях появления на башкирских землях русских городов и сел. Выявлены основные факторы, тормозившие внедрение питейного промысла в Уфимском уезде: негативное отношение к алкоголю у коренного населения и отсутствие условий для получения достаточной сырьевой базы для винокурения.
Ключевые слова: Уфимский уезд, Уфа, кабак, кружечный двор, винокурение

Для цитирования: Хайретдинова О.А. Корчма, кабак, кружечный двор как прародители ресторана: историографический обзор материалов Уфимского уезда XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 104–113. doi: 10.17223/19988613/87/12

Original article

Tavern, alehouse and pub as the source of the restaurant: historiographic review of materials from Ufa district of the 17th century

Olga A. Khairetdinova

Ufa State Petroleum Technological University Ufa, Russian Federation, Khairetdinova.oa@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the problem of the development of leisure establishments in Ufa district during the first century after voluntary entry of Bashkiria into Russia. The purpose of this article is to determine what is known in modern historical science about the spread and peculiarities of drinking industry penetration into Ufa district.

At the beginning of the article there is a historiographic review of materials on the formation and development of the accommodation and catering services in Russia since ancient times. Special attention is paid to the works of historians Ivan Pryzhov and William Pokhlebkin, ethnographer Alexander Tereshchenko, lawyer and public figure Dmitriy Borodin, politician Afanasy Petrishchev, etc. Based on these studies, the author concludes that the issues related to the development of catering and drinking industry since ancient times in Russia, as well as with the development of technologies for the production of strong alcohol, the impact of drinking on the state budget and alcoholization of the population have been studied quite well. Thus, the author found that for a long time, until the end of the XVII century, the only type of public leisure facilities was an alehouse, which was later renamed into a pub. At the end of the 17th century, a wine-cellar appeared in Moscow like a new kind of place, where one could buy or consume foreign grape wines together with snacks. But such an innovation did not reach the province.

In the second part of the article, the author analyzes the materials related to the problem of integrating the annexed territories of Bashkortostan into the legal and administrative system of Russia. Of particular interest to the author were Bulat Aznabaev’s, Rose Bukanova’s, Natalia Demidova’s materials about the history of Bashkortostan, on the basis of which conclusions were drawn about the peculiarities of Moscow's interaction with the indigenous population of Bashkortostan, on the spread of agriculture and distillery in Bashkir lands.

Next, the author made an attempt to search for historical research on the development of public leisure facilities in Bashkiria in the 17th century. At this stage, only one research made by Bulat Aznabaev was discovered. Therefore, the author concludes that so far little attention is paid to this issue in the scientific community.

As a result of the review of research on the subject matter of the article related to Ufa distric of the 17th century, the author formulated two conclusions:

1. Bashkirs, who were nomadic and practiced Islam, were opponents of strong alcohol.

2. The indigenous population had enjoyed the patrimonial right to land, had not engaged in land and had not transfered patrimonial lands to the new settlers for long time after joining the Russian state. A small number of Russian settlements with limited land resources were formed in the region. The raw materials required for the production of bread wine in

© О.А. Хайретдинова, 2024

the county were scarce. Single pubs / alehouses have appeared, but only in places where immigrants from other regions of the Russian state lived.
Keywords: Ufa district, Ufa, tavern, alehouse, pub, distillery

For citation: Khairetdinova, O.A. (2024) Tavern, alehouse and pub as the source of the restaurant: historiographic review of materials from Ufa district of the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 104–113. doi: 10.17223/19988613/87/12

Любое научное исследование начинается с определения степени разработанности темы. В настоящей статье сделана попытка установить, что известно исторической науке об особенностях развития питейного дела в Уфимском уезде в первое столетие после его основания на землях присоединившейся к Русскому государству Башкирии и о связи этого процесса со складывающейся в крае политической и экономической обстановкой. Башкирия вошла в состав Русского государства в середине XVI в., к тому времени русское общество прошло большой путь перемен в формах организации общественного питания и досуга, не имевших ничего общего с традициями башкир, поэтому начать исследование, на наш взгляд, целесообразно с изучения вопроса о том, как в научной литературе представлены досуговые заведения и причины их преобразований на Руси с древних времен, а затем перейти к анализу трудов, освещающих специфику распространения досуговых заведений русского образца в Башкирии.

С древних времен, если точнее, с тех пор как появились путешественники, люди занимались организацией проживания и питания заезжих гостей, и Русь не была исключением. Заведения, предлагавшие кров, пищу и питье, назывались не так, как сейчас. На Руси в X–XIII вв. устраивали постоялые дворы, где можно было недорого остановиться на постой и поесть, гостиные дворы, где к этому перечню услуг прибавлялась торговая инфраструктура (лавки, склады и пр.), а также корчмы, специализировавшиеся на угощениях. Восточнославянскую корчму можно назвать прародителем ресторана. Впрочем, корчмы подразделялись на «заезжие» и «незаезжие», стало быть, некоторые из них имели сходство с постоялыми дворами (прародителями гостиниц). Летописные упоминания о корчмах собрал историк И.Г. Прыжов (1827–1885). Он утверждал, что в стародавние времена этот вид заведений собирал людей не столько ради возлияний, сколько «для вершения общественных дел, для бесед». Более того, он полагал, что в «домосковской» Руси пьянства не было, «не было его как порока, разъедающего народный организм». Это не значит, что раньше люди не пили. Прыжов выяснил, что на Руси употребляли хмельную брагу, пиво, мед, медвяной квас. Население изготовляло напитки для своих нужд самостоятельно. При этом исследователь отметил, что потреблялись они в особых случаях. В ряде источников описаны праздники и княжеские пиры [1. С. 8–10].

Позиция Прыжова в целом поддерживается в научной литературе. Однако есть и иное мнение. Так, П.В. Травер пишет, что «иностранные описания русской корчмы вносят некий нюанс в идиллическую картину, изображенную И. Прыжовым», а о страсти русских к крепким напиткам в XV в. писал даже известный русский историк С.М. Соловьев [2. С. 97] (1820–1879). Отчасти эта мысль подтверждается другими документами. Так, в 1486 г. московский посол в Милане Георгий Перкамота, подробно и хвалебно описывая миланскому правительству Московию, заметил, что русские употребляют ячменное пиво и «мед с цветом», «которым они часто напиваются допьяна» [3. С. 654].

Большое исследование по теме провел русский этнограф А.В. Терещенко (1806–1865). Он считал, что в старину люди были благочестивы, но «не забывали и веселой жизни», «пили мед, но хвалили трезвость как добродетель». Мед был первым напитком славян, и он делался настолько крепким, что от него действительно «упивались». А набожный князь Владимир даже якобы однажды заявил: «Веселие русского – питье, без него мы не можем». Установлено также, что еще князь Олег привез в Киев из константинопольского похода (907) золото, ткани и вина. Значит, с греческими винами знать была знакома уже тогда [4. С. 20, 144, 147, 153]. Вместе с тем автор не приводит фактов, свидетельствующих о беспробудном пьянстве. Как и Прыжов, он описывает только «попойки» в праздничные дни. В том же ключе в 1910 г. ситуацию описал юрист и общественный деятель Д.Н. Бородин. По его словам, о злоупотреблениях хмельными напитками упоминаний не было до XII в., а корчма являлась «верной выразительницей общественного мнения», которая «интересовалась всеми известиями о народных бедствиях и радостях», куда не зазорно было приходить даже молодым девушкам [5. С. 29–31].

Не исключено, что аргументы, которые привела П.В. Травер, имеют отношение к периоду, когда в России появилась водка. Здесь следует уточнить, что крепкий алкогольный напиток, полученный перегонным методом, водкой тогда не называли. Сам процесс получения напитка именовался винокурением, а продукт – горящим, а с 1653 г. хлебным вином [6. С. 127]. Водку, по словам Терещенко, придумали аравийцы, в Европу ее завезли не ранее конца XIII в., в Россию – в конце XIV в. [4. С. 154]. Эту версию, принятую и до XIX в., в конце XX в. пересмотрел историк В.В. Похлебкин. По его мнению, европейцам (генуэзцам) действительно была известна дистилляция, но спирт они получали не их хлеба, а из виноградного вина. Хлебное вино научились гнать в Москве в XV в. [6. С 80, 114–121]. Употребление этого «пагубного» напитка, по мнению Терещенко, перестало ассоциироваться с всеобщим весельем и причинило «бедность и разорение бесчисленным семействам» [4. С. 154–155].

Кроме того, еще раньше (в разных княжествах в разное время) вольные корчмы стали облагаться княжеской пошлиной. Причем самим князьям поначалу со-

держать «корчмы по дворам» не полагалось [3. С. 93]. Пока князь получал только «брашную пошлину», народ жил «свободно и спокойно» [5. С. 29]. Но в некоторых княжествах в XIV–XV вв. князья стали заводить свои корчмы и преследовать вольных корчемников. В результате многие корчемники стали уходить, как бы сегодня сказали, «в тень». К тому же они изменили приоритеты, превратив корчмы в питейные заведения, развращавшие народ [1. С. 33]. Иными словами, пьянство и тайное корчемство можно рассматривать как взаимосвязанные явления.

В литературе указывается еще один фактор, определивший облик народа, – последствия татаро-монгольского нашествия. Как писал Бородин, после освобождения от ига «пышный расцвет культуры юго-западной Руси сменился застоем», а укрепившиеся московские князья «не брезгали никакими средствами для пополнения казны», фактически поощряя народную «слабость к вину» [5. С. 16–17]. Несколько иначе ситуация описана В.В. Похлебкиным, который увидел суть проблемы не только в княжеских нравах, но и в техническом прогрессе. Винокурение для времен Средневековья – это серьезное открытие, возникшее на этапе формирования денежно-рыночной системы хозяйствования. Нет ничего удивительного в том, что изобретение было объявлено собственностью государства, а продукция распространена как прибыльный товар [6. С. 70]. Однако согласимся с Бородиным – внедрение винокурения действительно имело для народа негативные последствия.

Борьба с пьянством началась еще при Иване III (1440–1505), во времена которого и было придумано горящее вино. Иван III быстро оценил ситуацию и «совершенно» запретил изготовление и продажу крепких напитков [4. С. 155]. Однако к тому времени расцвело тайное корчемство. Гонения на корчмы «стесняли свободные проявления общественной жизни», которые были приняты в Киевской Руси, оттого в самом народе неприятия к тайным продажам в корчмах не сложилось [5. С. 32].

При Иване IV ситуация с тайным корчемством стала усугубляться. Во-первых, Иван Васильевич в Москве и на присоединенных к Московскому государству землях запретил вольное корчемство и начал «розставлять царские корчемные дворы» [1. С. 37]. Понятно, что на тайное корчемство царские решения не повлияли. Во-вторых, во взятой Казани Иван IV узнал о существовании ханского кабака. Питейным заведением в чистом виде ханский кабак не являлся, поскольку употребление спиртных напитков в исламских государствах не поощрялось. Но мед и пиво там все-таки держали. Вообще ханские кабаки функционировали, скорее, как постоялые дворы. В них имелась не только столовая часть, но и спальные покои [7. С. 5]. Вернувшись из Казани, Иван IV повелел устроить в Москве «особый дом», назвал его по-татарски кабаком (изначально для опричников), однако назначение заведения изменил – в царевом кабаке продавались только хмельные напитки. Если в корчме народ не только пил, но и кормился, то в кабаке можно было «только пить, а есть нельзя». Наместникам областей предписывалось закрыть все корчмы и устроить царевы кабаки. Кабаки стали предназначаться для простого люда, которому воспрещалось изготовлять алкоголь для своих нужд. Кроме царя кабаками могли владеть бояре и духовенство [1. С. 44–45]. Как писал в 1906 г. публицист и политик А.Б. Петрищев, монастырские и боярские кабаки были «жалованными», ибо только царь решал, кому дать право пользоваться кабацкими доходами. Винокурни также были царевыми, монастырскими, боярскими, дворянскими и изредка купеческими. Крестьянам держать винокурни запрещалось. Управление царскими кабаками осуществляли приказы Большого дворца и Большой казны [8. С. 10]. В некоторых исторических исследованиях отмечается, что Иван IV дозволял простому люду развлекаться в кабаках только на Святой неделе, в Рождество Христово и в Дмитриевскую субботу. А вообще пьяных он не любил, ввиду чего в будние дни захмелевшего человека могли заключить в темницу [4. С. 155]. Однако кабаки действовали не только в большие праздники, а на постоянной основе. Кроме кабаков по случаю престольных праздников при монастырях и церквях алкоголем торговли переносные палатки, названные «временными выставками». В постоянно действующие заведения временные выставки превращать тогда запрещалось [2. С. 95, 99]. В целом же забота Ивана IV о народной трезвости вызывает сомнения. В этом плане интерес представляет организация кабацкого промысла. Сам государь денег на строительство царевых кабаков не выделял, а лишь отправлял на места указы, повелевая строить их за народный счет. Население, кроме того, должно было выбирать «верного» человека (целовальника), которому надлежало вести в кабаке торговлю и передавать доходы в царскую казну. Если целовальник не собирал назначенную сумму, недостающие средства взимались опять же с населения. Того, кто отказывался платить свою долю, «ставили на правеж», т.е. «выводили на площадь, раздевали и били палками» [8. С. 11]. Иными словами, официально царь был против пьянства, но устроенная им кабацкая система трезвости никак не способствовала. Окончательно утвердил «казенное самоторжие» Борис Годунов [9. С. 382].

На этом этапе объектом исследования становится Уфа, основанная после покорения Иваном IV Казани (1552) в ходе поэтапного присоединения Башкирии к Русскому государству. Считается, что датой принятия башкирами российского подданства является 1557 г., хотя западные и северо-западные башкиры приняли его еще в 1554–1555 гг., а зауральские башкиры присоединились к России только в конце XVI – начале XVII в., после падения Сибирского ханства [10. С. 49; 11. С. 135]. В литературе указывается, что после вхождения Башкирии в состав Русского государства земля края стала собственностью казны [12. С. 284], но башкирские племена пошли на этот шаг на определенных условиях. Основными условиями башкир было сохранение своей веры (ислама), вотчинного права, народных обычаев и обрядов. Основными условиями Ивана IV были выплаты башкирами в казну ясака (налога) и несение ими военной службы (охрана границ края и участие в войнах) [13. С. 34–35]. Иными словами,

кабацкие тенденции Ивана IV в концепцию взаимодействия с башкирами не вписывались. Но на башкирских землях постепенно стали возводиться русские города, деревни и села, которые заселялись выходцами из различных областей страны. Понятно, что это были очаги ментальной среды, отличной от башкирской.

Первым русским городом на земле башкир стала Уфа. Как она жила на начальном этапе существования, сказать сложно. Сведений слишком мало, и между учеными не одно столетие ведется спор даже по поводу даты ее основания (в дискуссиях фигурируют две даты – 1574 и 1586 гг.). Установлено, что на рубеже XVI–XVII вв. внутри деревянной уфимской крепости были построены деревянная церковь, воеводский дом, приказная изба, тюрьма и другие казенные и церковные строения [14. С. 30]. До начала 1590-х гг. постоянного населения в Уфе не было. Здесь размещался лишь временный гарнизон на годовалой службе, обеспеченный казенным продовольствием [10. С. 94–95].

С 1591 г. вокруг Уфы началось отведение поместных земель, из чего следует, что в это время появилось постоянное служилое население [15. С. 255]. О существовании питейного заведения в ранних документах ничего не сказано, а постоялые дворы гарнизону на казенном обеспечении не требовались, да и о частных строениях в описаниях упоминаний нет.

В 1590-е гг., после основания Уфы, Башкирия стала именоваться Уфимским уездом, который поначалу был весьма крупной административно-территориальной единицей (площадь нынешней Республики Башкортостан значительно меньше). Общее управление краем осуществлялось приказом Казанского дворца, основанным в Москве еще в 1560-е гг. Органом местного управления являлась Уфимская приказная изба (учреждена в 1601 г.) во главе с воеводой [16. С. 37]. Уфимская приказная изба отчитывалась не только перед приказом Казанского дворца, но и перед Посольским приказом (по дипломатическим вопросам), приказом Большого дворца (по делам дворцовых сел) и пр. Соответственно, в приказной избе трудился целый штат приказных чиновников. Штат приказной избы формировался постепенно. Как пишет Р.Г. Буканова, «в XVII в. увеличивается число подьячих, переводчиков и толмачей, появляются таможенники, целовальники и другие мелкие приказные чины» [10. С. 119–121, 129]. Когда конкретно появились таможенники и целовальники, неизвестно.

Первые сведения об обороте алкоголя в Уфе приходятся на период, когда в Москве к власти пришли Романовы (хотя это не значит, что раньше питей в городе не было). С начала 1620-х гг. и до башкирского восстания 1662 г. мероприятия уфимской администрации были подчинены важнейшей задаче – не допустить, чтобы калмыцкие тайши подчинили себе башкир. Как предположил Б.А. Азнабаев, переговоры с калмыками без вина не обходились [16. С. 37; 17. С. 77]. Дипломатия с застольями тогда считалась нормой. Пьянство было распространено в Германии, Англии, Франции, Греции и других странах [5. С. 4]. Соответствующим образом выстраивались дипломатические отношения России с другими государствами, и в немалой степени контакты налаживались благодаря дорогим яствам и винам, в том числе на царском столе. Иван IV, например, однажды устроил щедрый обед сразу для 2 тыс. ногайских воинов [4. С. 173]. Сначала Уфа обходилась привозными крепкими напитками. Первого винокура привез с собой князь П.Ф. Волконский, назначенный в Уфу воеводой в 1636 г. Потребность в собственном производстве вина объяснялась как дипломатическими мотивами, так и выгодами для казны [18. С. 136]. Для удовлетворения казенных интересов действовали, как и при Иване Грозном, кабаки.

Со времен Бориса Годунова существовало два вида кабаков: казенные («на вере») и откупные. В казенных торговали государственные агенты («верные» люди, целовальники). Откупными ведали так называемые откупщики. Откупщиками называли частников, получавших у государства право продавать алкоголь. За такое право «охочие люди» выплачивали в пользу казны откуп, или питейный налог [19. С. 127–128, 20. С. 203]. Поначалу «охочих людей» было немного. Правительство начало прибегать к откупам, поскольку целовальники, случалось, доверие «употребляли во зло», и откупщиков рассматривали как альтернативу, зачастую обязывая содержать «откупа на вторичный срок» против их воли, пока не находились другие желающие [21. С. 8–9]. По словам М.Л. Гавлина, откупные кабаки в то время были редкостью. Соответственно, основную роль в питейной торговле играли казенные целовальники [19. С. 128].

Теперь посмотрим, каким образом целовальники употребляли доверие «во зло». Целовальник, которого должно было выбрать население, отрывался от своего хозяйства и с утра до вечера занимался торговлей в кабаке, выстроенном, напомним, за народный счет. Жалованье целовальнику не полагалось. По данному поводу А.Б. Петрищев писал: «Казна рассуждала, что так как население на свои средства строит царю кабак, то и содержать целовальника должно также население. А население считало, что так как целовальник служит царю, то и жалованье должен платить царь». Целовальнику, стало быть, оставалось разве что воровать, чтобы прокормить себя и семью. «И пока, – продолжил Петрищев, – целовальник из выручки “крал побожьему” только “себе и детям на пропитание”» и / или на взятки вышестоящим чиновникам, было полбеды. Случалось, целовальник скрывался, прихватив всю выручку [8. С. 18–19].

Взаимоотношения с башкирами московские власти выстраивали особым образом, но Уфа жила так же, как и другие русские города. Кабак в ней тоже появился, а нравы целовальников соответствовали приведенному описанию. Так, в 1635 г. посольский голова Василий Кохановский донес на кабацкого целовальника Терентия Костромицина, присваивавшего государевы деньги, полученные за продажу кабацких питей. Что интересно, тогда же сам Василий Кохановский был уличен в присвоении государева вина и «скудном» угощении калмыцких послов [17. С. 77–78].

Целовальниками управляли кабацкие головы, также не получавшие жалованья. Если целовальников выбирали из местных крестьян и посадских людей, то

голов назначало правительство, причем, по словам Прыжова, «для большей верности со стороны» [22. С. 287]. В Уфу, например, в 1642 г. государь назначил кабацким головой посадского человека Федора Захариева из Казани. Через два года ему на смену из Казани же прибыл новый голова Микифор Столет. Свободный отъезд предшественника не предусматривался. После передачи дел Захариев направил царю Михаилу Федоровичу челобитную, в которой просил отпустить его в Казань [17. С. 78]. Кабацкие головы подчинялись воеводам, обязанным пресекать злоупотребления [9. С. 382].

Итак, потребность в производстве и продаже казенных питей диктовалась не только интересами казны и дипломатическими порядками, но также личными запросами «верных» людей и вышестоящих лиц. При таких условиях население города не могло быть непьющим. В определенном смысле так и было. Подтверждение находим в материалах Б.А. Азнабаева. В 1647 г. в Уфе проживало немногим более 700 чел., в это время по официальным данным в городе потреблялось 2 тыс. ведер вина в год без учета меда и пива [17. С. 79] (в исследуемый период объем ведра в разных областях колебался от 12 до 14 литров). Если даже приблизительно пересчитать потребляемое уфимцами вино в литрах, то получается, что на душу населения приходилось примерно 35 литров 25–27-процентного напитка в год. Если исключить из числа потребителей детей и отчасти женщин, то количество выпитого вина на душу взрослого, преимущественно мужского населения, конечно, возрастает. Но даже при этом условии картина беспробудного пьянства в Уфе никак не просматривается. Как минимум можно говорить о том, что уфимцы не слишком злоупотребляли водкой. Возможно, определенную роль в данном вопросе играл дефицит сырья и тот факт, что до середины XVII в. Уфа оставалась крепостью с преобладающим военно-служилым населением на казенном обеспечении. Посад появился, но он был малочисленным. В середине XVII в. имелось всего 17 посадских дворов [14. С. 42].

Здесь уместно отметить, что появление хлебного вина именно в Москве было обусловлено, среди прочего, социально-экономическим фактором. Во-первых, в Московском княжестве в XV в. было больше всего городов и посадского, городского люда, включая сезонных рабочих, «привыкших к праздности». Во-вторых, в Московском княжестве в сравнении с соседями лучше было развито земледелие, вследствие чего стабильно появлялись излишки хлеба [6. С. 106]. Это значит, что в многолюдной Москве и ее окрестностях не было недостатка ни в сырье для производства вина, ни в потребителях. На этом фоне Уфа первой половины XVII в. выглядит достаточно скромно. Город оставался малочисленным, а земледелие в Уфимском уезде еще не развилось. В «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 г., о хозяйстве башкир сказано: «…кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [23. С. 152]. Башкиры пользовались вотчинным правом, поэтому хозяйственное освоение их земель пришлыми землепашцами не отмечалось [16. С. 35–36].

Источником формирования фонда денежного жалованья для городской администрации и служилых людей являлись налоговые поступления в уфимскую казну, прежде всего ясак, собранный с башкир-вотчинников. До середины XVII в. этих средств хватало. Доходы даже превышали затраты на обеспечение гарнизона. Хлеб в Уфу на первых порах привозили из центральных районов. Однако скоро стало ясно, что доставка слишком затруднительна, поэтому под Уфой были устроены «государевы» пашни, которые обрабатывали сами служилые люди. Очевидно, эти пашни не удовлетворяли потребность в продовольствии, и служилым людям выделили небольшие участки поместной земли. Основным резервом поместного землевладения стали незанятые башкирами угодья, оставшиеся после ухода ногаев. Но этот резерв был невелик, и к середине XVII в. в растущей Уфе отвод земель служилым людям практически прекратился. Изложенное позволяет утверждать, что своих ресурсов для винокурения у Уфы не было. Те 2 тыс. ведер вина, что необходимы были в середине XVII в. для уфимского кабака, требовали закупки более 50 тыс. тонн ржи. Поставки производились из Казанского уезда [14. С. 26–27; 16. С. 47–48].

Наконец, обратим внимание на данные о доходах казны в Уфе. В 1660-е гг. кабацкие сборы составляли 3,1% от всей суммы. Для сравнения: ясак составлял 77,6%, таможенные сборы – 9,5%, а сборы с лавок и торгов – 0,3% [18. С. 127]. На фоне таможенных сборов, зависящих от внутреннего товарооборота, торговли с другими регионами и транзитного движения товаров через уезд, сборы от торговли кабацким вином позиции, конечно, уступали. И не могли не уступать, поскольку для изготовления в Уфе вина требовалось ввозное сырье, облагаемое таможенным сбором. С другой стороны, кабак торговал не только вином, но и медом и пивом. В целом складывается впечатление, что уфимцы в исследуемый период кабак не игнорировали, но описанные в литературе страшные российские картины «бедности и разорения бесчисленных семейств» от хлебного вина к Уфе отношения не имеют.

Зато Уфа уже тогда вписалась в общую картину кабацкой коррупции. Интересные подсчеты произвел Б.А. Азнабаев. В конце 1640-х гг. город потреблял 2 тыс. ведер вина в год. Вино продавалось по 2 коп. за чарку (в одном ведре 100 чарок). Соответственно, продажа 2 тыс. ведер приносила 4 тыс. рублей. Из этой суммы на производство вина затрачивалось 1 200 руб., еще 200–300 руб. требовалось на содержание кабака. Таким образом, в казне должно было оставаться примерно 2 500 руб., однако в реальности доход казны от продажи вина не превышал 300 руб. [17. С. 79].

К середине XVII в. помимо Уфы в уезде появились другие населенные пункты пришлых людей, правда, немногочисленные и немноголюдные [10. С. 221–222]. Кабаков в них не было. В литературе также не встречены упоминания о действующих кабаках в местах проживания башкир. Эффект легкого опьянения башкирам был знаком, поскольку в их кухне издавна присутствовал кумыс, описанный европейцами еще в XIII в. как напиток, который «при питьи щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда», а «слабые же головы даже опьяняет» [24. С. 74]. В более поздних документах, относящихся к началу XVIII в., появились

данные о том, что башкиры держали пиво и мед [25. С. 187]. Но эффекты от потребления напитков, получаемых методом брожения и перегонным методом, существенно разнились. В исследуемый период башкиры к крепким напиткам не приобщались. Они исповедовали ислам, значит, следовали канонам шариата, не позволявшим «одурманивающее посягательство на разум» [26. С. 29].

На религиозном аспекте проблемы есть смысл остановиться. Общеизвестно, что православие, как и ислам, пьянство не поощряет. Однако в русских городах этот принцип с подачи и согласия светской власти нарушался. «В кабаках, – писал И.Г. Прыжов, – пропивались люди всех сословий, светские и духовные» [1. С. 116]. Мало того, что на протяжении почти всего XVII в. церковным служителям и монахам не возбранялось ходить по царским кабакам (периодически им это запрещалось), так бывали времена, когда право держать кабаки получали православные монастыри [8. С. 15–16]. В результате среди российских славян сложился своего рода разброд мнений. Люди должны были понимать, что «влияние винных спиртов столь же враждебное, сколько злоба адского духа противу счастья смертных» [4. С. 159]. Но материальные выгоды держателей кабаков, и монастырских в том числе, в определенном смысле православное благочестие блокировали. Башкиры-мусульмане с подобным дуализмом знакомы не были, выгодных алкогольных напитков не изобретали, в состав России вступали на условиях сохранения собственных обычаев и на тенденции извне не реагировали. Кстати, при царе Алексее Михайловиче предпринимались попытки устроить питейные заведения в местах проживания башкир. Эксперименты проводились на наименее аутентичном западе Уфимского уезда. Однако и на западе края кабацкий промысел местное население отвергло, причем небезуспешно. Здесь следует отметить, что в России кабаки насаждались селениям помимо воли жителей. Целовальникам и головам надлежало «искать перед прежним прибыли», т.е. передавать в казну средств больше, чем было передано в предыдущем году. Если целовальникам и головам это удавалось, воеводы констатировали повальное пьянство. О пьянстве «служилых людей, стрельцов, казаков, ямщиков, пашенных крестьян» в 1623 г. писали в Москву из Верхотурья, где нашлись прыткие целовальники, воеводы Барятинский и Языков. Ответ из Москвы был таков: «И до вас много воевод перебыло в Верхотурье, но никто из них о том кабаке нам не писал, а вы, вместо того чтобы искать перед прежним прибыли, хотите старое потерять». Случалось, целые села обращались к царю с просьбой закрыть кабак. Однако Москва на это не соглашалась [8. С. 12, 14–15]. Но когда в 1645 г. в Байлярской волости Уфимского уезда возмутились башкиры, во владениях которых был устроен казенный кабак, в Москве вышел особый указ, запретивший «у них в Байлярской волости кабаку быть» [17. С. 79].

При царе Алексее Михайловиче в 1649 г. был принят новый российский свод законов – Соборное уложение. Как отметил И.Г. Прыжов, «Уложением 1649 г. кабаки отданы на откуп» [1. С. 61]. Но это не совсем верно. В Уложении действительно есть целый раздел, посвященный таможенным и кабацким откупам, но в тексте имеется также указание, кому «быти» дозволено «в головах и в целовалникех в таможнях и на кабакех», – только посадским людям и крестьянам дворцовых сел [27. С. 15]. Это значит, что кабаки «на вере» не отменялись. Вместе с тем Уложение брало откупщиков под особую защиту. Например, челобитчикам на откупщика надлежало «суда не давати», пока не «минет» откупной срок [27. С. 103]. Уложение регулировало также режим работы торговых заведений. Всякая работа, включая торговлю, запрещалась в воскресные и праздничные дни. В такие дни дозволялось продавать только «съестные товары и коньский корм» [27. С. 21]. Уложение подтверждало, что питейное дело (производство и продажа вина, пива, меда) является монополией государства. В документе подробно расписаны меры борьбы с корчемством. Наказание полагалось не только за нелегальное винокурение, продажу вина и употребление его в корчмах, но также за сокрытие незаконных деяний [27. С. 160–161]. Отдельным лицам, в том числе приказным людям и детям боярским, разрешалось иметь вино для собственных нужд. Им также разрешалось передавать его иным лицам «безденежно» («по дружбе или за работу») [27. С. 159]. Наконец, Уложение регулировало наказания за преступления, совершенные «питухами» (потребителями вина) [27. С. 147, 155].

Законодательство 1649 г. не было совершенным. Одни положения стали пересматривать сразу после принятия Уложения, другие впоследствии были критически оценены исследователями. Например, историки неоднократно высказывали сомнения относительно эффективности положений о корчемстве. Так, историк права И.И. Дитятин (1847–1892) утверждал, что корчемством занимались в основном люди, обязанные с ним бороться по долгу службы, т.е. «кабацкие головы и целовальники, в распоряжении которых были царские кабаки» [28. С. 68].

К числу вопросов, пересмотренных вскоре после принятия Уложения, относится питейный откуп. Откупщики, по словам И.Г. Прыжова, приносили выгоды казне, но уже тогда были «ненавистны народу» [1. С. 61]. А в 1652 г. по инициативе патриарха Никона откуп запретили «за злодейства». Откупщики в погоне за прибылью доводили до разорения целые области, расцвели пьянство и «с неумеренным употреблением вина сопряженные беспорядки» [21. С. 10; 29. С. 100]. Тогда количество питейных заведений сократили, а ненавистное понятие «кабак» вывели из обихода, дозволив вместо кабаков открывать кружечные дворы «на вере», причем только по одному и только в больших селениях. Одному «питуху» можно было продать не более одной чарки вина, возбранялось продавать вино в долг, впускать в кружечные дворы священников и пр. [21. С. 11]. Но вскоре потребовалось «исправить казну», и в 1663 г. питейный откуп восстановили (тогда же на время вернули кабаки [1. С. 112]). История повторилась через два десятка лет. В 1681 г. царь Федор Алексеевич решил снова отменить откуп. Церковь на этот раз на ситуацию не влияла – к тому времени дала

сбой сама откупная система. Откупщики, конкурируя с «верными» людьми, продавали вино по цене ниже указной, в результате чего прибыль казенных кабаков стала падать [21. С. 15–16].

Уфимский уезд кабаками и кружечными дворами не изобиловал ввиду негативного отношения к кабацким напиткам со стороны коренного населения. Хотя бы относительно больших русских селений в уезде было мало. Возможно, в XVII в. в крае не было и конкуренции между откупщиками и «верными» людьми. В литературе информация о питейном откупе встречена единожды. Установлено, что в 1680 г. на откуп было передано три кружечных двора: Уфимский за 123 руб., Шугуровский за 84 руб. и Пьяноборский 64 руб. [18. С. 129] (не исключено, что других заведений в уезде не было).

Еще одно изменение в управлении питейным делом было внедрено в 1676 г. Если прежняя вертикаль управления на местах включала три уровня (целовальник, кабацкий голова, воевода), то отныне головы и целовальники выводились из ведомства воевод (по словам И.Г. Прыжова, их подчинили надзору земских старост) [1. С. 69; 30]. Это значит, что воеводы также не стеснялись пользоваться питейными деньгами в личных нуждах, и правительство попыталось оградить казну хотя бы от них.

В Уложении не подтверждена существовавшая ранее тенденция назначения кабацких голов «со стороны». Если раньше головы прибывали в Уфу на 2 года из Казани, то в 1680-е гг. головой кружечного двора значился уфимский конный стрелец Иван Писарев. Интересно, что с поставщиками вина отношения у головы складывались непросто. Случалось, поставщики на него жаловались или подавали иск из-за невыплаты денег за поставленное вино или ввиду продаж вина в долг. Однако уфимцы выбирали Писарева головой на протяжении как минимум 12 лет [18. С. 78].

Чтобы представить уровень развития питейного дела в Уфе в текущий период, необходимо рассмотреть социально-экономические изменения в городе и крае. Уфа во второй половине XVII в. расширилась территориально, в 1670–1680 гг. число посадских дворов в городе увеличилось до 58, возросла численность служилых людей, появилось уфимское городовое казачество [10. С. 220]. Возросли и доходы уфимской казны. Но рост доходов не был существенным и не успевал за растущими расходами даже на жалованье служилым людям. Слабый экономический рост обусловливался рядом причин. В 1660-е гг. обострились отношения русских властей с башкирами, что было связано с вынужденным маневрированием между башкирами и их врагами калмыками и уступками в пользу последних при их попытке захвата башкирских вотчинных земель. Ситуация привела к массовым возмущениям башкир и увеличению в Уфе служилого населения. В самом городе проблема в немалой степени состояла в том, что посад, увеличившийся численно, не показывал хозяйственной жизнеспособности (многие промыслы были убыточными). К 1680-м гг. в Уфе казенные расходы превысили все денежные поступления Уфимского уезда, поставив город в зависимость от финансирования из Москвы [16. С. 38–39]. В 1681–1684 гг. Уфимский уезд был охвачен очередным восстанием башкир, вызванным попытками их христианизации и посягательством на вотчинные земли [31. С. 110–121]. Уфа неоднократно оказывалась в осаде и зависела опять же от военной и финансовой поддержки Москвы. В сложившихся условиях расширение площади угодий под землепашество не представлялось возможным. Потребность во ввозном хлебе оставалась высокой. Оттого, очевидно, почти до конца XVII в. в Уфимском уезде производилось, как и прежде, 2 тыс. ведер вина в год [18. С. 129]. И это при условии, что на территории уезда было уже не менее трех кружечных дворов. Надо понимать, что выгодный для казны питейный торг обеспечивался не столько вином, сколько напитками, полученными методом брожения. Установлено, что, например, в 1662 г. уфимские власти заказали у иноземцев Тихона и Кондратия Климентьевых Колесниковых 5 тыс. ведер пива [18. С. 129].

Вино в России заготовлялось либо на казенных винокуренных заводах, либо посредством подрядов. Право на получение подрядов по-прежнему имели многие сословия. Подрядчикам позволялось строить собственные винокурни. О постройке винокурни полагалось «бить челом» государю, а «без указу винокурни нигде не ставить». Производить вино позволялось только в объеме, соответствующем заказу казны [32. С. 906–907]. Сведения о казенных винокурнях в уфимских окрестностях не найдены. Известно, что в 1684 г. местные власти заказывали вино подрядчикам Прокофию Кафтанову и Ивану Лузину [17. С. 78].

На фоне роста численности городского населения ежегодные объемы заказанного уфимской казной вина, как отмечено выше, до конца XVII в. не менялись. На этом основании заключаем, что массовые злоупотребления крепкими напитками вряд ли были возможны. Впрочем, неизвестно, сколько в крае производилось и продавалось корчемного вина, но можно предположить, что дефицит хлебного сырья в то время препятствовал чрезмерному производству в обход казны. Наиболее доступным сырьем для питейного производства в крае являлся мед (башкиры платили ясак в том числе пчелиным медом). Сведений об объемах производимого для кружечных дворов меда-напитка нет. Надо понимать, его было немало; во всяком случае некоторые документы позволяют утверждать, что пьянства Уфа не избежала. Показательно, что уфимский стрелецкий голова обязан был следить за тем, чтобы стрельцы «на кружечном дворе не пили и зернь не играли, и государево денежное и хлебное жалование и казенные пищали не пропивали» [17. С. 79]. Если такая обязанность возникла, значит, повод для опасений имелся. Сохранились документы, согласно которым доступ к крепкому алкоголю испортил военную карьеру некоторых стрелецких сотников. В 1680 г. был выслан из Уфы уличенный в пьянстве сотник Абрам Дубровин. В 1690 г. по той же причине из числа сотников были исключены Семен Родионов и Иван Лихарев [17. С. 79]. В чрезмерном потреблении вина замечали некоторых чиновников Уфимской приказной избы. В 1696 г. воевода Василий Леонтьев вынес приговор

подьячему денежного стола Петру Власьеву «за его дуровство и за поругание Православныя христианские веры, что он Петрушка на кружечном дворе сняв с себя крест да закладывал, в пропой на вино». Наказание было таковым: «вместо кнута бить батоги», отправить в Успенский монастырь, где держать «в смирении на чепи, и дать ему <…> епитимью, <…> и велеть повседневно быть у всякой божественной службы» [33. С. 465]. Полное представление об обитателях уфимского кружечного двора и их питейных предпочтениях составить невозможно ввиду утраты большого пласта документов, но выявленные факты подводят к некоторым выводам: либо недешевое хлебное вино было доступно в основном наиболее обеспеченным слоям населения, либо пьянство высокопоставленных персон вызывало особую озабоченность администрации.

В пользу того, что простые уфимцы пили, скорее всего, умеренно, говорят цифры. Выше отмечено, что в 1680 г. уфимский кружечный двор был отдан на откуп за 123 руб. Для сравнения приведем размеры установленных И.Г. Прыжовым кружечных сборов в других небольших населенных пунктах в центре России (по данным за 1677 г.): «…со Старицы 292 р., с Бежецкого Верха 477 р.». И еще для сравнения: Чердынь (ныне Пермский край) в 1683 г. потребляла 2 тыс. ведер вина (что сопоставимо с Уфой, Шугуровкой и Пьяным Бором), а соседний Соликамск – 10 тыс. ведер [1. С. 120].

Башкирское население края по-прежнему старалось препятствовать распространению алкоголя. Известно, что в 1667 г. башкиры требовали уничтожить кружечный двор в Шугуровской деревне. Однако на этот раз, похоже, реакции на требования не последовало – заведение упоминается в документах за 1680 г. как один из трех кружечных дворов уезда, переданных на откуп. Вместе с тем в литературе отмечается, что в исследуемый период торговля вином с башкирами не осуществлялась [18. С. 129].

Подытоживая, отметим, что в настоящее время ряд вопросов по исследуемой проблеме изучен хорошо. История корчмы, древнейшей формы организации общественного питания у восточных славян, и кабака, в котором питание не предусматривалось; развитие технологий изготовления алкоголя и влияние торговли алкоголем на казну, распространение питейных заведений и алкоголизацию русского народа изучались еще в XIX – начале XX в. Наиболее крупные исследования по этим вопросам проведены И.И. Дитятиным, И.Г. Прыжовым, Д.Н. Бородиным, А.Б. Петрищевым, А.В. Терещенко. Интересные данные введены в научный оборот в наши дни Н.Е. Горюшкиной, М.Л. Гавлиным, П.В. Травер и др. Изучение этих трудов позволило заключить, что в России со времен Ивана IV Грозного на протяжении более двух веков единственной разновидностью общественных досуговых заведений был кабак, переименованный в кружечный двор, но не изменившийся по существу. Признаки разнообразия появились лишь в 1674 г., когда в Москве открыли погреба, торговавшие заграничными виноградными винами на вынос и распивочно и закуской (хлебом, изюмом и миндалем) [2. С. 98]. Но в то время нововведение до провинции не дошло.

Обратим внимание на еще один важный момент. В научной литературе заметен интерес к проблеме включения присоединенных к России территорий в общую правовую и административную систему. В обобщающих трудах отмечается, что организационно-правовые формы зависимости национальных окраин формировались по-разному с учетом их этно-конфессионального состава, уровня исторического развития, характера присоединения и пр. [34. С. 174]. Для нас интерес представили труды по истории Башкирии Н.Ф. Демидовой, Б.А. Азнабаева, Р.Г. Букановой и др., которые дают представление в целом о специфике взаимодействия Москвы с коренным населением Башкирии, а отдельные выявленные ими исторические факты – о распространении в крае земледелия, а вместе с ним и винокурения. Истории общественных досуговых заведений в Башкирии XVII в. ученые пока большого внимания не уделяют. Нами обнаружена лишь одна публикация Б.А. Азнабаева, освещающая непосредственно эту тему. Однако зафиксированные в литературе исторические данные позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, кочевавшие и исповедовавшие ислам башкиры были противниками крепкого алкоголя, с изобретения которого, как утверждают ученые, началось спаивание русского народа. Во-вторых, коренное население пользовалось вотчинным правом на земли, а землепашеством, как правило, не занималось и долгое время после присоединения к Русскому государству вотчинные земли пришлым землепашцам не передавало. В крае образовалось незначительное число русских поселений, располагавших ограниченными земельными ресурсами. Требуемое для производства хлебного вина сырье в уезде было дефицитом. Единичные кабаки / кружечные дворы появились, но только в местах проживания переселенцев из других областей Русского государства.

Список источников

1. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань : Молодые силы, 1914. 292 с.
2. Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность. 2013. № 1. С. 90–109.
3. Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. 1963. № 5. С. 648–655.
4. Терещенко А.В. Быт русского народа : в 2 т. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. Т. 1. 944 с.
5. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое : исторический очерк. СПб. : Типо-литогр. Виленчик, 1910. 101 с.
6. Похлебкин В.В. История водки. М. : Центрполиграф, 2005. 160 с.
7. Димитриев В.Д., Чибис А.А. К истории кабаков и кружечных дворов в Казанской земле во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 2005. № 3. С. 3–22.
8. Петрищев А.Б. Из истории кабаков в России. Владивосток : Примупрполиграфиздат, 1990. 39 с.
9. Горюшкина Н.Е. «Кроме кабацких денег государевым деньгам сбору нет»: питейный сбор от Ивана III до Николая II // Bylye Gody. 2014. № 33 (3). С. 382–386.
10. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа : Китап, 2010. 264 с.

11. Парунин А.В. Образы прошлого в дипломатической переписке Москвы с Ногайской ордой и династией сибирских шибанидов в конце XV – XVI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 133–136.
12. Шайхисламов Р.Б. Крестьяне на казенных землях Южного Урала до середины XIX века // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 1. С. 284–287.
13. Кунафина И.Р. Законы Российского государства и нормы обычного права башкир (середина XVI – XIX вв.) // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 32–43.
14. История Уфы : краткий очерк / под ред. Р.Г. Ганеева. Уфа : Баш. кн. изд-во, 1981. 605 с.
15. Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 253–354.
16. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 52 с.
17. Азнабаев Б. Уфимские кабаки и кружечные дворы в XVII веке // Уфа. 2016. № 7. С. 76–79.
18. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа : Изд-во Баш. ун-та, 2005. 200 с.
19. Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XV1II–X1X вв. // Экономическая история : обозрение. М. : МГУ, 2007. Вып. 13. С. 127–139.
20. Юсупов Р.Г., Хайретдинова О.А. Акциз: специфика использования термина в царской России с начала XIX века до периода реформ Александра II // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 202–217.
21. Сведения о питейных сборах в России : в 3 ч. СПб. : Гос. канцелярия по Отделению гос. экономии, 1860. Ч. 1. 291 с.
22. Прыжов И.Г. Очерки русского быта. М. : Ин-т русской цивилизации, 2017. 640 с.
23. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб. : Тип. Рос. акад., 1838. 261 с.
24. Рубрук В., Карпини И.-П. История Монголов. Путешествие в восточные страны. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1911. 232 с.
25. Зулькарнаев М.М. Доходы Уфимской провинции по материалам руководителя Оренбургской экспедиции (1734–1737 гг.) И.К. Кирилова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 186–191.
26. Гаджиев М.П. Ислам о пороках современного общества. Махачкала : Ихлас, 2007. 100 с.
27. Уложение // ПСЗРИ. Собрание Первое : в 50 т. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. I: 1649–1675. С. 1–161.
28. Дитятин И.И. Царский кабак в Московском государстве // Русская мысль. 1883. Кн. IX. С. 34–72.
29. Махрова Т.К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 100–107.
30. Об изъятии из ведомства воевод таможенных и кабацких голов и целовальников в денежных сборах и об управлении сими сборами с великим радением // ПСЗРИ. Собрание Первое : в 50 т. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II: 1676–1688. С. 34–35.
31. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа : Китап, 1993. 224 с.
32. Статьи о продаже питей и о прекращении корчемства // ПСЗРИ. Собрание Первое : в 50 т. СПб. : Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II: 1676–1688. С. 905–908.
33. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 5: 1676–1700. 539 с.
34. Бахлов И.В., Напалкова И.Г. Национальная периферия в Российской империи: специфика положения и организация системы управления // Федерализм. 2011. № 1 (61). С. 167–182.

References

1. Pryzhov, I.G. (1914) *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriey russkogo naroda* [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. Kazan: Molodye sily.
2. Traver, P.V. (2013) Istoriya i obraz kabaka i traktira v russkoy kul'ture [History and image of the ‘kabak’ and ‘traktir’ in Russian culture]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 90–109.
3. Gukovskiy, M.A. (1963) Soobshchenie o Rossii moskovskogo posla v Milan (1486 g.) [Message about Russia from the Moscow ambassador to Milan (1486)]. *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya istorii SSSR.* 5. pp. 648–655.
4. Tereshchenko, A.V. (2014) *Byt russkogo naroda: v 2 t.* [The Life of the Russian People: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute of Russian Civilization.
5. Borodin, D.N. (1910) *Kabak i ego proshloe: istoricheskiy ocherk* [Kabak and its past: A historical essay]. St. Petersburg: Vilenchik.
6. Pokhlebkin, V.V. (2005) *Istoriya vodka* [History of Vodka]. Moscow: Tsentrpoligraf.
7. Dimitriev, V.D. & Chibis, A.A. (2005) K istorii kabakov i kruzhechnykh dvorov v Kazanskoy zemle vo vtoroy polovine XVI–XVII vv. [On the history of taverns and circle courts in Kazan in the second half of the 16th–17th centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 3. pp. 3–22.
8. Petrishchev, A.B. (1990) *Iz istorii kabakov v Rossii* [From the history of taverns in Russia]. Vladivostok: Primuprpoligrafizdat.
9. Goryushkina, N.E. (2014) “Krome kabatskikh deneg gosudarevym den'gam sboru net”: piteynyy sbor ot Ivana III do Nikolaya II [“Besides tavern money, there is no collection for the sovereign’s money”: Drinking collection from Ivan III to Nicholas II]. *Bylye Gody*. 33(3). pp. 382–386.
10. Bukanova, R.G. (2010) *Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v XVI–XVII vv.* [Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the 16th–17th centuries]. Ufa: Kitap.
11. Parunin, A.V. (2019) The images of the past in Moscow's diplomatic correspondence with the Nogai horde and the dynasty of Siberian Shibanids in the late 15th and 16th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 61. pp. 133–136. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/61/17
12. Shaykhislamov, R.B. (2017) Krest'yane na kazennykh zemlyakh Yuzhnogo Urala do serediny XIX veka [Peasants on state-owned lands of the Southern Urals until the middle of the 19th century]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta.* 22(1). pp. 284–287.
13. Kunafina, I.R. (2010) Zakony Rossiyskogo gosudarstva i normy obychnogo prava bashkir (seredina XVI – XIX vv.) [Laws of the Russian state and the norms of customary law of the Bashkirs (mid-16th – 19th centuries)]. *Aktual'nye problemy ros-siyskogo prava*. 1. pp. 32–43.
14. Ganeev, R.G. (ed.) (1981) *Istoriya Ufy: kratkiy ocherk* [History of Ufa]. Ufa: Bashkiria kn. izd-vo.
15. Demidova, N.F. (1971) Drevneyshiy istochnik po istorii goroda Ufy. Tekst “Otvodnoy knigi po Ufe” (1591/92–1629 gg.) [The oldest source on the history of Ufa. Text of the “Diversion Book for Ufa” (1591/92–1629)]. In: Vasiliev, S.M. (ed.) *Iz istorii feodalizma i kapitalizma v Bashkirii* [From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria]. Ufa: USSR AS. pp. 253–354.
16. Aznabaev, B.A. (2006) *Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.)* [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 118th centuries)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
17. Aznabaev, B. (2016) Ufimskie kabaki i kruzhechnye dvory v XVII veke [Ufa ‘kabak’ (tavern) and ‘kruzhechniy dvor’ (mug yard) in the 17th century]. *Ufa*. 7. pp. 76–79.

18. Aznabaev, B.A. (2005) *Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.)* [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third 18th centuries)]. Ufa: Bashkiria State University.
19. Gavlin, M.L. (2007) Vopros o vinnykh otkupakh v istorii zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii XV1II–X1X vv. [Wine farming in the history of legislation of the Russian Empire in the 15th–19th centuries]. In: *Ekonomicheskaya istoriya: obozrenie* [Economic history: A review]. Vol. 13. Moscow: MSU. pp. 127–139.
20. Yusupov, R.G. & Khayretdinova, O.A. (2019) Aktsiz: spetsifika ispol'zovaniya termina v tsarskoy Rossii s nachala XIX veka do perioda reform Alek-sandra II [Excise: the specifics of the use of the term in Tsarist Russia from the early 19th century to the reforms of Alexander II]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 202–217.
21. Department of State Economics of Russia. (1860) *Svedeniya o piteynykh sborakh v Rossii: v 3 ch.* [Information about alcohol tax in Russia: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: State Office for Department of State Economics.
22. Pryzhov, I.G. (2017) *Ocherki russkogo byta* [Essays on Russian Life]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
23. Anon. (1838) *Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva, ponovlennaya v Razryade i spisannaya v knigu 1627 goda* [The Book of the Big Drawing, or the Ancient Map of the Russian State, updated in the Discharge and copied into the book of 1627]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences.
24. Rubrouck, G. de & Carpine, G. (1911) *Istoriya Mongolov. Puteshestvie v vostochnye strany* [History of the Mongols. Travel to Eastern Countries]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
25. Zulkarnaev, M.M. (2011) Dokhody Ufimskoy provintsii po materialam rukovoditelya Orenburgskoy ekspeditsii (1734–1737 gg.) I.K. Kirilova [Income of the Ufa province based on materials from the head of the Orenburg expedition (1734–1737) I.K. Kirilov]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*. 2. pp. 186–191.
26. Gadzhiev, M.P. (2007) *Islam o porokakh sovremennogo obshchestva* [Islam about the evils of modern society]. Makhachkala: Ikhlas.
27. Russia. (1830) Ulozhenie [Law code]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Compleete code of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol 1. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 1–161.
28. Dityatin, I.I. (1883) Tsarskiy kabak v Moskovskom gosudarstve [The Tsar's Tavern in the Moscow State]. *Russkaya mysl'*. Vol. 9. pp. 34–72.
29. Makhrova, T.K. (2015) Iz istorii vinnogo otkupa i piteynogo korchemstva na Urale v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. [From the history of wine farming and drinking in the Urals in the late 18th – first half of the 19th centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika.* 2(5). pp. 100–107.
30. Russia. (1830) Ob iz"yatii iz vedomstva voevod tamozhennykh i kabatskikh golov i tseloval'nikov v denezhnykh sborakh i ob upravlenii simi sborami s velikim radeniem [On the withdrawal from the department of the governor of customs and tavern heads and kissers in monetary collections and on the management of these collections with great zeal]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete code of the Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 34–35.
31. Akmanov, I.G. (1993) *Bashkirskie vosstaniya XVII – nachala XVIII vv.* [The Bashkir uprisings of the 17th – early 18th centuries]. Ufa: Kitap.
32. Russia. (1830) Stat'i o prodazhe pitey i o prekrashchenii korchemstva [Articles about the sale of drinks and the cessation of food]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete code of the Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 905–908.
33. Russia. (1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiey: v 5 t.* [Historical acts, collected and published by the archaeographic commission: in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
34. Bakhlov, I.V. & Napalkova, I.G. (2011) Natsional'naya periferiya v Rossiyskoy imperii: spetsifika polozheniya i organizatsiya sistemy upravleniya [National periphery in the Russian Empire: Specifics of the situation and organization of the management system]. *Federalizm*. 1(61). pp. 167–182.

***Сведения об авторе*:**
Хайретдинова Ольга Айбулатовна – старший преподаватель кафедры туризма, гостиничного и ресторанного сервиса Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Россия). E-mail: Khairetdinova.oa@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khayretdinova Olga A. – senior lecturer at the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services at the Institute of Business Ecosystems and Creative Industries of the Ufa State Petroleum Technical University (Ufa, Russian Federation). E-mail: Khairetdinova.oa@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 21.01.2021; accepted for publication 01.02.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 94(5)
doi: 10.17223/19988613/87/13

Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016–2023 гг.)

Чинара Усенбековна Адамкулова[1], Жоробай Кубанычбекович Айтбаев[2], Артем Георгиевич Данков[3], Айнур Эшимбековна Джоробекова[4], Айзат Кылычбековна Доскожаева[5]

[1, 2, 4, 5] Дипломатическая академия МИД Республики им. К. Дикамбаева, Бишкек, Кыргызстан
[3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[3] Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия
[1] chinara.adam@gmail.com
[2] jo.aitbaev@gmail.com
[3] artem.dankov.83@mail.ru
[4] gonduras1967@mail.ru
[5] aizatdoskozhaeva@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены дипломатические усилия, связанные с разрешением проблемы трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии. Детально рассматриваются попытки решения данной проблемы начиная с периода после распада СССР, а также анализируются возможные причины неудач. Описываются диалог между странами и возможные области сотрудничества, такие как совместное использование ресурсов, разработка и реализация согласованных стратегий управления водными ресурсами, а также перспективы сотрудничества в области подготовки специалистов в области водной дипломатии.
Ключевые слова: Центральная Азия, водная дипломатия, водные ресурсы, трансграничные реки, гидроэнергетика

Для цитирования: Адамкулова Ч.У., Айтбаев Ж.К., Данков А.Г., Джоробекова А.Э., Доскожаева А.К. Новый этап в решении проблем трансграничных рек Центральной Азии (2016–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 114–120. doi: 10.17223/19988613/87/13

Original article

A new stage in solving the problems of transboundary rivers in Central Asia (2016–2023)

Tchinara U. Adamkulova[1], Zhorobay K. Aitbaev[2], Artem G. Dankov[3], Ainur E. Djorobekova[4], Aizat K. Doskozhaeva[5]

[1, 2, 4, 5] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaev, Bishkek, Kyrgyzstan
[3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[3] MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
[1] chinara.adam@gmail.com
[2] jo.aitbaev@gmail.com
[3] artem.dankov.83@mail.ru
[4] gonduras1967@mail.ru
[5] aizatdoskozhaeva@gmail.com

Abstract. The article constitutes a comprehensive analysis of diplomatic efforts undertaken from 2016 to 2023, aimed at resolving transboundary water resource issues in Central Asia. The article delves into attempts to address this issue, commencing from the period immediately following the dissolution of the USSR, while also scrutinizing potential reasons for unsuccessful endeavors. In the process of dissecting the reasons behind these failures, authors identify factors that may have complicated interstate relations in this sphere. Additionally, significant attention is paid to analyzing the current state of water resources and international relations within the region.
To conduct a detailed and systemic analysis of the relationships among the Central Asian states, authors employ a retrospective method, examining the initial attempts at conflict resolution. The method offers a deeper understanding of the

© Ч.У. Адамкулова, Ж.К. Айтбаев, А.Г. Данков и др., 2024

factors and events that have influenced the current state of water relations in the region. The chronological method aids in reconstructing the sequence of pertinent events, linking them together, and documenting crucial temporal changes.
Official agreements, declarations, and initiatives undertaken by countries in pursuit of solutions to water-related issues are thoroughly examined. The analysis of official documents serves to confirm the dynamics of dialogue between countries and identifies potential areas of cooperation, such as collaborative resource utilization and the development and implementation of coordinated strategies for water resource management.
As a result of the study, authors conclude that despite active political engagement in conflict resolution efforts, effectiveness has remained low due to the predominant inclination of Central Asian countries to protect their national interests exclusively. If each nation's national interest includes resolving issues related to the management and control of water resources, integration could emerge as one of the primary mechanisms for achieving this goal. Education of experts and diplomats in the field of water resource management can contribute to more effective problem-solving and foster better mutual understanding among the countries in the region. For instance, collaboration in the realm of educating specialists in water diplomacy, training qualified personnel, and evaluating the efficacy of international approaches to addressing this issue are considered essential components of a potential solution.
Keywords: Central Asia, water diplomacy, water resources, transboundary rivers, hydropower

For citation: Adamkulova, Tch.U., Aitbaev Zh.K., Dankov, A.G., Djorobekova, A.E., Doskozhaeva, A.K. (2024) A new stage in solving the problems of transboundary rivers in Central Asia (2016–2023). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 114–120. doi: 10.17223/19988613/87/13

Постановка проблемы

После распада СССР одной из основных проблем для стран Центральной Азии стало скоординированное управление водными ресурсами [1. С. 55]. Вода имеет в регионе первостепенное значение, определяя будущее направление его развития. Большая часть региона состоит из засушливых пустынных территорий, что дополнительно осложняет ситуацию. В последние десятилетия страны Центральной Азии предпринимают определенные шаги для конструктивного урегулирования водных вопросов, но пока конкретных результатов достичь не удалось. Тем не менее вопросы водоснабжения и качество пресной воды в настоящее время играют настолько важную роль в жизни этих стран, что пренебрежение ими может привести к дестабилизации социально-экономической и политической обстановки в регионе.

Киргизия и Таджикистан фактически контролируют водные ресурсы и определяют условия поставок воды странам, расположенным в низовьях рек. Для обеспечения своего население и экономики электроэнергией Киргизия и Таджикистан используют гидроэнергетику. Это приводит к зимним избыточным сбросам воды, превышающим потребности Казахстана и Узбекистана, что даже вызывает подтопления и ухудшает экологию, в то время как летом сброс воды сокращается, несмотря на увеличивающуюся потребность в воде в это время.

После распада СССР недостаток водных ресурсов трансграничных рек, особенно для орошения сельскохозяйственных угодий, и нарастающая угроза таяния ледников в Тянь-Шане и Памире значительно усугубили противоречия между странами с собственными национальными интересами, расположенными как в низовьях, так и в верховьях этих рек. Это постепенно привело к нарастанию напряжения в межгосударственных отношениях в Центральной Азии. Например, широко известная трагедия Аральского моря – результат сложных факторов и долгосрочных процессов, в которых участвовали как естественные, так и антропогенные факторы. В 20–30-х гг. прошлого века, после начала строительства ирригационных систем, были внесены значительные изменения в экосистему региона. Строительство крупных каналов для орошения посевов хлопчатника и риса в Центральной Азии привело к большим потерям воды и катастрофе в Аральском море. Это вызвало конфликты и напряженность в регионе, что в конечном счете привело к исчезновению крупного источника воды.

В последние годы проблема использования водных ресурсов трансграничных рек в Центральной Азии вызывала большой интерес со стороны исследователей, которые изучали различные аспекты этой проблемы. Безусловно, основной массив работ посвящен вопросам дипломатии и безопасности [2–4], а также международно-правовым аспектам проблемы [5]. Однако появляется все больше работ, которые изучают экономические, экологические и климатические стороны данного вопроса [6]. В то же время отечественные и зарубежные исследователи мало внимания уделяют серьезным изменениям, которые произошли в подходах к решению проблемы использования водных ресурсов трансграничных рек в Центральной Азии за последние 7–8 лет. Именно в последние годы появился реальный шанс добиться согласования позиций стран региона по вопросу водных ресурсов и создания реальных инструментов и механизмов их совместного использования. Эти трансформации произошли во многом после смены ряда лидеров государств Центральной Азии: в 2016 г. после смерти Ислама Каримова президентом Узбекистана стал Шавкат Мирзиёев, в 2019 г. после отставки Нурсултана Назарбаева Казахстан возглавил Касым-Жомарт Токаев, а в 2020 г. после свержения президента Кыргызстана Сооронбая Жээнбекова в результате политического кризиса президентом стал Садыр Жапаров. Смена лидеров в этих странах привела к смене подходов к решению водных проблем Центральной Азии, именно анализу этого процесса и посвящена данная статья.

Для детального и системного анализа взаимоотношений между странами Центральной Азии авторы использовали ретроспективный метод, обращаясь к первым попыткам решения конфликта. Этот метод позволяет

лучше понять, какие факторы и события оказали влияние на современное состояние водных отношений в регионе. Хронологический метод помогает восстановить череду актуальных событий, связать между собой и зафиксировать важные временные изменения. Синхронный метод позволяет проследить процессы, которые происходили параллельно в странах Центральной Азии в выбранный период, а также выявить общие тенденции и различия в подходах к управлению водными ресурсами в разных странах региона. Рассматриваются официальные соглашения, декларации и инициативы, которые были предприняты странами в целях решения водных проблем. Анализ официальных документов способствует подтверждению динамики диалога между странами и поиска возможных областей сотрудничества, таких как совместное использование ресурсов, разработка и реализация согласованных стратегий управления водными ресурсами, а также важности международных инициатив и организаций в этом процессе.

Первые шаги стран Центральной Азии в урегулировании водного вопроса

Первым этапом процесса рассмотрения государствами Центральной Азии вопросов в сфере управления водными ресурсами трансграничных рек стали обсуждение и подписание в 1991 г. Ташкентского заявления, а в следующем году было подписано Алма-Атинское соглашение. В 1993 г., лидерами государств Центральной Азии были созданы Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), в которую на правах исполнительных органов вошли два бассейновых водохозяйственных объединения: «Амударья» и «Сырдарья».

В 1995 г. страны Центральной Азии предприняли следующую попытку разрешить спорные вопросы в области водных ресурсов, подписав Нукусскую декларацию, затем было принято еще несколько документов, однако даже они не смогли полностью урегулировать конфликты между государствами региона. Также важно подчеркнуть, что в текстах законов стран Центральной Азии, а также в двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует официально признанный в международном правовом контексте термин «трансграничные реки». Вместо этого используются такие формулировки, как «водные или водноэнергетические ресурсы», что нарушает принципы международного права и делает невозможными ссылки на международное законодательство при разрешении споров, связанных с водными ресурсами [7. С. 45]. На протяжении более 30 лет страны Центральной Азии продолжают идти в противоположных направлениях.

Вопрос управления водными ресурсами в Центральной Азии после распада СССР обретает глобальное значение, так как непосредственно отражается на стабильности и устойчивости не только этого региона, но и мирового сообщества в целом. Данный вопрос касается не только экологической устойчивости, но и социально-экономического развития, обеспечения пищевой и международной безопасности.

Из-за глобального значения обозначенной проблемы в решение конфликтов, связанных с водными ресурсами, вовлечены различные международные организации и инициативы. Организация Объединенных Наций (ООН), Европейский союз, Всемирный банк, АБР, ЕБРР и другие международные организации стремятся содействовать сотрудничеству между государствами Центральной Азии и разработке устойчивых решений для управления водными ресурсами. Они предоставляют финансовую, техническую и правовую поддержку, а также создают платформы для диалога и обмена опытом между странами региона.

На текущий момент ситуация в области водопользования ухудшается из-за увеличения демографической нагрузки на гидроресурсы, воздействия засухи, загрязнения водных источников, расширения промышленности при одновременной недостаточной развитости систем очистки стоков, биологических источников загрязнения, возникших вследствие увеличенной демографической нагрузки на водные ресурсы и недостаточной инфраструктуры для обработки стоков, что может привести к вспышкам инфекционных заболеваний, таких как брюшной тиф, холера и гепатит [7. С. 46].

Основной объем гидроэнергетического потенциала сосредоточен в Кыргызстане (12,8%) и Таджикистане (76,8%). Узбекистан и Туркменистан напрямую зависят от подачи воды из Кыргызстана и Таджикистана, так как для экономик этих республик значимо выращивание сельскохозяйственной продукции на орошаемых землях. В свою очередь, водная энергия Кыргызстана и Таджикистана является основным источником в энергетическом балансе – 77% и 96% соответственно [8. С. 237].

Пик противоречий вокруг водной проблемы в Центральной Азии

Заявления в 2000-х гг. о возобновлении строительства Камбаратинского каскада ГЭС в Кыргызстане и Рогунской ГЭС в Таджикистане вызвали значительное напряжение в регионе. Страны нижнего течения рек опасались, что эти проекты могут привести к недостатку водных ресурсов на их территориях. Например, строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане было начато еще в советское время, но после распада СССР и начала гражданской войны в республике было приостановлено. В 2008 г. Таджикистан принял решение возобновить строительство ГЭС на свои средства. Для таджикского правительства Рогунская ГЭС не только имела большое значение с экономической и политической точек зрения, но и символизировала перспективное будущее страны. Она стала своего рода символом развития государства [9. С. 100]. Этот проект улучшал потенциал внутренней энергетики Таджикистана, а также играл важную роль в повышении национальной гордости и привлечении внимания международного сообщества. Вместе с тем строительство Рогунской ГЭС вызывало опасения соседних стран из-за возможного влияния на распределение водных ресурсов в бассейне р. Вахш.

В рамках данного проекта возникали острые конфликты между Узбекистаном и Таджикистаном. Узбек-

ская сторона обвиняла таджикские власти в стремлении построить слишком высокую плотину на Рогунской ГЭС, что могло бы позволить Таджикистану контролировать водоснабжение Узбекистана. С другой стороны, таджикская сторона обвиняла Узбекистан в препятствии развитию таджикской гидроэнергетики, считая, что узбекские действия направлены на сохранение своих национальных интересов и монополию на водные ресурсы региона [9. С. 100].

Позиции Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана до середины 2010-х гг. оставались практически неизменными, и это могло привести к дальнейшей эскалации конфликта в регионе. Неустойчивость и недопонимание между этими странами в отношении использования и управления трансграничными водными ресурсами создавали опасное основание для дальнейших напряжений и потенциальных конфликтов.

Новый подход в водной дипломатии в Центральной Азии

С приходом Ш. Мирзиёева на пост президента Узбекистана в 2016 г. произошли значительные изменения в подходе к решению вопросов, связанных с водными ресурсами и энергетикой в регионе. Его администрация изменила стратегию и начала активно налаживать отношения с соседними странами и снижать конфликтный потенциал в Центральной Азии.

Новый президент Узбекистана объявил Центральную Азию приоритетным направлением во внешней политике своей страны. Также он продемонстрировал готовность к более конструктивному сотрудничеству в сфере гидроэнергетики. Его заявления о возможности совместного строительства гидроэлектростанций в странах верховьев рек говорят о готовности Узбекистана искать компромиссы и решения, способствующие общим интересам региона.

В 2017 г. во время официального визита Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева в Кыргызстан были сделаны важные заявления относительно сотрудничества в сфере гидроэнергетики. Президент Ш. Мирзиёев заявил о намерении обеих стран совместно строить Камбаратинскую ГЭС-1 и подчеркнул, что данное сотрудничество должно быть выгодным для обеих сторон. Он выразил убеждение в необходимости разумного и согласованного подхода к данному проекту, чтобы он способствовал развитию обеих стран и удовлетворял их интересы [10].

Эти заявления получили подтверждение в ходе последующих событий. В марте 2021 г. Шавкат Мирзиёев совершил еще один визит в Бишкек, где были обсуждены и утверждены достигнутые договоренности. 30 ноября 2021 г. были подписаны и ратифицированы законы о Договоре между Республикой Узбекистан и Кыргызской Республикой об отдельных участках государственной границы и о Соглашении о совместном управлении водными ресурсами Андижанского (Кемпир-Абадского) водохранилища [11]. Эти документы являются важным шагом в установлении и укреплении отношений между Узбекистаном и Кыргызстаном. Договор об отдельных участках государственной границы определяет границу между двумя странами на определенных территориях, что способствует установлению ясности и стабильности в граничных вопросах.

С Кыргызской Республикой были достигнуты соглашения и подписан соответствующий протокол о взаимопоставках электроэнергии на период 2021–2023 гг. Эти соглашения имеют целью обеспечение дополнительного притока воды из Токтогульского водохранилища и предотвращение дефицита водных ресурсов в вегетационный период в среднем и нижнем течении р. Сырдарьи [12]. Согласно этим договоренностям Узбекистан будет поставлять избыточную электроэнергию в Кыргызстан тогда, когда это необходимо для Кыргызстана [13]. В обмен на это Узбекистан получит обратно часть электроэнергии летом от кыргызских ГЭС. Такое взаимодействие позволит эффективно управлять ресурсами, как обеспечивая потребности в электроэнергии, так и поддерживая достаточное водоснабжение важных сельскохозяйственных участков в Узбекистане в период активного роста растений.

Кроме того, стоит отметить, что Узбекистан также предоставил Кыргызстану электроэнергию, полученную из туркменского природного газа, что способствовало укреплению энергетической кооперации между странами региона [14]. Эти шаги, безусловно, направлены на сотрудничество и согласование интересов в области энергетики и ресурсов.

В 2018 г. инициативы по сближению интересов стран Центральной Азии продолжили развиваться. В рамках встречи глав стран МФСА Президент Узбекистана высказал инициативу о создании Региональной программы по рациональному использованию водных ресурсов в Центральной Азии. Эта программа будет предваряться проведением региональной конференции с участием представителей научного сообщества. Новое правительство Узбекистана активно осуществляет реформы, которые предполагают изменение жесткой позиции и переход к формированию новых подходов к сотрудничеству с соседними странами в области гидроэнергетики [15].

В январе 2020 г. Узбекистан и Таджикистан приступили к переговорам о совместном строительстве двух гидроэлектростанций в Таджикистане на общую сумму 552 млн долл. США. Эти гидроэлектростанции будут спроектированы для генерации до 1,4 млрд кВтч электроэнергии и направлены исключительно на удовлетворение энергетических потребностей Узбекистана [16].

Заинтересованность в согласовании межгосударственных усилий в вопросах трансграничных рек вышла на национальный уровень. Указом Президента Республики Узбекистан в 2020 г. была утверждена Концепция развития водного хозяйства страны на период с 2020 по 2030 г. Эта Концепция включает в себя 11 ключевых направлений, среди которых особое внимание уделяется развитию межгосударственных отношений в области использования трансграничных водных ресурсов [4. С. 92]. Одна из основных ее целей – разработка и продвижение взаимоприемлемых механизмов для совместного управления трансграничными водными ресурсами, при этом обеспечивая баланс интересов всех

стран Центральной Азии [17]. Помимо этого, Узбекистан развивает отношения в сфере водохозяйства с другими странами Центральной Азии как на многостороннем уровне, в рамках МФСА и МКВК, так и на двустороннем уровне, через рабочие группы, занимающиеся вопросами водопользования [4. С. 93]. Большой перечень реализованных инициатив представлен в выступлении начальника Управления международных связей и трансграничных водных вопросов Министерства водного хозяйства Республики Узбекистан Ш. Батирова 27 сентября 2022 г., подтверждая значительный вклад Узбекистана и содействие стран Центральной Азии в установлении новой правовой основы для совместного управления водными ресурсами [12].

Также значимым шагом в направлении согласованного использования водно-энергетических ресурсов региона стали договоренности, достигнутые Кыргызстаном с Казахстаном и Узбекистаном после прихода к власти Садыра Жапарова. В ходе официальных государственных визитов Президента Кыргызской Республики в Республику Казахстан и Республику Узбекистан были достигнуты соглашения о взаимных поставках электроэнергии. Эти соглашения учитывают потребности Кыргызстана в электроэнергии и одновременно интересы Узбекистана и Казахстана в регулировании попуска воды из Токтогульского водохранилища в оросительный период [4. С. 94].

В свою очередь, новый президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в 2022 г. совершил визит в столицу Кыргызстана, в ходе которого был подписан ряд соглашений. В частности, стороны договорились совместно решить такие насущные проблемы, как общее пользование трансграничными водными ресурсами, а также ликвидация пробок из грузовых фур на границе, что часто становилось предметом конфликтов между государствами [18].

Мировой опыт показывает, что конфликтные ситуации, возникающие в сфере трансграничного использования водных ресурсов, должны быть решены на основе строго соблюдения норм, закрепленных в международном праве и международном водном праве. В данном случае, если международные механизмы не работают или работают недостаточно, чтобы остановить надвигающийся кризис нехватки воды и эскалации межгосударственного конфликта, при определенных компромиссах может сработать региональная интеграция.

На данный момент острые вопросы по совместному водопользованию в регионе, находясь в процессе проработки, остаются нерешенными или нестабильно решенными. Чтобы дипломатические усилия имели результаты, нужно придерживаться договоренностей и строго контролировать процесс. Известно, что Казахстан планирует пересмотреть соглашение по использованию водно-энергетических ресурсов бассейна р. Сырдарьи с Узбекистаном и Кыргызстаном. Казахстанская сторона обращает внимание на экологические проблемы, связанные с загрязнением реки вредными веществами, которые поступают из Узбекистана [19].

Новый этап в разрешении этой проблемы связан с изменением подходов Узбекистана к сотрудничеству с государствами верхнего течения. Анализ регуляторных инициатив стран Центральной Азии показывает, что все эти страны стремятся к решению вопросов, связанных с трансграничными водными ресурсами. Однако они предпочитают разные подходы к достижению поставленной цели. Так, Туркменистан и частично Таджикистан склоняются к использованию механизмов ООН, в то время как Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан ориентируются на региональное сотрудничество [20. P. 10; 21. С. 221].

При этом, несмотря на политическую активность, результативность переговоров оказалась невысокой из-за преобладания стремления защищать исключительно национальные интересы своей страны. Если национальный интерес состоит в том, чтобы решить такой исключительный вопрос, как обладание, управление и контроль водных ресурсов и наиболее выгодное решение – это кооперация с участниками распределения водных ресурсов, то интеграция может стать одним из приоритетных интересов государства. Более того, учитывая глобальные изменения климата, необходимо скоординированное реагирование на природные и климатические вызовы, которые окажут воздействие на все страны Центральной Азии без исключения.

Для обеспечения объективной основы разработки оптимальных решений в области водных вопросов в будущем необходимо начать подготовку специалистов в области водной дипломатии через специальные образовательные программы. Эти программы могут быть разработаны в сотрудничестве с вузами Центральной Азии, чтобы открыть совместное образовательное направление в области водного сотрудничества и дипломатии. Важно учесть разнообразие интересов и потребностей стран региона, чтобы обеспечить сбалансированное и обширное понимание вопросов водного сотрудничества и дипломатии.

Программа может включать в себя следующие аспекты: междисциплинарное образование – программа может объединять знания из различных областей, таких как международные отношения, гидрология, экология, экономика и право, чтобы предоставить студентам всесторонний взгляд на водные вопросы; международная практика – студенты должны иметь возможность провести часть обучения или практику в различных странах Центральной Азии, что позволит им познакомиться с местными реалиями, культурой и особенностями водного управления в разных контекстах; практические занятия и симуляции – программа может включать в себя симуляции международных переговоров, ролевые игры и практические занятия по решению конкретных водных проблем; профессиональные связи – студенты получат возможность установить контакты и связи с коллегами из разных стран, что будет способствовать перспективному сотрудничеству и взаимопониманию в водных вопросах; развитие дипломатических навыков – программа может обеспечить обучение дипломатическим навыкам, включая переговоры, консенсусное принятие решений, разрешение конфликтов и коммуникации.

Такая образовательная программа имеет потенциал сделать важный вклад в подготовку будущих водных

дипломатов и специалистов, способных эффективно справляться с вызовами в области управления водными ресурсами и обеспечивать устойчивое сотрудничество в Центральной Азии.

Список источников

1. Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду // Индекс безопасности. 2008. № 3. С. 49–62.
2. Акунова Г.Ч. Особенности водной дипломатии в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (2). С. 229–241. doi: 10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241
3. Макилова А.М. Водно-энергетическая безопасность Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 1 (19). С. 79–88. URL: https://ecogosfond.kz/wp-content/uploads/2019/12/CA.D.278-Vodno-jenergeticheskaja-bezopasnost-Centralnoj-Azii.pdf (дата обращения: 07.08.2023).
4. Курбонов Ш.М. Развитие сотрудничества в области водной дипломатии в Центральной Азии // OJHPL. 2022. № 2. С. 88–99. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotrudnichestva-v-oblasti-vodnoy-diplomatii-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 07.08.2023).
5. Маллаев Н.Р. Международно-правовое регулирование трансграничных водных ресурсов государств Центральной Азии // Бюллетень науки и практики. 2021. № 5. С. 391–401. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-transgranichnyh-vodnyh-resursov-gosudarstv-tsentralnoy-azii (дата обращения: 07.08.2023).
6. Шадиметов Ю.Ш., Айрапетов Д.А. Экологическая дипломатия в Центральной Азии // Экономика и социум. 2022. № 9 (100). С. 770–777. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 07.08.2023).
7. Дмитриева Е.Л. Водные ресурсы Средней Азии: проблемы и пути решения // Россия и мусульманский мир. 2019. № 3 (313). С. 42–48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vodnye-resursy-sredney-azii-problemy-i-puti-resheniya (дата обращения: 07.08.2023).
8. Донбаева Г.Ч. Особенности трансграничных рек Центральной Азии (на примере Кыргызстана) // Известия Саратовского университета. Сер. Науки о Земле. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transgranichnyh-rek-tsentralnoy-azii-na-primere-kyrgyzstana (дата обращения: 13.08.2023).
9. Хуррамов Х.Х. Политический аспект водно-энергетических проблем в Центральной Азии. // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4. С. 100–108.
10. Элкеева К. Как Бишкек и Ташкент будут строить ГЭС? // Азаттык Үналгысы. 2017. URL: https://rus.azattyk.org/a/28721985.html (дата обращения: 13.08.2023).
11. Президент Узбекистана подписал законы по границе с Кыргызстаном и Андижанскому водохранилищу // Президент Республики Узбекистан. 2022. 30 нояб. URL: https://president.uz/ru/lists/view/5745 (дата обращения: 13.08.2023).
12. Выступление начальника Управления международных связей и трансграничных водных вопросов Министерства водного хозяйства Республики Узбекистан Ш. Батирова в 5-й сессии «Региональное и двустороннее сотрудничество по трансграничным водам» Первой встречи координационного совета национального диалога по водной политике в области интегрированного управления водными ресурсами в Узбекистане // UNECE. 2022. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-10/5.1.%20Батиров_трансграничное%20сотрудничество.pdf (дата обращения: 13.08.2023).
13. Как Узбекистан и Кыргызстан будут обмениваться электроэнергией // Gazeta.uz. 2021. 16 марта. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/16/uzb-kg-energy/ (дата обращения: 13.08.2023).
14. Как Узбекистан и Кыргызстан будут обмениваться электроэнергией // Бизнес Туркменистан. 2022. 22 дек. URL: https://business.com.tm/ru/post/9604/uzbekistan-postavil-v-kyrgyzstan-elektroenergiyu-iz-turkmenskogo-prirodnogo-gaza (дата обращения: 13.08.2023).
15. Мирзиёев предложил принять Региональную программу рационального использования водных ресурсов в ЦА // Кыргызское национальное информационное агентство. 2018. 25 авг. URL: https://for.kg/news-506622-ru.html (дата обращения: 13.08.2023).
16. Russell M. Water in Central Asia. An increasingly scarce resource. European Parliament Briefing // Think Tank, European Parliament. 2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625181/EPRS_BRI(2018)625181_EN.pdf (дата обращения: 13.08.2023).
17. Об утверждении стратегии управления водными ресурсами и развития сектора ирригации в Республике Узбекистан на 2021–2023 годы : постановление Президента Республики Узбекистан от 24.02.2021 // Lex.uz. 2021. URL: https://lex.uz/docs/5307921 (дата обращения: 13.08.2023).
18. Погребняк Е. Общие реки всегда должны быть связующим звеном между народами // Ритм Евразии. 2022. https://www.ritmeurasia.org/news--2022-05-30--obschie-reki-vsegda-dolzhny-byt-svjazujuschim-zvenom-mezhdu-narodami-60131 (дата обращения: 13.08.2023).
19. Казахстан планирует пересмотреть соглашение о воде с Узбекистаном и Кыргызстаном // Gazeta.uz. 2023. 3 марта. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2023/07/03/syrdarya/ (дата обращения: 13.08.2023).
20. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview // The Handbook of Environmental Chemistry. 2018. P. 9–24. URL: https://repository.rudn.ru/ru/recordsources/recordsource/1333/ (дата обращения: 13.08.2023).
21. Гарбузарова Е.Г. Регулятивные инициативы государств Центральной Азии в вопросах решения трансграничных водных проблем // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (2). С. 219–228. doi: 10.24975/2313-8920-2021-8-2-219-228

References

1. Zhiltsov, S.S. & Zonn, I.S. (2008) Bor'ba za vodu [Fight for water]. *Indeks bezopasnosti*. 3. pp. 49–62.
2. Akunova, G.Ch. (2021) Osobennosti vodnoy diplomatii v Tsentral'noy Azii [The features of water diplomacy in Central Asia]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 8(2). pp. 229–241. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241
3. Makilova, A.M. (2019) Vodno-energeticheskaya bezopasnost' Tsentral'noy Azii [Water and energy security of Central Asia]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. 1(19). pp. 79–88. [Online] Available from: https://ecogosfond.kz/wp-content/uploads/2019/12/CA.D.278-Vodno-jenergeticheskaja-bezopasnost-Centralnoj-Azii.pdf (Accessed: 7th August 2023).
4. Kurbonov, Sh.M. (2022) Razvitie sotrudnichestva v oblasti vodnoy diplomatii v Tsentral'noy Azii [Development of cooperation in the field of water diplomacy in Central Asia]. *OJHPL*. 2. pp. 88–99. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotrudnichestva-v-oblasti-vodnoy-diplomatii-v-tsentralnoy-azii (Accessed: 7th August 2023).
5. Mallaev, N.R. (2021) Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie transgranichnykh vodnykh resursov gosudarstv Tsentral'noy Azii [International legal regulation of transboundary water resources of the states of Central Asia]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 5. pp. 391–401. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-transgranichnyh-vodnyh-resursov-gosudarstv-tsentralnoy-azii (Accessed: 7th August 2023).
6. Shadimetov, Yu.Sh. & Ayrapetov, D.A. (2022) Ekologicheskaya diplomatiya v Tsentral'noy Azii [Environmental diplomacy in Central Asia]. *Ekonomika i sotsium*. 9(100). pp. 770–777. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii (Accessed: 7th August 2023).
7. Dmitrieva, E.L. (2019) Vodnye resursy Sredney Azii: problemy i puti resheniya [Water resources of Central Asia: problems and solutions]. *Rossiya i musul'manskiy mir.* 3(313). pp. 42–48. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/vodnye-resursy-sredney-azii-problemy-i-puti-resheniya (Accessed: 7th August 2023).
8. Donbaeva, G.Ch. (2020) Osobennosti transgranichnykh rek Tsentral'noy Azii (na primere Kyrgyzstana) [Transboundary rivers of Central Asia (a case study of Kyrgyzstan)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Nauki o Zemle*. 4. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transgranichnyh-rek-tsentralnoy-azii-na-primere-kyrgyzstana (Accessed: 13th August 2023).

9. Khurramov, Kh.Kh. (2015) Politicheskiy aspekt vodno-energeticheskikh problem v Tsentral'noy Azii [Political aspect of water and energy problems in Central Asia]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 4. pp. 100–108.
10. Elkeeva, K. (2017) *Kak Bishkek i Tashkent budut stroit' GES?* [How will Bishkek and Tashkent build hydroelectric power stations?]. [Online] Available from: https://rus.azattyk.org/a/28721985.html (Accessed: 13th August 2023).
11. The Republic of Uzbekistan. (2022) *Prezident Uzbekistana podpisal zakony po granitse s Kyrgyzstanom i Andizhanskomu vodokhranilishchu* [The President of Uzbekistan signed laws on the border with Kyrgyzstan and the Andijan reservoir]. 30th November. [Online] Available from: https://president.uz/ru/lists/view/5745 (Accessed: 13th August 2023).
12. UNECE. (2022) *Vystuplenie nachal'nika Upravleniya mezhdunarodnykh svyazey i transgranichnykh vodnykh voprosov Ministerstva vodnogo khozyaystva Respubliki Uzbekistan Sh. Batirova v 5-y sessii "Regional'noe i dvustoronnee sotrudnichestvo po transgranichnym vodam" Pervoy vstrechi koordinatsionnogo soveta natsional'nogo dialoga po vodnoy politike v oblasti integrirovannogo upravleniya vodnymi resursami v Uzbekistane* [Speech by the Head of the Department of International Relations and Transboundary Water Issues of the Ministry of Water Resources of the Republic of Uzbekistan Sh. Batirov at the 5th session "Regional and bilateral cooperation on transboundary waters" of the First meeting of the Coordination Council of the National Dialogue on Water Policy in the field of integrated management water resources in Uzbekistan]. [Online] Available from: https://unece.org/sites/default/files/2022-10/5.1.%20Batirov_transgranichnoe%20sotrudnichestvo.pdf (Accessed: 13th August 2023).
13. *Gazeta.uz*. (2021) Kak Uzbekistan i Kyrgyzstan budut obmenivat'sya elektroenergiey [How Uzbekistan and Kyrgyzstan will exchange electricity]. 16th March. [Online] Available from: https://www.gazeta.uz/ru/2021/ 03/16/uzb-kg-energy/ (Accessed: 13th August 2023).
14. *Biznes Turkmenistan*. (2022) Kak Uzbekistan i Kyrgyzstan budut obmenivat'sya elektroenergiey [How Uzbekistan and Kyrgyzstan will exchange electricity]. 22nd December. [Online] Available from: https://business.com.tm/ ru/post/9604/uzbekistan-postavil-v-kyrgyzstan-elektroenergiyu-iz-turkmenskogo-prirodnogo-gaza (Accessed: 13th August 2023).
15. *Kyrgyzskoe natsional'noe informatsionnoe agentstvo*. (2018) Mirzieev predlozhil prinyat' Regional'nuyu programmu ratsional'nogo ispol'zovaniya vodnykh resursov v TsA [Mirziyoyev proposed to adopt a Regional Program for the Rational Use of Water Resources in Central Asia]. 25th August. [Online] Available from: https://for.kg/news-506622-ru.html (Accessed: 13th August 2023).
16. Russell, M. (2018) *Water in Central Asia. An increasingly scarce resource. European Parliament Briefing*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625181/EPRS_BRI(2018)625181_EN.pdf (Accessed: 13th August 2023).
17. The Republic of Uzbekistan. (2021) *Ob utverzhdenii strategii upravleniya vodnymi resursami i razvitiya sektora irrigatsii v Respublike Uzbekistan na 2021–2023 gody: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 24.02.2021* [On approval of the strategy for water resources management and development of the irrigation sector in the Republic of Uzbekistan for 2021–2023: Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 24, 2021]. [Online] Available from: https://lex.uz/docs/5307921 (Accessed: 13th August 2023).
18. Pogrebnyak, E. (2022) *Obshchie reki vsegda dolzhny byt' svyazuyushchim zvenom mezhdu narodami* [Common rivers should always be a connecting link between peoples]. [Online] Available from: https://www.ritmeurasia.org/news--2022-05-30--obschie-reki-vsegda-dolzhny-byt-svjazujuschim-zvenom-mezhdu-narodami-60131 (Accessed: 13th August 2023).
19. *Gazeta.uz*. (2023) Kazakhstan planiruet peresmotret' soglashenie o vode s Uzbekistanom i Kyrgyzstanom [Kazakhstan plans to revise the water agreement with Uzbekistan and Kyrgyzstan]. 3rd March. [Online] Available from: https://www.gazeta.uz/ru/2023/07/03/syrdarya/ (Accessed: 13th August 2023).
20. Zhiltsov, S.S., Zhiltsova, M.S., Medvedev, N.P. & Slizovskiy, D.Y. (2018) Water Resources of Central Asia: Historical Overview. *The Handbook of Environmental Chemistry*. pp. 9–24. [Online] Available from: https://repository.rudn.ru/ru/recordsources/recordsource/1333/ (Accessed: 13th August 2023).
21. Garbuzarova, E.G. (2021) Regulyativnye initsiativy gosudarstv Tsentral'noy Azii v voprosakh resheniya transgranichnykh vodnykh problem [Regulatory initiatives of the Central Asian states in solving transboundary water problems]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 8(2). pp. 219–228. doi: 10.24975/2313-8920-2021-8-2-219-228

***Сведения об авторах*:**
Адамкулова Чинара Усенбековна – доктор экономических наук, профессор Дипломатической академия МИД КР им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: chinara.adam@gmail.com
Айтбаев Жоробай Кубанычбекович – PhD докторант Дипломатической академия МИД КР им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: jo.aitbaev@gmail.com
Данков Артем Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия); научный сотрудник Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru
Джоробекова Айнур Эшимбековна – кандидат исторических наук, профессор Дипломатической академия МИД КР им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: gonduras1967@mail.ru
Доскожаева Айзат Кылычбековна – PhD, докторант Дипломатической академия МИД КР им. К. Дикамбаева (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: aizatdoskozhaeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Adamkulova Tchinara U. – Doctor of Economics, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: chinara.adam@gmail.com
Aitbaev Zhorobay K. – PhD Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: jo.aitbaev@gmail.com
Dankov Artem G. – PhD, Associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia), Researcher, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: artem.dankov.83@mail.ru
Djorobekova Ainur E. – PhD, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaeva (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: gonduras1967@mail.ru
Doskozhaeva Aizat K. – PhD Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaeva (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: aizatdoskozhaeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 29.11.2023; accepted for publication 01.02.2024

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; принята к публикации 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(437)“1933/1938”
doi: 10.17223/19988613/87/14

Судето-немецкая партия в Чехословакии: на пути к объединению с нацистской Германией (1933–1938 гг.)

Алла Александровна Борисова[1], Анна Владимировна Бабаева[2]

[1] Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, allaborisova@yandex.ru
[2] Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Россия, annabab1@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются организация и характер Судето-немецкой партии в Чехословакии, возглавляемой Конрадом Генлейном (1933–1938). Внимание сфокусировано на причинах успеха Судето-немецкой партии в решении задачи присоединения судетских немцев, проживавших на территории нового Чехословацкого государства, к Германии. На основе источников анализируются сферы практической работы Судето-немецкой партии в 1933–1938 гг. и ее отношения с германским правительством. Рассмотрены причины и факторы, повлиявшие на рост национализма в рядах Судето-немецкой партии.
Ключевые слова: К. Генлейн, Чехословакия, Судето-немецкая партия, Германия

Для цитирования: Борисова А.А., Бабаева А.В. Судето-немецкая партия в Чехословакии: на пути к объединению с нацистской Германией (1933–1938 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 121–128. doi: 10.17223/19988613/87/14

Original article

The Sudeten-German party in Czechoslovakia: on the way to unification with Nazi Germany (1933–1938)

Alla A. Borisova[1], Anna V. Babaeva[2]

[1] Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, allaborisova@yandex.ru
[2] Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation, annabab1@yandex.ru

Abstract. The history study of nationalist parties in the 20th century is the subject of close attention of many researchers-germanists. However, the history of the Sudeten-German party in Czechoslovakia in the 1930s does not often become an object of research. The purpose of the article is to consider the activities of the Sudeten-German party, to highlight the key reasons for its emergence. Particular attention is paid to the evolution of the party leaders' views on the way to unification with Nazi Germany. Also, the work proposed, if possible, an objective analysis of the essence of Henlein movement. The urgency of the problem is substantiated, first of all, by the fact that according to a similar scenario events, developed and continue to develop on the territory of the former Yugoslavia, the Soviet Union, especially in the Baltic countries, where the Russian-speaking population makes up a significant part, like the Sudeten Germans in Czechoslovakia at their time, however, they are also targeted by the discriminatory policy of the authorities. The source base was made up of the documents collected by the Czechoslovak researcher V. Kral and published by him in 1964. As part of these materials, a large group of sources can be distinguished, which make up materials at the meetings of the main leadership in the Sudeten German Home Front - the Sudeten German Party in the period from 1933 to 1937, early 1938 and the speech by the leader of the Sudeten German Party K. Heinlein. Since the early 1990s we can talk about the renaissance of the historiography of the Sudeten-German history, mainly due to the development of archives in Germany, the Czech Republic and Slovakia. The First World War did not contribute to the resolution of national contradictions. After the end of the First World War the Sudeten Germans were also included in Czechoslovakia at the behest of the Entente. The Sudeten-German party of K. Henlein took an active position in this struggle. Summing up, the authors conclude that the question of the nature of Henlein movement is controversial. Henlein movement really resembled the Nazi party in Germany, but at the initial stage of its activity in 1933-1936. However, as the Czechoslovak authorities opposed, pressure from the Nazi party in Germany and the strengthening of the right-wing radical branch, the Sudeten German Party practically lost its characteristics and turned into an analogue of the National Socialist German Workers' Party. This fact largely predetermined the radical solution of the Sudeten-German question through the Munich agreements on September 29, 1938, when the border regions of Czechoslovakia were annexed to Germany. Undoubtedly,

© А.А. Борисова, А.В. Бабаева, 2024

these agreements were in the interests of the majority of the Sudeten Germans, who, however, once again became victims of the big European politics.
Keywords: K. Heinlein, Czechoslovakia, Sudeten-German party, Germany

For citation: Borisova, A.A., Babaeva, A.V. (2024) The Sudeten-German party in Czechoslovakia: on the way to unification with nazi germany (1933–1938). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 121–128. doi: 10.17223/19988613/87/14

XX век стал самым бурным столетием за всю историю человечества, знамением которого стала Первая мировая война 1914–1918 гг. Один из результатов этой войны – крушение многонациональной империи Габсбургов, когда различные народы, населявшие территорию империи, заявили о своем праве на самоопределение; не явились исключением и чешско-словацкие земли, преобразованные в 1918 г. в Чехословацкую республику, в состав которой помимо их воли были включены и судетские немцы. Впервые немцы в Чехословакии, численность которых к началу 1920-х гг. составила около 3,5 млн человек и которые по праву должны были считаться вторым народом в государстве, превратились из привилегированной этнической группы в одно из национальных меньшинств. Попытки создания автономных провинций с преобладающим немецким населением не увенчались успехом. А кризисные явления в экономике 1920-х гг. и нежелание чехословацких властей решать судето-немецкую проблему предопределили появление новой политической силы – Генлейновского движения. Основанная в 1933 г. в Чехословакии партия судетских немцев – Судето-немецкий отечественный фронт – СНОФ (Sudetendeutsche Heimat Front – SHF), а после 1935 г. – Судето-немецкая партия – СНП (Sudetendeutsche Partei – SdP), под руководством своего лидера Конрада Генлейна смогла достичь за короткое время небывалых высот, получив в 1935 г. на парламентских выборах 2 млн голосов, набрав больше, чем любая другая партия. Вдохновленная этим успехом, СНП воплотила в жизнь свое видение «национального сообщества судетских немцев» в немецких поселениях Чехословакии, постепенно переманив на свою сторону почти все другие партии и организации немецкого меньшинства. В 1938 г. судетские немцы добились присоединения своей области к Германии в рамках Мюнхенского договора.

Возникновение Генлейновского движения неразрывно связано с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в Чехословакии в 1920–1930-х гг. В этот период растут националистические радикальные настроения как среди чехов, так и среди немцев в ЧСР [1. С. 81]. Однако стать массовой политической силой в ЧСР удается только судето-немецким национал-социалистам. Мировой экономический кризис нанес удар по немецким промышленным районам Чехословакии, что вызвало недовольство немецкого населения; в пограничных областях был высок уровень безработицы – 35% трудоспособного немецкого населения осталось без работы, а общее количество безработных достигло 1 млн человек [2. С. 44]. Во многих немецких районах фактически господствовали нищета и голод [3. С. 255]. Немецкая промышленность и финансовые учреждения находились на грани банкротства, а многие уже были банкротами [4. S. 72]. Бóльшая часть немцев винила в экономическом кризисе Прагу. Министр Чехословакии Ф. Шпина отмечал, что если бы чехам удалось поднять жизненный уровень немцев до уровня чехов, то, возможно, национал-социалистическая идеология охватила бы меньшее число судетских немцев [4. S. 73].

Особо следует отметить в качестве важной предпосылки возникновения Генлейновского движения колеблющуюся и по большей части попустительскую политику правящих кругов Чехословакии, которые не решились на запрет деятельности этой партии, наблюдая за развитием ситуации в Германии [5. С. 115].

Вопрос о характере Генлейновского движения является дискуссионным: носило ли оно с самого начала нацистский характер или нет. С одной стороны, многие исследователи пишут о том, что Судето-немецкая партия была филиалом (пятой колонной) гитлеровской Германии и имела все признаки фашисткой организации. С другой стороны, сам Конрад Генлейн и члены его партии долгое время не признавали свою связь с Германией. Конрад Генлейн, будучи активистом физкультурного движения, а не лидером политической партии, при любой возможности отрицал, что его организация имела что-то общее с национал-социализмом. Это было сделано значительно позже, уже после того, как Генлейн и его ближайшие сторонники были схвачены. В 1945 г., находясь под арестом, Генлейн признал, что «национал-социалистические идеи быстро захватили нас, судетских немцев», признал и то, что вынужден был тайком, в условиях резко негативного отношения чехословацких властей, «поддерживать связь с национал-социалистической революцией», мотивируя это тем, что иных возможностей реализовать судето-немецкую волю не было [4. S. 81]. В своем заявлении он также отметил, что сильно колебался, когда осенью 1933 г. Гитлер обратился к нему с просьбой возглавить политическую организацию судетских немцев, но принял ее, «так как на кону находилось сохранение судето-немецкого народа» [4. S. 82].

В начале своего образования Судето-немецкий отечественный фронт был охарактеризован основателями как совершенно новая политическая сила, которая была независима от догм национальных партий и прежде всего национал-социалистов. Генлейн оценивал свою партию как совершенно новое движение, которое в отличие от прежних партийных организаций «стремится к единому политическому волеизъявлению». Основная цель этого формирования заключалась в защите судето-немецкого народа, чтобы он вновь стал единым. По словам Генлейна, это движение напоминало, скорее, «добровольческую армию», объединение всех судетских немцев, решившихся «стать на защиту

родины» [4. S. 64]. На наш взгляд, Судето-немецкий отечественный фронт зарождался не как нацистское движение, а занимал умеренную позицию во многих вопросах.

Доказательством тому может служить программа СНОФ, которую К. Генлейн разработал летом 1934 г. Она сводилась к следующему:

1) допуск чинов СНОФ к чехословацкому правительству;

2) необходимость создания четко организованной судето-немецкой «общности» на национальной, социальной и христианской основе;

3) право на самоопределение судетских немцев;

4) провозглашение принципа «общественные интересы выше личных» [4. S. 55].

Программа партии не содержала каких-то пропагандистских, нацистских лозунгов и вписывалась в конституционное правовое поле Чехословацкого государства.

Деятельность СНОФ–СНП можно разделить на несколько этапов. Первый охватывает 1933–1936 гг. – период конструирования отношений на конституционных принципах и требований автономии судетских немцев в рамках Чехословацкого государства. Второй этап – 1937–1938 гг. – период радикализации требований СНП о присоединении Судетской области к Германии, открытая связь с национал-социалистами Германии и проведение политики террора.

Партия набирала популярность. В новую партию влилось множество ранее существовавших организаций: Немецкий физкультурный союз, Союз немцев, Немецкий Богемский Лесной союз, Немецкое культурное общество, Богемское лесное движение, Движение отечества и др., которые долгие годы вели борьбу неполитическими методами, но теперь под давлением радикально настроенного населения и перед лицом политического вакуума включились в политическую борьбу в форме организованного движения [6. P. 188]. Примкнули к Генлейну также члены Шуцбунда (боевая организация австрийских рабочих) и, наконец, члены активистских партий [6. P. 189]. В СНОФ устремилось значительное число членов бывшей национал-социалистической партии, их было меньшинство, однако они сумели добиться влиятельных позиций на областном уровне. Так, влиянием в СНП пользовались Г. Кребс и Р. Юнг, они осуществляли связь между нацистской партией Германии и немецкими национальными меньшинствами, проживавшими за пределами Германии, в том числе и в Чехословакии [4. S. 55]. В то же время на немцев в Чехословацкой республике оказывалось давление, чтобы те присоединились к Генлейну.

Судето-немецкий отечественный фронт в октябре 1934 г. провел массовое мероприятие – марш, в котором участвовали около 70 тыс. человек. В этот же день в Бемиш-Лайпа Генлейн произнес свою знаменитую речь, в которой критиковал партии национал-социалистического толка, говорил о возможности решения судето-немецкого вопроса в рамках существующих границ и конституции ЧСР и восхвалял либерализм [6. P. 188]. Это было заявление для властей и широкой общественности.

Несмотря на то, что уже к середине 1930-х г. накопилось достаточно свидетельств связей Генлейна с нацистской партией [7. С. 67], чехословацкие власти были склонны верить заверениям лидера СНОФ–СНП. Сам президент ЧСР Т. Масарик не опасался Генлейна и его партии, подчеркивая, что Генлейн «представляет собой менторскую натуру, которая больше всего заботится о почестях», что он, Масарик «до сих пор не слышал о каких-либо материалах, свидетельствующих против Генлейна» [5. С. 121]. Это и неудивительно, что власти не «замечали» каких-либо компрометирующих документов или иных доказательств связей Генлейна с нацистами, так как были заинтересованы в мощной оппозиции, которую представляли генлейновцы по отношению к Коммунистической партии Чехословакии.

Накануне парламентских выборов 1935 г. Судето-немецкий отечественный фронт был переименован в Судето-немецкую партию. Участие в выборах принесло партии небывалый успех – она набрала наибольшее количество голосов (1 249 530) среди всех партий по стране и стала второй по величине фракцией в парламенте Чехословацкой Республики. СНП получила 44 места (из 300) в Палате представителей и 23 места в Сенате, получив 68% голосов судетских немцев [8]. Программа партии не отличалась оригинальностью или излишним радикализмом. Партия выступала за социально-экономические, политические и культурные права судетских немцев. При этом никаких экстремистских и нацистских лозунгов не звучало. Наоборот, СНП обещала в рамках «неотложных мероприятий» предоставить работу в течение 14 дней 30 тысячам человек, что в условиях экономического кризиса и безработицы было заманчивым предложением. Генлейновцы провели кампанию по сбору денежных средств для безработных под лозунгом «судето-немецкой народной помощи» и пропагандистский автопробег по всем районам, населенным немцами.

На наш взгляд, с момента образования партии идеи национал-социализма не играли большой роли, а судетские немцы стремились объединиться скорее с соседней Австрией, чем с Германией. Генлейн первоначально требовал, чтобы Чехословакия построила свое государство по типу швейцарских кантонов, в котором всем этническим группам будет предоставлена широкая автономия. До сих пор специалисты спорят о том, до какой степени это было вопросом убеждения или, как позже утверждал Генлейн, тактического поведения.

Несмотря на высказывания Генлейна, все-таки отрицать связь его партии с Германией некорректно. Существует масса фактов, свидетельствующих о связях организации Генлейна с немецкими нацистами. Имеет смысл остановиться на наиболее ярких. Начиная с осени 1933 г. СНОФ находился на содержании Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Например, ряд фактов подтверждает финансовую поддержку СНП из Германии: на проведение избирательной кампании на выборах 1935 г. партия получила от НСДАП 6 млн марок. Значительную материальную помощь оказывали не только немецкие, но и чешские реакционеры [9. С. 275]. В Берлине был создан связной пункт СНП, во главе которого нахо-

дился Ф. Бюргер. В это ведомство ежемесячно, а в отдельных случаях еженедельно, направлялись доклады о развитии ситуации в Чехословакии, в ответ отсылались наряду с денежными средствами инструкции [4. S. 93]. Более того, даже для предоставления квалифицированной адвокатской защиты находящимся в тюрьме генлейновцам денежные средства поступали из Германии [4. S. 115]. С осени 1933 г. Генлейн регулярно посещал Гитлера в Берлине или Нюрнберге, последний консультировал лидера СНОФ по текущим вопросам; особенно визиты участились в 1937–1938 гг. Генлейн не предпринимал каких-либо шагов, предварительно не проконсультировавшись с Гитлером [10. С. 190]. С другой стороны, существуют данные о финансовой поддержке генлейновцев не только со стороны Германии, но и со стороны чехословацких властей [11. S. 34].

Настораживало отношение генлейновцев к евреям, довольно часто происходили акции бойкота против еврейских адвокатов, врачей, банкиров. Судето-немецкий еженедельник «Штюрмер», издателем которого был Юлиус Штрайхер, открыто заявлял, что «Евреи – наша беда» [4. S. 74]. Отметим интересный факт: в партии Генлейна не было ни одного еврея.

Не вызывали доверия и методы, при помощи которых члены СНП добивались своих целей. Перед парламентскими выборами 1935 г. генлейновцы с целью получить большее количество голосов занимались подкупом, шантажом и запугиванием немецкого населения. Различного рода общества и культурные объединения насильственно приобщались к господствующей идеологии или попросту занимались «чисткой» в районах, населенных немцами. Среди организаций, которые подверглись такому воздействию, были спортивные общества, гребные клубы, союзы ветеранов и песенные союзы. Особый интерес вызывало у Генлейна, насколько глубоко можно проникнуть на предприятия и в дирекции банков, чтобы переманить на свою сторону их владельцев [4. S. 82]. Нетрудно провести параллель со «знаменитым движением» в самой Германии. Безусловно, подобными методами пользовались не только нацисты, но в любом случае такие действия были нехарактерны для партий социал-демократического толка.

СНП была партией крупной буржуазии и финансового капитала. Одна из основных ее опор – судето-немецкие предприниматели текстильной промышленности, надеявшиеся на возврат восточных и юго-восточных рынков Европы. Поэтому чехословацкие правящие круги не решались на открытый конфликт с генлейновцами, обеспеченными поддержкой немецкой буржуазии. Немецкие предприниматели, поддерживавшие Генлейна, оказывали давление на рабочих и служащих, угрожая им увольнениями и расправой в случае отказа голосовать за СНП.

Генлейновцам удалось подчинить физкультурные, культурно-просветительские организации, религиозные и иные союзы, сумев убедить в своей правоте и необходимости действовать подобными методами [4. S. 108]. Эти организации объединяли несколько сот тысяч судетских немцев, неслучайно СНОФ–СНП являлась массовым движением. Во время предвыборной кампании 1935 г. генлейновцы наводнили пограничные районы нелегальными листовками, в которых угрожали отторжением и насильственным присоединением этих районов к Германии [9. С. 274]. В некоторых случаях политические враги нацистов были убиты прямо на собственной земле. Большой общественный резонанс получило убийство в августе 1933 г. агентами гестапо профессора-антифашиста Теодора Лессинга, а в январе 1935 г. – радиожурналиста Р. Формеса, оба бежали из Германии в попытке найти убежище в Чехословакии [4. S. 83]. В том же 1935 г. чешская пресса писала о жалобах чехов, проживавших в пограничных районах, на растущее давление судето-немецкой партии [12. С. 35].

Нередкими были случаи похищения людей. Так, в одном из докладов социал-демократ В. Якш писал, что «сотни наших соратников были угнаны в Германию, среди них 500 рабочих из плавильной фабрики в Варнсдорфе, которые заявили о своей принадлежности к свободному профсоюзу. 22 сентября после обеда фабрика была окружена нацистскими партизанами, и испуганные люди позволили избить себя юнцам и вывести как скот. Рискуя жизнью, один из них отправился в школу, где размещалась жандармерия, и был свидетелем того, как 80 вооруженных до зубов жандармов без сопротивления позволили себя разоружить и в автобусах перевезти в Германию. Власти практически бездействовали, так как их действия были сильно обременены распоряжениями из Праги. С вокзала Мариенбад, который пока еще находился в распоряжении чехословацких властей, был похищен один из железнодорожных рабочих, являющийся нашим агентом (Суттнер), причем по распоряжению Генлейна, вместе с ним еще две дюжины антифашистов, запертые вначале в подвале отеля “Эгерлендер”, а затем в амбаре, чтобы ночью вывезти их в Германию. Начальник государственной полиции Худоба и пальцем не пошевелил. Тогда один из высокопоставленных чиновников Министерства внутренних дел, убежденный социал-демократ, пришел на помощь, он распорядился выделить две бронемашины из Миса. Они вовремя прибыли в Мариенбад, освободили заложников и восстановили порядок» [4. S. 254]. Отметим, что социал-демократы были основными оппонентами СНП, поэтому столь эмоциональное высказывание стоит рассматривать, на наш взгляд, критически.

В составе партии можно выделить два основных течения: радикальное (пронацистское) и умеренное. Радикальное крыло возглавлял К.Г. Франк, один из лидеров СНП, известный своей пронацистской позицией. Праворадикалы ратовали за присоединение (аншлюс) судетских немцев к Германии. Представители умеренного крыла видели решение судето-немецкой проблемы в рамках широкой автономии, добиться которой полагали лишь путем активного сотрудничества с чехословацким правительством [4. S. 56]. Что касается позиции Генлейна, то нужно отметить, что вплоть до 1935–1936 гг. он отдавал предпочтение умеренному крылу в СНП. Однако планы на создание немецкой автономии в рамках Чехословацкого государства не

оправдались, что способствовало росту радикальных пронацистских позиций не только среди членов судето-немецкой партии, но и среди судетских немцев. Начиная с конца 1936 г. и особенно в 1937–1938 гг. (за некоторыми исключениями) Генлейн неизменно поддерживал радикалов, что, видимо, можно связать с давлением со стороны Германии.

Подъем Генлейновской партии неразрывно связан с успехом фашизма в Германии. Со второй половины 1930-х гг. Германия уже не скрывала поддержку Генлейна и его партии. Начиная с 1936 г. члены НСДАП постоянно вмешивались во внутренние конфликты СНП, так как Гитлер был заинтересован в сохранении относительного единства в партии. Давление на Генлейна также оказывалось через немецкого посла в Праге. Однако на данном этапе Гитлер мог предложить Генлейну лишь финансовую поддержку. Германское руководство не могло пока открыто вмешиваться во внутренние дела другого государства. Свидетельством этому служит беседа министра иностранных дел ЧСР К. Крофта с посланником Германии в Чехословакии в декабре 1937 г., в которой последний заверяет министра в нежелании Германии «вмешиваться в вопросы» чехословацкой политики «в отношении меньшинства» [13. С. 18].

Начиная с 1937 г. внешний облик Генлейновской партии гораздо больше напоминал фашистскую организацию, чем то, о чем заявляли основатели СНОФ–СНП. Конрад Генлейн в 1937 г. был провозглашен «фюрером» своей партии. Члены сформированных при СНП подразделений обороны имели особую форму по примеру гитлеровских СА; она состояла из высоких сапог и белых чулок [4. S. 121]. Мужчины носили тирольские шляпы и кожаные штаны, а женщины – коричневую юбку, голубую блузку и белые колготки [14. S. 330]. К этому можно добавить, что судето-немецкая партия активно применяла методы и средства, характерные для нацистской партии Германии: использование емких лозунгов «Защитим немецкую отчизну», «Один за всех и все за одного», красочных агитационных листков, флагов, вымпелов. Судето-немецкая партия делала упор на частные проблемы, которые волновали немцев. Как отмечают многие исследователи, программа Генлейна не отличалась четкостью, и сам К. Генлейн также постоянно колебался в выборе политических ориентиров, однако в решении частных вопросов ему не было равных [5, 14].

Число членов СНП, которое на 31 декабря 1936 г. составляло 459 833 человек, выросло с 548 338 на 31 декабря 1937 г. до 759 289 в марте 1938 г. и 1 047 178 человек через месяц [15. S. 592]. Партия стала одной из самых многочисленных. С ноября 1937 г., по словам историка Ральфа Гебеля, когда Генлейн впервые обратился к Гитлеру и попросил его поддержать судетских немцев, СНП стала «пятой колонной» Гитлера в Чехословакии [16. S. 55].

Усиление праворадикального крыла в СНП совпало с переломным моментом во внешней политике самой Германии. Он был связан с пересмотром сложившихся границ в Европе. Одним из важных событий, которое поколебало Версальскую систему, стал аншлюс Австрии 12 марта 1938 г. Тогда Гитлер впервые заговорил о возможности получения новых территорий за счет Чехословацкого государства. Эти положения были отражены в так называемом плане «Грюн», по которому Чехословакия «в ближайшем будущем должна быть разбита в результате одного военного акта» [17]. Активные внешнеполитические шаги Германии привели к тому, что уже с марта 1938 г. судето-немецкий вопрос перешел в международную плоскость. События развивались стремительно. В течение марта 1938 г. большинство судето-немецких партий примкнуло к СНП. Германское руководство регулярно консультировало Генлейна и заверяло в своем желании разрешить судето-немецкую проблему либо в рамках автономии, либо в рамках присоединения к Германии.

29 марта 1938 г., на следующий день после личной встречи Гитлера с Генлейном, прошло совещание в МИД Германии по судето-немецкому вопросу, на котором была определена цель СНП: предъявление чехословацкому правительству всех требований, какие они считают нужным. При этом именно судето-немецкая партия, а не имперское правительство, должна стать единственным партнером по переговорам с чехословацкими властями. А лидеру судето-немецкой партии посоветовали «сохранять спокойствие и дисциплину и избегать неосторожностей». Генлейну предлагалось составить программу максимум, конечной целью которой было бы предоставление полной свободы судетским немцам [18]. Отклонение радикальных требований Чехословацким правительством стало бы поводом для Гитлера вмешаться во внутренние дела другого государства под предлогом защиты национальных меньшинств.

На съезде судето-немецкой партии, который проходил в Карлсбаде 24 апреля 1938 г., была принята программа из восьми основных пунктов. Она не отличалась радикальностью и включала в себя такие положения, как равноправие немецкого и чешского народов, защита прав немцев, проживающих на всей территории Чехословакии, и определение границ и областей проживания немецкого меньшинства на территории ЧСР на законодательном уровне. Однако особо следует отметить некоторые пункты программы. Например, программа содержала пункты о признании немецкого меньшинства юридическим лицом и определении его положения в государстве, о создании во всех областях общественной жизни судето-немецкого самоуправления, о реализации основного принципа «немецкие чиновники на немецкой территории», что привело бы к появлению отдельного административного аппарата и означало бы конец чехословацкого государства в его прежней форме. Более радикальные требования содержались в шестом и восьмом пунктах программы. Руководители СНП требовали компенсировать ущерб, который понесли судетские немцы в 1918 г. в результате политики чехословацкого руководства. Восьмой пункт требовал полной свободы для немецкой культуры и немецкого мировоззрения, его выполнение позволяло бы проводить нацистскую пропаганду на территории ЧСР [5. С. 156]. Власти Чехословакии не приняли программу Генлейна. Если бы правительство ЧСР

одобрило эту программу, предусматривался 9-й пункт о создании собственных войсковых частей из судетских немцев и выводе частей чехословацкой армии из Судетской области, что было бы неприемлемо для чехословацкого суверенитета.

Партию Генлейна поддерживала и Великобритания. Действуя в духе политики умиротворения, руководство этой страны выступало посредником между Гитлером и Генлейном, с одной стороны, и чехословацкими правящими кругами – с другой. С 1935 г. лидер СНП неоднократно бывал в Великобритании, встречаясь со многими политическими и общественными деятелями, такими как Р. Ванситтарт, У. Черчилль. Цель Генлейна состояла в том, чтобы убедить Великобританию в «умеренности» программы СНП. И это ему удалось в мае 1938 г. [19. С. 199].

Весьма противоречивой была и политика правительства Чехословакии. Пражская политическая элита не предприняла никаких попыток остановить повсеместные демонстрации генлейновцев под лозунгами «Один народ, один рейх, один фюрер», не опубликовала никаких документов, компрометирующих руководство партии и ее связь с нацистской Германией. СНП открыто выступала как агент влияния германских нацистов [20. S. 157].

Развитие судето-немецкого кризиса в 1938 г. было тесно связано с актами террора, который генлейновцы осуществляли с помощью немецкого оружия. Помощник советского военного атташе в Праге В.Н. Кашуба в марте 1938 г. докладывал в НКО СССР об обстановке в немецких районах Чехословакии и о произволе судето-немецкой партии, которая «делает все, что хочет». Повсюду «принято употреблять гитлеровское приветствие», а на ратушах «развеваются судето-немецкие знамена». [21]. В судето-немецкой прессе, которая была подчинена руководству партии Генлейна, развернулась кампания о «чешских зверствах» в связи с гибелью двух генлейновцев. СНП устроила им торжественные похороны с возложением траурного венка лично от Гитлера.

28 апреля 1938 г. временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов после поездки в Судетскую область сделал вывод, что «немецкое население... почти целиком распропагандировано и готово встретить Гитлера как освободителя» [22. С. 405–406]. 22 мая состоялись местные выборы, в результате которых СНП набрала около 90% голосов судетских немцев, которые уже прошли в атмосфере запугивания инакомыслящих [23. S. 232.].

12 сентября Гитлер выступил с речью, фактически призывая судетских немцев к вооруженному восстанию [24]. Он заявлял, что Германия поддерживает судетских немцев в борьбе за свои права, и если последним никто не поможет, то это сделает Германия: «Немцы в Чехословакии – не безоружны и не покинуты» [4. S. 157]. В ночь с 12 на 13 сентября в немецких областях начались массовые акции террора против чешского населения и представителей властей. Мятеж охватил 70 населенных пунктов, но был быстро подавлен. Со стороны чехов погибли 16 человек, со стороны немцев – 11 человек [25. S. 63–65]. Власти Чехословакии запретили деятельность судето-немецкой партии, а Генлейн сбежал в Германию.

В октябре 1938 г. – после включения Судетских областей в качестве административной единицы (гау) в состав Германского рейха в результате Мюнхенского соглашения – партия судетских немцев была напрямую подчинена НСДАП. Последний съезд партии состоялся 16 октября 1938 г. 5 ноября 1938 г СНП была распущена и присоединена к НСДАП. Генлейн был назначен главой Судетской области.

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. говорить о СНП как о нацистской партии, на наш взгляд, поспешно. Идеология судето-немецкой партии претерпела два этапа. На первом этапе (1933–1936) СНОФ–СНП проводила самостоятельную политику, отрицала связи с Германией и была лояльна Чехословакии. В это время можно говорить скорее о прочешской позиции, чем о прогерманской. Генлейновцы настаивали в своей программе на конституционном решении судетского вопроса и делали ставку на решение экономических и социальных проблем. В 1933–1936 гг. не было открытых столкновений с представителями власти ЧСР, террора и агрессивной пропаганды своей политики. Нечеткая формулировка основных требований лидера партии Генлейна, выжидательная тактика объяснялись необходимостью, проистекающей из того обстоятельства, что Германия, покровительствующая СНП, пока набирала силу и, соответственно, не могла допустить, чтобы сторонники Генлейна раньше времени накаляли обстановку четкими и радикальными требованиями. Это была вынужденная мера, на которую руководство СНП пошло лишь с одной целью – потянуть время, однако смысл этой выжидательной тактики понимали многие как в обществе, так и в правительственных структурах [4. S. 72].

Формирование политической организации, поглотившей многие судето-немецкие партии, не означало, однако, того, что Генлейновское движение непременно воспримет национал-социалистическую идеологию, но неуспешная политика основных оппонентов – социал-демократов и коммунистов, а также соседство с фашистской Германией и ее материальная поддержка, поддержка Великобритании, противоречивая и попустительская позиция Чехословакии предопределили идеологическое содержание организации Генлейна. На втором этапе (1937–1938) в плане организации и идеологии Генлейновское движение во многом уже напоминало нацистскую партию Германии. Растущая популярность Германии, ее удачная внешняя политика, далеко идущие планы в отношении немцев и территорий, на которых они проживали, привели к усилению в этой связи праворадикального крыла, и СНП практически утратила свои особенности, превратившись в аналог нацистской партии Германии. Таким образом, политические настроения судетских немцев находились в прямой зависимости от состояния германо-чехословацких отношений. В этой связи нельзя отрицать ответственности чехословацкого руководства за развитие судетского кризиса, который привел к Мюнхену. Еще одним фактом растущей популярности судето-немецкой партии и окрашивания ее в нацистские цвета стало отсутствие

серьезных оппонентов, которые бы сдерживали ее; все действия, предпринимаемые социал-демократами и коммунистами, не были эффективными. С 1935 г. и западные державы в лице Великобритании и Франции поддерживали СНП, взращивая оппозицию внутри Чехословакии. Все эти факты во многом предопределили и нацистский характер СНП с 1937 г., и радикальное разрешение судето-немецкого вопроса посредством Мюнхенских соглашений 29 сентября 1938 г., когда произошло присоединение пограничных районов Чехословакии к Германии. Безусловно, эти соглашения соответствовали интересам большинства судетских немцев, которые, однако, в очередной раз стали жертвами большой европейской политики.

Список источников

1. Фирсов Е.Ф. Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 20-е годы. М. : Изд-во МГУ, 1989. 139 с.
2. Зуппан А. Конфликт, война и геноцид в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, 1938–1948. Часть 1 // Славяноведение. 2016. № 3. С. 40–50.
3. Краткая история Чехословакии / под общ. ред. А.Х. Клеванского, В.В Марьиной. М. : Наука, 1988. 576 с.
4. Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933–1947. Dokumentationsammlung / Hrsg.: von V. Kral. Praha : Nakl. Ceskoslovenske akad. ved, 1964. 664 S.
5. Кретинин С.В. Судетские немцы: народ без родины. 1918–1945 гг. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. 320 с.
6. Smelser R.M. The Sudeten Problem, 1933–1938. Middletown, CT, 1975. 324 p.
7. Назаров О.Г. О роли Польши в развязывании Второй мировой войны // Информационные войны. 2015. № 1 (33). С. 64–74.
8. Küpper R. The “Sudeten German Question” before and after Munich 1938: From the “Sudeten German Question” in Czechoslovakia over the “Czech Question” in the “Third Reich” to the Expulsion of the Sudeten Germans // История. Трансформации международно-политических систем от Венского конгресса до XXI века : электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10, вып. 11 (85).
9. История Чехословакии : в 3 т. / под ред. Г.Э. Санчука, П.Н. Третьякова; Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 3. 622 с.
10. Крал В. План «Зет». М. : Прогресс, 1978. 339 с.
11. Kučera J. Minderheit im Nationalstaat: Die Sprachenfrage in den tschechisch-deutschen Beziehungen 1918-1938. München : Oldenbourg, 1999. 335 S.
12. Серапионова Е.П. Внешний фактор и национальные меньшинства в ЧСР в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 2016. № 3. С. 31–39.
13. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР 9 декабря 1937 г. // Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939. М. : Политиздат, 1979. С. 17–18.
14. Vierling B. Kommunikation als Mittel politischer Mobilisierung. Die Sudetendeutsche Partei (SdP) auf ihrem Weg zur Einheitsbewegung in der Ersten Tschechoslowakischen Republik (1933–1938). Marburg : Herder-Institut Verlag, 2014. 592 S.
15. Osterloh J. Sudetendeutsche Heimatfront // Handbuch des Antisemitismus. Berlin, 2012. Bd. 5: Organisationen, Institutionen, Bewegungen. S. 591–595.
16. Gebel R. “Heim ins Reich”: Konrad Henlein und der Reichsgau Sudetenland (1938–1945). München : Oldenbourg, 1999. 425 S.
17. Война на два фронта с центром тяжести на юго-востоке (операция «Грюн») : циркуляр ОКВ «». URL: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/cirkulyar-okv-voyna-na-dva-fronta-s-centrom-tyazhesti-na-yugo-vostoke-operaciya-gryun
18. Запись совещания в МИД Германии по судето-немецкому вопросу, 29 марта 1938 г. URL: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/zapis-soveshchaniya-v-mid-germanii-po-sudeto-nemeckomu-voprosu
19. Прасолов С.И. Чехословакия в европейской политике, 1935–1938 гг. М. : Наука, 1989. 229 с.
20. Sator K. Anpassung ohne Erfolg: die sudetendeutsche Arbeiterbewegung und der Aufstieg Hitlers und Henleins 1930–1938. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996. 390 S.
21. Информационное письмо помощника советского военного атташе в Праге В.Н. Кашубы в отдел внешних сношений НКО СССР об обстановке в районах компактного проживания немцев в Чехословакии и произволе Судето-немецкой партии. URL: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/informacionnoe-pismo-pomoshchnika-sovetskogo-voennogo-attashe-v-prage-vn-kashuby-v-otdel-vneshnih-0
22. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / отв. ред. П.Н. Поспелов. М. : Наука, 1978. Т. 3. 647 с.
23. Brandes D. “Besinnungsloser Taumel und maßlose Einschüchterung”. Die Sudetendeutschen im Jahre 1938 // Jahrbuch der Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf 2004. Düsseldorf : Heinrich-Heine-Universität, 2005. S. 221–240.
24. Brügel J. Tschechen und Deutsche 1918 bis 1938. München : Nymphenburger, 1967. 662 S.
25. Röhr W. September 1938. Die Sudetendeutsche Partei und ihr Freikorps. Berlin, 2008. 319 S.

References

1. Firsov, E.F. (1989) *Evolyutsiya parlamentskoy sistemy v Chekhoslovakii v 20-e gody* [Evolution of the parliamentary system in Czechoslovakia in the 1920s]. Moscow: MSU.
2. Zuppan, A. (2016) Konflikt, voyna i genotsid v Tsentral'no-Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Evrope, 1938–1948 [Conflict, war and genocide in Central-Eastern and South-Eastern Europe, 1938–1948]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 40–50.
3. Klevanskiy, A.Kh. & Marina, V.V. (1988) *Kratkaya istoriya Chekhoslovakii* [A Brief History of Czechoslovakia]. Moscow: Nauka.
4. Kral, V. (1964) *Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933–1947.Dokumentationsammlung*. Praha : Nakl. Ceskoslovenske akad. ved.
5. Kretinin, S.V. (2000) *Sudetskie nemtsy: narod bez rodiny. 1918–1945 gg.* [Sudeten Germans: a nation without a homeland. 1918–1945]. Voronezh: VSU.
6. Smelser, R. M. (1975) *The Sudeten Problem, 1933–1938*. Middletown/Conn.
7. Nazarov, O.G. (2015) O roli Pol'shi v razvyazyvanii Vtoroy mirovoy voyny [On the role of Poland in the outbreak of the Second World War]. *Informatsionnye voyny*. 1(33). pp. 64–74.
8. Küpper, R. (2019) The “Sudeten German Question” before and after Munich 1938: From the “Sudeten German Question” in Czechoslovakia over the “Czech Question” in the “Third Reich” to the Expulsion of the Sudeten Germans. *Istoriya. Transformatsii mezhdunarodno-politicheskikh sistem ot Venskogo kongressa do XXI veka*. 10(11/85).
9. Sanchuk, G.E. & Tretyakov, P.N (1960) *Istoriya Chekhoslovakii* [History of Czechoslovakia]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
10. Kral, V. (1978) *Plan “Zet”*. Moscow: Progress.
11. Kučera, J. (1999) *Minderheit im Nationalstaat: Die Sprachenfrage in den tschechisch-deutschen Beziehungen 1918–1938*. München: Oldenbourg.
12. Serapionova, E.P. (2016) Vneshniy faktor i natsional'nye men'shinstva v ChSR v 1920–1930-e gody [The external factor and national minorities in the CSR in the 1920s – 1930s]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 31–39.
13. Czechoslovakia. (1979) Zapis' besedy ministra inostrannykh del ChSR s poslannikom Germanii v ChSR 9 dekabrya 1937 g. [Record of the conversation between the Minister of Foreign Affairs of Czechoslovakia and the German envoy to Czechoslovakia on December 9, 1937]. In: *Dokumenty po istorii Myunkhenskogo sgovora, 1937–1939* [Documents on the history of the Munich Agreement, 1937–1939]. Moscow: Politizdat. pp. 17–18

14. Vierling, B. (2014) *Kommunikation als Mittel politischer Mobilisierung. Die Sudetendeutsche Partei (SdP) auf ihrem Weg zur Einheitsbewegung in der Ersten Tschechoslowakischen Republik (1933–1938)*. Marburg: Herder-Institut Verlag.
15. Osterloh, J. (2012) Sudetendeutsche Heimatfront. *Handbuch des Antisemitismus*. *Organisationen, Institutionen, Bewegungen.* 5. pp. 591–595.
16. Gebel, R. (1999) *"Heim ins Reich": Konrad Henlein und der Reichsgau Sudetenland (1938–1945)*. München: Oldenbourg.
17. OKW (1938) *Voyna na dva fronta s tsentrom tyazhesti na yugo-vostoke (operatsiya Gryun): tsirkulyar OKV* [A war on two fronts with a center of gravity in the southeast (Operation Grun): OKW circular]. [Online] Available from: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/cirkulyar-okv-voyna-na-dva-fronta-s-centrom-tyazhesti-na-yugo-vostoke-operaciya-gryun
18. Germany. (1938) *Zapis' soveshchaniya v MID Germanii po sudeto-nemetskomu voprosu, 29 marta 1938 g.* [Recording of a meeting at the German Foreign Ministry on the Sudeten-German issue. March 29, 1938]. [Online] Available from: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/zapis-soveshchaniya-v-mid-germanii-po-sudeto-nemeckomu-voprosu
19. Prasolov, S.I. (1989) *Chekhoslovakiya v evropeyskoy politike, 1935–1938 gg.* [Czechoslovakia in European politics, 1935–1938]. Moscow: Nauka.
20. Sator, K. (1996) *Anpassung ohne Erfolg: die sudetendeutsche Arbeiterbewegung und der Aufstieg Hitlers und Henleins 1930–1938*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
21. Kashuba, V.N. (n.d.) *Informatsionnoe pis'mo pomoshchnika sovetskogo voennogo attashe v Prage V.N. Kashuby v otdel vneshnikh snosheniy NKO SSSR ob obsta-novke v rayonakh kompaktnogo prozhivaniya nemtsev v Chekhoslovakii i proizvole Sudeto-nemetskoy partii* [Information letter of the assistant to the Soviet military attaché in Prague V.N. Kashuba to the Department of External Relations of the NKO of the USSR about the situation in the areas of compact German residence in Czechoslovakia and the arbitrariness of the Sudeten-German party]. [Online] Available from: http://munich.rusarchives.ru/dokumenty/informacionnoe-pismo-pomoshchnika-sovetskogo-voennogo-attashe-v-prage-vn-kashuby-v-otdel-vneshnih-0
22. Pospelov, P.N. (ed.) (1978) *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chekhoslovatskikh otnosheniy* [Documents and materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
23. Brandes, D. (2005) Besinnungsloser Taumel und maßlose Einschüchterung. Die Sudetendeutschen im Jahre 1938. In: *Jahrbuch der Heinrich-Heine-Universität*. Düsseldorf: Heinrich-Heine-Universität. pp. 221–240.
24. Brügel, J. (1967) *Tschechen und Deutsche 1918 bis 1938*. München: Nymphenburger.
25. Röhr, W. (2008) *September 1938. Die Sudetendeutsche Partei und ihr Freikorps*. Berlin: [s.n.].

***Information about the authors*:**
Борисова Алла Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных систем Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: allaborisova@yandex.ru
Бабаева Анна Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Воронежского государственного университета инженерных технологий (Воронеж, Российская Федерация). E-mail: annabab1@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Borisova Alla A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Systems, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: allaborisova@yandex.ru
Babaeva Anna V. – Dr. of Sciences philosophy, Professor of the Philosophy and History Department, Voronezh State University of Engineering Technologies (Voronezh, Russian Federation). E-mail: annabab1@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.02.2018; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 26.02.2018; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(100)"1857/…"
doi: 10.17223/19988613/87/15

История международного наблюдения за выборами

Николай Владимирович Гришин[1], Анна Мария Рада Линдерс[2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, nvgrishin@mail.ru
[2] Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия, amrada4@mail.ru

Аннотация. Изучены основные тенденции исторического развития института международного наблюдения за выборами с середины XIX в. до нашего времени. Выявлены и охарактеризованы три исторические формы международного наблюдения за выборами. Предложена периодизация развития института. Раскрыты исторические предпосылки становления и распространения наблюдения за выборами как средства демократического транзита в конце XX в. История международного наблюдения за выборами рассматривается как конкуренция его основных исторических форм, которые отличаются разнообразием задач и функций.
Ключевые слова: международные наблюдатели, наблюдение за выборами, международные организации, содействие выборам

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484.

Для цитирования: Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. История международного наблюдения за выборами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 129–135. doi: 10.17223/19988613/87/15

Original article

History of international election observation

Nikolai V. Grishin[1], Anna M.R. Leenders[2]

[1] Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, nvgrishin@mail.ru
[2] MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, amrada4@mail.ru

Abstract. This paper addresses some of the gaps in the contemporary study of development of institution of international election observation. In most literatures, only modern period of development of international election observation has attracted considerable scholarly attention. Activities of particular international organization also limit the scope of study in this field. To provide an alternative viewpoint, this paper develops a comprehensive study of international election observation history since its origin in the context of historical conditions and evolution of political regimes. The role of objective and subjective factors in the development of this phenomenon has been revealed. The primary sources of the study are documents of international organizations, media materials and memoirs of statesmen.

The paper distinguishes the following three historical forms of the international election observation: 1) International observation as a means of making up for the deficit of state sovereignty during elections in dependent, disputed or post-conflict territories (emerged in 1857); 2) International observation as a means used by the governments of sovereign states to further legitimize elections and the existing political regime (emerged in 1962); 3) International observation as a mechanism for democratizing the electoral process (emerged in 1990). In accordance with this approach, a periodization of the history of the international observation is proposed. The paper concludes that these historical forms of election observation did not replace each other, but continued to exist in parallel after emergence of new forms. The spread of the third historical form was predetermined by the fall of the communist regime and the shift to the paradigm of democratic transition. Election observation became a tool to ensure the success of the democratic transition. The international intergovernmental and nongovernmental organizations became the most significant conductors of election observation. In the 21st century the international election observation gained the universal acceptance and became an international norm. The crisis of this institution in the 2010s is explained by its inability to ensure the transition to the liberal model of democracy. In these conditions, there is a confrontation between two historical forms of international observation: some developing countries revive and try to spread the form of election observation that serves not to democratize the electoral process, but to ensure the legitimacy of the election results and political regime.
Keywords: international observers, election observation, international organizations, electoral assistance

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00484.

© Н.В. Гришин, А.М.Р. Линдерс, 2024

For citation: Grishin, N.V., Leenders, A.M.R. (2024) History of international election observation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 129–135. doi: 10.17223/19988613/87/15

История международного наблюдения за выборами насчитывает более полутора веков. Возникнув первоначально как разовое мероприятие, к нашему времени этот институт распространился почти по всем странам мира. Его история сопровождалась появлением различных, зачастую взаимоисключающих, организационных форм.

Несмотря на огромный массив научной литературы, посвященной международному наблюдению за выборами, его истории уделяется незначительное внимание. Преобладают описательные очерки его истории за последний период, как правило, в контексте деятельности определенных организаций. Научные публикации, в которых затрагивается история международного наблюдения, может быть разделена на несколько групп. Во-первых, обзоры наблюдательской деятельности таких организаций, как БДИПЧ ОБСЕ [1, 2], Организация американских государств [3], Конгресс местных и региональных властей Совета Европы [4], Африканский Союз [5] и т.д.; они охватывают период не более нескольких десятилетий и не нацелены на выявление общеисторических факторов и продолжительных тенденций. Во-вторых, изучение отдельных кейсов – наиболее значительных наблюдательских миссий, например в Никарагуа в 1989 г. [6]. В-третьих, исследования отдельных проблем и факторов, повлиявших на развитие международной наблюдательской деятельности [7]. В-четвертых, попытки дать общую историческую оценку генезиса и развития международного наблюдения [8, 9].

Цель данной статьи – определение основных исторических тенденций развития института международного наблюдения за выборами.

Мы выделяем следующие три исторические формы института международного наблюдения за выборами:

– международное наблюдение как средство, восполняющее дефицит государственного суверенитета при проведении выборов на зависимых, спорных или пост-конфликтных территориях (возникает в 1857 г.);

– международное наблюдение как средство, к которому прибегают правительства суверенных государств для дополнительной легитимации выборов и существующего режима (возникает в 1962 г.).

– международное наблюдение как механизм демократизации избирательного процесса (возникает в 1990 г.).

Данные исторические формы наблюдения за выборами не сменяли друг друга, но после возникновения новых форм продолжали существовать параллельно. В соответствии с этими историческими формами международного наблюдения мы выделяем три основных этапа в истории развития этого института:

1) международное наблюдение за выборами на спорных, зависимых или постконфликтных территориях (1857–1962);

2) распространение международного наблюдения за выборами в суверенных развивающихся странах Латинской Америки как миссий политической солидарности и поддержки правящих режимов (1962–1989);

3) распространение международного наблюдения за выборами как средства демократических преобразований (с 1990 г.). В рамках этого этапа можно выделить отдельный период: начиная с 2002 г. международное наблюдение распространяется в странах западной демократии и, таким образом, превращается в общепризнанный и универсальный институт.

На каждом из этих этапов частота проведения миссий международного наблюдения за выборами существенно возрастала, происходило значительное расширение географических границ его применения и радикальное изменение функций и значимости.

В течение *первого*, наиболее продолжительного этапа международное наблюдение за выборами случалось редко и только при исключительных обстоятельствах. Наблюдение за выборами не практиковалось системно и не превратилось в устойчивую практику. На этом этапе оно никогда не применялось в суверенных государствах: этот принцип сохранял свою значимость и имел влиятельных сторонников вплоть до конца XX в.

Первая в истории миссия международного наблюдения состоялась в 1857 г. По итогам Крымской войны княжества Молдавии и Валахии оказались под временным протекторатом европейских держав. По предложению России [10. P. 78] их будущее должны были решить выборы, которые проходили под контролем специально созданной Европейской комиссии (из представителей Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции) и Османской империи. Эти выборы оказались историческим событием еще и потому, что стали важным этапом в процессе последующего образования румынского государства. Первый опыт международного наблюдения за выборами сопровождался электоральным эксцессом: выборы в Молдавии, проведенные 19 июля 1857 г., были признаны наблюдательской комиссией недействительными по причине многочисленных нарушений и проведены повторно 10 сентября того же года.

В 1935 г. состоялся первый случай наблюдения, проведенного международной организацией: Лига наций провела наблюдение за плебисцитом в Саарской области, по результатам которого этот регион был присоединен к Германии.

После завершения Второй мировой войны также возникали ситуации, которые требовали привлечения международных наблюдателей. В 1946 г. правительство Греции пригласило наблюдателей из США, Франции и Великобритании. Основанием стал следующий пункт Ялтинской декларации об освобожденной Европе: союзные державы будут оказывать помощь освобожденным странам, чтобы «создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и способ-

ствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов». В этой миссии участвовали 1 155 наблюдателей из трех стран [7. P. 4].

В 1948 г. свою первую миссию по наблюдению организовала ООН – на выборах в разделенной Корее: в состав комиссии вошли представители Австралии, Великобритании, Канады, Китая, Сальвадора и Филиппин.

Второй этап истории международного наблюдения за выборами начинается с момента возникновения его новой исторической формы как средства легитимации политических режимов в суверенных государствах. Данная институциональная новация, как и многие другие электоральные институты, зародилась в Латинской Америке. Латиноамериканские правительства в конце 1950-х гг. первыми пришли к пониманию, что присутствие международных наблюдателей может способствовать легитимации действующего режима и повышению его престижа.

В январе 1958 г. Коста-Рика стала первым в истории суверенным государством, официально пригласившим международные организации – ООН и ОАГ – прислать своих наблюдателей на выборы [11]. Президент Хосе Фигерес Феррер, завершавший свой срок пребывания в должности, пытался таким образом подтвердить создаваемую им репутацию «отца демократии» в регионе и «продемонстрировать качество своих демократических институтов» [12]. Это предложение было отклонено, как и приглашение кубинского диктатора Фульхенсио Батисты, сделанное осенью того же года: столкнувшись с растущей угрозой со стороны революционных сил и падением поддержки со стороны США, Батиста назначил выборы и попытался пригласить международных наблюдателей от ООН и ОАГ [13. P. 36].

Тем не менее идея получила дальнейшее развитие. В следующем 1959 г. делегация Никарагуа на 5-й встрече министров иностранных дел ОАГ предложила ввести в практику этой организации международное наблюдение за выборами [14. P. 676].

Первое в истории наблюдение за выборами на территории суверенного государства состоялось в феврале 1962 г. в Коста-Рике: ОАГ приняла приглашение ее нового президента Марио Эчанди Хименеса [7. P. 56]. Миссия, которую возглавлял чилийский дипломат Мануэль Бьянки, состояла из 3 человек. ОАГ стала крупнейшей международной организацией, которая практиковала подобные миссии в 1960–1980-е г. В период с 1962 по 1989 г. ОАГ провела 25 наблюдательских миссий в странах-участницах.

Наблюдательские миссии ОАГ этого периода были краткосрочными, почти всегда – малочисленными, и такой формат не позволял проводить эффективный мониторинг избирательного процесса, в частности противостоять нарушениям [15]. Современными исследователями этот опыт оценивается преимущественно негативно. Ученый из Ямайки Лиза Энн Васцианни отметила, что наблюдательские миссии ОАГ в этот период «были, скорее, продолжением американской политики сдерживания в период холодной войны» [16. P. 31]. Один из ведущих специалистов в сфере электорального наблюдения Ларри Гарбер в недавно вышедшей работе жестко раскритиковал их как «миссии солидарности», которые помогали действующим правительствам поддерживать друг друга и никогда не сопровождались критическим анализом избирательного процесса: «наблюдателями обычно были два или три известных политических деятеля, которые проводили несколько дней в стране, а затем… выступали с коротким поздравительным заявлением» [17. P. 8]. Международный институт демократии и содействия выборам (International IDEA) также отмечал, что наблюдатели просто «штамповали» одобрение на выборах [18. P. 20]. Пустая трата ресурсов, легитимация любых выборов вне зависимости от их качества – таковы распространенные обвинения в адрес данных миссий.

В этот же период благодаря ООН продолжала практиковаться и первая историческая форма наблюдения за выборами – на территориях с дефицитом суверенитета. Примером учредительных выборов стали выборы в Южной Родезии (Зимбабве) в 1980 г. в период предоставления ей независимости: на выборах присутствовали наблюдатели от Содружества наций и нескольких неправительственных организаций – Freedom House, Американского комитета по Африке, Канадской группы по правам человека. Основной международной организацией, проводящей наблюдение на выборах на зависимых или постконфликтных территориях, оставалась ООН. В период с 1962 по 1989 г. ООН направила 22 наблюдательские миссии такого рода (в Ниуэ в 1974 г., Палау в 1979 г. и т.д.). ООН отвергала приглашения со стороны правительств суверенных государств, уклоняясь от попыток использовать ее престиж для символической поддержки. Отклоняя очередную просьбу в 1988 г., Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр заявил, что «ООН не посылает наблюдателей в суверенные государства» [19. P. 372].

Однако уже на этом этапе развиваются предпосылки для дальнейшего развития института международного наблюдения и использования его потенциала для демократического развития суверенных стран. В 1970–1980-х гг. в наблюдательской деятельности стали принимать участие (преимущественно неофициально) западные неправительственные организации, среди них Британская парламентская группа по правам человека (BPHRG), Международная юридическая группа по правам человека (IHRLG). Последняя в 1984 г. опубликовала первые в истории рекомендации для международного наблюдения за выборами [20], написанные американским экспертом Ларри Гарбером.

Третий этап в истории международного наблюдения за выборами начинается с возникновением его третьей исторической формы – международного наблюдения с целью демократизации избирательного процесса. Этот исторический переход связан с выборами в Никарагуа в 1990 г., которые являются важнейшей вехой и водоразделом в истории международного наблюдения. На этом этапе к практике наблюдения за выборами переходят все крупнейшие международные межправительственные организации. Наблюдение за выборами признается важным и необходимым институтом в процессе демократического транзита. Сфера

применения этого института переживает самое стремительное в своей истории расширение – за несколько лет она охватывает все развивающиеся и бывшие социалистические страны, проникает даже в Китай. Частота проведения наблюдательских миссий возрастает многократно, и в 1990-е гг. с участием международных наблюдателей в мире стало проходить свыше 50% всех выборов национального уровня.

В марте 1989 г. правительство Никарагуа по инициативе президента Даниэля Ортеги направило в ООН просьбу провести наблюдение за выборами, которые должны были состояться через 11 месяцев. Выборы должны были завершить многолетнюю гражданскую войну, и их исключительная важность стала формальной причиной согласия со стороны ООН. Спустя два года Генеральный секретарь ООН отмечал, что важным аргументом для принятия такого решения стало то обстоятельство, что от ООН требовалось не просто засвидетельствовать официальные результаты выборов, но провести более глубокий контроль над избирательной кампанией в течение нескольких месяцев [21]. Миссия ООН начала свою работу в августе 1989 г., ровно за полгода до дня голосования. Ее работу координировали персональный представитель Генерального секретаря ООН Эллиот Ричардсон (США) и непосредственный глава миссии Икбал Риза (Пакистан). На день голосования численность миссии ООН достигла 237 наблюдателей (из 50 государств), помимо этого, в стране работали группы наблюдателей от других организаций (включая ОАГ), и общая численность корпуса международных наблюдателей составила 2 578 человек [6. P. 192]. Поскольку некоторые задачи по осуществлению международного наблюдения решались в рамках этой миссии впервые, считается, что она существенно повлияла на последующее развитие процедур и правил международного наблюдения за выборами. Следует отметить, что по результатам этих выборов победу одержала оппозиционная партия, и инициатор приглашения международных наблюдателей президент Даниэль Ортега потерял власть.

Важнейшим фактором распространения международного наблюдения в начале 1990-х гг. стал распад социалистической системы. В новых исторических условиях западные страны и ведущие международные организации взяли курс на демократизацию в масштабах всего мира, что, по мнению индийского специалиста Викрама Чанда, рассматривалось западными элитами как стратегия обеспечения международной безопасности. Наблюдение за выборами стало инструментом, который должен был обеспечить успешность демократического транзита.

Международное наблюдение получает закрепление на уровне международного права. В 1990 г. был подписан Документ копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. Это был первый документ международного публичного права, в котором задекларировано введение института национальных и международных наблюдателей [22]; подписавшие его страны взяли на себя обязательство приглашать наблюдателей из стран-участниц СБСЕ. В 1993 г. на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Риме было принято решение о введении «всеобъемлющего наблюдения за процессом выборов».

ООН в начале 1990-х гг. стала ведущей организацией в сфере наблюдения за выборами, но уже в середине десятилетия ее опередили ЕС и ОБСЕ. В 1991 г. первое наблюдение за выборами проводит Бюро по свободным выборам СБСЕ (впоследствии – БДИПЧ ОБСЕ). Выборы в Государственную Думу России в декабре 1993 г. положили начало наблюдательской работе ЕС и Парламентской ассамблеи ОБСЕ. В 1994 г. первые наблюдательские миссии организуют Европарламент и СНГ.

Создаются институциональные условия для систематической работы по наблюдению за выборами. В аппарате международных организаций возникают специальные подразделения, отвечающие за это направление работы: СБСЕ в мае 1991 г. открывает в Варшаве Бюро по свободным выборам, ООН в 1992 г. создает Отдел по оказанию помощи в проведении выборов и учреждает должность координатора ООН по содействию выборам; первым эту должность занял представитель Сьерра-Леоне заместитель Генерального секретаря ООН Джеймс Джонах.

Поскольку наблюдение за выборами стало рассматриваться как инструмент для успешного перехода к демократии, расширяются его функции. В 1990-е гг. наблюдательские миссии стали составлять рекомендации по улучшению избирательного процесса; в 1999 г. страны ОБСЕ подписали Хартию европейской безопасности, в которой взяли на себя обязательство исполнять рекомендации наблюдателей БДИПЧ ОБСЕ.

По сравнению с предшествующим периодом выводы наблюдательских миссий становятся более требовательными и критическими, прежде всего благодаря таким организациям, как ОБСЕ и ЕС. В 1980-е гг. около 10% наблюдательских миссий представляли итоговые доклады с негативной оценкой выборов, в 1990-е гг. этот уровень достиг 30% [7. P. 8].

До начала XXI в. международное наблюдение рассматривалось как средство демократического транзита, которое было ограничено географически (охватывало только развивающиеся и бывшие социалистические страны) и должно было быть ограничено хронологически (периодом перехода к состоянию устойчивой демократии). О перспективах его исчезновения после перехода к демократии говорили многие влиятельные эксперты, в их числе Хрейр Балиан (ОБСЕ) [1. P. 203] и Томас Каротерс (фонд Карнеги) [8. P. 29].

Но в 2002 г. впервые состоялись миссии наблюдателей в странах западной демократии – Франции и США. С этого момента международное наблюдение превращается в универсальный институт, охвативший почти все страны мира [23]. В 2004 г. американский эксперт Эрик Бьорлунд имел основания сказать, что «международное наблюдение стало международной нормой» [24. P. 49]. Оно перестало рассматриваться как временная мера. В 2006 г. в мире с участием международных наблюдателей проходило уже 80% всех выборов национального уровня [7. P. 3], в настоящее время – свыше 90%.

Сотрудники ОБСЕ Йенс-Хаген Эшенбекер и Бернхард Кнолл считают, что становлению практики наблю-

дения за выборами в развитых демократиях способствовало два основных фактора. Во-первых, скандальная ситуация с пересчетом бюллетеней во Флориде на президентских выборах в США в 2000 г. поколебала уверенность в том, что в западных демократиях нет больших проблем в сфере избирательного процесса. Во-вторых, ряд государств-участников ОБСЕ стали решительно утверждать, что во избежание двойных стандартов БДИПЧ должно наблюдать за выборами во всем регионе ОБСЕ; «устойчивые демократии», утверждали они, не должны быть ограждены от объективной оценки и регулярных оценок, исключения будут противоречить принципу суверенного равенства всех государств, закрепленному в Хельсинкском Заключительном акте 1975 г. [25. P. 253]. Бывший президент Парламентской ассамблеи ОБСЕ Брюс Джордж также признает, что претензии со стороны правительств стран СНГ (прежде всего России) сыграли решающую роль в активизации наблюдательской работы «к западу от Вены» [26. P. 41].

Великобританию первая международная миссия наблюдателей БДИПЧ ОБСЕ посетила в 2003 го., Канаду и Нидерланды – в 2006 г. и т.д. Первая миссия в Германии состоялась в 2009 г. Достаточно часто визит международных наблюдателей в высокоразвитых демократиях встречал непонимание. Например, во время первой миссии в Австрии в 2010 г. одна из ведущих газет страны обратилась с заявлением: «Вы, ОБСЕ, верите, что наша Австрия – это посткоммунистическая страна, где царят грязь и бардак, или банановая южноамериканская республика, или африканская псевдореспублика, погрязшая в коррупции, которая нуждаются в вас для того, чтобы провести чистые выборы?» [25. P. 248]. Подобные скептические оценки не повлияли на развитие событий. В последние годы во всех западных демократиях выборы не проходят без оценки со стороны наблюдательских организаций.

Внедрение практики международного наблюдения в западные страны происходило в том числе благодаря личной активности влиятельных сторонников такого института. Например, когда в 2005 г., выступая в парламенте, британский министр иностранных дел Джек Стро осудил президента Зимбабве Роберта Мугабе за отказ пригласить международных наблюдателей, присутствовавший депутат Брюс Джордж взял слово и спросил, как он может «осуждать Зимбабве, если у нас самих действующее законодательство не допускает присутствия наблюдателей?» [26. P. 44]. Джек Стро был вынужден ответить, что он даже не знал об этом; в том же году британское правительство впервые внесло законопроект, разрешающий проводить в стране внутреннее и международное наблюдение.

В этот период на новый уровень выходит институционализация международного наблюдения в международном праве. В 2002 г. государства СНГ принимают Конвенцию о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ – первый в мире международный договор, в котором определен статус международных наблюдателей. В 2005 г. был разработан важнейший документ в истории международного наблюдения – Декларация принципов международного наблюдения за выборами, подписанная Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном и многими международными организациями.

Однако на современном этапе возникают кризисные явления в состоянии института международного наблюдения как средства демократизации. В XXI в. впервые многие эксперты стали выражать разочарование в институте международного наблюдения, прежде всего отмечая его неспособность решить главную задачу – помочь в переходе к демократии. Авторитарные режимы не столько меняются под воздействием международных наблюдателей, сколько находят изощренные способы их нейтрализации. Если в 1990-е гг. бывшие авторитарные страны в целом охотно принимали помощь международных наблюдательских организаций по демократизации выборов, то в последующий период отношение изменилось. При отсутствии прогресса в направлении перехода к либеральной модели демократии в странах, которые считались «транзитивными», постоянный критический настрой со стороны западных наблюдательских миссий стал фактором дестабилизации политического режима. Мария Дебре и Ли Моргенбессер отмечают, что перемена в отношении к западным наблюдателям произошла после «оранжевых революций» [27. P. 339]. Правительства многих из этих стран предпринимают попытки демонтировать западную модель наблюдения за выборами как средства демократизации. Начиная с 2004 г. БДИПЧ ОБСЕ подвергается систематической критике и попыткам реформирования со стороны стран СНГ. Впервые возникают ситуации открытого конфликта между ведущими наблюдательскими организациями по поводу оценок состоявшихся выборов. Наиболее драматичные столкновения произошли на выборах в Азербайджане в 2010 и 2013 гг. Миссии БДИПЧ ОБСЕ в обоих случаях представили критические отчеты о выборах, миссии Европейского парламента и Парламентской ассамблеи ОБСЕ – совершенно положительные. Наблюдательные организации подвергли атаке друг друга, обвиняя в том числе в ангажированности и коррупции. Руководство БДИПЧ ОБСЕ расценило действия других международных групп как «попытку обелить нарушения на выборах», говоря о «позорном», «возмутительном», «неслыханном» и «пагубном» поведении [28. С. 9].

Можно констатировать, что продолжает свое отдельное развитие вторая историческая форма наблюдения за выборами, которая была нацелена на легитимацию правительств и одобрение выборов вне зависимости от их качества. ОАГ ушла от этой практики в 1990-е гг., некоторое время (вплоть до реформы 2013 г.) в этой практике часто обвинялся Африканский Союз, но на смену им пришли другие организации. Вице-президент Freedom House Дэниэл Калингерт отмечал, что «авторитарные режимы научились фальсифицировать само наблюдение за выборами. Они приглашают малоизвестные группы, зачастую явно симпатизирующие режиму, прислать наблюдателей, которые дадут положительную оценку фальсифицированным выборам» [29. P. 149]. В 2012 г. американский исследователь Джудит Келли отметила, что возник «теневой рынок наблюдения, где создаются организации, гото-

вые давать положительные оценки любым выборам» [30. P. 56]. Обычно этот феномен называют «фейковым наблюдением». Мария Дебре и Ли Моргенбессер предлагают называть его «теневым наблюдением за выборами» и отмечают, что он получил распространение в недемократических странах на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и странах Африки к югу от Сахары [27. P. 339].

Таким образом, на современном этапе своего исторического развития институт международного наблюдения за выборами оказался в противоречивом положении. С одной стороны, мы можем утверждать, что этот институт оказался востребованным в самых разных условиях и добился универсального признания и распространения. С другой стороны, именно на современном этапе его истории раскрылись глубокие противоречия между его основными историческими формами, которые ставят под вопрос эффективность и пригодность этого института в достижении задач, которые возлагались на него в период наибольшего распространения. Изучение международного наблюдения за выборами в историческом аспекте позволяет говорить не только о наличии общей для большинства институтов высокой изменчивости, но и о принципиальных различиях между задачами и функциями, которые этот институт выполнял на разных этапах своего развития.

Список источников

1. Balian H. Ten years of international election assistance and observation // Helsinki Monitor. 2001. Vol. 12 (3). P. 197–209.
2. Борисов И.Б., Игнатов А.В. БДИПЧ ОБСЕ в действии: 25 лет наблюдения за наблюдателями. М. : РОИИП, 2017. 159 с.
3. OAS: 50 Years Observing Elections in the Americas. OAS, 2012.
4. Election Observation at Grassroots Level: Twenty years of experience in electoral matters. The Congress of Local and Regional Authorities, 2020. 31 p.
5. Aniekwe Ch., Atuobi S. Two Decades of Election Observation by the African Union // Journal of African Elections. 2016. Vol. 15 (1). P. 25–44.
6. Santa-Cruz A. Redefining Sovereignty, Consolidating a Network: Monitoring the 1990 Nicaraguan Elections // Revista de Ciencia Política. 2004. Vol. 24 (1). P. 189–208.
7. Hyde S.D. The Pseudo-Democrat's Dilemma: Why Election Observation Became an International Norm. Cornell University Press, 2011. 263 p.
8. Carothers T. The rise of elections monitoring: the observers observed // Journal of Democracy. 1997. Vol. 8 (3). P. 17–31.
9. Борисов И.Б. Генезис института международного наблюдения. Многообразие форм и стохастичность результата // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 2. С. 35–37.
10. Beigbeder Y. International monitoring of plebiscites, referenda and national elections: self-determination and transition to democracy. London : Nijhoff, 1994. 329 p.
11. Гришин Н.В. История возникновения избирательных комиссий // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2. С. 156–169.
12. Costa Rica Inviting Election Observers: Special to the New York Times // New York Times. 1958. Jan. 16. URL: https://www.nytimes.com/1958/01/16/archives/costa-rica-inviting-election-observers.html (accessed: 16.05.2021).
13. Aguila J.M. Cuba: Dilemmas of a Revolution. Boulder, CO : Westview Press, 1994. 240 p.
14. Santa-Cruz A. Constitutional Structures, Sovereignty, and the Emergence of Norms: The Case of International Election Monitoring // International Organization. 2005. Vol. 59 (3). P. 663–693.
15. Chand V.K. Democratisation from the outside in: NGO and international efforts to promote open elections // Third World Quarterly. 1997. Vol. 18 (3). P. 543–562.
16. Vasciannie L.A. International Election Observation in the Commonwealth Caribbean. Palgrave Macmillan, 2018. 230 p.
17. Garber L. Violence Prevention through Election Observation. Washington : United States Institute of Peace, 2020. 32 p.
18. ASEAN Workshop on Election Observation. Stockholm : International IDEA, 2015. 97 p.
19. Stoelting D. The Challenge of UN-Monitored Elections in Independent Nations // Stanford Journal of International Law. 1992. Vol. 28. P. 371–424.
20. Guidelines for international election observing / prepared by L. Garber. Washington : The international Human Rights Law Group, 1984. 101 p.
21. Повышение эффективности принципа периодических и подлинных выборов : доклад Генерального секретаря ООН A/46/609. 1991.
22. Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше?// Политическая наука. 2019. № 1. С. 33–47.
23. Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3. С. 99–115.
24. Bjornlund E. Beyond Free and Fair: Monitoring Elections and Building Democracy. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2004.
25. Eschenbächer J-H., Knoll B. Observing Elections in “Long-Standing Democracies”: Added Value or Waste of Money? // OSCE Yearbook 2010 / IFSH (ed.). Baden-Baden, 2011. P. 247–263.
26. International election observation and assessment of elections / ed. by H. Schmeets. The Hague / Heerlen : Statistics Netherlands, 2011. 326 p.
27. Debre M.J., Morgenbesser L. Out of the shadows: autocratic regimes, election observation and legitimation // Contemporary Politics. 2017. Vol. 23 (3). P. 328–347.
28. Запятнанная репутация: Азербайджан и конец привычного для нас наблюдения за выборами. ESI, 2013. 47 с.
29. Calingaert D. Election Rigging and How to Fight It // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17 (3). P. 138–151.
30. Kelley J. Monitoring democracy: when international election observation works, and why it often fails. Princeton : Princeton University Press, 2012. 336 p.

References

1. Balian, H. (2001) Ten years of international election assistance and observation. *Helsinki Monitor*. 12(3). pp.197–209.
2. Borisov, I.B. & Ignatov, A.V. (2017) *BDIPCh OBSE v deystvii: 25 let nablyudeniya za nablyudatelyami* [OSCE ODIHR in Action: 25 Years of Observing Observers]. Moscow: ROIIP.
3. OAS. (2012) *OAS: 50 Years Observing Elections in the Americas*. [s.n.: s.l.].
4. The Congress of Local and Regional Authorities. (2020) *Election Observation at Grassroots Level: Twenty years of experience in electoral matters*. The Congress of Local and Regional Authorities.
5. Aniekwe, Ch. & Atuobi, S. (2016) Two Decades of Election Observation by the African Union. *Journal of African Elections*. 15(1). pp. 25–44.
6. Santa-Cruz, A. (2004) Redefining Sovereignty, consolidating a Network: Monitoring the 1990 Nicaraguan Elections. *Revista de Ciencia Política.* 24(1). pp. 189–208.
7. Hyde, S.D. (2011) *The Pseudo-Democrat's Dilemma: Why Election Observation Became an International Norm*. Cornell University Press.
8. Carothers, T. (1997) The rise of elections monitoring: the observers observed. *Journal of Democracy*. 8(3). pp. 17–31.

9. Borisov, I.B. (2016) Genezis instituta mezhdunarodnogo nablyudeniya. Mnogoobrazie form i stokhastichnost' rezul'tata [Genesis of the Institute of International Observation. Variety of forms and stochasticity of the result]. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika*. 2. pp. 35–37.
10. Beigbeder, Y. (1994) *International monitoring of plebiscites, referenda and national elections: self-determination and transition to democracy*. London: Nijhoff.
11. Grishin, N. (2018) Istoriya vozniknoveniya izbiratel'nykh komissiy [The history of origin of electoral commissions]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki).* 2. pp. 156–169. DOI: 10.30570 / 2078-5089-2018-89-2-156-169
12. *New York Times*. (1958) Costa Rica Inviting Election Observers: Special to the New York Times. 16th January. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/1958/01/16/archives/costa-rica-inviting-election-observers.html (Accessed: 16th May 2021).
13. Aguila, J.M. (1994) *Cuba: Dilemmas of a Revolution*. Boulder, CO: Westview Press.
14. Santa-Cruz, A. (2005) Constitutional Structures, Sovereignty, and the Emergence of Norms: The Case of International Election Monitoring. *International Organization*. 59(3). pp. 663–693.
15. Chand, V.K. (1997) Democratisation from the outside in: NGO and international efforts to promote open elections. *Third World Quarterly.* 18(3). pp. 543–562.
16. Vasciannie, L.A. (2018) *International Election Observation in the Commonwealth Caribbean*. Palgrave Macmillan.
17. Garber, L. (2020) *Violence Prevention through Election Observation*. Washington: United States Institute of Peace.
18. ASEAN. (2015) *ASEAN Workshop on Election Observation*. Stockholm: International IDEA.
19. Stoelting, D. (1992) The Challenge of UN-Monitored Elections in Independent Nations. *Stanford Journal of International Law.* 28. pp. 371–424.
20. Garber, L. (1984) *Guidelines for international election observing*. Washington: The international Human Rights Law Group.
21. UNO. (1991) *Enhancing the effectiveness of the principle of periodic and genuine elections*. Report of the UN Secretary-General, A/46/609.
22. Grishin, N. (2019) Development of international electoral standards: what's next? *Politicheskaya nauka.* 1. pp. 33–47. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2019.01.02
23. Grishin, N.V. & Leenders, A.M. (2020) Decentralization of electoral governance. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki).* 3. pp. 99–115. (In Russian). DOI: 10.30570 / 2078-5089-2020-98-3-99-115
24. Bjornlund, E. (2004) *Beyond Free and Fair: Monitoring Elections and Building Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
25. Eschenbächer, J-H. & Knoll, B. (2011) Observing Elections in "Long-Standing Democracies": Added Value or Waste of Money? In: IFSH (ed.) *OSCE Yearbook 2010*. Baden-Baden: [s.n.]. pp. 247–263.
26. Schmeets, H. (ed). (2011) *International election observation and assessment of elections*. The Hague/Heerlen: Statistics Netherlands.
27. Debre, M.J. & Morgenbesser, L. (2017) Out of the shadows: autocratic regimes, election observation and legitimation. *Contemporary Politics.* 23(3). pp. 328–347.
28. ESI. (2013) *Zapyatnannaya reputatsiya: Azerbaydzhan i konets privychnogo dlya nas nablyudeniya za vyborami* [A tarnished reputation: Azerbaijan and the end of our usual election observation].
29. Calingaert, D. (2006) Election Rigging and How to Fight It. *Journal of Democracy*. 17(3). pp. 138–151.
30. Kelley, J. (2012) *Monitoring democracy: when international election observation works, and why it often fails*. Princeton: Princeton University Press.

***Сведения об авторах*:**
Гришин Николай Владимирович – доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nvgrishin@mail.ru
Линдерс Анна Мария Рада – аспирант Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: amrada4@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Grishin Nikolai V. – Doctor Political Science, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nvgrishin@mail.ru
Leenders Anna M.R. – Postgraduate Student, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia). E-mail: amrada4@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 21.05.2021; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94(73)
doi: 10.17223/19988613/87/16

Реакция США на советско-западногерманские переговоры в рамках подготовки и подписания Московского договора 1970 г.

Юрий Павлович Попов

Томский государственный университет, Томск, Россия, jasonic.popov@gmail.com

Аннотация. Исследуется реакция правительства США на переговоры между ФРГ и СССР в рамках Московского договора 1970 г. Автор полагает, что в контексте «новой восточной политики» Бонн демонстрировал способность принимать самостоятельные от Вашингтона решения. Выявлено, что переговорный процесс между советскими и западногерманскими дипломатами вызывал недоверие у представителей Вашингтона, что свидетельствует о размывании сложившихся после Второй мировой воины доверительных отношений между ФРГ и США.
Ключевые слова: Московский договор, «новая восточная политика», американо-германские отношения, В. Брандт, Р. Никсон

Для цитирования: Попов Ю.П. Реакция США на советско-западногерманские переговоры в рамках подготовки и подписания Московского договора 1970 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 136–143. doi: 10.17223/19988613/87/16

Original article

The US reaction to the Soviet-West German negotiations of the preparation and signing of the Moscow Treaty of 1970

Yuriy P. Popov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, jasonic.popov@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to analyze the reaction of the US government to the negotiations between the USSR and the FRG within the framework of the Moscow Treaty of 1970. The article pays particular attention to the assessments and opinions of the US administration on this issue, as well as analyzes the direct interaction between the two countries in the context of the discussion of the Moscow Treaty and the "new Eastern policy" of the FRG. For several years, the FRG has been able to develop and coordinate a new foreign policy strategy that takes into account the interests and correlates with all the main actors in the system of international relations.

To achieve this goal, the author conducted an analysis of various sources, including memoranda, telegrams, correspondence and records of negotiations published in the collection "Foreign Relations of the United States," especially in the volume devoted to policy towards the Federal Republic of Germany. In addition, the author studied the memoirs of Richard Nixon's national security adviser Henry Kissinger and the memoirs of the Federal Chancellor of the Federal Republic of Germany Willy Brandt.

In Russian historiography, the negotiations between the FRG and the USSR, as well as the signing of the Moscow Treaty, were studied mainly in the context of the Soviet delegation's strategy and the goals of the FRG. However, the author has approached this topic from the other side, taking into account the American view on these events.

Analysis of the documents shows that Bonn demonstrated the ability to make independent decisions in the field of foreign policy, which raised doubts about the extent of the US influence on Western Europe. However, the negotiating process between the Soviet Union and West German diplomats aroused distrust among Washington's representatives, which indicates the difficulty of establishing trusting relations between the countries.

The author's conclusion is that the negotiations within the framework of the Moscow Treaty of 1970 between the FRG and the USSR played an important role in the development of international relations during the policy of détente. The signed agreement contributed to the improvement of relations between the two states and the reduction of tension on the European continent. The FRG needed to constantly consult with its main ally, the United States of America. However, such actions aroused distrust among the representatives of the United States, which indicates the complexity that has arisen in American-West German relations.

Studying the specifics of the American reaction is important for understanding the strategy and priorities of the US government, as well as the various factors that influenced the decision-making process of the White House administration.
Keywords: Moscow Treaty, “new Eastern policy”, US-German relations, W. Brandt, R. Nixon

© Ю.П. Попов, 2024

For citation: Popov, Yu.P. (2024) The US reaction to the Soviet-West German negotiations of the preparation and signing of the Moscow Treaty of 1970. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 136–143. doi: 10.17223/19988613/87/16

12 августа 1970 г. был заключен Московский договор между СССР и ФРГ. Согласно преамбуле договора, страны стремились «содействовать упрочению мира и безопасности в Европе и во всем мире» [1]. Договор стал первым шагом на пути реализации «новой восточной политики» — политического курса руководства ФРГ, направленного на установление более тесных связей с социалистическими странами Восточной Европы, и прежде всего с Советским Союзом.

Уже спустя неделю после вступления в должность канцлера, 28 октября 1969 г., В. Брандт заявил о начале переговоров с СССР, в центре которых должен был лежать тезис об отказе от применения силы в межгосударственных отношениях [2. S. 24]. Сам договор был подписан меньше чем через год, 12 августа 1970 г. Таким образом, официальное обсуждение и подписание договора заняло очень короткий срок. Однако за подписанием Московского договора стояла очень длительная работа по его разработке представителями ФРГ и СССР.

Еще «большая коалиция» ФРГ во главе с канцлером К.Г. Кизингером стремилась найти точки соприкосновения интересов Западной Германии и Советского Союза. Несмотря на большое количество официальных и неофициальных встреч дипломатов, добиться результатов не удалось по причине внутренних дискуссий в правительстве ФРГ. Во внешнеполитических дискуссиях заметную роль сыграло вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г. Однако высказывания представителей ФРГ и США в 1969 г. свидетельствовали о том, что правительства этих стран не собирались останавливаться и продолжали работать в направлении поиска путей к разрядке международной напряженности.

Переговоры между ФРГ и СССР демонстрировали способность Бонна самостоятельно принимать решения по внешнеполитическим вопросам, что вызывало беспокойство в правительственны кругах США относительно степени их влияния на Западную Европу. Важно отметить, что ФРГ все еще не могла вести переговоры с СССР на равных условиях и нуждалась в постоянных дипломатических консультациях со своим главным союзником – Соединенными Штатами Америки.

В отечественной научной литературе присутствуют исследования, посвященные переговорам ФРГ и СССР в рамках Московского договора. Основными авторами по данной проблематике являются А.М. Филитов и А.А. Синдеев [3, 4]. Их работы в основном фокусируются на позиции советской стороны во время переговоров и переговорной стратегии представителей ФРГ.

В зарубежной историографии данная проблема исследуется с 1970-х гг. Особенностью западной историографии является то, что Московский договор рассматривается в связке с проблемой Западного Берлина. Часть исследователей отмечали опасения относительно возможных последствий заключения договора между Бонном и Москвой для политического единства Запада и внутриполитического кризиса ФРГ [5. P. 318]. Другие исследователи отмечали необходимость диалога между СССР и ФРГ для стабилизации ситуации в Европе и в отношениях между сверхдержавами [6. P. 410–411].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы детально проанализировать реакцию правительства США на переговоры между СССР и ФРГ в рамках Московского договора 1970 г. Анализ реакции администрации Белого дома на советско-западногерманские переговоры по Московскому договору может быть полезен для выявления стратегических приоритетов политики США в отношении ФРГ в обозначенный период. Он также помогает объяснить усилия США по сохранению своего господства в Западной Европе при курсе на разрядку международной напряженности.

Анализ американской реакции на переговоры между СССР и ФРГ проводился на основе документов, опубликованных в серии «Внешняя политика США». Отдельные тома этой серии посвящены отношениям США с ФРГ и СССР, включая дискуссии вокруг переговоров Бонна и Москвы. Помимо этого, источниками для исследования послужили документы цифрового архива Конгресса США, а также мемуары участников событий – Г. Киссинджера и В. Брандта.

Первый контакт между Белым домом и правительством Брандта относительно будущего Московского договора и нового внешнеполитического курса ФРГ состоялся 1 октября 1969 г. Он прошел в формате телефонных переговоров между помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером и статс-секретарем федеральной канцелярии ФРГ Э. Баром. В разговоре Э. Бар подчеркнул, что правительство ФРГ будет действовать с большой степенью независимости от своего американского союзника, но в то же время готово подписать значимый для Вашингтона договор о нераспространении ядерного оружия. Следующим важным шагом стали переговоры с Москвой об отказе от применения силы в межгосударственных отношениях. Согласно записи беседы Г. Киссинджер сделал вид, что отреагировал на приведенные меры положительно. Он также предложил установить канал для тесного контакта между двумя правительствами [7]. Переговоры между представителями ФРГ и СССР начались 8 декабря 1969 г.

Г. Киссинджер взял под свой личный контроль вопросы, связанные с «новой восточной политикой», о результатах которой периодически информировал президента Р. Никсона. В меморандуме Р. Никсону от 28 января 1970 г. Г. Киссинджер констатировал, что переговоры Бонна и Москвы вышли на новый уровень и что в Москву специально был отправлен Э. Бар. Советник по национальной безопасности пришел к выводу, что данные переговоры являлись предметом личного престижа Э. Бара как одного из теоретиков нового внешнеполитического курса ФРГ [8. P. 140]. Это был и престиж нового правительства ФРГ в реализации «новой восточной политики». В данном документе Г. Киссин-

джер отметил, что созданный канал связи в Вашингтоне использовали для донесения инструкций для западногерманских политиков. Однако Бонн в своих внешнеполитических действиях ставил Вашингтон перед фактом. Эта мысль отражена и в меморандуме от 29 января 1970 г. В данном документе заместитель главы миссии в посольстве в Западной Германии Р. Фассенден сообщает помощнику Государственного секретаря по европейским делам М. Хилленбранду об отсутствии консультаций со стороны ФРГ [9]. Однако, несмотря на это, по мнению Р. Фассендена, позиция администрации США должна заключаться в одобрении политики Бонна. Это необходимо для того, чтобы убедить представителей ФРГ в крепких связях с Соединенными Штатами и союзниками по НАТО.

Переговоры между Бонном и Москвой создали напряженность внутри самой ФРГ. 2 марта 1970 г. председатель парламентской партийной группы Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза в Баварии (ХДС / ХСС) Р. Барцель обратился за помощью к помощнику Государственного секретаря по европейским делам М. Хилленбранду. В обращении он отмечал, что официальная администрация Бонна больше не координирует действия совместно с оппозицией. Такие действия приводили к тому, что дипломатия Бонна на переговорах с Советским Союзом совершается без взаимных уступок. Помимо этого, он утверждал, что основное внимание и ФРГ, и всех союзников стоит уделить проблеме статуса Берлина [10. P. 170].

Депутат Бундестага, парламентский статс-секретарь Министерства иностранных дел Западной Германии К.Т. Фрайхер фон унд цу Гуттенберг также пытался заручиться поддержкой американцев с целью препятствовать проведению политики В. Брандта. Он считал, что такая политика может привести к значительному росту советского влияния в Европе. Гуттенберг призывал президента США Р. Никсона на предстоящем апрельском американо-западногерманском саммите подвергнуть «новую восточную политику» ФРГ резкой критике [11. P. 275]. Это отмечал и Г. Киссинджер в меморандуме Р. Никсону от 10 марта 1970 г. Советник по вопросам национальной безопасности указал на хрупкость коалиции Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии (СДПГ – СвДП) и, соответственно, хрупкость внешней политики Брандта [9].

Еще одним фактором нестабильности нового внешнеполитического курса Бонна являлись парламентские выборы. Проиграв выборы в ряде федеральных земель, СДПГ рисковала потерять свое влияние в Бундестаге. Этот фактор мог остановить проведение восточной политики правящей коалиции ФРГ [12]. В целом у Р. Никсона и Г. Киссинджера по-прежнему сохранялись серьезные сомнения относительно жизнеспособности «новой восточной политики» Западной Германии.

Проанализировав риторику западногерманских представителей, Г. Киссинджер и Р. Никсон пришли к выводу, что «новая восточная политика» Бонна значительно отличалась от привычных для американской администрации внешнеполитических подходов немецких партий ХДС / ХСС. На этой основе Г. Киссинджер оценил политику ФРГ как очень рискованную и непоследовательную [13].

Весной 1970 г. с целью подготовки почвы для своей новой политики В. Брандт совершил визиты в Великобританию, США и Францию. Он пытался убедить союзников в целесообразности переговорного процесса с Советским Союзом. Союзники в ответ выразили обеспокоенность и подчеркнули, что любое соглашение должно учитывать ответственность и интересы четырех держав в ФРГ и Западном Берлине. Госсекретарь США У. Роджерс подтвердил эти опасения в интервью западногерманским журналистам, заявив, что «окончательные юридические решения должны приниматься с учетом Потсдамского соглашения 1945 г. и Парижских соглашений 1954 г.» о прекращении оккупационного статуса Западной Германии [14. P. 149].

В то же время в интервью на французском телевидении В. Брандт высказал мнение, что правительство Западной Германии в одиночку не может решить различные вопросы, обсуждаемые в ходе продолжающихся переговоров между Советским Союзом и Федеративной Республикой. Он утверждал, что любые изменения в отношениях ФРГ с ее восточноевропейскими партнерами будут подлежать согласованию с западными союзниками [14. P. 150]. Однако администрация В. Брандта действительно не нарушала вышеупомянутых договоренностей в отношении продолжавшихся переговоров между Советским Союзом и ФРГ.

Как отмечал Г. Киссинджер в меморандуме для Р. Никсона от 7 апреля 1970 г., визит В. Брандта был попыткой заручиться одобрением «новой восточной политики» у президента и подвести итоги переговоров с Советским Союзом. Это сыграло важную роль в решении проблем совместно с оппозицией в лице ХДС / ХСС в ФРГ. Участие Соединенных Штатов во внутриполитическом кризисе между правительством и оппозицией в ФРГ могли значительно ухудшить американо-германские отношения [15].

На встрече с Р. Никсоном канцлер В. Брандт сумел обратить в свою пользу затруднительное положение Соединенных Штатов. Он выразил озабоченность в вопросе сокращения американских войск в Федеративной Республике. Возможность сокращения американского контингента обсуждалась с самого начала президентства Р. Никсона. По мнению канцлера, сокращение войск продемонстрировало бы Советскому Союзу ослабление НАТО, в силу чего он мог отказаться вести переговоры с ФРГ о нормализации отношений. Данная ситуация подорвала бы усилия В. Брандта по реализации «новой восточной политики» и поставила бы под угрозу любые переговоры с СССР, включая те, которые могли затронуть и прямые интересы США. Это осознавал и Г. Киссинджер. В меморандуме от 9 апреля президенту Р. Никсону он рекомендовал одобрить политику ФРГ и выразил уверенность в осмотрительности подходов западногерманского руководства к ее проведению. Появлялась гарантия, что СССР продолжит участвовать в переговорах и с ФРГ, и с союзниками по вопросу о статусе Западного Берлина [16].

Впоследствии В. Брандт отмечал, что встреча прошла эффективно [17. P. 217]. Президент Р. Никсон подтвердил свою поддержку переговоров Бонна с Москвой и Варшавой и пообещал не чинить препятствий в ходе переговоров. Поскольку у представителей США и ФРГ было много точек соприкосновения, администрации Бонна и Вашингтона сочли ненужным публикацию коммюнике. В. Брандт заметил, что Р. Никсон продемонстрировал свое доверие к их политике и подчеркнул, что Вашингтон не поставит под угрозу союз США и ФРГ. Однако, несмотря на формальное одобрение, по документам видно и недовольство США стремлением Бонна к автономии. Р. Никсон заявил прямо, что такие союзники, как Федеративная Республика, не должны проявлять раздражительность или недоверие к Соединенным Штатам. Напротив, немцы должны уделять приоритетное внимание своим отношениям с США. В свою очередь, В. Брандт подчеркнул, что поддержание тесных связей с США останется одной из главных внешнеполитических задач Федеративной Республики [15].

Ярким примером двойственного отношения к происходящему со стороны США является реакция члена оперативного штаба Совета национальной безопасности Х. Зонненфельда. Г. Киссинджер был солидарен с ним по многим внешнеполитическим вопросам. За это Х. Зонненфельд в правительственных кругах получил прозвище «Киссинджер Киссинджера». В меморандуме от 30 июня 1970 г. указывается, что Зонненфельд отправил Советнику по вопросам национальной безопасности ряд писем, содержащих критику Московского договора. По мнению Х. Зонненфельда, Московский договор был попыткой усилить роль ФРГ в Европе и способом оказания давления на Соединенные Штаты [18]. Однако в одном из своих заключительных меморандумов по данному вопросу Зонненфельд написал о необходимости поддержать нормализацию отношений между ФРГ и Востоком, как об этом заявлял президент в своем внешнеполитическом докладе Конгрессу [19].

В начале лета между СССР и ФРГ был согласован подробный список тем для обсуждения предстоящего договора. Гуттенберг, будучи правым членом Баварского христианско-социального союза (ХСС), настроенный против социал-демократов, передал этот список в прессу. В ФРГ сложилась сложная внутриполитическая ситуация. Оппозиция потребовала удовлетворительного решения западноберлинского вопроса до принятия какого-либо договора. Еще одним условием оппозиции являлось то, что будущий договор не должен затрагивать «право немцев на самоопределение» для воссоединения. Данный кризис являлся сигналом для союзников, которым следовало бы пересмотреть свое отношение к нынешней внешней политике ФРГ. Однако В. Брандт, выступая на заседании Бундестага, заявил, что ни один договор не будет ратифицирован до тех пор, пока не будет достигнут прогресс в западноберлинском вопросе. Кризис удалось миновать. Это подтвердил опрос, проведенный в июле среди жителей ФРГ. Он показал, что 79% опрошенных западных немцев поддерживали позицию правительства, отстаиваемую Социал-демократической партией (СДПГ) [20. P. 16].

Одобрение со стороны США и способность к компромиссу укрепили позиции В. Брандта в Бундестаге и помогли преодолеть противостояние с оппозицией в лице ХДС / ХСС, избежав внутриполитического кризиса. Таким образом, напряжение внутри ФРГ было снято, однако спорные моменты в отношениях ФРГ и США остались. Соединенные Штаты все так же не устраивала настойчивая самостоятельность Бонна.

Анализируя едва миновавший кризис в ФРГ, в администрации США снова проявили сомнение относительно успеха проведения «новой восточной политики» и переговоров между ФРГ и СССР, несмотря на попытки представителей Бонна продемонстрировать контроль над ситуацией [21. P. 247-248]. США предприняли попытку напомнить о своей ведущей роли в определении европейской политики. Об этом свидетельствует беседа Г. Киссинджера с секретарем МИД ФРГ П. Франком в июне 1970 г. В ходе беседы Советник по вопросам национальной безопасности жестко подчеркнул, что основную политику разрядки диктуют США [22. P. 49].

Попытка оппозиции расколоть коалицию Брандта и изменить точку зрения представителей США не увенчалась успехом. Обеспокоенность в правительственных кругах США нарастала. Несмотря на недовольство излишней самостоятельностью ФРГ, Соединенные Штаты не могли допустить полного провала переговоров, которые должны были привести к снижению напряженности в Европе, но и излишнее усиление ФРГ не отвечало их планам. Это заставило представителей Вашингтона проявлять большую осторожность в отношении того влияния, которое может оказать Московский договор на собственные стратегические интересы. Как выразился М. Хилленбранд в Вашингтоне, «немцы могут невольно предпринять шаги, которые приведут к подрыву статуса четырех держав» [23. P. 112].

Если у Р. Никсона и Г. Киссинджера отношение к действиям Бонна было ближе к скепсису, то другие деятели высказывали прямые опасения, как это видно из меморандума постоянного представителя США при НАТО Р. Эллсуорта. Этот документ вызвал бурную реакцию среди представителей Белого дома. В данном документе представитель США критиковал «новую восточную политику» и анализировал негативное экономическое влияние Московского договора [24]. Критические замечания Эллсуорта вызвали беспокойство у Никсона. Позднее, в октябре 1970 г., представители Государственного департамента сообщили президенту США, что страны Западной Европы могут последовать примеру Брандта в торговой стратегии ФРГ. Согласно этой стратегии, рынок СССР являлся привлекательным местом для западногерманских инвестиций. Также первые шаги в этом направлении начала делать Франция. В результате администрация США осознала необходимость укрепления торговых связей, денежного обмена и других экономических мер взаимодействия с ФРГ и со странами Западной Европы [25]. Переговоры между Бонном и Москвой вызвали переоценку

экономического подхода США как к европейским союзникам, так и к СССР.

В июне 1970 г. западные союзники одобрили результаты, достигнутые Э. Баром, которые были представлены на нескольких встречах с американскими дипломатами. Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель сообщил, что министры иностранных дел Франции, Великобритании и США с энтузиазмом восприняли завершившиеся переговоры Э. Бара в Москве. Р. Фессенден назвал успехи Э. Бара «чудом». Большинство американского истеблишмента выразило полную поддержку восточной политике Брандта, что стало облегчением для Бонна.

По мере того как поддержка В. Брандта в Европе росла, официальное одобрение политики Бонна со стороны США становилось все отчетливее. 24 июня 1970 г. М. Хилленбранд, помощник госсекретаря по европейским делам, заявил перед сенатским комитетом, что администрация Белого дома одобряет усилия правительства ФРГ по нормализации отношений со странами Восточной Европы и Советским Союзом в частности. Такое утверждение, по мнению Хилленбранда, было подкреплено различными публичными заявлениями официальных лиц из Вашингтона [26].

К этому времени вопрос излишней самостоятельности ФРГ отходит на второй план, а на первый выступает оценка перспектив развития международных отношений. Примером тому может служить меморандум от 3 июля 1970 г. начальника политического отдела посольства в Западной Германии Д. Дина, адресованный послу в Федеративной Республике Германия К. Рашу. Равновесие сил между группами, выступающими за и против переговоров, оказалось почти одинаковым во всех странах – ФРГ, ГДР и СССР. Если в какой-либо из этих стран доминируют «антипереговорные силы», то резкий спад американо-советских отношений может привести к распаду переговорного комплекса между ФРГ и ГДР, ФРГ и СССР, США и СССР. В меморандуме была проанализирована система текущих и планировавшихся переговоров. Всего насчиталось семь переговоров: обсуждение американо-советских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ); нерешенные переговоры о взаимном сбалансированном сокращении вооружений в Европе; переговоры ФРГ с Советским Союзом, закладывающие основу для решения территориальных аспектов «квазимирного договора»; переговоры между ФРГ и Польшей; переговоры ФРГ с ГДР; четырехсторонние переговоры по поводу статуса Западного Берлина [27]. Сохранение данной системы переговоров можно рассматривать как потенциальную стратегию для поддержания баланса и предотвращения срыва переговоров непосредственно между США и СССР. Анализ Д. Дина отражал более конструктивный подход к переговорам Бонна и Москвы.

13 июля 1970 г. В. Шеель прибыл в Вашингтон для встречи с Госсекретарем У. Роджерсом, связанной с последующими шагами в восточной политике ФРГ. Он собирался возглавить немецкую делегацию в Москве для подписания договора между ФРГ и СССР об отказе от применения силы в межгосударственных отношениях. В ходе посещения Вашингтона, Лондона и Парижа Шеель подчеркивал приверженность Западной Германии НАТО и партнерству с США, а также еще раз обозначил цели восточной политики ФРГ.

Постепенно выкристаллизовывается итоговая позиция США по сложившейся политической ситуации. При обсуждении данных визитов Г. Киссинджер в письме Р. Никсону отмечал, что важно создать впечатление поддержки США «новой восточной политики» ФРГ. Однако заинтересованность Вашингтона должна состоять в обеспечении позиции США в Западном Берлине. Также должны быть поддержаны основы для диалога СССР и США. Деятельность представителей ФРГ не должна подрывать эти основы. В качестве уступки притязаниям Бонна представители США на встрече с В. Шеелем пообещали не вмешиваться в детали переговоров и тактику ФРГ в переговорах с Москвой и Варшавой [28].

Негативная реакция на попытки наладить отношения между ФРГ и СССР также исходила от консервативных конгрессменов. В декабре 1970 г. бывший верховный комиссар в Западной Германии Дж. Макклой на встрече с президентом Р. Никсоном отметил снижение интереса Соединенных Штатов по отношению к Европе. Особое место в его анализе занимал пример Западной Германии, которая все больше попадала под влияние Советского Союза из-за неправильных внешнеполитических приоритетов США. По мнению Дж. Макклоя, США должны были пересмотреть свое военное, политическое и экономическое сотрудничество с ФРГ, сохраняя при этом сильное стремление к совместным продуктивным действиям в интересах достижения общих целей. Р. Никсон высоко оценил данный анализ [29].

Однако и В. Брандт не стал почивать на лаврах после заключения договора и активно противостоял подобной критике. В 1971 г. он написал Дж. Макклою письмо в защиту внешнеполитического курса ФРГ. Он подчеркнул, что политика ФРГ в отношении стран Варшавского договора была поддержана всеми союзниками. Западная Германия не могла проводить такую политику в одиночку. Брандт также утверждал, что его правительство просто признавало послевоенные реалии, и отвергал обвинения в том, что он подвергал ФРГ чрезмерному советскому влиянию. США, Франция и Великобритания сохранили свои права в Западном Берлине. Это опровергало мнение о расколе «западного единства». Брандт также отметил, что «конкретное сотрудничество между западными союзниками уже давно не было так близко» [30].

Нашлись и другие противники. Бывший глава администрации американской зоны оккупации в послевоенной Германии Л. Клей также заявил о своем недоверии В. Брандту и нынешнему руководству ФРГ. Политик выразил обеспокоенность как неопределенностью американской политики, так и слабостью американского руководства в отношении западноевропейских стран [12].

В. Брандт ответил и Л. Клею в письме, адресованном Дж. Макклою. Он заявил, что Федеративная Республика перестала быть сдерживающим фактором для стран Варшавского договора. Канцлер ФРГ утверждал,

что постепенное развитие отношений между Востоком и Западом в долгосрочной перспективе смогло бы повлиять на улучшение ситуации в Европе. Вместе со своим главным советником Э. Баром канцлер назвал эту стратегию «изменением пути сближения». Наконец, В. Брандт провел связь между переговорами по Западному Берлину и признанием существующих границ, подчеркнув важность политического статуса Западного Берлина. По мнению В. Брандта, эти границы признавали все страны в мире, кроме партий ХДС / ХСС в ФРГ [29].

Государственный секретарь США в администрации президента Г. Трумэна Д. Ачесон оценивал «новую восточную политику» ФРГ как потенциальную угрозу единству Запада. В последующих высказываниях перед журналистами Д. Ачесон заявил о необходимости остановить В. Брандта и предложил принять меры для остановки «безумной гонки в Москву» [31. P. 293]. Критику тезисов Д. Ачесона В. Брандт изложил также в ответном письме Дж. Макклою.

Вся эта критика на фоне официального одобрения действий ФРГ показывала двойственность целей США и трудность стоявших перед Вашингтоном задач. По мнению Г. Киссинджера, постепенное принятие «новой восточной политики» им самим и Р. Никсоном было мотивировано осознаваемой опасностью, которую могло повлечь за собой активное противодействие этой политике со стороны администрации Соединенных Штатов, а именно риском выхода ФРГ из НАТО и других наднациональных структур Запада и постепенного сближения со странами Варшавского договора.

Нельзя также недооценивать и личностные качества самого В. Брандта. Стиль его руководства получил положительные отзывы. Как бывший бургомистр Западного Берлина Брандт заслужил авторитет в Вашингтоне, что помогло уменьшить опасения администрации Белого дома по поводу «новой восточной политики» Бонна. Популярность и надежность В. Брандта сыграли немаловажную роль в укреплении доверия и развитии независимой внешней политики Западной Германии. Немалую роль в положительном изменении реакции сыграли также визиты и консультации представителей ФРГ и США с апреля по июль 1970 г. После встречи канцлера В. Брандта и президента США Р. Никсона была отмечена более позитивная оценка переговоров между Москвой и Бонном. Попытки оппозиции в лице ХДС / ХСС в ФРГ заручиться поддержкой США и с их помощью свернуть «новую восточную политику» правительства В. Брандта не увенчалась успехом. Администрация Вашингтона прекрасно понимала негативные последствия такого вмешательства во внутриполитический кризис ФРГ.

В заключение стоит отметить, что реакция администрации Р. Никсона на переговоры между Бонном и Москвой в рамках Московского договора отмечена двумя фазами. Первая фаза длилась с октября 1969 г. по март 1970 г., когда наблюдался настороженный подход как к оценке «новой восточной политики» В. Брандта, так и к переговорам между Бонном и Москвой. Вторая фаза представлена периодом с апреля по июль 1970 г., когда наблюдалась более конструктивная оценка действий руководства ФРГ. Это нашло отражение в критических комментариях и признании безотлагательности решения вопросов, вытекающих из «новой восточной политики» Западной Германии.

Расхождение концепций разрядки между США и ФРГ можно объяснить приматом прямого советско-американского диалога в позиции США. По мнению представителей Вашингтона, в этом диалоге двух сверхдержав роль союзников была второстепенной. Улучшение сложной внешнеполитической обстановки в Европе требовало решения вопросов с Москвой, без чего невозможно было бы выправить положение на континенте. Анализ меморандумов показал, что США пренебрегли решением центральной проблемы более самостоятельной внешней политики Бонна и постепенного сближения ФРГ с СССР, а также с другими союзниками по Варшавскому блоку. Таким образом, американские политические лидеры заняли позицию, которая по большей части отражала взгляды американских политиков 1950-х гг.

Высшие эшелоны США, в частности Г. Киссинджер, открыто выражали поддержку советско-западногерманским переговорам, хотя в частном порядке высказывали серьезные опасения и негативные оценки в отношении таких переговоров. «Новая восточная политика» с самого начала проявляла автономию, и это не могло не беспокоить Вашингтон. В более широком контексте внешней политики реакция США на переговоры ФРГ и СССР пролила свет на ключевые проблемы в американо-западногерманских отношениях.

Список источников

1. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (12.08.1970) // documentArchiv.de. URL: http://www.documentArchiv.de/1970/moskauer-vertrag.html (Stand: 28.04.2023).
2. Verhandlungen des deutschen Bundestages. 6. Wahlperiode. 5. Sitzung vom 28. Oktober 1969 : Stenographische Berichte. Bonn : Hrsg. Deutscher Bundestag und Bundesrat, 1970/1971. Nr. 74. S. 20–34.
3. Филитов А.М. Московский договор СССР–ФРГ и «Письмо о германском единстве». От конфликта к компромиссу // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6. С. 46–60.
4. Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: политическая элита ФРГ и Московский договор 1970 г. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21–22 мая 2020 г. Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. С. 95–99.
5. Albert E.H. Bonn's Moscow Treaty and Its Implications // International Affairs. 1971. № 47. P. 316–326.
6. Gray W.G. Paradoxes of Ostpolitik: Revisiting the Moscow and Warsaw Treaties, 1970 // Central European History. 2016. № 49. P. 409–440.
7. Niedhart G. The Federal Republic's Ostpolitik and the United States: Initiatives and Constraints // The United States and the European Alliance since 1945. Oxford : Berg, 1999. P. 291–292.
8. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972. Washington, DC : Government Printing Office (GPO), 2007. Vol. XL: Germany and Berlin. 1142 p.

9. Letter From the Deputy Chief of Mission in Germany (Fessenden) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Hillenbrand). Bonn, January 29, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 142–143.
10. Dannenberg J. von. The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR. Oxford : Oxford University Press, 2008. 260 p.
11. Haase C. In Search of a European Settlement: The Königswinter Conferences and West German–Allied Relations 1949–1973. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 274–275.
12. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, March 10, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 170–172.
13. Telegram From the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, November 7, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 115–117.
14. Morgan R. The United States and West Germany, 1945–1973: a study in alliance politics. Oxford : Oxford University Press, 1974. 282 p.
15. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, April 7, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 198–201.
16. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, April 9, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 209–214.
17. Grebing H. Berliner Ausgabe: Ein Volk der guten Nachbarn Aussen- und Deutschlandpolitik 1966–1974. Bonn : Dietz, 2005. 677 S.
18. Memorandum From Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, June 30, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 258–259.
19. Memorandum From Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, April 7, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 203–204.
20. de Carmoy G. Defense and Detente: Two Complimentary Policies // NATO Review. 1982. № 30. P. 12–17.
21. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, June 8, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 247–248.
22. Frank P. Entschlüsselte Botschaft - Ein Diplomat macht Inventur. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1981. 399 S.
23. Brandt W. Erinnerungen. Berlin : Siedler, 1999. 1086 p.
24. Memorandum From the Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization (Ellsworth) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Undated // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 271–273.
25. Carter C.W. The Evolution of US Policy toward West German-Soviet Trade Relations 1969–89 // The International History Review. 2012. № 2. P. 221–244.
26. U.S. Senate, Committee on Foreign Relations, Subcommittee on U.S. Security Agreements and Commitments Abroad, U.S. Security Agreements and Commitments Abroad, Hearings 9lst Congress, 2nd session. Washington, DC : Government Printing Office (GPO), 1970. Vol. 2. P. 2553.
27. Memorandum From the Political Counselor at the Embassy in Germany (Dean) to the Ambassador to Germany (Rush). Bonn, July 3, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 261–265.
28. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, July 17, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 279–281.
29. Memorandum of Conversation. Washington, December 7, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 404–406.
30. Letter by Federal Chancellor Brandt to the Chairman of the American Council on Germany and Chairman of the Advisory Committee to the President of the United States of America for Disarmament Issues, McCloy. March 24, 1971 // Wilson Center Digital Archive. URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113401
31. Brinkley D. Dean Acheson. The Cold War Years, 1953–71. New Haven : Yale University Press, 1994. 446 p.

References

1. Germany. (1970) *Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (August 12, 1970)*. [Online] Available from: http://www.documentArchiv.de/1970/moskauer-vertrag.html (Accessed: 28th April 2023).
2. Germany. (1970/1971) *Verhandlungen des deutschen Bundestages. 6. Wahlperiode. 5. Sitzung vom 28 Oktober 1969: Stenographische Berichte*. Bonn: Hrsg. Deutscher Bundestag und Bundesrat, Nr. 74. pp. 20–34.
3. Filitov, A.M. (2019) Moskovskiy dogovor SSSR–FRG i "Pis'mo o germanskom edinstve". Ot konflikta k kompromissu [Moscow Treaty of the USSR-Germany and "Letter on German Unity." From conflict to compromise]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 6. pp. 46–60.
4. Sindeev, A.A. (2020) Istoki evropeyskoy bezopasnosti: politicheskaya elita FRG i Moskovskiy dogovor 1970 g. [The origins of European security: The political elite of Germany and the Moscow Treaty of 1970]. *Aktual'nye problemy mezhduna-rodnykh otnosheniy i diplomatii* [Current Problems of International Relations and Diplomacy]. Proc. of the 5th International Conference. Vitebsk, May 21–22, 2020. Vitebsk: VSU. pp. 95–99.
5. Albert, E.H. (1971) Bonn's Moscow Treaty and Its Implications. *International Affairs*. 47. pp. 316–326.
6. Gray, W.G. (2016) Paradoxes of Ostpolitik: Revisiting the Moscow and Warsaw Treaties, 1970. *Central European History*. 49. pp. 409–440.
7. Niedhart, G. (1999) The Federal Republic's Ostpolitik and the United States: Initiatives and Constraints. In: Burk, K. & Stokes, M. (eds) *The United States and the European Alliance since 1945*. Oxford: Berg. pp. 291–292.
8. FRUS. (2007) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. Washington, DC: Government Printing Office (GPO).
9. FRUS. (1970a) *Letter From the Deputy Chief of Mission in Germany (Fessenden) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Hillenbrand)*. Bonn, January 29, 1970. Vol. XL. pp. 142–143.
10. Dannenberg, J. von (2008) *The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR*. Oxford: Oxford University Press.
11. Haase, C. (2004) *In Search of a European Settlement: The Königswinter Conferences and West German–Allied Relations 1949–1973*. Oxford: Oxford University Press. pp. 274–275.
12. FRUS. (1970b) *Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon.* Washington, March 10, 1970. Vol. XL. pp. 170–172.
13. FRUS. (1969) *Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State*. Bonn, November 7, 1969. Vol. XL. pp. 115–117.
14. Morgan, R. (1974) *The United States and West Germany, 1945–1973: A study in alliance politics*. Oxford: Oxford University Press.
15. FRUS. (1970c) *Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon*. Washington, April 7, 1970. Vol. XL. pp. 198–201.
16. FRUS. (1970d) *Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon.* Washington, April 9, 1970. Vol. XL. pp. 209–214.
17. Grebing, H. (2005) *Berliner Ausgabe: Ein Volk der guten Nachbarn Aussen- und Deutschlandpolitik 1966–1974*. Bonn: Dietz.
18. FRUS. (1970e) *Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger)*. Washington, June 30, 1970. Vol. XL. pp. 258–259.
19. FRUS. (1970f) *Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger)*. Washington, April 7, 1970. Vol. XL. pp. 203–204.
20. de Carmoy, G. (1982) Defense and Detente: Two Complimentary Policies. *NATO Review*. 30. pp. 12–17.

21. FRUS. (1970g) *Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon.* Washington, June 8, 1970. Vol. XL. pp. 247–248.
22. Frank, P. (1981) *Entschlüsselte Botschaft - Ein Diplomat macht Inventur*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
23. Brandt, W. (1999) *Erinnerungen*. Berlin: Siedler.
24. FRUS. (n.d.) *Memorandum from the Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization (Ellsworth) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger)*. Vol. XL. pp. 271–273.
25. Carter, C.W. (2012) The Evolution of US Policy toward West German-Soviet Trade Relations 1969–89. *The International History Review*. 2. pp. 221–244.
26. USA. (1970) *U.S. Senate, Committee on Foreign Relations, Subcommittee on U.S. Security Agreements and Commitments Abroad, U.S. Security Agreements and Commitments Abroad, Hearings 9lst Congress, 2nd session*. Vol. 2. Washington, DC: Government Printing Office (GPO). p. 2553.
27. FRUS. (1970h) *Memorandum from the Political Counselor at the Embassy in Germany (Dean) to the Ambassador to Germany (Rush)*. Bonn, July 3, 1970. Vol. XL. pp. 261–265.
28. FRUS. (1970i) *Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon*. Washington, July 17, 1970. Vol. XL. pp. 279–281.
29. FRUS. (1970j) *Memorandum of Conversation*. Washington, December 7, 1970. Vol. XL. pp. 404–406.
30. Wilson Center Digital Archive. (1971) *Letter by Federal Chancellor Brandt to the Chairman of the American Council on Germany and Chairman of the Advisory Committee to the President of the United States of America for Disarmament Issues, McCloy*. March 24, 1971. [Online] Available from: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/113401
31. Brinkley, D. (1994) *Dean Acheson. The Cold War Years, 1953–71*. New Haven: Yale University Press.

***Сведения об авторе*:**
Попов Юрий Павлович – ассистент Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: jasonic.popov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Popov Yuriy P. – Assistant of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jasonic.popov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 30.10.2023; accepted for publication 01.02.2024

Original article
UDK 94
doi: 10.17223/19988613/87/17

Overseas Chinese as one of the main tools of Chinese soft power

Yiyuan Xiang[1], Alexey G. Timoshenko[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] i.yuan@inbox.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Abstract. Overseas Chinese have not only influenced their residence countries, but also deeply influenced Chinese culture, especially in religion, language and literature. In various fields such as Chinese communities, media, and education, overseas Chinese and Chinese culture have achieved integration and exchange. This phenomenon not only injects new vitality and promotes the inheritance and development of Chinese culture, but also becomes one of the important sources of China's soft power and plays an important role in China's public diplomacy. Based on multi angle and multi-level analysis, this paper aims to show the relationship between Overseas Chinese and Chinese culture, and emphasize the importance and value of Overseas Chinese in China's public diplomacy.
Keywords: overseas Chinese, Chinese communities, Chinese culture, Chinese soft power, China's public diplomacy

For citation: Yiyuan Xiang, Timoshenko, A.G. (2024) Overseas Chinese as one of the main tools of Chinese soft power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 144–151. doi: 10.17223/19988613/87/17

Научная статья

Китайская диаспора как один из основных инструментов китайской «мягкой силы»

Сян Юань[1], Алексей Георгиевич Тимошенко[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] i.yuan@inbox.ru
[2] 21timoshenko48@gmail.com

Аннотация. Китайцы, живущие за границей, не только повлияли на страны своего проживания, но и оказали глубокое влияние на китайскую культуру, религию и язык. Адаптация китайцев к странам проживания происходила следующим образом: они унаследовали традиционную культуру и обычаи, переданные предками по крови и языку, и в то же время характер различных мест проживания способствовал постоянной адаптации и приспособлению китайских этнических групп. Религиозные верования и традиционные обычаи играют важную роль в жизни зарубежных китайцев. Здесь работает аналогичный механизм: хотя китайцы предпочитают подстраиваться под коренное население в плане языка и письменности, они все же поддерживают традиционные китайские верования и обычаи, что, безусловно, способствует сохранению и распространению китайской культуры за пределами Китая.

Данная статья, основанная на многогранном и многоуровневом анализе, призвана показать взаимосвязь между китайцами, живущими за границей, и китайской культурой, а также подчеркнуть важность и ценность китайцев, живущих за границей, в общественной дипломатии Китая. В различных областях, таких как средства массовой информации и образование, зарубежные китайцы и китайская культура достигли интеграции и обмена. По мере роста силы Китая его традиционные ценности становятся все более и более важными. Китаеязычные СМИ также играют важную роль в продвижении китайского языка среди китайцев, живущих за границей. Более того, китайские СМИ настаивают на социальных правах, которыми должны обладать китайцы за границей, уделяя внимание освещению условий их жизни. Китайские общины не только придают новую жизненную силу и способствуют наследованию и развитию китайской культуры, но и становятся одним из важных источников мягкой силы Китая и играют важную роль в общественной дипломатии КНР.
Ключевые слова: китайцы за границей, китайские общины, китайская культура, мягкая сила Китая, публичная дипломатия Китая

Для цитирования: Сян Юань, Тимошенко А.Г. Китайская диаспора как один из основных инструментов китайской «мягкой силы» // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 144–151. doi: 10.17223/19988613/87/17

© Yiyuan Xiang, A.G. Timoshenko, 2024

Culture is an innate characteristic of migrant groups. The combination of Chinese culture and Overseas Chinese has emerged as a vital force for the global inheritance and development of Chinese culture. As Overseas Chinese gradually integrate into local communities, they effectively leverage their rich cultural advantages to inject new vitality and innovative thinking into Chinese culture, thus promoting its influence on a wider world stage. In addition to being indispensable inheritors of Chinese culture, Overseas Chinese are also an integral component of it. Thanks to their unique cultural inheritance abilities, the strength of Overseas Chinese has become one of the primary sources of China's soft power.

There is an ancient Chinese saying: *Wherever there is seawater, there are overseas Chinese*. According to incomplete statistics, nearly 40 million of the more than 60 million overseas Chinese in the world are distributed in countries and regions along the "the Belt and Road" [1].

The large number of overseas Chinese plays an important role in the economy, culture, society and even politics of their residence countries. They are the natural messengers of Chinese culture and play an irreplaceable role in helping Chinese culture go abroad. At the same time, Overseas Chinese are a strategic resource to improve the reputation and recognition of Chinese culture and expand the attractiveness and influence of Chinese culture [2].

Overseas Chinese have settled down all over the world. On the one hand, they inherited the traditional culture and customs handed down by their ancestors through blood and language. On the other hand, the nature and humanity of different places of residence have promoted the continuous adjustment and adaptation of the Chinese ethnic groups, so that the overseas Chinese communities everywhere will develop their own social and cultural variations in terms of language, lifestyle, ideology and belief, as well as in terms of systems, norms and structures. "It is the localization of overseas Chinese society" [3].

Overseas Chinese and their descendants living in different regions and countries, in the process of localization, used Chinese culture and local culture, joined their own feelings and thinking, and mixed to produce cultural identity belonging to local Chinese ethnic groups. The overseas Chinese have accumulated capital from the past labor-intensive industries such as peddlers, workers and chefs, and have grown to become an ethnic group with huge commercial strength. On this basis, the overseas Chinese have expanded into many industries, including finance, transportation, trade and tourism. Every industry involved has become a window for spreading Chinese culture. The breadth of overseas Chinese culture determines the breadth of Chinese culture transmission, and the depth of overseas Chinese culture also determines the depth of Chinese culture transmission.

The feelings of family and country are deeply inherited in Chinese culture. Overseas Chinese, especially early generation immigrants, pay attention to human relations. In the face of unfamiliar social environment, in order to obtain the help of Chinese compatriots and gain strength from the whole ethnic group, they will condense the feelings about family and mother country in the culture into a bond, and try to extend to every corner of the overseas Chinese society, including individuals, groups, ethnic groups, so that scattered overseas Chinese and groups can converge into a cultural community in some aspects. In this community, they have consistent values, ethics, and development goals to form a sustainable and endogenous operating mechanism and build the overseas Chinese society into a huge resource pool. Therefore, the united overseas Chinese force has become a unique role in the process of spreading Chinese culture, promoting the development of Chinese culture and China itself.

China's national power is the backing for the development of overseas Chinese. Chinese culture provides spiritual strength for overseas Chinese, and well developed overseas Chinese groups have also become part of China's soft power.

With China's achievements in the economic field in recent years promoting the gradual renaissance of national strength, China has increasingly become a force that has an important voice in the international arena. The enhancement of China's national power is conducive to the enhancement of the influence of overseas Chinese in the country where they live. Take Southeast Asia as an example, as early as hundreds of years ago, China had a strong influence in Southeast Asia. In many dynasties in ancient China, a large number of countries in Southeast Asia belonged to China's vassal states. With the development of Zheng He's navigation activities, countries and citizens in Southeast Asia also have a deeper understanding of China. Before and after World War II in the last century, China's comprehensive national strength was relatively weak, and overseas Chinese at that time were not positively affected by China's national strength. On the contrary, the Southeast Asian overseas Chinese had economic advantages at that time, which provided important economic support for China to repel Japanese aggression. When China's national power is weak, the overseas Chinese in Southeast Asia will also be more guarded and suspicious of the indigenous people. In the 1970s, there were many riots (even massacres) against the overseas Chinese in Southeast Asia, and the lives and properties of the Chinese in Southeast Asia were threatened, the political status plummeted.

After the 1970s, as China adopted an open policy, its national strength gradually rose. After becoming an emerging country with important influence, Southeast Asian aborigines' attitudes towards China and overseas Chinese also changed. As a link between China and Southeast Asian countries, overseas Chinese enjoy the cultural confidence and economic opportunities brought by China's rise.

With the improvement of China's strength, China's traditional values have become more and more important. The spread of traditional values has made overseas Chinese feel the spiritual power in the cultural gene, which also helps them to actively inherit and maintain Chinese cultural values. Chinese nationals and Southeast Asian overseas Chinese have similar national values for the inheritance of Chinese culture, which is a conscious choice formed in the long-term historical development process, can withstand the test, and has a positive role for the overseas Chinese. The overseas Chinese take the initiative to contact China and spread Chinese related elements, making China's influence transcend the local and overseas geographical boundaries, linking the overseas Chinese

with China's past, present and future, and bringing more confidence and hope to the future of overseas Chinese.

1. The ways for overseas Chinese to spread Chinese Culture

When the first generation of overseas Chinese first arrived overseas, they faced a difficult life and felt very lonely. As a result, the overseas Chinese survived by establishing bonds and forming groups, and finally gradually evolved into overseas Chinese communities [4]. As a Chinese gathering area and business district, Chinatown is the birthplace of many overseas Chinese associations, where overseas Chinese organize activities and provide services. Therefore, Chinatown has become an important unit for the dissemination of Chinese culture and an important disseminator of Chinese associations. [5. P. 19]

It is difficult to have accurate figures on the total number of overseas Chinese associations. At present, the number commonly used is more than 20000, including more than 7000 in Malaysia, ranking first in terms of number. There are more than 3000 in the United States, more than 2000 in Europe, and more than 5000 organizations scattered around the world [6. P. 1]. In Thailand, there are more than 180 overseas Chinese associations registered in the government in the capital Bangkok alone. Before the outbreak of the Second World War in Indonesia, there were about 400 overseas Chinese associations. By the mid-1990s, there were more than 8900 Chinese associations around the world [7].

Chinese associations can be classified according to different elements, such as politics, economy and culture; traditional and modern; region, industry, culture, kinship, interest, etc. Some Chinese associations have established kinship identity system to connect families or clansmen with blood relations. And the Chinese with a common ancestral home locus through the formation of regional identity, like a province, city. Similarly, by connecting overseas Chinese with specific hobbies, some Chinese associations achieve a specific range of interest identification. While there are divisions and allegiances within groups based on blood, language or class, the majority of Chinese in Malaysia (and the same argument applies to Chinese-Indonesians) recognize themselves as part of a wider Chinese collective. [8. P. 44] The Chinese community is like a stone building cultural identity, gradually forming the overall cultural landscape of overseas Chinese. It carries forward and inherits Chinese culture and becomes the most important symbol of overseas Chinese cultural identity.

These numerous associations, through regularly or irregularly holding a variety of community activities, build a bridge of communication and exchanges between their home country and their residence countries, and spread Chinese culture and customs to overseas. At the same time, they also help enhance the local social influence of Chinese, which is an important manifestation of soft power.

As an important medium of Chinese culture, religious beliefs and traditional customs play an important role in the lives of overseas Chinese. Some overseas Chinese will gradually choose to believe in the mainstream religion of their country of residence due to the influence of religious belief tendency. For example, some overseas Chinese in the Philippines refer to choose Catholicism. However, most overseas Chinese still adhere to traditional Chinese religious beliefs, that is, Taoism, Confucianism and various folk beliefs derived from Chinese culture, and some people believe in Chinese Buddhism. In Malaysia, Indonesia and other countries, there are some indigenous overseas Chinese who do not understand Chinese characters and do not speak Chinese. Although they choose to be adapted to the local aborigines in terms of language and writing, they still believe in traditional Chinese beliefs and customs, such as Guan Yin Bodhisattva and Land Duke, and they still tend to be Chinese in their self-identity.

Chinese society in its long history has been dominated by secular culture, Chinese culture is also the representative of morality and humanism. Religious beliefs closely related to Chinese cultural traditions are therefore characterized by pragmatism [9. P. 59]. Chinese culture is known for its inclusivity, in contrast to religions that typically focus on the worship of a single deity. For thousands of years, foreign religions such as Christianity, Islam, Judaism, and Buddhism have existed harmoniously alongside Confucianism and Taoism within China. Additionally, many local gods in folk beliefs are believed in by large groups of people and coexist [10. P. 87]. Overseas Chinese often worship Confucianism, Buddhism and Taoism at the same time, especially Confucianism is particularly popular. One reason is that Confucianism focuses on winning hearts and minds [11. P. 94]. Confucian philosophy has become integrated into the more overseas Chinese way of thinking, and many overseas Chinese are familiar with the literature documenting Confucianism. Confucian values and humanistic ideas have long been embraced, especially by the wealthy in Southeast Asia, who are seen as Asia's "Confucian capitalists", particularly the Chinese in Singapore [12. P. 391]. Every year during various festivals, overseas Chinese observe different religious beliefs, including the Taoist Wealth God who is believed to safeguard prosperity, as well as the Kitchen God who originated from primitive traditions and is thought to protect against food-related issues.

In addition, apart from traditional religions, many local deities were formed in ancient China. These gods are also popular in overseas Chinese communities. For example, Mazu - the sea goddess from the coastal provinces of Fujian, and Zheng He- the famous navigator of the Ming Dynasty, became objects of worship.

Moreover, overseas Chinese often choose to worship specific gods according to different situations they encounter. This custom of unlimited status and diversified worship has become an obvious feature of Chinese religious belief. Many Chinese gods have exclusive and detailed areas of responsibility. Some are responsible for making money, some are responsible for eliminating disasters, some are responsible for treating diseases, and some are responsible for childbearing. They do not necessarily belong to the same religious system. Overseas Chinese will choose gods in their fields to worship according to temporary needs.

Most Chinese live in different cultural environments and are unwilling to be merged and assimilated by the local

culture and religion. They choose to bring the gods of their home country to their country of residence. Besides, some temples established by the overseas Chinese can also provide services including funerals, ancestor worship and urn storage. They also provide financial aid and scholarships to students, help the poor, and provide martial arts training through secret societies [13. P. 141]. This religious culture objectively helps Chinese people gather national identity and inherit cultural customs. It even expresses that it has a place in the local cultural field.

While Chinese culture is spreading to the outside world, it also attracts many people to study in China, and then bring their feelings back to their home countries. This process is mostly done by international students who relocate to China. Overseas Chinese who go to China to study abroad have a more refined and profound feeling of Chinese culture. They will transmit the deep cultural connotation they feel in China back to their country of residence, which is more flexible and more effective.

Flexible transmission refers to communication in a gentle and friendly manner and behavior, and the communication strategy is realized through some non-rigid communication characteristics [14]. Most of the overseas students in China have a strong interest in Chinese culture, and the behavior of studying abroad is a voluntary and active behavior. This activity is a choice made by individuals, with a clear consciousness [15]. Therefore, during their life and study in China, the foreign students' understanding of China is authentic and unique. They use their own experiences to spread Chinese culture without official compulsion and stereotype. International students show their personal experiences and feelings for China through photos, videos and other personalized ways, so that local audiences can more intuitively and impressively feel the characteristics of Chinese culture.

2. Overseas Chinese Language and Chinese Education

People's language choice is an important factor affecting the maintenance and dissemination of language, and people's identity is an important factor affecting people's language choice. Identity is mainly embodied in two aspects: political identity and cultural identity. Language is not only one of the symbols of political and cultural identity, but also an important means to obtain new political and cultural identity [16. P. 38].

The overseas Chinese have two tendencies in language selection. First, in order to integrate into the local mainstream society more quickly and better, the overseas Chinese choose to learn and use the local language. In this process, they will also inherit the core of Chinese culture, but not as widely as the local language. This tendency is represented by Filipino overseas Chinese, who use less Chinese. Early immigrants can use some Chinese, while the younger generation overseas Chinese is only interested in Chinese. The local Chinese will learn the local mainstream language - English, or the dialect Bisaya. Second, overseas Chinese insist on taking Chinese as the main language and sending their descendants to Chinese schools for education. At the same time, in order to adapt to the social environment of the residence country, they will also actively learn the local national language or common language. The representatives of this tendency are Malaysian overseas Chinese, who are the most cohesive overseas Chinese group in the world and maintain the most Chinese traditions. They usually let their children receive Chinese education. However, in order to survive, Malaysian overseas Chinese will also learn the local native Malay or common English.

In different countries where they live, if overseas Chinese want to maintain their local achievements, they will be more inclined to integrate into the local society and think that the local common language is more practical in terms of language selection. With the change of generations and times, the identity of overseas Chinese has changed, followed by the change of their recognition of Chinese language and Chinese culture. Some overseas Chinese are more or less gradually naturalized in the target language country in terms of political identity and cultural identity, which is not only the self-protection of the overseas Chinese, but also the choice of the overseas Chinese to settle down, which is the general trend after the Chinese migrate to the target language country [16. P. 66].

However, although the overseas Chinese in some countries are citizens of the country of residence in terms of political identity, they are still difficult to obtain the same rights as the local aborigines in their specific life because of racial discrimination. In this case, it is difficult for the local overseas Chinese to fully integrate with the local aborigines in terms of cultural identity, and the overseas Chinese will still adhere to Chinese loyalty in terms of language selection. Language loyalty refers to the efforts made by members of the speech community to maintain their language when the status or inheritance of the first language or family language is facing real or perceived threats [17].

Overseas Chinese families deeply influenced by traditional Chinese culture will actively choose to use and inherit Chinese. They have a strong sense of national pride and superiority for Chinese culture and language. They even interfere with the marriage of their children, and ensure the purity of the Chinese blood through the intermarriage of their descendants with the Chinese ethnic group.

In addition to the active choice of local overseas Chinese, the rapid growth of China's national power has also changed the language choice of overseas Chinese to a certain extent. China's growing economic, technological and cultural power has attracted many overseas Chinese to have a passion for learning Chinese. Speaking Chinese fluently can help overseas Chinese to work in some multinational companies from China, and it is also easier to watch cultural works from China.

Chinese language education refers to "Chinese language and culture education carried out by overseas Chinese whose mother tongue or first language is not Chinese as the main teaching target (including a small number of non-Chinese students)" [18. P. 238].

"Maintaining and inheriting the language and culture of the nation through Chinese education is not only the result of the feelings of the overseas Chinese and Chinese, but also the need for ethnic identity" [19].

The original purpose of Chinese education was to teach overseas Chinese and their descendants to use the national language and to inherit Chinese culture. However, with the gradual increase of China's strength, Chinese education has gradually developed the media function of promoting the exchange of Chinese culture between the country of residence and China, but the language and culture education behavior beyond the scope of overseas Chinese education [20].

According to incomplete statistics, there are nearly 20,000 overseas Chinese language schools with hundreds of thousands of teachers [21]. Overseas Chinese schools in Southeast Asian countries are usually funded and managed by overseas Chinese groups. Although these schools are not supported by the government, and even in some countries, the diplomas of overseas Chinese schools are not recognized by the government education department, but the overseas Chinese still inherit the national language. Their behavior is starting from the original intention of cultural inheritance, and insisting on running a school with its own strength.

An important symbol of traditional overseas Chinese schools is that Chinese is a language that all students must learn and master, and it is also the main medium of instruction and classroom language for teaching various subjects [22. P. 289].

In Cambodia, as of 2019, the Federation of Khmer Chinese in Cambodia and its subordinate branches have opened a total of 58 overseas Chinese schools, with a total of more than 1,200 Chinese teachers and about 55,000 students. The Duan Hua School in Phnom Penh has become the largest Chinese school in Southeast Asia. In January 2021, the construction of the main structure of "Duanhua University", the first Chinese university in Cambodia built by the Federation of Khmer Chinese in Cambodia, has been basically completed. With the efforts of the overseas Chinese, Cambodia will soon form a complete Chinese education system from kindergarten to primary school, middle school and university [23].

Malaysian Chinese independent high school is the general name of the high schools sponsored by the Malaysian civil Chinese society. At present, there are a total of 60 Chinese independent high schools scattered all over Malaysia, which is a unique education system in Malaysia. Chinese independent high school is a school that insists on mother tongue teaching under the implementation of Malaysia's "Education Act 1961", refuses to be transformed into a national-type high school and is forced to raise funds to run the school on its own. According to 2018 data, there are 84,462 students and 4,857 teachers in independent high schools [24]. In addition to basic education, in 2013, Malaysia established the first higher education institution with Chinese as the medium of instruction, New Era University College. There are also many Chinese-taught majors in higher education institutions such as Tunku Abdul Rahman University and Tunku Abdul Rahman University of Management and Technology in Malaysia.

In the Philippines, in 1973, the government promulgated a law that stipulated that 60% of the capital of overseas Chinese schools should be controlled by Filipino companies and associations, administrative and operational control of schools should be exercised by Filipinos. Overseas Chinese schools are not allowed to enroll only overseas Chinese students, and the proportion of overseas Chinese students shall not exceed one-third of the total number of students in the school. This plan unifies the education system of overseas Chinese schools and local schools in the Philippines. With the introduction of the new policy, overseas Chinese education in the Philippines has been continuously restricted, the overseas Chinese are deeply worried about the complete loss of independent status of Chinese education and Chinese education integration into the localized education. Under this circumstance, the "Philippine Chinese Education Research Center" was established in May 1991. The Education Center believed that the Chinese education in the Philippines was in urgent need of reform, and tried to transform Chinese teaching into second language teaching. The Chinese Education Center has formulated a Chinese teaching syllabus that conforms to the theory of second language learning, and has also compiled and reformed the teaching materials for Chinese teaching [16. P. 66]. Since then, Chinese education in the Philippines has been carried out in the form of second language teaching. With the improvement of China's comprehensive national strength, the practicality of Chinese has gradually become prominent. In addition to the overseas Chinese, indigenous Filipinos are also increasingly active in learning Chinese.

Indonesia has the largest overseas Chinese population, but the local overseas Chinese community's attitudes towards the official language Bahasa Indonesia vary greatly due to a variety of social factors. Indonesian authorities and locals maintain a level of suspicion towards the Chinese community, fearing that they pose a potential threat to the country and that their loyalty to Indonesia may be in question. As a result, intelligence agencies closely monitor the Chinese community [25. P. 82]. Zhou Wei's research reveals that in Indonesia, the majority of overseas Chinese speak Chinese dialects as their mother tongue, while a select few adopt Chinese and Indonesian as their family language. In urban areas, Chinese is commonly used as the primary language, while smaller cities tend to favor the use of Chinese dialects. Meanwhile, some individuals may also adopt a local indigenous language as their mode of communication. In 1966, the People's Consultative Assembly of the Republic of Indonesia (MPR) enforced a ban on the use of Chinese language in the media. Chinese characters were removed from public shops and displays. The import of Chinese newspapers, literature, and documents became equally restricted alongside weapons, drugs, and dynamite [26. P. 40]. Public celebrations of the Chinese New Year were prohibited, and in Semarang, the sale of Chinese cookies was even banned [27]. Later, Indonesia's anti-Chinese policy was so strict that sometimes speaking Indonesian with a Chinese accent was enough to arouse hostility [28. P. 55]. The complex language and social environment, as well as the fluctuating language policies, have made it challenging for Chinese communities to reach a consensus on the Chinese language [29]. As a country that used to be strict with the existence of Chinese language and words, Indonesia mainly uses Indonesian as the language of education. Therefore, a large

number of Indonesian overseas Chinese had no choice but to give up the study of Chinese, and gradually integrated with other local ethnic groups [30].

However, Indonesian overseas Chinese still maintain the most instinctive emotional attachment to Chinese after experiencing many hardships in national language: they still believe that Chinese is the best language to listen to. From the development trend of Chinese language education in Indonesia in recent years, it seems unlikely that Indonesian overseas Chinese will give up using Chinese in the future, as emotional and practical considerations make it very important for them to maintain Chinese language. On the contrary, they may seize this opportunity to gradually regain their mastery of Chinese [29].

Language and culture are the soul of a nation, with mother tongue representing a crucial part of that soul [31]. Many countries have lost their own languages and people's recognition of their national culture due to Western colonialism. Overseas Chinese, because they try their best to maintain their loyalty and yearning for their mother tongue, can inherit more of their national culture [32. P. 6]. Overseas Chinese recognition of Chinese language is an important manifestation of ethnic cultural identity. Through the unremitting efforts of overseas Chinese communities, Chinese language education has been carried out in different forms in various countries. Chinese language education and Chinese language schools use Chinese language and characters to generate self-awareness at the language level, help students and parents understand the core of national spirit, strengthen the identity of Chinese culture, and become an important fortress for spreading Chinese culture and gathering the strength of the Chinese nation.

3. Overseas Chinese Literature and Media

Overseas Chinese literature refers to literature written in Chinese outside China. Generally speaking, the authors of overseas Chinese literature are overseas Chinese. "The naming of overseas Chinese literature includes four kinds of historical images: the first is the history of overseas Chinese, the second is the history of overseas Chinese literature, the third is the history of the country of residence, and the fourth is the history of China [33. P. 212].

Overseas Chinese literature can be divided into Southeast Asian overseas Chinese literature, Australian overseas Chinese literature, North American overseas Chinese culture, European overseas Chinese literature and other sections. Among them, Southeast Asian overseas Chinese literature and North American overseas Chinese literature play an important role in overseas Chinese literature.

After years of development, overseas Chinese literature has become an important force for inheriting Chinese cultural traditions, gathering overseas Chinese and promoting the development of overseas Chinese associations. The immigration background of overseas Chinese and the complex social environment of their home countries provide writers with variously and deeply creative space. From the perspective of overseas Chinese, using polybasic vision and transcultural thought to perceive the world, to create unique literary works.

Under the multiple pressures of survival and development in residence countries, and in an environment far away from the Chinese, overseas writers not only did not lose their spiritual values and humanistic pursuits, but found unlimited and free expressions, which had a profound influence on readers. Overseas Chinese literature reflects the history of the conflict and integration of Chinese and foreign cultures in the context of globalization [34].

When it comes to the development of overseas Chinese literature, one topic that cannot be avoided is Chinese media. Media is the carrier or material basis of literature. The development of literature requires the media to make corresponding changes and adaptation, and at the same time, the emergence of a new media often gives birth to a new literary style [35].

The overseas Chinese newspapers and periodicals, which are called the "Three Treasures" together with overseas Chinese associations and overseas Chinese language schools, are an important carrier for inheriting the national character and strengthening the cohesion. They also play an important role in close communication with the mainstream society, increasing the right to speak, and improving the social status of overseas Chinese [1].

There are more than 180 years from 1815 to 1996, a total of 4,245 kinds of newspapers and periodicals in Chinese or Chinese and other languages were published in 54 countries and regions overseas, including 668 kinds of daily newspapers and 1,041 kinds of periodic newspapers, the largest number of journals, up to 1886 kinds, there are 621 kinds of journals [36].

In Malaysia, there are currently 18 Chinese newspapers and 63 Chinese periodicals, making it the country with the largest number of Chinese-language daily newspapers overseas. Malaysian overseas Chinese account for about 28% of the total population, but the daily sales of 18 Chinese-language newspapers exceeds that of Malay-language and English-language newspapers [37].

Because the circulation of Chinese newspapers and periodicals is huge and they are the daily media that overseas Chinese associations and Chinese readers can read, Chinese media has become the most powerful media for the development of overseas Chinese literature and the spread of Chinese culture. The system of "Malaysian Chinese literary world" operates in this way: newspaper supplements (mainly Nanyang Siang Pau and Sin Chew Daily), literary and artistic journals, publishing houses, literary and artistic associations, Chinese language associations, bookstores, higher education or academic research institutions, literary awards, etc., plus writers, editors, critics and works [38]. Overseas Chinese newspaper supplements have become a window to inherit traditional culture and reveal current life, involving many corners of overseas Chinese society. Many authors like to publish poems, essays, novels and other literary works that reflect the living conditions of the overseas Chinese in Southeast Asia in the supplements of Chinese media. The overseas Chinese Media become a link to help Malaysian overseas Chinese form a cultural identity and connect with the spiritual world of the Chinese associations.

The changes in the form of media have had a profound impact on the development of literature. From oral communication to print communication to digital communication, literary works have gradually moved from elite to mass,

from professional to secular. With the rapid development of the Internet, new media has become an important direction for the transformation of traditional Chinese newspapers. Faced with this situation, overseas Chinese media have also begun to actively expand their online business.

Chinese-language media displays literary works, overseas Chinese needs, and Chinese culture. This is an effective way to spread Chinese culture and an important way to promote the understanding of Chinese among different ethnic groups in the countries where the overseas Chinese live. In addition, overseas Chinese media often pay attention to the influence of political and public opinion in the residence countries. On the basis of inheriting Chinese culture, they not only strive for the social rights that the overseas Chinese should have, but also focus on the poor class of the local indigenous peoples, pay attention to reporting and publicizing the living conditions of the lower-class people, and promote mutual understanding among all ethnic groups, so that they have a good reputation both in the overseas Chinese world and in the local area.

References

1. 陈成吨 & 叶炜. (2015) 华人华侨在“一带一路”战略中的地位与作用 [The status and role of overseas Chinese in the Belt and Road strategy]. *龙岩学院学报 – Journal of Longyan University*. 4. pp. 100–104.
2. 高炳亮. (2022) 东南亚华侨华人与中华文化传播：历史、现状与目标 [Southeast Asian Overseas Chinese and the Spread of Chinese Culture: History, Current Situation, and Goals]. *理论与评论 – Theory and Review*. 2. pp. 76–85.
3. Zeng Ling. (1999) 新加坡广惠肇碧山亭的建立极其社会文化意义 [The establishment of the Guangzhou Huizhou Zhaoqing Bishan Pavilion in Singapore and its social and cultural significance]. In: *载[新]陈荣照主编.新马华族文史论丛*. Xinjiapo: [s.n.]. pp. 227–250.
4. Wang Zhizhang & Luo Yang. (2013) 华侨华人与建设中国国家软实力的内在关系 [The Intrinsic relationship between Overseas Chinese and the Construction of China's National Soft Power]. *郑州航空工业管理学院学报 – Journal of Zhengzhou University of Aeronautics*. 4. pp. 1–7.
5. Wong, B. (2018) *China's rise and the Chinese overseas.* New York: Routledge.
6. Zhang Jingying. (2019) *马克思主义文化哲学视角下的海外华人文化认同研究* [Research on cultural identity of Overseas Chinese from the Perspective of Marxist Cultural Philosophy]. Quanzhou: [s.n.].
7. Mei Xianren. (1996) 海外华人社团的历史和现状 [History and present situation of overseas Chinese associations]. 侨园 – Overseas Chinese Garden. 4. pp. 34–35.
8. Freedman, A.L. (2000) *Political participation and ethnic minorities: Chinese overseas in Malaysia, Indonesia, and the United States*. New York: Routledge.
9. Zhang, W.W. (2012) *The China wave: Rise of a civilizational state*. Hackensack: World Scientific.
10. Li, M. (2009) *Soft power: China's emerging strategy in international politics*. Plymouth: Lexington Books.
11. d'Hooghe, I. (2014) *China's public diplomacy*. Leiden: Martinus Nijhoff.
12. Heinz, C.B. & Murray, J.A. (2018) *Asian cultural traditions*. Long Grove: Waveland Press.
13. Suryadinata, L. (1997) *Ethnic Chinese as Southeast Asians*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
14. Li Jianjun, Liu Huiqiang & Liu Juan. (2014) 强势传播与柔性传播:对外传播的新向度 [Strong Communication and Flexible Communication: A new dimension of external communication]. *东北师大学报(哲学社会科学版 – Journal of Northeast Normal University: Philosophy and Social Sciences*. 3. pp. 190–195.
15. 王凤丽, 王春刚 & 徐瑾. (2019) 来华留学生对中华文化传播探析 [An Analysis of the Dissemination of Chinese Culture by International Students in China]. *未来与发展* – Future and *Development*. 6. pp. 69–71, 77.
16. 叶蕙蕙. (2020) *菲律宾华人的语言使用语言态度与文化认同研究* [Language Attitudes and Cultural Identity of Filipino Chinese]. Kunming.
17. Bowerman, S. (2006) Language loyalty. In: Brown, K. (ed.) *Encyclopedia of Language and Linguistics*. NewYork: [s.n.]. pp. 539–541.
18. 贾益民. (2012) *华文教育概论* [Introduction to Chinese Language Education]. Guangzhou: 暨南大学出版社.
19. 耿虎. (2007) 试论华文教育的多样化构成与中华文化的多层次传播 [Discussion on the Diversified Composition of Chinese Language Education and the Multilevel Dissemination of Chinese Culture]. *世界民族 – Journal of World Peoples Studies*. 1. pp. 50–55.
20. 陈鹏勇. (2015) 华文教育的侨务公共外交功能论析 [Discussion and Analysis of the public diplomacy Function of Chinese Education in Overseas Chinese Affairs]. *东南亚研究 – Southeast Asian Studies*. 6. pp. 79–85.
21. China. (2015) *海外华文教育传扬中华文化 2 万所华校发展迎机遇* [Overseas Chinese Education Spreads Chinese Culture. 20000 Chinese Schools Develop and Welcome Opportunities]. [Online] Available from: http://m.haiwainet.cn/middle/232657/2015/0108/content_28301463_1.html (Accessed: 3rd March 2023).
22. 陈荣岚. (2007) *全球化与本地化: 东南亚华文教育发展策略研究* [Globalization and Localization: A Study on the Development Strategy of Chinese Language Education in Southeast Asia]. 厦门: 厦门大学出版社.
23. 刘慧. (2021) 柬埔寨华人家庭语言规划与华语传承调查研究 [Investigation on language planning and Chinese Language Inheritance of Cambodian Chinese Families]. *语言战略研究 – Chinese Journal of Language Policy and Planning*. 4. pp. 29–43.
24. China. (2020) *董总教师教育局. 年全国华文独中教师基本资料调查分析报告. 董总资料与档案局*. [Online] Available from: https://resource.dongzong.my/literature-n-information/education-statistics/1964-statistics-66 (Accessed: 5th January 2023).
25. Lai, H. (2007) *Harmony and Development: ASEAN-China Relations*. Singapore: World Scientific.
26. Chua, C. (2008) *Chinese big business in Indonesia: The state of capital*. New York: Routledge.
27. Heryanto, A. (1998) *Ethnic identities and erasure: Chinese Indonesians in public culture*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. pp. 95–114.
28. Rae, I. (2008) *The Overseas Chinese of Southeast Asia: History, Culture, Business*. New York: Palgrave Macmillan.
29. 周巍 & 安东. (2021) 印度尼西亚华人语言态度调查分析 [A Survey and Analysis of Language Attitudes among Indonesian Chinese]. *合肥学院学报 (综合版 – Journal of Hefei University: Comprehensive ED*. 01. pp. 87–93.
30. 黄永弟. (2017) 从同化到多元:印尼独立后华侨华人政策演变及其主导因素分析 [From Assimilation to Diversity: Analysis of the Evolution and Dominant Factors of Overseas Chinese Policy in Indonesia after Independence]. *学术探索 – Academic Exploration*. 4. pp. 33–40.
31. 胡春艳. (2009) 全球化进程中海外华文教育的含义嬗变及其历史分期 – 以东南亚地区为例 [The meaning evolution and historical stages of overseas Chinese education in the process of globalization: A case study of Southeast Asia]. *东南亚研究 – Southeast Asian Studies*. 4. pp. 64–68.
32. Kissinger, H. (2011) *On China.* New York: Allen Lane.
33. Rao Pengzi & Yang Kuanghan. (2009*) 海外华文文学教程* [A Course of Overseas Chinese Literature]. Guangzhou: 暨南大学出版社 (Jinan University Press).
34. 吕红. (2015) 华文传媒的文化传承及流播嬗变. *华文媒体 200 年 – 薪火传承与时代担当（第八届世界华文传媒论坛论文集）* [The cultural inheritance and transmutation of Chinese media]. Xianggang: Hong Kong China News Press. pp. 283–294.

35. 张震宇 & 高彩霞. (2003) 世纪回眸话文学 – 谈 20 世纪中国文学与媒体的互动关系 [Looking Back at the Century and Talking about Literature: On the Interactive Relationship between Chinese Literature and Media in the 20th Century]. *文艺评论 – Literature and Art Criticism*. 3. pp. 4–7.
36. 王士谷. (2000) 海外华文报刊的量化分析 [Quantitative analysis of overseas Chinese newspapers]. *国际新闻界 – Chinese Journal of Journalism & Communication*. 6. pp. 38–39.
37. 吴妮. (2005) 东南亚华文报刊面对的挑战与机遇 [Challenges and Opportunities facing the Chinese Press in Southeast Asia]. *传媒 – Media*. 5. pp. 63–64.
38. 龙扬志. (2016) 华文媒体与当代马华文学场域之建构 [Chinese Media and the Construction of Contemporary Malaysian Chinese Literature Field]. *暨南学报(哲学社会科学版 – Jinan Journal: Philosophy & Social Sciences*. 6. pp. 29–36, 129.

***Information about the authors*:**
Xiang Yuan – Postgraduate Student at the Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i.yuan@inbox.ru
Timoshenko Alexey G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics at the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

***Сведения об авторах*:**
Сян Юань – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: i.yuan@inbox.ru
Тимошенко Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 21timoshenko48@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 13.06.2023; accepted for publication 01.02.2024

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; принята к публикации 01.02.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 94(470)"08/16"
doi: 10.17223/19988613/87/18

К затянувшейся дискуссии об отмене кровной мести князьями Ярославичами

Сергей Станиславович Пашин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, pashin-s@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается один из дискуссионных вопросов отечественной историографии средневековой Руси – интерпретации статьи 2 Пространной Правды. Одни историки считают ее свидетельством отмены права на кровную месть, другие это отрицают. Автор настоящей статьи полагает, что составитель Пространной Правды сделал неверные выводы из содержания статей Краткой Правды об удвоенной вире за убийство княжеских дружинников. Двойная вира, по его мнению, не отменяла права на кровную месть.
Ключевые слова: Пространная Правда, отмена кровной мести, дискуссия

Для цитирования: Пашин С.С. К затянувшейся дискуссии об отмене кровной мести князьями Ярославичами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 152–158. doi: 10.17223/19988613/87/18

Original article

To the protracted discussion about the abrogation of the bloody revenge by the princes Yaroslavichi

Sergey S. Pashin

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, pashin-s@yandex.ru

Abstract. Since the publication in the late 18th century of the Advanced Edition of the Russian Truth (Justice), or Prostrannaya Pravda, almost all historians began to write about the abrogation of the the bloody revenge by the princes Yaroslavichs, referring to the content of the Article 2. For a long time, they ignored the fact that Pravda of Yaroslavichs (the Second Part of the Brief Edition of the Russian Truth, or Kratkaya Pravda) does not mention about this important reform of the sons of Prince Yaroslav the Wise. The attempt to resolve the contradiction between the two editions of the the Russian Pravda led to the emergence in 1860 of hypothesis about two congresses of the princes Yaroslavichs. The title of the Article 19 of Kratkaya Pravda mentions the first congress of the Yaroslavichs, and Article 2 of Prostrannaya Pravda refers to the second congress, at which the princes abolished the bloody revenge. After 1860 the majority of pre-revolutionary and Soviet historians supported this hypothesis. Some writers wrote about only one congress, but they left also that the sons of Yaroslav abolished the vendetta. The information about the abrogation of the bloody revenge has become familiar in the general studies on the history of Ancient Rus' and the history of the Russian law. In the 20th century only some historians (for example, V.O. Kliuchevskiy, N.A. Maksimejko) dared to suggest that the words about the abrogation of the bloody revenge is subjective and perhaps a misconception of the originator of Prostrannaya Pravda. The author of this journal article joins to this opinion. He believes that the originator of Prostrannaya Pravda made wrong conclusions from the content of the articles of Kratkaya Pravda. The vendetta has not been canceled. Unlike many historians of the 19th–20th centuries, the originator of Prostrannaya Pravda did not know about the second congress of the Yaroslavichs. He had the text of the entire Kratkaya Pravda. He read the Article 1 in it, the title by the Article 19 of Kratkaya Pravda with the mention of the congress of the princes Yaroslavichs, the following articles about the double payment (*vira*) for the murder of the prince's retainers, and decided that the Yaroslavichs had canceled the bloody revenge. This was the subjective opinion of the compiler of the Lengthy Truth, who most likely lived in the 13th century. Expressed more than 100 years ago by N.A. Maksimeyko and sympathetically accepted in 1940–1947 by B.A. Romanov, the hypothesis was unfairly forgotten by Soviet and modern Russian historians. All of the above compels to doubt the opinion about Prostrannaya Pravda as the official legislation of Old Rus'.
Keywords: Prostrannaya Pravda, abrogation of the bloody revenge, discussion

© С.С. Пашин, 2024

For citation: Pashin, S.S. (2024) To the protracted discussion about the abrogation of the bloody revenge by the princes Yaroslavichi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 152–158. doi: 10.17223/19988613/87/18

С момента публикации в конце XVIII в. Пространной редакции Правды Русской (Пространной Правды) почти все историки пишут об отмене кровной мести князьями Ярославичами, ссылаясь на содержание ст. 2. В XX в. только отдельные историки осмеливались предполагать, что слова об отмене кровной мести – это субъективное и, возможно, ошибочное мнение составителя Пространной Правды.

Статья 2 Пространной редакции Правды Русской, или Пространной Правды (ПП), гласит: «По Ярославе же паки совкупившеся сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячько Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» [1. С. 108]. Содержание этой статьи привлекло внимание практически всех историков России и русского права конца XVIII – 50-х гг. XIX в. – от И.Н. Болтина до С.М. Соловьева [2. С. 65]. Все они с редким единодушием писали о том, что Ярославичи отменили кровную месть, заменив ее денежным штрафом, и столь же единодушно игнорировали тот очевидный факт, что ни в Правде Ярославичей, ни в Краткой Правде (КП) в целом не упоминается об этом чрезвычайно важном нововведении сыновей Ярослава Мудрого.

Данное противоречие между текстами Краткой и Пространной редакций Правды Русской первым попытался устранить в 1860 г. Н.И. Ланге. По мнению этого товарища председателя Киевской уголовной палаты, в двух редакциях Правды говорится о двух ***разных*** съездах Ярославичей. В заголовке перед ст. 19 КП «Правда уставлена руськои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав…» речь идет о первом съезде Ярославичей, который состоялся «еще при жизни Ярослава… и по его распоряжению» [3. С. 7–8].

Что касается ст. 2 ПП, то слова «по Ярославе же паки совкупившеся сынове его…» указывают «на *вторичный съезд* Изяслава, Всеволода и Святослава, и… этот съезд случился *по смерти Ярослава*». Второй съезд Ярославичей, согласно Н.И. Ланге, заложил основы так называемого устава Изяслава, или Изяславова устава Правды. Данный устав Н.И. Ланге видел не в Правде Ярославичей в составе КП, а в первой половине ПП, которая начинается с заголовка «Суд Ярослава Владимировича» и заканчивается перед заголовком «Устав Владимира Всеволодовича» (Мономаха) и ст. 53 [3. С. 10].

По мнению Н.И. Ланге, «устав Изяслава начинается выпискою первой статьи Ярославовой Правды о дозволении мстить за убийство». Эта статья «выписана из законов Ярослава не потому, что имела еще значение, но чтобы вслед за тем сказать, что она отменена». Слова ст. 2 ПП «а ино все яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» следует «переводить так, что за исключением отмены мести, все остальные начала суда Ярославова сохранены в уставе его сыновей». Таким образом, «при Изяславе и Мономахе право частной мести за убийство было уже отменено» [3. С. 11–13, 142].

Н.И. Ланге никогда не был университетским ученым и до самой смерти оставался практикующим юристом и высокопоставленным чиновником. Однако в 1861 г. его исследование было удостоено Уваровской премии, что очень способствовало его известности среди историков права. Практически все последующие ученые, соглашаясь или дискутируя с Н.И. Ланге, как правило, не считали возможным игнорировать его выводы о двух съездах Ярославичей и заметном ослаблении тяги к кровной мести еще до официального княжеского решения.

Новый этап в изучении Правды и древнерусского права связан с трудами В.И. Сергеевича. В ст. 2 ПП ученый, подобно своим предшественникам, увидел указание на второй съезд Ярославичей, который мог произойти не позднее 1073 г. Данная статья, как и другая, о процентах (ст. 53 ПП), «наводят на мысль, что составители этих статей были современниками упоминаемых в них событий… Крайний срок, когда мог состояться второй съезд Ярославичей, будет 1072–1073 год; первый год, когда по смерти Святополка, Владимир мог составить свой устав о процентах, будет 1113-й. Оба события, на которые ссылается Правда, разделены промежутком времени в 40 лет» – период, который может сохраниться в памяти одного человека. Поэтому нельзя исключать, что после смерти Святополка какой-нибудь умудренный жизнью старец обратился к событиям своей молодости и пополнил ПП статьями, которые следует рассматривать как примеры воспоминаний о былых княжеских решениях, а не «новое право, возникшее в XII веке». Составитель новой редакции Правды «не только списывает, он совершает акт умственной работы, дополняя правила древнейшей Правды» [4. С. 62–63, 66].

Следующим логическим шагом стало повторение В.И. Сергеевичем сделанного еще в первой половине XIX в. и вызвавшего острые споры во второй половине столетия вывода о том, что Правда Русская была не официальным сводом законов, а частным юридическим сборником. Информация, что Ярославичи после смерти отца отложили «убиение за голову» – это «известие о том, что произошло на втором съезде сыновей Ярослава, и только». В тексте ст. 2, а также некоторых других статей ПП «составитель сообщает сведения о содержании княжеских уставов, но из того, как он это делает, ясно видно, что текст сообщаемого принадлежит не самому законодателю, а частному лицу, сообщающему о законе то, что ему известно». Следовательно, ст. 2 ПП (у В.И. Сергеевича – ст. 4) – «это не устав сыновей Ярослава, а сообщение о нем знающего человека» [4. С. 95, 97, 99].

В.О. Ключевский, подводя в своем знаменитом «Курсе русской истории» итоги изучения Правды, отмечал, что среди историков русского права господствует два взгляда на ее происхождение. «Одни видят в ней не официальный документ, не подлинный памятник законодательства, как он вышел из рук законодателя, а приватный юридический сборник, составленный

каким-то древнерусским законоведом или несколькими законоведами для своих частных надобностей. Другие считают Русскую Правду официальным документом, подлинным произведением русской законодательной власти, только испорченным переписчиками, вследствие чего явилось множество разных списков Правды, различающихся количеством, порядком и даже текстом статей» [5. С. 214–215]. Сам В.О. Ключевский отвергал обе версии и видел в Правде законодательный свод для той части русского общества, «на которую простиралась церковная юрисдикция по нецерковным делам». Среди аргументов ученого на первом месте оказалась как раз ст. 2 ПП, текст которой «представляет не подлинные слова законодателя, а их изложение, парафразу, принадлежащую кодификатору или повествователю, рассказавшему о том, как закон был составлен… Это не подлинный текст закона Ярославовых сыновей, даже не текст какого-либо закона, а протокол княжеского съезда или историческое изложение словами кодификатора» [5. С. 215, 222].

Последним обстоятельным исследованием о Правде Русской в дореволюционной историографии стал труд харьковского историка права Н.А. Максимейко, который прямо называл «легендой» отмену Ярославичами кровной мести. Статья 2 ПП – это, по-видимому, «лишь предположение и догадка ее автора, а не действительный исторический факт. Пользуясь Краткой Правдой… он заметил, что в 1-й части ее, приписанной им Ярославу, за убийство следует или месть родственников или денежный выкуп; между тем во 2-й части… говорится только о штрафах… Эти наблюдения привели его к мысли, что месть за убийство, которую конкретно он понимал в смысле убиения, была отменена на съезде сыновей Ярослава. Догадку эту… автор Пр. Пр. внес в свой текст… Если бы месть была отменена Ярославичами, то мы бы наверно нашли этот закон в сборнике, содержащем их уставы. Это был акт величайшей важности, который имел больше прав на запись и внимание, чем постановления о краже гуся, курицы и т.п.». Поэтому «мысль о 2-м съезде Ярославичей весьма сомнительна» [6. С. 54–55, 81–82].

Аргументы Н.А. Максимейко явно повлияли на позицию автора комментариев к ст. 2 ПП в учебном пособии 1940 г. и во втором томе академического издания Правды Б.А. Романова, который полагал, что содержание данной статьи «положило начало весьма распространенной в литературе “легенде” об отмене мести Ярославичами». На самом же деле статья была скорее толкованием составителя ПП того, что он прочитал в ст.ст. 1 и 19–23 КП [7. С. 55–57; 8. С. 252–254].

В 1940–1960-е гг. изучение Правды Русской связано, прежде всего, с именами М.Н. Тихомирова, С.В. Юшкова, А.А. Зимина и Л.В. Черепнина.

М.Н. Тихомиров в связи со ст. 2 ПП писал, что упомянутое в ней постановление Ярославичей имеет в виду статьи их Правды об убийстве огнищанина (ст.ст. 19–21 КП) [9. С. 198]. Дальше этой констатации историк не пошел, т.е. умолчал и о двух съездах Ярославичей, и об отмене ими кровной мести.

Согласно С.В. Юшкову, «класс феодалов был заинтересован в усиленной охране их жизни, телесной неприкосновенности и охране имущества… В соответствии с этим должна измениться сложившаяся система преступлений и система наказаний. Вопрос об этих изменениях решался на двух съездах… Ярославичей. На первом из этих съездов были приняты решения об усиленной защите жизни княжеских людей, а также об усилении охраны княжеского имущества», – речь идет о событиях 1068–1073 гг. и Правде Ярославичей в составе КП. На втором съезде, о котором известно из ст. 2 ПП, Ярославичи «отложиша убиение за голову». Что касается сроков проведения съезда, то этот вопрос С.В. Юшков деликатно обходил стороной [10. С. 169–173, 479–480; 11. С. 302–303, 328–329].

А.А. Зимин был автором комментариев к Правде в выпуске 1 «Памятников русского права». Комментарий историка к ст. 1–2 ПП во многом перекликается с взглядами редактора выпуска С.В. Юшкова. Согласно А.А. Зимину, «упоминание кровной мести было анахронизмом и соответствовало лишь манере изложения законодательного материала», поскольку в Правде Русской «обычно перед сообщением о важных нововведениях излагается старая законодательная норма, которая изменялась или видоизменялась последующей». Отмена кровной мести и некоторые другие распоряжения Ярославичей, сохранившиеся в первой части ПП, но не КП, были приняты на втором съезде сыновей Ярослава. «Утвержден был этот кодекс Ярославичей, скорее всего, на княжеском съезде в Вышгороде в 1072 г. после волны народных движений 1068–1071 гг. Во время этих движений кровная месть была действовавшим обычаем» [1. С. 137–139].

В программной статье 1965 г. А.А. Зимин, полемизируя с Н.А. Максимейко и Б.А. Романовым, попытался найти новые аргументы в пользу двух съездов Ярославичей, отмены кровной мести на втором съезде и фиксации этого нововведения в ст. 2 ПП. К сожалению, все свелось к повторению старых штампов самого А.А. Зимина и его предшественников. Пожалуй, единственная новация – это регулярные, местами назойливые утверждения о том, что все законодательство Ярославичей явилось ответом на антифеодальные народные восстания 60-х – начала 70-х гг. XI в. [12. С. 254–260]. Содержание этой статьи с малосущественными дополнениями было повторено в главе с характерным названием «Правда Ярославичей и восстания 60-х – начала 70-х годов XI в.» в посмертной монографии А.А. Зимина о Правде Русской [13. С. 191–216].

Л.В. Черепнин также связывал появление Правды Ярославичей с волнениями 60-х – начала 70-х гг. XI в., однако в отличие от большинства своих предшественников полагал, что в заголовке перед ст. 19 КП и в ст. 2 ПП говорится об одном и том же съезде сыновей Ярослава. В КП «ничего не говорится об отмене мести, но она молчаливо свидетельствует об изъятии этого института из практики, ибо весь памятник целиком посвящен денежным штрафам за убийство и другие преступления… В первоначальном тексте Правды Ярославичей закон об отмене мести был сформулирован в виде специальной статьи. Но такой статьи могло и не быть, ибо само содержание данного кодекса отрицало месть как правовой институт» [14. С. 170–171].

Отечественная литература 1970-х гг. с более или менее обстоятельным анализом ст.ст. 1, 2 ПП сводится к небольшому экскурсу в книге И.Я. Фроянова. Критикуя взгляды А.А. Зимина, И.Я. Фроянов справедливо указывал по поводу ст. 1 ПП, что упоминание в ней кровной мести – факт «сам по себе в высшей мере примечательный. Выносить на страницы законодательного сборника предписания, потерявшие всякое реальное значение, было бы полнейшей бессмыслицей». Статья 2 ПП также не дает оснований говорить о ликвидации кровной мести по инициативе Ярославичей. «Возможно, княжичи попытались кое-что предпринять в этом направлении, издав какое-то “установление”, но реформа оказалась чересчур скороспелой и пришлось опять вернуться к старой политике, уступая закоренелым привычкам полуязыческой Руси; поэтому право кровной мести и вошло в состав Пространной Правды, но не без новшеств, так как прежние 40 гривен, поступавшие родственникам убитого при полюбовном исходе инцидента, заменены 80 гривнами» [15. С. 37–38, 41].

Мало что нового в сравнении с предшествующей историографией привнесли подготовленные Я.Н. Щаповым комментарии к статьям Правды в многотомном издании «Российское законодательство X–XX веков». Для понимания позиции Я.Н. Щапова важно помнить о его убежденности в том, что Пространная Правда «основана на тексте Краткой Правды, более раннем, чем сохранившийся в списках XV в. и Уставе Владимира Мономаха и других киевских князей конца XI–XII вв.» [16. С. 40]. Иначе говоря, историк заранее подготовил объяснение отсутствия пункта об отмене кровной мести в статьях Правды Ярославичей – это правило якобы утрачено в КП, но, к счастью, сохранилось в составе ПП.

Статья 1 ПП, согласно Я.Н. Щапову, «содержит норму, по существу уже не действующую, так как кровная месть была отменена еще до создания Пространной Правды». Просто законодатели решили оставить «указание на порядки, существовавшие прежде, признанные Ярославом и, как говорится в ст. 2, отмененные позднее». Что касается содержания ст. 2, то видеть в нем «указание на отмену кровной мести на новом, повторном княжеском съезде нет оснований: в тексте говорится о встрече Ярославичей после смерти отца, не более того. Эта встреча произошла, вероятно, вскоре после 1054 г.; переносить ее на 15–20 лет, как отмечалось исследователями, вряд ли возможно» [16. С. 82–83].

Последним в советской и, как оказалось, российской историографии обстоятельным специальным исследованием о Правде Русской стала книга М.Б. Свердлова. Рассмотрев доводы сторонников гипотезы о двух съездах Ярославичей, он пришел к выводу, что уместнее говорить только об одном съезде – вероятно, вскоре после смерти Ярослава. Суть принятых на этом съезде постановлений отражена в ст. 2 ПП: Ярославичи, во-первых, запретили кровную месть, а во-вторых, подтвердили все прежние решения Ярослава [17. С. 23–27, 104–105] (в 2017 г. книга переиздана с минимальными изменениями. См.: [18. С. 331–485]).

Что касается бесчисленных в России XXI в. статей, учебников и монографий кандидатов и докторов юридических наук, специализирующихся на изучении истории русского права, то в них обычно без тени сомнений просто упоминается об отмене Ярославичами кровной мести и замене ее денежным штрафом (см., напр.: [19. С. 47; 20. С. 44]).

В современной украинской историографии к комментированию ст. 2 ПП прибегал только киевский историк А.П. Толочко, который в 2009 г. опубликовал очень интересную книгу, призванную доказать приоритет ПП перед КП. Последняя, по его мнению, «представляет собой сильно правленую (сокращенную) версию» ПП, приготовленную специально для того, чтобы служить частью известия Новгородской первой летописи младшего извода под 1016 годом. Среди аргументов ученого фигурирует и ст. 2 ПП, ставшая, по его убеждению, основой для утратившего вторую половину (об отмене кровной мести), а потому мало понятного по смыслу заголовка Правды Ярославичей в составе КП. По поводу самой отмены кровной мести А.П. Толочко не выражал никаких сомнений [21. С. 57–60].

В 2014 г. французский историк К. Цукерман имел все основания написать, что «даже на фоне поражающей стороннего наблюдателя традиционности российско-украинской историографии Киевской Руси область изучения *Правды руской* представляется неким заповедником, где остановилось время». В этом смысле постсоветская наука оказалась достойной преемницей историографии советского периода, которая привнесла в изучение Правды только «поиски классовой борьбы и воинствующий анти-норманизм, но это далеко не всегда способствовало более четкому пониманию содержания и истории сложения текста» [22. С. 108–109].

Сам К. Цукерман, категорически возражая против идеи двух съездов или «раздвоения» княжеского съезда и ссылаясь на В.О. Ключевского, Н.А. Максимейко и Б.А. Романова, настаивал на том, что «кровную месть никто никогда в Киевской Руси не отменял». Съезд Ярославичей был один, и его картина в ПП «была произвольно извращена не ради того, чтобы вставить задним числом в контекст древнюю реформу права… а для того, чтобы попытаться задним числом эту реформу произвести или, скорее, создать иллюзию таковой реформы». Заметив, что «законодатели “Домениального устава” нигде кровную месть не применили, составитель ПрП позволил себе заключить, что они ее вовсе отменили» [22. С. 133–134, 141].

Таким образом, К. Цукерман фактически повторил все основные выводы Н.А. Максимейко. Однако его наблюдения были проигнорированы даже специалистами по истории древнерусского права. К примеру, С.Б. Чебаненко в статье 2016 г., посвященной как раз эволюции кровной мести в Правде Русской, не вдохновился аргументацией Н.А. Максимейко и Б.А. Романова и, подобно ученым XIX–XX вв., писал о двух съездах и отмене кровной мести. Впрочем, в отличие от своих предшественников, он утверждал, что ст. 2 ПП говорит о первом съезде Ярославичей, а умалчивающая о кровной мести Правда Ярославичей в составе КП была принята на втором съезде. При этом на практике, согласно С.Б. Чебаненко, месть сохранялась

и даже довольно широко бытовала в течение всего домонгольского периода [23. С. 52–56].

Приведенного выше беглого обзора мнений, думается, вполне достаточно, чтобы сделать банальный вывод, что в исторической литературе встречаются самые разные комментарии ст. 2 ПП. Тем не менее рискнем внести свою лепту в разноголосицу мнений. Прежде всего следует иметь в виду, что текст ст. 2 читается без изменений практически во всех списках ПП, т.е. сложился до 1280-х гг. (датировка древнейшего – Синодального I – списка). Не может быть сомнений, что ст. 2 ПП является логическим продолжением ст. 1 ПП, а текстологический анализ последней явно указывает на то, что она появилась в результате творческой переработки ст. 1 КП. В ст. 1 КП можно выделить три части. Первая говорит о праве кровной мести, вторая – о выплате убийцей штрафа родственникам убитого в случае их отказа от мести, третья – об уплате штрафа за убийство свободных людей, у которых, скорее всего, нет родственников – потенциальных мстителей [1. С. 77, 108]:

Статья 1 КП	Статья 1 ПП
1) Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови;	1)Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови;
2) аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову;	2)аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа;
3) аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь.	3)аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, ли словенин, то 40 гривен положити за нь.

Что же изменилось в ст. 1 ПП? В первой части статьи в списке родственников сына сестры сменил другой племянник убитого – сын брата. Как следствие, в одной статье теперь дважды упоминался один и тот же родич убитого («любо братучадо, ли братню сынови»). В третьей части вместо ябетника теперь упоминается «тивун бояреск».

На первый взгляд, это косметические изменения. Все меняет вторая часть ст. 1 ПП, которая объявляет о двукратной вире за убийство «княжа мужа или тиуна княжа». Благодаря чему появилась эта норма? По нашему мнению, в ее основе лежат постановления ст.ст. 19 и 22–23 КП о 80-гривенной вире за убийство княжеских огнищанина, подъездного, тивуна и «конюха старого».

Иначе говоря, составитель ПП попросту неудачно отредактировал ст. 1 КП: во второй части статьи по его инициативе исчезла норма о штрафе за убийство рядового свободного человека, т.е. большинства жителей Руси XI–XII вв. Впрочем, это упущение исправлено в ст. 3 ПП, где говорится, что вервь за убитого на ее территории «княжа мужа» будет платить 80 гривен, «паки ли людин, то 40 гривен».

Неудачная интерпретация бросается в глаза и при сравнении ст. 17 КП и ст. 65 ПП [1. С. 78, 115]:

Статья 17 КП	Статья 65 ПП
Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть ударении тои мужь, да бьють его.	Аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затемь аче и кде налезеть удареныи тъ своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором.

Если верить составителю ПП, Ярославичи не только заменили кровную месть денежной компенсацией, но и предоставили свободному человеку право выбора: либо беспрепятственно убить ударившего его (и тем самым оскорбившего) холопа, либо получить штраф. Указанная в статье в качестве штрафа (наряду с 12 гривнами) скромная гривна кун на фоне размеров компенсаций за аналогичные правонарушения со стороны свободных людей сама по себе должна была считаться страшным оскорблением для потерпевшего.

А теперь пришло время вернуться к ст. 2 ПП. В наши дни любому историку, хотя бы немного знакомому с менталитетом людей Средневековья, не придет в голову говорить об обычной для домонгольской Руси практике пересказывать старые законодательные нормы перед их отменой (ср.: [13. С. 197, 205]). Средневековому человеку «прежде всего хотелось опереться на прошлое, на опыт предшественников… Если и можно было предположить что-то определенное, так только то, что могло найти подтверждение в прошлом… Новшество считалось грехом» [24. С. 394–395].

В отличие от многих историков XIX–XX вв., составитель ПП, разумеется, не знал ни о каком втором съезде Ярославичей. В его распоряжении был текст ***всей*** КП. Он прочитал в ней ст. 1, заголовок с упоминанием съезда Ярославичей перед ст. 19, следующие далее статьи о вире в 80 гривен за убийство княжеских дружинников и решил, что Ярославичи отменили кровную месть. Это было субъективное мнение составителя ПП, который, во-первых, мог и не быть законодателем, а во-вторых, скорее всего, жил в XIII в. Обоснование последнего наблюдения – тема отдельной статьи. Пока же приходится констатировать, что гипотеза, высказанная более 100 лет назад Н.А. Максимейко и с сочувствием воспринятая в 1940–1947 гг. Б.А. Романовым, была несправедливо забыта советскими и современными российскими историками.

Список источников

1. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. Вып. 1. 287 с.
2. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1988. Кн. 2, т. 3-4. 765 с.
3. Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб. : В тип. II Отд. С. е. и. в. канцелярии, 1860. 290 с.
4. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. VIII, 666, 4 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
6. Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков : Тип. и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1914. Вып. 1: Краткая редакция. 221 с.
7. Правда Русская : учеб. пособие / отв. ред. Б.Д. Греков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 112 с.
8. Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2: Комментарии. 862 с.
9. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 255 с.
10. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 543 с.
11. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 379 с.
12. Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М. : Наука, 1965. Т. 76. С. 230–275.
13. Зимин А.А. Правда русская. М. : Древлехранилище, 1999. 424 с.
14. Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. С. 128–278.
15. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. 159 с.
16. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.
17. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М. : Юрид. лит., 1988. 176 с.
18. Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
19. Хачатуров Р.Л. Кровная месть во времена Русской Правды // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2012. № 1 (8). С. 45–47.
20. Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М. : Юрлитформ, 2013. 232 с.
21. Толочко А.П. Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста. Киев, 2009. 136 с.
22. Цукерман К. О Правде руской // RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Київ : Ін-т історії України НАН України ; Lauris, 2014. Т. XII. С. 108–156.
23. Чебаненко С.Б. Об эволюции кровной мести в нормах Русской Правды: к вопросу об отмене «убиения за голову» // Российское правосудие. 2016. № 8. С. 49–59.
24. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 560 с.

References

1. Yushkov, S.V. (ed.) (1952) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
2. Soloviev, S.M. (1988) *Sochineniya: v 18 kn.* [Writings: In 18 vols]. Vol. 2(3-4). Moscow: Mysl'.
3. Lange, N. (1860) *Issledovanie ob ugolovnom prave Russkoy Pravdy* [The study about the criminal law of the Russkaya Pravda]. St. Petersburg: Second Section of His Own Imperial Majesty's Chancellery.
4. Sergeevich, V. (1910) *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [The lectures and studies on the ancient history of the Russian law]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasiulevich.
5. Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya: V 9 t.* [Writings: In 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Maksimeyko, N.A. (1914) *Opyt kriticheskogo issledovaniya Ruskoy Pravdy* [The experience of the critical studies of The Russkaya Pravda]. Vol. 1. Kharkov: M. Zilberberg i synovia.
7. Grekov, B.D. (ed.) (1940) *Pravda Russkaya* [The Russkaya Pravda]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Grekov, B.D. (ed.) (1947) *Pravda Russkaya* [The Russkaya Pravda]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Tikhomirov, M.N. (1941) *Issledovanie o Russkoy Pravde. Proiskhozhdenie tekstov* [The study about the Russkaya Pravda. The origin of the texts]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
10. Yushkov, S.V. (1949) *Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo Kievskogo gosudarstva* [The socio-political system and the right of the Kievan State]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
11. Yushkov, S.V. (1950) *Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie* [The Russkaya Pravda. The origins, sources, its value]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
12. Zimin, A.A. (1965) Feodal'naya gosudarstvennost' i Russkaya Pravda [The feudal statehood and the Russkaya Pravda]. *Istoricheskie zapiski*. 76. pp. 230–275.
13. Zimin, A.A. (1999) *Pravda russkaya* [The Russkaya Pravda]. Moscow: Drevlekhranilishche.
14. Cherepnin, L.V. (1965) Obshchestvenno-politicheskie otnosheniya v Drevney Rusi i Russkaya Pravda [The socio-political relations in the Old Rus and the Russkaya Pravda]. In: Novoseltsev, A.P. et al. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Russian State and its international significance]. Moscow: Nauka. pp. 128–278.
15. Froyanov, I.Ya. (1974) *Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [Kievan Rus: Essays on the social and economic history]. Leningrad: Leningrad University Press.
16. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th – 20th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
17. Sverdlov, M.B. (1988) *Ot Zakona Russkogo k Russkoy Pravde* [From the Russian Law to the Russkaya Pravda]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
18. Sverdlov, M.B. (2017) *Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevney Rusi IX–XIII vv. Germaniya. "Pravda Russkaya". Istoriya teksta. Izbrannye stat'i. Nauchnoe izdanie* [The latinized sources about the history of the Old Rus of the 9th – 13th Centuries. Germany. "The Russkaya Pravda." The history of the text. The featured articles. The scientific publication]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
19. Khachaturov, R.L. (2012) Krovnaya mest' vo vremena Russkoy Pravdy [Bloody revenge in the time of the Russkaya Pravda]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Yuridicheskie nauki*. 1(8). pp. 45–47.
20. Georgievskiy, E.V. (2013) *Sistema i vidy prestupleniy v ugolovnom prave Drevney Rusi* [System and types of crimes in the criminal law of Ancient Rus]. Moscow: Yurlitform.
21. Tolochko, A.P. (2009) *Kratkaya redaktsiya Pravdy Ruskoy: proiskhozhdenie teksta* [The brief revision of the Russkaya Pravda: The origins of text]. Kyiv: [s.n.].
22. Tsukerman, K. (2014) O Pravde ruskoi [About the Russkaya Pravda]. *RUTHENICA. Shchorichnik seredn'ovichnoï istoiï ta arkheologiï Skhidnoï Єvropi*. 12. pp. 108–156.
23. Chebanenko, S.B. (2016) Ob evolyutsii krovnoy mesti v normakh Russkoy Pravdy: k voprosu ob otmene "ubieniya za golovu" [On the evolution of bloody revenge in the norms of the Russkaya Pravda: On the abolition of "murder by the head"]. *Rossiyskoe pravosudie*. 8. pp. 49–59.
24. Le Goff, J. (2005) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

***Сведения об авторе*:**
Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: pashin-s@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pashin Sergey S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: pashin-s@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 06.04.2021; accepted for publication 01.02.2024

Научная статья
УДК 94:327.8вс
doi: 10.17223/19988613/87/19

«Славян должно прижать к стене»

Дмитрий Васильевич Воронин

Независимый исследователь, Томск, Россия, voronin-tsu@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются история и политика взаимоотношений государств Запада и славянских стран, а также славянских народов между собой. Выявляются причины частых перемен в истории таких взаимоотношений. Особое внимание уделяется отношению представителей русской литературы к проблеме славянского единства, их оценке российской прозападной либеральной интеллигенции.
Ключевые слова: славяне, Запад, христианство, религия, национально-освободительное движение, великоросс

Для цитирования: Воронин Д.В. «Славян должно прижать к стене» // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 159–164. doi: 10.17223/19988613/87/19

Original article

“Slavs should be pressed against the wall”

Dmitry V. Voronin

Independent researcher, Tomsk, Russian Federation, voronin-tsu@yandex.ru

Abstract. The relevance of this topic is associated with numerous attempts of Western countries to subjugate Russia, which was traditionally associated with the protection of the Slavic world. Particular attention is paid to the analysis of the struggle of the Slavic peoples for the preservation of their identity going on for centuries. In the course of numerous wars, many Southern and the Western Slavs came under the influence of Western states and the Ottoman
Empire. The significance of the impact of the religious factor on the historical development of Slavic people is noted. The expansion of the Catholic Church and Islam began to play a significant role in the socio-political life of these peoples. Russia is the only country, which preserved not only state, but also religious sovereignty. It is noted that the struggle of the Slavic people was the subject of not only historical research, but also reflected in the works of Russian writers and poets. Some of the works of foreign authors, who studied the history of the Eastern Slavs, and the works of domestic representatives of Russian literature were analyzed. Views of Russian and Soviet writers and poets F.M. Dostoevsky, F.I. Tyutchev, A.A Blok, A.A. Zinovieva, V. Pikula promote understanding of historical processes related to the Slavic peoples and a special role of Russia in the Slavic World. Their works help to understand the current position of Russia in the world, as well as in Slavic world. Particular attention in their works is paid to the evaluation of the positions of the Russian intelligentsia, which groveled before Europe and took a pro-Western position. In the post-war period, the West concentrated their efforts to destroy the system of education and culture in Russia. At present, the collective West has achieved some success, it managed to make most of the Slavic states dependent and put two closely related peoples – Ukrainians and Russians – against each other and complicate Russia's foreign policy and economic situation. However, the politics that the West pursues towards Russia does not give expected results. Maintaining Russia’s leading role in Western Europe depends to a large extent not only on strengthening the country’s socio-economic situation, but also on the position of the Russian elite, which must understand that the West assigns a secondary role to our country, a place on the outskirts of Western civilization.
Keywords: Slavs, Christianity, reformation, national liberation movement, Great Russian, intelligentsia

For citation: Voronin, D.V. (2024) “Slavs should be pressed against the wall”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 159–164. doi: 10.17223/19988613/87/19

Вынесенные в заголовок статьи строки эпиграфа к произведению дипломата и поэта Ф.И. Тютчева «Славянам», на наш взгляд, не потеряли актуальности. Сегодня мы являемся свидетелями очередной попытки «прижать славян к стене». Речь идет о стремлении коллективного Запада подчинить Россию, которая на протяжении веков ассоциировалась с защитой славянского мира. В своих попытках он, несомненно, добился больших успехов. Западу впервые удалось столкнуть два близкородственных славянских народа – украинцев и русских. На опасность возникновения подобной ситуации во взаимоотношениях славянских народов

© Д.В. Воронин, 2024

указывали в свое время Ф.И. Тютчев и Ф.М. Достоевский.

История славян нашла отражение в византийских, арабских, западноевропейских и древнерусских источниках. В них подчеркивались особенности славянских народов. Так византийский писатель VI века Прокопий Кесарийский в сочинении «О войне с готами», говоря о предках древних славян, отмечал: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы» [1. С. 237].

Следует подчеркнуть, что на социально-экономическое, политическое и духовное развитие славянских народов оказывало влияние то, что они постоянно подвергались военным захватам со стороны более могущественных соседей. Наглядным примером может служить история южных и западных славян, которым пришлось на протяжении веков вести борьбу за сохранение своей идентичности. В их истории есть много общего: многочисленные войны за свою независимость, переход от язычества к христианству. Религиозные проблемы обострялись в связи с противостоянием между двумя могущественными христианскими центрами – Римом и Константинополем. Они усилились после османского завоевания, когда начался процесс исламизации на подвластных Османской империи территориях. На политическую и духовную жизнь славянских народов оказала влияние Реформация, которая проводилась разными способами. В Словении она проходила не в такой острой форме, как немецкая. Одной из причин этого стала внешнеполитическая ситуация – развитие османской экспансии, которая требовала сплочения всех христианских сил для борьбы с мусульманским миром. Наиболее радикальной реформационной формой стали гуситские войны в Чехии. В XVI в. острая конфессиональная борьба проходила в Польше, но после перехода в 1560-х гг. католической церкви в контрнаступление в Европе в последней четверти XVI в. здесь начался спад реформационного движения. Впоследствии Польша стала своего рода оплотом католицизма среди славянских народов. Негативную роль в истории славянских народов сыграла Тридцатилетняя война (1618–1648).

На протяжении XVIII–XIX вв. славянские народы переживали период национального возрождения, на которое влияла не только Россия, но и ведущие страны Запада. Этот процесс сопровождался постоянными войнами за освобождение от турецкого, австро-венгерского, немецкого и российского влияния. Россия на протяжении веков играла значительную роль в истории славянских народов.

Внимание к восточным славянам со стороны западноевропейских писателей и религиозных представителей связано с усилением русского государства. Необходимо подчеркнуть, что на изучение истории славян огромное влияние оказывала субъективность взглядов авторов, которые занимались такими исследованиями. В результате нарушения основных методологических принципов исторического исследования история нередко искажалась. Подобные явления происходили повсеместно. Представитель английского Просвещения Г. Болингброк в работе «Письма об изучении и пользе истории» отмечал, «…что во все времена история нарочито и систематически фальсифицировалась и что пристрастие и предрассудок были причиной как вольных, так и невольных ошибок даже в лучших сочинениях» [2. С. 46]. Субъективный фактор присутствовал как в летописных, так и в последующих произведениях, содержавших различные факты русской истории.

На протяжении многих веков сочинения иностранных писателей о восточных славянах были предметом дискуссий не только в исторической науке, но и в общественно-политическом пространстве. Значительное время взгляды иностранных авторов не влияли на развитие русского научного сознания, так как не были известны в России. Однако постоянный натиск Запада на территорию славянских народов приносил свои плоды. Для сочинений иностранцев о России характерны две особенности. Первая состоит в том, что в них содержались подробные описания тех обыденных сторон жизни русских людей, которые не находили отражения в отечественных письменных источниках по той причине, что для них все это было обычно и не представляло интереса. Другой характерной особенностью иностранных исследователей было поразительное незнание ими жизни нашего народа, что приводило к искажению фактов. Встречалось и злонамеренное извращение действительности.

С петровских времен в освещении русской истории формируются негативные оценки немецких и других иностранных авторов о русских людях, получившие широкое распространение в Западной Европе. Существенный вред изучению русской истории был нанесен немецкими учеными-историками Байером и Шлецером, которые считали, что русские люди находились до призвания варягов в состоянии дикости и язычества. Тенденциозный взгляд на нашу историю был характерен и для английских, французских и других западных послов, торговых людей и путешественников. Своеобразным водоразделом в исторических исследованиях длительное время была норманнская теория, которая многими российскими историками оценивалась и воспринималась неоднозначно. Важно подчеркнуть, что только сильный, исторически живучий народ мог образовать такое огромное государство. Русский народ сохранил себя как народ и развил свои славянские способности и наклонности. Развитию русского этнографического слоя России не помешали другие вошедшие в него этнографические группы.

Важное значение для понимания роли России и русского народа в истории других славянских народов имеют взгляды представителей русской и советской литературы. Особое место принадлежит Ф.М. Достоевскому. Писатель критически оценивал отношения России со странами Европы. По его мнению, эти отношения были чаще всего невыгодны для России. Начиная с правления Петра I Россия начала активно втягиваться в орбиту европейской политики. Это ока-

зывало положительное влияние в плане модернизации страны. Но у представителей российской элиты, у значительной части господствующего класса России стали преобладать критические оценки всего отечественного, и, наоборот, все иностранное воспринималось ими с большим одобрением. Наиболее полно это нашло отражение у представителей русского либерализма. Для них были характерны глубокое презрение к народу, стремление во всем подражать Европе, воспроизводить ее нравственные ценности, которые, по мнению писателя, нельзя копировать, ибо они антигуманны. К сожалению, подобная позиция российской политической и творческой элиты сохранялась длительное время, за исключением ослабления ее в период короткого отрезка советской истории.

В постсоветский период значительная часть российской элиты вновь стала активно воспринимать западные ценности в надежде стать частью западной элиты. Между тем Федор Михайлович отмечал, что у русского народа другое предназначение: «*Наше назначение быть другом народов. Служить им, тем самым мы наиболее русские. Все души народов совокупит себе*» [3. С. 185]. Ф.М. Достоевский полагал, что у русского народа есть умение понимать и принимать все другие народы, и только он мечтает о славянском единстве. Он отмечал: «Мы настолько же русские, насколько и европейцы, всемирность и общечеловечность – вот назначение России» [3. С. 309]. В настоящее время в связи с последними событиями его взгляды сохранили актуальность. В своем дневнике он подчеркивал: «Малоруссия, язык через триста лет уничтожится. Быть малороссом, чехом – мелкая идея быть всеславянином – выше, а для чего быть всеславянином? Чтобы сказать всеславянское слово. Какое оно? Православье, а главный выразитель – великорус. (Палеологи, двуглавый орел.) А! Великорус, скажет малоросс. Да великорус, но хотите – примыкайте, хотите – нет, будьте вольны и свободны. *Это дело вольное и свободное.* Но идея не созрела. Славяне не понимают, она лишь в России. И потому мы должны лишь *служить* славянам и облегчат их участь, а там как они хотят: примкнут или нет к федерации – все равно» [3. С. 222].

Он понимал, что славяне для Европы значили вовсе не то, что для России, и история неоднократно подтверждала точку зрения писателя. Современная ситуация лишний раз доказывает, что славяне для европейских стран – расходный материал. Одновременно Федор Михайлович, делает вывод: «Но сами славяне? Это источник будущих несчастий России. Мы не можем раствориться в славянстве, мы выше. Мы должны только жить для себя, не пугайтесь этого: жить для себя – у великоруса значить жить для других» [3. С. 131]. При этом писатель подчеркивал отсутствие стремлений к каким-либо материальным приобретениям. Он считал, что «…выгода России в том, если она облегчила страдания славянских племен, хотя ей материальной немедленной помощи не принесло» [3. С. 284].

История дореволюционной России и в большей степени Советского Союза доказала историческую правоту предсказаний писателя. В России, в отличие от европейских государств, имевших многочисленные колонии, не исчезли ни один народ, ни одна народность. В послевоенный период наша страна способствовала социально-экономическому и культурному развитию не только славянских, но и других народов мира. Все это резко контрастировало с колонизаторской политикой, проводимой странами Запада. Поэтому Россия–Советский Союз, представляя угрозу для их безраздельного господства, были объектами политики Drang nach Osten. На это прямо указывал А. Блок в 1918 г., предостерегая противников России, жаждущих ее поражения.

Вы сотни сотни лет глядели на Восток
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья! [4. С. 244–245].

К сожалению, история неоднократно подтверждала правоту оценок наших писателей и поэтов об отношении славянских народов к России. На протяжении нескольких столетий они принимали участие в военных походах против нашей страны. В настоящее время история повторяется, англо-саксонский мир при участии славянских государств выступил против России. Однако это противоборство окончится ее победой. В свое время Федор Михайлович, уверенный в том, что Россия выйдет победителем в противостоянии с недругами славянского мира, считал: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия» [3. С. 147].

Представляет интерес и позиция Ф.М. Достоевского по отношению к событиям, связанным с Парижской коммуной. В записи к «Дневнику писателя» 1876 г. он писал: «А у коммунаров будущность. Это единственная европейская идея, имеющая будущность» [3. С. 120]. К этой идее он неоднократно возвращался в дневнике. Понятия «коммунизм» и «социализм» в рассматриваемый период были предметами широких дискуссий не только на Западе, но и в России. Федор Михайлович отмечал: «Высшая нравственная идея, выработавшаяся всею жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить» [3. С. 185]. Однако он считал, что христианская правда вкупе с православием выше социализма.

В своем дневнике в 1877 г. он призывал настороженно относиться к речам представителей славянского национально-освободительного движения, их идее о «славянском братстве и всеединстве». Они понимая, что освободить их от османского владычества может только Россия, в то же время боялись, что она может поглотить славянские государства. Одновременно они надеялись на помощь «просвещенного европейского мира», в частности англичан с их флотом, которые стремились усилить свои позиции на Востоке. Досто-

евский писал: «А уж где они поселятся, оттуда их трудно выжить, народ цепкий. Мало того: греки, славяне и мусульмане Царьграда призовут их сами, ухватятся за них обеими руками и не выпустят их от себя, а причина тому – все та же Россия: “Защитят, дескать, они нас от России, нашей освободительницы”. И добро бы они не видели и не понимали, что такое для них англичане, да и вообще вся Европа? О, они и теперь знают лучше всех, что англичанам (да и никому в Европе, кроме России) до их счастья, то есть до счастья всей христианской райи, нет ровно никакого дела» [5. С. 71]. Говоря о славянах, Ф.М. Достоевский отмечал: «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными» [6. С. 78]. Его пророческие слова оправдывались на протяжении последних полутора столетий. Вся последующая история, в частности история Балканских войн начала XX столетия, двух мировых войн, подтвердили его правоту. Подобная позиция нашла отражение в годы Первой мировой войны в карикатуре на поведение Болгарии на странице газеты «Сибирская жизнь» за 1915 г. (рис. 1).

Благодарный воспитанник

Россія: -Я тебя вскормила, я тебя вспоила...
Болгария:- А теперь я крррови жажду !...

Рис. 1. Карикатура из газеты «Сибирская жизнь» за 1915 г.

Особое место в произведениях Ф.М. Достоевского занимало его отношение к русской интеллигенции, которая на протяжении нескольких веков пыталась впитать «общечеловеческие ценности». Он писал: «Мы виляли перед ними, мы подобострастно исповедовали им наши “европейские” взгляды и убеждения, а они свысока нас слушали и обыкновенно прибавляли с учтивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это все у них “не так поняли”» [5. С. 22]. Писатель призывал прежде всего стать русским, а для этого перестать презирать народ свой. Достоевский подчеркивал: «И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать» [5. С. 23]. Аналогичную позицию занимал b Ф.И. Тютчев, дипломат, поэт. Хорошо рная Запад, он постоянно критиковал российских либералов за их пресмыкание перед Западом. В этой связи он писал:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы» [7. С. 196].

К сожалению, подобное положение сохранилось до настоящего времени. Наиболее наглядно это проявилось в настоящее время, после распада Советского Союза. Одной из причин произошедшего стало поражение в холодной войне, которую вел Запад, обладая превосходством перед СССН в экономическом, политическом, идеологическом и пропагандистском отношениях. Известный философ А. Зиновьев подчеркивал: «Задача была разрушить вообще Россию, вплоть до того, что русский народ вообще не имеет права на существование. Он должен быть уничтожен» [8. С. 113].

Длительное время, включая и настоящее, часть нашей творческой, научной, технической интеллигенции, представителей бизнеса практически безоглядно верила и верит в преимущество западных ценностей. А. Зиновьев, находясь на Западе после выдворения его из страны, отмечал: «Только здесь, на Западе, можно узнать, что это такое. Надо прикоснуться к этому обществу, чтобы понять его. В Советском Союзе система государственности не была столь тоталитарной, как на Западе. Вся критика нашего государства была организована Западом, и организована потрясающе: били, били, били… и добили, – и далее подчеркивал, – на Западе тысячи разных идеологических учений. То, что мы в Советском Союзе привыкли считать наукой, – здесь это идеология. Все эти попперы, пайпсы, хайеки и т.д. – не ученые, а идеологи. Школьное образование, университетское – насквозь идеологическое. Кино, литература – не искусство, а идеология. Вся масскультура – прямая идеология» [8. С. 166].

В годы перестройки и постперестроечное время в нашей стране началась критика научных работ, созданных в советское время, безоглядное, некритическое использование западной научной и общественно-политической литературы. Все это свидетельствовало о начале процесса переформатирования нашего общества по западным лекалам. В экономике начался переход на позиции неолиберализма, который сопровождался процессами деиндустриализации с резким падением объемов производства и деклассирования, когда произошло искусственное снижение социального положения, квалификации, самоуважения огромных масс людей, многие из которых стали безработными, челночниками, ларечниками. Существенные изменения произошли в среде русской интеллигенции. Прежде всего – это ее отрыв от народа во взглядах и установках по большинству важных вопросов, в утрате исторической памяти и усилении политической апатии при сохранении

в ее среде либеральных иллюзий. У значительной части интеллигенции по-прежнему сохраняется стремление стать частью западной цивилизации. Тем самым она становится фактически союзником Запада в его борьбе против славянского мира и его оплота – России.

Между тем Запад сделал определенные выводы, учел опыт истории и сменил стратегию слома России. Он исходил из признания восточной мудрости, которая гласит: «*Хочешь победить врага – воспитай его детей*». Поэтому Запад сосредоточил свои усилия на разрушении суверенной системы образования и культуры в России. В области образования была поставлена задача отказа от формирования человека-творца, провозглашалась цель «*взращивать квалифицированного потребителя*», способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других. Переход к Болонской системе в системе высшего образования стал следующей ступенью по реализации этих планов. Если в России образование всегда рассматривалось в единстве обучения и воспитания и понималось не просто как усвоение определенной системы знаний, а как процесс духовно-нравственного становления, то в последние годы произошло коренное изменение содержания программ в целях интеграции в глобальную цивилизацию будущего. Были поставлены задачи интегрировать Россию в международные образовательные программы и проекты ЮНЕСКО, Евросоюза, Совета Европы.

Ведущую роль в реализации международных программ наряду с министерством образования, играл фонд Сороса. Когда в апреле 1992 г. Правительство России приняло постановление «О развитии гуманитарного образования в России», именно Дж. Сорос предоставил необходимые средства для его выполнения. Благодаря его фонду в рамках обновления гуманитарного образования создавались новые учебные курсы по истории, литературе, общественным дисциплинам, экологии, развитию мышления. Было подготовлено более 200 новых учебников по гуманитарным дисциплинам. Одновременно с этим шла подготовка будущих разработчиков нового содержания образования из числа российских ученых и учителей в рамках проекта «Глобальное образование», ставящего своей целью обеспечение вхождения России в общемировое общеобразовательное пространство, а фактически реализовывалась цель реформы социальной сферы и изменения общественного сознания на основе иностранной идеологии и иностранных учебников. Помимо этого, при поддержке американского и различных европейских правительств и различных фондов проходил интенсивный обмен школьниками, студентами и преподавателями. Реформа гуманитарного знания, во многом была нацелена на смену менталитета личности и изменение общественного сознания, что на практике означало формирование новой культурной матрицы. Следует отметить, что реформирование системы образования дает результаты, о чем свидетельствует скандальный прецедент с выступлением в западногерманском Бундестаге школьника из Нового Уренгоя, рассказавшего о «невинно погибших» немецких солдатах, который стал своеобразным маркером успешности «реформы».

Следует подчеркнуть, что Запад больше всего боялся прорыва русской, советской культуры. Отсюда его стремление занизить достижения нашей культуры, изолировать ее. Многочисленные произведения в области литературы, кинематографа, театра и музыки в определенной степени осуществляют деятельность по информационному воздействию. Нередко в них прослеживалось стремление к подрыву исторических, духовных и патриотических основ, в первую очередь у молодых граждан страны.

Существенную роль в противостоянии Запада и России играет его стремление изолировать российских спортсменов от участия в международных стартах. Выдвигались условия, при которых российские спортсмены могли принять участие в соревнованиях. Подобная ситуация описана в романе-хронике «Моонзунд» В.С. Пикуля. Автор писал:

«–Условия таковы, – деловито сообщил он (немецкий парламентер. – *Д.В.*), – без проволочки, если на Цереле ни один винтик не будет сломан, если вы сдадитесь без боя, мы отвезем вас прямо в Германию… в самые лучшие города! – подчеркнул майор. – Обставим, конечно. Оденем в штатское. У каждого будет отдельная кровать. Даже тумбочка. Мыла дадим! – Что мы, – не выдержал Скалкин, – мыла не видели? Майор улыбнулся. – И еще одно условие: если Церель не будет сдан вами, он просто исчезнет с лица земли. Пленных брать не станем… все будут расстреляны.

Скалкин сунул кулаки в карманы бушлата.

–А вашего брата немца мы тоже знаем. Начитаны, наслышаны. И не все русские одинаковы. Церель будет драться. Вот когда разобьете нас, тогда делайте с нами что хотите» [9. С. 428]. К сожалению, некоторые наши спортсмены – потомки героев Первой и Второй мировых войн – согласились участвовать в соревнованиях не под государственным флагом своего государства.

Положение, которое сложилось в стране, свидетельствует о том, что при отсутствие национальной идеологии, способной объединить общество, происходит потеря прежних ценностных ориентаций. Обострение международной напряженности и события на Украине показали отношение к этому нашей творческой интеллигенции и некоторого числа молодых людей, многие из которых заняли негативную позицию по отношению к своей стране. Все это указывает, что в России значительная часть интеллигенция не только не способна сплотить народ, но, наоборот, пресмыкаясь перед западной идеологией и западным образом жизни, прониклась антипатриотическими настроениями и тем самым ставит себя вне славянского мира. Подобная позиция означает, что она объективно ослабляет нашу страну.

Позиция Запада по-прежнему свидетельствует о его стремление покорить Россию и тем самым окончательно подчинить славян.

Список источников

1. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории. 1941. № 1 (14). С. 230–280.

2. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М. : Наука, 1978. 360 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1982. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год, ноябрь–декабрь. 520 с.
4. Блок А. Сочинения : в 6 т. М. : Правда, 1971. Т. 3. 414 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год, январь–август. 474 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1984. Т. 26: Дневник писателя 1877, сентябрь–декабрь – 1880, август. 522 с.
7. Тютчев Ф.И. Лирика : в 2т. М. : Наука, 1965. Т. 2. 512 с.
8 Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия : публицистика 1991–1995 гг. М. : Республика,1996. 368 с.
9. Пикуль В.С. Моонзунд. М. : Современник, 1992. 512 с.

References

1. Mishulin, A.V. (1941) Drevnie slavyane v otryvkakh greko-rimskikh i vizantiyskikh pisateley po VII v. n.e. [Ancient Slavs in fragments of Greco-Roman and Byzantine writers on the 7th century AD]. *Vestnik drevney istorii*. 1(14). pp. 230–280.
2. Bolingbroke, G. (1978) *Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii* [Letters on the study and usefulness of history]. Moscow: Nauka.
3. Dostoevsky, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
4. Blok, A. (1971) Sochineniya: v 6 t. [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Pravda.
5. Dostoevsky, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.
6. Dostoevsky, F.M. (1984) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka.
7. Tyutchev, F.I. (1965) *Lirika: v 2 t.* [Lyrics: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
8. Zinoviev, A.A. (1996) *Postkommunisticheskaya Rossiya: publitsistika 1991–1995 gg.* [Post-communist Russia: Journalism 1991–1995]. Moscow: Respublika.
9. Pikul, V.S. (1992) *Moonzund* [Moonsund]. Moscow: Sovremennik.

***Сведения об авторах*:**
Воронин Дмитрий Васильевич – доктор исторических наук, доцент, независимый исследователь (Томск, Российская Федерация). E-mail: voronin-tsu@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Voronin Dmitry V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Independent Researcher (Tomsk, Russian Federation). E-mail: voronin-tsu@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 24.01.2023; accepted for publication 01.02.2024

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 316.722:641
doi: 10.17223/19988613/87/20

Антропология холода: культура питания коренных народов Республики Саха (Якутия)

Екатерина Назаровна Романова[1], Наталия Ксенофонтовна Данилова[2], Евдокия Кимовна Алексеева[3]

[1, 2, 3] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН, Якутск, Россия
[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
[1] e_romanova@mail.ru
[2] dan_nataliksen@mail.ru@mail.ru
[3] aeks07@mail.ru

Аннотация. Впервые на основе интердисциплинарной методологии раскрывается многомерный феномен питания у коренных народов Якутии как концептуализация северной кухни в рамках инновационного направления – криософии. На основе ретроспективного анализа историко-этнографических источников, современных социологических и экспедиционных материалов, метода картографирования анализируются пищевые предпочтения, традиционные технологии, символические смыслы и значения пищи в контексте календарного времени. Сделан важный вывод о круговой модели питания северных сообществ в проекциях природного и социального пространства.
Ключевые слова: коренные народы Якутии, антропология холода, экология питания, адаптивные стратегии питания, символический код пищи

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (соглашение № 075-15-2021-616).

Для цитирования: Романова Е.Н., Данилова Н.К., Алексеева Е.К. Антропология холода: культура питания коренных народов Республики Саха (Якутия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 165–175. doi: 10.17223/19988613/87/20

Original article

Anthropology of cold: food culture of indigenous peoples of Republic of Sakha (Yakutia)

Ekaterina N. Romanova[1], Nataliya K. Danilova[2], Evdokiya K. Alekseeva[3]

[1, 2, 3] Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russian Federation
[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation
[1] e_romanova@mail.ru
[2] dan_nataliksen@mail.ru@mail.ru
[3] aeks07@mail.ru

Abstract. Reference to the food culture of the indigenous peoples of the North within the framework of anthropology of cold, where the peculiarity of the cultural landscape of the North is the life strategy conditioned by cold and permafrost, is caused by the increased interest of scientific community to the unique experience of life support of the northern ethnic groups. Anthropological understanding of the Cold is a request of the world science in terms of solving a wide range of socio-humanitarian problems related to comprehension, adaptation, cultural experience of life in the "permafrost". The authors of the article consider the food culture of the indigenous peoples of the North as one of the important aspects in the ethnic system of culture and values. The article interprets not only the physiological, but also the cultural foundations of the traditional food of the natives of the North. For the first time on the basis of interdisciplinary methodology the multidimensional phenomenon of nutrition among the indigenous peoples of Yakutia was considered as a conceptualization of the northern cuisine in an innovative direction - cryosophy. The study uses methodological innovations of environmental sociology and cultural anthropology, historical-cognitive and hermeneutic analysis. Based on the retrospective analysis of historical and ethnographic sources and modern sociological and expeditionary materials, the method of mapping analyzes food preferences, traditional technologies and recipes, as well as the symbolic meanings and meanings of food in the context of calendar time.

© Е.Н. Романова, Н.К. Данилова, Е.К. Алексеева, 2024

Food occupied an important place and was endowed by the participants with a special semantic meaning. The process of daily and festive meals for the indigenous peoples of the North is a special ritual in which there is a spiritual connection with nature, with the higher deities. The notion of life and its symbolic representation was incorporated into food. At the same time fatty food had a special semantic meaning, which embodied not only the idea of "well-being", but also contributed to the body's resistance to extreme temperatures. Adaptive life-support strategy in the North formed a special dietary regime and food behavior actively using cryogenic resources of cold in the preparation and preservation of food. There is an important conclusion about the circular pattern of nutrition of northern communities in the projections of natural and social space. The authors conclude that the ecologically balanced diet of northern herders, reindeer herders, hunters and fishermen of Yakutia reflects the centuries-old experience of adaptation to extreme low temperatures and also acts as a cultural symbol manifesting the spiritual foundations of life and human destiny in the North.
Keywords: indigenous peoples of Yakutia, anthropology of cold, ecology of nutrition, adaptive food strategies, symbolic code of food

Acknowledgements: This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation».

For citation: Romanova, E.N., Danilova, N.K., Alekseeva, E.K. (2024) Anthropology of cold: food culture of indigenous peoples of Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 165–175. doi: 10.17223/19988613/87/20

Введение

Республика Саха (Якутия) – один из холодных регионов с разнообразными ландшафтными условиями проживания, удивительным миром северной флоры и фауны. Именно здесь в результате длительного взаимодействия с вечной мерзлотой и холодом этнические сообщества сформировали уникальные модели жизнеобеспечения. Антропоэкосистема холодных земель заложила основы адаптивной пищевой стратегии коренных народов, проживающих на Крайнем Севере.

В современном научном пространстве тема традиционного питания вызывает все больший интерес среди исследователей разных направлений, что обусловлено феноменом привлекательности этнопищи – ее соответствием модели экологически чистого питания, рациональности способов обработки, хранения, переработки употребляемых продуктов и другим аспектам. Наконец, традиционная кухня является одним из знаковых этнических элементов, воспринимаемых как национальное достояние, символ и бренд региона. Исследования, направленные на выявление этнорегиональных особенностей и способов приготовления блюд национальной кухни у разных народов в контексте экологической адаптации, осмысления пищи как элемента этнического самосознания, активно развиваются как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Среди них можно выделить фундаментальные исследования о культуре питания как феномене этнической культуры в монографиях С.А. Арутюнова [1, 2]. C. Petrini [3], М. Монтанари [4], энциклопедических изданиях и научных журналах по истории и культуре питания K.F. Kiple, K.C. Ornelas [5], А.А. Бадмаева [6], Б.Х. Бгажнокова [7] и др.

Цель настоящей статьи – осмысление феномена культуры питания коренных народов Республики Саха (Якутия) – якутов, эвенов, эвенков, юкагиров – в рамках инновационной методологии антропологии холода. Для достижения указанной цели авторами поставлены следующие задачи: раскрыть феномен северного питания как важнейшего механизма этноэкологической адаптации коренных народов Якутии в условиях холодного мира; выделить основные устойчивые принципы культуры питания на Севере; проанализировать символическую составляющую национальной кухни северян как неразрывную часть этнокультурного наследия.

Материал и методы

Одним из перспективных направлений современной исследовательской практики этнологов является антропологический подход в изучении «культуры повседневности», при котором фокус исследования направлен на изучение мотивов, стратегий и ментальности людей. Использование данного подхода дает возможность рассмотреть в рамках исторической антропологии особенности традиционной пищевой культуры народов Якутии как основной детерминанты экологического опыта и адаптационных стратегий к условиям окружающей среды и важной части уникального культурного наследия. Возникновение нового философского направления в онтологии – криософии, направленного на изучение криосферы в качестве ресурса, источника благ и возможностей для человечества, а не источника угрозы, способствовало развитию нового вектора исследований, связанных с холодом [8]. Таким образом, холод стал рассматриваться как один из основных акторов механизма адаптации человека к окружающей действительности, а образы холода – анализироваться в креативном измерении. Сегодня концепты Холод / Зима / Север / Арктика становятся основным имиджевым ресурсом в формировании бренд-кодов, а холодный климат воспринимается как преимущество в реализации человеческого потенциала. Так, в рамках междисциплинарной методологии, предложенной творческим коллективом Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики (рук. Д.Н. Замятин, Москва, и Е.Н. Романова, Якутск) [9], авторы статьи обращают внимание на феномен культуры питания народов Якутии и адаптивную стратегию использования ресурсов холода в национальной кухне как особой северной модели экопитания.

Картографирование питания

Формирование локальных моделей питания коренных народов Якутии обусловлено природно-географи-

ческими факторами и хозяйственно-культурной деятельностью. На основе классической работы советских этнографов М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова [10], а также исследования А.А. Саввина [11] нами выделены следующие ландшафтно-культурные модели жизнедеятельности народов Якутии: I – южные скотоводческие округа (Центрально-Якутский, Вилюйский и Олекминский); II – горная область, охватывающая территории Верхоянского, Момского, Оймяконского и отчасти Саккырырского районов, где проживает локальная группа северных якутов-коневодов (скотоводы); III – таежные и горно-таежные охотники-оленеводы (эвенки Алданского, Нерюнгринского, Олекминского, Усть-Майского районов, эвены Абыйского, Кобяйского, Момского, Оймяконского, Среднеколымского, Томпонского и Эвено-Бытантайского районов); IV – охотники-оленеводы горно-тундровой и лесотундровой зоны (эвенки Жиганского, Оленекского районов, эвенки и эвены Булунского района, эвены и юкагиры Верхнеколымского района); V – оленеводы и рыболовы приморско-тундровой зоны (долганы Анабарского района, эвены и эвенки Булунского района, эвены, юкагиры Усть-Янского района, эвенки, юкагиры Аллаиховского района, эвены, юкагиры, чукчи Нижнеколымского района).

Для каждой модели характерны локальные варианты использования биологических ресурсов в питании: I – у народа саха преобладание мясной и молочной пищи, круглогодичное озерное и речное рыболовство, растительная пища; II – у коренных малочисленных народов Севера преобладание мясной пищи, употребление рыбы в определенные сезоны года и растительная пища.

Экология жизни на Севере: феномен северного долголетия и «холодные» болезни

Криогенные условия Севера, влияющие как на средообразование, так и на качество продуктов питания, являются одним из основополагающих факторов долголетия человека. Действительно, коренные народы Якутии всегда отличались долголетием. Так, в 1822 г. в журнале «Северный архив» (Санкт-Петербург) было отмечено, что «якуты долголетни и одарены крепким сложением; столетних старцев между ними находится множество. Они весьма трудолюбивы». По данным переписи 1897 г. в Якутском крае проживало 90 человек в возрасте 100–109 лет» [12. С. 70]. Несмотря на меньшую численность населения, чем в соседних областях, количество долгожителей в Якутии значительно их превосходило. Следует отметить, что по итогам Всесоюзной переписи населения в Советском Союзе 1959 и 1970 гг. на IX Международном конгрессе геронтологов, состоявшемся в 1972 г. в Киеве, Якутию официально признали центром долголетия Сибири. По числу долгожителей в Советском Союзе Якутия занимала третье место, уступая Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР [13. С. 4].

В этом контексте отметим постепенную тенденцию увеличения числа долгожителей в Якутии в XXI в.: согласно результатам проведенных переписей, в 2010 г. в Якутии было зафиксировано 685 человек, в 2017 – 1 013 человек, а в 2019 г. количество долгожителей достигло 1 400 человек. Характерной особенностью Якутии является более высокий уровень долгожительства у жителей сельских местностей. В 2006 г. самой старой жительницей России официально была признана В.С. Семенникова (1890–2008), которая в 2007 г. справила свое 117-летие. Ее возраст был официально подтвержден записью о рождении в метрической книге. Варвара Константиновна по национальности эвенкийка, всю жизнь прожила в с. Саскылах Анабарского улуса. В биографических документах сохранилась запись, что с 1908 г., когда ей было 18 лет, она вела кочевой образ жизни, занималась домашним оленеводством и работала до 1980 г., т.е. до 90 лет. До конца жизни она сохраняла ясный ум, четкую речь. В 2017 г. врачи Якутии опубликовали материалы о долгожительнице Якутии 102-летней О.Е. Гольдман (Вилюйский улус): «Она сама управляла моторной лодкой, до 90 лет водила автомобиль, вместе с супругом вела домашнее хозяйство, питались натуральными продуктами. Характер питания смешанный. Ежедневный рацион долгожительницы в течение всей жизни состоит из вареного мяса и кисломолочных продуктов; она любит холодец, национальные блюда. Аппетит сохранен. Отмечается возрастное ограничение питания» [14. С. 72]. Сами долгожители считали основным фактором долголетия физический труд на свежем воздухе, регулярное питание свежими мясо-молочными продуктами и рыбой, а также позитивное отношение к жизни. По мнению специалистов, одним из основных факторов долголетия у северных жителей является холод, он выступает индикатором естественного выживания, а круглогодичное употребление ледниковой воды способствует крепкому здоровью и долголетию.

Вместе с тем многие исследователи отмечали сложные природно-климатические условия, негативно влияющие на здоровье человека. Суровые климатические и природные особенности (холод, длительная зима, дисперсное расселение, полярная ночь, полярный день и др.) создали особый эмоциональный фон, негативно повлиявший на психоментальную сферу северных сообществ. К арктическим заболеваниям, так называемым «холодным» болезням, можно отнести феномен «полярной истерии» (як. *мэнэрик – эмирэченье*, нервное заболевание, тунг. *хаудьан*, юк. *шарморизл* – «внесенное злыми духами»), спровоцированное экстремальным климатом. Неспособность воспринимать действительность во время приступа *эмиряченья* стало основой представления, что болезнь связана с шаманским призванием и духами Полярной звезды. Как отмечает известный дореволюционный этнограф В.И. Иохельсон, причина болезни заключалась в психическом воздействии на человека самой природы Арктики: ее монотонности, холодов, темных дней зимой и светлых ночей летом. По его наблюдениям, болезнь чаще всего встречается у якутов, русских поселенцев, некоторых групп тунгусов, а юкагиры и чукчи редко страдают от истерии, и протекает она в более мягкой форме, т.е. она реже встречается у кочевых народов, чем у оседлых [15. С. 71].

Долгий зимний период, «белое безмолвие» стали причиной появления так называемой «снежной слепо-

ты» – ожога роговицы или конъюнктивы глаза ультрафиолетовыми лучами, отраженными от снега. У народов Севера испокон веков для смягчения солнечного света и предотвращения «снежной слепоты» использовались очки с прорезями. На психоэмоциональный фон влияют также продолжительная полярная ночь и полярные дни. Информанты акцентировали внимание на том, что не всем под силу пережить / воспринимать эту исключительную особенность северных / арктических территорий. Обильная жирная трапеза с добавлением мерзлых молочных и масляных продуктов зимой «запускала» программу культуры «воспоминаний», связанной с белой пищей как метафорой светлого времени божеств айыы. Такая установка в пищевом поведении оказывала благоприятное психологическое воздействие на человека.

Суровые условия зимой, жаркое лето обусловили возникновение якутской породы лошадей и крупного рогатого скота, мясо и молоко которых отличались высокими жировыми качествами.

Криогенные ресурсы: лед, снег и мерзлота

Адаптивная стратегия жизнеобеспечения коренных народов Якутии позволила им использовать криогенные ресурсы. Во-первых, лед и снег являются жизненно важными ресурсами питания на севере. В зимнее время лед используется как источник питьевой воды. Талая вода имеет низкое содержание солей кальция, богата природными минералами, что повышает общий иммунитет организма. При перекочевках и на охоте охотники-оленеводы также пользовались снегом, натапливая его в котле. Исследователи образа жизни долгожителей и сами долгожители считают, что одним из факторов, влияющих на продолжительность жизни, являются уникальные свойства ледниковой воды (рис. 1).

Рис. 1. Заготовка льдины. Из фотофонда ИГИиПМНС СО РАН

Во-вторых, особенности климата и природного ландшафта Якутии способствовали выработке навыков охлажденного хранения пищи. Зимняя стужа, холод вечно мерзлых грунтов, прохлада позднетающих льдов высоких гор и наледей, холодный ветер из трещин скал, линзы подмохового и ископаемого льда даже в летний период – универсальные средства консервации всех видов пищевых продуктов. Криогенные ресурсы позволяют долго хранить и запасать впрок продукты питания, вследствие чего считаются одним из положительных бонусов жизнедеятельности северных народов.

Уникальными являются зимние способы естественного хранения продуктов, при которых сохраняются все их питательные и витаминные свойства: 1) «морозный» метод предполагал длительное хранение мяса крупными кусками или тушами, чтобы на морозе оно не высохло, его никогда не разрубали на мелкие куски.; 2) в условиях домашнего хранения стегно сразу после освежевания принято было залеплять снегом и поливать водой; образовавшийся ледовый панцирь должен был оберегать мясо от выветривания, что было особенно актуальным в весенний период; после закапывали в сугроб снега; 3) в холодное время на льду водоема делали яму и мерзлое мясо закапывали в нее, засыпая осколками льда и снега, сверху поливали водой; другой вид ледяного склада, изготовленный из утолщения слоя в водоемах, складывался из пластин льда в форме ящика, крепили пластины снегом и водой.

У якутов холод использовался в квашении внутренностей лошади и крупного рогатого скота *сыһык*: подготовленные внутренности промывались, упаковывались в желудок животного и зашивались, оставляя кармашки для наблюдения за процессом квашения. Такой зашитый мешок оставлялся в условиях комнатной температуры в течение нескольких суток. При «созревании» *сыһык* немедленно выносили на мороз, иначе процесс брожения в дальнейшем мог привести к порче продукта. Готовый *сыһык* принято было держать только на морозе. При квашении туш зайцев и водоплаваю-

щих пернатых роль теплоизоляционной упаковки, обеспечивающей брожение, выполняли их шкура и пух.

Зимой запасы *тар'*а (разновидность кислого молока; способ использовался для запасания молока впрок), заготовленного летом, вытаскивали из погреба ведрами и наливали в снежные ящики. После наполнения посуду закрывали досками. Через 3–4 суток, когда *тар* замерзал, стенки снежной посуды разгребали лопаткой, а примерзшие к поверхности земли глыбы тара откалывали колуном. Перед тем как сложить их в амбар, отбивали топором нижнюю сторону глыбы с приставшим к ней снегом. Такие куски замороженного в снежной посудине *тар'*а весом почти около 160 кг называли *балбаах тар* (рис. 2) [16. С. 151].

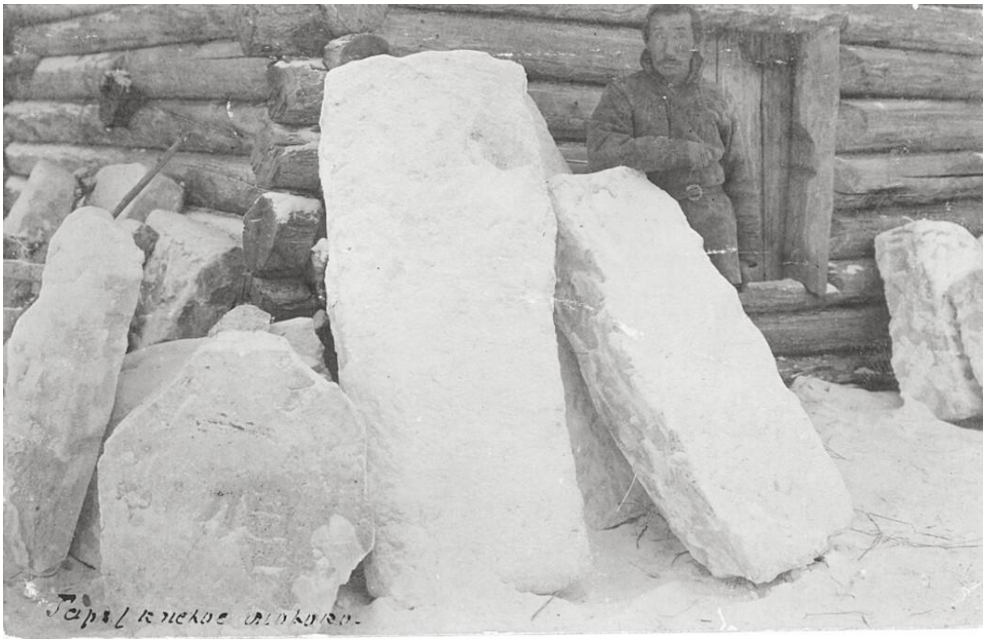

Рис. 2. Замороженные брикеты *тар*'а. Из фотофонда ИГИиПМНС СО РАН

Очевидно, что одним из главных условий благополучного проживания человека на Севере является рациональное питание, компенсирующее неблагоприятное воздействие холодного климата на организм. Но холод и криогенные ресурсы Севера (лед, снег, мерзлота) также играют важную роль в качественном питании северян, формировании их энергосберегающего арсенала. Недостаток солнца в зимний период восполняют жирная еда, сырая или свежезамороженная рыба, жирное мясо, печень. Так, в 2013 г. кембриджские ученые обнаружили у жителей Севера три гена, которые отвечают за адаптацию к холоду и северному рациону питания. Они изучили образцы ДНК чукчей, якутов, эвенов и эвенков, коряков, эскимосов, а также несколько коренных этносов Алтая. По их мнению, ген морозоустойчивости у этих народов включает три подвида: первый перерабатывает жирную пищу, второй преобразует жир в тепло, третий сужает сосуды, сберегая его [17]. Тем самым ученые пришли к заключению, что для северных народов холод – вполне приемлемая среда обитания.

Круговая модель питания

Одним из основных компонентов культуры жизнеобеспечения является питание, которое неразрывно связано с «кормящим ландшафтом». Кроме того, национальная кухня каждого народа находится в прямой зависимости от природно-климатических условий региона, времени года и календарного цикла хозяйственной деятельности. Так, традиционное питание коренных малочисленных народов Якутии – это исторически сложившееся сезонное использование продуктов охоты, оленеводства, рыболовства и собирательства, в силу чего исследователи отнесли северный тип питания к белково-липидному, его основными биохимическими компонентами являются белки, углеводы и жиры. Основу питания охотников-оленеводов горно-таежной зоны издревле составляла мясная пища. Особо ценилось мясо осенних мясных животных (северного оленя, лося, снежного барана, кабарги). Некоторое разнообразие вносила рыба, добываемая в определенные сезоны года. Рыбные блюда занимали важное место в пищевом рационе тех северных сообществ, которые кочевали или жили оседло близ крупных рек и морских побережий.

Основными правилами традиционного питания северных народов являются свежеедение, сыроедение и сезонность. Разнообразие, объем, качество потребляемых продуктов (мяса, рыбы, растительной пищи), а также способов их приготовления менялись в зависимости от времени года и цикла хозяйственной деятельности, т.е. в зависимости от сезона года менялись структура питания и пищевое поведение. Рассмотрим сезонную модель питания у кочевников-оленеводов горно-таежной зоны Якутии. Осенний период, с сентября по первую половину октября, – время, когда домашние олени, дикие животные, дичь и рыба достигают наибольшего нагула, мясо в это время жирное, а значит качественное. Поздняя осень (вторая половина октября – конец ноября) характеризуется тем, что в это время земля замерзает, становится удобным хранить мясные и

рыбные продукты. В рационе питания появляются мороженые рыбные блюда. Зимний сезон (декабрь–февраль) – самый удобный период для хранения продуктов охоты, замораживания и употребления свежего вареного мяса. Особо ценились мясо северного оленя, снежного барана и их субпродукты. Суровые климатические условия определили своеобразие химического состава оленины: высокое содержание жира (5–16%), повышенное содержание белков (17–21%), наличие минеральных солей и витаминов. Хотя оленина содержит достаточное количество калорий, тем не менее она относится к разряду диетических и достаточно хорошо усваиваемых [18. С. 26].

Коренные народы Севера прекрасно знали целительные свойства органов северного оленя. Бульон из свежей оленины считался целебным, придающим силу больному и поднимающим тонус. При малокровии и авитаминозе больного кормили свежей печенью, давали пить кровь только что забитого оленя. Сырую печень накладывали на гноящуюся рану, она вытягивала гной, предотвращая заражение крови [19. С. 267]. Оленье мясо, печень и кровь считались также профилактическими средствами от цинги. Печень употреблялась как в сыром, так и в замороженном виде.

С наступлением весны (апрель–май) начиналась охота на крупных животных, водоплавающих перелетных птиц. В это время меняется технология обработки мяса промысловых животных – дикого оленя, горного барана, а также рыбы. Для запасания впрок они подвергаются сушке и вялению / копчению, по такой же технологии запасалось мясо линных гусей. Женщины вытапливали жир, собранный из костей копытных животных, и собирали в специальную посуду. Этот жир употребляли с сушеным мясом, что считалось настоящим лакомством и незаменимой дорожной пищей кочевников.

Весна – период роста пантов оленей (*нимэт*) – незаменимого общеукрепляющего средства после долгого зимнего истощения организма, придающего тонус всему организму. Панты считались одним из лучших лекарственных средств, излечивающих заболевания пищеварительного тракта, нервной и кровеносной систем, половых органов, мужской потенции. Весной, когда рога немного отрастают, их срезают, опаливают на открытом огне, затем очищают опалины и нарезают на маленькие кусочки [18. С. 14; 19. С. 270]. В настоящее время в фармацевтике и косметологии панты пользуются большой популярностью: из них изготовляют панкреатин, эпсорин, а экстракты из пантов добавляют при изготовлении различных мазей, кремов и бальзамов.

Период, завершающий годовой цикл, – «летовка» (эв. *дюгадяк*). Мясо животных в этот период нежирное и жилистое. В жаркие дни оно быстро портилось, поэтому подвергалось сушке на дымокуре и ветру. Также сушили и оленью кровь, в последующем полученным порошком небольшими порциями заправляли бульон. Для хранения мяса использовали естественные ледники: крупные прохладные щели на скалах, в северных склонах гор, или же мясные продукты закапывали в яму на теневом склоне горы [19. С. 200].

Летний период – время рыболовства. В это время из крупных видов рыб впрок заготавливалась юкола, высушивали также рыбью икру и жир. Среднюю по величине рыбу жарили на рожне и сушили на солнце, мелкая шла на закваску путем закапывания в неглубокую яму (эв. *имаарив*). В отличие от эвенков и эвенов у всех локальных групп юкагиров наиболее распространенной пищей была рыба. Способы приготовления мясной и рыбной пищи были аналогичны тем, которые использовали эвенки, эвены, якуты, русские старожилы. Рыбу едят свежей, сушеной, вареной, жареной, печеной, квашеной, зимой – мороженой. Замороженную рыбу разрезают на тонкие ломтики. Русские жители Полярного региона называют ее строганиной [15. С. 590].

С последних чисел июля до конца сентября доили оленей, молоко в основном употреблялось для отбеливания чая, иногда его кипятили, сквашивали, взбивали. Во время обрядового календарного праздника в день летнего солнцестояния (Встреча Нового года) некоторые группы эвенов проводили обряд окропления земли оленьими молоком и кровью. Окроплять землю кровью жертвенного оленя означало животворящее жизненное начало природы, а свежее оленье молоко олицетворяло собой «белое / чистое», «благополучие» и «изобилие».

Летне-осенний период был временем употребления растительной пищи (ягод, орехов, съедобных кореньев), которая восполняла недостаток витаминов, возникающий при питании однообразной животной пищей. Больших запасов из продуктов собирательства не делали. Ягоды ели в свежем виде, иногда с вареным оленьим молоком. Весной употребляли лиственничную заболонь в вареном виде, добавляли в костный жир. Также в пищу шли дикий лук, сарана. Из листьев и цветков иван-чая, цветов, листьев и плодов шиповника готовили чайные напитки. Народам Севера были хорошо известны лечебные свойства растений. Так, напиток из листьев брусники употребляли в качестве жаропонижающего средства, при простудных заболеваниях использовался отвар из багульника болотного. В качестве средства от легочных и желудочных заболеваний применяли отвар из щитовника пахучего (як. *бөрө ото*, эв. *өйир*). Щитовник пахучий считается по-настоящему северным растением, встречается в скалистых местностях и на каменистых россыпях в Арктике и на севере таежной зоны. Для улучшения пищеварения применяли отвары шишек и ягод можжевельника. Зная дезинфицирующие и противомикробные свойства данного растения, а также багульника болотного, ими окуривали больного и жилище. Использование дикорастущих растений в пищу было необходимым, растения играли существенную роль в питании северян как источник биологически активных веществ.

Охотникам хорошо были известны лекарственные свойства животных жиров. Например, растопленный жир медведя и горного сурка (тарбагана) использовался при различных легочных заболеваниях и в качестве мази при повреждениях кожного покрова и ревматизме, в лекарственных целях также употреблялись настойки из желчи медведя, струи кабарги. Причем, по данным наших информантов, настойка, полученная из желчи медведя-самки, больше подходит для мужчин, а мед-

ведя-самца – для женщин [19. С. 119]. При кашле, бронхите и воспалении легких часто применяли нутряной жир, покрывающий желудок оленя. При сильном кашле высушенную сетку жира немного подогревали и прикладывали в область груди и спины [20].

Следует отметить, что повседневный рацион у всех коренных народов Севера отличался скромностью и мерой. Для кочевых охотников-оленеводов не была характерна заготовка запасов на длительный период, за исключением сушеного мяса и жира, поэтому охотились и рыбачили для питания в ближайшее время (рис. 3). Северяне считали, что здоровая и полезная пища должна быть прежде всего свежей.

Таким образом, своеобразный ритм северной природы сформировал цикличную / сезонную модель питания – от технологии консервации (заморозка, сушка, вяление, вытапливание) до технологии приготовления и употребления (сырое / вареное / сушеное).

Рис. 3. Сушка мяса на ветру – один из способов заготовки пищи. Фото Ю. Слепцова, 2014 г.

Композитная пищевая модель якутов-скотоводов (зима / лето)

Деление года на две половины у скотоводов-кочевников привело к разделению пищевого режима якутов на две составляющие: зимнюю и летнюю пищу. Особенностью «зимнего» питания было наличие строганины из замороженной жеребятины (конины), субпродуктов (печень, костный мозг) и рыбы (речной и озерной). Зимой нехватка углеводов компенсировалась сыроедением за счет поступления животного крахмала – гликогена. Кроме того, сырая пища способствовала насыщению меньшим количеством еды, усиливала перистальтику кишечника и применяется до сих пор как лечебное средство. Подшейный жир конины *хаһа*, печень и костный мозг помогают при лечении органов дыхания, истощении, анемии и усиливают мозговую деятельность. Считается, что лучшим средством восстановления организма после пневмонии является жирное мясо в вареном, полусыром и замороженном виде. По мнению самих якутов, употребление в большом количестве подшейного жира жеребятины (конины), который в замороженном виде полностью усваивается организмом, не усложняет работу желудочно-кишечного тракта и имеет лечебный эффект.

Употребление строганины из сырого замороженного мяса *кыспа* является одной из адаптивных стратегий к суровым условиям и использованием ресурсов холода.

Летняя пища была в основном молочной, кисломолочной и растительной, что способствовало нормальному восстановлению организма после холодной зимы, получению и пополнению запасов необходимых витаминов, минералов и солей. Одним из лечебных продуктов, занимавших большое место в пище якутов, является кумыс – легкоусвояемый и питательный молочный напиток, богатый источник витаминов А, В и С, усиливающий обмен веществ и повышающий секреторную деятельность желудочно-кишечного тракта. В настоящее время лечение кумысом получило широкое распространение и представляет в санаторно-курортном лечении туберкулеза отдельную отрасль терапии – кумысотерапию.

Из растительной пищи, состоящей из огромного набора сушеных трав и кореньев, добавляемых как в мясную и рыбную, так и в кисломолочную пищу, используемых при консервировании и квашении рыбных и кисломолочных продуктов, следует выделить сосновую и лиственничную заболонь. Количество и состав потребляемых растительных продуктов зависели

от географических особенностей территории и уровня жизни. У бедных слоев населения употребление сосновой заболони было шире распространено, чем у зажиточных семей, у которых, в свою очередь, продукты растительного происхождения в основном использовались как вкусовая добавка к основной пище. Отметим, что молочная и растительная пища при обильном потреблении позволяет возместить недостаток таких продуктов, как зерно, мясо, овощи и фрукты, и не только обладает лечебно-диетическими свойствами, но и предохраняет от многих болезней.

Стебли, листья и коренья заготавливали как в сушеном, так и квашеном виде. Чтобы сохранить впрок и повысить их питательные и вкусовые качества, стебли и листья квасили в небольших ямах, обложенных берестой, или в берестяных чанах *холлогос*, зарытых в землю.

Летом начинали и заготовку – квашение *тар'*а из кисломолочного продукта. *Тар* представлял собой *суорат* из снятого молока, заготовленного летом для зимних запасов. Запасали *тар* в больших берестяных бочках – холлогосах, вместимостью 160–240 л, хранившихся в особом погребе. По этнографическим материалам, собранным у вилюйских якутов, сыворотку, выступающую на поверхности *тар*'а, в течение лета несколько раз размешивали путем взбалтывания кумысной мутовкой (*бюлююр*). Туда добавляли разные коренья, сосновую или лиственничную заболонь, ягоды, даже кости карасей и мелких зверей и вареные гольяны [16. С. 65]. В огромном количестве употребляли рыбу, занимались заготовкой ее на зиму: солили, сушили, коптили и консервировали. Наиболее распространенным способом сохранения заготавливаемой на зиму мелкой рыбы была природная форма консервирования *сыма* (рис. 4).

Рис.4. Сыма – глыба консервированной и замороженной рыбы. Из фотофонда ИГИиПМНС СО РАН

Приготовление сыма было распространено повсеместно, где занимались добычей озерной рыбы – карася и гольяна. При соблюдении всех правил консервирования она не имела дурного запаха, также не изменялись ее консистенция и цвет [11. С. 70]. Криогенные ресурсы здесь играли огромную роль, так как способствовали сохранению полезных веществ (природная морозильная камера).

Особое значение в рационе питания народа саха занимала и зерновая культура, перенятая у русских крестьян-пашенных местным населением. Как отметил В. Серошевский, «якуты стали захватывать производство хлеба в свои руки» [21. С. 190]. Однако с выращиванием зерновых культур предки саха были знакомы и на своей южной прародине. Якутское слово «*бурдук*» 'мука' происходит от древнетюркского слова «*бюртюк*» 'зерно, мука, хлеб'; *сэлиэй* 'мучная похлебка' в таком же значении имеется в бурятском языке *шуло*, *шулу*, монгольском – *силун*, маньчжурском – *силэ* [22. Стб. 2157]. Якуты знали известные другим родственным им народам национальные блюда из зерновой муки. К их числу можно отнести густую кашу из растопленного масла, сметаны, ячменной или пшеничной муки *саламаат*, жидкую кашу из поджаренной в масле ржаной муки *судураан*, кашу из пшеничной муки *бутугас* и пресную лепешку [11. С. 89].

Следует отметить, что, несмотря на короткий вегетационный период и вечную мерзлоту, народ саха в течение нескольких столетий создал уникальную зерновую культуру, аналогов которой нет в мире. Жаркое летнее солнце, подпочвенная вода, образованная в результате оттаивания многолетней мерзлоты, атмосферные осадки – все это создает благоприятные условия для развития земледелия. Мучная пища в дальнейшем прочно вошла в систему традиционного питания всех народов Якутии и активно стала использоваться как ритуальная пища (саламаат, оладьи, лепешки).

Итак, традиционная система питания имела разнообразные локальные особенности, была вписана в природный календарь и зависела от сезона хозяйственного года.

Этнопища как культурный феномен: знаковые и символические функции

Адаптивные стратегии, связанные с освоением холодных земель, позволили народам Якутии выработать символический код пищевой культуры, базирующийся на представлении о том, что пища – не просто физиологический процесс, она несет глубокие культурные основания. В якутской культуре именно еда становится метафорой божественного послания, номинируется как *айыы аһа* ‘пища богов’ и имеет свою душу – сюркут, наличие которой угадывалось через вкусовые качества. Так, вкусная еда *амтаннаах ас* была наделена положительной семантикой, энергетической ценностью и была направлена на поддержание жизни и крепкого здоровья в человеке. Если же пища «теряла» свою душу, то она теряла и свое естественное предназначение насыщения и становилось вместилищем негативной информации. До сих пор бытует представление о том, что если приготовленная еда теряет свой вкус или часто пригорает, то это предвещает или тяжелую болезнь, или смерть [23. С. 14].

Процесс приготовления, заготовки и принятия еды происходил по строго определенной схеме: созидание – принятие – обогащение.

Белая молочная пища была связана с созидательной деятельностью божеств айыы и ассоциировалась с божественной пищей *ильгэ* – живой субстанцией и эквивалентом жизни. Ритуальный праздник Ысыах, названный также «праздником молочного изобилия», актуализировал миф первотворения: на празднике Ысыах божества айыы отправляли новую кут-душу, заключенную в *ильгэ* (*арагас ильгэ* ‘желтое ильгэ’ – масло; *юрюнг ильгэ* ‘белое ильгэ’ – кумыс). В этой связи приготовление кумысной закваски и кумыса происходило по обрядовому сценарию деторождения: закваска олицетворяла зародыш человеческой жизни, кожаный турсук, где созревал кумыс, – материнскую утробу, периодическое взбалтывание кумыса – акт воспроизводства, а ритуал кумысопития – «рождение» кумыса и наделение живительной энергией устроителей и гостей праздника Ысыах. Кумыс готовили в специальном темном помещении, куда запрещалось входить посторонним людям, громко разговаривать и ссориться, в противном случае брожение кумыса прекращалось, а это означало «смерть закваски» и влекло за собой огромное несчастье. Зимние превращения кисломолочных продуктов (*хайах* и *тар*), при которых жидкая / мягкая субстанция превращалась в твердое вещество (замороженное), в символическом плане означали зарождение Земли. Различные этапы приготовления и заготовки *хайах* и *тар*, начиная от рождения (взбалтывание кумысной мутовкой), хранения в бочках, формовки из снега больших продолговатых ящиков и заканчивая замораживанием и превращением в большие мерзлые глыбы, в культурном контексте можно рассмотреть как мифологическую ситуацию «обыгрывания» акта творения Земли [24. С. 208]. Таким образом, через пищевой код происходит актуализация темы Холода не только как негативной силы, но и как участника со-творения мира и перехода Хаоса в Гармонию (зима / весенне-летний период).

С жирной пищей связывалось представление о богатстве и изобилии во всем Традиционное понятие жизни в достатке *байылыат олох* в первую очередь определялось через обильный пищевой комплекс: «…вместо денег пересчитывает толстый жир кобылий, разделяет сало по позвонкам, кумысом себе горло поправляет, коленчатыми ноздреватыми костями зубы себе заколачивает» [25. С. 300].

Пища, обладая многими свойствами, наделялась разными культурными смыслами в меняющихся жизненных ситуациях. Заданный сценарий «изобильной» жизни должен был в первую очередь поддерживаться соблюдением этикетного поведения. У якутов-скотоводов нельзя было кидать на землю еду, проливать белую пищу на землю, говорить плохо в отношении еды. После забоя скота и удачной охоты надо было угощать соседей, поддерживать едой бедных людей, не отказывать в еде и крове нищим, так как «в целом ряде ситуаций они [нищие] осмыслялись как пришельцы из иного мира», а потому могли и «унести» с собою счастье и богатство [26. С. 129].

По представлениям коренных народов Севера, окружающий мир имел жизненные циклы по подобию человека: рождение, рост, расцвет, увядание и смерть. Потому в самые переломные моменты смены времен года устраивались специальные обряды, проводились ритуалы, сопровождаемые всеобщей обрядовой трапезой. Ритуал совместной трапезы означал объединение людей в единое сообщество.

В обрядах жизненного цикла пища занимала важное место и наделялась участниками особой смысловой нагрузкой. Процесс принятия повседневной и праздничной пищи для коренных народов Севера является особым ритуалом, в котором кроется духовная связь с природой, высшими божествами. В пище были заложены само понятие жизни и ее символическое воплощение.

В связи с ролью трапез большой интерес вызывает возникновение собственной чайной традиции у народов Якутии. Употребление чая проникло в якутские улусы только на рубеже XIX–XX вв., и вскоре чай стал единственным повседневным напитком как летом, так и зимой. По свидетельству В.Л. Серошевского, средняя якутская семья потребляла в год 8–10 кирпичей чая, а по данным А.Ф. Миддендорфа, одна семья выпивала в год от 8 до 12 кг чайной плитки [11. С. 18]. Традиция чаепития прочно вошла в систему питания народов Якутии, так как была основана на собственном опыте употребления суррогатов чая: *кучу от* (кипрей узколистный), березовой чаги, различных настоек из коры деревьев и растений (листья шиповника, малины, земляники, черной смородины, ромашки полевой и т.д.). Чай с молоком – особенность якутского чаепития. Одной из этнокультурных функций коллективного чаепития на Севере, транслирующего семей-

ные ценности и традиции гостеприимства, является символическая коммуникация с Природой, родовым ландшафтом, семейными духами-покровителями и божествами.

Заключение

Следует подчеркнуть, что коренные народы Якутии использовали несколько стратегий природопользования и различные локальные / местные варианты с доминантными или переходными моделями жизнеобеспечения в соответствии с природно-климатическими условиями проживания. Картографирование питания у коренных народов Якутии обнаружило: у народа саха преобладание мясной и молочной пищи, круглогодичное озерное и речное рыболовство, растительная пища; у коренных малочисленных народов Севера преобладание мясной пищи, употребление рыбы в определенные сезоны года и растительная пища. Коренные народы Якутии обладали уникальными знаниями о криогенных ресурсах, структуре пищевого режима Севера и Арктики, а также технологическими навыками хранения, обработки и приготовления продуктов питания с сохранением всех питательных и витаминных свойств. Тем самым пищевая культура коренных народов Якутии предстает одним из адаптационных механизмов к суровыми природно-климатическим условиям территории проживания.

Народы Якутии проявляли особое уважение к пище как самому насущному продукту и воспринимали ее как дар природы. Этноэкологический опыт Севера отражает многообразие практических и символических функций еды. В мировоззрении северных народов человек и природа составляют единое целое. Круговая модель питания народов Севера была вписана в природный мир холодной земли, а прием пищи был не только физиологическим процессом, но и выступал одним из важных символических кодов культуры.

Список источников

1. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. М. : Наука, 1981. 256 с.
2. Арутюнов С.А., Воронина Т.А. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. 293 с.
3. Petrini C. Slow Food: the Case for Taste. New York : Columbia University Press, 2003. 155 p.
4. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб. : Александрия, 2009. 289 с.
5. The Cambridge World History of Food / eds. K.F. Kiple, K.C. Ornelas. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 2153 p.
6. Бадмаев А.А. Будничное питание бурят в конце XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1. С. 101–109.
7. Бгажноков Б.Х. Культ пищи и пищевой анимативм // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 103–112.
8. Мельников В.П., Геннадиник В.Б. Криософия – система представлений о холодном мире // Криосфера Земли. 2011. Т. XV, № 4. С. 3–8.
9. Romanova E., Dobjanskaya O. “Les gens qui s’endorment pour l’hiver”. Étude du chronotope mythopoétique: vers une anthropologie du froid // Géocultures. Méthodologies russes sur l’Arctique / D. Chartier, D. Zamyatin, E. Romanova, Olga Lavrenova. Montréal : Imaginaire Nord, 2020. P. 38–69.
10. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные общности // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
11. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия: (опыт историко-этнографической монографии). Якутск : Бичик, 2005. 275 с.
12. Серебренников И. Якуты по данным переписи 1897 года // Сибирские вопросы. 1908. № 19-20. С. 70–76.
13. Львов Л.А. Образ жизни и долголетие в Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1984. 32 с.
14. Винокурова О., Горохова З., Обутова С., Татаринова О. Портрет долгожителя Якутии // Здравоохранение. 2017. № 6. С. 71–73.
15. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск : Наука, 2005. 666 с.
16. Николаев-Сомоготто С.И. Народ саха. Якутск : Якутский край, 2009. 300 с.
17. «Я знаю три слова, с сознанием этим я вышел из дома»: ученые выявили три гена, отвечающие за адаптацию к холоду коренных жителей Севера // Информационное агентство Мурманской области. 2013. 15 февр. URL: https://www.nord-news.ru/news/2013/02/15/?newsid=44175
18. Роббек М.Е. Традиционная пища эвенов. Новосибирск : Наука, 2007. 164 с.
19. Владимиров Л.Н., Решетников И.С., Роббек В.А. Научные аспекты возрождения северного оленеводства. Якутск, 2005. 335 с.
20. Полевые материалы Алексеевой Е.К., собранные в Кобяйском районе РС (Якутия); зап. от 2019 г.
21. Серошевский В.А. Якуты: Опыт этнографического исследования. М. : РОССПЭН, 1993. 736 с.
22. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. Стб. 1281–2508.
23. Полевые материалы Романовой Е.Н. и Даниловой Н.К., собранные в Вилюйской группе районов РС (Якутия); зап. от 2018 г.
24. Романова Е.Н. Пища как культурный феномен // Якуты. Саха. М. : Наука, 2012. С. 208–212.
25. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, 1969. 439 с.
26. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета : этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 165 с.

References

1. Arutyunov, S.A. (ed.) (1981) *Etnografiya pitaniya narodov stran zarubezhnoy Azii. Opyt sravnitelnoy tipologii* [Ethnography of nutrition in foreign Asia. A comparative typology]. Moscow: Nauka.
2. Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (2001) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional food as an expression of ethnic identity]. Moscow: Nauka.
3. Petrini. C. (2003) *Slow Food: the Case for Taste.* New York: Columbia University Press.
4. Montanari, M. (2009) *Golod i izobilie. Istoriya pitaniya v Evrope* [Hunger and Abundance. The History of Nutrition in Europe]. St. Petersburg: Aleksandriya.
5. Kiple, K.F. & Ornelas, K.C. (eds) (2000) *The Cambridge World History of Food*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Badmaev, A.A. (2009) Budnichnoe pitanie buryat v kontse XIX – nachale XX veka [Everyday food of the Buryats in the late 19th – early 20th century]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1. pp. 101–109.
7. Bgazhnokov, B.Kh. (2001) Kul't pishchi i pishchevoy animatizm [The food cult and food animatism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 103–112.
8. Melnikov, V.P. & Gennadinik, V.B. (2011) Kriosofiya – sistema predstavleniy o kholodnom mire [Cryosophy is a system of ideas about a cold world]. *Kriosfera Zemli – Cryosphere of the Earth*. 14(4). pp. 3–8.
9. Romanova, E. & Dobjanskaya, O. (2020) “Les gens qui s’endorment pour l’hiver”. Étude du chronotope mythopoétique: vers une anthropologie du froid. In: Chartier, D., Zamyatin, D., Romanova, E. & Lavrenova, O. *Géocultures. Méthodologies russes sur l’Arctique*. Montréal: Imaginaire Nord. pp. 38–69.

10. Levin, M.G. & Cheboksarov, N.N. (1955) Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i istoriko-kul'turnye obshchnosti [Economic and cultural types and historical and cultural communities]. *Sovetskaya etnografiya.* 4. pp. 3–17.
11. Savvin, A.A. (2005) *Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya: (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii)* [The Yakut food before the development of agriculture: (A historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk: Bichik.
12. Serebrennikov, I. (1908) Yakuty po dannym perepisi 1897 goda [Yakuts according to the census of 1897]. *Sibirskie voprosy.* 19–20. pp. 70–76.
13. Lvov, L.A. (1984) *Obraz zhizni i dolgoletie v Yakutii* [Lifestyle and longevity in Yakutia]. Yakutsk: KN. Izd-vo.
14. Vinokurova, O., Gorokhova, Z., Obutova, S. & Tatarinova, O. (2017) Portret dolgozhitelya Yakutii [Portrait of a long-lived resident of Yakutia]. *Zdravoohranenie*. 6. pp. 71–73.
15. Iokhelson, V.I. (2005) *Yukagiry i yukagirizovannye tungusy* [Yukagirs and Yukagirized Tunguses]. Novosibirsk: Nauka.
16. Nikolaev-Somogotto, S.I. (2009) *Narod sakha* [The Sakha people]. Yakutsk: Yakutskiy kray.
17. Anon. (2013) *"Ya znayu tri slova, s soznaniem etim ya vyshel iz doma": uchenye vyyavili tri gena, otvechayushchie za adaptatsiyu k kholodu korennykh zhiteley Severa* ["I know three words, with this consciousness I left the house": scientists have identified three genes responsible for adaptation to the cold of the indigenous inhabitants of the North]. Information Agency of Murmansk Region. 15th February. [Online] Available from: https://www.nord-news.ru/news/2013/02/15/?newsid=44175
18. Robbek, M.E. (2007) *Traditsionnaya pishcha evenov* [Traditional food of the Evens]. Novosibirsk: Nauka.
19. Vladimirov, L.N., Reshetnikov, I.S. & Robbek, V.A. (2005) *Nauchnye aspekty vozrozhdeniya severnogo olenevodstva* [Scientific aspects of the revival of reindeer husbandry]. Yakutsk: [s.n.].
20. Alekseeva, E.K. (2019) *Field materials, collected in the Kobyaysky district of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Dated of 2019.
21. Seroshevsky, V.A. (1993) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: an ethnographic research]. Moscow: ROSSPEN.
22. Pekarsky, E.K. (1959) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. 2. Art. 1281–2508. Moscow; Leningrad: USSR AS.
23. Romanova, E.N. & Danilova, N.K. (2018) *Field materials collected in the Vilyui district of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Dated of 2018.
24. Romanova, E.N. (2012) Pishcha kak kul'turnyy fenomen [Food as a cultural phenomenon]. In: *Yakuty. Sakha* [Yakuts. Sakha.]. Moscow: Nauka. pp. 208–212.
25. Khudyakov, I.A. (1969) *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [A brief description of the Verkhoyansk district]. Leningrad: Nauka.
26. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa: etnograficheskie ocherki* [At the origins of etiquette: Ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.

***Сведения об авторах*:**
Романова Екатерина Назаровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН (Якутск, Россия); главный научный сотрудник Международной научно-исследовательской Лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: e_romanova@mail.ru
Данилова Наталия Ксенофонтовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: dan_nataliksen@mail.ru
Алексеева Евдокия Кимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: aeks07@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Romanova Ekaterina N. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Indigenous Studies of the North of the Yakut Scientific Center SB RAS (Yakutsk, Russian Federation); Chief Researcher at the International Research Laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic» of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: e_romanova@mail.ru
Danilova Natalia K. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Indigenous Studies of the North of the Yakut Scientific Center SB RAS (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dan_nataliksen@mail.ru
Alekseeva Evdokia K. – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Indigenous Studies of the North of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: aeks07@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.05.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 01.05.2021; accepted for publication 01.02.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Научная статья
УДК 93(591)
doi: 10.17223/19988613/87/21

Зарубежные стажировки российских зоологов. По материалам эго-документов А.Д. Некрасова

Роман Алексеевич Фандо

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия, fando@mail.ru

Аннотация. Описываются стажировки известного отечественного зоолога А.Д. Некрасова на зарубежных морских биологических станциях в Неаполе, Сен-Ва-ла-Уге, Вильфранш-сюр-Мерр. Реконструкция повседневной жизни ученых, занимавшихся изучением морской фауны, проведена на материале воспоминаний и дневников Некрасова, которые хранятся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Московского государственного университета. Стажировки на зарубежных морских станциях стали неотъемлемой чертой отечественных зоологов конца XIX – начала XX в. и послужили толчком для создания подобных учреждений в России.
Ключевые слова: история зоологии, А.Д. Некрасов, эго-документы, история повседневности, научные стажировки, морские биологические станции

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00564).

Для цитирования: Фандо Р.А. Зарубежные стажировки российских зоологов. По материалам эго-документов А.Д. Некрасова // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 176–183. doi: 10.17223/19988613/87/21

Original article

Foreign internships of Russian zoologists. Based on the materials of A.D. Nekrasov's ego-documents

Roman A. Fando

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, fando@mail.ru

Abstract. The article presents some aspects of the biography of the famous zoologist, science organizer and one of the first Soviet historians of biology A.D. Nekrasov. The aim of the study was to reconstruct the daily life of scientists at marine biological stations opened in Europe. To realize this goal, it was necessary to study a large array of documentary heritage deposited in the A.D. Nekrasov's fund (f. 48) of the Department of Manuscripts and Rare Books of the Moscow State University Scientific Library. The considered ego-documents of the scientist are introduced into the scientific turnover for the first time and give an idea about the organization of research at marine biological stations and international scientific communications. Nekrasov began his scientific activity at the Moscow University under the guidance of S.A. Zernov, N.Y. Zograf and N.V. Bogoyavlensky. The scientist conducted his hydrobiological research at biological stations in Naples, Saint-Va-la-Hague, Villefranche-Sur-Mer, and later he himself was the initiator of the organization of the biological station of Nizhny Novgorod University on the Pustynskie Lakes. Nekrasov's works were devoted to anatomy, morphology and embryology of animals, hydrobiology, ecology. At the biological stations he got acquainted with outstanding foreign scientists - S. Lo Bianco, E. Perrier, R. Woltereck, G. Kupelwieser. Introduction with the experimental work of European biologists attracted a large number of Russian researchers. At the stations at different times Nekrasov met his countryman - N.K. Koltsov, K.E. Lindeman, V.T. Sheviakov, I.P. Zabusov, M.M. Davydov, P.Y. Garyaev, N.A. Kasyanov. They adopted completely new forms of organization of biological research, experimental methods, studied species diversity of marine fauna, got acquainted with new discoveries of European science. In addition to research and educational component, sea stations pursued cultural goals: artists came here, musical evenings were

© Р.А. Фандо, 2024

arranged, a library worked, excursions to nearby cities were organized. Internships at foreign marine stations became an integral feature of Russian zoologists in the late 19th - early 20th centuries and served as an impetus for the creation of similar institutions in Russia.

Keywords: history of Zoology, A.D. Nekrasov, ego-documents, history of everyday life, scientific internships, marine biological station

Acknowledgments: This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 22-18-00564).

For citation: Fando, R.A. (2024) Foreign internships of Russian zoologists. Based on the materials of A.D. Nekrasov's ego-documents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 176–183. doi: 10.17223/19988613/87/21

Истории деятельности российских морских биологических станций посвящено достаточно много работ [1–5], в меньшей степени изучены стажировки отечественных зоологов на зарубежных станциях [6–7]. Создание в XIX в. научных лабораторий на побережьях было вызвано возрастающей потребностью биологов различных специальностей изучать разнообразие, строение, размножение и развитие морской фауны. Причем инициатива строительства морских станций и поиска необходимых для этого средств исходила от самих ученых, а не от государственных чиновников [8]. В большей степени интерес к морским станциям, как и к другим создаваемым исследовательским и просветительским учреждениям, проявляло руководство Императорской академии наук [9]. Со временем отечественные и зарубежные станции, расположенные в различных морских акваториях, стали центрами притяжения многих естествоиспытателей. Здесь молодые исследователи знакомились с техникой анатомирования и фиксации биологического материала, приемами экспериментального изучения организмов, слушали лекции крупнейших ученых, приобретали специальную литературу, заводили полезные научные контакты. Реконструировать повседневную жизнь научного сообщества станций достаточно непросто в связи с отсутствием необходимых документальных источников, в этом деле могут помочь сохранившиеся эго-документы ученых (мемуары, дневники, переписка). Достаточно информативными в этом плане оказались воспоминания выдающегося отечественного зоолога Алексея Дмитриевича Некрасова, где он описывает свою работу за границей. Эти эго-документы были обнаружены нами в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова в Фонде А.Д. Некрасова (ф. 48). Фонд Некрасова разнообразен по видовому составу документов, содержит большое число материалов личного происхождения и практически не изучен исследователями. Все материалы, которые мы используем в статье, впервые вводятся в научный оборот. Попробуем реконструировать основные вехи его биографии, уделив особое внимание его зарубежным стажировкам на морских биологических станциях.

Родился А.Д. Некрасов (12) 24 марта 1874 г. в семье священника. Несмотря на то, что по линии отца и по линии матери практически все мужчины принадлежали к духовному сословию, родители решили дать сыну светское образование. В 1884 г. он поступил в подготовительный класс Второй Московской четырехклассной гимназии, по окончании которой пошел учиться в Шестую Московскую гимназию в Толмачевском переулке.

К выбору специальности Некрасов пришел не сразу. Его детские интересы лежали в самых разных областях. Он увлекался естествознанием, медициной, историей, философией, изобразительным искусством, поэзией. На его профессиональный выбор повлиял приезд к Некрасовым их дальнего родственника, студента Петербургского университета Александра Виноградского, который, узнав о терзаниях юноши, посоветовал поступать только на естественное отделение физико-математического факультета университета [10]. Некрасов прислушался к совету и в 1894 г. стал студентом Московского университета. Его увлекали гидробиология и морфология животных, поэтому с первого курса он начал заниматься на гидробиологической станции оз. Глубокое, первой пресноводной станции в России, основанной Н.Ю. Зографом в 1891 г. Немного раньше, в 1890 г., была создана пресноводная станция в Германии на Пленском озере [11], а первая американская пресноводная станция на р. Иллинойс открылась в 1894 г. [12]. Работа на станции оз. Глубокое оказала решающее влияние на всю дальнейшую жизнь Некрасова, так как он стал энтузиастом именно такой организации летней практики студентов-естественников и в дальнейшем организовал биостанцию на Пустынских озерах для обучения студентов Горьковского университета. Первая студенческая работа Некрасова также определила его интерес к проблеме развития и размножения животных-гидробионтов.

В 1899 г. университетский преподаватель Николай Васильевич Богоявленский предложил Некрасову выехать за границу, на юг Франции, через Грецию и Италию. Целью поездки была стажировка у известного зоолога Феликса Жозефа Анри де Лаказа-Дютье на созданной им станции в Баниульсе на берегу Средиземного моря, почти на границе с Испанией. Некрасов отнесся к этому предложению с большим энтузиазмом, так как у него появилась возможность одновременно приобрести ценный научный опыт и поправить за границей свое здоровье. Кроме того, это была первая в его жизни зарубежная поездка [13]. По дороге во Францию ученые посетили Неаполитанскую биологическую станцию в Италии. Там Некрасов и Богоявленский встретили известного гидробиолога Карла Эдуардовича Линдемана, уроженца Нижнего Новгорода, обучавшегося в Казанском, Московском и Дерптском университетах [14]. Вместе с супругой он находился в двухгодичной командировке на Неаполитанской стан-

ции. Сам Линдеман, как вспоминал Некрасов, был добродушен, но круг его идей был несколько ограничен. Он хвастался «интеллектуальностью» предков, среди которых семь поколений занимались умственным трудом. Про Линдемана Некрасов писал: «Подобно многим интеллигентам того времени он любил декламировать какое-то весьма либеральное “красное” стихотворение, направленное против царя, что не мешало ему говорить, что он стоит за “большие латифундии” и принадлежит к “партии старой императрицы” (Марии Федоровны, жены Александра III), которой приписывалась некоторая оппозиция молодому тогда императору Николаю II и Александре Федоровне, оппозиция, конечно, консервативная» [15. Л. 52]. Линдеман стал отговаривать Некрасова и Богоявленского ехать во Францию к Лаказу-Дютье, предложив взамен этой поездки интересную стажировку на Неаполитанской станции, где для научной работы были созданы все необходимые условия. В итоге ученые остались в Италии.

Некрасов и Богоявленский получили рабочие места в лаборатории, куда с самого раннего утра по их заказам рыбаки доставляли различных морских животных, а служители приносили корреспонденцию из России. Некрасов, придя в лабораторию, прочитывал письма и журналы, а затем отсаживал животных по аквариумам. В библиотеке станции находилось множество книг и зоологических журналов. Каждому работающему там выдавалось с десяток карточных корешков. После того как исследователь находил нужную книгу, он ее забирал и оставлял на полке карточный корешок со своей фамилией и номером книги. Ученые могли самостоятельно уносить книги в свою рабочую комнату, не ставя в известность библиотекаря. Библиотекарь записывал только книги, выдаваемые читателям на дом.

Некрасов познакомился на станции с Сальватором Ло-Бианко, работа которого по изготовлению влажных препаратов морских животных была переведена на русский язык и пользовалась большой популярностью у зоологов [16]. «Это был толстый и высокий смуглый итальянец лет сорока, в жилах которого, может быть, текло несколько и арабской или… негритянской крови. По крайней мере он отличался крупными, как у негра, губами и широким добродушном лицом. Ло-Бианко был когда-то слугой-мальчиком Антона Дорна, звавшего его просто Сальваторе. Талантливый итальянец быстро ознакомился с местной морской фауной, добывая для Дорна животных, и потом занялся наукой, выучился иностранным языкам и в конце концов сдал экзамены на доктора зоологии. Здесь, на Неаполитанской станции, его перу принадлежали статьи по фауне Неаполитанского залива и по консервированию морских животных. В его ведении находились доставка материала для работающих на станции, собирание материала, консервирование и рассылка его по требованиям учреждений» [15. Л. 53].

На станции работали и русские ученые. Там Некрасов познакомился петербургским зоологом Владимиром Тимофеевичем Шевяковым и казанским зоологом Ипполитом Петровичем Забусовым. Он так описывал своих коллег. «Шевяков был элегантно одет. Его прямая изящная соломенная шляпа была наверху с отверстиями для воздуха. <…> Жена Шевякова, Лидия Александровна, дочь знаменитого эмбриолога Александра Онуфриевича Ковалевского, была некрасива, худощава и довольно, как мне показалось тогда, важна собою. <…> Шевяковы тогда были с детьми и заказали, я помню, местному скульптору бюст одной из девочек. Из разговоров Шевякова я запомнил только выраженное им убеждение, что всякий специалист-зоолог должен знать все по зоологии – кажется, это была традиция петербургской кафедры (Шимкевич). Кроме того, я помню, что он работал над радиоляриями и, будучи сам морфологом, спрашивал совета и чуть ли не учился у Линдемана химическому анализу скелета этих животных» [15. Л. 80]. «Забусов, большой специалист по турбелляриям, был полной противоположностью Шевякова, имел вид семинариста и прехладнокровно разговаривал по-немецки и по-французски с самым российским выговором. Я всегда завидовал лицам, не смущающимся ни выговора, ни своего незнания языка, и смело разговаривающим на каком-нибудь иностранном языке с ничтожным запасом слов! Я никогда не мог преодолеть своего смущения. Правда, и ресурсы мои были ничтожны!», – вспоминал Некрасов [15. Л. 80]. Вскоре у Некрасова стали заканчиваться деньги, а просить их у отца он не решился, так как еще со студенческой скамьи привык самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Поэтому пришлось закончить научную стажировку и вернуться обратно в Москву.

Сразу же после окончания университета, летом 1900 г., Некрасов отправился с Богоявленским в Сен-Ва-ла-Уг – коммуну на северо-западе Франции, расположенную в Нормандии. Там на острове Татиу находилась биологическая станция, которой руководил Эдмонд Перрье. Перрье был известен своими работами по зоологии беспозвоночных (кольчатые черви, моллюски). Для поездки необходимы были деньги, которых у Некрасова не было. Пришлось обращаться к отцу, он дал денег и благословил сына на поездку [17].

Некрасову и Богоявленскому выделили на станции специальную комнату, в углу которой был водопровод с двумя кранами, по одному подавалась морская, а по другому пресная вода. Станция в Сен-Ва-ла-Уге в значительной степени проигрывала Неаполитанской по организации рабочих мест ученых, оснащенности лабораторным оборудованием и богатству научной библиотеки. Ежедневный режим работы на биостанции Некрасов описал в своих воспоминаниях. «Рано утром по звуку рожка, призывающего часов в семь нас пить кофе, вскочив со своих постелей в довольно влажной атмосфере, так как нередко кран с морской водой оставался пущенным на ночь и в комнате чувствовалась сырость, мы шли в другое здание, в столовую, где утром занимающиеся собирались не все в одно время. Здесь, в Нормандии, пили или, вернее, хлебали ложками кофе с молоком и белым хлебом из полоскательных чашек. Затем отправлялись на сбор животных, если был отлив. Я нигде больше не видал такого отлива. В Татиу обнажается совершенно зона ламинарий, на Мурмане всегда остающаяся под водой. Мы разу-

вались, завертывали повыше брюки и надевали эспадрильи – туфли с веревочной подошвой. <…> Для сбора животных на станции применялись белые брезентовые ведра, очень удобные, которые я видел только здесь. Французы нередко сопровождали нас, давая объяснения и называя животных и растения. Курьезно было для нашего уха слышать знакомые латинские названия с французским произношением. *Trohus cenoreus* – название морской улитки, которое мы произносим «трохус ценориус», произносилось как «трошюс синера юс». Немецкая фамилия Гренахер произносилась Гренаше и так далее» [17. Л. 12–13].

Некрасов и Богоявленский ежедневно собирали после отлива различных беспозвоночных животных, приносили их в лабораторию, а затем помещали в склянки с формалином или спиртом, чтобы потом отправить их в Москву. Сбор материала занимал время до обеда. К обеду друзья выходили в длинную столовую, где был накрыт общий стол. Обед длился минимум два часа. Блюда были небольшие и подавались отдельно, всего за обед сменялось семь блюд. Подавались блюда крайне медленно. Обязательно во время трапезы пили вино или яблочный сидр. Застолье представляло собой место всеобщего разговора. После обеда жители станции, слегка опьянев и наевшись, отправлялись на прогулку по острову. Остров Татиу был небольшим, поэтому на прогулку уходило около получаса. После этого исследователи возвращались в свои лаборатории и занимались наукой. Среди ученых, работавших на станции, была мадемуазель Горон, русская еврейка из Бельгии, ученица Эдуарда ванн Бенедена, известного зоолога и цитолога, доказавшего видовое постоянство хромосом на примере аскарид. Англичанин Фовель сюда приезжал неоднократно для сбора полихет. Бельгиец Деваль занимался на станции гистологией сердца позвоночных животных. Обитали здесь и другие ученые, в основном из разных университетов Франции, Бельгии и Испании, причем состав исследователей постоянно обновлялся: приезжали новые стажеры или возвращались специалисты, собирающие материал для работы на протяжении нескольких лет. Вечером работа в лабораториях прекращалась, все собирались на ужин, а потом либо прогуливались, либо читали, либо писали свои научные труды [17]. После двухнедельной работы в Сен-Ва-ла-Уге Богоявленский и Некрасов собрали все свои вещи и отправились обратно в Москву, а банки с влажными препаратами отправили домой специальным контейнером.

После окончания Московского университета Некрасов был оставлен на кафедре зоологии для подготовки диссертации. Чтобы собрать необходимый материал, молодому исследователю потребовалось выехать в январе 1902 г. на Русскую зоологическую станцию в Вильфранш-сюр-Мер. Виллафранкская станция была основана зоологом Алексеем Алексеевичем Коротневым в основном на собственные средства. Первоначально на этом месте располагалась сардинская тюрьма, построенная в 1769 г. В 1857 г. здание тюрьмы было безвозмездно передано Морскому министерству Российской империи. В 1857–1878 гг. здесь размещалась угольная станция, служившая пунктом пополнения топлива для русских военных кораблей. Еще задолго до организации на этом месте Русской зоологической станции здесь проводились попытки морских биологических исследований. В 1852–1854 гг. здесь работал швейцарский натуралист Карл Фогт. Посещали эту часть средиземноморского побережья и русские ученые: А.П. Богданов, Ф.В. Овсянников, Н.П. Вагнер, М.С. Ганин, А.О. Ковалевский [7]. С 1884 г. Коротнев начал вести переговоры об устройстве на этом месте зоологической станции для русских ученых. Некрасов так описал этого выдающегося организатора науки: «Это был маленький сухонький человек с высоким выпуклым лбом и немного уродливо выступившей вперед нижней челюстью. Он умел устраивать дела. Когда царское семейство Александра III гостило на Французской Ривьере в Каннах и было в Ницце, Мария Федоровна – жена Александра III – пожелала с младшими детьми, Ольгой и Михаилом, посетить русскую зоологическую станцию. Коротнев сумел заинтересовать детей морской фауной: поднес коллекцию заспиртованных препаратов морских животных и испросил высочайшего разрешения сделать маленького тогда Михаила почетным попечителем станции. Это польстило, разрешение было получено, и станция, помимо своего бюджета, получала еще субсидию из личных средств Михаила» [17. Л. 16–17]. В том же 1884 г. здание будущей станции было передано Морским министерством Коротневу, кроме того, было получено необходимое финансирование как от государства, так и от частных пожертвований. Реально Русская зоологическая станция в Виллафранке начала работать в 1886 г. Коротнев кроме организационных вопросов по обустройству Виллафранкской станции занимался преподавательской работой в Киевском университете. Времени ему на все не хватало, поэтому управление станцией он передал Михаилу Михайловичу Давыдову. Коротнев приобрел себе виллу между Вильфранш-сюр-Мер и Ниццей, куда любил приезжать в перерывах между лекциями. В 1914 г. Коротнев, обеспокоенный дальнейшей судьбой станции, передал ее в дар Российскому правительству. Эта станция считалась одной из самых лучших морских биологических станций в Европе, поэтому возможность поработать там была большим подарком для исследователей.

3 февраля 1902 г. Некрасов добрался до станции, где его встретил М.М. Давыдов [18]. Он показал гостю библиотеку, комнату для монтажа коллекций, музей, затем выдал для работы эмбриологические пробирки, реактивы и лабораторную посуду. Некрасов поступил на полный пансион за 150 франков в месяц, причем им было оговорено, что завтракать он в столовой не будет, а будет забирать еду с собой в лабораторию, в семь часов вечера он уже возвращался на ужин. В таком режиме Некрасов прожил четыре месяца.

Давыдов был настоящим трудоголиком: на станции он работал ежедневно с восьми утра до четырех часов дня. В биологию он попал совершенно случайно. С детства он прекрасно играл на скрипке, поэтому, решив продолжить свое музыкальное образование, поехал учиться в Германию, славившуюся своей музыкальной школой. Там он случайно попал на лекцию Э. Геккеля,

ярого пропагандиста дарвинизма. Давыдов был потрясен пылом его восторженной речи и заинтересовался эволюционными вопросами, которые были чрезвычайно популярными в европейском научном мире конца XIX в. Музыку Давыдов практически забросил и играл на скрипке дома для удовольствия. Он поступил на естественное отделение философского факультета Мюнхенского университета. В университете Давыдов стал учеником, а потом и ассистентом немецкого анатома, эмбриолога и гистолога Карла Вильгельма Купфера. О Давыдове Некрасов писал: «Работал он технически великолепно и очень чисто: полная противоположность неряшливому Коротневу. Вместе с другим русским, также навсегда оставшемся за границей, Бёмом, о котором все работавшие в Мюнхене сохранили самые лучшие воспоминания, он тогда написал теоретическую и практическую гистологию, изданную по-немецки и по-русски (Бём и Давыдов), считавшуюся в мое время лучшей книгой по гистологии» [17. Л. 17].

На станции Некрасов встретил своего бывшего университетского товарища Владимира Петровича Гаряева, с которым он занимался гидробиологией на Глубоком озере. Его внешность Алексей Дмитриевич описал так: «Это – сибиряк с характерными русскими чертами лица, взглядом, немного снизу вверх, выпуклыми, иногда слегка косящими глазами, слабо растущими усами и бородой и начинающей лысеть головой» [17. Л. 15]. Он был сыном иркутского городского головы Петра Яковлевича Гаряева, но по стопам отца не пошел, так как увлекался естественными науками, любил проводить время на природе, был заядлым рыбаком. Из-за участия в студенческих беспорядках Гаряев был выслан на родину в Иркутск, перспектив продолжить работу в Москве уже не было, поэтому он и попросился к Коротневу ассистентом на Виллафранкскую станцию. Некрасов вспоминал, что «у Гаряева была маленькая некрасивая жена типа неврастенички-курсистки, не умеющей устроить ему самого примитивного уюта, и было двое мальчиков, в это время еще маленьких, которых мать не могла приучить к самой примитивной гигиене» [17. Л. 20]. Семейная жизнь Гаряева была тяжела и неустроена, он не выходил из долгов, при этом любил «угостить» товарищей вином или шампанским, не позволяя за себя платить. Еще со студенческих лет его сопровождала гитара, под которую он мог петь часами у костра в лесу или вдали от родины, на берегу Средиземного моря [17].

Гаряев обрадовался встрече своего товарища и охотно показал Некрасову помещения биостанции. Станция представляла собой продолговатое двухэтажное здание с башней. Внутри станции располагались рабочие кабинеты и аквариумы. В одной из больших комнат находилась библиотека с большим количеством специальной литературы и научных журналов. Кроме того, на станции имелись фотографическая лаборатория, монтировочная, склад, музей с коллекциями влажных препаратов.

Некрасов приехал в Вильфранш-сюр-Мер зимой, когда еще не начался сезон сбора материалов. На станции и в отеле было очень холодно, так как на южном побережье Франции не принято было строить печи для обогрева. Это не мешало работе – Некрасов с большим интересом занимался целый день в лаборатории, а вечером укутывался несколькими одеялами, чтобы согреться.

К марту 1902 г. на станцию стали прибывать новые исследователи. В столовой Некрасов встретил приват-доцента Николая Константиновича Кольцова, на защите диссертации которого он имел честь присутствовать. Лично они не были знакомы, поэтому Некрасов подсел к ученому, представился и рассказал о своих научных интересах. Кольцов показался юноше очень самодовольным и важным, щеголявшим прекрасным знанием латинских названий и терминов, обладавшим четко поставленной и грамотной речью.

После Кольцова приехал Владимир Дмитриевич Лепешкин. Он снял целую виллу с садом, так как привез с собой жену, четырех детей и прислугу. «Это был на редкость некрасивый лысый тонкий долихоцефал с довольно высоким несколько противным голосом в нос. Он принадлежал к типичному верхнему кругу московского купечества с состоянием, вероятно, до миллиона. Отец его был из простых, сам же он был уже образованным человеком, с известной силой воли вследствие, как я думаю, довольно сурового режима в детстве. <…> Он свободно говорил по-французски, по-немецки и по-английски. <…> По-видимому, Николай Юрьевич Зограф заразил его любовью к зоологии. Во всяком случае к этому своему увлечению он относился очень серьезно. Он выписывал себе лучшие микроскопы и другие инструменты и приборы, овладел великолепной микроскопической техникой и купил хорошую зоологическую библиотеку после смерти одного из английских зоологов. Тем не менее европейская оболочка у него была не толста, и, поскоблив ее, можно было скоро найти крепкого русского купца. Правда, он оставил коммерческие дела и жил, поместив выгодно капиталы на проценты, вероятно, не проживая и их» [17. Л. 86]. Вскоре после своего приезда Лепешкин пригласил Некрасова, Гаряева, Давыдова и Кольцова на ужин. Жена его, Анна Геннадиевна, была дочерью известного историка, специалиста по Малороссии XV–XVII вв. Геннадия Федоровича Карпова. Мать ее, Анна Тимофеевна Морозова, была представительницей богатейшего купеческого рода Морозовых (внучка Саввы Морозова). Во время ужина обсуждали последние события политической жизни России, которые отражались и на судьбе отечественной науки, и на судьбе Московского университета, и на судьбе отдельных его профессоров.

Формально Виллафранкская станция существовала в интересах российских ученых, тем не менее Коротнев приглашал туда представителей из разных европейских университетов. В 1902 г. на станции работал немецкий зоолог Рихард Вольтерек. Он был выпускником Фрайбургского университета, в 1898 г. получил степень доктора зоологии за работу по эмбриологии ракушковых ракообразных *Ostracoda*. В том же году он стал ассистентом известного исследователя морских глубин Карла Куна, совершил с ним 9-месячное путешествие на борту парохода «Вальдивия», собирая планктон для эмбриологических исследований. После

окончания путешествия в мае 1899 г. Вольтерек продолжал работать у Куна в Лейпцигском университете [19]. В Вильфранш-сюр-Мер Вольтерек привез особую захлопывающуюся сетку, которой можно было собирать глубинный планктон. Русские зоологи пользовались этой сеткой для своих научных целей.

Вместе с Вольтереком на станцию приехала компания молодых студентов-зоологов из Лейпцига. Одним из них был Ганс Купельвизер, позднее работавший в Америке у выдающегося биолога Жака Лёба. На станции его называли «корявым», так как лицо его было покрыто оспинами. Другого студента, по фамилии Шуриг, русские стали называть «придаточным», студента Цугмайера – «белобрысым». Они все поселились в одном отеле с Некрасовым, и он вечерами практиковался с ними в разговорном немецком языке. Иногда они вместе ужинали в отеле. На ужине, который начинался в семь часов вечера, блюда шли в таком порядке: суп, затем первое мясо (в очень небольшом количестве), салат, второе мясо (также в малом объеме), овощи, кусочек сыра, фрукты и орехи. На ужин выставлялось красное молодое вино. Во время ужина ученые беседовали на разные темы [17].

После ужина Некрасов поднимался к себе в номер, зажигал свечу, потом либо читал, либо что-то писал. Вот одно из его описаний: «Ночь, темно, но тепло. Окно открыто, и слышно из темноты, как сильно шумит прибойная волна. Значит, в открытом море сильное волнение. Свечка мягко горит. Я мечтаю. Вспоминаю родных, друзей, оставленных в России. Письмо, присланное мне Н.Ю. Зографом, меня волнует. Зограф пишет, что он хлопочет мне о получении частной стипендии. Он хочет, чтобы я специализировался по гидробиологии и “взял в свои руки” Глубокое озеро. Я же чувствовал себя очень мало подготовленным для этой роли. Если бы отец прибавил мне к этой стипендии рублей двадцать в месяц, можно было прожить год за границей и поучиться гидробиологии у Лаутерберга или еще у кого-нибудь. Напишу об этом Зографу и отцу. Я – один. Свеча слабо и мягко освещает небольшую комнату, кровать с высоким пологом. За окном темно и слышен мерный шум волн» [17. Л. 31–32].

Весной 1902 г. на станцию приехал профессор гистологии из Юрьевского университета Николай Карлович Чермак. «То был низенький худой человек с длинной бородой с проседью и изможденным иконописным лицом, что объяснялось отчасти очень высокой степенью развития у него туберкулезного процесса. Ему было лет сорок пять. Как-то быстро он у нас приобрел прозвище: “священный старец”. Интересно, что в Дерпте у него было другое, но совершенно аналогичное прозвище “Никола-угодник”» [17. Л. 36]. Чермак был прекрасным экспериментатором и предложил удобные для цитологических исследований приборы. Он заказывал у немецкого инженера К.Ф. Цейса различные оптические приборы, в том числе микроскоп, объективы которого были направлены вверх, и над ними помещался объект, с которым нужно было производить манипуляции. На этом микроскопе Некрасов рассматривал процесс оплодотворения яиц морских моллюсков.

Случалось, что на станцию приезжали не только люди науки, но и представители творческих профессий. Естественно, что попасть им туда было возможно только по протекции Коротнева. Так, например, в одном отеле с Некрасовым проживал режиссер оперных спектаклей Петр Иванович Мельников. Мельников был внуком бывшего крепостного крестьянина, ставшего преуспевающим купцом, и сыном знаменитого в свое время певца Мариинского театра. С детства Петр Иванович мечтал об оперной карьере и даже брал уроки пения у профессора Камилло Эмерарди. Затем стажировался в Париже, выступал на оперных подмостках, восхищая слушателей прекрасным тенором. Судьба сулила ему успех оперного певца, но в молодом возрасте он заболел, вследствие чего у него охрип голос. О карьере певца пришлось забыть. Некрасов очень любил разговаривать с Петром Ивановичем во время ужина. Мельников рассказывал об отдельных артистах, которых знал, и о художниках.

Бывал на станции Максим Максимович Ковалевский, директор Высшей школы общественных наук, открывшейся в Париже в 1901 г. [20]. Данная школа наряду с другими вольными учреждениями была принята в Министерство народного просвещения Франции. Благодаря усилиям Ковалевского в школе был создан комитет, в состав которого вошли министр народного просвещения Леон Буржуа, писатель Эмиль Золя, академик Бертело, профессора Краузе, Олар, Бюистин, Дельбе, Рибо. Учебное заведение снискало значительную популярность среди наших соотечественников, а лекции там читали ведущие российские ученые: И.И. Мечников, Н.И. Кареев, Ф.К. Волков, Е.Б. Аничков, И.И. Щукин [19]. Некрасов так вспоминал о Ковалевском: «Он был известный либеральный профессор, которому еще в гимназии директор за его вольнодумство предсказывал: ваше поведение доведет вас до выведения из заведения, что и случилось, но гораздо позднее, в университете. Но Максим Максимович мало этим смутился: человек очень богатый, он устроился, подобно Мечникову, в Париже, основав там русский свободный университет» [17. Л. 105]. За ужином Ковалевский был в центре внимания, он больше всех говорил и выдавал искрометные шутки. Он слыл представителем либеральных взглядов и много рассуждал о революционном движении в России. Говоря о демонстрации, которую устроили петербургские студенты по поводу избиения их товарищей нагайками, он заявил, что так революцию не готовят, любая стачка предполагает серьезную подготовительную работу [17].

По воскресеньям обитатели станции забрасывали науку и совершали более или менее отдаленные прогулки. Некрасов с друзьями любили посещать Монако, расположенное в 20 км от Ниццы. Были они, конечно, и в Монте-Карло, славившемся своими игорными заведениями.

Некрасову так понравилась биологическая станция в Виллафранке, что он снова поехал туда в 1903 г. Здесь уже находились известный ему Ганс Купельвизер, Петр Иванович Мельников, Евгения Дмитриевна Филатова (в девичестве Попова) – жена эмбриолога Дмитрия Петровича Филатова. Вечером за ужином

Некрасову представили зоолога Николая Александровича Касьянова, сына богатого сибирского купца, работавшего ранее у Бючли в Гейдельбергском университете. Е.Д. Филатова познакомила Некрасова со своей подругой Лидией Ивановной Иловайской (в девичестве Яковлевой). Между юношей и Лидой вспыхнули любовные чувства, а через год они сыграли свадьбу. Лидия Ивановна была дочерью Ивана Яковлевича Яковлева, просветителя и организатора народных чувашских школ, создателя чувашского алфавита и автора учебников чувашского и русского языков для чувашей, писателя и собирателя фольклора. Мать Лидии, Екатерина Алексеевна, была дочерью известного православного миссионера-монголоведа Алексея Александровича Бобровникова и простой бурятки, получившей образование в народной школе для инородцев. Екатерина Алексеевна внушала своей дочери Лидии, что ей нужно быть умной и образованной. Дочь оказалась послушной и проявляла огромное усердие в освоении наук. Она знала восемь иностранных языков, а могла общаться на двенадцати.

Вскоре Некрасову по просьбе М.М. Давыдова пришлось поехать в Монако. Давыдов узнал, что супруга В.П. Гаряева стала играть в рулетку и, конечно, проигрывала и без того небольшой заработок мужа. Существовало правило, согласно которому жители Ривьеры, служащие и их семьи не имели права посещать игорные заведения Монако. Поэтому Гаряева скрывала, что она – постоянная жительница на Ривьере, и записывалась в игорном доме как недавно прибывшая иностранка. Давыдов и Некрасов хотели помочь Гаряеву, которому и так жилось несладко, но дело было щекотливое. Гаряев был очень самолюбив и не допускал постороннего вмешательства в свои личные дела, поэтому друзья начали действовать тайно от него. Через знакомых зоологов они обратились к князю Монако Альберу I. Дело в том, что одиннадцатый князь Монако, правивший страной с 1889 по 1922 г. получавший от игорного бизнеса немалые доходы, был известным меценатом океанологических исследований и сам лично принимал участие в 28 морских экспедициях по Атлантическому океану и Средиземному морю. Альбер создал целый ряд приборов и методик для изучения обитателей морей, основал в Монако Институт океанографии с музеем и океанариумом. За научные заслуги в 1909 г. он был избран иностранным членом Парижской академии наук, а в 1910 г. – Петербургской академии наук. Альбер выполнил просьбу русских зоологов, и жену Гаряева перестали пускать в игорные залы Монако.

После стажировки на Виллафранкской станции Некрасов выехал домой, но по пути посетил лабораторию ихтиолога Бруно Гофера в Мюнхене. Целью данного визита было изучение опыта лечения различных заболеваний рыб. Этот вопрос очень интересовал Н.Ю. Зографа, который в 1878–1890 гг. был председателем отдела ихтиологии Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, затем стал председателем отдела беспозвоночных того же общества и председателем комиссии для исследования среднерусских вод в ихтиологическом отношении. После Мюнхена Некрасов отправились в Берлин, а оттуда на пригородном поезде в Фридрихсгаген, где на оз. Мюггельзе была основана зоологическая станция. Пробыв там всего один день, он быстро отправились обратно в Россию.

Общение с ведущими мировыми специалистами, которые работали на станции, сыграло огромную роль в становлении Некрасова как ученого, разбиравшегося во многих аспектах зоологической науки. Это был неоценимый опыт, который невозможно передать только вербальным способом. Важно было еще увидеть и понять приемы лабораторных исследований, проводимых учеными, находившимися в авангарде биологической науки того времени. Также он заряжался от энтузиазма, с которым работавшие на станции зоологи обсуждали научные проблемы или работали, не покладая рук, у себя в лаборатории. Созданные в XIX в. на побережье Средиземного моря морские станции способствовали развитию научных контактов между русскими биологами и их западноевропейскими коллегами. Не будь этих станций, не было бы многих классических исследований И.И. Мечникова, С.И. Метальникова, М.М. Давыдова, Н.К. Кольцова, Н.В. Богоявленского, А.Д. Некрасова. Зарубежные научные стажировки отечественных ученых стали толчком для организации в России новых гидробиологических станций, причем не только морских, но и пресноводных. В обязательную программу подготовки студентов-биологов вошли летние практики на университетских станциях, как правило, расположенных на побережьях морей, озер и рек. В дальнейшем это способствовало развитию гидробиологических исследований на территории всей России, открытию специализированных научно-исследовательских лабораторий и кафедр, формированию научных школ и приоритету открытий отечественных ученых в области водной экологии.

Список источников

1. Фокин С.И., Смирнов А.В., Лайус Ю.А. Морские биологические станции на русском севере. М. : Тов-во науч. изданий КМК, 2006. 136 с.
2. Лайус Ю.А. Полевая наука на море: история морских биологических станций // Социология власти. 2021. Т. 33, № 3. С. 209–237.
3. Горяшко А.А. «Острова блаженных». М. : Паулсен, 2022. 430 с.
4. Горбунов Р.В., Корнийчук Ю.М., Поспелова Н.В. От берегов к глубинам океанов. К 150-летию основания Севастопольской биологической станции – Института биологии южных морей // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 181–196.
5. Рижинашвили А.Л. Зоологический институт АН СССР и институциональная реорганизация гидробиологических исследований в 1930-е годы // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 10. С. 967–979.
6. Fokin S.I. Russian biologists at Villafranca // Proceedings of the California Academy of Science. 2008. Vol. 59, № 11 S1. P. 169–192.
7. Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб. : Алетейя, 2006. 384 с.
8. Чеснова Л.В., Фандо Р.А. Российские естествоиспытатели (на рубеже XIX и XX веков) // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78, № 12. С. 1103–1110.
9. Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Роль Академии наук в развитии образования и науки в провинции в первые годы советской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. №. 83. С. 183–190.

10. Научная библиотека Московского государственного университета. Отдел редких книг и рукописей (НБ МГУ ОРиР). Ф. 48. Оп. 4. Д. 37.
11. Зограф Н.Ю. Гидро-биологическая станция на Пленском озере в Голштинии и на Глубоком озере Рузского уезда Московской губернии. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. 10 с.
12. Плавильщиков Н.Н. Очерки по истории зоологии. М. : Госучпедгиз, 1941. 295 с.
13. НБ МГУ ОРиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 41.
14. Шлейнинг Й. Профессор Карл Линдеманн. Помощник и друг немецких колонистов в России, бесстрашный борец за закон и справедливость // Домашняя книга немцев из России. Штутгарт : Землячество немцев из России, 1957. С. 165–175.
15. НБ МГУ ОРиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 38.
16. Ло-Бианко С. Методы консервирования морских животных, употребляемые на зоологической станции в Неаполе. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1892. 47 с.
17. НБ МГУ ОРиР. Ф. 48. Оп. 4. Д. 39.
18. Отчет о работе А.Д. Некрасова. Из лабораторной книги Виллафранкской станции за 1902 г. // Давыдов М.М., Гаряев В.П. Отчет о деятельности Виллафранкской зоологической станции за 1901–1902 гг. Киев : Тип. Имп. университета св. Владимира, 1903. 62 с.
19. Brehm V. In memoriam Prof. Dr. Richard Woltereck // Internationale Revue der gesamten Hydrobiologie und Hydrographie. 1959. Vol. 44. P. 1–9.
20. Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб. : Нестор, 2005. 158 с.

References

1. Fokin, S.I., Smirnov, A.V. & Layus, Yu.A. (2006) *Morskie biologicheskie stantsii na russkom severe* [Marine biological stations in the Russian north]. Moscow: Tov-vo nauch. izdaniy KMK.
2. Layus, Yu.A. (2021) Polevaya nauka na more: istoriya morskikh biologicheskikh stantsiy [Field science at sea: history of marine biological stations]. *Sotsiologiya vlasti*. 33(3). pp. 209–237.
3. Goryashko, A.A. (2022) *Ostrova blazhennykh* [Isles of the Blessed]. Moscow: Paulsen.
4. Gorbunov, R.V., Korniychuk, Yu.M. & Pospelova, N.V. (2022) Ot beregov k glubinam okeanov. K 150-letiyu osnovaniya Sevastopol'skoy biologicheskoy stantsii – Instituta biologii yuzhnykh morey [From the shores to the depths of the oceans. To the 150th anniversary of the founding of the Sevastopol Biological Station – Institute of Biology of the Southern Seas]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 92(2). pp. 181–196.
5. Rizhinashvili, A.L. (2020) Zoologicheskiy institut AN SSSR i institutsional'naya reorganizatsiya gidrobiologicheskikh issledovaniy v 1930-e gody [Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences and institutional reorganization of hydrobiological research in the 1930s]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 90(10). pp. 967–979.
6. Fokin, S.I. (2008) Russian biologists at Villafranca. *Proceedings of the California Academy of Science*. 59(11) S1. pp. 169–192.
7. Fokin, S.I. (2006) *Russkie uchenye v Neapole* [Russian scientists in Naples]. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Chesnova, L.V. & Fando, R.A. (2008) Rossiyskie estestvoispytateli (na rubezhe XIX i XX vekov) [Russian naturalists (at the turn of the 20th centuries)]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk.* 78(12). pp. 1103–1110.
9. Sinelnikova, E.F. & Sobolev, V.S. (2023) Rol' Akademii nauk v razvitii obrazovaniya i nauki v provintsii v pervye gody sovetskoy vlasti [The role of the Academy of Sciences in the development of education and science in the provinces in the first years of Soviet power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 183–190.
10. The Research Library of Moscow State University. Department of Rare Books and Manuscripts (NB MGU ORiR). Fund 48. List 4. File 37.
11. Zograf, N.Yu. (1896) *Gidro-biologicheskaya stantsiya na Plenskom ozere v Golshtinii i na Glubokom ozere Ruzskogo uezda Moskovskoy gubernii* [The hydro-biological station on Lake Plenskoye in Holstein and on Glubokoye Lake in Ruza district, Moscow province]. Moscow: E. Lissner i Yu. Roman.
12. Plavilshchikov, N.N. (1941) *Ocherki po istorii zoologii* [Essays on the history of zoology]. Moscow: Gosuchpedgiz.
13. The Research Library of Moscow State University. Department of Rare Books and Manuscripts (NB MGU ORiR). Fund 48. List 4. File 41.
14. Schleining, J. (1957) Professor Karl Lindemann. Pomoshchnik i drug nemetskikh kolonistov v Rossii, besstrashnyy borets za zakon i spravedlivost' [Professor Karl Lindemann. Assistant and friend of the German colonists in Russia, fearless fighter for law and justice]. In: *Domashnyaya kniga nemtsev iz Rossii* [Home Book of Germans from Russia]. Stuttgart: Zemlyachestvo nemtsev iz Rossii. pp. 165–175.
15. The Research Library of Moscow State University. Department of Rare Books and Manuscripts (NB MGU ORiR). Fund 48. List 4. File 38.
16. Lo-Bianko, S. (1892) *Metody konservirovaniya morskikh zhivotnykh, upotreblyaemye na zoologicheskoy stantsii v Neapole* [Methods of preserving marine animals used at the zoological station in Naples]. St. Petersburg: Tip. Mor. m-va.
17. The Research Library of Moscow State University. Department of Rare Books and Manuscripts (NB MGU ORiR). Fund 48. List 4. File 39.
18. Anon. (1903) Otchet o rabote A.D. Nekrasova. Iz laboratornoy knigi Villafrankskoy stantsii za 1902 g. [Report on A.D. Nekrasov's work. From the laboratory book of the Villafranca station for 1902]. In: Davydov, M.M. & Garyaev, V.P. *Otchet o deyatel'nosti Villafrankskoy zoologicheskoy stantsii za 1901–1902 gg.* [Report on the activities of the Villafranca Zoological Station for 1901–1902]. Kiev: St. Vladimir Imperial University.
19. Brehm, V. (1959) In memoriam Prof. Dr. Richard Woltereck. *Internationale Revue der gesamten Hydrobiologie und Hydrographie*. 44. pp. 1–9.
20. Pogodin, S.N. (2005) *Maksim Maksimovich Kovalevskiy*. St. Petersburg: Nestor.

***Сведения об авторе*:**
Фандо Роман Алексеевич – доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва, Россия). E-mail: fando@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fando Roman A. – Doctor of Historical Sciences, Director of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: fando@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 29.09.2023; accepted for publication 01.02.2024

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 94(470)
doi: 10.17223/19988613/87/22

История Гражданской войны в России через призму public history. Сухановский А.Ф. Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник. Архангельск: СК-Россия: СК-Столица. 2020. 485 с.

Людмила Вениаминовна Белгородская[1], Александр Григорьевич Грязнухин[2]

[1, 2] Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
[1] blv.kr@yandex.ru
[2] agagag@mail.ru

Аннотация. Рецензируется книга А.Ф. Сухановского «Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник» (Архангельск, 2020). В книге представлены материалы, обнаруженные участниками поискового движения на Русском Севере, которые в течение 20 лет вели раскопки в местах боевых действий 1918–1919 гг., участвовали в создании мемориала «Юрьевский рубеж». Автором представлены и интерпретируются вещественные исторические источники, обнаруженные в ходе изыскательских работ. Приведены фрагменты воспоминаний зарубежных участников военных событий. Опубликованы фотографии из зарубежных и российских архивов.
Ключевые слова: Гражданская война 1918–1922 гг., интервенция на Русском Севере, публичная история

Для цитирования: Белгородская Л.В., Грязнухин А.Г. История Гражданской войны в России через призму public history. Сухановский А.Ф. Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник. Архангельск: СК-Россия: СК-Столица. 2020. 485 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 184–187. doi: 10.17223/19988613/87/22

Book review

The history of the Civil War in Russia through the prism of public history. Sukhanovsky A.F. Bayonet decides. War Diary. Frontline diary. Arkhangelsk: SK-Russia: SK-Capital. 2020. 485 p.

Lyudmila V. Belgorodskaya[1], Alexander G. Gryaznukhin[2]

[1, 2] Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russian Federation
[1] blv.kr@yandex.ru
[2] agagag@mail.ru

Abstract. In modern conditions, it seems that the study of the Civil War and the dissemination of knowledge about it is possible using the potential of public history. The attention of professional historians is attracted by a book prepared by the organizer of the search movement A. Sukhanovsky, who has been leading a group of enthusiasts studying the places of battles with the interventionists in the North of Russia for twenty years. The interventionist forces here numbered more than 40 thousand people in 1919.

The participants of the search group carried out excavations on the territory of the Arkhangelsk region for 20 years, participated in the creation of the military historical park "Yuryevsky Frontier", which is the only well-preserved complex of fortifications of the Civil War period in Russia. It is now part of the military historical park "Railway Front" in the battlefields of 1918-1919 on the Arkhangelsk-Moscow railway. The title of the book is connected with the decision of the American soldiers of the 339th regiment, who included the motto of the Russian infantry of the Northern Rifle Regiments "Shtyck reshaet" (in Russian) in their coat of arms. It was a manifestation of Americans' respect for the heroism and dedication of political opponents. The book consists of an introduction, six blocks of information ("Soldier's gray hair", "Romance of company "A", "Catching up with the wind", "Combat Patrol", "Russian scars", "Extraordinary adventures of the British in Northern Russia"), divided into 32 parts, which the author called ‘blockhouses’. The author

© Л.В. Белгородская, А.Г. Грязнухин, 2024

translated and published the memoirs of foreign participants of the events in his book. Among them are the memoirs of Corporal of company "G" 339 of the American regiment J. H. Turnman, fighter pilot K. van der Spye, commander of infantry company "M" J. Moore, J. R. Singleton-Gates. The study presents a translation of a fragment of the book by D. York "The romance of Company A 339th Infantry ANREF".
The author presented and interpreted the material historical sources discovered during the survey work. The revealed materials make it possible to recreate the life of combatants and civilians in extreme conditions of armed conflict. A. Sukhanovsky describes the experience of reconstruction of military events in the Russian North in 1918-1919.
The review points out the shortcomings of the work in question: the refusal to prepare a bibliographic list, the lack of a description of the history of the photographs given in the publication, taken by Signal Corps USA employees.
Keywords: Civil War of 1918–1922, intervention in the Russian North, public history

For citation: Belgorodskaya, L.V., Gryaznukhin, A.G. (2024) The history of the Civil War in Russia through the prism of public history. Sukhanovsky A.F. Bayonet decides. War Diary. Frontline diary. Arkhangelsk: SK-Russia: SK-Capital. 2020. 485 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 184–187. doi: 10.17223/19988613/87/22

Столетие Гражданской войны и иностранной интервенции в России отмечено выходом в нашей стране ряда знаковых монографий, сборников трудов конференций и серией общественных мероприятий. Особый интерес вызывают публикации, посвященные событиям на Русском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, где действовали объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции [1]. Поскольку Гражданская война велась преимущественно на окраинах бывшей Российской империи, районы военных действий, без сомнения, стали, по теории П. Нора, «местами памяти» для жителей этих регионов. Практически в каждом городе есть памятники героям Гражданской войны, и кое-где в последние годы возведены памятники погибшим интервентам и даже главам белого движения.

В этом контексте внимание профессиональных историков может привлечь книга, подготовленная организатором поискового движения А. Сухановским, в течение двадцати лет возглавляющим группу энтузиастов, изучающих места боев с интервентами на Севере России. Силы интервентов на Севере России в 1919 г. насчитывали более 40 тыс. человек, включали воинские подразделения англичан, американцев, французов, представителей других государств.

Участники поисковой группы осуществляли раскопки на территории Архангельской области, участвовали в создании военно-исторического парка «Юрьевский рубеж», представляющего собой единственный в России хорошо сохранившийся комплекс фортификационных сооружений периода Гражданской войны. Себя участники поискового, по сути, движения называют «военными, или боевыми, археологами», «мемориальной командой».

В современных условиях представляется, что изучение Гражданской войны и распространение знаний о ней возможны с использованием потенциала public history (публичной истории). Направление возникло во второй половине 1970-х гг. в США и Великобритании. В нашей стране данное направление получило развитие только в последнее десятилетие. Некоторые авторы полагают, что публичная история в России – это поле, в котором существуют отлаженные механизмы выстраивания диалога между профессиональным сообществом ученых, «широкой общественностью», государством, активно используются разнообразные способы трансляции академического знания для разных аудиторий без его искажения и упрощения. В то же время в силу индифферентности и пассивности общества публичная академическая история в России пока продолжает производить преимущественно экспертное знание.

Другие авторы полагают, что публичная история предполагает производство знания об объективном прошлом вместе с обществом. Нам представляется, что публичная история – явление во многом двойственное. Разумным нам видится подход историка И. Савельевой, которая определяет public history как «совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой» [2. С. 143].

Название рецензируемой книги связано с решением американских солдат 339-го полка включить в свой герб девиз русской пехоты Северных стрелковых полков «Штык решает» (на русском языке). Это было проявлением уважения американцев к героизму и самоотверженности политических противников.

Книга получила положительные отзывы участников конференции «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории» (Архангельск, 10–11 сентября 2020 г.) [3. С. 525]. В 2020 г. она признана «книгой года» Архангельской области.

Рецензируемое издание состоит из введения, шести блоков информации («Солдатская седина», «Романс роты “А”», «Догоняя ветер», «Боевой патруль», «Русские шрамы», «Необыкновенные приключения британцев в Северной России»), разделенных на 32 части, которые автор назвал «блокгаузы». Замысел автора состоял в соединении в единый блок нескольких пластов исторической информации, связанной с событиями Гражданской войны на Русском Севере. Во-первых, это воспоминая зарубежных участников событий. Среди опубликованных впервые на русском языке фрагменты мемуаров капрала роты «G» 339 американского полка Дж.Х. Турнмана (с. 45–55), летчика-истребителя К. ван дер Спайя (с. 179–207), командира пехотной роты «М» Дж. Мура (с. 329–359), Дж. Р. Синглтона-Гейтса (с. 389–443). Переводы выполнили автор книги и П. Шкаруба.

Во-вторых, в издании представлены переведенные на русский язык фрагменты книги Д. Йорк «Романс

роты 339 пехотного полка», посвященные событиям 1918–1919 гг. на севере России (с. 97–149).

В-третьих, и это составляет основную ценность книги, автором представляются и интерпретируются вещественные исторические источники, обнаруженные в ходе изыскательских работ. Выявленные материалы позволяют воссоздать жизнь комбатантов и гражданского населения в экстремальных условиях вооруженного конфликта. Участники поисковой группы осуществили раскопки на территории Архангельской области, участвовали в создании мемориала «Юрьевский рубеж», который входит в военно-исторический парк «Железнодорожный фронт» в местах боев 1918–1919 гг. на железной дороге Архангельск–Москва.

Находки поисковиков позволяют лучше оценить «человеческий опыт» Гражданской войны, вторжение которой в повседневную жизнь россиян и иностранцев вызвала глубинные психологические потрясения. Источники ценны для развития рамках нового междисциплинарного научного направления, получившего название «военно-историческая антропология» [4]. Историческим фоном данной проблематики являются «вхождение» гражданских и призванных в армию людей в войну и визуальные образы предписанных фронтовой ситуацией императивов поведения. В издании представлены фотографии посуды интервентов, бутылок из-под зарубежных алкогольных напитков, гор пустых консервных банок. Поисковикам удалось идентифицировать «целый интернационал», по словам автора, консервов: из норвежской рыбы, американской говядины, британской мясоовощной смеси (с. 151). Обнаружены и банки российских производителей 1915 г. выпуска.

Исследование землянок и блиндажей в местах боевых действий дало поисковикам богатый бытовой материал: от икон, гитар, гармошек до стаканов, самодельных кружек, сковородок и шутливой жестяной медали, сделанной из консервной крышки (с. 359).

Образы гражданского населения и красноармейцев представлены в большей степени на фотографиях из фондов Архангельского краеведческого музея, Государственного архива Архангельской области, личных коллекций россиян.

Дополнительная ценность издания состоит в использовании сотен фотографий из коллекций Библиотеки Конгресса США, Исторической библиотеки Бентли университета Мичиган, Военных музеев США. Особый интерес для читателей представляют представленные в книге фотографии, сделанные сотрудниками специального корпуса армии США (United States Army Corps cameramen), они маркированы в нижнем левом углу фотоизображения специальным круглым значком с названием корпуса – Signal Corps USA. Этот корпус действовал в Сибири и на Дальнем Востоке. Историками Красноярска установлены имена некоторых членов команды [5]. Это капитан Х.П. Кингсмор, лейтенант Л.В. ОКоннел, Рядовой Ф. Тэннура. Они сделали здесь 1 200 снимков и сняли в целом 12 тыс. кадров хроники во время военной операции в Сибири и на Дальнем Востоке (под монтажным кадром специалисты понимают отрезок кинопленки между двумя склейками). Все они связали в будущем свою жизнь с кинематографом и оставили впоследствии воспоминания о службе на территории России.

Судя по инвентарным номерам на фотографиях, на Севере сотрудники корпуса сделали фотографий на порядок больше. Самый большой инвентарный номер на воспроизведенных снимках – 158 887,

Репродуцированные с отличным качеством зарубежные визуальные источники позволяют реконструировать фронтовую повседневность интервентов и в определенной степени участников белого движения. Например, увидеть варежки с тесемками (подобны детским вариантам), ушанки, которыми обеспечивали американских солдат. Шапки-ушанки имеют межнациональное происхождение. Ушанка произошла от монгольского малахая, но у нее есть и русские и западные корни. Однако непосредственное рождение и мировое признание ушанки произошло именно в годы Гражданской войны. С июня 1919 г. вещевое довольствие армии Колчака осуществлялось Великобританией. Англичане поставляли в том числе и головные уборы, называемые нансеновками, норвежками или колчаковками. По внешнему виду головной убор походил на шапку норвежского полярника Фритьофа Нансена. Она могла быть меховой или суконной и имела козырек, также обшитый сукном или мехом. От традиционной русской ушанки ее отличают более заостренная форма тульи и иной крой ушей.

А.Ф. Сухановский приводит в книге рисунки солдат-интервентов, отразившие фронтовую повседневность, западное (иногда даже юмористическое) восприятие событий в Советской России.

Заслугой участников поискового движения, нашедшей отражение в рецензируемом издании, является реконструкция боевых действий, например штурма деревни Большие Озерки, состоявшегося 17 марта 1919 г. (с. 360–371). В книге описана история концлагеря на острове Мудьюг, созданного интервентами, затем он был передан белогвардейцам, превратившими его в тюрьму. Участникам поискового отряда удалось обнаружить надписи военнопленных на стенах бараков, они воспроизведены в рецензируемом издании.

Рассматриваемая книга не задумывалось изначально как труд в строго научном жанре, она написана в научно-популярном стиле, но даже с учетом этого обстоятельства ей не хватает ряда важных составных элементов публикаций такого жанра.

Работу должно предварять введение, вводящее читателя в контекст событий на Железнодорожном фронте, выполненное профессиональным историком или с помощью специалиста в области академической истории. Литературный редактор не поработал с текстом, в котором часто встречаются неудачные стилистические обороты: «…часть ствола была ампутирована одним осколком…», «нож циничного расчета», «локальный конфликт с анекдотической пестротой войск» (с. 21, 11, 63). Термин «интервенция» в российской историографической традиции не принято писать с заглавной буквы. Это же можно сказать о названиях разделов книги, которые даются частично на английском языке, частично на русском. Использование двух языков в названиях блоков информации представляется не вполне

удачным. Раздел «Slavo-British. Мальчиш-Кибальчиш» посвящен воспитанию детей из архангельских тюрем английскими и американскими солдатами. Но какое отношение герой гайдаровского произведения имеет к этим детям?

Открытым остался и вопрос о музеефикации найденных предметов. Поступили они в музеи Архангельска, вошли в состав мемориала «Юрьевский рубеж»? Ответов на эти вопросы в книге нет.

В рецензируемой работе отсутствует список использованных источников, нет сносок на цитируемые материалы, не выполнено библиографическое описание использованных книг. В книге также отсутствует информация о происхождении, бытовании и месте хранения представленных фотографий. Неясным остался ответ на вопрос: получено ли разрешение американской стороны на воспроизведение визуальных материалов, репродуцируются ли иллюстрации из книг зарубежных авторов или они обнаружены в архивах, не прояснен вопрос о соблюдении должным образом авторского права.

Можно предложить автору и его коллегам подготовить и опубликовать приложение к книге с научными комментариями к представленным фотографиям. В качестве дополнения стоит оформить список использованной и цитируемой литературы с полным библиографическим описанием.

Академическое сообщество историков готово вступать во взаимодействие с акторами публичной истории, включая рецензирование трудов подобного рода, консультативную помощь, научное редактирование рукописей. Возможности компаративистики открывают путь к осмыслению общих и специфических черт событий 1918–1922 гг. на севере и востоке стране. Исследователям Гражданской войны в Сибири только предстоит подготовить издание, посвященное анализу визуальных образов событий 1918–1922 гг. в регионе, учитывая достижения и просчеты коллег.

Список источников

1. Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории : сб. материалов Междунар. науч. конф. Архангельск, 10–11 сент. 2020 г. М. : Пятый Рим, 2020. 368 с.
2. Савельева И. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.
3. Голдин В.И. На путях познания Гражданской войны в России: ключевые проблемы и историческая память // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 518–527.
4. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : Рос. полит. энцикл., 1999. 440 с.
5. Белгородская Л.В., Воног Е.А., Дроздов Н.И. Визуализированная повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники Allied expeditionary forces in Siberia // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3(25). С. 9–26.

References

1. Goldin, V.I. & Ragozin, G.S. (eds) (2020) *Mezhdunarodnaya interventsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki istorii* [International intervention and Civil War in Russia and the Russian North: Key problems, historical memory and history lessons]. Moscow: Pyatyy Rim.
2. Savelieva, I. (2014) Professional'nye istoriki v “publichnoy istorii” [Professional historians in “public history”]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3. / pp. 141–155.
3. Goldin, V.I. (2021) Na putyakh poznaniya Grazhdanskoy voyny v Rossii: klyuchevye problemy i istoricheskaya pamyat' [On the ways of understanding the Civil War in Russia: Key problems and historical memory]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 11(2). pp. 518–527.
4. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the 20th century: The historical experience of Russia]. Moscow: Ros. polit. entsikl..
5. Belgorodskaya, L.V., Vonog, E.A. & Drozdov, N.I. (2020) Vizualizirovannaya povsednevnost' Grazhdanskoy voyny v Sibiri: istochnikovedcheskiy analiz amerikanskoy kinokhroniki “Allied expeditionary forces in Siberia” [Visualized everyday life of the Civil War in Siberia: A source-based analysis of the American newsreel “Allied expeditionary forces in Siberia”]. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Problems of Visual Semiotics.* 3(25). pp. 9–26.

***Сведения об авторах*:**

Белгородская Людмила Вениаминовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: blv.kr@yandex.ru

Грязнухин Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: agagag@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Belgorodskaya Lyudmila V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations of the Humanities Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: blv.kr@yandex.ru

Gryaznukhin Alexander G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations at the Humanitarian Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: agagag@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 17.11.2021; accepted for publication 01.02.2024

Рецензия
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/87/23

Трагедия православного духовенства на Тихом Дону. Рец. на кн.: Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии: сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой, свящ. Е.А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с.

Владимир Витальевич Калиновский[1], Николай Николаевич Смирнов[2]

[1, 2] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[2] Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия
[1] v.kalinovsky@spbu.ru
[2] nik_smirn@mail.ru

Аннотация. Анализируется сборник документов, посвященный гонениям на православное духовенство и мирян на Дону в годы Гражданской войны. В данном издании впервые в максимально полном объеме опубликованы материалы Особой комиссии по расследованию преступлений большевиков, касающиеся данной территории. Отмечен высокий археографический уровень сборника, подготовленного Ю.А. Бирюковой и Е.А. Агеевым – известными специалистами в вопросах истории православия на Дону и на Юге России в первой половине XX в. Проанализировано содержание сборника и его значение для отечественной историографии.
Ключевые слова: православие, Дон, Гражданская война, религиозный фактор, гонения, Особая комиссия по расследованию преступлений большевиков, рецензия

Благодарности: Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Для цитирования: Калиновский В.В., Смирнов Н.Н. Трагедия православного духовенства на Тихом Дону. Рец. на кн.: Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии: сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой, свящ. Е.А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 188–192. doi: 10.17223/19988613/87/23

Book review

The tragedy of the Orthodox clergy on the Quiet Don. Review on the book: Church on the Don during the Civil War 1918–1919. Investigations of the Special Commission: Collection of documents / ed. Yu.A. Biryukova, priest. E.A. Ageev. Volgograd: PrintTerra-Design, 2022. 392 p.

Vladimir V. Kalinovsky[1], Nikolay N. Smirnov[2]

[1, 2] Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
[2] Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
[1] v.kalinovsky@spbu.ru
[2] nik_smirn@mail.ru

Abstract. The article reviews a collection of documents published in 2022, dedicated to the history of the persecution of the Orthodox clergy and believers during the Civil War on the Don. This publication has been prepared by recognized experts in this field – Yu.A. Biryukova and priest E. Ageev. The purpose of this article is to critically analyze the content of the collection and determine its significance for Russian historiography. It is noted that the collection under review contains a previously unknown corpus of sources – the materials of the Special Commission for the Investigation of Bolshevik Crimes, which was created by the order of General A.I. Denikin. In particular, 226 questionnaires were published, collected by the Commission in the parishes of the Don Cossack Region and reflecting the persecution of Orthodoxy. The authors of the article come to the conclusion that the reviewed collection contains important and fundamentally new data on the anti-religious activities of the Bolsheviks on the Don during the Civil War and allows us to better understand the significance of the religious factor in this conflict. It is indicated that from the above documents it follows that in the region under consideration there were murders of clergy and laity, mockery of bodies, robberies of churches, etc., but it cannot be said that these cases were in any way officially regulated by the Soviet authorities. It is obvious that in a number of cases there was an initiative of specific people on the ground. The high level of the introductory article should be

© В.В. Калиновский, Н.Н. Смирнов, 2024

noted, as it contains a detailed analysis of the specifics of the Special Commission for Bolshevik Crimes, as well as the tendentious coverage of its work in existing scientific publications. The documents published in the collection give many reasons to think about the policy of the Bolsheviks towards Orthodoxy. They largely destroy many myths and stereotypes that have developed around this topic. The corpus of documents introduced into scientific circulation becomes an important addition to the list of the victims of the Civil War, clergy and laity who suffered for their beliefs.
Keywords: Orthodoxy, Don, Civil War, religious factor, persecution, Special Commission for the Investigation of Bolshevik Crimes, review

Acknowledgements: The material was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project 21-18-00266, «The Religious Factor in Russia during the Civil War: Phenomenon, Significance and Regional Specificity».

For citation: Kalinovsky, V.V., Smirnov, N.N. (2024) The tragedy of the Orthodox clergy on the Quiet Don. Review on the book: Church on the Don during the Civil War 1918–1919. Investigations of the Special Commission: Collection of documents / ed. Yu.A. Biryukova, priest. E.A. Ageev. Volgograd: PrintTerra-Design, 2022. 392 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 188–192. doi: 10.17223/19988613/87/23

История Гражданской войны в России продолжает оставаться одной из самых востребованных и актуальных тем в отечественной гуманитарной науке. Ежегодно проводятся крупные форумы и конференции, публикуются статьи, монографии и сборники документов, однако проблематика, связанная с изучением истории русской междоусобицы, по сути своей, неисчерпаема. Несмотря на архивную революцию в области истории России XX в., произошедшую в последние десятилетия, вплоть до настоящего времени в истории братоубийственного противостояния имеется немало «белых пятен». До последнего времени роль религиозного фактора в годы революций 1917 г. и Гражданской войны находилась на периферии исследовательского интереса. Тем отраднее представленный на суд читателя сборник архивных документов, подготовленный известным специалистом в вопросах истории православия, кандидатом исторических наук Ю.А. Бирюковой и кандидатом теологии, священником Е.А. Агеевым [1], знакомство с которым позволяет уточнить целый ряд прежде неизвестных сюжетов, связанных с историей Гражданской войны на Дону. Рецензируемое издание будет, несомненно, востребовано специалистами, поскольку подготовлено на чрезвычайно высоком профессиональном уровне, а подборка документов дает целостное представление об особенностях религиозной жизни в регионе в изучаемый период.

Во-первых, данное издание дает материалы для анализа регионального измерения религиозного фактора в Гражданской войне, т.е. влияния религии на ход конфликта и деятельность противоборствующих сторон. В научный оборот вводятся первоисточники – свидетельства очевидцев, собранные по горячим следам, сразу после событий. Безусловно, всегда стоит критически относиться к свидетельствам, полученным в ходе конфликта, когда на территорию, прежде занятую одной стороной, приходят ее противники. Понятен страх населения, пережившего тяготы и лишения, перед новой властью. Но следует вспомнить многочисленные свидетельства современников – после многих репрессивных действий большевиков население после их ухода встречало белогвардейцев как спасителей и освободителей (хотя зачастую этот ореол довольно быстро исчезал, а на смену насилию от одной власти приходило насилие от другой). Документы из сборника ценны не только тем, что рассказывают о терроре, развязанном сторонниками Октября (среди них были и лица, близкие по взглядам к анархистам, эсерам, носители так называемого «стихийно-большевистского» мировоззрения) против духовенства и активных членов православных общин, они также освещают такой почти не изученный вопрос, как деятельность православных приходов в годы Гражданской войны. Епархиальные органы в это время функционировали с перебоями или не функционировали совсем, многие их архивы до настоящего времени не дошли, епархиальные ведомости не издавались. В результате возник источниковый вакуум, который заполняется обычно немногочисленными документами, которые воссоздают картину реальности только фрагментарно. Ю.А. Бирюкова и Е.А. Агеев публикуют документы, которые позволяют составить более целостное впечатление о приходской жизни на Дону.

Во-вторых, рецензируемый сборник развенчивает ряд мифов, существующих вокруг проблематики красного террора. В массовом сознании давно закрепились образы массовых расправ над офицерами и мирным населением, осуществлявшихся, в частности, в Крыму под руководством Р.С. Землячки. Система представлений о развязанной большевиками политике устрашения в значительной степени сформирована художественной литературой (например, произведениями И.С. Шмелева) и работами эмигрантских историков, прежде всего С.П. Мельгунова, благодаря известной работе которого и в публицистике, и в научной литературе, собственно, и закрепилось понятие «красный террор». Отметим, что упомянутые работы И.С. Шмелева и С.П. Мельгунова в значительной степени были основаны на эмоциональных рассказах и личных впечатлениях либо на ограниченном наборе документов, который находился в распоряжении писателя и ученого, не будем напоминать и об известной человеческой трагедии, пережитой Иваном Сергеевичем, потерявшим любимого сына в дни кошмарного восхода «Солнца мертвых». Субъективный фактор зачастую приводил к завышению жертв террора, что делало работу того же Мельгунова не вполне достоверной с точки зрения оценки масштаба деятельности чекистов в Крыму. Недавно появившиеся исследования доказывают, что нередко упоминаемые в публицистике и научной ли-

тературе применительно к истории полуострова после разгрома остатков войск барона П.Н. Врангеля цифры в несколько десятков тысяч жертв далеки от действительности, что, конечно же, не отменяет бесчеловечности методов утверждения советской власти в Крыму на рубеже 1920–1921 гг.

Конечно, материалы Особой комиссии по расследованию преступлений большевиков тоже нельзя считать в полной мере объективными документами. Стоит помнить, что Комиссия во многом создавалась для того, чтобы показать истинное лицо большевизма перед мировой общественностью, под которой в первую очередь подразумевались Англия и Франция. Следовательно, ее деятельность, несомненно, имела пропагандистский характер. Однако работала она не только на внешнем направлении, но и на внутреннем – по мнению ее создателей, жители различных уголков России, узнав о бессудных массовых убийствах, творимых большевиками и их сторонниками, должны были более активно поддерживать белое движение. Важно также отметить, что представленные материалы показывают, что агрессорами по отношению к православному духовенству выступали не только большевики, но и многочисленные анархические отряды, т.е. антирелигиозный террор был и «красным», и «зеленым» и т.д. Проведенная авторами сборника работа состояла не только в воспроизведении документов Особой следственной комиссии, но и в сопоставлении приведенных в них данных с другими источниками, критическом анализе сведений из опросных листов. Благодаря этому Ю.А. Бирюковой и Е.А. Агееву удалось «отделить зерна от плевел» и домыслы от фактов, показав, что деятельность Комиссии базировалась не на слухах и народной молве, а фиксировала кровавые реалии Гражданской войны с большой степенью достоверности. Составителями сборника также проведена географическая систематизация источников, чего не было сделано самой Комиссией из-за кратковременности ее существования.

В-третьих, за последние несколько лет в отечественной историографии намечается тенденция к переоценке репрессий, осуществляемых органами советской власти, сторонниками большевиков и завоеваний Октября, против православного духовенства и активных мирян (сосуществующая, впрочем, с практически житийными работами о новомучениках). Отдельные историки сегодня пытаются оправдывать расправы над священнослужителями внутриполитическими интересами, политической необходимостью и даже неизбежностью. На смену востребованным в годы перестройки публикациям о красном терроре приходят статьи о белом терроре, авторы которых пытаются доказать, что насилие со стороны большевиков стало ответной мерой на репрессивную политику их идейных оппонентов. Рецензируемый сборник может считаться своеобразным лекарством от «сна памяти»: он показывает, что террор в годы Гражданской войны был окрашен в разные цвета, но по отношению к духовенству и верующим доминирующим цветом был именно красный.

В-четвертых, представленный сборник документов посвящен истории Гражданской войны на Дону – в колыбели антибольшевистского сопротивления, регионе, на просторах которого зародилась и организационно оформилась Добровольческая армия – наиболее боеспособное и идеологически монолитное формирование белого движения. Совсем недавно события в этом регионе получили подробнейшее освещение в фундаментальном исследовании доктора исторических наук А.С. Пученкова о первом годе Добровольческой армии [2]. Однако вопросы истории Церкви на Дону в этой работе практически не затрагиваются. Вместе с тем документальные материалы сборника продолжают наметившуюся в последние годы тенденцию изучения истории Церкви в годы Гражданской войны на региональном уровне (работы А.С. Пученкова и В.В. Калиновского [3], А.В. Сушко [4], П.В. Белоуса [5] и создателей рецензируемого сборника Ю.А. Бирюковой [6, 7] и священника Е.А. Агеева [8]).

Публикации документов предшествует обстоятельная статья, в которой характеризуются источниковые возможности документов Особой комиссии. В этой части книги авторы подробно останавливаются на истории создания данного органа, его задачах и ходе работы, а также на судьбе документов, которые вместе с частями белой армии покинули родину, а после были возвращены в Россию. Ю.А. Бирюкова и Е.А. Агеев характеризуют немногочисленные публикации документов Комиссии, отмечая их ангажированность и тенденциозный характер отбора материалов. Затронута авторами и проблема оценок достоверности материалов, собранных Комиссией. В современной историографии действительно существует две противоположных точки зрения на этот вопрос – от упреков в сомнительности до признания ценности и объективности данных источников. Сторонником последней позиции, в частности, является такой известный специалист по истории белого движения, как московский исследователь В.Ж. Цветков. Основные опубликованные в сборнике документы – это 226 опросных листов, которые были собраны Комиссией в приходах Области Войска Донского. Красноречивы выделенные Ю.А. Бирюковой и Е.А. Агеевым детали гонений на духовенство. Священнослужители подвергались бессудным убийствам – расстреливались по ночам, во время пеших переходов. Они испытывали на себе кощунственные действия, оскорбления, грабежи, нередкими были и глумления над трупами. Советская власть на Дону вела решительную борьбу с преподаванием в школах Закона Божия и церковными таинствами, в особенности с венчанием – т.е. с теми столпами, на которых на протяжении длительного времени основывалось влияние Церкви на общество. Опубликован уникальный документальный материал, который позволяет создать намного более полную и объемную картину религиозной жизни на Юге России в годы Гражданской войны.

Представленные в сборнике документы дают немало поводов к размышлению относительно политики большевиков по отношению к православию. Они во многом разрушают мифы и стереотипы, которые сформировались вокруг этой темы. Подготовленные Особой комиссией анкеты составлены логично и грамотно, содержавшиеся в них шесть вопросов должны были со

всех сторон осветить репрессии красных, коснувшиеся духовенства и верующих. Однако трудно не заметить, что в большинстве опубликованных в сборнике анкет вместо развернутых ответов на вопросы стоят прочерки. Полагаем, что это может свидетельствовать о том, что целенаправленной политики уничтожения православия и его святынь у большевиков на Дону не существовало, и далеко не все красноармейцы и анархисты были склонны к оскорблению чувств верующих и участию в расправах над духовными лицами. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что беспримерное снижение ценности человеческой жизни и всеобщая дегуманизация вели к ожесточению, жертвами которого становились и священники, и миряне, и иконы, и храмы. Носители новой правды считали, что они могут переустраивать мир. При этом начинали они не с созидания, а с уничтожения в полном соответствии со словами «Интернационала»: «…весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Однако разрушение начиналось не с «мира насилья», а с более доступных объектов – храмов, которые, впрочем, тоже воспринимались сторонниками большевиков как центры эксплуатации «темного люда». Представляется, что составители сборника проделали большую и интересную работу, позволяющую по-новому оценить роль религиозного фактора в годы Гражданской войны на Юге России.

Нельзя не отметить высокий уровень археографической подготовки сборника, который соответствует всем требованиям, которые предъявляются к изданиям такого рода. Это уже не первая публикация, подготовленная при участии Ю.А. Бирюковой. Ранее под ее редакцией был опубликован сборник материалов Ставропольского (Юго-Восточного) Церковного Собора [9], получивший положительные отклики со стороны профессионального сообщества [10].

Издание снабжено двумя приложениями со списками убитых священнослужителей и разоренных церквей Донской епархии, а также именным и географическим указателями. Издание дополнено уникальными фотографическими свидетельствами, которые образно подкрепляют содержание публикуемых документов. На них изображены сожженные, разгромленные и разграбленные храмы, повреждения богослужебных предметов, молебны, проводимые в населенных пунктах после их освобождения от большевиков.

Введенный в научный оборот корпус документов становится важным дополнением к мартирологу жертв Гражданской войны, духовных лиц и мирян, пострадавших за свои убеждения. Несмотря на отдельные попытки, предпринимаемые сегодня, спустя сто лет после окончания братоубийственного противостояния в России, подобный мартиролог так и не составлен, а точное количество убитых в годы «Русской Смуты» не подсчитано. Остается только надеяться, что эти задачи, имеющие не только научное, но и гуманитарное значение, будут в скором времени решены, а почин Ю.А. Бирюковой и Е.А. Агеева будет поддержан историками из других регионов, и составление «летописи» гонений на Церковь в годы Гражданской войны на других территориях России будет продолжено.

Список источников

1. Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии : сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой, свящ. Е.А. Агеева. Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с.
2. Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. СПб. : Владимир Даль, 2021. 813 с.
3. Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб. : Владимир Даль, 2020. 407 с.
4. Сушко А.В. Жизнь, служение и подвиг священника Василия Феофановича Инфантьева. Омск : Амфора, 2021. 240 с.
5. Белоус П.В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 288 с.
6. Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 79. С. 55–67.
7. Бирюкова Ю.А. Участие духовенства в политических партиях и надпартийных организациях на белом Юге в период Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 880–899.
8. Агеев Е.А., свящ. Православная церковь на Среднем Дону в соборный и послесоборный периоды (1917–1930). М. : Спасское дело, 2019. 256 с.
9. Юго-Восточный русский церковный собор 1919 года : сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 369 с.
10. Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 28–34.

References

1. Biryukova, Yu.A. & Ageev, E.A. (eds) (2022) *Tserkov' na Donu v gody Grazhdanskoy voyny 1918–1919 gg. Rassledovaniya Osoboy komissii* [Church on the Don during the Civil War of 1918–1919. Investigations of the Special Commission]. Volgograd: PrinTerra-Dizayn.
2. Puchenkov, A.S. (2021) *Pervyy god Dobrovol'cheskoy armii: ot vozniknoveniya "Alekseevskoy organizatsii" do obrazovaniya Vooruzhennykh Sil na Yuge Rossii* [The first year of the Volunteer Army: From the emergence of the "Alekseevskaya organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Puchenkov, A.S. & Kalinovskiy, V.V. (2020) *Dukhovnyy forpost Rossii: pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [A spiritual outpost of Russia: The Orthodox clergy of Crimea in 1914–1920]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
4. Sushko, A.V. (2021) *Zhizn', sluzhenie i podvig svyashchennika Vasiliya Feofanovicha Infant'eva* [The life, service and feat of priest Vasily Feofanovich Infantiev]. Omsk: Amfora.
5. Belous, P.V. (2018) *Tobol'skaya eparkhiya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918)* [The Tobolsk diocese during the First World War (1914–1918)]. Tyumen: Tyumen State University.
6. Biryukova, Yu.A. (2017) Dokumenty Osoboy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bol'shevikov pri Glavnokomanduyushchem Vooruzhennymi silami na Yuge Rossii kak istochnik po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Documents of the Special Commission to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks under the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia as a source on the history of the Russian Orthodox

Church]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 79. pp. 55–67.
7. Biryukova, Yu.A. (2019) Uchastie dukhovenstva v politicheskikh partiyakh i nadpartiynykh organizatsiyakh na belom Yuge v period Grazhdanskoy voyny [Participation of the clergy in political parties and supra-party organizations in the white South during the Civil War]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 9(4). pp. 880–899.
8. Ageev, E.A. (2019) *Pravoslavnaya tserkov' na Srednem Donu v sobornyy i poslesobornyy periody (1917–1930)* [The Orthodox Church on the Middle Don in the conciliar and post-conciliar periods (1917–1930)]. Moscow: Spasskoe delo.
9. Biryukova, Yu.A. (ed.) (2018) *Yugo-Vostochnyy russkiy tserkovnyy sobor 1919 goda* [South-Eastern Russian Church Council of 1919]. Moscow: Novospassky Monastery.
10. Kalinovskiy, V.V., Petrov, I.V. & Puchenkov, A.S. (2019) "Denikinskiy" tserkovnyy sobor v narabotke noveyshey rossiyskoy arkheografii [The "Denikin" church cathedral in the development of the latest Russian archeography]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 4(4). pp. 28–34.

***Сведения об авторах*:**
Калиновский Владимир Витальевич – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.kalinovsky@spbu.ru
Смирнов Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nik_smirn@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Kalinovsky Vladimir V. – PhD in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.kalinovsky@spbu.ru
Smirnov Nikolay N. – Doctor Science in History, Professor, Saint Petersburg State University; Professor? Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nik_smirn@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 01.09.2022; accepted for publication 01.02.2024

Рецензия
УДК 94+316.74+572.9
doi: 10.17223/19988613/87/24

Рецензия: Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности / под ред. О.А. Харусь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. 272 с.

Екатерина Ивановна Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, katrina97@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена обзору недавно вышедшей коллективной монографии томских историков «Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности». Книга объединяет результаты исследования актуальных сюжетов, связанных с опытом конструирования социальной идентичности в различных масштабах: региональном, национальном и межгосударственном. Характеризуются структура, основное содержание книги и наиболее существенные результаты исследования. Дается высокая оценка его практической значимости в условиях современности.
Ключевые слова: идентичность, интеграция, дезинтеграция, монография, национальный вопрос, Сибирь, ЕС

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета, проект №ТП-ИиП-1_24

Для цитирования: Красильникова Е.И. Рецензия: Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности / под ред. О.А. Харусь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. 272 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 193–196. doi: 10.17223/19988613/87/24

Book review

Review: Integrational and disintegrational potential of identity in history and contemporary world / ed. by O. Kharus. Tomsk: Tomsk State University Press, 2023. 272 p.

Yekaterina I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, katrina97@yandex.ru

Abstract. The publication is devoted to the review of the recently published collective monograph of Tomsk historians " Integrational and disintegrational potential of identity in history and contemporary world". The monograph presents the results of studies that focused on understanding particularities and dynamics of construct of construction of region, national and transnational identity. The study is based on sources of different origin and forms. The monograph consists of three chapters. The first chapter, mainly based on the examples of the Polish question, reveals the problem of national identity in the context of the development of Russian socio-political thought in the second half of the 19th century. The second chapter is devoted to the practices of constructing Siberian identity. This chapter illustrates the politicization of identity-related processes that reflected regional and national interests. The third chapter describes the features of the formation and evolution of European identity in the context of European integration (1992-2016). By studying different cases; the authors of the monograph come to common meaningful conclusions. It follows from the research that any construction of identity has a dual nature. On the one side, intellectual elites acting consciously are involved in the construction processes. On the other side, mass actors are spontaneously involved in these processes. The result of the construction is usually difficult to predict, since it depends on many factors. Identity can serve both separation and disintegration. The authors of the monograph express an optimistic position. They believe that the integration role of identity is still stronger than the disintegration one. The proposed review illustrates the structure, the main content of the monograph and the most significant research results. The study is highly appreciated for its practical significance in modern conditions, when Russia is at the stage of civilization self-determination.
Keywords: identity, integration, disintegration, monograph, national question, Siberia, EU

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Novosibirsk State Technical University, project No.TP-IiP-1_24.

For citation: Krasilnikova, Y.I. (2024) Review: Integrational and disintegrational potential of identity in history and contemporary world / ed. by O. Kharus. Tomsk: Tomsk State University Press, 2023. 272 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 193–196. doi: 10.17223/19988613/87/24

© Е.И. Красильникова, 2024

В условиях современности исследования идентичности представляют собой устойчивый тренд развития многих социально-гуманитарных наук как за рубежом, так и в нашей стране. Мир стремительно меняется, трансформируются и социальные идентичности: гражданские, национальные, культурные, цивилизационные. Официально заявив о себе как о «самобытном государстве-цивилизации», Россия актуализировала старую полемику о рефлексии места самой России и ее народов в мире. Это обстоятельство неизбежно ведет к обсуждению вопросов, касающихся идентичностей российского общества. Сегодняшнее самоопределение нации выстраивается на фундаменте избранного русского философского наследия, а также исторического опыта деятельности политических субъектов, конструировавших и утверждавших на протяжении нескольких веков различные модели социальных идентичностей в России. В условиях выбора парадигмальных оснований для конструирования национальной и региональных идентичностей на новом этапе неизбежной задачей становятся осмысление и переосмысление имеющегося опыта такого конструирования, что и составляет основу общего замысла нового монографического издания, посвященного, в общем-то, старой, но нисколько не утратившей своей злободневности тематике.

Авторы издания отказываются от определения идентичности через ее внешние, аскриптивные параметры, придерживаясь вслед за В.А. Тишковым необходимости учитывать антропологические и исторические факторы формирования идентичности, которая вырастает на почве конкурентной борьбы различных, обычно идеологизированных, конструкций (с. 9–10). Идентичность в предлагаемом исследовании понимается как «феномен коллективного и индивидуального самоопределения, подверженного постоянным изменениям под влиянием событий и целенаправленной деятельности политических институтов, групп и отражаемого в индивидуальном сознании» (с. 10). Логичен выбор авторами конструктивистской парадигмы в качестве методологической основы исследования. Сквозной проблемой, объединяющей три различных кейса, опыт изучения которых отражен в трех же главах, выступает соотношение центростремительной и центробежной сил идентичности, которая может становиться фактором как социальной интеграции, так и дезинтеграции. Проявления указанных тенденций анализируются в монографии на трех различных уровнях: территориальном / региональном, общенациональном / государственном, межгосударственном / европейском.

В создании монографии приняли участие опытные исследователи различных, прежде всего социально-политических, аспектов отечественной и всеобщей истории XIX – начала XXI в. Доктором исторических наук, профессором кафедры истории и документоведения Томского государственного университета В.Н. Кудрявцевым подготовлена первая глава, посвященная проблемам соотношения в русской общественно-политической мысли второй половины XIX в. различных концепций национальной идентичности, а также проектов решения национальных проблем на западных рубежах империи (с. 22–111). Сопоставление взглядов известных консерваторов, либералов и социалистов на польский, малороссийский, белорусский и литовский вопросы в сочетании с вопросом русским позволило автору выявить противоречия внутри концепций, показать специфику, отличавшую их друг от друга, выявить их общее место – несогласие российских авторов с идеями национального суверенитета поляков, украинцев и других народов, проживавших на западе Российской империи, а также попытаться показать «практическую слабость» всех концепций и проектов в существовавших исторических условиях. Однако данный раздел монографии не содержит специального анализа вариантов применения в политике или иных социокультурных практиках указанных концепций. Поэтому вывод об их «практической слабости» выглядит гипотетическим. Детальный разбор авторских позиций, позволивший автору главы справиться с задачей определения степени целостности общерусского национального дискурса второй половины XIX в., стоило, на наш взгляд, дополнить характеристикой адресата концепций и проектов. Кроме того, острота современного конфликта России с Украиной и странами Евросоюза неизбежно отражается на ожиданиях от этой главы читателя, которому будет интересно возможное мнение автора о степени влияния подвергнутых анализу концепций на общественное сознание и фактическое формирование социальных идентичностей народов российской империи, а также их потомков, в том числе ныне живущих.

Вторая глава коллективной монографии раскрывает вопросы конструирования сибирской идентичности с учетом как региональных, так и общероссийских интересов. Проблемы региональной самоидентификации жителей Сибири на разных исторических этапах исследовались многими крупными историками, такими как А.В. Ремнев, М.В. Шиловский, Н.Н. Родигина, М.К. Чуркин, а также философами (А.В. Головинов), социологами (А.Э. Зайнутдинов), этнографами (М.А. Жигунова), однако до сих пор, как верно отмечают авторы монографии, отсутствовала комплексность в изучении многообразных форм и способов формирования региональной идентичности. Авторы же предлагаемой монографии попытались показать вариативность проявлений сибирской идентичности в разных исторических условиях, выявив как ее интегративный, так и дезинтегративный потенциал, ее «всплески» и «спады», обусловленные множеством объективных и субъективных факторов.

Доктором исторических наук, профессором кафедры российской истории Томского государственного университета В.В. Шевцовым предложен обзор региональной периодики второй половины XIX в., ярко отразившей становление в Сибири публичного дискурса, центральной проблемой которого стало соотношение центра и региона (с. 22–111). Подчеркивается, что во второй половине XIX в. обсуждение в печати вопросов сибирской идентичности не вело к сепаратистским идеям, концентрируясь на выражении необходимости прогрессивного развития Сибири. А сибирские публицисты, печатавшие свои работы на страницах частных периодических изданий, фактически обретали харак-

тер параллельной официальной власти общественной силы, способной менять общественное сознание. Созданные ими образы Сибири и сибиряков оказались устойчивыми во времени и даже стереотипными. В.В. Шевцов выявил ряд характерных черт образа «сибирства» в региональной периодике (с. 120–121). Заметим, что периодика советского времени активно использовала эти образы. Так, наш собственный опыт изучения нарративов журнала «Сибирские огни» позволяет говорить об актуализации в советское время негативных характеристик Сибири в прошлом, а также использовать критику сибирских реалий авторами второй половины XIX в. для доказательства пренебрежительного отношения власти к Сибири в «эпоху царизма» и демонстрации изменения этого отношения центра к региону при советской власти. В то же время «объединение различных категорий населения Сибири в единую категорию “мы”» («особый тип сибиряка», «сибирская цивилизация» и др.) игнорировалось советской печатью, акцентировавшей, по нашим наблюдениям, монолитное единство советского народа и крайне осторожно говорившей о своеобразии этносов и жителей отдельных регионов. Лишь на рубеже 1980–1990-х гг. эта черта образа «сибирства», выявленная В.В. Шевцовым, актуализировалась.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета О.А. Харусь охарактеризовала практические шаги сибирских регионалистов начала XX в. в реализации их идей на уровне публичной политики, показав движение от борьбы за признание Сибири полноценной частью России в правовом и социально-экономическом смыслах до борьбы за политическую автономию края, а также затухание этого движения с приходом к власти большевиков, при которых идеи автономии жестко дискредитировались (с. 126–144). В этой части монографии приводятся убедительные доказательства усиления тенденции политизации процессов, связанных с конструированием сибирской идентичности, на фоне обострения кризиса государственности. Это наблюдение представляется нам особенно ценным, поскольку дает основания акцентировать внимание на сохраняющей актуальность в современности проблеме общественной полезности регионализма, который на фоне политических кризисов рискует превратиться в разрушительную силу.

Как показывает обзор, подготовленный доктором исторических наук, профессором кафедры российской истории и кафедры антропологии этнологии Томского государственного университета И.В. Нам, на рубеже XX–XXI в. сибирский регионализм прошел этап своеобразного «ренессанса», спровоцированного распадом СССР, ослаблением центральной государственной власти и распадом советской идентичности (с. 144–170). Сибирская региональная идентичность быстро актуализировалась и политизировалась. Исследование показывает, что претензии сибиряков к центру выстраивались вокруг проблем бюджета и финансирования региона, когда сверхприбыли от добычи полезных ископаемых в Сибири уходили преимущественно в федеральную казну. Автору этого раздела удалось показать спектр политических движений, в том числе и сепаратистских, в идейной основе которых лежали сформированные ранее представления о Сибири как об особой территории, извечно ущемляемой центром, и о сибиряках как об общности, имеющей отличительную специфику и потенциал для самостоятельного политического развития. Сопоставление практик различных течений сибирских «националистов» и «регионалистов» позволило оценить степень серьезности их претензий и устремлений, а также выявить факторы успешности их борьбы. Невозможность публичной деятельности региональных партий в Сибири стала проявляться, как следует из исследования И.В. Нам, с укреплением вертикали власти в России. Однако изучение активности субъектов интернет-пространства, пытающихся развивать региональное самосознание сибиряков и в настоящем, показывает не только жизнеспособность сибирского регионализма, но и его актуальность на уровне общественного сознания. Как следует из выводов, в настоящее время региональная идентичность в Сибири не вступает в конфликт с общероссийской гражданской идентичностью и не несет в себе сепаратистских устремлений. При этом напрашиваются вопросы о перспективах развития регионального самосознания сибиряков в настоящем и ближайшем будущем, а также о факторах, от которых зависят его интеграционные и дезинтеграционные потенциалы. Но, показав сформированность и устойчивость основных конструктов, составляющих сибирскую идентичность, авторы главы лишь вскользь касаются этих вопросов.

Третья глава монографии, авторами которой стали доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета Л.В. Дериглазова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета Д.С. Коньков, а также кандидат исторических наук, доцент Г.В. Грошева переключает читателя на проблемы формирования социальной идентичности европейцев в контексте проблематики евроинтеграции в хронологических рамках 1992–2016 гг. (с. 177–263). В центре их исследовательского внимания находится наполнение определенным смыслом понятия идентичности институтами ЕС, а также различными институтами стран ЕС в процессе конструирования наднациональной идентичности. По выводам авторов, после Второй мировой войны существенно изменилось понимание того, что такое Европа, которая стала осмысляться, скорее, не как географическое, а как политико-экономическое и символическое понятие. Глава характеризует особенности целенаправленной деятельности Евросоюза по формированию евроидентичности, которая включает концептуализацию ценностей, развитие общей для ЕС наднациональной правовой базы и активного поля символического взаимодействия и повышение влияния ЕС на повседневную жизнь европейцев. Авторы обращают внимание на ряд противоречий между декларациями Евросоюза и реальностью, которая отражает невозможность справиться с проблемами правового неравенства всех стран союза и обеспечить всем равный доступ к общим благам. Отмечается и подспудная подмена понятия «Европа» понятием «Ев-

росоюз» в ходе конструирования идентичности. Глава содержит важный вывод о результатах этой деятельности, состоящий в том, что для европейцев их национальная идентичность остается доминирующей над идентичностью «граждан ЕС». Отношение же россиян к Евросоюзу и возможность идентифицировать себя с европейцами показывает зависимость, прежде всего, от политики. Как следует из этой части монографии, в настоящее время россияне преимущественно отмежевываются от Европы.

Опыт изучения формирования идентичности «граждан ЕС» представляет несомненный практический интерес для современной России, стремительно отдаляющейся от Европы и ищущей самоопределения. Знакомство с этой частью монографии внушает убеждение в том, что российские подходы к конструированию «цивилизационной» идентичности испытали влияние европейского опыта. Об этом, в частности, свидетельствует попытка определить «российские ценности» путем обращения к избранной русской классике и материалам современных соцопросов. Аналогичный опыт уже имеется в ЕС. Перечень ценностей, «установленных» с помощью российских опросников, нарочито отличается от европейских вплоть до игнорирования ценностей мира и свободы (пресловутый «пентабазис», предлагаемый в рамках нового обязательного вузовского курса «Основы российской государственности»). Одновременно калькируются отдельные лозунги ЕС, к примеру «единство в разнообразии» (применительно к этноконфессиональной сфере). Не отличаются от европейских и методы воздействия на общественное сознание через реформирование правовой базы, подчинение СМИ, прежде всего телевидения, и системы образования задачам формирования гражданской идентичности. Степень осознанности российскими акторами, участвующими в указанных процессах, сходства этих и иных подходов и приемов к конструированию идентичности с европейскими до конца не ясна. Однако хочется надеяться, что более глубокое знакомство с европейским опытом в конструировании гражданской идентичности должно помочь нашим соотечественникам лучше понять собственные цели, продумать стратегию развития и спрогнозировать результаты своей «конструкторской» деятельности. В этом смысле новая монография наших томских коллег может представлять значительную практическую пользу. Тем более что заключающие ее параграфы содержат результаты анализа опыта более или менее удачного конструирования евроидентичности в Германии и Великобритании. Обращает на себя внимание и то, что авторы этих частей убедительно показывают влияние фактора коллективной исторической памяти на реализацию задач формирования наднациональной идентичности ЕС. В частности, фиксируется, что в Западной Германии можно наблюдать высокую степень принятия наднациональной идентичности ЕС, поскольку переключение внимания на эту идентичность позволяет отстраниться от сложного национального прошлого. В Великобритании, которая гордится своей древней историей, возводимой к кельтам, научно-педагогическим сообществом историков не была принята общеевропейская идея поиска истоков европейской цивилизации в древнеримском наследии. Автор заключительного раздела монографии убедительно показывает связь выхода Великобритании из ЕС с приверженностью этой страны собственным традициям исторической памяти, сопротивляющейся навязыванию нарративов, которые ей противоречат.

Монография завершается кратким заключением, которое можно было бы назвать послесловием, поскольку развернутые выводы по отдельным частям исследования содержатся в каждой главе. В числе общих выводов обращает на себя внимание наблюдение о том, что всякое конструирование идентичности имеет двойственную природу: с одной стороны, в процессы конструирования включаются интеллектуальные элиты, действующие осознанно, с другой – массовые акторы, стихийно принимающие участие в этом процессе. Итог же конструирования обычно трудно предсказать, поскольку он зависит от множества факторов. Идентичность может послужить как разобщению, так и интеграции. При этом подчеркнем оптимизм авторов коллективной монографии, полагающих, что интеграционная роль идентичности все-таки сильнее дезинтеграционной (с. 13).

Подводя итоги, отметим, что в силу своей несомненной актуальности коллективная монография наших томских коллег обязательно найдет своих читателей, для которых знакомство с этой работой станет замечательным поводом задуматься о взаимосвязи и взаимозависимости процессов формирования социальной идентичности на разных уровнях: региональном, национальном, межгосударственном, а также о ее потенциальных возможностях в современном мире.

***Сведения об авторе*:**
Красильникова Екатерина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедрой истории и политологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: katrina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Krasilnikova Yekaterina I. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Political Sciences of Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 12.12.2023; accepted for publication 01.02.2024

Рецензия
УДК 94(470)“16/18”+930
doi: 10.17223/19988613/87/25

Невыученные уроки истории сквозь призму биографии Валериана Осинского – человека и революционера

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Аннотация. Представлена рецензия на монографию историка О.А. Милевского об идеологе русского политического террора революционере-народнике В.А. Осинском. Показано, что книга является первым в мировой историографии специальным исследованием биографии Осинского. На его примере анализируются типичные и специфические пути становления российской молодежи 1870-х гг. Новые данные подчеркивают бескомпромиссность противостояния власти и общества. Отмечается, что автором поставлен актуальный вопрос о допустимости политического насилия при отсутствии у граждан легальных возможностей для защиты человеческих прав. На основе жизнеописания Осинского сформулированы уроки истории, до сих пор не выученные российским обществом.
Ключевые слова: О.А. Милевский, революционное народничество, психоистория, политический террор, В.А. Осинский, биография, уроки истории

Для цитирования: Мауль В.Я. Невыученные уроки истории сквозь призму биографии Валериана Осинского – человека и революционера // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 197–202. doi: 10.17223/19988613/87/25

Book review

The unlearned lessons of history through the prism of biography Valerian Osinsky – a man and a revolutionary

Viktor Ya. Maul

Industrial University of Tyumen, Nizhnevartovsk, Russian Federation, VYMaul@mail.ru

Abstract. The article is a review of the monograph by historian O.A. Milevsky on the ideology of Russian political terror by revolutionary populist Valerian Andreevich Osinsky. Based on a thorough historiographical analysis, it is shown that the book is the first special comprehensive study of the life path of Valerian Osinsky in world historical science. The non-trivial title of the monograph, "Steps to the Scaffold", and the competent structural composition of the book are emphasized. The methodological basis of the monographic research is analyzed and its interdisciplinary nature is shown. Special attention is paid to the productivity of the psychohistorical concepts of Eric Erickson and Lloyd De Moze. Using the example of the hero of the monograph in four chapters-"steps", the author consistently analyzes the typical and specific ways of formation of the Russian youth of the 1870s, which turn it into an irreconcilable opposition to the autocratic regime. The main attention is paid to the generational conflict between the "fathers", the highest personification of which was the state, and the "children", that is, the radical youth. This conflict is shown as a reflection of the contradictions of two eras: the outgoing and the upcoming. The new data presented in the monograph once again emphasize the fact of uncompromising confrontation between the government and society in post-reform Russia. Attention is drawn to the fact that in Osinsky's life, as if in a mirror, the moral problems of the correlation of the purpose and means of political action were reflected in the absence of dialogue between the warring parties. When studying the activities of the Executive Committee of the Russian Social Revolutionary Party created by Valerian Osinsky, it is noted that the author raised a fundamental and urgent question about the permissibility of political violence in the struggle against the authorities in the absence of legal opportunities for citizens to protect human rights against administrative arbitrariness. Based on the biography of Osinsky presented in the monograph, the cruel lessons of history that have not yet been learned by Russian society are formulated.
Keywords: O.A. Milevsky, Revolutionary populism, Psychohistory, Political terror, V.A. Osinsky, Biography, History lessons

For citation: Maul, V.Ya. (2024) The unlearned lessons of history through the prism of biography Valerian Osinsky – a man and a revolutionary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 197–202. doi: 10.17223/19988613/87/25

© В.Я. Мауль, 2023

Статья написана в виде рецензии на монографию Олега Анатольевича Милевского, посвященную жизни и деятельности видного революционера-народника Валериана Андреевича Осинского (1852–1879) [1]. Честно признаюсь, при всем изобилии научных и квазинаучных изданий по различным аспектам истории, давно не приходилось держать в руках настолько интересную и эвристически насыщенную книгу, в которой судьба незаурядного человека предстает заложницей глобальных, но крайне неоднозначных процессов развития пореформенной России. Книга интересна по стилистике написания – очень живым, отнюдь не сциентистским языком, по глубине поднятых и решаемых автором социальных, экономических, политических, этических и других проблем российской действительности в один из самых переломных моментов ее истории. Перед нами первый в отечественной и зарубежной исторической науке удачный опыт развернутого жизнеописания одного из творцов русского политического террора – человека, долгое время остававшегося на обочине специального внимания историков-народниковедов. Одно только это обстоятельство возводит книгу О.А. Милевского на высокий историографический пьедестал как заполнение очередной существенной лакуны в нашем прошлом с его яркими сюжетами, великими свершениями и разочаровывающими неудачами. Даже при внимательном чтении монография производит впечатление практически полного отсутствия сколько-нибудь серьезных содержательных и иных изъянов, притом что рецензент хорошо знаком с большинством предыдущих работ автора, выполненных в биографическом жанре [2, 3]. Имея в виду появление в последние чуть более десяти лет ряда исследований о заметных персонах в народническом лагере (С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Чарушин, С.Г. Ширяев), можно сказать, что рецензируемая книга не только вписывается в наметившийся научный тренд, но и сама формирует новый историографический мейнстрим.

После ранее прочитанных «историй» народничества, землевольчества, народовольчества и иже с ними сразу же привлекает внимание нетривиальное название монографии – «Ступени на эшафот», будто изначально программирующее экзистенциальный вектор биографических траекторий Валериана Осинского. Его жизнь автор разделил на четыре «ступени»: «Становление», «Начало пути», «Борьба» и «Гибель». В соответствие с ними приведена четкая структурная композиция книги, в которой каждый из четырех больших блоков-«ступеней» состоит из трех глав. Их тематика, на первый взгляд, создает обманчивое впечатление всего лишь хронологически последовательного событийного нарратива. Повествование, казалось бы, развивается по классической позитивистской схеме: детство, юность, зрелость, старение и умирание. В более благополучную пору так могло бы быть и с ним. Да вот незадача, в судьбе В.А. Осинского весь путь от рождения до смерти уместился в короткие двадцать шесть с половиной лет, прожитых, что называется, с надрывом, на износ. С учетом отведенного ему скромного срока невольно соглашаешься с суждением о быстром взрослении Валериана [1. С. 46–47]. Все стадии роста сжались во времени, то, что у других людей занимало долгие годы, у В.А. Осинского пролетало буквально за мгновение. Видим, как по достижении 14-летнего возраста в семье только-только стали обсуждать перспективные планы на будущее мальчика, только-только начались «разговоры о необходимости получения Валерианом гимназического аттестата» [1. С. 86], а между тем жизни той ему остался какой-то десяток с небольшим лет, как оказалось, достаточных, чтобы вписать его имя в скрижали истории.

Достоинством рецензируемого сочинения является взвешенный историографический обзор основных трудов по теме народничества и народнического террора от С.С. Татищева, В.Я. Богучарского и А. Туна до современных исследователей О.В. Будницкого, О.Н. Квасова и др. Комплиментарных оценок заслужил известный народниковед Н.А. Троицкий, работавший в традициях советской историографии, другим ее представителям также уделено достаточное внимание. В то же время публикации сегодняшних украинских историков критикуются за передергивание исторических фактов, субъективизм и идеологическую ангажированность, направленные «на подчеркивание особенностей украинской нации» [1. С. 22–23]. Впрочем, за отступление от принципа историзма изрядная порция критики достается и некоторым российским псевдоученым, которые в угоду конъюнктуре «здравым смыслом откровенно пренебрегают» [1. С. 21–22]. По сути, данный вроде бы вводный раздел книги на поверку оказывается не просто ритуальной констатацией научных достоинств и недостатков предшественников, а глубоким полемическим анализом степени изученности народнической проблематики, обосновывающим необходимость создания биографической галереи революционного народничества, где портрету В.А. Осинского, чья жизнь и судьба в деталях восстановлены в монографии О.А. Милевского, будет принадлежать почетное место.

Поставленная цель объективного, без прикрас, изучения жизненного пути Валериана Осинского, причин радикального мировоззренческого переворота, произошедшего с ним и многими представителями его поколения, обусловила необходимость соответствующей гносеологической стратегии, основанной на методологическом синтезе и междисциплинарном подходе при скрупулезном следовании за документом. Но там, где его источники молчат, автор не желает молчать вслед за ними и обращается к исторической реконструкции, которая оказывается уязвимым местом предложенных интерпретаций ввиду их источниковедческой неверифицируемости. Ключевая ставка делается на познавательный потенциал разнообразных психоисторических учений, но ограниченность их возможностей давно не является секретом. «Было бы, конечно, упрощением отрицать всякую научную результативность “психоисторических” изысканий», – считают ученые, однако «теоретические претензии приверженцев этой дисциплины и полученные ими практические результаты требуют к себе постоянного критического внимания» [4. С. 271, 272]. По словам Б.Г. Могильницкого, своей «практикой психоистория так или иначе обозначила центральную методологическую проблему историко-

антропологических или ментальных исследований – проблему выявления и расшифровки связей мира материального, вещного и мира умонастроений, идей, к которому настойчиво подбиралась гуманитария второй половины XX в. Однако в рамках психоистории постулировавшаяся цель методологического синтеза не была достигнута» [5. С. 194].

Тем не менее именно к психоистории обращается О.А. Милевский в стремлении постичь телеологию духовных исканий и поведенческой активности своего героя. Понять авторские предпочтения не так уж сложно. Когда нет прямых доказательств, психоистория в самом деле помогает связать разрозненные, случайные, ненамеренные и косвенные подсказки источников в единое целое. Проблема, как уже говорилось, только одна – верификация, ибо больше чем на вероятностный характер выводов историку в таком случае не приходится рассчитывать. Из всего богатого арсенала психоистории на вооружение было взято два зачастую конкурирующих подхода: концепция «кризиса идентичности» американского психоаналитика Э. Эриксона и «психогенетическая» теория американского же исследователя Л. Де Моза. Они дополняются взглядами французского историка Ф. Арьеса о ребенке и семейной жизни в феодальной Европе и умозаключениями светил отечественной психологической школы Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина. Незаурядное мастерство историка проявилось в том, что при очевидной сложности конструирования междисциплинарных методологий О.А. Милевский справился со стоявшей перед ним нелегкой задачей. Даже там, где утверждения приобретают гипотетический вид, им, безусловно, веришь, без особых оговорок соглашаешься, что так действительно могло быть. Правдоподобность вместо доказательств – эффектный и эффективный познавательный прием, в принципе, позволяющий преодолеть досадное отсутствие прямых указаний документов. Например, это касается интересных рассуждений о литературных предпочтениях и круге чтения В.А. Осинского, оказавших влияние на «картину мира» тогдашней молодежи. Логика здесь точно на стороне автора: большинство народников читали названные книги (известно из их мемуаров); В.А. Осинский – народник. Следовательно, он тоже читал эти книги. Обоснованность авторских силлогизмов порой находит прямое подтверждение, когда названия любимых произведений встречаются в «Материалах к биографии Валериана и Анастасии Осинских», подготовленных их сестрой Людмилой, или в его собственных признаниях, пусть даже дошедших до нас через вторые руки. Но если у кого-то из читателей все равно остается толика недоверия, справедливости ради заметим, что О.А. Милевский не злоупотребляет таким, как могло бы им показаться, сомнительным исследовательским приемом, обращаясь к нему только тогда, когда без него нельзя обойтись. Допустим, в поисках разного рода психосоциальных травм, становившихся ментальными катализаторами развития личности В.А. Осинского. В качестве таковых можно привести не только периодическое самодурство отца в детские годы Валериана и т.п., но особенно ярко – знаменитую «Боголюбовскую историю», подробностям и последствиям которой неслучайно отведена отдельная глава [1. С. 210–235].

В первом разделе монографии рассмотрена бóльшая часть жизни В.А. Осинского – детство, ученичество, студенчество (1852–1875), прошедшие отнюдь не безмятежно и подготовившие его к сознательному выбору в пользу бескомпромиссной борьбы, сделанному, однако, не сразу, а после месяцев смятений и раздумий. О.А. Милевский пишет: «В нем боролись чувство долга перед семьей и острое желание найти свой путь в жизни, свое предназначение» [1. С. 139]. Но добиваться этого приходилось в дозирующих свежие веяния рамках самодержавной России. Провозгласив курс на либеральные реформы, власть объективно нанесла удар по главным общественным скрепам, одновременно продолжая цепляться за охранительную уваровскую триаду в виде замшелых стародавних ценностей. Глубина противоречий между надеждами и реалиями, как большая ложь изжившей себя эпохи, подобно камертону ощущалась тогдашней молодежью, усугубляя раскол с поколением «отцов», высшим олицетворением которого было государство. Впрочем, в дополнение автору, поколенческий конфликт был лишь подводной частью большой проблемы противостояния власти и общества, власти и народа в пореформенный период. Негативное влияние крестьянской реформы на уровень жизни простых землепашцев вкупе с упорной настойчивостью правительства в ее проведении также привели к размаху массовых выступлений промонархически настроенной деревни едва ли не повсеместно. В том числе в юго-западных губерниях [6], ставших вскоре эпицентром политической активности группы В.А. Осинского. А пока «житейский антураж не мог заменить ему той душевной пустоты, в которой он пребывал, оставаясь в стенах института» [1. С. 150], и потому предпочел отказаться от получения инженерного образования. «Его порывистая натура жаждала служения чему-то большему – справедливому переустройству действительности во благо простого народа, о чем гласили книги, которые он читал» [1. С. 146].

О.А. Милевский, безусловно, прав, акцентируя необычайно важную мысль о душевной опустошенности героя, которая словно типовой маркер воплощает в себе ментальный рецепт любого революционного «блюда». Поскольку на неизбежно возникавший вопрос, как добиться желаемого переустройства, Валериан и его единомышленники не могли получить приемлемого ответа от старшего поколения, они вырабатывали собственные ценностные ориентиры и пути их воплощения своими же силами. Сделанный выбор переформатировал, по сути, мирных мечтателей-пропагандистов в радикальную оппозицию самодержавию, а нежелание власти вести конструктивный диалог прокладывало прямую дорогу к революции. Именно так случилось с В.А. Осинским. Во время его проживания в Ростове-на-Дону в роли сотрудника земских учреждений на рубеже 1875–1876 гг. «с ним произошел своеобразный мировоззренческий катарсис» [1. С. 164]. Дотошному выяснению обстоятельств, превративших земского служащего в активного участника подпольного движения, посвящен второй раздел книги, хронологически охва-

тывающий двухлетний отрезок с 1876 по январь 1878 г. Похороненная неудачами «хождения в народ» иррациональная вера «революционной молодежи в “социалистические инстинкты” мужика» [1. С. 172] требовала переосмысления и поиска новых форм смычки пропагандистов с селом. Одной из них стало создание централизованной народнической организации «Земля и Воля», в которой В.А. Осинский в силу личных качеств вошел в состав дезорганизаторской группы. Помимо прочего в ее задачи входили налаживание связей с тюрьмой и организация побегов политических узников. Но вскоре Валериан и сам оказался сидельцем в Доме предварительного заключения, сполна ощутив все «прелести» острожного бытия. В тот период происходит его знакомство со многими яркими представителями революционного движения, признанной частью которого он оставался до конца жизни. Далее последовала упомянутая «Боголюбовская история», до боли прозрачно показавшая униженным и оскорбленным, – в борьбе за человеческое достоинство с чудовищным произволом власти можно разговаривать только насилием, другого языка она не понимает. В подтверждение сказанному О.А. Милевский приводит потрясающие слова знаменитого российского юриста А.Ф. Кони о том, что именно «с сечения Боголюбова надо считать начало возникновения террористической доктрины среди нашей “нелегальной” молодежи» [1. С. 224]. Заметно радикализировались и взгляды самого В.А. Осинского, отныне он психологически свыкся с непривычной для себя мыслью и, судя по имеющимся данным, первым поднял вопрос о неизбежности террористических методов [1. С. 226–227].

Подробности этой борьбы, развернувшейся на юге России с центром в Киеве, излагаются в третьем и самом объемном разделе монографии, хотя речь идет о небольшом промежутке времени, составившем меньше года (начало апреля 1878 – начало января 1879 г.). Главное содержание трех глав сводится к насыщенному фактами описанию подготовки, образования и практической деятельности так называемого Исполнительного комитета русской социально-революционной партии, а также выяснению роли в нем героя книги. Собранные материалы позволили О.А. Милевскому утвердительно заявить, что здесь, на юге, за короткий срок В.А. Осинский «смог создать в Киеве очень мощный революционный форпост, по степени активности и урону, наносимому власти, вполне сопоставимый со столичным аналогом, а в чем-то его даже превосходивший» [1. С. 298]. Не останавливаясь на перечислении всех актов политического террора, совершенных организацией, замечу, что на время им действительно удалось заставить власть считаться с собой, посеять панику в сердцах гражданской администрации, блюстителей закона и завоевать популярность в обывательских кругах. Слухи о неуязвимости террористов широко расползались по югу страны, поднимая градус социальной напряженности и лишая покоя местных правоохранителей. Самыми громкими делами таинственного ИК РСРП, вызвавшими всеобщий переполох, были неудачное покушение на товарища Киевского губернского прокурора М.М. Котляревского [1. С. 275–280], убийство адъютанта губернской жандармерии барона Г.Э. Гейкинга [1. С. 317–318] и организация побега инициаторов нашумевшего «Чигиринского заговора» Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского из Киевского тюремного замка [1. С. 318–330; 7. С. 114–115]. В первой и последней акциях В.А. Осинский принимал непосредственное участие. Анализируя деятельность южан, автор вновь обращается к психологическим трактовкам их поведения. Он отмечает, что бессилие жандармов и полиции наряду с собственными удачными мероприятиями вскружили им головы. Бдительность утратил даже лидер Исполнительного комитета. Между тем череда кадровых перестановок в Киевском губернском жандармском управлении заметно повысила результативность ответных мер. Главную роль в этом сыграл помощник начальника ГЖУ штабс-капитан Г.П. Судейкин – восходящая звезда политического сыска, при поддержке своего шефа полковника В.Д. Новицкого [7. С. 118–123; 8. С. 198–208].

С разгрома ИК и ареста революционеров начинается четвертый раздел книги, повествующий о превратностях тюремного заключения, следственных мероприятиях, обстоятельствах судебного процесса и предвзятости главного обвинителя В.С. Стрельникова, вынесении смертного приговора и повешении В.А. Осинского с двумя товарищами. Не будем вслед за организаторами казни патетически восклицать о якобы свершившемся справедливом возмездии. Как показала монография, понимать справедливость можно по-разному, да и не к лицу власти опускаться до банальной мести по отношению к поверженному противнику. Вместо этого лучше задумаемся, какие выводы можно сделать из биографии В.А. Осинского, чтобы подобные трагедии, словно в замкнутом круге истории, не повторялись вновь и вновь. Кстати, многие из них сформулированы самим О.А. Милевским в заключительном разделе книги, удачно названном «Эпилог», – как подведение итогов проделанной работы и печальная эпитафия к судьбе ее героя, которая показана имманентной частью общей трагедии целого поколения «семидесятников».

Первая по значимости мысль заключается в призыве не применять к оценкам слов и дел В.А. Осинского с единомышленниками «клише из современных оценок терроризма». Иначе говоря, «не подменять исследовательский подход судебно-прокурорским» [1. С. 540, 541]. К сожалению, опасения автора небеспочвенны: в наши дни подобные конъюнктурные параллели между «вчера» и «сегодня» политического террора стали едва ли не повсеместными. Однако такое поверхностное отождествление, по сути, не помогает, а затрудняет познание природы изучаемого феномена, рождая необоснованную убежденность, будто они явления единого порядка, и одно можно понять, исходя из другого. Для того чтобы окончательно застрять в плену иллюзий, осталось только наложить табу на изучение темы и солидаризоваться со страусиной позицией И.В. Сталина, обоснованной после убийства С.М. Кирова: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов» [1. С. 13].

В связи с этим автор полагает ошибочным считать В.А. Осинского и прочих сторонников народнического

террора кровавыми вурдалаками, будто бы не ведавшими ничего человеческого и жаждавшими без конца убивать людей, чтобы принести на жертвенный алтарь победы как можно больше невинных жизней. Демонизировать даже противников, как это часто делалось и делается, значит легковесно отмахнуться от выяснения глубинных причин морально-этической проблемы целей и средств, что также чревато опасными последствиями. Напротив, монографическое исследование на конкретных примерах показало, насколько тонкими, душевно ранимыми, зачастую романтическими натурами были многие из тех, кто под давлением непреодолимых обстоятельств вынужден был браться за оружие и переживать о нравственной оправданности жестокого выбора. Ради народного счастья они, подобно Валериану, готовы были отдавать и отдавали прежде всего собственные жизни. Заслугой О.А. Милевского является то, что он не поддался соблазну официозного мифотворчества, не стал карикатурно изображать В.А. Осинского и других народников жестокосердными преступниками, маргиналами на обочине общественно-политической жизни. Напротив, со страниц книги предстает вызывающая симпатии личность главного героя, интеллигентного, вполне светского и необычайно обаятельного человека, тем не менее ставшего идеологом русского политического террора и сложившего голову в борьбе за царство свободы. Неудивительно, добавим от себя, что ореол мучеников за правое дело на протяжении десятилетий порождал легенды об этих несгибаемых людях. Так, видный большевик Валериан Валерианович Оболенский в знак глубокого уважения даже взял псевдоним в честь своего революционного кумира – Осинский.

Знакомство с биографией Валериана Осинского, как и многих его товарищей по борьбе, наводит на грустную мысль о трагедии личности в эпоху перемен. Трагедии – для них самих и общества в целом, ибо по своим задаткам и богатству дарований они не должны были оказаться «лишними людьми» в той стране, что получила импульс великих реформ и стремилась к обновлению. О светлом будущем для Отечества мечтал любой представитель поколения «семидесятников». Но сильными мира сего их таланты не были востребованы, уж очень заметно разнились вожделенные ими образы этого будущего. Пытаясь чрезмерными репрессиями сломить непокорную деятельную молодежь, они оттолкнули от себя потенциальных союзников, превратив в непримиримых врагов. В результате в патерналистском государстве старый как мир конфликт «отцов» и «детей» приобрел ожесточенный антагонистический характер взаимного неприятия исповедуемых ценностей. О.А. Милевский верно заметил, что в 1870-е гг., сделав ставку на самые крайние и жестокие меры воздействия, «власти и не подозревали, какой ящик Пандоры они открывают и чем все в конце концов обернется» [1. С. 530]. Из жизненной драмы каждого «семидесятника» и героя книги в частности давно следовало бы извлечь и твердо усвоить уроки, горькие, но необходимые, однако, судя по всему, та пронзительная история и поныне ничему никого не научила. Будем надеяться, что подспорьем в адекватном постижении прошлого станет монография О.А. Милевского.

Список источников

1. Милевский О.А. Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб. : Алетейя, 2023. 560 с.
2. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М. : Полит. энцикл., 2017. 696 с.
3. Репников А. В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М. : Academia, 2011. 560 с.
4. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория» : (критический очерк). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 273 с.
5. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Вып. III: Историографическая революция. 554 с.
6. Мауль В.Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2021. № 2. С. 56–68.
7. Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 114–126.
8. Милевский О.А. Восхождение инспектора: первый год жандармской службы Георгия Порфирьевича Судейкина в Киеве // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 195–220.

References

1. Milevskiy, O.A. (2023) *Stupeni na eshafot. Zhizn' i sud'ba Valeriana Osinskogo, ideologa russkogo politicheskogo terrora* [Steps to the scaffold. The life and fate of Valerian Osinsky, the ideologist of Russian political terror]. St. Petersburg: Aleteyya.
2. Milevskiy, O.A. & Panchenko, A.B. (2017) *“Bespokoynyy Klements”: opyt intellektual'noy biografii* [“The Restless Clemenz”: An intellectual biography]. Moscow: Polit. entsikl.
3. Repnikov, A.V. & Milevskiy, O.A. (2011) *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [Two lives of Lev Tikhomirov]. Moscow: Academia.
4. Mogilnitskiy, B.G., Nikolaeva, I.Yu. & Gulbin, G.K. (1985) *Amerikanskaya burzhuaznaya “psikhoistoriya”: (kriticheskiy ocherk)* [American bourgeois “psychohistory”: (a critical essay)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Mogilnitskiy, B.G. (2008) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka* [History of historical thought of the 20th century]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
6. Maul, V.Ya. (2021) V tsepi Velikikh reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskiy uezd, Kievskaya guberniya) [In the chain of Great Reforms: a state-owned village at a turning point (Chigirinsky district, Kyiv province)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 2. pp. 56–68.
7. Maul, V.Ya. (2014) Lozhnoe ekho “Chigirinskogo zagovora” v sud'be ober-konduktora Chaykovskogo [A false echo of the “Chigirin conspiracy” in the fate of Chief Conductor Tchaikovsky]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 4(42). pp. 114–126.
8. Milevskiy, O.A. (2021) Voskhozhdenie inspektora: pervyy god zhandarmskoy sluzhby Georgiya Porfir'evicha Sudeykina v Kieve [The rise of the inspector: The first year of Georgy Sudeikin’s gendarme service in Kyiv]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 4(70). pp. 195–220.

***Сведения об авторе*:**
Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: VYMaul@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Maul Viktor Ya. – Doctor of History, Professor of Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2023; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 16.12.2023; accepted for publication 01.02.2024

Рецензия
УДК 379.851
doi: 10.17223/19988613/87/26

Рецензия: Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p.

Дмитрий Михайлович Нечипорук[1], Анастасия Владимировна Горелко[2]

[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] d.m.nechiporuk@utmn.ru
[2] an.v.gorelko@utmn.ru

Аннотация. Публикация посвящена монографии профессора европейской и всемирной истории Университета Новой Англии Эрика Зулова “A History of Modern Tourism”. Обсуждаются достоинства и недостатки работы, дается краткое содержание глав с акцентом на особенности формирования и эволюции современного туризма на протяжении нескольких веков. Особое внимание уделяется возникновению инновационных практик по развитию массового туризма в XIX–XX вв. Делается вывод о том, что монография закрывает важный пробел в историографии развития западного туризма, в то же время заставляя задуматься о необходимости написания истории международного туризма без оглядки на европоцентризм.
Ключевые слова: Великобритания, Россия, США, гран-тур, история туризма, путешествия

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23–28–01108 «Сибирь в англо-американских травелогах: формирование современных образов края во второй половине XIX – первой четверти XX в.».

Для цитирования: Нечипорук Д.М., Горелко А.В. Рецензия: Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 203–206. doi: 10.17223/19988613/87/26

Book review

Review: Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p.

Dmitry M. Nechiporuk[1], Anastasia V. Gorelko[2]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] d.m.nechiporuk@utmn.ru
[2] an.v.gorelko@utmn.ru

Abstract. The historiography of modern tourism by the mid-2010s could not boast of the availability of fundamental comprehensive work, which had explored thoroughly this phenomenon on international scale. «A History of Modern Tourism» which was written by Eric Zuleow, an American professor of European and World History at the University of New England (Maine), is an ambitious attempt to examine the evolution of the formation of contemporary tourism formats over several centuries. Nevertheless, the idea to show a rise of global tourism is only partially implemented on the pages of the book. The reader, for the most part, deals with a Eurocentric view of the history of tourism. Some of the chapters, in particular focusing on the history of the 19th century, have an even narrower perspective. The author, first of all, focuses on the emergence of mass and popular tourism in Great Britain and the USA. The experience of Germany, Austria and Italy and other countries in that field has remained on the sidelines of the author's view. Meanwhile, a history of tourism in Russia has paid considerable attention in comparison with other European countries. Well aware of the limitations of his approach, Zuelow occasionally illustrates the history of the expansion of modern tourism with examples from a wide variety of countries, including non-European ones. Zuelow's main focus is on technological innovations and new business approaches that finally led to the creation of the mass tourism market.

According to the author, a whole set of factors was important for the promotion of mass tourism: a new attitude to nature, the distribution of guide books among travelers, the improvement of trains and steamships in the second half of the XIX century. In the XX century, despite the global standards brought by the United States, tourism in many countries had its own specific. It depended, among others, on the type of political regime and cultural features of the country. In the second half of the 20th century, Western Europe managed to attract the attention of tourists from all over the world to its unique sights, while the USA turned into the main innovator of making the up-to-date leisure formats.

© Д.М. Нечипорук, А.В. Горелко, 2024

The author managed to write a brief history of modern tourism, choosing the British Empire as a starting point. However, the vastness of the topic and the need to explore a variety of aspects of the history of modern tourism has resulted in uneven coverage of subject in some chapters as well as quite superficial study of mass tourism trends at the global level.
Keywords: Great Britain, Russia, USA, Grand tour, history of tourism, travels

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation. Grant No. 23–28–01108 «Siberia in Anglo-American travelogues: making contemporary images of the country in the second half of the 19th century and the first quarter of the 20th century».

For citation: Nechiporuk, D.M., Gorelko, A.V. (2024) Review. Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. United Kingdom: Macmillan Education UK, 2015. XII + 290 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 87. pp. 203–206. doi: 10.17223/19988613/87/26

Историография международного туризма к середине 2010-х гг. не могла похвастаться наличием фундаментальных обобщающих работ, в которых подробно изучен феномен возникновения и развития современных путешествий, ставших во второй половине XX в. не просто распространенным видом отдыха, но и ощутимой частью мировой экономики. Монография американского историка, профессора европейской и всемирной истории в Университете Новой Англии Эрика Зулова «История современного туризма» стала амбициозной попыткой рассмотреть эволюцию современных форматов туризма на протяжении нескольких веков [1]. На практике осуществить замысел удалось лишь частично: читатель по большей части имеет дело с европоцентричным взглядом на историю туризма. Часть глав, в особенности посвященных XIX в., имеет еще более узкую перспективу. В них речь преимущественно идет о зарождении массового туризма в Великобритании и США, без подробного изучения опыта Германии, Австрии, Италии. Хорошо осознавая ограниченность своего подхода, Зулов время от времени иллюстрирует историю экспансии комфортабельного туризма примерами из самых разных стран, в том числе из истории туризма в России [1. С. 51, 140–143].

Исследование зарождения туризма в Великобритании важно, по мнению Зулова, в связи с тем, что именно британцы изобрели большинство форматов и правил, которые характеризуют туризм в том виде, в каком мы его знаем сегодня. Речь в первую очередь идет о продвижении внутренних и международных маршрутов, соединенных местами для пересадки, внедрении пакетных туров и обосновании идеи о полезности путешествий для духовного и физического здоровья людей.

Монография состоит из введения, десяти глав и заключения. В библиографию вошли источники и работы исключительно на английском языке [1. С. 239–275]. Зулов практически не использовал архивные источники, опираясь на англоязычные периодические издания и путеводители. Автор предпочел хронологический подход проблемному, чтобы показать историю современного туризма с XVII по XX в. как постоянный процесс усовершенствования способов передвижения, форматов отдыха и расширения географии путешествий. Зулов исследует, как появление новых видов транспорта сделало путешествия более доступными, а также как технологический прогресс сделал возможным массовый туризм по всему миру.

Во введении автор рассмотрел предысторию современного туризма, обратив внимание на тот факт, что до XVIII в. путешествия совершались по разным причинам, будь то рискованные приключения в незнакомых землях или религиозное паломничество, но приятное и расслабленное времяпрепровождение не было и не могло быть основной мотивацией странствующих. Автор определяет современный туризм как возможность распорядиться свободным временем в погоне за различными удовольствиями. Без развитой инфраструктуры гостеприимства, определенного уровня комфорта и безопасности, качественных дорог и удобных средств передвижения путешествия даже на не очень дальние расстояния были уделом немногих.

В главе 1 «Истоки» рассматриваются история и значение гран-тура, появление которого как устойчивой традиции в воспитании молодых аристократов связано с изменениями политической ситуации и появлением потребности в образовании через путешествия по историческим местам. В XVI в. европейские государства использовали новые формы дипломатии, и было необходимо обучать молодых людей, чтобы они могли соответствовать новым требованиям. Хотя Зулов прежде всего исследует английскую историю гран-тура, он не забывает упомянуть, что немецкое, французское и российское дворянство также активно путешествовало с целью обретения широкого кругозора [1. С. 16]. Применительно к Великобритании Зулов отмечает, что гран-тур помог сформировать обособленную идентичность земельной аристократии по отношению к остальному населению империи.

В главе 2 «Возвышенная и прекрасная» анализируется, каким образом у европейцев менялось отношение к природе и ее видам. Европейцы долгое время смотрели на океаны и горы с тревогой и беспокойством, однако развитие научной мысли начиная с XVII в., усилия голландцев по освобождению суши от моря и предотвращению наводнений, а также новаторские полотна художников-пейзажистов – все эти факторы помогли породить новые представления о Земле. До середины XVIII в. в Европе предпочитали не посещать горы, не имели представления о привлекательности морских пляжей и удовольствии от купания в море [1. С. 31–32]. Данные места представлялись как источник опасности, что подкреплялось цитатами из Библии и преданий. По мере распространения идей Просвещения, утверждения новых идей о возвышенном и прекрасном появлялись основания современных стандартов путешествия, возник образ полезных для ума и тела поездок, формировался набор ожиданий путешественников.

Глава 3 «Век пара» посвящена эволюции паровой энергии, в ней автор разбирает историю развития железных дорог в Великобритании и трансатлантических пароходов. Зулов обращает внимание, что новые способы передвижения не сразу стали восприниматься как удобные и безопасные; перелом в отношении произошел в последнюю треть XIX в. Усовершенствование двигателей и повышение уровня безопасности сделали путешествия более доступными и быстрыми. Это открывало возможности для развития новых направлений для посещения. Удешевление и большая вместимость поездов, в свою очередь, сделали туристические поездки доступными сначала для среднего класса, а потом и для рабочих, которые еще в первой половине XIX в. не могли позволить себе даже самый короткий отпуск. Развитие железных дорог привело к распространению коротких и длинных экскурсий, а также ночных поездок. Британский средний класс мог отныне совершать длительные путешествия в Соединенные Штаты и любое другое место, которое становилось доступным благодаря прокладке железной дороги и открытию пароходного сообщения. Туристические компании стали предлагать пакетные туры, т.е. организованные групповые туры с использованием как железных дорог, так и пароходов. Туризм становился глобальным, и появлялось все больше путеводителей (guidebook), рассказывающих людям, куда идти, что смотреть и как добраться до желаемого места.

В главе 4 «Оформление новых путешествий» рассматриваются новые виды развлечений для путешественников, которые возникли на протяжении XVIII и XIX вв. Решающее значение, по мнению Зулова, имело распространение пакетных туров, которые стали популярными благодаря бизнесу британской фирмы «Томас Кук и сын» во второй половине XIX в. Пакетные туры имели три важных преимущества. С их помощью клиентам предлагали идею заранее продуманной поездки с планом, возможность увидеть новое или познакомиться с новым видом отдыха и, наконец, совершить путешествие за доступные деньги [1. С. 61–64]. Начиная с отдыха на спа-курортах, которые стали относительно популярными среди знати в XVIII в., отдых на воде постепенно завоевывал доверие, став неотъемлемой частью отдыха к концу XIX в.; выезды к морю сначала предполагали лечение, прогулки и развлечения на берегу, а с 1860-х гг. на юге Англии стали создаваться клубы плавания. Вообще во второй половине XIX в. происходит рост популярности моря как одного из главных мест для отдыха. Зулов отмечает, что поведение на отдыхе и места для отдыха четко различались между британскими классами. Отдых для элит, с одной стороны, создавал образцы для среднего класса и рабочих, а с другой стороны, по мере роста популярности новых направлений неизменно стремился предложить новые «эксклюзивные» места для немногих [1. С. 74].

В главе 5 «Путеводители и важность осмотра достопримечательностей» рассказывается об эволюции путеводителей и открыток, а также о возможностях влияния туризма на ландшафты, восприятие истории и искусственную среду, создаваемую людьми. После того как туризм стал пользоваться широким спросом, издатели и предприниматели рассчитывали поддержать и подогреть спрос посредством публикации подробных путеводителей. Путеводители, которые сначала печатались для сравнительно небольшого числа путешественников, стали незаменимым массовым атрибутом туриста к концу XIX в. Это привело к эффекту «проторенной дороги»: все стали ездить по одним и тем же популярным маршрутам, видели по пути одно и то же и в конце концов становились такими же туристами, как все. Для аристократии и очень богатой буржуазии это создавало проблему размывания идентичности, которая решалась через создание маршрутов, отличных от популярных. Зулов в данной главе находит место для описания феномена литературного туризма, целью которого было посещение мест, где творили выдающиеся писатели или действовали герои художественных произведений. В этой части книги было бы логичным рассмотреть историю роста популярности художественных и документальных травелогов во второй половине XIX – начале XX в., но этот аспект глобального туризма автор книги не исследовал.

В главе 6 «Туризм в эпоху империй и национализма» Зулов не исследует, каким образом «век империй» и подъем национализма влияли на туризм. В этой части показывается, какие формы принимал массовый туризм во второй половине XIX – начале XX в. Вначале автор обращается к краткой истории проведения мировых выставок в крупных городах Европы, Австралии и Северной Америки. Одним из значений мировых выставок было то, что большое количество посетителей, по мнению Зулова, усвоило идею глобального мира, посмотрев на достижения и культуру различных стран. Далее автор исследует популярные и экзотичные направления колониального туризма в Британской империи: охотничьи поездки в Канаду, тропический туризм на Ямайку, который первоначально не пользовался большим спросом, пакетные туры в Египет и Австралию. История национального туризма показана на примере развития внутреннего туризма в США.

В главе 7 «Велосипеды, автомобили и самолет» рассматривается, как новые средства передвижения привели к созданию массового туризма по всему миру. Автор показывает, что распространение данных средств передвижения следовало традиционной траектории, когда товар со временем становился доступным для широкого круга потребителей. В конце концов все они стали неотъемлемой частью современного туризма, повлияв как на эволюцию путешествий, так и на образ жизни людей, сделав их жизнь мобильной и гибкой в плане выбора направлений туризма [1. С. 112].

Глава 8 «Туризм в межвоенные годы» посвящена туризму в период между мировыми войнами. Зулов выделяет три вида массового туризма, которые напрямую связаны с типами политических режимов – фашизмом, коммунизмом, демократией. Это деление на практике выглядит не очень убедительным, потому что из самого текста следует, что в таких разных странах с различными политическими режимам, как Италия, СССР, Франция, туризм работал на взращивание общих целей – патриотических чувств, единой нацио-

нальной и социальной идентичности. Автор, не являясь специалистом по истории Советского Союза, нацистской Германии, европейских стран межвоенного времени, опирается на готовые исследования, а не на тщательное изучение источников, что приводит к реферативному изложению и очень поверхностным выводам в конце главы [1. С. 148].

В главе 9 «Туризм в послевоенный период» автор подчеркивает, что Соединенные Штаты Америки занимают ведущее место в развитии туризма во всем мире [1. С. 150]. Кроме того, глобализация очень быстро привела к созданию всемирной неправительственной организации по продвижению и унификации стандартов туризма. Создание новых стандартов и облегчение способов пересечения границ осуществлялись прежде всего в западноевропейских странах, где были запущены долгосрочные интеграционные процессы. В послевоенное время в Европе была значительно расширена туристическая инфраструктура и проведена успешная международная рекламная кампания, которая быстро привела к росту числа туристов. Благодаря развитию сети воздушных рейсов по всему миру туризм становится заметной отраслью мировой экономики, а для некоторых стран – важнейшим источником пополнения национального бюджета. Зулов показывает этот тренд на примере малых островных стран Карибского региона [1. С. 162]. Все это происходило на фоне роста благосостояния людей в странах Европы, Америки, Азии.

В последней главе «Массовый туризм» автор обращается к истории форматов, развивавшихся во второй половине XX в. В США новый формат туризма был предложен мультипликатором Уолтом Диснеем, который создал Диснейленд как парк отдыха и развлечений для детей и их родителей. Сразу же Диснейленд стал не только местом семейного отдыха, но и символом, олицетворявшим американский подход к послевоенной индустрии туризма и развлечений, который распространился далеко за пределы США. Популярным становится семейный активный отдых с использованием личных автомобилей в поездках по стране или с выездом в кемпинг. В 1970-е гг. происходит распространение идеала «крутости», что оказывает сильное воздействие на форматы развлечений и рекламные кампании туристических фирм, которые начинают позиционировать силу впечатлений, независимость и ценность индивидуальной свободы путешествий.

В заключение необходимо отметить, что рецензируемая работа по истории современного туризма оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, автору в целом удалось написать краткую историю современного туризма, избрав отправной точкой Британскую империю, где внедрялись инновационные подходы к продвижению туризма. Читатель получит целостное представление об эволюции путешествий и о том, каким образом передвижение по суше и воде из опасного мероприятия превратилось в желанный вид отдыха. С другой стороны, обширность темы и необходимость исследовать самые разные стороны истории современного туризма привели к неровному повествованию в ряде глав и крайне поверхностному освещению тенденций на глобальном уровне. Книга много теряет из-за отказа автора поместить свою книгу в историографический контекст изучаемой проблемы во введении. Постоянные отсылки к известным англо-американским работам в главах не решают проблемы. Остается непонятным, то ли автор хотел закрыть существующий пробел в историографии, то ли таким образом обратил внимание на многообещающие перспективы по изучению международного туризма.

Список источников

1. Zuelow E.G.E. A History of Modern Tourism. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015. XII + 290 p.

References

1. Zuelow, E.G.E. (2015*) A History of Modern Tourism.* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

***Сведения об авторах*:**
Нечипорук Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru
Горелко Анастасия Владимировна – лаборант Сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: an.v.gorelko@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Nechiporuk Dmitry M. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Network Research Center “Man, Nature, Technology” of University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru
Gorelko Anastasia V. – Laboratory Assistant at the Network Research Center “Man, Nature, Technology” of University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: an.v.gorelko@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; принята к публикации 01.02.2024

The article was submitted 30.01.2024; accepted for publication 01.02.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 87

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 29.02.2024 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 25,8. Усл. печ. л. 23,9. Тираж 50 экз. Заказ № 5821. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.03.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru